С. Г. АРЕШЯН

АРМЯНСКАЯ ПЕЧАТЬ
и
ЦАРСКАЯ ЦЕНЗУРА

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՌ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
Մ. Աբեղյանի անվ. Գրականության ինստիտուտ

Ս. Գ. ԱՐԵՇՅԱՆ

ՀԱՅ ՄԱՄՈՒԼԸ ԵՎ ՑԱՐԱԿԱՆ ԳՐԱՔՆՆՈՒԹՅՈՒՆԸ

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՌ ԳԱ ՀՐԱՏԱՐԱԿՉՈՒԹՅՈՒՆ
ԵՐԵՎԱՆ — 1957

01
А-80
Ь2
14804

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
Институт Литературы им. М. Абегяна

С. Г. АРЕШЯН

АРМЯНСКАЯ ПЕЧАТЬ И ЦАРСКАЯ ЦЕНЗУРА

Ереван

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН — 1957

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук Армянской ССР

ОТ АВТОРА

Вопрос об армянской печати и царской цензуре до сих пор не освещался в специальных исследованиях. Ценные замечания, интересные наблюдения и публикации по цензурным материалам мы встречаем в монографиях, посвященных отдельным авторам, или же в истории армянской литературы, но все они носят эпизодический характер.

В книге мы не задавались целью представить исчерпывающую сводку цензурных преследований армянской печати. Нас интересовала цензурная политика в отношении армянской печати и вопрос о том, каким образом передовые деятели русской и армянской культуры объединенными усилиями, вопреки цензуре и помимо нее, проводили в подцензурной и нелегальной печати освободительные идеи, как эта печать способствовала формированию революционного мировоззрения.

В сложной идеологической борьбе, которая имела место в России XIX века, передовые, прогрессивные деятели разных национальностей, работавшие в области печати, постоянно сталкивались с цензурой, которая, по определению Маркса, была ни чем иным, как „официальной критикой"[1]. Эта официальная критика достаточно четко и полно отражала доктрины господствующих классов. Тем самым борьба с цензурой была по существу борьбой с господствовавшей официальной идеологией, являвшейся политическим оружием в руках дворянской, а затем буржуазно-дворянской монархии.

История армянской печати и царской цензуры рассматривается нами на широком фоне политических,

[1] К. Маркс. Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, том I, стр. 13.

культурных и литературных взаимоотношений русского народа с армянским. Вне многовековой перспективы дружественных связей русского и армянского народов невозможно правильное понимание вопросов развития армянской печати и той борьбы, которую приходилось выдерживать ее передовым деятелям с царской цензурой.

Велика и благотворна роль России в судьбах армянского народа. Россия предоставила армянам право убежища; армянским колониям были присвоены многие права и преимущества. Присоединением Восточной Армении к России армянское население было спасено от физической гибели, были созданы некоторые предпосылки для улучшения его экономической жизни. Армянская культура, литература и печать оказались в более благоприятных условиях развития, чем в других странах.

Но самым крупным успехом, завоеванным исторической дружбой русского и армянского народов, явилась консолидация революционных сил, совместная борьба за освобождение и счастье трудящихся. В общении с деятелями русского революционного движения представители армянской революционно-демократической мысли, а впоследствии пролетарской демократии, нашли неисчерпаемый источник сил и уверенности в правоте своего великого дела, обогащались теоретически и практически. Совместная борьба с реакцией велась по всем направлениям политической и культурной жизни. Эта борьба нашла свое особенно яркое выражение в истории печати и, в частности, в столкновениях передовой печати с цензурой. „История рабочей печати в России,— писал В. И. Ленин,— неразрывно связана с историей демократического и социалистического движения. Поэтому, только зная главные этапы освободительного движения, можно действительно добиться понимания того, почему подготовка и возникновение рабочей печати шли таким, а не другим каким-либо путем“[1]. В борьбе за демократическую, а впоследствии большевистскую печать отчетливо проявилась великая ис-

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. 20, стр. 223.

торическая дружба народов нашей страны. Русские писатели отстаивали интересы армянской литературы, а армянские писатели, вопреки запретам цензуры, переводили и популяризировали русскую литературу. Так историческая дружба русского и армянского народов все более крепла и закалялась в борьбе за свободу.

В процессе нашей работы нам приходилось неоднократно прибегать к помощи научных учреждений, библиотек, архивохранилищ и отдельных ученых. Окончив ее, мы не можем не вспомнить с чувством глубокой благодарности всех тех, кто способствовал ее созданию и завершению, и среди многих дорогих для нас имен с особой признательностью назвать имена: члена-корреспондента АН СССР проф. Николая Кирьяковича Пиксанова и академика Игнатия Юлиановича Крачковского.

Настоящий труд является только началом в изучении большого и сложного вопроса. Перед взором исследователя широко раскрылись богатейшие тайники, хранилища важнейших документов — наши архивы. Ввести факты, встающие с их пожелтевших страниц, в научный обиход, восстановить всю логически закономерную цепь событий — задача историка-марксиста, для которого сущность исследования заключается прежде всего в обобщении опыта той борьбы, которая велась передовыми деятелями разных народов с темными силами реакции.

Ленинград—Ереван
1946—1956

ГЛАВА I

АРМЯНСКИЕ КОЛОНИИ В РОССИИ, НАЧАЛО КНИГОПЕЧАТАНИЯ И УСТАНОВЛЕНИЕ ЦЕНЗУРЫ

История армянского книгопечатания и цензуры в России связана с историей армянских колоний и особенно колоний Петербурга, Москвы, Ново-Нахичевана и Астрахани. Армянские колонии в России имели особое значение в исторических судьбах армянского народа. Лишившись своей государственности, армяне в течение многих веков храбро боролись за свою свободу и независимость. В истории Армении эта борьба в разные периоды принимала различные формы. Это была, с одной стороны,— активная борьба, военные столкновения, вооруженные восстания, народно-освободительные движения, с другой — пассивный протест, уход с насиженных мест. Иноземные завоеватели проходили по цветущим долинам и горам Армении, оставляя за собой растоптанные поля и дымящиеся пепелища.

В самые тяжелые минуты жизни армянского народа Россия всячески ему помогала. После падения Ани, когда, несмотря на героическое сопротивление населения, город был разгромлен, поток армянских переселенцев направился на север. Дружественно встретили армян в Киевской Руси. Здесь в XI веке в Киеве и образовалась первая армянская колония. Переселенцам были созданы благоприятные условия для успешной работы и культурной жизни. Из числа армян-эмигрантов завоевали всеобщее признание специалисты, работавшие в области медицины, живописи, различного рода ремесел. Армяне принимали участие и в боевых действиях киевских князей[1].

---

[1] Л. М. Меликсет-Бек. Древняя Русь и армяне, „Сборник трудов Института языка имени Марра", Ереван, 1946.

Значительную роль в Киевской колонии играли вопросы религии. Армянам было разрешено построить на Подоле каменную церковь. Среди армян, нашедших убежище в Киевской Руси, по-видимому, происходили ожесточенные религиозные споры. Отражением этих дискуссий явилась история киевского армянина Мартироса. В XII веке Мартиросом была написана книга, подвергавшая сомнению конфессиональные принципы армянской церкви. Для обсуждения этого труда в Киеве было созвано специальное церковное собрание, в котором принимали участие не только армяне, но и русские. Армяне, отстаивавшие свою веру, выступили с резким осуждением книги Мартироса, который был признан еретиком и сожжен на костре. В Киевской Руси нашли отражение народные движения павликиан и тондракийцев, поселившихся там целыми общинами; возможно, что с этими движениями и был связан труд Мартироса.

Другой поток армянских переселенцев в XI веке направился в Поволжье и образовал армянскую колонию в Булгарах. По мнению академика В. В. Бартольда, болгары находились под сильным влиянием славян. «Вполне возможно,— писал В. В. Бартольд,— что к волжским болгарам относится известие о «государе славян», к которому, наравне с государями греков и хазар, обратились с просьбой о помощи в 852 г. бежавшие от арабов армяне»[1]. Болгарское государство на территории Среднего Поволжья и Прикамья сыграло в свое время значительную роль, имея в орбите своего влияния целый ряд местных народов. Его столицей являлся город Булгары или «Великие Болгары», «...существовавший с IX в. и расположенный у впадения Камы в Волгу, на пересечении крупных водных торговых путей и сухопутного караванного пути из Средней Азии в Европу»[2].

Армяне в X веке принимали активное участие в торговле по волжскому пути. Не случайно этот путь, шедший из Персии и от Каспийского моря через Нерехту до Белого моря, назывался «великим армянским торговым путем» или «армянской дорогой»[3]. «Наиболее ранним памятником, свидетельствующим о пребывании армян в Булгарах, является могильная плита 1121 года, обнаруженная у Греческой палаты за пределами городища»[1]. Об этой колонии сохранилось, к сожалению, очень мало сведений; имеющиеся данные были получены в результате изучения надгробий и археологических раскопок.

[1] В. В. Бартольд. Арабские известия о русах, „Советское Востоковедение", М.—Л., 1940, № 1, стр. 18.

[2] Очерки истории СССР, том I, М., 1953, стр. 718—720.

[3] Там же, стр. 630.

В свое время еще Петр I заинтересовался надписями на этих надгробиях, и по его поручению они были скопированы. В 1722 году армянин Васильев дешифровал их и перевел на русский язык.

Армянская колония в столице Болгарского государства — Булгарах была одним из оживленных поселений. Жили в нем, главным образом, купцы и ремесленники. Материальная культура в этой колонии находилась на сравнительно высокой ступени развития. Армяне в Булгарах носили шелковые ткани, драгоценные украшения, широко пользовались разного рода глиняной и керамической посудой. Раскопки городища обнаружили на месте Греческой палаты сооружение, бывшее культовым христианским памятником. Этот памятник весьма близок по типу к храму 1339 года в монастыре Нораванк в Армении. Возможно, что он был связан с армянской колонией[2].

Проживание на территории Болгарского государства представляло для армян определенные преимущества. Одним из таких преимуществ было широкое общение с другими народами. Государство по своему составу было многонациональным, в него входили и русские поселения[3]. Болгария была связана с Киевом. Таким образом армяне получили широкие возможности общения с русскими людьми.

В XI веке еще один поток переселенцев из Армении направился в Крым. Датировка и образование Крымской колонии представлены у различных авторов весьма разноречиво. Расселение армян в Крыму ими относится к периоду с XI по XIV век[4].

[1] А. П. Смирнов. Волжские булгары, „Труды Государственного исторического музея", выпуск XIX, М., 1951, стр. 143.

[2] Там же, стр. 195.

[3] Б. Д. Греков, Н. Ф. Калинин. Булгарское государство до монгольского завоевания, „Материалы по истории Татарии", выпуск I, Казань, 1948.

[4] М. Нерсисян. Из истории русско-армянских отношений, кн. I, Ереван, 1956.

Жизнь в условиях Крымского ханства была мало благоприятной для армян; этим и можно, по-видимому, объяснить необходимость дальнейшего переселения в другие страны и, прежде всего, в Польшу и Россию.

Наиболее благоприятные условия были созданы для армян в России. С течением времени армяне расселились в целом ряде русских городов — Владимире, Москве, Петербурге, Новгороде, Архангельске. Так постепенно возникали многочисленные армянские колонии. Одной из наиболее древних была Московская колония. «Можно считать несомненным и существование в Москве более или менее постоянной колонии армян, которые жили на посаде в начале XV века»,— пишет М. Н. Тихомиров[1]. Сведения о пребывании армян в древней Москве сохранились и в летописях. Тихомиров считает, что первая армянская колония находилась в Китай-городе. Армянские купцы принимали деятельное участие в московской торговле. Москвичи очень хорошо относились к армянам — дружили с ними, вступали в брак. М. Н. Тихомиров, рассказывая о дружеском отношении русского населения к армянам, приводит любопытный факт борьбы церковной реакции с этими дружескими связями: в чин избрания и поставления в епископы было включено обязательство «ни оставить в своем пределе ни единого же от нашея православныя веры ко армяном свадьба творити и кумовьства и братьства»[2].

В XVII веке в Москву часто наезжали из различных мест и городов армяне — большей частью купцы. Они вели оживленную торговлю шелком-сырцом, драгоценными камнями и дорогими тканями. Свои товары они доставляли не только москвичам, но и перебрасывали транзитом в другие страны[3], поскольку используемый ранее путь через Турцию был слишком опасным и невыгодным. На этом пути армянские купеческие караваны подвергались разграблению, а сами купцы нередко угонялись в плен или умерщвлялись. Москва привлекала не только как развивающийся торговый центр, но и как удобный перевалочный пункт на пути в Западную Европу. Поэтому

[1] М. Н. Тихомиров. Древняя Москва, М., 1947, стр. 142.

[2] Там же, стр. 143.

[3] Армяно-русские отношения в XVII веке. Сборник документов. Ереван, 1953.

представители армянского купечества — Степан Рамаданский и Григорий Лусиков — повели с царем Алексеем Михайловичем переговоры, завершившиеся в мае 1667 года заключением торгового договора.

Широкой известностью пользовались в Москве армянские торговые дома. Так, в районе Белого города, где был специальный Армянский двор, с 1675 года по 1683 год успешно торговал Акоп Аветян, в Гостином дворе был торговый дом Петра и Павла Амирянов. Установившиеся экономические связи явились основой для расширения культурных отношений. Одним из первых представителей армянской культуры в Московской колонии был живописец Богдан Салтанов, приехавший по приглашению Алексея Михайловича.

В XVIII веке число армян, занимавшихся промышленностью и торговлей в Москве и Подмосковье, значительно возрастает. Московский житель Василий Макаров был в 40-х годах XVIII века содержателем шелковых мануфактур и заводов[1]. Одновременно он занимался и развитием шелководства в Кизляре.

В Москве дважды разрешали строить армянские церкви. «В 1740 г. по прошению московских жителей из армян Богдана Христофорова с товарищами дозволено было построить в Москве собственным иждивением небольшую каменную церковь на купленной Богдана Христофорова земле в Китае городе между Ильинской и Николаевской улиц»[2]. Ввиду того, что эта церковь была расположена в отдалении от основного места жительства армян, сосредоточившихся к этому времени в районе Мясницкой у Армянского переулка, по просьбе Ивана Лазарева в 1770 году было разрешено начать строительство второй церкви.

Недалеко от Москвы, в Богородском уезде, находилась основанная в 1735 году мануфактура — шелкоткацкая фабрика, принадлежавшая Ивану Лазареву. Эта фабрика изготовляла шелковые изделия и обои для петербургских дворцов.

Особое значение приобретает армянская колония в Моск-

[1] Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа, часть I, М., 1838, стр. 18.

[2] Историческая записка об армянских церквах Петербурга и Москвы с 1700 года. М., 1875, стр. 3.

ве в XIX веке. Она становится одним из наиболее крупных и значительных центров армянской культуры в России. Здесь в 1815 году открывается Лазаревский институт, вокруг которого в течение целого столетия группировались крупнейшие армянские политические, культурные и литературные деятели. В XIX веке в Москве жили и работали: М. Налбандян, С. Назарян, С. Шахазиз, М. Эмин, И. Иоаннисян, В. Суренян и многие другие, оставившие неизгладимый след в истории армянского народа и его культуры.

Армянская интеллигенция в Москве была тесно связана с Московским университетом[1]. Армянская молодежь училась и росла в стенах этого старейшего русского высшего учебного заведения. Московский университет сыграл огромную роль в формировании мировоззрения этой молодежи и приобщил ее к передовой русской культуре.

В непосредственной связи с передовыми деятелями этой культуры и литературы возникает в Москве армянское театральное искусство и армянское театроведение, представленное талантливым критиком Саркисом Тиграняном[2].

В Москве в XIX веке был один из наиболее значительных очагов армянской печати. Одной из наиболее крупных армянских типографий была типография Лазаревского института, из стен которой вышли многочисленные армянские книги и периодические издания. Еще в тридцатых годах XIX века были изданы: сборник «Музайк Араратян» («Музы Араратские», 1829), «Армяно-русский словарь» Худабашяна; несколько позднее печатались произведения С. Шахазиза, труды М. Эмина, Гр. Халатянца и др.[3]. Большую роль сыграла армянская периодическая печать и в особенности издававшийся в шестидесятые годы журнал «Юсисапайл» («Северное Сияние»).

Не меньшее значение, нежели Московская, имела Петер-

[1] *Ա. Արշարունի, Մոսկվայի համալսարանը և հայ առաջավոր մտավորականությունը, Երևան, 1955* (А. Аршаруни. Московский университет и армянская передовая интеллигенция. Ереван, 1955).

[2] См. *Ա. Արշարունի, Հայ թատերագիտական մտքի պատմությունից, Երևան, 1956* (А. Аршаруни. Из истории армянской театроведческой мысли, Ереван, 1956).

[3] См. *Գ. Լևոնյան, Հայ գիրքը և տպագրության արվեստը, Երևան, 1948.* (Г. Д. Левонян. Армянская книга и искусство книгопечатания, Ереван, 1946); А. С. Бабаян. Армянская книга, Ереван, 1956.

бургская армянская колония. Армяне стали селиться в Петербурге с эпохи Петра I, т. е. с момента основания города. По имеющимся данным, в середине и конце XVIII века колония уже значительно разрослась. В прошении протопопа Степана Лорис-Меликова в Санктпетербургское губернское правление от февраля 1791 года указывается, что ввиду многочисленности армянского населения необходимо выделить для армян на Васильевском острове отдельное кладбище[1].

Среди армян встречаются в это время в Петербурге и фабриканты. Например, имел фабрику известный своим богатством Лука Ширванов, построивший в 1745 году на Васильевском острове каменную церковь[2].

В 1770 году Иван Лазарев получил разрешение на строительство церкви и домов на Невском проспекте. Эти дома, вскоре построенные, приносили большие доходы. Богатые петербургские армяне чувствовали себя столь хорошо в новом городе, что охотно принимали участие в городском строительстве. Сохранились контракты, заключавшиеся между Лазаревыми и подрядчиками на производство тех или иных работ. Так, в 1811 году Екатерина Ивановна Лазарева заключила договор с Корнилием Зиновьевым на строительство моста через Черную речку. Мост был построен согласно договору и обошелся в 2400 рублей[3]. Другой договор был заключен между Иваном Якимовичем и Христофором Якимовичем Лазаревыми и подрядчиком Дмитриевым на укладку торцовой мостовой по Невскому проспекту перед домами армянской церкви[4].

Таким образом, армяне в Петербурге очень активно строились и устраивались еще в XVIII столетии, широко используя предоставленные им возможности.

К сожалению, архивные документы почти не дают сведений, по которым можно было бы судить о положении и жизни трудящихся рядовых армян Петербургской колонии. Однако даже по скупым и отрывочным данным очевидно, что и здесь имела место строгая иерархия — имущественная и церковная,

[1] ГИАЛО, ф. 510, св. 2, д. 5, лл. 73–74.

[2] Историческая записка об армянских церквах Петербурга и Москвы с 1700 года. М., 1875, стр. 3.

[3] ГИАЛО, ф. 510, св. 2, д. 6, лл. 75–78.

[4] Там же, лл. 228–229.

между полюсами которой существовала огромная дистанция. С одной стороны — богатые епархиальные архиепископы, священники, фабриканты, торговцы, ювелиры, с другой — беднота, мелкий городской люд, заработок которого не превышал 10—12 рублей в месяц[1].

Петербургская колония занимает особое место в истории армянского книгопечатания. Здесь была основана в 1780 году и функционировала первая армянская типография в России. Эта типография принадлежала зачинателю армянского полиграфического дела Григорию Ходжамаловичу Халдаряну — энтузиасту, посвятившему свою жизнь изданию армянских книг. Кто же был этот первый издатель армянских книг в России? Халдарян был выходцем из Новой Джульфы, занимался торговлей в Индии, а затем переехал в Лондон[2]. С большим трудом ему удалось заказать в Голландии армянский шрифт и приобрести все необходимое для типографии. Будучи несомненно передовым, прогрессивным деятелем своего времени, Халдарян учел возможности и благоприятные условия, которые были созданы для развития армянской культуры в России. Его привлекла и энергичная деятельность епархиального начальника армянского населения России архиепископа Иосифа Аргутинского-Долгорукого. Полный надежд послужить делу просвещения родного народа, Халдарян перевозит свою типографию в Петербург, где приступает к книгопечатанию. Первые книги, отпечатанные в типографии, были религиозного и исторического содержания. Среди них были изданы сочинения Егише и Нерсеса Шнорали.

Халдарян был не только владельцем типографии, но, одновременно, и одним из первых представителей армянской интеллигенции в Петербурге. Он сам занимался литературным трудом в качестве переводчика и языковеда. Будучи горячим сторонником России и русской культуры, он начал свою деятельность с создания армяно-русского словаря, который должен был ответить назревшей потребности широкого общения армян с русскими. Словарь Халдаряна был издан в 1788 го-

[1] ГИАЛО, ф. 510, св. 2, д. 5, лл. 54—67.

[2] См. *Լ. Խ. ո, Հայոց պատմություն, Երևան, 1946, հատ. 3, էջ 1055* (Лео, История Армении, т. III, Ереван, 1946, стр. 1055).

ду[1]. К сожалению, ранняя смерть оборвала плодотворную деятельность ученого-типографа. Дело Халдаряна успешно продолжала его жена — Катринэ Захаровна Халдарян — первая армянская женщина-издательница. Катринэ Захаровна с неостывающим рвением занималась делами типографии, не жалея для нее ни сил, ни средств. Именно ей суждено было издать труд первой армянской женщины-литератора в России «девицы Клеопатры Сарафовой»[2].

Книга Сарафовой особенно интересна тем, что это — первый учебник русского языка для армян. Автор преследовал совершенно конкретную, практическую цель: создать пособие, которое служило бы изучению русского языка. В учебнике Сарафовой дается сравнительная таблица русского и армянского алфавита, краткий армяно-русский словарь, разговорник, параллельные армянские и русские тексты для чтения, в которых излагаются различного рода моральные сентенции. Эта книга, как и русские книги того времени, цензуровалась и была допущена к печати Управой благочиния.

Судя по содержанию разговорника, «Ключ познания» был учебником, рассчитанным на армянскую школу. Так, первая беседа посвящена пребыванию ученика в классе:

„Առաջին. խօսակցութիւն	„I. Разговор.
Ուր եւս գնում հրամանդ այդպէս կանուխ:	Куда вы так рано идете?
Ես գնում եմ դպրատունն:	Я иду в класс.
Որում ժամէ պարտիս հրամանդ տեղն լինել:	В котором часу должны вы там быть?
Երբ որ զանգակն հարէ:	Как звонок ударит".

[1] Г. Халдаров. Краткий словарь армянский с российским переводом, СПб, 1788.

[2] *Գիրք որ կոչի բանալի գիտութեան: Ընդ սա ընդ իւր մանուաւոր այբբենարան, մանուաւոր բառարան. և քերդուածք քաղաքական ուսմանց. արարեալ և թարգմանեալ ի Ռուսաց լեզուէ ի հայ բարբառ, և ի հայոց լեզուէ ի ռուսաց բարբառ. Կզեօպատրայ դստեր սո ի Քրիատոս հանգուցեալ Մոմսէսի Սարաֆեան ի յօդուտ մանկանց և ամենից որք ունին փափաքութիւն և պիտոյս:*

(„Книга, содержащая в себѣ ключь познания Букваря, Словаря и Некоторых правилъ изъ нравоученія. Сочиненная и переведенная съ Россійского на армянской и с Армянского на россійской языки Девицею Клеопатрою Сарафовою. В пользу малолетнаго юношества и всехъ желающихъ сему обучаться". В Санкт-Петербурге, 1788).

1780

Архивные данные подтверждают наше предположение. В делах Петербургского армяно-григорианского духовного правления сохранились сведения о том, что в 1800 году в Петербурге была армянская школа, помещавшаяся в церковных домах по Невскому проспекту[1]. Возможно, что Сарафова имела в виду армянских детей, обучавшихся именно в этой школе.

Типография Халдаряна была в 1789 году перевезена в Нахичеван-на-Дону, где и продолжала функционировать.

В Петербурге в знаменательные дни 1812 года была открыта архидиаконом Иосифом Иоаннесовым вторая армянская типография, помещавшаяся на втором этаже церковного дома по Невскому проспекту[2]. В ней был отпечатан целый ряд армянских книг.

Издание армянских книг зависело не только от наличия типографий, но и от своевременного разрешения книги к выпуску. Армянское книгопечатание должно было войти в общее русло издательского дела в России и подчиниться существовавшим цензурным узаконениям. В 1804 году был издан первый цензурный устав, который ставил перед собой задачу «...удалить книги и сочинения, противные нравственности, но доставить обществу книги и сочинения, способствующие к истинному просвещению ума и образованию нравов». По этому уставу ни одна книга не могла быть издана без цензурного разрешения, а сама цензура была передана в ведение министерства народного просвещения. Внешне «благожелательный» устав 1804 года в период реакции явился орудием для ограничения писателей и издателей. Этому способствовала также организация цензурных комитетов и назначение целого ряда цензоров, которые в большинстве своем тем и были известны, что отличались либо безграничной свирепостью, либо непомерной глупостью. Так, в начале века особенно прославился своими нелепыми придирками цензор Красовский, которого гр. Уваров называл своей «цепной собакой». Перу Красовского принадле-

[1] ГИАЛО, ф. 510, св. 2, д. 5, лл. 54—67.
[2] Там же, ф. 510, св. 2, д. 6, лл. 108—109.

КНИГА,
СОДЕРЖАЩАЯ БЪ СЕБѢ КЛЮЧЬ ПОЗНАНІЯ
БУКВАРЯ, СЛОВАРЯ И НѢКОТОРЫХЪ ПРАВИЛЪ ИЗЪ НРАВОУЧЕНІЯ.
Сочиненная и переведенная съ Россійскаго на армянской и съ Армянскаго на россійской языки
ДѢВИЦЕЮ КАѲОЛИКОЮ САРАФОВОЮ
Во пользу малолѣтнаго юношества, и всѣхъ желающихъ сему обучаться.
Печатано въ теченіе 9 го лѣта Патріаршества на Святомъ Пресполѣ армянина Католикоса Армянскаго Святѣйшаго Луки.
И при Архіепископствѣ во всероссійской Имперіи Іосифа Армянскаго Архимандрія.
1788 года Августа 1 дня.
ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

Титульный лист книги К. Сарафовой „Ключь познания..."

жит один из перлов цензурных заключений — анализ стихотворения поэта Олина: «Стансы к Элизе»[1].

Заключение Красовского было типично для цензуры того времени. Даже такой махровый реакционер, как Шишков, и тот был возмущен невежеством цензоров, призванных вершить судьбы литературы. Говоря о цензорах, Шишков писал: «Я помню, давно уже, что один из них не хотел пропустить выра-

---

[1] Комментарии цензора Красовского к стихотворению Олина „Стансы к Элизе" (см. Беседы в обществе любителей российской словесности, т. III, стр. 42—45).

Строки стихотворения:	Комментарии А. И. Красовского:
1. „Улыбку уст твоих небесную ловить..."	Слишком сильно сказано, женщина недостойна того, чтобы улыбку ее называть небесною.
2. „И молча на тебе свои покоить взоры..."	Тут есть какая-то двусмысленность.
3. „И поняла, чего душа моя искала..."	Надо объяснить, чего именно, ибо здесь дело идет о душе.
4. „Что в мненьи людей? Один твой нежный взгляд Дороже для меня вниманья всей вселенной..."	Сильно сказано; к тому же во вселенной есть и цари, и законные власти, вниманием которых дорожить должно.
5. „О, как бы я желал пустынных стран в тиши, Безвестный, близь тебя к блаженству приучаться!..."	Таких мыслей никогда рассевать не должно; это значит, что автор не хочет продолжать своей службы государю для того, чтобы быть всегда со своей любовницей; сверх сего к блаженству можно только приучаться близь Евангелия, а не близь женщины.
6. „О, как бы я желал всю жизнь тебе отдать!.,"	Что же останется богу?
7. „У ног твоих порой для песней лиру строить..."	Слишком грешно и унизительно для христианина сидеть у ног женщины.
8. „Тебе лишь посвящать, разлуки не страшась, Дыханье каждое и каждое мгновенье, И сердцем близь тебя, друг милый, обновясь..."	Все эти мысли противны духу христианства, ибо в Евангелии сказано: кто любит отца своего или мать паче Мене, тот несть Мене достоин.

жения «нагая истина», сказывая, что истина женского рода, а потому непристойно ей выходить в свет нагою»[1].

Итог жизни и деятельности Красовского подвел Никитенко, вписавший в свой дневник 1857 года вместо эпитафии: «Умер (А. И.) Красовский, председатель иностранного цензурного комитета, человек с дикими понятиями, фанатик и вместе лицемер, всю жизнь, сколько мог, гасивший просвещение»[2].

В 1810 году цензура была передана в ведение министерства полиции, а в 1819 году перешла в министерство внутренних дел.

Несмотря на наличие устава 1804 года и организацию в 1808 году специальной духовной цензуры, целый ряд вопросов по цензурованию книг оставался неразрешенным. К числу таких неразрешенных вопросов относилось цензурование книг на восточных языках и, в частности, на языке армянском. Решение этого вопроса было связано с серьезными затруднениями и, прежде всего, с отсутствием доверенных с точки зрения правительства лиц, знающих восточные языки. Естественно, что люди, заинтересованные в издании армянских книг, пытались разрешить и вопрос цензуры. Первоначально армянские книги долгое время находились в ведении духовной цензуры, т. е. по существу — Эчмиадзина. Тщетно со стороны ряда издателей делались попытки организовать светскую цензуру или хотя бы освободиться от необходимости каждый раз получать личную санкцию епархиального начальника или католикоса.

После перехода цензуры в министерство народного просвещения архимандрит Серафим — ректор армянской коллегии в Москве — поставил перед министром просвещения Голицыным вопрос об организации цензуры армянских книг в самой Москве без вмешательства католикоса. В своем обращении, датированном 1818 годом, Серафим писал, что владельцем типографии Августом Семеном уже отлит армянский шрифт и созданы все условия для печатания армянских книг. Одновременно Серафим сообщал, что армяне, проживающие в России, испытывают большую потребность в издании армянских пособий и учебных книг, а многие армянские учителя

[1] А. С. Шишков. Записки, мнения и переписка. Берлин, 1870, стр. 145—146.

[2] А. В. Никитенко. Записки и дневник. СПб, 1904, стр. 497.

имеют уже подготовленные к печати сочинения, и предлагал свои услуги в качестве цензора московских изданий.

«Медленность и остановка, могущие произойти от пересылки таковых рукописей в Петербург, заставляют меня ходатайствовать у Вашего сиятельства о даровании мне надлежащих прав для цензурования сочинений учебных здесь на месте, обще с управлением армянской церкви под моею ответственностью, и притом с обязательством доставлять положенное законами число экземпляров в Санктпетербургский цензурный комитет»[1].

Голицын уклонился от решения вопроса и затребовал мнение архиепископа Иоаннеса — духовного главы обитающих в России армян. Последний, в свою очередь, переслал запрос в Эчмиадзин — католикосу Ефрему[2]. Однако дожидаться ответа от католикоса он счел неудобным и сообщил Голицыну, что впредь до получения ответа, дабы не расхолаживать усердия Серафима, он не возражает против того, чтобы книги цензуровались в Москве Серафимом, но с условием, чтобы он присылал их в Астрахань для вторичного просмотра и одобрения, а после отпечатания направлял бы два экземпляра в Эчмиадзин и один — в Астрахань[3]. Этот вежливый полуотказ был несколько позже подкреплен откровенным отказом католикоса. Католикос Ефрем писал 12 августа 1819 года Иоаннесу, а тот, в свою очередь, препроводил это патриаршее послание А. Н. Голицыну: «Книги, поступившие в печать, должны быть испытываемы много, где бы они ни печатались; ибо сочинения или переводы с других языков могут быть противны нашей церкви. Почему повелеваем святому синоду Араратского престола, по долгу пастырского сана Вашего, недозволить архимандриту Серопе или типографщику оному не издавать ни одной книги, и даже ни одного листа, ни с печатных книг, ни с рукописей прежде, нежели доставляемы будут оная к нам или в синод наш для утверждения»[4].

Таким образом, католикос Ефрем отказался поступиться прерогативами Эчмиадзинского синода и не доверил цензуро-

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 118, д. 18-038, 1819, л. 2 и об.

[2] Там же, л. 4 и об.

[3] Там же, л. 10 и об.

[4] Там же, л. 16 и об.

вания книг своим же священнослужителям— Серафиму и Иоаннесу, находившимся в России. Голицын, не вмешиваясь в решение католикоса, довел до сведения Московского учебного округа и архимандрита Серафима, что впредь каждая армянская книга до напечатания должна быть представлена в Эчмиадзин патриарху[1].

Вторичная попытка разрешить вопрос цензуры армянских книг, минуя Эчмиадзинский синод, была сделана в 1819 году. На этот раз к Голицыну обратился непосредственно сам архиепископ Иоаннес. Он писал о большом значении петербургской типографии, сообщал, что с разных мест к нему обращаются соотечественники, прося книг на армянском языке. Хваля за усердие Иосифа Иоганесова, он предлагал определить цензором типографии коллежского советника Хоченца, характеризуя его как «мужа искусного и ученого философским наукам, знающего и приобыкшего к переводам многих книг с разных языков на армянской диалект...»[2].

Хоченц был действительно не случайной фигурой для армянского книгопечатания. Его полное именование — Маркар Захарович Хоченц Ереванский. Он завоевал славу полиглота, владея итальянским, арабским, персидским и турецким языками. Хоченц переехал в Россию из Смирны, где состоял переводчиком у английского консула. В России он был не только на государственной службе, но занимался и литературным трудом. В 1792 году им была издана в Нахичеване книга «Врата милосердия»[3], посвященная основанию армянской ко-

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 118, д. 182088, 1819, л. 2 и об.

[2] Там же, д. 182106, лл. 1—2.

[3] Книга Хоченца называлась: «Տետրակ համառօտ, անուանեալ Դուռն Ողորմութեան: Յորում ցուցանի նախ հրովարտակն գթութեան ամենաբարեպաշտ և մեծ կայսրուհի ինքնակալ թագուհւոյն Եկատերինէի երկրորդի, Գրիգորիօպոլ նոր քաղաքին Հայոց. ձեռամբ բարձր Սրբազնութեան տեառն Յովսեփայ սատուածարեալ արքեպիսկոպոսին, օծմամբ հիմնարկեցման: Եվ երկրորդ՝ հիմնաքանդ հանդէսն հիմնարկութեան նոյն Գրիգորիօպոլ քաղաքին Հայոց: Զկնի որոյ և գերաշխարհ առնութեանն ի նոյն հանդիսի՝ նորին բարձր սրբազնութեանն՝ ունիմք ապէք: Նախ., 1792: („Тетрадь краткая, именуемая Врата милосердия. В оной приводится милосердный Указ благочестивейшей и великой государыни—самодержицы императрицы Екатерины Вторые об основании нового города Армянского Григориополя...", Нахичевань, 1792).

лонии — Григориополя. Он усердно занимался переводами, перевел на армянский язык роман Фенелона «Приключения Телемака» и целый ряд других книг[1].

На этот раз Голицын запросил прежде всего управляющего министерством иностранных дел графа Нессельроде, считает ли он Хоченца, работающего в коллегии иностранных дел переводчиком армянского языка, способным выполнять должность цензора. Вместе с тем Голицын предлагал заручиться согласием Хоченца и просил сообщить — может ли он совмещать новые обязанности со своей должностью[2]. Нессельроде ответил Голицыну, что для назначения Хоченца препятствий не встречается и что «Хоченц согласен принять на себя звание цензора армянских книг, с жалованием по 1500 рублей в год»[3].

Однако согласия одного Хоченца оказалось явно недостаточно, и перед Голицыным встал вопрос об изыскании средств для материального вознаграждения будущего цензора. Не рассчитывая на финансовые возможности цензурного комитета, Голицын обратился к Лазареву с просьбой финансировать содержание цензора. Он писал: «Будучи согласен с предложением преосвященного Иоаннеса касательно необходимости цензурования армянских книг, за нужное считаю уведомить о том вас, м. г. мой, с тем, что не найдете ли вы средства к доставлению требуемого коллежским советником Хоченцем жалования, за должность цензора, которая признается нужною при умножающемся ныне печатании книг на армянском языке»[4].

И тут произошло событие, самое оригинальное во всей истории назначения Хоченца цензором армянских книг: Лазарев отказал Голицыну в требуемой сумме, мотивируя отказ тем, что Хоченц мог бы исполнять эти обязанности за меньшее вознаграждение, а еще проще было бы поручить их Серафиму, который де согласен их исполнять безвозмездно[5].

В ответ Голицын обратился к Лазареву уже в несколько

[1] Լ ե ո, Հայոց պատմություն, Երևան, 1946, հատ. 3, էջ 1055—1057 (Лео. История Армении, т. 3, Ереван, 1946, стр. 1056—1057).

[2] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 118, д. 182106, 1819, л. 3 и об.

[3] Там же, л 4.

[4] Там же, лл. 7—8.

[5] Там же, л. 9 и об.

раздраженном тоне, настаивая на изыскании необходимых для оплаты Хоченца средств[1]. Тем не менее Лазарев и на это вторичное послание ответил отказом, заявив, что оплату цензора он считает «ранновременной», так как нет надобности «в назначении особого цензора для армянских книг в С. Петербурге по малому числу в печать поступающих». Издаваемые же книги, присовокуплял Лазарев, подлежат рассмотрению духовной цензуры, а не гражданской, почему он предлагал поручить их предварительное рассмотрение архимандриту Серафиму, который отправлял все равно все книги в Эчмиадзин патриарху Ефрему, испрашивая санкцию на печать. А пока длилась эта переписка, Хоченц, которому к началу ее было 83 года, скончался.

Почему же Лазарев отказал в просьбе Голицыну? Очевидно, не материальные соображения сыграли решающую роль в этом отказе. Нет сомнения, что при желании он без труда изыскал бы 1500 рублей в год. Истинной причиной было, по-видимому, то, что он хорошо знал — финансирование светского цензора не понравится в Эчмиадзине, а портить свои отношения с католикосом он считал нецелесообразным.

Смерть Хоченца не прекратила дела о цензуровании армянских книг. Иоаннес вновь обратился к Голицыну с ходатайством, чтобы печатание армянских книг разрешалось на основании его визы без согласования этого вопроса с Эчмиадзином. На этот раз Голицын дал свое согласие[2]: был разослан циркуляр о том, что «цензурование армянских книг, издаваемых в С. Петербурге, будет производиться в Астраханской армянской духовной консистории под личным надзором преосвященного Иоаннеса, архиепископа обитающих в России армян, на точном основании Устава о цензуре и прочих по сему предмету узаконений»[3].

Таким образом, в 1820 году издание армянских книг все еще продолжало оставаться в ведении духовной цензуры.

Ферула духовной цензуры распространялась на армянскую печать и в 40—50-е годы: цензором первых книг Назаряна

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 118, д. 182106, 1819, л. 10 и об.
[2] Там же, л 26 и об.
[3] ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 1, д. 206608, 1820, л. 1 и об.

был архиепископ Матеос, цензором журнала «Арарат» — сам католикос Персес Аштаракский.

В начале XIX века армянские колонии в России заметно развиваются и укрепляются; особенно большое значение приобретают, естественно, колонии Петербурга и Москвы. Мы встречаем армян и на русской государственной и военной службе. Это было особенно характерно для армян, проживавших в Петербурге. Там армянская колония имела сравнительно наибольший процент чиновников и сильную, подготовленную интеллигенцию.

Если армянские просветители и демократы обращались к России народной, к России революционной, то армянская буржуазия, клерикалы и дворяне апеллировали к России самодержавной. Характерно в этом отношении семейство Лазаревых, в течение многих поколений связанное с русским царизмом: оно превратилось фактически в дворян Российской империи[1]. Родословная этого семейства в России начинается Лазарем Назаровичем Лазаревым, богатым купцом, эмигрировавшим из Персии в Россию. Первоначально он поселился в Астрахани, а затем переехал в Москву. У Лазаря Назаровича Лазарева было четверо сыновей: Иван, Мина, Христофор и Иоаким. Целый ряд финансовых операций вскоре превратил его в одного из богатейших людей России. Он становится землевладельцем и промышленником. В 1776 году род Лазаревых был причислен к дворянству. Лазаревы были одними из семи миллионеров в России XVIII века.

Из четырех братьев особенно стал преуспевать старший — Иван Лазаревич Лазарев, избравший своим постоянным местопребыванием Петербург. Он был придворным ювелиром и, располагая большими средствами, купил имение Ропшу, несколько позднее — имение Строгановых в Пермской губернии. Иван Лазарев был назначен советником Государственного банка. Он был непосредственно связан с руководящими придворными кругами. Вот что пишет по этому поводу историограф семейства Лазаревых А. Зиновьев: «Он (Иван Лазарев — С. А.) находился в близких сношениях с знаменитыми сановниками того времени, как-то: генерал-адъютантами князем и графом Ор-

[1] Историческая записка об армянских церквах Петербурга и Москвы с 1700 года, М., 1875.

ловыми, генерал-фельдмаршалом князем Потемкиным-Таврическим, канцлером князем Безбородко, генерал-прокурором князем Вяземским, генерал-адъютантами князем и графами Зубовыми... с князьями Куракиными и другими государственными особами»[1].

Это «избранное общество», в котором вращался Лазарев, являлось непосредственной опорой самодержавной монархии. Очевидно, что Лазаревы воспитывались в традициях русской дворянской культуры. Самодержавие рассматривало Лазаревых, как непосредственных проводников своей политики среди армян. Об этом откровенно пишет тот же Зиновьев: «Но важнейшим награждением для Лазарева были постоянные их императорских величеств поручения по водворению армянского народа, по сношениям с иерархами армянской церкви, по разным видам политики государства и личным, особенно внимательным приемам в СПб, Царском Селе, Петергофе и Гатчине»[2]. После смерти Ивана Лазарева его наследником и преемником явился Иоаким Лазарев. Исполняя волю старшего брата, Иоаким Лазарев основал в 1815 году Лазаревский институт восточных языков в Москве, который должен был осуществлять подготовку переводчиков, чиновников и других деятелей для работы на Кавказе и на Востоке.

К той же группе «вельможных армян» в конце XVIII и начале XIX века принадлежал епархиальный начальник, архиепископ Иосиф Аргутинский-Долгоруков[3]. Значительную роль сыграл и Иван Семенович Абамеликов, состоявший в родстве с Лазаревыми. Переехав в Петербург в царствование Павла I, Иван Абамеликов обменялся с императором подарками: он преподнес Павлу бриллиант, бывший вторым по величине в государстве, Павел же отдарил его имением в Каменец-Подольске и принял сыновей на штатскую и военную службу. Сам Иван Абамеликов служил начальником арсеналов в Киеве и Петербурге, в царствование Фридриха-Вильгельма ездил в Берлин для изучения отливки пушек. Позднее Иван Абамеликов

[1] А. Зиновьев. Исторический очерк Лазаревского института, М., 1863.

[2] Там же, стр. 12.

[3] См. А. Р. Иоаннисян. Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия, Ереван, 1947.

был возведен в княжеское достоинство. Княгиня Анна Давыдовна Абамеликова в 1832 году была принята в качестве фрейлины при дворе.

Эта группа дворянских деятелей обладала очень большими политическими претензиями. Они имели смелость вести переговоры от имени армянского народа, считая себя его представителями и покровителями.

Семейство же Лазаревых пыталось даже воздействовать на выборы католикоса и подчинить своему влиянию Эчмиадзин[1]. До выборов Нерсеса Аштаракского это им вполне удавалось и только католикос Нерсес и его преемники сумели противопоставить себя Лазаревым. Аш. Иоаннисян объясняет это тем, что католикос Нерсес нашел для себя опору в армянской торговой буржуазии Кавказа. Нам кажется, что это еще не все. Нерсес сумел противостоять Лазаревым главным образом благодаря присоединению Восточной Армении к России. После присоединения отпала обязательная необходимость в посредничестве Лазаревых при русском дворе, которое играло столь существенную роль в XVIII веке; католикосы, в том числе и Нерсес, могли устанавливать связи уже непосредственно с русскими сановниками, минуя Лазаревых. Аш. Иоаннисян сам отмечает, что Нерсес опирался на Воронцовых (царский наместник на Кавказе и его супруга), т. е., иначе говоря, после присоединения Лазаревы в значительной мере утратили свое значение для Эчмиадзина.

В течение всего XIX века деятели Петербургской колонии бережно хранили и развивали культурные традиции армянского народа. Перед нами встают образы Никиты Лазаревича Бероева, Керопе Патканова, Рафаэля Патканяна, Анания Султан-Шаха; здесь же бывали Хачатур Абовян, Микаэл Налбандян, Степанос Назарян, Габриэл Сундукян...

В Петербурге XIX века широко была развита издательская деятельность. После того как типография Иосифа Иоаннесова была куплена Лазаревыми и перевезена в Москву, в 60-е годы была открыта армянская типография Рафаэлем Патканяном, в которой печатался журнал «Юсис» («Север»).

[1] *Աշոտ Հովհաննիսյան, Նալբանդյանը և նրա ժամանակը, Երևան, 1955, հիրք 1, էջ 68—69* (Ашот Иоаннисян, Налбандян и его время, кн. 1, Ереван, 1955, стр. 68—69).

Во второй половине XIX века в Петербурге насчитывалось уже много армянских типографий, среди которых особенно выделялась «Пушкинская» типография-скоропечатня.

Петербург в XIX веке был одним из наиболее крупных центров арменоведения. В Петербургском университете была основана кафедра армянского языка и литературы, здесь создавались и печатались исследования Н. Л. Бероева, К. Патканова, Н. Марра, Н. Адонца и других арменистов.

В Петербурге и была главным образом сосредоточена цензура армянской печати, здесь решался вопрос о праве на издание армянских книг, газет и журналов.

Наше представление о праве убежища, которое было предоставлено Россией армянам, будет неполным, если мы не остановимся на некоторых других колониях. Одной из таких старейших колоний была Астраханская колония. Начало заселения Астрахани армянами датируется отдельными авторами совершенно по-разному. Так, некоторые считают, что армяне поселились в устье Волги, где ныне расположена Астрахань, в эпоху монгольского владычества[1]. Действительно, в это время эмиграция армянского населения из Армении приняла исключительно большие размеры. Однако, в связи с образованием «Золотой орды» и, впоследствии, Астраханского ханства, армяне подвергались в Астрахани преследованиям и угнетению и вынуждены были оттуда эмигрировать. Оставшееся немногочисленное армянское население стало быстро увеличиваться только после присоединения Астрахани Иваном IV к Московскому государству. Армяне с радостью встретили русских и, собственно, правильнее было бы датировать начало Астраханской колонии именно 1556 годом. М. Рыбушкин датирует начало поселения армян в Астрахани 1619 годом[2], что явно неверно.

Астраханская колония сформировалась окончательно в связи с той торговой ролью, которую призван был сыграть город Астрахань. Об армянских купцах в Астрахани сохранились свидетельства в самых различных документах XVII века: в Уложениях царя Алексея Михайловича 1667 года, в «Жало-

[1] „Москвитянин", ч. I, № 3—4, февраль, отд. VII, Астрахань, 1854, стр. 119—150.

[2] М. Рыбушкин. Записки об Астрахани. М., 1841.

ванной Грамоте Армянской компании на привоз в Россию шелка и сырца» и др. Этой компании были созданы особо льготные условия в отношении безопасности провоза шелка от Астрахани до Москвы и даны гарантии сбыта привозимого шелка в случае каких-либо затруднений с его реализацией[1].

Петр I, придававший Астрахани большое значение в осуществлении задач, которые он выдвигал в вопросах восточной политики, старался привлечь туда армян, создавая для них особо льготные условия. Эти привилегии нашли свое отражение в Указе Правительствующего Сената от 2 мая 1711 года[2].

Армянам давались также поручения по организации в Астраханской губернии промышленных предприятий. Так, например, сенатским указом от 23 августа 1756 года дозволялось «Жульфинскому уроженцу Авету Торосову и С. Петербургскому купцу Лютреху учредить в Астраханской губернии суконную и другие фабрики»[3].

Кроме различного рода поручений, отдельным купцам и предпринимателям армянам шли навстречу и в вопросах создания условий для проживания в Астрахани: так, разрешалось принимать армян во временное подданство, за ними сохранялись права национального судопроизводства и вероисповедания, они освобождались от налогов и всякого рода повинностей. Таким образом, в то время как армяне, находившиеся на территории, захваченной турками или персами, страдали от жестокого порабощения и подвергались физическому истреблению, в России они располагали всеми необходимыми условиями для жизни и труда. Это несомненно сыграло благотворную и положительную роль в истории армянского народа. Это положение легко подтвердить быстрым ростом населения в армянских колониях в России и, в частности, примером Астраханской колонии: если в 1706 году в Астрахани было до тридцати армянских дворов, то в 1763 году было до пятисот дворов, а в начале XIX века насчитывалось уже 5128 человек, или 943 семейства. По социальному положению состав колонии был далеко неоднородным. Меньшинство, состоявшее из купцов и

[1] См. Собрание Актов, относящихся к обозрению истории армянского народа, часть I, М., 1833.

[2] Там же, часть II, М., 1838, стр. 76—77.

[3] Там же, часть I, М., 1833, стр. 14.

промышленников (общим числом 243 семьи), пользовалось материальным благосостоянием и было имущественно обеспечено. Подавляющее же большинство — 700 семейств — крайне нуждалось и даже впадало в такую бедность, что некоторая часть вынуждена была существовать на подачки Астраханского общества. Эти семьи не в состоянии были заплатить даже самые минимальные налоги. Крупной и прибыльной торговлей занималось меньшинство, остальные жители работали на фабриках, отправляли партикулярную службу, вели мелочную торговлю съестными припасами. Таким образом, большинство колонии составлял народ, с трудом добывавший себе пропитание. Противоречия внутри колонии были обусловлены классовыми противоречиями русской феодальной монархии. Определенная социальная формация налагала свою неизгладимую печать и на жизнь армянских колоний.

Астраханская колония была одновременно и одним из центров армянской культуры. 29 сентября 1788 года в Астрахани было основано народное училище, в котором преподавался и армянский язык. В 1806 году училище это было преобразовано в гимназию, причем преподавание в ней армянского языка продолжалось. В 1810 году Агабабов основал армянское училище, которое с 1838 года стало называться Агабабовским. Астрахань играла руководящую роль и в церковных делах. В 1799 году была утверждена Астраханская духовная консистория, в подчинение которой были переданы церкви С. Петербурга, Москвы, Кизляра, Моздока, Георгиевской, города Св. Креста, Нахичевани-на-Дону, Крымской области, Григориополя и ряда других колоний.

В Астрахани функционировала и армянская типография. В ней был отпечатан целый ряд книг и в их числе: *«Ժամագիրք»* («Часослов», 1818), *«Նորագույն զրույք»* («Новейшие собеседования», 1820), *«Համառօտ վարդապետութիւն»* («Краткий катехизис», 1821), *«Պատմութիւն Աղեքսանդրի Մակեդոնացւոյ»* («История Александра Македонского», 1827). На последней книге — «Истории Александра Македонского» — сохранилось цензурное разрешение в том виде, как оно было утверждено циркуляром от 24 мая 1820 года. Книга была визирована к печати архиепископом Иоаннесом в такой формулировке: *«Զսոյն զայս Պատմութիւն մեծին Աղեքսանդրու Թագաւորին Մակե-*

դոնացւոյ ախորժելի գտեալ հրամայեմք տպագրութեամբ ի լոյս ընծայել ի վայելս ազգի Յովհաննէս արքեպիսկոպոս Հայոց Ռուսաստանեայց»: (Это оригинальное цензурное заключение гласило: «Историю сию об Александре Великом, царе Македонян, приятной найдя, повелеваем ее напечатанием в свет издать на пользу нации. Иоаннес, архиепископ Армян Российских»).

Колонии в России были тесно связаны между собой, жители разных колоний встречались и объединялись в своей торгово-промышленной деятельности. В XVIII веке одним из таких предприимчивых купцов был упомянутый выше Лука Ширванов, деятельность которого охватывала многочисленные экономические области и связывала между собой отдельные колонии. Вместе с группой товарищей Ширванов, обосновавшийся в Петербурге, одновременно занимался разведением в районах Астрахани и Кизляра «сорочинского пшена» (риса) и хлопка, развивал шелководство, основывал фабрики для изготовления шелковой, полушелковой и бумажной парчи.

В истории армянских колоний в России очень интересен социальный процесс, типичный для всех без исключения колоний. Первоначально льготы и благоприятные условия, создаваемые для армянских купцов, проживавших в колониях, не мешали русскому купечеству. В дальнейшем, с ростом и укреплением русской буржуазии и в особенности русского купечества, последнее вступало в конкурентные отношения с армянской буржуазией. Русская буржуазия, опираясь на свои преимущества, использовала государственный аппарат, постепенно сводя на нет дарованные купцам-армянам привилегии. Армянское купечество, в свою очередь, апеллировало к власти и боролось за их сохранение. В архивах сохранились многочисленные жалобы, просьбы и обращения с требованиями сохранить за армянами — купцами и фабрикантами предоставленные им в свое время льготы. Характерно в этом отношении письмо астраханских армян-купцов[1]. В этом письме говорится, что армяне, поселенные в Астрахани Петром I, пользовались всевозможными льготами и преимуществами, однако в 1807 году астраханским армянам было предложено вступить в купеческие гильдии. Зачисление в гильдии армяне рассматривали как

[1] ГИАЛО, ф. 510, св. 2, д. 8, лл. 4—7 и об.

совершенно разорительное для себя мероприятие, и в связи с этим обращались с просьбой отменить это решение, а также отменить принудительные меры, связанные с ним и ограничивающие торговлю некоторыми товарами.

Подавляющее большинство армянских колоний было расположено на юге России. Это и понятно. Интересы развития торговли и освоения целого ряда малозаселенных мест явились, по-видимому, побудительными причинами для создания целого кордона армянских колоний. Астрахань, Дербент, Кизляр, Моздок, город Св. Креста, Нахичеван-на-Дону, Крым, Григориополь, Кишинев — вот цепь армянских поселений на юге России. В климатическом отношении эти места были очень удобны для армян. Проживавшие в этих колониях армяне принимали непосредственное участие в русско-персидских и русско-турецких войнах, по мере сил своих помогая русским войскам.

В начале XVIII века армянам была предоставлена для поселения территория, где впоследствии вырос город Кизляр (основанный в 1735 году). Места были трудные для освоения: непроходимые болота, заросли камышей, постоянные разливы Терека и плохое сообщение с русскими городами характеризовали эту местность. Несмотря на эти трудности, армяне-поселенцы быстро добились значительных успехов в области земледелия. Они перенесли на новые земли столетиями проверенные на родине методы поливного земледелия и систему виноградарства, с закапыванием виноградников на зиму. Лозу для разведения они получили непосредственно из Араратской долины. И в дальнейшем основным занятием кизлярских армян продолжало оставаться земледелие и садоводство. Сеяли преимущественно пшеницу и «сарацинское пшено». Особенно процветало у них в XIX веке виноградарство. С виноградников собирали богатые урожаи, которые перерабатывались на вина и коньяки, причем все это отправлялось для продажи в Россию. Так, в 1825 году в Кизляре было выделано вина 60 000 ведер и водки — 120 000. Кроме того, жители Кизляра занимались шелководством и, частично, торговлей. В самом городе торговали главным образом тканями, а продукты земледельческого труда вывозили в Россию[1]. По данным 1816 года, в Кизляре проживало 4392 человека армян обоего пола и насчитывалось 758 виноградных садов.

[1] ГИАЛО, ф. 510, св. 2, д. 8, лл. 241—242.

В XVIII веке образовалась также значительная колония армян в Моздоке. Поскольку в Моздоке условия для садоводства и земледелия были менее благоприятными, моздокские армяне занимались главным образом торговлей.

В 1792 году была основана еще одна армянская колония — Григориополь. В Григориополе поселились жители тех городов, которые были освобождены от турок во время русско-турецкой войны, но затем по мирному договору вновь переданы Турции. В числе этих городов были Измаил, Килия, Аккерман, Ковчаниц и Бендеры. Первоначально армянское население этих городов собралось в городе Дубосары. В 12 километрах от Дубосар было отведено место для строительства Григориополя. Русское государство оказало эмигрантам очень большую материальную поддержку. Так, государственная казна отпустила 46.781 рубль на строительство 325 домов; 37.000 — на строительство церкви и монастыря; 15.000 рублей — на строительство здания для епархиального управления (*առաջնորդարան*). Дано было также 10.000 рублей ссуды сроком на 10 лет на строительство магазинов и базаров, 2.000 рублей — на строительство кофеен и бань, 25.000 рублей — на покупку скота и т. д., а также 50.000 рублей на развитие торговли[1].

Около Григориополя были основаны две армянские деревни — Иосифовка и Васильевка.

В 1799 году была основана армянская колония в Ставропольской губернии — город Св. Креста (ныне Буденновск) на территории, носившей название «Старые Мажары». В городе Св. Креста поселились армяне — выходцы из Персии; в 1816 году число их достигало 3189 человек. Вокруг города расположились армянские села: Дербентское, Малахалинское и Каражалинское. Армяне Ставрополья занимались садоводством, развели многочисленные плантации. Однако природные условия здесь оказались мало благоприятными,— поселенцы дважды сильно пострадали от наводнений, уничтоживших сады и плантации. Пострадавшим было выделено заимообразно 80.000 рублей. Из указов Павла I известно, что поселенцам города

[1] *Լեո, Հոխաբի կաթողիկոս Արգուբեանի, Թիֆլիս, 1902, էջ 90* (Лео. Католикос Иосиф Аргутинский, Тифлис, 1902, стр. 90).

Св. Креста был отпущен «на обстройку» лес, в отношении же юрисдикций на них распространялись права и преимущества, предоставленные нахичеванским армянам. Для армян был утвержден специальный суд на армянском языке, их на 10 лет освободили от податей и служб. Жители Св. Креста освобождались также от рекрутских наборов и выплаты денег на рекрут.

Однако в колонии, по-видимому, не все обстояло благополучно, так как в 1825 году произошло прямое столкновение между населением и начальством. Армян обвинили в «бунтовстве». 75 стариков — руководителей движения — были отправлены в Севастопольскую, Бобруйскую и Динабургскую крепости, многие молодые люди были сданы в солдаты. Связаны ли эти события с движением декабристов, или же 1825 год является простым совпадением,— сказать пока трудно.

В 1833 году армянские села были переданы из гражданского в военное ведомство. Жители этих сел, не желая быть причисленными к военному ведомству и «ходить в козаках», подали прошение на «высочайшее имя». Дело рассматривалось в Государственном Совете, который постановил: армян от казачьего звания освободить, но с условием, чтобы они переселились в другое место. Узнав об этом, армяне решили выселиться, и им были предоставлены земли в районе Пятигорска. Для руководства переселением были избраны депутаты — Сагател Юзбашев и Мелкон Мирзабеков. Во время переселения многие уехали в город Кизляр, часть же осела в Кизлярском округе. Всего на новые места выселились 743 человека[1].

В истории книгопечатания немалую роль сыграла армянская колония в Нахичеване-на-Дону. История этой колонии представляет большой интерес для характеристики общественно-политической жизни армян XIX века.

Нахичеванцы были выходцами из Крыма. В конце XVIII столетия положение армян, проживавших в Крыму, резко ухудшилось. Последние крымские ханы подвергали население бесчеловечному угнетению и ограблению. Армянское население надеялось на помощь России, которая после Кучук-Кайнарджийского мира стала активно вмешиваться во внутренние дела

[1] Феликс Мадейский (Губернский секретарь). Историко-статистическое описание Армян на Старых Мажарах. 1843, РОПБЛ Q IV, 243.

Крыма. Стремление армян переселиться в Россию совпало с интересами русской дипломатии. Руководствуясь интересами внешней политики, Екатерина II поручила Румянцеву и Потемкину подготовить и осуществить переселение армян и греков из Крыма в Россию[1].

В 1778 году дело переселения армян было поручено генералу А. В. Суворову. Переселение явилось стимулом к расширению знакомства с армянами А. В. Суворова, сыгравшего значительную роль в деле укрепления дружественных связей между великим русским и армянским народами. Стремясь организованно провести переселение и желая обеспечить армян-переселенцев всем необходимым, Суворов поставил перед властями вопрос о выделении соответствующих перевозочных средств, продовольствия и подходящих участков земли. Он был крайне обеспокоен необходимостью оградить переселявшихся армян от нападок и преследований крымского хана, неоднократно указывал, что надобно «...6) Защитить от всех нападков разгневанных сим случаем хана и правительства и препроводить в целости. 7) В пути скудным провиантом снабжать, а по прибытии на место всех как семенами, так и провиантом, доколь новый хлеб родится, пропитать»[2].

Шагин-Гирей-хан вел предательскую, двуличную политику в отношении греков и армян. С одной стороны, он уверял русское правительство в своей безоговорочной лояльности и наилучших чувствах к этим двум народам, с другой — он жестоко притеснял их и чинил всяческие препятствия армянам, стремившимся переселиться в Россию. К руководителям армян и греков, выступавшим в качестве организаторов переселения, Шагин-Гирей не раз пытался применить репрессивные меры. А. Суворов доносил по этому поводу князю Потемкину: «Преосвященный митрополит греческого исповедания Игнатий по первому опасному слуху выехал из Бахчисарая в российский под сим городом лагерь при Каче, и тотчас городская его квартира имела посещение от ханских людей. То же самое вскоре учинили с архимандритом армянского закона,— еле убрался к

[1] См. М. Нерсисян. Из истории русско-армянских отношений, Ереван, кн. I, 1956.

[2] Н. Дубровин. Присоединение Крыма к России, том II, СПб, 1885, стр. 558.

своим в Кафу... Не могу я довольно вашей светлости описать, в какой опасности здешние христиане были. Многие разноместно были уже под татарскими караулами; неминуемая им казнь предлежала»[1].

Несмотря на целый ряд затруднений, подготовка к переселению продвигалась успешно. Озабоченный материальным положением части переселенцев, А. Суворов докладывал Румянцеву-Задунайскому, что все готово и остается поторопить отправление 6000 фур для переброски неимущих семейств[2]. Начавшееся в конце июня 1778 года переселение армян было завершено в сентябре. Перевозочные средства обошлись в 130.000 рублей[3]. Армяне были переселены из следующих городов: Кафа, Бахчисарай, Карасубазар, Козлов, Акмечеть, Старый Крым; из деревень: Татлы, Мелик, Камышлак, Сале, Чуруксу, Бурундук-отар, Топчак, Султан-Салы, Урталак[4].

Переселившимся из Крыма армянам были предоставлены земли на берегу Дона при урочище Полуденка и созданы льготные условия для строительства и организации ремесел, торговли и сельского хозяйства. Новый город, в отличие от Нахичевана-на-Араксе, был назван Новым-Нахичеваном. Вокруг него расположились пять армянских селений — Чалтырь, Крым, Султан-Салы, Большие Салы и Несветай. Переселенцы

[1] Н. Дубровин. Присоединение Крыма к России, том II, СПб, 1855, стр. 589—590.

[2] Там же, стр. 638.

[3] Рапорт генерал-поручика Суворова графу Румянцеву-Задунайскому, там же, стр. 7 0.

[4] По данным указанного выше рапорта и приложенной к нему ведомости, всего было переселено из Крыма 310 8 христиан, из них армян 12.192 человека. По отчетам, сохранившимся в бумагах Суворова и являющимся наиболее достоверным источником, количество переселившихся армян составляет 12598 человек (см. М. Нерсисян. Ук. соч., стр. 27). По архивным же данным переселилось из Крыма всего 1665 человек армян. (Сведения о нахичеванских армянах Екатеринославской губернии, ЦГИАМ, ф. III, отд. с. е. и. в. к., № 5, ч. 47, I эксп. 1866, лл. 23—25). В других источниках указывается, что армян-переселенцев из Крыма было 15000 человек, но в основании Нахичевана принимало участие всего 2000 человек. (*Նոր-Նախիջևանի հիմնարկության պատմությունը, գրեց Սիմեկ, Թիֆլիս, 1879, էջ 42*): (История основания Ново-Нахичевана. Написал Сюлик (Р. Патканян), Тифлис, 1879, стр. 42).

столкнулись с целым рядом затруднений, в устранении которых им активно помогал А. Суворов. Так как переселение продолжалось целое лето, и на Дон армяне попали только осенью, им пришлось переждать зиму. А. Суворов принял горячее участие в размещении новоселов, и они были временно расквартированы в деревнях и казачьих станицах. С началом весны началось устройство и строительство на новом месте.

Строительство Нахичевана пошло очень быстро. На пустынном некогда берегу Дона разбивались улицы, вдоль которых воздвигались дома; открылись магазины, ремесленники отстроили и пустили в ход свои мастерские. Началось строительство нового монастыря имени Святого Креста. В этом монастыре была размещена типография Халдаряна, перевезенная из Петербурга; при монастыре открылась школа.

Нахичеванская колония стала одной из наиболее крупных и хорошо организованных армянских колоний в России. Быстрый рост и значение этой колонии отмечались и в официальных документах. Так, в 1826 году в решении комитета министров о епархии обитающих в Бессарабии армян отмечалось, что «...из всех армянских обществ в России Нахичеванское есть самое многолюднейшее; в оном считается до 10 500 душ, там находится Армянский монастырь, 6 приходских церквей и армянское духовное правление. В окрестностях Нахичевана имеются армянские селения, кои также довольно многолюдны и составляют четыре особые прихода»[1].

Армянам, переселившимся из Крыма, был предоставлен целый ряд юридических льгот и привилегий. В Нахичеване был организован особый магистрат, обеспечивавший относительную самостоятельность в управлении колонией. Магистрат состоял из отделов: судебного, полицейского, исполнительного, распорядительного и хозяйственного. Судебная часть магистрата делилась на армянскую и русскую. Главная административная и судебная власть сосредоточена была в руках председателя магистрата. В состав магистрата входило 4 члена-заседателя. Из них трое присутствовали в магистрате и, одновременно, исполняли должность приставов по городу. Один из заседателей именовался полицейским заседателем и испол-

[1] Сведения о нахичеванских армянах (Екатеринославской губернии), ЦГИАМ, ф. III, отд. с. е. и. в. к., № 5, ч. 47, I эксп., 1886, лл. 23—25.

нял полицейские обязанности. На втором заседателе лежала обязанность взыскания долгов по бесспорным гражданским обязательствам; третий занимался производством формальных следствий по уголовным делам. Четвертый заседатель заведывал Нахичеванским округом, т. е. пятью селениями, хуторами и усадьбами. Кроме того, на этих же заседателей возлагалось до 1863 года наблюдение за выполнением правил о торговле[1]. Штат магистрата выглядел следующим образом: «1) Председатель один. 2) Заседателей — четыре. 3) Секретарь и столоначальники: 4) уголовного стола, 5) гражданского, 6) исполнительного, 7) опекунского, 8) казенного. По армянской экспедиции — секретарь и переводчик»[2]. Председатель и заседатели избирались нахичеванским обществом с последующим утверждением со стороны правительства. Таким образом, система самоуправления Нахичевана была близка к буржуазным формам. Наличие избирательного ценза обеспечивало руководящую роль купцов и богачей.

Судебное законодательство в Нахичеване осуществлялось магистратом на основании «Армянского Судебника». Судебник этот был приспособлен к нуждам и потребностям нахичеванцев; так, например, специальный раздел в нем был посвящен торговому законодательству.

Кроме магистрата, в Нахичеване была и городская Дума. Работа Думы регламентировалась специальной конституцией, состоявшей из 13 статей и носившей сугубо классовый характер. Основной смысл ее заключался в подчинении большинства нахичеванского общества меньшинству, состоявшему из богатых купцов и землевладельцев. В конституции декларировалась безоговорочная солидарность с царским правительством и полное ему подчинение. Особым пунктом оговаривалась необходимость соблюдать «единство» нахичеванского общества и заранее осуждались «смутьяны» и «нарушители общественного покоя».

Нахичеванская Дума состояла из 24 представителей и 5 членов магистрата. Представители избирались из числа наибо-

[1] Сведения о нахичеванских армянах (Екатеринославской губернии), ЦГИАМ, ф. III, отд. с. е. и. в. к., № 5, ч. 47, 1 эксп., 1886, лл. 23—25.
[2] Там же.

лее имущих и «почетных» граждан Нахичевана сроком на три года. Дума собиралась еженедельно для разрешения очередных вопросов и заседала под председательством городского головы. На рассмотрение Думы поступали вопросы экономического характера, благоустройства города, положения граждан, бытовые, строительства дорог и мостов; слушались также финансовые отчеты городского головы.

В 1817 году была оформлена и принята в Нахичеване новая конституция, называвшаяся «Нерушимый закон и вечное условие». В этой конституции, одобренной клерикалами и оглашенной в церквах, было 39 пунктов, предисловие и заключение. Она была подписана 63 «почетными» гражданами Нахичевана и по существу почти ничем не отличалась от предыдущей конституции. Были только добавлены пункты, относящиеся к бытовым и конфессиональным вопросам. Конституция эта так же, как и само нахичеванское самоуправление, просуществовала только до 1825 года. После восстания декабристов, с усилением реакции в России, изменилась и ситуация в Нахичеване. Монархия Николая I, пресловутого «жандарма Европы», стремилась всемерно укрепить губернаторскую власть и полицейский надзор на местах. Этот процесс не мог не затронуть и Нахичевана. Суд утрачивает свое значение постольку, поскольку из его компетенции изымается целый ряд вопросов, решения зачастую признаются неокончательными и пересматриваются Ростовским окружным судом.

А в 1866 году был поставлен вопрос уже о закрытии магистрата: «В апреле настоящего года последовало высочайшее повеление о закрытии магистратов в 2-месячный срок со дня получения Указа. Нахичеванский магистрат, состоящий в губернии, управляемой по общему положению, должен быть так же закрыт, и губернский прокурор предписал здешнему стряпчему настаивать на закрытии магистрата к 6 июля»[1]. Нахичеванцы пытались ходатайствовать, чтобы для них было сделано исключение, однако, несмотря на временную оттяжку, магистрат в 1870 году был окончательно закрыт. Нахичеван стал непосредственно подчиняться Екатеринославской губернии. На закрытие магистрата специально откликнулся Степанос Наза-

[1] Сведения о нахичеванских армянах (Екатеринославской губернии), ЦГИАМ, ф. III, отд. с. е. и. в. к., № 5, ч. 47, 1 эксп., 1866, лл. 23—35.

рян, считавший ликвидацию магистрата положительным явлением для Нахичевана. Он утверждал, что нахичеванцам необходимо покончить со своей замкнутостью и шире общаться с населением других мест и городов. Точка зрения Назаряна не была случайной,— она отражала вполне реальные экономические задачи, вставшие перед нахичеванцами в силу изменившихся условий в стране.

С развитием капитализма в России развивается и крупная оптовая торговля; в особенности важное значение приобретает хлебная торговля на юге, Ростов и Таганрог становятся значительными торговыми центрами. Нахичеван утрачивает свое былое торговое значение, и армянские купцы, сумевшие без урона выдержать новые конкурентные условия, постепенно начинают переселяться в другие города. Говоря о южных губерниях России, как о местах, в которых наиболее развивалась культура пшеницы, как главного экспортного зерна, Ленин писал: «Только благодаря тесной связи с внутренним и с внешним рынком могло идти так быстро экономическое развитие этих местностей; и это было именно капиталистическое развитие, так как наряду с ростом торгового земледелия шел так же быстро процесс отвлечения населения к промышленности, процесс роста городов и образования новых центров крупной промышленности»[1].

Армянские колонии в России, в том числе и Нахичеван, имели особое значение. С одной стороны, они способствовали сохранению физического существования народа, с другой — благодаря тому, что в России были значительно более прогрессивные общественные формы, нежели, например, в Иране или Турции, в колониях резче выступали социальные противоречия и во второй половине XIX века развернулась классовая борьба. Развитие этой борьбы приводило к усилению революционного движения, становившегося частью общерусского революционного движения.

В Нахичеванском обществе существовала строгая материальная иерархия. По своему имущественному положению жители его делились на людей богатых, среднего достатка, неимущих и бедняков. В этой колонии резко проявлялась со-

[1] В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Сочинения, том 3, стр. 219.

циальная дифференциация. Статистические данные позволяют довольно ясно представить характер отдельных групп нахичеванского населения. Так, в начале XIX века в Нахичеване, вместе с округом, было 4615 человек. Подавляющее большинство населения составляли группы неимущих — ремесленники, мастеровые, крестьяне,— с трудом добывавшие себе пропитание. Богачи, главным образом купцы, составляли незначительное меньшинство в 110 человек. Но как раз это меньшинство, вместе с духовенством, и являлось хозяином Нахичевана. Наличие развитой социальной дифференциации обусловило развитие классовой борьбы и образование ряда партий. Классовая борьба имела место во всех армянских колониях, но в Нахичеванской она проявлялась особенно остро.

Мы располагаем следующими данными, характеризующими население Нахичевана в 1866 году.

Жителей в городе Нахичеване:

Мужского пола 8564
Женского пола 7094 Итого 15.658
Домов в городе 2160

Жителей в округе:

Мужского пола 3844
Женского пола 3688 Итого 7.532
Дворов в округе 1064

Итого в городе с округом:

Дворов	Жителей		Обоего пола
	Муж.	Жен.	
3.224	12.408	10.782	23.190[1]

Дело в том, что, в отличие от других колоний, в Нахичеване проживало и армянское крестьянство, хлеборобы. Другие колонии, такие, например, как Московская и Петербургская, не имели такой массовой базы. С основания Нахичеванской колонии жизнь в ней протекала вовсе не так спокойно, как это пытается представить Лео, превозносивший заслуги Иосифа Аргутинского как строителя и основателя Нахичева-

[1] Сведения о нахичеванских армянах (Екатеринославской губернии), ЦГИАМ, ф. III, отд. с. с. и. в. к., ч. 47, I эксп., 1866, лл. 23—35.

на[1]. Либеральная историография пыталась представить Аргутинского как бескорыстного пастыря, талантливого общественного деятеля, «спасителя» армян. На самом же деле Аргутинский, при всех своих бесспорных достоинствах, был прежде всего типичным представителем церковных кругов, получал неоднократно ценные подарки от Екатерины II и ее окружения. Прославляя самодержавие, Аргутинский был рад каждому поводу произнести верноподданническую проповедь, которая могла понравиться при дворе. Так, например, обладая удивительным патетическим даром, он отслужил слезную панихиду по поводу кончины австрийского императора, учитывая то, что последний был родственником и другом Екатерины II, и полагая, что эта панихида будет приятна императрице.

Однако трудящиеся армяне, неимущая беднота отнюдь не были в восторге от деятельности Аргутинского. Хотя Аргутинский всячески рекламировал себя в качестве основателя и покровителя Нахичевана, именно в Нахичеване образовалась очень сильная оппозиция, открыто выступившая против него. К сожалению, у нас слишком мало данных для того, чтобы детально проанализировать это демократическое движение, направленное против богатой верхушки и клерикалов. Это движение, по-видимому, охватило самые широкие слои населения Нахичевана, и во главе его встали два человека — подполковник Иван Абрамович Абрамов и Манук Дериджанян. Напрасно пытается Е. Шахазиз[2] утверждать, что в основе деятельности Дериджаняна лежала его личная ненависть к Аргутинскому, или что Дериджаняна и Абрамова побудил выступить «их дурной характер». Дело, конечно, совершенно не в этом. Дурной характер и личные счеты не могли явиться основой для того, чтобы организовать и направить волю многих сотен людей.

Движение приняло столь широкий размах, что приобрело определенные организационные формы. В доме Абрамова

[1] *Լ ե ո, Հովսեփ կաթողիկոս Արղութեան, Թիֆլիս, 1902* (Лео. Католикос Иосиф Аргутинский. Тифлис, 1902).

[2] *Ե. Շ ա հ ա զ ի զ, Պատմական պատկերներ, Յովսեփ արքեպիսկոպոս Արղութեան և Ն. Նախիջևանի հիմնարկութիւնը, Թիֆլիս, 1903* (Е. Шахазиз. Исторические картины. Архиепископ Иосиф Аргутинский и учреждение Ново-Нахичевана. Тифлис, 1903).

происходили тайные собрания. Однако по своей политической программе демократическое движение нахичеванцев было еще очень ограниченным. Беднейшие слои Нахичевана выражали свой протест против клерикалов и отстаивали принцип думского самоуправления. Для оппозиции было совершенно не ясно, какими путями можно добиться осуществления выдвигаемых задач: по свойственной деятелям этого периода наивности, они искали спасения и справедливости у... царя. Была составлена специальная петиция, которая обсуждалась на одном из тайных собраний у Абрамова. Доставить петицию в Петербург и передать ее императору взялся Манук Дериджанян.

Дериджанян не только сумел благополучно добраться до Петербурга, но и вручил петицию императору; одна копия ее была передана генерал-губернатору, а другую он направил в Ростовский суд. В петиции, представленной Дериджаняном, основной удар был нацелен на клерикалов во главе с Аргутинским. Аргутинский и его сторонники обвинялись в расхищении церковных сумм и присвоении церковного имущества, вывезенного из Крыма. Аргутинского обвиняли в попытках узурпировать власть, в стремлении разогнать Нахичеванскую Думу и единоначально управлять колонией. Он обвинялся также в наложении секвестра на городскую площадь, поскольку он объявил ее собственностью церкви и препятствовал ее застройке. Заявление было подписано 117 нахичеванцами.

Однако Дериджанян и его сторонники не учли того, что Аргутинский имел большие связи при дворе и пользовался поддержкой местных властей. Петиция на имя императора так же как и обращение к генерал-прокурору остались без последствий. Оставалось рассмотрение заявления со стороны Ростовского суда. Суд, по понятным причинам, пошел на безоговорочную поддержку Аргутинского. Вместо рассмотрения фактов, изложенных в заявлении, против Дериджаняна были выдвинуты контробвинения. Тенденциозно подбирая свидетелей, суд пытался установить виновность Дериджаняна, тем самым превращая его из обвинителя в обвиняемого. Решение суда, в котором обвинялся уже не Аргутинский, а Дериджанян, было представлено генерал-прокурору Лопухину... Дериджанян опротестовал это решение, обвинив суд во взяточничестве,

однако и на этот раз протест его не имел успеха. Наивная вера в «справедливого царя» не оправдалась.

В процессе судебного разбирательства Аргутинский и его сторонники времени не теряли. Используя свое влияние в колонии, они организовали от имени населения заявление, в котором было выставлено требование выслать Дериджаняна, как смутьяна и нарушителя общественного покоя. Суд признал Дериджаняна и Абрамова виновными и первого приговорил к каторге, а второго — к лишению звания с освобождением от занимаемой должности.

Полиция, прибывшая в Нахичеван, арестовала Дериджаняна, и он в кандалах был отправлен в Сибирь, в Нерчинск. Так закончилась в 1800 году первая попытка нахичеванцев восстать против господства реакции и клерикалов. Архиепископ Аргутинский оказался достойным предшественником Гавриила Айвазовского. История расправы с Дериджаняном с предельной ясностью показала, как рьяно поддерживало самодержавие своих верных слуг.

Однако история с Дериджаняном не могла стереть глубокие противоречия, имевшие место в Нахичеванской колонии. Эти противоречия, хотя и под спудом, продолжали непрерывно развиваться и нарастать и, наконец, в 40—50-е годы приняли вновь характер открытых столкновений. Непосредственным продолжателем дела Дериджаняна явился Габриэл Патканян — одна из трагических фигур среди армянских общественных деятелей XIX века. Упорный и настойчивый правдоискатель, активный защитник народных интересов, жестоко пострадавший за свои убеждения человек,— таким встает перед нами со страниц архивных документов отец славного армянского поэта, друг и наставник Налбандяна — Габриэл Патканян.

Формальным поводом, вокруг которого вторично разыгралась борьба в Нахичеванской колонии, явился вновь вопрос о контроле за расходованием церковных сумм. В 1829 году бывший тогда диаконом Г. Патканян потребовал от председателя духовного правления Гаврилова отчет о епархиальных доходах. В этих доходах, так же как и в остальных церковных суммах, были кровно заинтересованы «отцы» колонии, которые основательно грели на них руки. Однако дело заключалось не только в церковных суммах. Основной причиной столкновения

явилось то, что в Нахичеване образовалась сплоченная группа богатых купцов во главе с Халибовым, которая претендовала на безраздельный диктат в отношении жителей Нахичевана. Эта группа имела своих ставленников и среди духовенства, и впоследствии к ней безоговорочно примкнул епископ Гавриил Айвазовский. Интересы этой группы, естественно, противоречили интересам трудящегося населения Нахичевана. Крестьянину, ремесленнику, который с трудом обеспечивал семье кусок хлеба, чужд и враждебен был богач Халибов и вся его клика. В колонии завязалась острая политическая борьба, поддержанная массовыми движениями в армянских селах, окружавших Нахичеван. В 40-х годах крестьяне подняли бунт против Халибова и других богачей, прибравших к рукам почти все земельные участки. Бунтовщики были преданы суду, многие брошены в тюрьмы и сосланы в Сибирь[1]. Но против господства богачей и клерикалов стали подниматься трудящиеся массы Нахичевана, возглавленные Микаэлом Налбандяном.

По своему рождению и происхождению Микаэл Налбандян принадлежал к беднейшим слоям Нахичевана. Его детство и школьные годы были подобны детству тысяч и тысяч армянских детей, разделявших вместе с родителями заботы о хлебе насущном. В школе и встретился мальчик Налбандян с Габриэлем Патканяном. В течение продолжительного времени историки недооценивали политическую роль Г. Патканяна. Он изображался педагогом, поэтом, редактором, но только не тем, кем он был в действительности — активным деятелем и непримиримым борцом. В новых исследованиях последних лет Патканяна начинают рассматривать в более широком плане общественно-политической борьбы[2].

Год 1829, год рождения Налбандяна, совпал с началом той тяжелой борьбы, которую стал вести Г. Патканян в Нахичеване. Приглашенный из Астрахани на скромную должность

[1] См. *Ա շ ո տ Հ ո վ հ ա ն ն ի ս յ ա ն, Նալբանդյանը և նրա ժամանակը, Երևան, 1955, գիրք առաջին, էջ 57* (Ашот Иоаннисян. Налбандян и его время, кн. I, Ереван, 1955, стр. 57).

[2] *Շ ու շ ա ն ի կ Ն ա զ ա ր յ ա ն, Գաբրիել Պատկանյանի կյանքն ու գրական-հասարակական գործունեությունը (1830—1860-ական թթ.) «Բանբեր Մատենադարանի», Երևան, 1956, № 3* (Шушаник Назарян. Жизнь и литературно-общественная деятельность Габриэла Патканяна (1830—1860-е годы), „Вестник Матенадарана", № 3, Ереван, 1956).

армянского учителя, которую он занимал с 15 сентября 1827 года по 30 июня 1831 года, Патканян очень скоро начинает принимать живое участие в решении различных вопросов, имевших важное значение в жизни колонии. Отражая интересы наиболее бедной и обделенной части населения колонии, Патканян пришел очень скоро к неминуемому столкновению с Халибовым и его группой.

В 1831 году Халибов делает первую попытку удалить Патканяна из Нахичевана, организует его освобождение от должности учителя. На этот раз Патканяна поддержал архиепископ Нерсес, бывший тогда епархиальным начальником. Он рукоположил Патканяна в священники и в 1832 году назначил письмоводителем духовного правления. И в этой должности, как и в должности учителя, Патканян противопоставил себя Халибову, активно протестуя против вымогательства, совершавшегося под благовидным предлогом сбора церковных сумм.

В борьбе с халибовской группой Патканян приобретает все больше и больше сторонников. К их числу относится и такая колоритная фигура, как Карп Айрапетов. Айрапетов и Патканян возглавляли в Нахичеване определенную политическую группу, определенное общественное движение. Сложное по составу участников, оно охватывало самые различные слои населения: в нем принимали участие и крестьяне, и ремесленники, и купцы.

Если Нахичеванская колония и была армянским островком в море русской жизни, то неверно было бы представлять себе дело таким образом, что армяне были отделены от этой жизни некоей каменной стеной. Наоборот, сотнями и тысячами невидимых нитей были связаны они с экономической и политической жизнью страны.

По-видимому далеко не случайно борьба Дериджаняна и Абрамова почти совпала по времени с той борьбой, которую вел Радищев и его сторонники. Не случайно деятельность Хачатура Абовяна явилась выражением на армянской почве тех прогрессивных передовых идей, за которые сражались в России декабристы. И, наконец, не случайно особенно обостряется политическая борьба в колонии в эпоху 40—50 годов.

Неужели можно думать, что настроения армянских крестьян, проживавших вокруг Нахичевана либо Кизляра, или

в Армянской области, не зависели от настроений русского крестьянства? Ведь известно, что массовый протест этого крестьянства нарастал с каждым годом,— вспомним хотя бы «холерные бунты», кривую массовых крестьянских движений.

Армянские крестьяне, проживавшие вокруг Нахичевана, были на особом положении. Русское крестьянство на юге также было относительно свободнее. По данным 10-ой ревизии 1856 года, в Екатеринославской губернии крепостные крестьяне составляли всего 31,5%. Рядом находились земли Войска Донского, известного традициями своей вольницы. Не случайно были зарегистрированы многочисленные выступления крестьян Екатеринославской губернии с выражениями протеста и возмущения. Возьмем хотя бы протест ста крестьян помещика Клевцова, которые явились с жалобой на него в губернский город, а по их возвращении взбунтовались и оставшиеся 620 человек их односельчан. Ясно, что армянские крестьяне, проживавшие на берегу Дона, были прекрасно осведомлены о всех этих событиях.

В этой связи обостряется борьба и, что особенно отчетливо заметно, в 40-е годы в колонии происходит окончательное размежевание политических сил. Нерсес, ставший из архиепископа католикосом, проездом в Эчмиадзин в 1845 году блокируется с Халибовым и, по требованию последнего, переводит Патканяна в Тифлис. Тем самым Халибов делает вторую попытку убрать Патканяна из Нахичевана.

Отъезд Патканяна в Тифлис отнюдь не ослабил активности оппозиционной группы. На арене политической борьбы появляются новые деятели и, прежде всего, Микаэл Налбандян. Уже в годы ученичества проявилась непримиримость Налбандяна. Будучи вынужден посещать школу Екеняна — невежественного и бездарного начетчика, Налбандян не только бурно протестует против изгнания из Нахичевана своего учителя Г. Патканяна, но и отказывается посещать школу, в которой ему нечего отныне делать. Приступив к работе в должности писаря Нахичевано-Бессарабской епархии, Налбандян с темпераментом подлинного политического борца разоблачает клерикалов, во главе с католикосом Нерсесом, и богатеев — во главе с Халибовым.

В это время Г. Патканян получает в Тифлисе разрешение

на издание журнала «Арарат». Продолжая поддерживать крепкие связи со своим учителем, Налбандян на страницах «Арарата» печатает свои первые произведения — политические сатиры. Вступление Налбандяна в общественно-политическую жизнь Нахичевана придало новую остроту политической борьбе.

В 1851 году в Нахичеван удалось вернуться Габриэлу Патканяну. Первоначально он устроился старшим священником, однако вскоре происками Халибова ему в этой должности было отказано и он остался без работы. Однако это нисколько не повлияло на его политический темперамент. Наоборот, он с еще большим ожесточением нападает на халибовцев. Последние, однако, изменили несколько точку зрения на своих политических противников. Не Айрапетова и не Патканова считают они теперь своими главными врагами,— нет, это почетное звание относится теперь к Налбандяну. Считая Налбандяна одним из наиболее сильных и опасных противников, они решают принять сразу все возможные меры к его изоляции.

Между тем, юноша Налбандян, приняв, в виду крайне стесненных материальных обстоятельств, сан дьячка, нисколько не унывая и не опасаясь сгущавшихся над ним туч, разъезжал по югу России. Казалось, не было города, куда бы он не заглянул. Одесса, Херсон, Кишинев, Симферополь, Феодосия — вот далеко не полный перечень тех мест, где он успел побывать с 1849 по 1853 год. Здесь, впервые выйдя за околицу родной колонии, он окунулся в широкую народную стихию великой России.

Обычно исследователи, занимающиеся изучением жизни и творчества Налбандяна, говоря о его связях с Россией,— начинают с Белинского, Герцена, а иногда и прямо с Чернышевского. Но не с них надо начинать, и не так было на самом деле в исторической действительности. Эти связи начинаются с общения Налбандяна с русским народом. Именно здесь, на юге России, Налбандян впервые столкнулся с русским крестьянином, крепостным или беглым, с донским казаком, у них он стал учиться русскому языку. Русский народ, простые русские люди, с которыми он встречался и в окрестностях Ново-Нахичевана, и на донских берегах, и в степях под Херсоном, учили его видеть и понимать бездну народного горя, учили его любить свой родной, такой же обездоленный армянский народ. И в этом, именно в этом была огромная сила Налбандяна. Нерушимая связь с народом привела его и к русской революционной демократии и к пониманию вековых традиций культурного наследия.

Каждое возвращение в Нахичеван все теснее и теснее стягивало узел противоречий вокруг Налбандяна. В 1853 году католикос Нерсес добился распоряжения Воронцова таганрогскому градоначальнику об аресте и высылке в Эчмиадзин непокорного дьячка. Пятого июня Налбандян, вернувшись из Кишинева, гостил у своего учителя и друга Габриэла Патканяна. Внезапно он увидал в окно приближавшихся полицейских. Сообразив, что это идут за ним, он выскочил через кухню во двор и на пролетке Патканяна умчался в Ростов, откуда выехал в Кишинев.

Обыск в доме Патканяна ничего не дал, однако возвращаться в Нахичеван уже было невозможно — слишком опасной была расправа, намеченная Эчмиадзином. В июле 1853 года Налбандян выехал в Москву.

Неудача с арестом Налбандяна еще больше ожесточила нахичевано-эчмиадзинскую клику реакционеров. Упустив ученика, они решили расправиться хотя бы с учителем. С этой целью Халибов организует беспримерную по своей инфернальной жестокости провокацию против Габриэла Патканяна[1]. Путем использования темных связей и привлечения лжесвидетелей Халибов обвинил Патканяна в покушении на убийство. Он донес таганрогскому градоначальнику, якобы Габриэл Патканян, покушаясь на его жизнь, готовит против него террористический акт. В связи с этим он просил представителей власти взять его под защиту и направить для расследования этого дела начальника таганрогской жандармской команды барона Клейста (Клейст был давнишним приятелем Халибова). Таганрогский градоначальник 10 августа 1853 года направил Клейста в Нахичеван. Здесь Халибов представил Клейсту двух подкупленных лиц — мещан Измаильцева и Терзиева, которые показали, что Патканов подговаривал их за вознаграждение лишить Халибова жизни. Для того, чтобы поймать Патканяна «на месте преступления» и, таким образом, иметь

[1] ЦГИАЛ, ф. 821, оп. 140, 1858, д. 30.

достаточно оснований для его ареста, Клейст по подсказке Халибова организует инсценировку встречи Патканяна с предполагаемыми убийцами. С этой целью двух жандармов — Сидора Стягина и Якова Алейхова, а также мещанина Федора Гаврилова переодевают в разбойников, Измаильцеву же вместе с Терзиевым поручают привести Патканяна к месту встречи с «разбойниками» на кладбище.

В это время ничего не подозревавший Патканян был занят обжалованием несправедливых действий епархиального начальства и хлопотал об устройстве на работу, которой он в течение довольно продолжительного времени был лишен. Не зная достаточно процедур судопроизводства, он решил обратиться к адвокату Карчевскому за советом и составлением официальной просьбы. Не будучи знаком с Карчевским, он решил прибегнуть к помощи посредника; как раз в это время подвернулись Измаильцев и Терзиев, назвавшиеся хорошими знакомыми Карчевского. Поэтому, когда Измаильцев и Терзиев пришли к нему и сказали, что вечером нужно передать деньги посланному от адвоката Карчевского (который проживал в Черкасске), Патканян им поверил и обещал прийти, хотя его несколько удивило место свидания — кладбище.

Предоставим далее слово архивному документу: «Между тем, преследователи Патканова — барон Клейст, стряпчий Семенов и заседатель Маслинов с понятыми, предварив прибытие Патканова на кладбище, спрятались во рву оного и ожидали, пока окончится совещание, приказав жандармам, по взятии у Патканова установленной платы, дать знать об окончании совета свистком, что и было тоже исполнено. На свисток все они, в том числе и Халибов, явились на место совещания, где увидели Патканова, задержанного жандармами и бывшего в крайнем недоразумении...»[1].

Так началось дело «Об армяно-грегорианском священнике Патканове, осужденном за покушение на убийство». В этом деле объединились две темные силы — армянская реакция и царское самодержавие. Медленно, с педантичной аккуратностью, дело о «священнике Патканове» переходило из одной бюрократической инстанции в другую. Ростовский городской

[1] ЦГИАЛ, ф. 821, оп. 140, 1858, д, 30, лл. 11—34.

магистрат вместе с уездным судом присудил Патканова к годовому заключению в Ростовском остроге с последующей отдачей его под надзор полиции по месту жительства. Екатеринославская уголовная палата определила: «Священника Гавриила Патканова виновным в других взводимых на него преступлениях, по недоказуемости оных, не признавать, в подговоре же убить коллежского секретаря Халибова иметь его, Патканова, по силе 1172, 1175, 1176, 1177 и 1207 ст. XV Т. Св. Зак. в сильнейшем подозрении, предоставив епархиальному начальству удалить Патканова из г. Нахичевани, где имеет жительство Халибов. Прочих лиц виновными не признавать»[1]. С этим решением были согласны и прокурор и губернатор. Однако Сенат, благодаря вмешательству Халибова и его покровителей, отменил это решение и определил: «Священника Патканова за покушение на жизнь коллежского секретаря Халибова и подговор к тому злодеев, лишив всех прав состояния, сослать в Сибирь на поселение»[2]. Министр внутренних дел Ланской, не согласившись с решением Сената, предложил Государственному Совету: «Гавриила Патканова виновным в других взводимых на него преступлениях не признавать, в покушении же на жизнь коллежского секретаря Халибова оставить его, Патканова, в подозрении, предоставив епархиальному начальству удалить его из Нахичевани»[3]. В ответ на это предложение Гавриил Айвазовский, управлявший в это время Нахичевано-Бессарабской епархией, предложил отправить Патканяна в один из армянских монастырей на покаяние. После этого дело вновь поступило в Сенат. А тем временем, пока исписывались ворохи бумаги, священник Патканян томился в тюрьме. «Рассмотрение» продолжалось 10 лет и семь из них Патканян провел в заточении. Наконец дело попало к самому императору и, ознакомившись с ним, Николай I в декабре 1859 года наложил следующую резолюцию: «Если он оставляется по столь важному преступлению в сильном подозрении, то должен быть лишен священнического сана»[4].

22 марта 1860 года Патканян был освобожден из Ростов-

[1] ЦГИАЛ, ф. 821, оп. 140, 1858, д. 30, лл. 23 об., 24.
[2] Там же, л. 25.
[3] Там же, л. 34.
[4] Там же, л. 58 об.

ского тюремного замка и 3 августа того же года лишен священнического сана в присутствии членов Нахичеванского армянского духовного правления. Цель Халибова и его приспешников была достигнута — в течение семи лет Патканян был изолирован и лишен возможности принимать участие в общественно-политической борьбе.

Однако освобождение Патканяна крайне взволновало его противников, твердо решивших во что бы то ни стало убрать его из Нахичевана. На этот раз за осуществление этого замысла взялся Гавриил Айвазовский. Он подал заявление министру внутренних дел Ланскому следующего содержания: «Он (Патканян — С. А.) возбуждает жителей против духовенства и против начальства, изыскивает все средства, чтобы вредить духовенству, ходит из дома в дом и везде посевает раздоры, а в последнее время занялся обучением детей, на развитие которых имеет весьма вредное влияние»[1]. Одновременно с этим Айвазовским была организована подача в тот же адрес прошения священников Нахичевана о высылке Патканяна за пределы Нахичевана.

Этих двух заявлений оказалось вполне достаточно для того, чтобы еще раз решить судьбу Габриэла Патканяна. Главный начальник III отделения распорядился выслать Патканяна на жительство в Вятку, с учреждением там за ним полицейского надзора[2]. Патканян вновь был арестован и выслан.

Но за оклеветанного и преследуемого отца начали хлопотать сыновья Иван и Рафаэл. Крайне возмущенные и взволнованные, они обратились к графу Сиверсу, директору департамента духовных дел иностранных исповеданий, с просьбой о переводе отца либо в Тверь, либо в Новгород. Они писали: «Хотя Министерство внутренних дел на эти доносы Айвазовского через генерал-губернатора, и сей последний через Ростовского городничего, спросило мнение общества нахичеванских армян, и хотя нахичеванское общество очень похвально и лестно отозвалось о нашем родителе, но эти отзывы общества, по ухищрениям Халибова и Айвазовского, не дошли до сведения Министерства, а было доложено ему мнение совершенно противоположное, вследствие чего последовала несправедливая ссылка нашего родителя»[1]. Однако Сиверс не согласился направить Патканяна в Новгород или Тверь, а перевел его в Кострому.

[1] ЦГИАЛ, ф. 821, оп. 140, 1858, д. 30, л. 64 об.
[2] Там же, л. 82.

После длительных хлопот в 1863 году Габриэлу Патканяну было разрешено переехать на жительство к сыновьям в Петербург. И здесь, уже в 1876 году завершается эта трагическая история: оказалось, что десятилетия преследований, семь лет тюремного заключения, высылка — все это, с точки зрения царских чиновников, было лишь небольшим недоразумением. Пришлось признать, что никакого покушения на убийство со стороны Патканяна не было.

Товарищ министра Н. Гирс писал 9 марта 1876 года министру внутренних дел: «Патканян, как сообщает генерал-адъютант Игнатьев, известен между армянами за весьма даровитого человека и пользуется в Константинополе большим уважением. Будучи оклеветан и судим в 1853 году по проискам бывшего нахичеванского городского головы Халибова (как ваше высокопревосходительство изволите усмотреть из прилагаемой при сем записки, сообщенной послом нашим), он был лишен духовного сана и ныне, спустя 17 лет по окончании своего процесса и достигши уже совершенной старости, желал бы провести остаток дней своих преимущественно в Константинополе, где проживают его родственники»[2]. Это признание было сделано в секретной переписке. Опасаясь намерения Патканяна выехать и не желая предавать гласности это скандальное дело, император (на этот раз Александр II) издает указ «О полном монаршем помиловании» Патканяна в преступлениях, которые он не совершал. Таков был заключительный аккорд царского правосудия...

История Патканяна раскрывает перед нами методы и формы политической борьбы в армянских колониях. Патканян был изолирован и выведен из строя, но борьба продолжалась и разрасталась, все более и более ожесточаясь.

Начало пятидесятых годов знаменует собой новый этап в развитии армянского революционного движения, которое становится постепенно частью общерусского революционного движения, обретая в нем источник новой силы.

[1] ЦГИАЛ, ф. 821, оп. 140, 1858, д. 30, л. 85 об.
[2] Там же, л. 149 об.

Армянские клерикалы и реакционеры легко расправились с Габриэлом Патканяном, потому что он был в своей деятельности одинок. В трагическом одиночестве, в порыве безысходного отчаяния погиб и Хачатур Абовян. Судьба Налбандяна сложилась иначе. Он не был одинок — плечом к плечу с ним стояли насмерть великие деятели русской революционной демократии. В ней черпал он силу и несгибаемую волю, у нее он учился. И армянская реакция не сумела с ним расправиться. Понадобился разгром революционного движения шестидесятых годов, наступление общегосударственной реакции, процесс 32-х для того, чтобы Налбандян оказался в Петропавловской крепости. В этой силе единения сказались первые результаты сплочения революционных деятелей разных национальностей.

* * *

Армянские колонии в России сыграли исключительную роль в исторических судьбах народа. Народ, вынужденно покинувший родную землю, нашел в России вторую родину; родными стали для него русские города, в которых разместились колонии. Армяне получили право и возможность участия в экономической жизни страны — в ее промышленности, сельском хозяйстве, в частности садоводстве, ремеслах и торговле.

В колониях начало развиваться просвещение, были организованы армянские школы. Фактором исключительной важности явилось развитие армянской печати. Почти все колонии без исключения имели свои типографии, армянские периодические издания и книги печатались в очень многих городах России. В научных центрах, какими являлись Петербургский и Казанский университеты, Лазаревский институт в Москве, успешно развивалось арменоведение, готовились кадры высококвалифицированных специалистов по армянскому языку, истории и литературе. Даже после присоединения Восточной Армении к России в 1828 году колонии еще долгое время продолжали оставаться средоточием армянской интеллигенции и культуры. Однако, наряду с этими, бесспорно благоприятными условиями, жизнь в царской России была чревата и многими отрицательными явлениями и неизбежными противоречиями, с которыми приходилось сталкиваться и армянам. Пересе-

лившиеся в Россию армяне стали неотъемлемой частью населения русского государства. Армяне жили теми же радостями и печалями, что и русские люди. Это выступает особенно ярко на исторических переломах в жизни страны. Так, например, в Отечественную войну 1812 года армяне не только принимали боевое участие в рядах действующей армии, но и организовывали в армянских колониях народное ополчение и собирали пожертвования на военные нужды (причем особенно были активны в этом отношении жители Ново-Нахичевана и Астрахани). Разделяя судьбу русского народа, армяне принимали участие в общерусской революционной борьбе и в шестидесятых годах, и в 1905 году, и в Великой Октябрьской социалистической революции.

Созидая национальную культуру, передовые армянские общественные деятели сталкивались с многочисленными препятствиями. Одним из таких препятствий была цензура, тормозившая и ограничивавшая развитие армянской печати. Армянская печать в этой борьбе не была одинока, —она выступала единым фронтом с передовой русской печатью и с прогрессивной печатью других народов.

ГЛАВА II

РУССКАЯ ПЕЧАТЬ ОБ АРМЕНИИ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЦЕНЗУРЫ

Историей развития армянской печати в колониях далеко еще не исчерпываются вопросы развития армянской печати в России. Эта история значительно шире и глубже. Во-первых, армянская печать, издававшаяся в России, распространялась далеко за ее рубежами и интересовала армян, проживавших в самых различных странах. Во-вторых, вопросы армянской культуры освещались и разрабатывались не только на армянском, но и на русском языке. Для армян, проживавших в России, изучение русского языка было всегда жизненно важным. Владение языком давало широкие возможности участия в экономической жизни страны, открывало перспективы для получения образования, овладения разными специальностями. Издание арменоведческих работ на русском языке расширяло аудиторию и служило взаимообогащению двух народов. Содержательные печатные источники об Армении, ее культуре и литературе можно было найти не только на армянском, но и на русском языке. Статьи по вопросам арменоведения широко печатались и в русской периодике. Более того,— такие крупные ученые как Патканов, Эмин, Адонц и другие печатали свои исследования преимущественно на русском языке.

Об исключительном значении русского языка в развитии армянской культуры в свое время писал и Хачатур Абовян: «Какой из Восточных или из Западных языков может в этом отношении споспешествовать нашей нации более всех, как не Русский, которого польза и качества заставили и образованные народы нашего времени заниматься им, тем более Армян, которые видят всю необходимость изучения его...»[1].

В XIX веке в России были изданы многочисленные книги и опубликованы статьи на русском языке, трактовавшие о различных вопросах, связанных с Арменией и ее культурой. Авторами этих трудов были, с одной стороны, армяне, прекрасно владевшие русским языком, которым они пользовались наравне с армянским, с другой стороны— русские авторы, специально интересовавшиеся Арменией и ее культурой.

Русские люди давно проявляли интерес к Армении[2]. Значительную роль в удовлетворении этого интереса сыграли в свое время русские путешественники. Пытливый ум русского человека всегда с жадностью стремился к познанию мира. Далеко за пределы своей родины, в неведомые страны уходили русские люди — землепроходцы, открывали новые края. Путешествия были сопряжены с большими опасностями, парусники нередко гибли во время бури, караваны часто подвергались нападениям. Путешествие требовало смелости, находчивости и подчас становилось настоящим подвигом.

В XV веке русское государство расширяет и укрепляет свои международные связи. Усиленно развивается торговля с Востоком. Караваны русских купцов устремляются по Волге и Каспийскому морю к Индии, в Крым, Малую Азию, Персию и Египет. Русские купцы вывозили меха, кожу и другие товары, а с Востока возвращались с шелками, пряностями, благовониями, предметами роскоши. Среди первых русских путешественников, помимо купцов, были и дипломаты. С расширением международных связей русское государство начинает направлять свои посольства в другие страны. Так, Иван III снарядил в Шемаху посольство во главе с Василием Папиным. Одновременно с Папиным, за четверть века до Васко да Гама, знаменитый русский путешественник Афанасий Никитин от-

[1] Музей литературы и искусства АН АрмССР. Рукописный отдел, ф. Абовяна, д. 27.

[2] Одним из наиболее ценных источников, раскрывающих перед нами интересы и мировоззрение русского человека в древности, являются знаменитые летописные своды. Эти древнейшие своды свидетельствуют о знакомстве русских людей того времени с Арменией и армянами. Так, например, Армения фигурирует в таком древнейшем летописном своде как „Повесть временных лет" (XII век).

правился в Индию. Наряду с купцами и дипломатами были среди путешественников и паломники.

Независимо от того, кем был путешественник — дипломатом, купцом или паломником, он стремился сделать почерпнутые во время путешествия сведения достоянием общественности. Так возникает оригинальный и интересный жанр древне-русской литературы — знаменитые «хождения». Тема странствования — одна из наиболее распространенных в народном творчестве и литературе. Святогор-богатырь говорит: «Много годов я по свету езживал». Илья Муромец едет из Муромля «во Киев град», в путь-дорогу собирается и Дюк Степанович, по жребию уезжает за моря Садко. Гомер прославил одного из первых «путешественников» древности Одиссея; и, наконец, постоянной темой арабской касыды было странствование по пустыне. Первые путешественники, вернувшись на родину, стремились рассказать соотечественникам о том, что видели они в чужих далеких краях.

Подобно тому, как в горной породе тонкими жилками сверкают минералы, так и в хождениях блещут сплошь и рядом отрывки высокохудожественной прозы, поэзии и интересных наблюдений. Во время странствования авторы «хождений» видели много нового, сталкивались с незнакомыми людьми, широко раздвигались перед ними границы мира.

Путь на Восток, на Юг лежал очень часто через Закавказье и Армению. Впервые перед русскими путешественниками вздымались горные хребты и, преодолевая заоблачные перевалы, они любовались необычными красотами древней, неведомой страны. На страницах «хождений» мы встречаем зарисовки Армении и данные об армянском народе. Уже начиная с XIV века, русский читатель мог почерпнуть сведения об армянском народе и его стране из «хождений», распространявшихся в списках.

Вполне закономерно, что ранние записи об Армении относятся к ее историческому прошлому. Дьякон Игнатий, отправившийся в 1389 году в путешествие из Москвы в Царьград и Иерусалим, по приказанию митрополита Пимена вел записки, в которые заносил все виденное и замеченное. В «Хождении» Игнатия отразилась услышанная им во время путешествия версия об историческом прошлом Армении и армянского народа.

Беглое упоминание об Армении мы встречаем и в «Хождении» иеродиакона Зосимы (1420 год): «Армянская земля» названа здесь, по-видимому, только для географической ориентировки: «...и тут стоит град Троада на самом устье. Отселе выходят пути на Великое море: направо пойдти ко Святой горе, и к Селуню, и ко Арменской земле, и к Риму; налево же ходят правоверии ко Иерусалиму»[1].

Армян встречаем мы и в «Истории о Казанском царстве» (XVI век). В главе «О встретени царя и великого князя епископ и всего народа московского и о красоте и ополчения его» армяне со всем русским народом встречают царя: «...и позвонеся великий град Москва,— писал летописец,— и изыдоша на поле за посад встретити царя и великого князя князи и вельможи его и вси старейшины града, богатии и убози, юноша и девы и старики со младенцы, черницы и черницы и спроста все множество бесчисленное народа московского и с ними же вси купцы иноязычныя, турци и армены и литва и многия странницы».

С армянами встречался «купчина, Московский гость Федот Афанасьев сын Котов», совершивший в 1623 году путешествие в Персию. Котов подробно описывает состояние торговли, а также рынков и майданов, на которых ему пришлось побывать. Он уделяет особое внимание путям для перевозки товаров, взаимоотношениям послов и купцов с шахом персидским. Котов наблюдал жизнь армянского населения не только в Армении, но и в Дербенте, Шемахе и Исфагани. В «Хождении» Котова мы встречаем одно из самых ранних описаний Эриванской крепости[2].

«...от Геньжи 6 дней ходу до Равана горами, а в Раване город каменной стоит на ровном месте над рекою над Зетичею, а широка река человеку камнем бросить. А от города Равана полдни ходу, тут стоят три церкви Арменские велики, и бывали стройны, и то место и Раван бывало Арменское цар-

[1] Сахаров. Путешествия русских людей в чужия земли. Изд. второе, часть II, СПб, 1837, стр. 45.

[2] Котов был в Эриванской крепости спустя 41 год после ее основания.

ство, тот настольный город был, а церквами для того называем, что на них кресты, а две церкви стоят пусты, а в третьей поют Арменья, а в церкви образов никаких нет, только крест да образ Пречистые Богородицы и колокол есть невеликой, а звонят временем бояся бусурман. Да над тем же городом Раванию на полдень стоит гора добре высока и велика, а верх взошел что колпак, а русских верст до ней ходу от города Равана больши 10, а около тое горы сказывают ходу 5 дней, и на той горе лежит вековой снег зимою и летом; а на ту гору восходу нет никому, а на той горе стоит Ноев ковчег, а Персы и Турки тое гору называют Султана-агры-Тогорезов,— по их, да они зовут Башь-даками..., а у нас тое гору зовут Арарат»[1].

Легенду о невозможности восхождения на Арарат Котов слышал, по-видимому, в Эчмиадзине или Эривани. Как известно, эта легенда усиленно поддерживалась церковниками вплоть до восхождения Паррота и Хачатура Абовяна. Со свойственной некоторым путешественникам того времени наивной доверчивостью Котов излагает эту легенду как достоверный факт и знакомит соотечественников с Арменией как со страной, лежащей на пути в Персию. Знаменитый караванный путь с Востока на Запад мимо предгорий Арарата воскресал вновь как путь с Запада на Восток.

Котов специально интересовался культурой армянского народа, армянским языком и алфавитом. В списке «Хождения», опубликованном М. П-им и восполняющем текст Погодина, мы находим у Котова запись армянской азбуки:

«Се же азбука арменьская: аинь, пень, кень, та, ечь, за, е, еть, то, же, инни, лон, хе, ца, кень, гоц, кат, че, мень, и, но, ша, по, ча, бе, че, ра, се вев, дюн, ре, цо, фун, пур, ке ечь, за а всас»[2].

[1] „О ходу в Персидское царство и из Персиды в Турскую землю и в Индию и в Урмуз, где корабли приходят". Взято из рукописи 1-й половины XVII в. Сообщ. М. П. Погодиным. См. „Временник императорского московского общества истории и древностей российских", кн. 15-ая, Москва, 1852, стр. 20. См. также: Н. М. Петровский, Новый список путешествия Ф. А. Котова. „Известия отделения русского языка и словесности АН", том XV, книжка 4-ая, СПб, 1910, стр. 287—2 9.

[2] М. П-ий. Хождение на Восток Ф. А. Котова в первой четверти XVII века. „Известия отделения русского языка и словесности АН", том XII, книжка 1-ая, 1907, стр. 123.

Эта неточная запись была сделана Котовым вероятно со слов; восприятие на слух и отсутствие транскрипции не дали возможности путешественнику адекватно воспроизвести армянский алфавит. Приведенная запись 1623 года, очевидно, одна из первых. Позднее русскую транскрипцию армянской азбуки можно встретить у целого ряда авторов[1].

Котов побывал в Армении в период очень скорбный для армянского народа. Это были годы непрерывных войн между османскими и персидскими армиями. В «Хождении» Котова отразились опустошение страны и тяжелое положение армянского населения.

Почти следом за Котовым путешествовал по Армении купец Василий Гагара. Он также отмечает в своем «Хождении» запустение края и массовые выселения из армянских городов. Василий Яковлев Гагара был уроженцем города Плеса на правом берегу Волги[2]. Большую часть своей жизни он провел в Казани, где занимался торговлей. Однажды корабль с товарами, посланный Гагарой морем в Персию, потонул, и он разорился. Неудача, постигшая Гагару, побудила его искать новые, уже сухопутные пути на Восток, и он под «благочестивым» предлогом паломничества предпринял хождение в Иерусалим.

«Хождение» Гагары выделяется из круга памятников паломнической литературы, изобилуя наблюдениями светского характера. Гагара был достаточно проницательным и наблюдательным «паломником» и сумел привезти в Россию важные сообщения о положении дел на Востоке. За доставленные сведения ему было пожаловано царем Михаилом Федоровичем звание «Московского гостя».

Написанное, как устанавливает Адрианова-Перетц, с неподдельной безыскусственностью московской речи XVII века[3],

[1] См. Девица Клеопатра Сарафова. Книга, содержащая в себе ключь познания букваря, словаря и некоторых правил из нравоучения, в Санкт-Петербурге, 1788 года, или *Նոր այբբենարան հայկական, Ս. Պ. Բուրգ, 1858։*

[2] См. „Житие и хождение в Иерусалим и Египет казанца Василия Яковлева Гагары 1634—1637 гг." под редакцией С. О. Долгова, „Православный Палестинский сборник", 33-й выпуск, СПб, 1891.

[3] См. по этому вопросу В. Адрианова-Перетц „Хождение в Иерусалим и Египет Василия Гагары", „Сборник Российской публичной библиотеки", Петроград, 1924, стр. 230—247.

«Хождение» Василия Гагары заключает в себе много интересных сведений о Грузии и Армении начала XVII века.

До Иерусалима Гагара шел больше года, часто отклоняясь от своего пути и посещая города, которые представляли торговый интерес. Часть этого пути пролегала через Армению. Вот какое впечатление произвела она на Василия Гагару: «Тамо же стоит град именем Реван. Бывал турского царя, за царем персидским, близ же того града Ревани стоит гора Араратская день ходу до нея, а на той горе лежит снег, а наверху тоея горы стоит Ноев ковчег потому тот Ноев ковчег и знать, что концами стал на двух горах, а промеж горами великая щель ин стое щели того ковчега видеть дно, а дно у ковчега черно, а гора та вельми высока аще человек идет на нея девять дней на нея зрит а не может дойти до верху ея. А ежели же на гору ту кто и войдет иномало вспять возвращаются. Потому что вельми на ней студено и тамо от мраза измирает. Близ Севастии града озеро Севастинское 15 поприщ и больши. В нем мучени быша четыредесят мучениц. А Кесария же стоит близь горы вельми страшно а и с тоя горы была вода во едину пору и тот град хотела потопити и кесарияне перенеслися на иное место 5 поприщ а то место запустело»[1].

В записях Гагары об Армении привлекают внимание разночтения, представленные в четырех списках. По-видимому, один из списков был наиболее полным; возможно, что это был список, опубликованный во «Временнике общества истории и древностей российских», в котором отразились географические и экономические наблюдения автора. Он рассказывает об Араратской долине, реке Араксе, о животном мире, шелководстве в «Кизылбашской» (персидской) земле.

В XVII веке значительно усиливается интерес русского го-

[1] РОПБЛ. Собрание Буслаева Q XVII, № 211, лл. 209—210. Известен также целый ряд опубликованных списков „Хождения Василия Гагары". В списках как Р. О. так и печатных, имеются разночтения. См. Сахаров. Сказания русского народа, том II, стр. 111—112. Местонахождение списка, по указанию Долгова, неизвестно.

„Временник общества истории и древностей российских", кн. 10, стр. 15, 1851. Иерусалимское хождение, сообщенное И. М. Местонахождение списка по указанию Долгова также неизвестно.

Житие и хождение в Иерусалим и Египет казанца Василия Яковлева Гагары. 1633—1637, под редакцией С. О. Долгова. „Православный Палестинский сборник", том XI, выпуск 3, СПб, 1891, стр. 4—5.

сударства к Закавказью. В свою очередь народы Закавказья связывают с Москвой надежды на свое освобождение от турецкого и персидского владычества. Василий Гагара был в числе тех первых русских людей, которые в XVII веке шли по пути непосредственного сближения с армянским народом, живо интересовались его запросами и судьбами.

Современник Василия Гагары Арсений Суханов был послан в Иерусалим с определенным заданием — описать «святые места» и греческие церковные чины. В продолжение путешествия Суханов вел ежедневные записи, названные им впоследствии «Проскинитарий» («Поклонник»). В 1651 году, во время третьего путешествия в Иерусалим, Суханов избрал обратный путь в Москву через Армению и Кавказские горы. Путевые записки Суханова содержат красочные описания природы, но от его наблюдательного взора не ускользнули и различные стороны жизни народа. Русский читатель XVII века мог найти в записках Суханова интересные сведения о земледелии и полеводстве в районе Эрзерума, климатических условиях и условиях пути, географии края и взаимоотношениях, существовавших между армянами и турками. Суханову пришлось довольно близко общаться с армянами,— он двигался вместе с ними в одном караване. Выехав из Эрзерума, Суханов записывает: «Около Ерзерума все горы снежные... Вниз по реке по Муратсу от Ерзерума долина велика и долга, по ней по обе стороны под горою деревни многия и села. Армяне и турки живут; и пашни хорошия и луга и горы с травой скотопасные, и воды хорошия текут от снежных гор от снегу; хлеб гораздо добр, токмо зелен; пшеница хороша, только колосится, а иная в волоти, також и ячмень; понеже место хладно от снегу с горы и студено, без шуб ехать нельзя и в лето, и дожди бывают часто, от горы от снегу облака раздаются и дают дождь, и того ради все зелено»[1].

Рассказывая о природных богатствах края, Суханов писал и о том тяжелом положении, в котором находилось население под турецким игом.

Среди памятников XVII века большой интерес представляет собою «Повесть о Бове Королевиче», в которой действие

[1] Сахаров. Путешествия русских людей в чужия земли, изд. второе, часть II, СПб, 1837, стр. 217.

происходит в Армянском царстве. Бову Королевича покупает у корабельщиков армянский царь Зензевей Айдарович. Очарованная красотой и богатырскими подвигами Бовы, влюбляется в него дочь армянского царя, красавица Дружевна. В дальнейшем Бова женится на Дружевне и у них рождаются два сына-богатыря. Эта повесть является, по-видимому, одним из наиболее ранних упоминаний об Армении в русской художественной литературе.

В XVIII веке интерес к Армении и ее культуре значительно усиливается. Очень характерна в этом отношении Петровская эпоха.

Петр принадлежал к числу тех русских государственных деятелей, которые непосредственно интересовались судьбами армян и оказывали им возможную поддержку. Экономические и внешнеполитические интересы побуждали Петра I встречаться с армянскими деятелями — Исраэлом Ори, Вартапетом Минасом и многими другими. При Петре I, как известно, армяне были привлечены к военной службе. Сошлемся, например, на Мирона Васильева — пешего капитана, 30 лет прожившего в Москве, достигшего там знатности и богатства, имевшего собственный дом[1]. Общение Петра I с армянскими деятелями имело очень большое значение не только с точки зрения экономической и внешнеполитической, но и с точки зрения научной. Государственные задачи определяли развитие востоковедения и, в частности, арменоведения в России.

Несмотря на большое количество полезных и ценных сведений, которые заключали донесения и письма Исраэла Ори и других армянских деятелей, Петр I не мог, конечно, ограничиться этими данными и всячески способствовал развитию арменоведения — изучению экономики, этнографии, истории и современного положения армянского народа.

Характерным для предыстории арменоведения в России является то, что изучением вопросов истории, литературы и этнографии занимались в основном не ученые, а военные и дипломаты. Так, например, многочисленные сведения об Армении и армянах были собраны Иваном Густавом Гербером. Гербер

[1] Письмо Исраэла Ори Ф. А. Головину от 11 марта 1702 года. См. Г. А. Эзов. Сношения Петра Великого с армянским народом, СПб, 1898, стр. 115.

служил в артиллерии, принимал участие в шведской войне, перевозил артиллерию из Москвы в Астрахань, руководил тайной экспедицией в Хиву и Бухару. Одновременно он усердно изучал народы и страны, в которых ему приходилось бывать. Свои наблюдения он тщательно записывал, и впоследствии, в 1760 году, они были опубликованы. В своем сочинении «Известие о находящихся с Западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Курой народах и землях, и о их состоянии в 1728 году» Гербер специальное внимание уделяет армянам. Он фиксирует места расселения армян, интересуется вопросами языка, религиозного культа. Особенно тяжелое впечатление произвели на Гербера гнет и нетерпимые условия, в которых находились армяне в Персии и Турции. Заинтересовавшись вопросом политической ориентации армян, он убедился в их стремлении связать свою судьбу с Россией. Рассказывая об армянах, Гербер писал: «В деревнях живущие Армяне питаются пашнею и скотоводством, имеют своих Старших, или Кавхов, и юсбашей; но должны платить ежегодно карач, или подушные деньги, сверх обыкновенной подати. Деревни весьма опустошены во время последнего бунта, потому что бунтовщики увезли жен их и детей и продавали в невольничество. Скрывшиеся в горах опять ныне выходят, особливо в Российской границе, и выстраивают прежние опустошенные свои места»[1].

Иван Гербер не был одинок; аналогичные наблюдения изложены в трудах его современника, врача по профессии, Иоанна Лерхе. Доктор Иоанн Якоб Лерхе дважды побывал на Востоке. В 1733 году он был назначен главным врачом Астраханского корпуса. По делам службы он совершал выезды в разные города и районы Кавказа, бывал в Дербенте, Баку, Муганской степи, Шемахе. Во время этих поездок Лерхе вел подробные записи, в которых мы находим сведения и об армя-

[1] Иван Густав Гербер. Известие о находящихся с Западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Курой народах и землях, и о их состоянии в 1728 г. „Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие", 1760, кн. 3, июль, стр. 1—48; август, стр. 99—140; сентябрь, стр. 195—232; кн. 4, октябрь, стр. 292—353.

нах[1]. В записях Лерхе мы встречаем данные об армянах, служивших в русской армии в разных должностях, в том числе в должности майоров и подполковников. При описании Баку Лерхе, останавливая свое внимание на армянах, пишет также об их торговой деятельности: «Армяне имеют великий караван-сарай, в котором они живут и продают свои товары»[2].

Вторично побывал Лерхе на Востоке в 1745—1747 годах. Назначенный врачом в посольство кн. М. М. Голицына в Персию, он вместе с посольством проследовал из Петербурга по маршруту: Петербург, Новгород, Вышний Волочек, Москва, Коломна, Тамбов, Воронеж, Царицын, Астрахань, Кизляр, Тарку, Дербент, Баку, Шемаха, Чавата, Ленкорань, Решт. Обратный путь до Астрахани Лерхе проделал по Каспийскому морю. На этот раз Лерхе был значительно лучше подготовлен к изучению новых стран. У него был уже накоплен некоторый опыт и, действительно, результаты его работы сороковых годов были гораздо более плодотворными. Данные, приводимые Лерхе, очень разнообразны и касаются вопросов географии, этнографии, климата, экономики изучаемых стран и др. Лерхе пришлось довольно близко наблюдать и астраханских армян. Материалы Лерхе, касающиеся армянской колонии в Астрахани, надо думать, вполне достоверны и в большинстве своем совпадают с данными других источников. В «Известии о втором путешествии», опубликованном в «Новых ежемесячных сочинениях», специальная глава посвящена астраханским армянам.

Рассказывая об устройстве и расселении армян в Астрахани, Лерхе пишет: «Для армян отведено было особенное место за Солончаком вдоль по новому каналу, где они через 3 года отчасти прекрасные выстроили дома»[3]. Кроме расселения

[1] Подлинные дневники путешествий Лерхе находятся в РОПБЛ, см. В. Ф. Гнучева. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках. М.—Л., 1940, стр. 69—70, 75—76.

[2] Путешествие Иоанна Лерхе, продолжавшееся от 1733 по 1735 год из Москвы до Астрахани, а оттуда по странам, лежащим на западном берегу Каспийского моря. „Новые ежемесячные сочинения", часть XLIII, январь, 1790 г., стр. 2—53; часть XLIV, февраль, стр. 69—97, часть XLV, март, стр. 66—100.

[3] Известие о втором путешествии доктора и коллежского советника Лерха в Персию от 1745 до 1747 года, „Новые ежемесячные сочи-

и строительства, Лерхе подробно характеризует занятия и экономику астраханских армян. «Армяне и Грузинцы, по причине возставших в Персии беспокойств, здесь разумножились, и число их возросло выше двух тысяч человек»,— пишет он.— «В бытность мою выстроили они более 200 домов. Между ними не мало находилось зажиточных купцов, которые для обделывания различных бумажных и шелковых изтканий завели по образу персидскому фабрики; иные ж промышляют вином и садовыми овощами. Самый лучший шелк привозится из Гиляни, где пуд его продается от 20 до 30 рублей, в Астрахане ж от 50 до 60. Две шелковые фабрики были обширны и в цветущем находились состоянии; и в других малых делали бумажные изткания. На крашение материи употребляли они суду, которая приуготовляется из пережженных соляных трав кали, солянки и сальсолы, от чего шелковые и бумажные изткания получают прочные цвета, которые не скоро линяют. Суда более к сему пригодна нежели квасцы»[1].

Лерхе обращает особое внимание на вопросы религии, пишет об «армянах-католиках и григорианцах». Интересно то, что Лерхе бросилась в глаза необычайная жадность священнослужителей. Так, например, он пишет об архиерее, прибывшем из Персии, который облагал прихожан очень большими поборами и требовал за крещение младенцев и похороны умерших от пятидесяти до ста и двухсот рублей.

Материалы по арменоведению, собранные Гербером и Лерхе, имели уже несомненно научное значение. Это были сведения, полученные в результате пребывания на территории самой Армении или в армянских колониях. Авторы были людьми широко образованными и хорошо подготовленными для своего времени, следовательно они могли правильно заметить и воспроизвести наблюдаемые явления. По сравнению с предшествующими веками это был уже значительный шаг вперед.

нения", часть XLVIII, июнь 1790 года, стр. 52—102; часть L, август, стр. 95—144; часть LII, октябрь, стр. 44—66, часть LIII, ноябрь, стр. 20—47; часть LV, январь 1791 года, стр. 55—79; часть LVI, февраль, стр. 77—93; часть LVII, март, стр. 87—99; часть LVIII, апрель, стр. 63—82; часть LX, июнь, стр. 82—90, часть LXI, июнь, стр. 67—79, часть LXII, август, стр. 66—83.

[1] Там же.

Правда, случайные путешествия и паломничество в Иерусалим продолжались и в начале XVIII века, но они, с точки зрения арменоведения, не имели уже того познавательного значения и не играли той роли, как в предшествующий период. Так, знаменитый Василий Григорьевич Барский Плаки-Албов[1], побывавший с 1723 по 1747 год в различных странах Европы и Азии, в отношении армян ограничивается описанием армянской гостиницы в Риме[2]. А московский священник Иоанн Лукьянов, предпринявший путешествие «в святую землю» в 1710—1711 гг., сообщает неправдоподобные истории об участии армян в религиозных распрях в Иерусалиме[3].

Интересом к Востоку и, в частности, к Армении были охвачены самые широкие слои русского общества XVIII века. Об этом можно судить по многочисленным переводам иностранных авторов. В качестве примера приведем те из них, которые непосредственно относятся к Армении.

Сведения об Армении мы встречаем в «Дорожной географии», где приводятся данные о ее территории, климате и городах: «Сия земля веселая, воздух в ней хороший, здоровый и умеренной. Евфрат наводняет нивы. В ней собираются плоды, виноград и проч. Однако, очень мало хлеба. Находятся несколько и серебряных рудокопных заводов»[4].

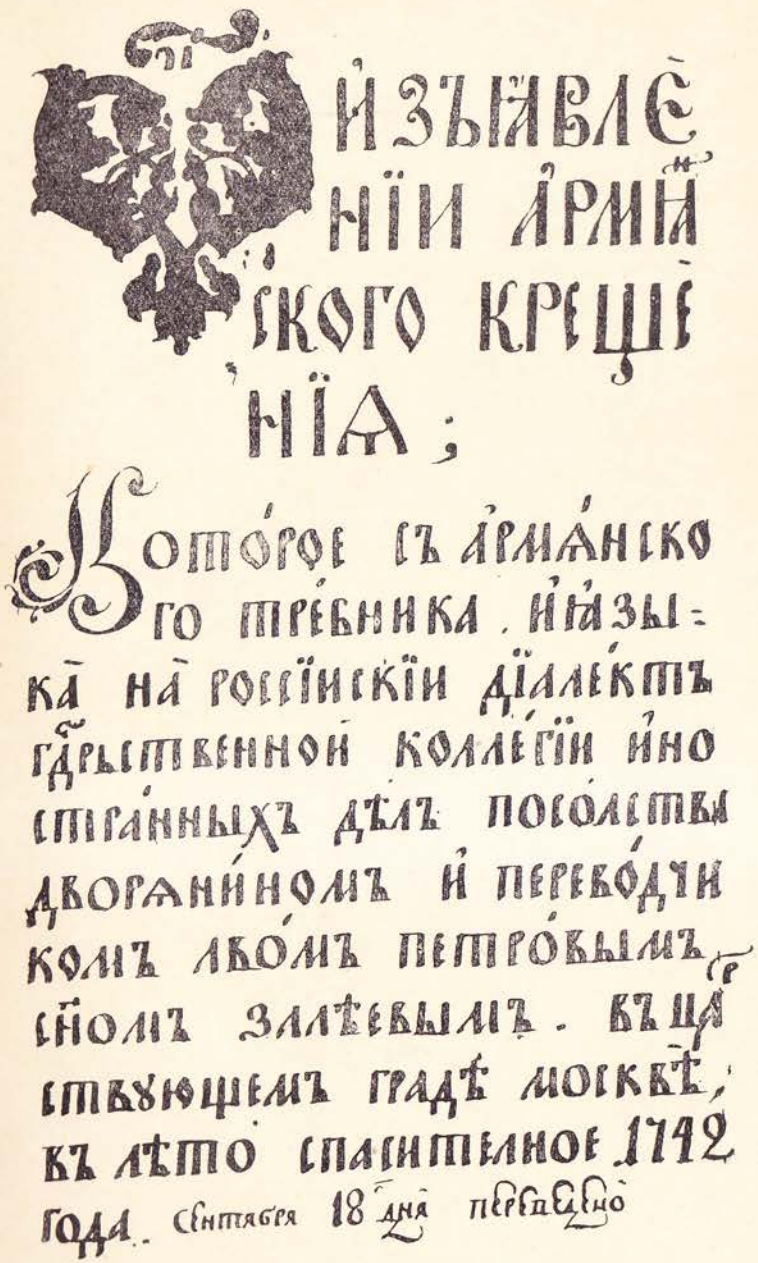
---

[1] О нем см. К. Н. Бегичев. Объяснительный каталог библиотеки его императорского высочества наследника цесаревича и великого князя Георгия Александровича в Абастумане; Кавказ и соседние с ним страны. Тифлис, 1894, стр. 11.

[2] Пешеходца Василия Григорьевича Барского Плаки-Албова, уроженца Киевского, монаха Антиохийского, путешествие к Святым Местам в Европе, Азии и Африке находящимся, предпринятое в 1723 и оконченное в 1747 году, им самим писанное. СПб, 1819.

[3] Путешествие в святую землю старообрядца московского священника Иоанна Лукьянова. В царствование Петра Великого (1710 – 1711). Москва, 1864.

[4] „Дорожная география, содержащая описание о всех свете государствах, о их качестве, климате, нравах или обычаях, их жителях, столичных городах, расстоянии их от Парижа, и о ведущих к сему городу дорогах, как морем, так и сухим путем". Переведена с франц. яз., печатана при Императорском Московском университете 1765 года. „Об Армении", стр. 131 – 133. См. К. Н. Григорьян. „Русские печатные источники конца XVIII—начала XIX вв. об Армении. „Известия АН АрмССР", 1955. № 6.

Один из первых переводов армянского текста на русский язык (1742)

В начале XVIII века француз Бель решил предпринять путешествие по России и Востоку. Он приехал в Петербург, имея рекомендательное письмо к доктору Орешкину, врачу и тайному советнику Петра Первого. Орешкин устроил Беля в посольство Волынского в Персию. В составе посольства в 1715 году Бель и выехал в Персию. В результате путешествия Белем было подготовлено описание целого ряда стран, переведенное на русский язык М. Поповым и изданное в Петербурге в 1776 году. Рассказывая об Астрахани, Бель упоминает о том, что почти вся торговля была в руках армян: «Армяне производят величайшую часть Персидския торговли; ибо Персы весьма редко выезжают из своей земли»[1]. О самой Армении Бель говорит очень кратко. Более подробные сведения мы встречаем в работе другого иностранца, аббата де Ла Порт, книга которого на русском языке выдержала два издания. Книга де Ла Порта имеет эпистолярную форму. Письма написаны с различных мест. В обширном XIX письме, посвященном Армении, де Ла Порт дает обстоятельную характеристику страны и народа. Автор начинает изложение с легендарно-сказочной истории Армении, затем переходит к описанию ее географических и климатических особенностей: «Армения есть страна плодоносная и вообще приятная,— пишет де Ла Порт, — Воздух в ней здоровый, хотя несколько и густ. Зима долга и холодна. Снега бывают часты, велики и покрывают все поля»[2].

Особое внимание автор уделяет описанию реки Аракс и городов Нахичевань и Эривань. Русский читатель мог почерпнуть из этой книги не только сведения о садоводстве и виноградарстве в Армении, но и получить данные по вопросам экономики и культуры. Даже многочисленные детали не ускользнули от глаз любознательного аббата. В «армянском» письме мы находим описания Зангу, Севана, Эчмиадзина. Подводя

[1] Белевы Путешествия через Россию в разные асиятские земли; а именно в Испагань, в Пекин, в Дербент и Константинополь. Перевел с французского Михайло Попов, ч. I и II, СПб, 1776, стр. 34.

[2] Всемирный путешествователь или познание Старого и Нового света, т. е. описание всех по сие время известных земель в четырех частях света. Изданное господином Аббатом де Ла Порт, а на Российский язык переведенное с французского, второе издание, т. II, СПб, 1780, стр. 162.

итоги своим впечатлениям, де Ла Порт писал: «Одним словом, Армения есть наилучший округ в Азии, сей части света, в старину столь изобильной, а ныне столь опустошенной, по крайней мере в том месте, которое почитается колыбелью рода человеческого»[1].

Развитию арменоведения в России XVIII века значительно способствовало создание Российской Академии наук. Основание Академии отражало новое положение русского государства и новые задачи, стоявшие перед ним. Россия стала не только могучей державой, имеющей непосредственное влияние на ход международной жизни, но и превращалась в центр и культуры и науки. В круг интересов ее государственных деятелей включались все новые и новые вопросы — вопросы просвещения, образования и развития наук. Характерен исключительный интерес к науке, проявленный Петром I. Он долго лелеял мечту о создании Академии, сам заложил ее основание, и только смерть помешала ему увидеть первые плоды научной работы.

С организацией Академии на нее было возложено и дальнейшее развитие востоковедения. В проекте устава, представленном Сенату 7 марта 1735 года, предлагалось включить в состав Академии «...одного профессора древностей восточных, потому что, ради соседства и великого союза восточных народов с нами, о сем учении паче всех прочих стараться надлежит»[2]. Повышенный интерес к Востоку определялся направлением восточной политики, усилением дипломатических и экономических связей с ним. Для осуществления ряда политических задач нужны были сведения по географии, этнографии, истории, языкам восточных стран. На эти вопросы и призвана была ответить молодая Академия наук.

После смерти Петра Академия пыталась возглавить работу по изучению России и прилегавших к ней государств. Стре-

[1] Всемирный путешествователь или познание Старого и Нового света, т. е. описание всех по сие время известных земель в четырех частях света. Изданное господином Аббатом де Ла Порт, а на Российский язык переведенное с французского, второе издание, т. II, СПб, 1780, стр. 163.

[2] П. Пекарский. История императорской Академии наук в Петербурге, т. I, СПб., 1870, стр. LIII.

мясь максимально расширить число своих сотрудников в деле изучения родной страны, молодая Академия намеревалась организовать сеть научных корреспондентов. «Академия наук, стараясь всеми силами иметь подробное сведение о всех Российского государства странах и различных каждыя естественных любопытства достойных произведениях, по силе высочайшего на то ея имп. величества благоволения и также состоявшегося в 1713 году февраля 13 дня блаженныя и вечнодостойныя памяти государя императора Петра Великого указу, желала бы иметь во всех отдаленных империи местах таких людей, кои б по склонности своей и любви к наукам сообщали ей все, что внимания их и Академии достойно и тем бы споспешествовали ея стараниям»[1].

Однако призыв к работающим на местах не мог, конечно, разрешить вопроса об изучении страны. Этой задаче должны были служить организованные Академией научные экспедиции. В XVIII веке экспедиции разделялись на астрономические, географические и «физические». «Физические» экспедиции были комплексными, с очень широкими задачами в области естественно-исторических, физико-географических, лингвистических, этнографических и экономических вопросов.

«Период 1768—1774, как хорошо известно, является кульминационной точкой развития экспедиционной деятельности Академии наук XVIII в., причем, говоря об этом периоде, обычно имеют в виду действительно составившие эпоху «физические» экспедиции, связанные с именами П. С. Палласа, И. И. Лепехина, И. А. Гильденштедта, И. Л. Фалька, С. Г. Гмелина-младшего и И. Г. Георги»[2].

Эти «физические» экспедиции Академии наук сыграли значительную роль в деле изучения производительных сил страны. В трудах участников этих экспедиций мы находим симбиоз географии, экономики, этнографии, биологии, ботаники, зоологии, что было, как видно, закономерной ступенью в развитии науки. «Физическими экспедициями» был собран и некоторый материал по арменоведению. В 1768 году Академией наук была отправлена, под руководством Самуила Готтлиба Гмели-

[1] В. Ф. Гнучева. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках. М., 1940, стр. 7.

[2] Там же, стр. 11.

на, «физическая экспедиция» в Астраханский край. В составе экспедиции были четыре участника: Николай Крашенников, Иван Михайлов, Андреян Соколов и Яков Ключарев — рисовальщик, чучельник, аптекарь и студент Московского университета, по специальности медик и ботаник. Маршрут экспедиции проходил через Москву, Воронеж, Павловск, Цымлянскую, Черкасск, Азов, Царицын, Астрахань, Дербент, Баку, Шемаху, Сальяны, Энзели, Решт, Балфурш и обратно морем в Астрахань. Из Астрахани Гмелин выезжал в Моздок и Энзели. Во время пешего перехода из Энзели в Астрахань Гмелин был взят в плен кайтагским ханом Усмей Амир-Амзою и погиб в плену, но собранные Гмелиным материалы были переданы его спутникам, которые доставили их в Академию наук. Результаты экспедиции были изданы Академией на русском и немецком языках. Во время своих путешествий Гмелин и члены его экспедиции неоднократно встречались с армянами, бывали в больших армянских колониях в Астрахани, Дербенте, Моздоке и др. Особенно много места в своих описаниях Гмелин отводит астраханским армянам, подробно излагает историю их поселения в Астрахани. Благодаря хорошим условиям и, в особенности, льготам, предоставленным Петром I, армянское население Астрахани стало быстро увеличиваться; приехало туда много армян и из Персии и других мест. По данным Гмелина, в Астрахани в 1768 г. проживало «1281 человек армян мужского пола». Армяне пользовались правом национального судопроизводства и особым статутом. Подробно описывает Гмелин и национальную одежду астраханских армян — мужчин и женщин, догматы армянской церкви, похоронные и свадебные обряды.

Особое внимание уделяет он армянским деревням, находившимся под владычеством персов. Рассказывая о необычайной бедности армянского населения этих деревень, Гмелин писал: «Обыватели живут бедно, монахи не смеют церковных сосудов, образов и других украшений употреблять всенародно, опасаясь, чтобы у них насильно не отняли»[1].

Гмелин отмечает культуру виноградарства у армян: «Армяне очень разумно поступают,— пишет он,— что виноград в

[1] Самуил Готтлиб Гмелин. Путешествие по России для исследования трех царств естества, СПб., 1771, стр. 107.

своих огородах обыкновенно садят на подобие порядочно расположенных аллей, кои посредством дуги между собою соединяются»[1].

Несмотря на то, что целый ряд обобщений и выводов у Гмелина неверен, тем не менее им собран большой материал об армянах, главным образом этнографического характера. Члены экспедиции Гмелина также вели подробные записи. Один из них, гимназист Андреян Соколов, оставил на латинском языке подробное описание армянской свадьбы в Гиляне[2].

«Свадьба в Гиляне продолжалась с утра до вечера,— рассказывает Соколов.— Характер свадьбы у армян обусловлен их имущественным состоянием. Обычаи и церковно-свадебные обряды варьируют в зависимости от местности». Такое же разнообразие в свадебных обычаях Соколов наблюдал и в Персии и в Астрахани.

Экспедиции Академии наук послужили базой для создания компилятивных трудов, в которых давалась общая сводка сведений о народах, обитавших в России. К числу подобных работ относится и книга Иоганна Готтлиба Георги «Описание всех обитающих в Российском государстве народов...». Георги был членом Российской Академии. Его труд представляет собой изложение фактов, добытых целым рядом исследователей и путешественников, в том числе Миллером, Гмелиным, Крашенниковым, Штеллером, Фишлером, Рычковым, Палласом, Лепехиным и др. В специальном разделе об армянах Георги подробно излагает историю расселения армян в России, описывает поселения армян в Кизляре, Моздоке, Астрахани, Москве и Петербурге. Георги интересовался, главным образом, этнографическими вопросами, но из его поля зрения не ускользнули и некоторые вопросы армянской культуры. Так, он приводит данные об армянских типографиях в Венеции и Триесте. Большое место отводит Георги описанию притеснений, которые приходилось испытывать армянам в Персии[3].

[1] Самуил Готтлиб Гмелин. Путешествие по России для исследования трех царств естества. СПб, 1771, стр. 104.

[2] Andreani Sokolov. Ceremoniae nuptiales Armenorum. Архив АН СССР, разряд I, оп. 102, № 4.

[3] Георги Иоганн Готтлиб. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд,

В итоге экспедиционных работ в течение XVIII века в распоряжении Академии наук оказалось довольно много материалов по арменоведению. Исследователями были собраны данные по истории, этнографии, экономике, языку армян. Особое внимание уделялось вопросу о расселении армян в России. Большая часть этих материалов была опубликована, а часть сохранилась в архивах Академии.

Для развития русского востоковедения, в частности арменоведения, полученные Гербером, Лерхе, Гмелиным, Соколовым и другими исследователями данные имели, несомненно, актуальное значение и представляли научную ценность. Эта научная работа по арменоведению в России XVIII века имела большое значение и для армянского народа, являясь подготовительным этапом к тому историческому акту присоединения Армении к России, который сыграл столь решающую роль в судьбах армянского народа.

Русская журналистика XVIII столетия также откликнулась на некоторые вопросы армянской культуры. В майском и июньском номерах «Полезного увеселения» за 1762 год была напечатана работа С. Г. Домашнева «О стихотворстве». Небольшой раздел у автора был назван: «Стихотворство армянское». В нем он развивал мысль об изменчивости армянского «стихотворства» в зависимости от «перемены времен» и о связях его с поэзией других восточных народов[1]. Домашнев впер-

жилищ, управлений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Творение за несколько лет перед сим на немецком языке Иоганна Готтлиба Георги, в переводе на Российский язык весьма во многом исправленное и вновь сочиненное. СПб, 1799.

[1] „Домашнев Сергей, штаб-офицер полевых полков, писал стихи. Его последние две оды: первая на взятие Хотина, а другая на морское при Чесме сражение, весьма изрядны и заслуживают похвалу. Он сочинил краткое описание некоторых наших стихотворцов весьма не худо; также „О пользе наук", „Сатирический сон", „Оду на любовь" и другие мелкие стихотворения, напечатанныя в ежемесячном сочинении: „Полезное увеселение" 1761 и 1762 годов в Москве. Перевел в стихи Вольтерову сказку: „Что нравится женщинам"; также Мармонтелевых нравоучительных сказок 12, напечатанных 1764 в Москве в 2 частях. Есть еще и другия его стихотворения; но они в свет не изданы". Опыт Исторического словаря о Российских писателях, собрал Николай Новиков. СПб, 1772. См. Материалы для истории русской литературы. Издание П. А. Ефремова, СПб, 1867.

вые писал об армянской поэзии в историко-литературном плане и это несомненно заслуживает особого упоминания.

В периодике XVIII столетия было опубликовано художественное произведение об Армении на русском языке. В «Городской и деревенской библиотеке» за 1783 год напечатана повесть «Армянские князья». Автор повести не указан, говорится только, что она переведена с французского. В повести сделана попытка воскресить страницы из истории древней Армении и показать эпоху борьбы Тиграна с персами. Сюжет повести очень драматичен.

После смерти Кира, Камбиз решает осуществить давнюю, затаенную месть против армянского царя Тиграна, в свое время похитившего у него княжну Исмению и женившегося на ней. Камбиз отправляет во главе персидских войск своего сына Митрана для предания Армении огню и мечу и пленения Тиграна и двух его детей — Апамии и Арзена. Митран, внутренне не соглашаясь с жестокосердным отцом, но соблазненный обещанием Камбиза сделать его наследником престола и вместе с тем, опасаясь ослушаться, идет войной на армян. Армения в царствование Тиграна процветает. Узнав о походе персов, Тигран первоначально пытается предотвратить губительную для народа войну и предлагает увеличить выплачиваемую персам дань. С этим предложением отправляется в лагерь к Митрану дочь Тиграна — Апамия. Митран не решается сам ответить и запрашивает отца. Разгневанный промедлением Камбиз приказывает Митрану немедленно открыть военные действия. Митран начинает осаду и бой за Митилену. Сражение продолжается несколько дней благодаря героическому сопротивлению армян. Арзен и Апамия пытаются совершить ночью вылазку в лагерь противника, но она оканчивается неудачей. Арзен успевает вернуться и укрыться в крепости, а Апамия прячется в пещере, не имея возможности попасть к своим. Тигран и Арзен считают ее погибшей. В возобновившемся сражении персы разбивают армян, овладевают крепостью и ранят Тиграна. Друг Арзена — отважный Гидасп — уговаривает его временно скрыться от персов. Они уходят в леса, где встречают Апамию. Все трое принимают участие в новой стычке с персами и в оде-

жде простых крестьян попадают в плен к персам. Ориман доставляет Арзена и Апамию к Камбизу; не зная о том, что его пленники—царские дети, он просит у Камбиза для них пощады. Камбиз сперва отказывает ему, затем соглашается с условием, что молодые пленники отрекутся от своего царя. Пленники предпочитают смерть позорному отречению. Их уводят в темницу для того, чтобы казнить вместе с Тиграном. Возвращается с пленным Тиграном и Митран и представляет царю Камбизу урну, якобы содержащую прах Апамии и Арзена. Тигран в отчаянии оплакивает на глазах у Камбиза утрату детей. В эту минуту вводят молодых пленников; отец и дети узнают друг друга. Взбешенный обманом Митрана, Камбиз решает казнить всех троих в страшных мучениях. Пленников перед казнью заключают в темницу. Митран вновь взывает к отцу о милосердии, и Камбиз обещает даровать жизнь Тиграну и одному из детей, если он сам назовет — кого из двоих следует казнить. Тигран решает принять вместе с детьми яд. В тот момент, когда Тигран уже подносит к губам чашу с ядом, в темницу вбегает Митран и вырывает у него из рук чашу, обещая им добиться освобождения. Царский гонец приходит узнать — кого из детей определил Тигран на казнь, и Апамия называет себя. При большом стечении народа Апамию ведут на казнь. Митран, Тигран и Арзен падают на колени перед Камбизом, моля о помиловании Апамии. Но Камбиз неумолим. Тогда Митран решает броситься в пылающий костер. Решение Митрана действует на Камбиза, и он дарует жизнь Апамии. По настоянию Митрана Камбиз возвращает армянский престол Тиграну и тот возвращается на родину с Арзеном и Апамией.

Сюжет повести вымышлен и не соответствует исторической действительности. История явилась для автора источником вдохновения, но не была целью воспроизведения. С какими именно источниками он был знаком,— трудно сказать; возможно, что это была «Киропедия» Ксенофонта или «История» Моисея Хоренского. В данном случае важно то, что в повести был правильно схвачен дух эпохи, правильно понята основная тенденция в жизни народа — героическая борьба с иноземными захватчиками, борьба не на жизнь, а на смерть за свободу родины.

В истории культурных отношений эта повесть свидетельствует об интересе русской печати к произведениям, посвященным древней Армении, пусть даже переводным, построенным на художественном вымысле.

В литературе XVIII века упоминания об Армении и армянах встречаются и в поэтических памятниках. Так, в оде Василия Петрова «Его светлости, князю Григорию Александровичу Потемкину» (1778 г.) нашло отражение переселение армян из Крыма на берега Азовского моря и основание Нахичевани-на-Дону.

В поэтическом творчестве Василия Рубана, издателя журналов «Ни то, ни се» и «Трудолюбивый муравей» и сотрудника многочисленных периодических изданий, мы находим также строки, посвященные армянам.

Наиболее ценное упоминание об армянах в литературе XVIII века принадлежит перу Радищева. Это упоминание свидетельствует о хорошей осведомленности Радищева в истории Армении. Совершенно не случайно, что для замечательного русского просветителя и демократа Армения была страной героического прошлого. В поэтической обработке упомянутой выше повести «О Бове Королевиче» Радищев сказочное «Армянское царство» рисует исторично. В предисловии к поэме «Бова» Радищев пишет о царствовании в Армении Тиграна Великого.

На грани двух столетий Арменией заинтересовался и Карамзин. В «Письмах русского путешественника» он упоминает об армянском царе Леоне VI. Во время пребывания в Париже Карамзин видел его могилу, и это послужило поводом для размышлений и цитирования историка Фруассара.

В начале XIX столетия появляются в русской печати книга и поэма об Армении,— книга «Жизнь и приключения Артемия Араратского», изданная в Петербурге в 1813 году, и поэма Сергея Митропольского «Мысли о Армении», вышедшая в том же году.

Личность Артемия Араратского давно привлекала внимание историков. Его рождение принято датировать 1774 годом, а смерть относить к периоду между 1825 и 1835 годами.

Книга Артемия Араратского вызвала в свое время очень

широкий интерес, о чем свидетельствуют переводы ее на английский, немецкий, армянский и грузинский языки[1].

Автор излагает свою жизнь и приключения в широко распространенной в то время форме записок.

В первой части он рассказывает о своем рождении в селе Вагаршапат, затем дает предысторию действующих лиц, описывая судьбу матери и отца. В картинах детства, полного страданий, он рисует варварские методы воспитания в школе. Учеником попадает Артемий Араратский в монастырь, работает на строительстве крепости, где чуть не погибает от голода и истощения. Затем служит у архиепископа Сагака, завоевав его любовь и благосклонность. После смерти Сагака Араратский решает осуществить свое давнишнее намерение — уехать из Вагаршапата.

Во второй части описан приезд Араратского в Тифлис, нападение войск персидского шаха на город, скитания автора по Грузии, пребывание в Моздоке, а затем Кизляре. В Кизляре Араратский поступает на службу к майору С. и принимает участие в действиях русской армии. В ее рядах он попадает в Баку, Шемаху, Муганскую степь и, наконец, Россию, куда он упорно стремится.

Повесть Артемия Араратского явилась предметом ожесточенной полемики. Спор велся по следующим вопросам: 1) о личности Артемия Араратского, 2) о том, является ли его произведение автобиографическим, 3) художественное ли это произведение или историко-документальная хроника, 4) существовал ли армянский оригинал повести.

---

[1] Жизнь Артемия Араратского, уроженца селения Вагаршапат, близь горы Арарат и приключения, случившиеся с ним от младенчества до совершенных лет. СПб, 1813. Artemius von Wagarschapat (Araratsky, Araratjan, Богданов) am Gebirge Ararat Lebensgeschichte seiner Jugend, sein Zug mit der Russischen Armee nach Persien und zurück nach Russland. Aus dem Armenischen ins Russische übersetzt vom Verfasser, aus dem Russischen begleitet mit einer Einleitung über Geographie, Geschichte, Religion und Literatur von Armenien, von Consistorialrath. Halle, 1821. Artemi of Wagarschapat. Memoirs of the life of Artemi of Wagarschapat, near mount Ararat in Armenia, from the original Armenian written by himself. London, 1822. *Վաղարշապատցի Յարութիւն Արարատեանի կեանքը, թարգմ. ռուսերենից Գ. Գ., Թիֆլիս, 1892։*

Переводчик повести на армянский язык Перч Прошян в своем предисловии к переводу сделал попытку реконструировать биографию Араратского, базируясь, главным образом, на данных повести. Он утверждал, что Араратский во время своих скитаний вел записи на армянском языке, основываясь на заявлении самого автора: «Исполняя завещание матери моей и наставника, которые внушали мне иметь всегда в памяти могущие быть со мной нещастия, единственно для познания божией ко мне благости, я записывал все со мной встретившиеся приключения и, дополняя по времени, собрал и составил из них полную жизни моей историю на армянском языке. Настоящие и почти самое принуждение некоторых особ, бывших в прошедшем Персидском походе и меня довольно знавших, заставили, наконец, перевести рукопись мою на Российский язык...»[1].

Прошян скорбел о потере армянского оригинала, в наличии которого он не сомневался, как не сомневался он и в историчности, в документальности произведения.

Против точки зрения Прошяна выступил Аристакес Седракян, опубликовавший по этому поводу специальную книжку[2].

В своем исследовании Седракян доказывал, что:

1) Армянского оригинала повести никогда не существовало и по-армянски А. Араратский никогда не писал.

2) Повесть не является автобиографической, как это пытается утверждать автор.

3) Никак не может рассматриваться она и в качестве исторического памятника, ибо факты исторические в ней фальсифицируются, а хронологические данные представляют собой сплошные анахронизмы.

4) Что же касается личности самого Араратского, то действительным статским советником и всеми уважаемым человеком, как утверждал Прошян, он никогда не был, а был, по-видимому, ловким авантюристом, достигнувшим чина губернского секретаря.

В своей рецензии на эту книгу Н. Я. Марр считал заклю-

---

[1] Жизнь Артемия Араратского, СПб, 1813, стр. 1.

[2] *Յարութիւն Արարատեանի կեղծիքը պարզեց Ա. Ե. Ս., Բաքու, 1894։* (Подлог Артемия Араратского раскрыл А. Е. С., Баку, 1894).

чения Седракяна вполне убедительными и присоединился к сделанным им выводам[1].

Точка зрения Седракяна, как и точка зрения Марра, не оправдалась последующими разысканиями. Прошян был гораздо ближе к истине. Мнение Прошяна подтверждается и В. Парсамяном[2], который, основываясь на переписке Лазаревых с Нерсесом Аштаракским, рассказывает об Араратском, как о действительном статском советнике и человеке, с которым, по-видимому, был знаком и Грибоедов. Действительно, у Грибоедова мы встречаем в дневнике интересную запись от 7 февраля 1819 года:

«Алагез к с-з. Хорошо до привала. До сих пор в полдень жар несносный, ночью холод жестокий. Кормы тучные. Артемий Араратский.

С пригорка вид на обширную и прелестную долину Аракса. Арарат бесподобен. Множество селений»[3].

Трудно сказать, в какой связи Грибоедов вспомнил Араратского, но очевидно, что Грибоедов знал его или слышал о нем.

То, что Араратский был довольно крупным деятелем, подтверждает еще один факт, который стал нам известен в результате архивных разысканий.

Араратский принес в дар Петербургской публичной библиотеке армянскую рукопись — богато иллюстрированный Шаракан, который и по сей день хранится в Рукописном отделе[4]. Свой подарок Араратский сопроводил письмом от 14 февраля

[1] Н. Я. Марр. Подлог Артемия Араратского раскрыл А. Е. С., Баку, 1894. См. также „Записки восточного отд. имп. Русского Археол. Общества", том IX.

[2] Վ. Ա. Պարսամյան, Ա. Ս. Գրիբոյեդովը և հայ-ռուսական հարաբերությունները, Երևան, 1947 (В. А. Парсамян. А. С. Грибоедов и армяно-русские отношения. Ереван, 1947).

[3] Цитирую по сборнику „Русские писатели об Армении", Ереван, 1946, стр. 30.

[4] У Дорна мы находим следующие данные об этом манускрипте: „Manuscrit sur velin, renfermant Scharanotz, ou livre d'hymnes pour toutes les fêtes, orné de miniatures trés curieuses et d'initiales en or et en couleurs. Ecrit par Nicolas, en l'année arménienne 1094—1645, à Capha pour un certain Minas, prêtre, sous le catholicos Philippe... On y trouve énumérés tous les supérieurs ecclésiastiques de l'époque et du lieu; les parents et amis de Minas ext. Reliure gauffrée, fermoirs en argent doré. Donné á la bibliothéque par Haruthiun de Vagarchabat en 1814,

1814 года на имя директора Публичной библиотеки А. Н. Оленина. Приводимое ниже письмо прекрасно отражает то исключительное значение, которое придавал Араратский России. Более того, вполне очевидно, что он видел в России единственный источник спасения как для себя, так и для армян вообще. Обращаясь к Оленину, Артемий Араратский писал:

„Ваше Превосходительство
Милостивый Государь!

Родясь в древней Армении, Ериванской области близь горы Арарата, в селении Вагаршапате, бывшем в древности большим столичным городом Царей Армянских, а ныне принадлежащем Первопрестольному монастырю Эчь-Миацин (сошествия единороднаго сына божия), я от младенчества почти до совершенных лет испытывал в отечестве моем одни только бедствия. Чудному промыслу божию отношу я то терпение, с коим переносил все мои страдания; невидимый перст его управлял путями юности моей и до сего дня; его благий промысл наконец изведя меня из земли, в коей сея слезы, пожинал одни только болезни и мучения,— водворил на земле обетованной — России! Здесь в первые вздохнул я свободно — без боязни; здесь милосердый и правосудный бог воздал мне за все мои страдания и терпение, полагаемое мною всегда в вере и уповании на него — бога моего,— бога всех и всяческих; здесь обрел я совершенное благополучие: мир души моей и утешение.

Исполненный по боге беспредельной благодарности к святой Русской земле, покоющей меня на благословенном лоне своем не как пришельца, но как собственного своего чада;— исполненный преданности и усердия к Всемилостивейшему Государю, я желаю оказать хотя слабый довод сих чувствований: внести в публичную Его Императорского Величества библиотеку подносимую при сем книгу;— вещь для меня драгоценную — и я готов принести все мое драгоценное, что имею и впредь иметь буду.

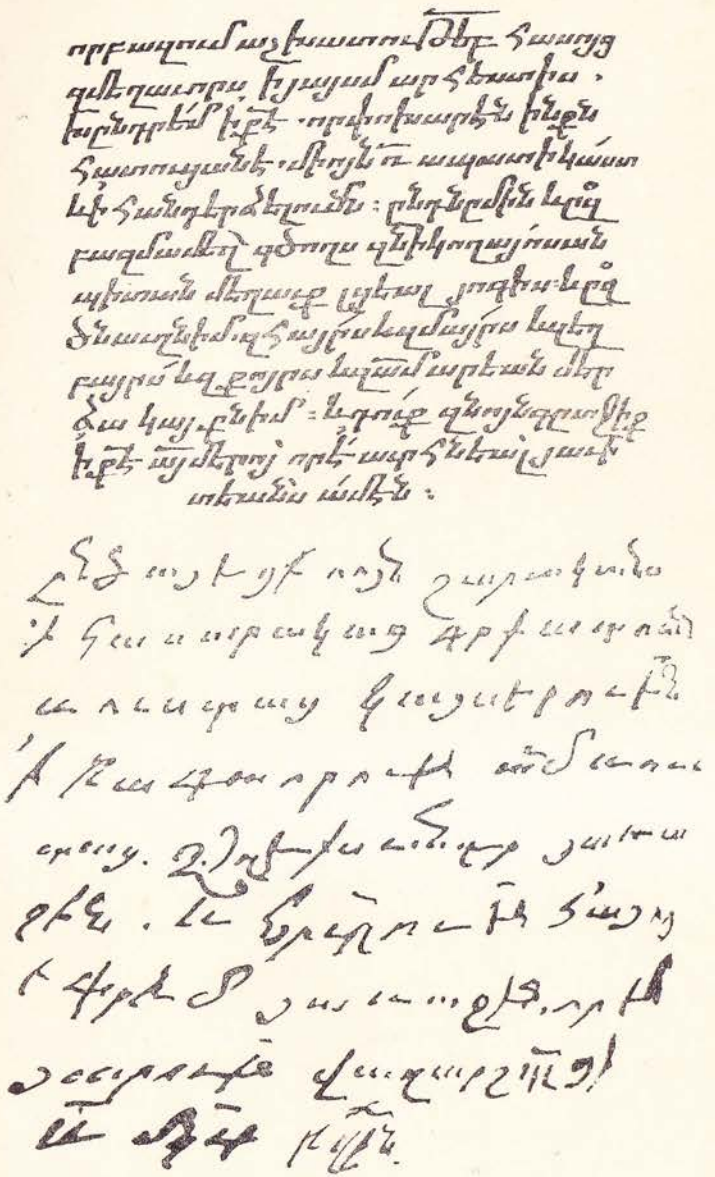
Книга сия называется Шар-Акан. Слово ш а р, по точному

sous le régne de l'Empereur Alexandre et sous le patriarchat d'Ephrem. 401 f. in 12⁰.

Дорн. Catalogue des Manuscrits et xylographes orientaux de la bibliothèque impériale publique de St. Pétersbourg. 1852,стр. 568.

переводу и изображению вещи, значит нанизанное, или снизанное, а акàн — драгоценное каменне, или нить драгоценных камней. Она есть канонник, заключающий в себе молитвенные и хвалебные песни повседневной церковной службы и всех праздников божиих и святых его угодников, разделенный на восемь гласов с нотами. Каноны сии, писаны святыми мужами Армянской церкви от 4-го до 7-го века или далее самыми возвышенными, и можно сказать вдохновенными мыслями и подобиями: ибо сколько удобопонятны они для чувствований, столько затруднительны и почти невозможны для перевода. Знатнейшие ученые Армянския общества и частные люди в Италии и прочих местах, много трудились, чтоб оный канонник перевести на Латинский и другие языки, но тщетно: ибо кроме подобий, коих изъяснить невозможно и на собственном армянском языке, есть много таких слов, из коих каждое в особенности, заключает в себе целую мысль возвышенную, необъятную, теряющуюся в бесконечности предмета своего, величества и славы божией.— Подносимая же при сем рукопись онаго канонника писана в городе Кефе некоторым Армянином Никогосом, по просьбе и на иждивении священника Терминаса, по церковному Армянскому счислению 1093 года, или за 170 лет перед сим, во время верховного Патриарха Филиппоса и Епархиального наместника его в Кефе Архиепископа Хочетура. Драгоценна же для меня рукопись сия не по числу лет: есть рукописи старее ея, но их, по ошибочному и не правильному письму, никто разобрать не может,— но потому, что другого экземпляра, подобного сему в тщании, искусстве и правильности едва ли можно отыскать и в самой Азии, или где бы то ни было. Написанные в ней по золоту изображения праздников божиих и святых угодников, хотя не представляют и посредственного художества, но могут заслуживать уважения по тому, что Никогос как чистописанию, так и живописи учился сам собою, без всякого руководства, и никому в том, кроме собственного тщания не обязан; даже и переплетал сам, о чем именно он в книге сей изъясняется.

Обратясь с сим приношением к Вашему Превосходительству, ласкаю себя надеждою, что естьли не самая вещь: то истинное усердие мое принято будет вами благосклонно. Ваши собственные чувствования, отличающий вас образ мыслей ру-

Дарственная надпись Араратского на последней странице „Шаракана"

чаются мне, что слабое достоинство действия будет вами оправдано и заменено — побуждением онаго.

С глубочайшим высокопочитанием и преданностию имею честь быть

Вашего Превосходительства Милостивого Государя
всенижайший слуга
Артемий Богданов Араратский".

Февраля 11 дня
1814 года.

«Жизнь и приключения Артемия Араратского» написаны непосредственно в традициях карамзинской школы. Подобно тому, как Карамзин сожалел о бедной Лизе, Араратский сожалеет о бедных поселянах Араратской долины. В духе сентиментализма изображены чувства и переживания героев. В этом плане особенно характерен рассказ матери о ее освобождении из когтей Сафар-бека. В повести очень силен дидактический элемент. Так, например, в связи с отъездом Артемия Араратского из Вагаршапата, автор приводит наставления доброго его учителя: «Ты, любезный друг мой, говорил он... теперь уже в совершенных летах, испытал многое, можешь разуметь и различать худое и доброе. Отъезжая на чужую сторону под покровительством одного бога, ты не знаешь, что еще ожидает тебя вне твоего отечества. Благоразумный человек всякой новой случай, всякое предначинание рассматривает прежде с самой худшей стороны; предполагает более неприятные следствия, рассуждает о средствах и, так сказать, запасается наперед мужеством переносить все огорчительное»[1].

Герои повести распадаются на две контрастные группы: людей добронравных и злонравных. К первой отнесены сам герой, его мать, епископ Саак. Ко второй — вагаршапатский священник, купец-армянин в Тифлисе, Сафар-бек.

Характерна для сентиментальной школы и композиция романа. Главный герой — рассказчик — является стержнем, вокруг которого нанизываются автором различные описания и характеристики. Так, например, отправление героя на работы по строительству крепости служит поводом для описания Авана:

[1] Жизнь Артемия Араратского, часть I, стр. 263.

«Поднявшись от подошвы горы на некоторое расстояние, и перейдя вброд вытекающую из нее реку Ампер, вошли мы в разоренное место, называемое Аван. Здесь увидел я в горе пещеру, под натуральным каменным видом, и полюбопытствовал в нее войти, но, сделав не более пяти шагов, не осмелился по темноте идти далее. При самом входе приметны еще некоторые странные надписи, а отголосок, отдающийся в пространстве сего жилища усопших в древности, дал мне знать, что оное было довольно велико. По рассуждению о месте и по надписям догадывался я, что тут, конечно, должны быть погребены владыки и знатные древнего царства Армянского»[1].

Книге Артемия Араратского нельзя отказать в познавательном значении, поскольку в ней было много данных по Закавказью и Армении. Эта книга совершенно законно вызвала широкий интерес русской общественности начала века. Пушкин имел ее в своей библиотеке. Возможно, что великий поэт собирался писать о ней рецензию для журнала «Современник»[2]. Бесспорно, что опубликование труда Араратского было фактом большого историко-культурного значения в развитии русско-армянских отношений.

Поэма Сергея Митропольского «Мысли о Армении» являлась попыткой рассказать о судьбах Армении, начиная с древних времен. Используя мифологию и образы исторических деятелей — Вардана, Месропа и других,— автор пытается воскресить картины прошлого. Общая тенденция поэмы — уважение к армянскому народу, признание за ним многих положительных качеств. Сыны Армении трудолюбивы и разумны, они полезны себе и другим,— утверждает автор. Не менее лестно отзывается он и об армянских женщинах:

«Но дщери сей страны природу украшают;
В них свойства нежности с невинностью блистают»[3].

Особенно большое значение придает Митропольский поселянам, иначе говоря — трудовому народу, тем, кто работает в

[1] Жизнь Артемия Араратского, часть I, стр. 111.

[2] К. Григорян. Книга Артемия Араратского в библиотеке Пушкина. „Известия АН АрмССР". М., 1956, № 11, стр. 87—88.

[3] С. Митропольский. Мысли о Армении. СПб, 1813.

поте лица. Он воспевает земледелие как основной источник богатства народов:

«О земледелие! тобой цветут народы;
Ты сила, слава, честь в деяниях природы»[1].

Поэма была написана в 1813 году, т. е. до присоединения Армении к России. Однако в этом произведении ясно подчеркивается та огромная роль, которую суждено было сыграть России в жизни армянского народа:

«Сыны Армении Россию зреть спешат,
Да мыслею Ея себя предъоградят...»[2].

Вместе с тем отмечается и другое — то, насколько полезны были армяне России и сколь ценными гражданами являлись они для нее:

«Сколь пользы и услуг Россия в них сретала,
Какой дух ревности в их сердце обретала»[3].

Поэма, если откинуть религиозно-монархические реминисценции, была написана в духе дружбы и взаимоуважения русского и армянского народов. Пусть тяжел и несовершенен был ее стиль и язык, относящий нас к виршам XVIII столетия,— цель ее была достигнута: идея взаимопонимания и сотрудничества русских и армян впервые широко для того времени пропагандировалась в русской поэзии.

Вопросы Закавказья и, в частности, Армении широко освещались в русской периодической печати первой половины XIX века.

Впечатления от русско-персидской войны 1804 года нашли свое отражение в «Вестнике Европы». В письме Е. Басина рассказывается об опустошениях, причиненных ханом Эривани: «Опустошали сады, жгли финиковые, пальмовые, дулевые, гранатные, миндальные и прочие дорогие деревья...»[4]. Более

[1] С. Митропольский. Мысли о Армении. СПб, 1813.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Е. Басин. Другое письмо из Грузии в Тотьму. „Вестник Европы", часть XXII, 1805, стр. 66—70.

подробно отражено присоединение Армении к России, в частности — вступление русских войск в Эриванскую крепость. Так, один из участников похода в своих письмах, напечатанных в «Московском Телеграфе», рассказывает о взятии Эривани и обращает особое внимание на притеснения Гасан-ханом местного населения[1].

Очень важно, что все современники событий 1828 года единодушно отмечали исключительное воодушевление, с которым армянское население встречало русские войска. В дневнике, который вел декабрист Е. Лачинов, находившийся во время штурма Эривани при генерале А. И. Красовском, сохранилось следующее характерное свидетельство: «Трогательно восхищение освобожденных армян и выражение от сердца и души, коими они изъявляют его. Уподобляя край здешний свадебному дому, в котором все исполнено восторга, они рассказывают, что уже издавна умирающие отцы завещали детям радостным звоном колоколов дать им в могилах весть, когда взойдет для армян солнце счастия, когда русские освободят их от тягостного ига и соберут бедствующих, рассеянных сынов Армении»[2].

Русские воины, сражавшиеся в Араратской долине, от которых зависело освобождение армянского народа от персидского ига, прекрасно видели ту исключительную любовь и благодарность, которые питало к ним местное население. Так, в коллективном письме группа офицеров описывала свои впечатления, рисуя картину боя при Ошакане: «Признательные Армяне, видя, что бой сей, поколебавши дух армии Персидской, был одною из главнейших причин блистательного окончания войны,— воздвигают памятник на месте борьбы кровавой,— да передаст он позднейшему потомству подвиг Русских...»[3].

В рядах армии были люди, уважавшие армянский народ, чтившие созданные им культурные ценности. Вот что мы чи-

[1] Два письма из Эривани. „Московский Телеграф", 1828, часть 19, № 2, январь, стр. 157—190.

[2] Отрывок из Дневника путешествия для осмотра Эриванской области. „Московский Телеграф", 1828, часть 19, № 4, февраль, стр. 560–567.

[3] РОПБЛ. Собр. автогр. К—19, Паскевич-Эриванский, 19 февраля 1828 года.

таем, например, в том же дневнике Е. Лачинова: «В Эриванской области много памятников, освященных древностью. История страны сей весьма любопытна, но нужны время и способы, чтоб снять завесу, ее покрывающую. Если обстоятельства не воспрепятствуют намерениям, то книга бытописаний сей колыбели народов откроется для нас, и сокровища, в ней скрываемые, сделаются общим достоянием любителей»[1]. Отношение к армянской культуре, как к сокровищнице культурных ценностей общечеловеческого значения, характерно для многих русских передовых авторов, писавших об Армении. Среди них по праву первое место принадлежит А. С. Грибоедову и А. С. Пушкину. «Путевые записки» Грибоедова лаконичны, но тем не менее исключительно широки по охваченному материалу. Мы находим в них и зарисовки природы, и замечания о людях, и впечатления от Эривани и Эчмиадзина. Особенно ярко запечатлена картина Арарата. «Ни Стефан-Цминд, ни другие колоссы кавказские не поразили меня такою огромностью; обе вместе завладели большею частью горизонта,— это двухолмный Арарат, в семидесяти верстах от того места, где в первый раз является таким величественным. Еще накануне синелись верхи его. Кроме воспоминаний, которые трепетом наполняют душу всякого, кто благоговеет перед священными преданиями, один вид этой древней горы сражает неизъяснимым удивлением»[2],— писал Грибоедов.

Отношение Грибоедова к Востоку и Армении является темой специального исследования. Тема эта нашла свое освещение в трудах ряда советских ученых[3].

В поэзии Пушкина Армению мы встречаем в незаконченн-

[1] Отрывки из Дневника путешествия для осмотра Эриванской области. Смесь. „Московский Телеграф", 1828, апрель, часть 20, № 7, стр. 381—386. Дневник Е. Лачинова и специальное исследование о нем опубликованы в книге М. Нерсисяна „Из истории русско-армянских отношений", кн. 1, Ереван, 1956.

[2] Полн. собр. соч. А. С. Грибоедова, под ред. Н. К. Пиксанова, т. III, 1917, стр. 42—44.

[3] См. И. Ениколопов. Грибоедов и Восток. Ереван, Айпетрат, 1954.

Վ. Ա. Պարսամյան, Ա. Ս. Գրիբոյեդովը և հայ-ռուսական հարաբերությունները, Երևան, 1947 (В. А. Парсамян. А. С. Грибоедов и армяно-русские отношения. Ереван, 1947).

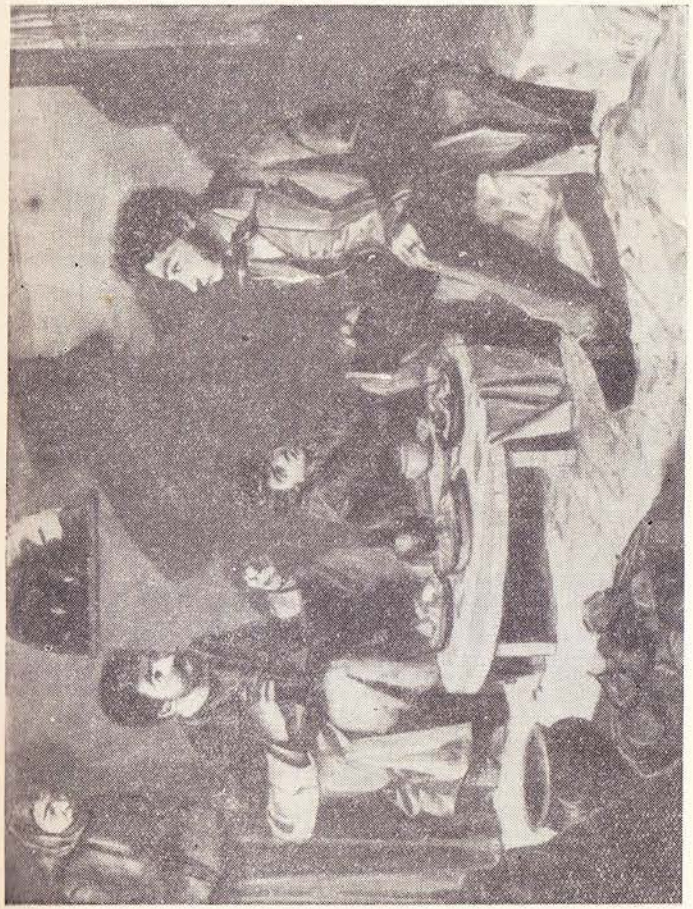
ных вариантах сказки о «Бове Королевиче». Подобно Радищеву, Пушкин был увлечен этим сюжетом и возвращался к нему неоднократно (в 1815, 1822, 1834 годах). Под пером Пушкина старорусская повесть зазвучала с новым эпическим великолепием. По сравнению с Радищевым у него преобладают сказочные мотивы в изображении армянского царства. Пушкинский вариант ближе к народному сказу, нежели к историзму Радищева. В небольшом поэтическом отрывке о Зензевее поэту удалось создать красочный образ Армении — могучей гостеприимной страны.

Армения не была для Пушкина чем-то изолированным, ее людей и природу он воспринимал в дружеском единстве с необъятными просторами России. Типично в этом отношении его стихотворение «Дон».

Интерес Пушкина к Армении совпадал с интересами передовой русской общественности. Еще на лицейской скамье Пушкин следил очень внимательно за «Вестником Европы»; в ноябрьском номере этого журнала за 1823 год была напечатана статья «О побудительных причинах заниматься языком армянским». Весьма вероятно, что эта статья не прошла мимо внимания Пушкина.

В 1830 году Пушкиным был опубликован в «Литературной Газете» (№ 6) отрывок «Военная Грузинская дорога», явившийся извлечением из его путевых записок во время поездки в Эрзерум. Спустя шесть лет, в 1836 году, в первом томе «Современника» появилось впервые «Путешествие в Арзрум».

В свое время А. С. Пушкин весьма досадовал на французского путешественника, заподозрившего, что он принял участие в походе на Эрзерум для того, чтобы сыскать там поэтическое вдохновение. «Вдохновение само находит поэта», писал Пушкин, и в свое оправдание приводил тот факт, что ни одной поэтической строки ему не пришлось посвятить этому походу. Вместо стихов Пушкин облек свои впечатления в форму прозы, которая выгодно отличает «Путешествие в Арзрум» от всех других путевых записок его современников. В 1829 году поэт приехал на Кавказ, умудренный жизненным опытом и вооруженный критическим отношением к тому романтическому восприятию Кавказа, которому сам некогда отдал дань. Приехав в Ларс, поэт писал: «Здесь нашел я измаранный список Кав-

Пушкин в армянской семье. С картины художника П. Малаяна

казского пленника и признаюсь — перечел его с большим удовольствием. Все это слабо, молодо, неполно, но многое угадано и выражено верно»[1].

Последние слова Пушкина в значительной мере относятся к его путевым запискам, в которых действительно многое верно и угадано и выражено. В «Путешествии» нашел свое отражение и тот путь, который поэт проделал от «Волчьих ворот» до Эрзерума. На этом пути ему довелось увидеть часть Армении, начиная с Лори, долины которого он называет зеленой пустыней. От «Волчьих ворот» Пушкин спустился к Гергерам, поднялся на Безобдал и перевалил на Гюмри, откуда дорога его лежала на Карс и Эрзерум.

Реалистический пейзаж сочетается здесь с наблюдениями над бытом и жизнью населения, действиями русских войск; батальные же сцены поражают своей неприкрашенной правдивостью. В своих работах о Толстом Б. М. Эйхенбаум отмечал, что «Кавказские рассказы» Толстого являются полемикой с романтическим представлением о Кавказе, с Кавказом Марлинского. Однако до Толстого разрушение этого романтического Кавказа начал сам Пушкин. С этой точки зрения нам становится понятной и реплика Пушкина о том, что меньше всего он искал в этом походе поэтического вдохновения.

В Карсе Пушкин попадает в армянскую семью, которая пленяет его своим непритязательным радушием. Одного из членов этой семьи, Артемия, он делает своим спутником. Неизвестный, рядовой армянин Артемий нашел свое бессмертие на замечательных страницах пушкинской прозы. Поэт хотел видеть и увидел армянский народ, сыны которого — жители армянских деревень и городов — выходили навстречу русским войскам, воодушевленные радостью и надеждой на освобождение. Так, в путевые записки Пушкина попал не генерал Бебутов, восхваляемый французским путешественником, а простые армянские люди, с которыми встречался поэт.

Рассматривая всю обширную «литературу путешествий», которая накопилась к началу XIX века в России, мы не можем не признать, что вершиной ее, ее лучшим достижением было «Путешествие в Арзрум» — эта блестящая страница в истории русской реалистической прозы.

---

[1] Пушкин. Полн. собр. соч., том 8 (1), 1948, стр. 451.

С Арменией и армянами были знакомы и деятели декабрьского движения. Оказавшись «волею судеб» в Закавказье, они очень скоро установили связи с местной интеллигенцией[1]. Поэты-декабристы воспели природу Кавказа, отразили в своем творчестве ее людей и обычаи. В. Кюхельбекер в незаконченной поэме о Грибоедове, рисуя знаменитого Вазир-Мухтара среди толпы, переходящей мост через Куру, упоминает об армянах:

«Задумчив средь заботы шумной
Армян, евреев и грузин,
Он в многолюдстве их один
Идет нескорыми шагами
И смотрит тихими очами
На искры яростных пучин»[2].

Талантливый поэт-партизан Денис Давыдов, «...имя которого (по его собственному выражению) во всех войнах торчит, как казацкая пика» , не только был в Армении, сражался за ее освобождение, но и воспел Армению в своих стихах:

«... Аракс шумит, Аракс шумит,
Араксу вторит ключ нагорный,
И Алагез, нахмурясь, спит,
И тонет в влаге дол узорный;
И веет с пурпурных садов
Зефир восточным ароматом,
И сквозь сребристых облаков
Луна плывет над Араратом»[3].

Но не только военные события привлекали внимание русской общественности начала века. Русская печать откликалась и на издававшиеся армянские книги. Так, в 1828 году в «Московском Телеграфе» был напечатан обзор армянских книг, вышедших в 1827 году[4]. В этом обзоре рассматривалась на

[1] См. М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. 1, М., 1955.

[2] В. Кюхельбекер. Стихотворения. М., 1939, стр. 194.

[3] Д. Давыдов. Стихотворения. М., 1936, стр. 119—120.

[4] Современная русская библиография. Замечания на Армянские книги, изданные в Москве в 1827 году. „Московский Телеграф". 1828, часть 19, № 1, стр. 111—112. *Քերականութիւն գրաբար լեզուի հայոց, նորակարգ ոճով ի լոյս ընծայեալ ի Հ. Միքայէլ Վարդապետէ Սալլան-*

первом месте армянская грамматика Саллантяна, напечатанная в Москве. Появление армянской грамматики рецензент приветствовал как отрадное явление в культурной жизни народа. «Желая возможного распространения просвещения между восточными народами, особенно теми, с коими Россия имеет ныне тесные по торговле сношения, мы с удовольствием читали упомянутую Грамматику, составленную на армянском языке Архимандритом Михаилом Саллантовым»,— писал он. Однако, радуясь самому факту появления книги, рецензент вместе с тем делает целый ряд строго критических замечаний. Особенно возмущает его то, что Саллантян не хотел считаться со своими предшественниками и даже не указал использованных источников, несмотря на то, что многое было им заимствовано хотя бы у Чамчяна. К числу недостатков книги Саллантяна рецензент относит трудность изложения и излишние нагромождения, вроде присовокупления к каждому склонению более 700 имен существительных и прилагательных: «Дело скучное и совершенно излишнее!», замечает он.

Следующей в обзоре рассматривалась русская грамматика на армянском языке[1]. Это был перевод грамматики Померанцева, сделанный Авраамом Вагаршапатским. Рецензент был недоволен изданием потому, что переводчик значительно отдалился от подлинника. Он писал: «Перевод сей был бы хорош и полезен для армян, желающих познакомиться с языком Российским, если б Переводчик переложил на отечественный язык все так, как нашел он в подлиннике. Новые замечания о языке, извлеченные из разных Грамматик, которых к несчастью очень мало хороших, и собственные рассуждения, вовсе несовместные предмету, отняли у книги надлежащее достоинство»[2].

Две другие книжки носили учебный характер. Одна из

քեան: Հատոր ա. Փոքր քերականութիւն: Ի Մոսկով, 1827 (Грамматика книжного Армянского языка, расположенная по новой методе Архимандритом Михаилом Саллантовым. Часть I, Краткая Грамматика. Москва, 1827, в тип. Ав. Семена, 8, 433 стр., там же).

[1] *Համառօտ քերականութիւն ի վերայ լեզուի ի հայ աշխատասիրութիւնք Արքահամ սարկաւագի Վաղարշապատեցւոյ*, in 4, 156 *երես:* (Краткая Грамматика Российская на Армянском языке, составленная Иеродиаконом Авраамом Вагаршапатским, по руководству Грамматики, изданной Г. Померанцевым, бывшим Учителем и Секретарем при Коммерческой Практической Академии. М., 1827, в тип. Ав. Семена, in 4, 156 стр).

[2] Там же, стр. 121.

них была сугубо религиозной[1]. В связи с ней рецензент в кратком отзыве выражал свое неудовольствие по поводу языка, которым она была написана, вместе с тем считая ее полезной для детского возраста. «Сия книжка, в которой Переводчик похвалиться слогом никак не может, послужит полезным чтением для детей»,— отмечал он.

Вторая книга представляла уже серьезный интерес. Это был армянский букварь, составленный архидиаконом Вартаном[2]. Книга была подготовлена для начальной школы. О ее бесспорной пользе и значении писал и автор обзора: «И сей новый подарок, доставляющий детям первоначальные понятия о природном языке, сколько замечателен по благородной цели, столько хорош и по плану. Теперь большая часть Армян, имея сию книжку, надеемся, оставят скучную методу обучать детей чтению по рукописным азбукам, в которых очень часто или от неопытных родителей, или от небрежности недоученных наставников скрывались ошибки самые грубые».

Совершенно очевидно, что была опубликована далеко не вся литература об Армении на русском языке. Много интересных материалов осталось в архивах. Сошлемся, например, на «Письма брату о Кавказе одного Закавказца в 1836 году». Эти письма являются типичным произведением эпистолярного жанра начала XIX столетия. В предисловии автор говорит о трудностях в познании Кавказа. Себя он рекомендует в качестве военного, изучающего Кавказ «среди лагерного шума и с казачьего седла». В письмах много географических описаний, этнографических материалов и бытовых наблюдений. Вот как автор зарисовывает, например, течение Аракса: «Аракс, известный Римским легионам, вытекающий из-за утесов Кази-Дага, между Гассан-Кале и Топрак-Кале, Турецкими крепостями, взятыми Русскими в последнюю войну, отделяется небольшою отраслью гор от Евфратской долины, которая также недавно видела Русские знамена. Аракс начинает течение

[1] Կտակ Տեառն մերոյ Յիսուսի Քրիստոսի թարգմանեալ ի ռուսաց լեզուէ ի հայ բարբառ ի Յովակիմայ Օպիճեանցի, in 12, 45 երես: (Заповедь Господа нашего Иисуса Христа. Перевод Г. Согинова, in 12, 45 стр).

[2] Այբբենարան հայոց աշխատասիրութեամբ Վարդան սարկաւագի: (Букварь, составленный архидиаконом Вартаном. М., 1827, в тип. Ав. Семена).

свое к Северо-Востоку по Чалдгранской равнине, потом по приятию в себя реки Арпачай повертывает к Востоку, протекает верстах в двадцати от Эривани, и у селения Артаксата переменив течение к Югу, образует дугу, незаметно направляясь к Северу мимо селения Асландуз, лежащего на правом берегу и прославленного безмерною победою Котляревского над Персами в 1812 году; потом в ста верстах от Каспия впадает в Куру или лучше сказать сливается с нею и вместе продолжает течение в море»[1].

Однако было бы неправильным расценивать многочисленные и богатые материалы, появившиеся в русской печати о присоединении Армении к России, основываясь только на высказываниях прогрессивных и передовых деятелей. Среди авторов, писавших об Армении в 20 и 30-х годах XIX века, были и верноподданные слуги самодержавия, которые рассматривали новую Армянскую область с точки зрения и с позиций монархической власти. Ярким выразителем этой реакционной самодержавной точки зрения был, например, Платон Зубов, подробно разработавший целую программу использования природных ресурсов Закавказья. «Туземцы» (под туземцами Платон Зубов подразумевает народы Закавказья — С. А.) не могут, с его точки зрения, привести край свой к благоденствию, а поэтому единственно правильным мероприятием является организация русских колоний. Утверждая, что самодержавие «благодетельствовало» Закавказье, Зубов писал: «Его сиятельство граф Канкрин, во всеподданнейшем своем докладе государю императору, назвав Закавказский край колониею России, изобразил в одном слове все, что просвещенная Европа, и в особенности Россия, вправе ожидать от страны, облагодетельствованной Природою, украшенной историческими воспоминаниями, и после вековых бедствий, отдыхающей наконец под кротким и благодетельным правлением Николая I-го»[2]. Точка зрения на правление Николая Палкина, как на «кроткое и благодетельное», осчастливившее закавказских «туземцев»,

[1] РОПБЛ, Q IV, № 322.

[2] Платон Зубов. Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях. СПб, 1834, стр. I.

нашла свое отражение и в другой работе П. Зубова — «Шесть писем о Грузии и Кавказе»[1].

В таких же примерно тонах написаны и воспоминания барона Ф. Корфа, которые печатались первоначально в отрывках в «Библиотеке для чтения»[2], а затем были опубликованы в виде отдельного издания[3]. Корф не скрывал своего барско-пренебрежительного отношения к народам Закавказья.

Подобно многим другим европейским снобам, Корф скулит по поводу мелких неудобств, которые приходится переносить путешественнику. В совершенно ложном свете представляет Корф и интерес армян к своему историческому прошлому. Рассказывая о легендах, связанных с Араратом, он пишет: «Конечно, близость Эчмиадзина и Эривани от Арарата дает повод к сохранению этих поверий, а желание армян приписывать важные исторические воспоминания своему отечеству заставляет их всеми мерами укоренять их в умах. Впрочем, превратившись из славной великой Армении в ничто, этой земле остается жить одними воспоминаниями, и можно дозволить ей, в виде утешения, в виде возмездия за утраченную славу добавлять истину вымыслом, безвредным для просвещенного человека, умеющего положить границу между историей и басней»[4]. Эта точка зрения Корфа отражает довольно отчетливо мнение крепостников и царских сатрапов, считавших, что «Армения это ничто», которой и «остается жить одними лишь историческими воспоминаниями». Труд Ф. Корфа был по достоинству оценен в реакционных кругах. В «Журнале министерства народного просвещения» ему была посвящена положительная рецензия[5].

Интерес к Армении у русского читателя 30-х годов был столь велик, что журналы не ограничивались трудами оригинальных авторов, а печатали также и переводы. Так, например, в переводе с французского на русский язык печатались путевые впечатления известного геолога и натуралиста Дюбуа-де-Монтперо[1], который не только изучал геологию Закавказья, но и уделил очень много внимания архитектуре Грузии и Армении.

Среди авторов, писавших об Армении в 30-е годы, были и чиновники, служившие на Кавказе. К их числу принадлежал Ю. А. Гагемейстер, служивший в управлении наместника на Кавказе. Он был одним из основателей Кавказского общества сельского хозяйства. В своих очерках, относящихся к Армении, Гагемейстер сосредоточивал внимание на производительных силах страны, ее растительном и животном мире[2].

Прогрессивным и правильным в очерках Гагемейстера было то, что он отметил положительную роль присоединения Армении к России. «С тех пор, как Россия овладела Закавказьем, край этот наслаждается полным спокойствием, и благосостояние жителей несомненно возросло»[3],— писал он.

В обширной литературе, посвященной Армении после ее присоединения к России, следует выделить книжку Н. Нефедьева «Взгляд на Армянскую область»[4]. Книжка Н. Нефедьева написана очень благожелательно, в ней много умных и тонких наблюдений, встречаются красочные описания природы. Вот как, например, зарисовывает Н. Нефедьев Ереван: «Чрез час езды от Эчмиадзина, с небольшого возвышения открывается занимательный ландшафт Эривани. Город начинается слева, вверх по течению Занги, на высоком холме и, спускаясь амфитеатром все ниже и ниже, оканчивается крепостью. Домы жителей, построенные один над другим из глины и дикого камня, с плоскими кровлями, минареты, угрюмая природа, не хотевшая, кажется, здесь ничего производить кроме камней, и между тем как будто на перекор ей зеленеющие по углублениям роскошные сады приятно изумляют зрение. К этой же картине принадлежат отдаленные виды: с одной стороны Алагеза, а с другой Арарата»[5]. Нефедьев неодно-

[1] Платон Зубов. Шесть писем о Грузии и Кавказе. Москва, 1834.

[2] Ф. Корф. Проезд через Закавказский край. „Библиотека для чтения", том 29, 1838.

[3] Ф. Корф. Воспоминания о Персии (1834—1835), СПб, 1838.

[4] Там же, стр. 61.

[5] Воспоминание о Персии 1834—1835. Барона Федора Корфа. СПб. 1838, „ЖМНП", 1839, январь, часть 21, отд. VI, стр. 72—84.

[1] Дюбуа-де-Монтперо. Письма из Армении. „ЖМВД", 1834, № 9, стр. 392—404.

[2] Ю. А. Гагемейстер. О надеждах Закавказского края, как колонии. „Библиотека для чтения", 1838, том 30, отд. IV, стр. 1—6.

[3] Ю. А. Гагемейстер. Новые очерки Закавказья. СПб, 1848, „ЖМВД", том XX и XXI.

[4] Н. Нефедьев. Взгляд на Армянскую область. Из путевых записок. СПб, 1839,

[5] Там же, стр. 24—25.

кратно подчеркивает положительное значение присоединения Армении к России.

Материалы, публиковавшиеся в русской печати об Армении в первой половине века, носили, главным образом, характер путевых записок, очерков, мемуаров. На эти путевые записки очень сильное влияние оказало «Путешествие в Арзрум». У многих авторов встречаем мы ссылки на Пушкина, а иногда даже прямое подражание ему. Так, например, под непосредственным пушкинским влиянием написаны «Заметки на пути из Москвы в Закавказский край»[1].

В 1848 году была напечатана книга Андрея Муравьева «Грузия и Армения»[2]. А. Н. Муравьев был камергером и членом Академии наук. Служебная карьера его была весьма разнообразна,— он был военным, дипломатом, директором тюремного комитета; писал сперва стихи и трагедии, затем перешел на богословские темы. Грузия и Армения интересовали его главным образом с точки зрения церковной. А. Н. Муравьев подробно перечисляет догматы армянской церкви и пропагандирует сближение армянской церкви с православной.

Путешественники, побывавшие в Армении в сороковые — пятидесятые годы, уже замечают не только красоты и особенности ее природы, но и описывают страшную нищету и отсталость армянской деревни. Положение армянской деревни поражает не только прогрессивных деятелей, но и людей, отражавших настроения самодержавной реакции, для которых поездка в Армению была путешествием в страну «азиатов». Один из таких путешественников — очевидно явный приверженец самодержавия,— тем не менее был настолько изумлен состоянием армянских крестьян, что это нашло отражение и в его записках: «Подъезжая к армянской деревне, не видишь ничего живого; только земля взрыта буграми, на подобие кладбища. Но вблизи вдруг из этих могил вылезают чучелы — черные, оборванные, покрытые лоскутами, закопченные, в высоких шапках, в куртках и шальварах, подпоясанные кушаком...»[3]. Автор этих воспоминаний увидел голодную, разоренную армянскую деревню, однако отношение его к армянским крестьянам так и осталось пренебрежительно-ироническим.

[1] Я. А—въ (Яков Арапетов). Заметки на пути из Москвы в Закавказский край. „Отечественные записки", 1848, том XLI, № 7.

[2] Андрей Муравьев. Грузия и Армения. СПб, 1848.

[3] Впечатления и воспоминания покойника, „Библиотека для чтения", 1848, том 86, стр. 1—58 и 147—184.

Несмотря на мировоззрение автора, эти мемуары интересны с той точки зрения, что, вопреки автору, они давали представление о том тяжелом положении, в котором находилось армянское крестьянство в середине XIX века. Сведения о бедственном положении армянских крестьян, об их отсталости, отсутствии элементарных человеческих условий существования очень скудно и с трудом проникали в официальную печать. В данном случае «Библиотека для чтения» любезно предоставила свои страницы автору, возлагая надежды на его верноподданнические чувства.

Аналогичные впечатления от Армении были и у князя А. Д. Салтыкова[1]. Много на своем веку путешествовавшего барина привлекали главным образом экзотика и живописные картины природы. Не случайно в его записях мы встречаем сравнения Закавказья с Италией. Несмотря на поверхностные наблюдения Салтыкова, нищета и отсталость армянской деревни были столь разительны, что бросились в глаза даже ему. Вот, к примеру, его впечатления от Дилижана: «27-го сентября 1838 года мы провели ночь в Дилижане, дрянном местечке, едва заметном. Только несколько кучь навоза, да вылезающие из нор своих люди, одетые на персидскую стать, и бродящие лошади хорошей породы, но исхудавшие от усталости, напоминают путешественнику, что тут есть жилища под землей»[2].

Конечно, князя Салтыкова не интересовали подлинные причины того, почему же армянская деревня и население ее находятся в столь бедственном положении. Он считал, что это положение обусловлено дикостью и грубостью нравов «азиатцев». Этот путешествующий вельможа и не собирался вникать в общественные отношения людей или задаваться государственными вопросами.

Об очень низком уровне знания края и понимания интересов населения присоединенной Армянской области со стороны господствующих классов свидетельствует и «Дорожник», составленный в качестве путеводителя для наследника русского престола, собиравшегося путешествовать по Закавказскому

[1] Путешествие в Персию. Письма кн. А. Д. Салтыкова. М., 1849.

[2] Там же, стр. 17.

краю[1]. В этом «Дорожнике» представлена смесь поверхностных исторических и этнографических сведений.

Слабое знание своей страны было характерно не только для путешествующих дворян, но и для дворянской науки и педагогики. Так, например, в книге «Отечествоведение»[2], в задачи которой входило познакомить подрастающее поколение с различными народами, проживавшими в России, можно встретить немало курьезов. Глава, посвященная армянам, являлась пересказом статей некоего Лядова, напечатанных в «Разсвете». В этом пересказе даны очень беглые и в большинстве своем неверные сведения об Армянской области. Говоря об армянской литературе, автор умудряется не упомянуть ни одного письменного источника. Книжка эта могла только дезориентировать русского читателя.

Обширная мемуарная литература появилась в XIX веке в связи с военными столкновениями России и Турции в 1854 году. Все мемуаристы единодушно свидетельствовали о том, что армяне были очень хорошо расположены к русским войскам. Один из них, Есаул в «Походном дневнике»[3]»— рассказывает о просьбах армян-добровольцев принять их в армию. Он пишет, что богатые армяне сочувствуют туркам, а бедные, то есть большинство — русским. В других воспоминаниях приводятся интересные свидетельства о том, как в 50-х годах армянское население уходило от турок вслед за отходящими русскими войсками[4].

В литературе об Армении, появившейся в официальной русской печати после присоединения, особое место занимает книга, принадлежавшая служившему прч Паскевиче чиновнику И. И. Шопену — «Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ея присоединения к Российской империи»[1]. Труд Шопена был задуман и осуществлен, как небольшая энциклопедия-путеводитель, в котором должны были найти место всевозможные сведения об Армянской области; он был рассчитан на читателя из среды чиновников, военных, на всех тех, кому по служебным делам или из личных интересов приходилось бывать в Армении. Первая часть его посвящена историческому прошлому края. Автор излагает начертание древней географии Армении, историю Армении, краткое обозрение армянской словесности, археологические данные. Во второй части Шопен переходит к описанию современной ему Армении, дает подробную географическую характеристику Армянской области. Третья часть относится к политическому состоянию области. Политическое состояние, вернее, управление и административное деление описываются Шопеном и при персидском владычестве, и после присоединения Армении к России. Особая глава трактует о городах. Вот как, например, характеризует Шопен Эривань: «Первый взгляд на город Эривань не располагает в его пользу; вид его однообразен и наводит уныние. Как во всех почти Азиатских городах, так и здесь, улицы узки и изгибы их так кривы, что оне примыкают одна к другой почти без прямых углов. Эти улицы образуются двумя рядами низеньких, безобразных стен, слепленных, некоторыя из несженаго кирпича или голыша, но чаще — просто из грязи. Весьма некрасивые стены эти изредка перерываются низенькими дверцами домов, всегда тщательно запертых»[2]. Охарактеризовав городское население, Шопен переходит к описанию армянских селений. В каждой главе приводится много статистических данных и подробный перечень наименований городов и сел.

Четвертая часть книги посвящена производственным ресурсам и производительным силам Армянской области. Здесь же приводятся данные по состоянию животноводства и описывается фауна области. Особое внимание уделяет Шопен ремеслам, промышленности и торговле, не упуская из виду и вопросы «культуры», т. е. приходские школы, архитектуру, музыку и танцы. Пятая часть трактует о податях и сборах в Армянской области.

---

[1] О. Константинов. Дорожник, по пути следования его императорского высочества, государя наследника, по Закавказскому краю, в 1850 году, с краткими описаниями этнографическими, статистическими и историческими. Тифлис, 1850.

[2] Д. Семенов. Отечествоведение. СПб, 1866.

[3] Есаул. Походный дневник (1854—1855 гг.). „Военный сборник", 1860, № 2, стр. 477—506, № 3, стр. 165—201, 355—412.

[4] Драгунский офицер. Воспоминания о Закавказском походе. „Военный сборник", 1860, том XI, стр. 135—272.

[1] И. Шопен. Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ея присоединения к Российской империи. СПб, 1852.

[2] Там же, стр. 466.

Шопен, в силу эмпирического характера своей книги, не мог умолчать о целом ряде фактов и не отразить хотя бы приближенно тяжелого положения населения. Эти факты и без комментариев сами говорят за себя. Даже в предисловии своем Шопен с наивным «добродушием» жаловался на то, что ему трудно было работать потому, что свирепствовавшая чума «истребляла целые селения на другой день после их описания, так что надлежало тут же приступить к делу вновь».

Труд Шопена писался по официальному заданию графа Паскевича-Эриванского. Тем не менее, он в течение долгого времени не мог быть напечатан и имеет довольно любопытную цензурную историю. Книга была представлена к печати в 1840 году в военную цензуру под названием «Статистическое описание Армянской области». Военное министерство, по рассмотрении, нашло возможным опубликовать ее после некоторых сокращений. Министерством предлагалось только сократить излишне подробные сведения о дорогах, расположении войск и т. д.

Однако издание книги было задержано личным вмешательством государя. В секретном отношении министр просвещения сообщал, что государь император нашел напечатание книги неудобным, ввиду того, что имеющиеся в ней сведения могут быть использованы во зло за границей.

Вето императора послужило поводом к активной переписке о книге Шопена в течение целых десяти лет. В 1841 году книга была удостоена Академией наук Демидовской премии. Однако эта премия выдавалась не раньше, как по отпечатании премированного сочинения. Ввиду же цензурного запрета премия автору была задержана. Благодаря вмешательству Паскевича, Шопен ее все же получил из сумм царства Польского. Рукопись книги было предложено передать в Азиатский музей[1].

Для того чтобы задержать издание книги, Николай I повелел рассмотреть ее согласно с новыми цензурными правилами, которые должны были быть утверждены, но не утверждались, что откладывало публикацию книги на совершенно неопределенное время.

[1] В ЦГИАЛ сохранилось 4 цензурных дела, посвященных книге Шопена: 1) ф. 777, оп. 1, д. 208148, 2) ф. 772, оп. 4, д. 148550; 3) ф. 772, оп. 4, д. 148901; 4) ф. 777, оп. 2, д. 130.

В связи с создавшимся положением Шопену пришлось пуститься на довольно тривиальную уловку. В письме к Уварову он сообщил о том, что получил предложение из Парижа на издание книги на очень выгодных для него условиях. Мы не знаем,— действительно ли получил Шопен такое предложение, но в результате письма вопрос об издании книги был сдвинут с мертвой точки. Книгу вновь передали в цензуру.

Труд Шопена рассматривался в заседании Санкт-Петербургского цензурного комитета 16 августа 1850 года. Не придя к какому-либо определенному заключению, комитет решил пригласить Шопена на следующее заседание для личных переговоров. Шопен, в свою очередь, обратился к комитету со специальным заявлением, в котором он пытался разъяснить происшедшее, с его точки зрения, досадное недоразумение. Он писал: «Статистика Армении подверглась запрещению потому, что заключает она в себе резкие суждения о состоянии описываемого края и жителей оного, и что цифры о нем приводимые, не современные; но оба сии обстоятельства не должны бы служить препятствием к изданию сего сочинения по следующим причинам: Армянская область присоединена к России в 1828 году, и был командирован для составления первого ее камерального описания в 1829 году; собранные же для моей статистики данные относятся, как и заглавие доказывает и как подробно изложено в предисловии, к 1830 и 1831 годам.

По сему в моей книге описывается страна, еще не отдохнувшая под скипетром России, но покрытая дымящимися развалинами, после битв, решивших ее судьбу; очерки мои представляют народ, только что водворившийся в пределах наших из Турции и Персии; наконец, представляя Статистику за 1830—1831 годы, я, конечно, не имею и иметь не могу притязания представлять в ней данные за эпоху современную, требующую, судя по всем совершившимся в Армении преобразованиям, описания совершенно специального.

Итак, должно взирать на мое сочинение, как на единственный документ, показывающий status quo Армении при переходе ее в подданство России; это — передаточная опись, предназначенная служить пунктом сравнения для всех буду-

щих описаний; только с помощью ее можно будет впоследствии сказать: **вот что было и вот что есть, вот что совершено здесь Россиею!»**[1].

В заседании Санкт-Петербургского цензурного комитета от 31 октября 1850 года было определено поручить рассмотрение рукописи цензору Фрейгангу. В следующем заседании, заслушав донесение Фрейганга, было решено препроводить рукопись в военную цензуру. Департамент генерального штаба ответил, что рукопись Шопена представляет исторический документ и поэтому не требует дополнений современными статистическими сведениями; она может быть напечатана вся, за исключением топографического отдела. После этого рукопись была передана в духовную цензуру. Духовная цензура ответила, что ничего предосудительного в книге Шопена она не находит.

Прошло десять лет со дня представления книги в цензуру. В 1850 году она уже на самом деле имела главным образом исторический интерес, поэтому, когда Шопен вновь обратился с прошением на высочайшее имя, в ответ ему было объявлено о разрешении на публикацию без дополнений современными статистическими данными, сообразуясь с цензурными замечаниями и требованиями. Однако печатание книги проходило с большими затруднениями. Корректурные листы поступали к цензору Фрейгангу. В своих письмах Шопен жаловался, что цензор задерживает корректуры и отказывается вступить с ним по этому вопросу в переписку. В процессе печатания Шопен окончательно рассорился с цензором и последний жаловался цензурному комитету, что Шопен настаивает на сохранении текста без изменений. Наконец, после длительных пререканий с цензурой, книга увидела свет в 1852 году.

Стремясь осветить положение с изданиями на русском языке, мы несколько забежали вперед и сейчас нам вновь придется вернуться к началу века, к событиям, связанным непосредственно с историей печати и цензуры.

Присоединение Восточной Армении к России явилось значительным рубежом и в истории развития армянской печати. После присоединения вопросы развития армянской культуры из частных вопросов отдельных колоний превратились в вопро-

[1] ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 2, д. 130, л. 7 и об.

сы развития национальной культуры в целом. Это не замедлило сказаться и на развитии армянской периодики и книгопечатания. В XIX веке появляются многочисленные журналы и газеты. Они издавались в различных городах: Москве, Петербурге, Тифлисе и др., но их исторической миссией являлось уже обслужить не столько армянское население этих городов, сколько жителей Араратской долины. Действительно, основная масса подписчиков была в Закавказье и тем самым начинала постепенно осуществляться связь печати с народом. Газеты и журналы стали доходить до армянских читателей, число которых с общим подъемом грамотности и культуры увеличивается с каждым днем.

С увеличением количества армянских школ растет и потребность в учебниках и учебных пособиях, на издание которых начинают обращать все большее и большее внимание. Во второй половине XIX столетия особенно усиливается публикация художественной литературы. Присоединение имело еще и то положительное значение, что облегчило для армянской молодежи связь с русскими высшими учебными заведениями, с Лазаревским институтом, с редакциями армянских газет и журналов.

Были пересмотрены и вопросы цензурования армянских книг. Цензура для изданий на армянском языке была разделена на светскую и духовную. Правда, Эчмиадзин продолжал все так же ревностно следить за выходящими из печати армянскими книгами и в случае неудовольствий, преследовать издателей многочисленными доносами и жалобами.

Так, например, католикос Иоаннес жаловался Николаю I на издание книги «Дополнение к доказательству о древности трехперстного сложения», усмотрев в ней выпады против армяно-григорианского вероисповедания. В связи с этим министр внутренних дел А. Г. Строганов писал главноуправляющему Закавказским краем Е. А. Голицыну о необходимости усилить духовную цензуру «...предписав ей к наблюдению, чтобы таковые сведения впредь не допускались»[1].

История царской цензуры показывает, что в организационном отношении система цензуры непрерывно видоизменялась

[1] РОПБЛ. Q—IV—476, № 295.

в зависимости от политических задач, выдвигаемых временем. Неоднократно видоизменялся и устав ее, издавались многочисленные правила и дополнения, относившиеся ко всем отраслям печати. В двадцатых годах вопрос цензурного устава возник с новой остротой. Проект его готовился еще в 1823 году и к его составлению были привлечены Магницкий, Рунич и Стурдза. После восстания декабристов министром просвещения был назначен известный ретроград адмирал Шишков, прославившийся своими лингвистическими упражнениями в области церковно-славянского языка. Позиции Шишкова в литературной полемике начала века были принципиально архаичными, и он прилагал все возможные усилия в борьбе с карамзинистами и «Вольным обществом» за сохранение первородной церковно-славянской чистоты русского языка.

Новый цензурный устав, проведенный Шишковым в 1826 году, не случайно был прозван современниками «чугунным». По этому уставу был утвержден верховный цензурный комитет, состоявший из министров: просвещения, внутренних и иностранных дел. Этому комитету были подчинены цензурные комитеты в Петербурге, Москве, Дерпте, Вильне. Новый устав был отражением эпохи реакции, наступившей после восстания декабристов, и слава его была такова, что даже такой человек, как цензор Глинка, которого никак нельзя заподозрить в либерализме, говорил, что в силу этого устава можно и «Отче наш» истолковать «якобинским наречием».

По уставу 1826 года цензуре поручалось следить: 1) за науками и воспитанием юношества, 2) нравами и внутренней безопасностью, 3) направлением общественного мнения, согласно с политическими обстоятельствами и видами правительства.

По новому уставу было заведено большое количество цензурных дел, но особенно беспощаден был этот устав к философии. В отношении книг по философии в уставе говорилось: «Кроме учебных, логических и философских книг, необходимых для юношества, прочие сочинения сего рода, наполненные бесплодными и пагубными мудрованиями новейших времен, вовсе печатаемы быть не должны»[1].

[1] В. Розенберг и В. Якушкин. Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. М., 1905, стр. 49

После отставки Шишкова и назначения Ливена устав 26 года был вновь пересмотрен и вместо верховного цензурного комитета было создано главное цензурное управление. В устав был внесен и ряд дополнительных изменений. Так, с цензоров снималась обязанность исправлять ошибки и слог писателей. Последний устав был утвержден в 1828 году.

При изучении истории цензуры было бы неверным представлять дело таким образом, якобы цензорами были только реакционеры и только люди ограниченные. На самом деле это было далеко не так. Цензурованием книг приходилось заниматься и писателям, и ученым, деятельность которых имела большое общественное значение. Так, в начале XIX века цензурные разрешения на публикацию книг об Армении на русском языке связаны с именами двух крупных представителей русской литературы — С. Т. Аксакова и И. А. Гончарова. Аксаковым было дано в 1831 году разрешение на публикацию «Обозрения истории Армянского народа...» С. Н. Глинки. Фигура С. Н. Глинки представляет большой интерес в истории русско-армянских культурных отношений[1]. В своих исторических трудах и поэтических произведениях Глинка пытался воскресить историю древней армянской культуры. Искренний патриот, он доказал свою любовь к родине в годы тяжелых испытаний войны с Наполеоном.

Гуманизм С. Глинки проявился и в его любви к Армении, в восхищении ее героическим прошлым. Перу Глинки принадлежат «Две повести в стихах, почерпнутые из древних Армянских летописей». Первая из них является обработкой легенды о Гайке и Бэле. Эту поэму С. Глинка посвящает древней Армении. Обращаясь к стране Гайка, он восклицает:

«Страна и колыбель вторая
Возобновленных людей!

[illegible] (С. Арешян. Сергей Глинка и армянская культура. „Советский" литературоведение и искусство", 1944, № 6—7). В ней мы пытались показать, что даже в мрачные годы николаевской реакции Сергей Глинка горячо отстаивал принципы исторической дружбы русского и армянского народов. Однако тогда нам не был еще известен ряд архивных материалов, которые значительно дополняют в этом аспекте наши представления об облике С. Н. Глинки.

В тебя душою перелетая,
Жить памятью хочу твоей».

Вторая поэма — «Ардоат или Адоад, спаситель Армении и Отечества» — повествует о мирной, счастливой жизни Ардоата в семейном кругу, под сенью Арарата. С приходом к власти Неоптолема, грабившего и разорявшего Армению, Ардоат возглавляет отряды соотечественников и выступает на защиту родины. Разгромив ее врагов, он празднует с войсками победу. В честь Ардоата — избавителя отчизны — народ слагает хвалебные песни.

С. Глинка был одним из первых русских историков Армении. Свой труд «Описание переселения Армян аддербиджанских в пределы России» (М., 1831) он посвятил возвращению угнанных персами армян, оговоренному Туркменчайским договором. Он подчеркивает благотворное значение этого переселения в жизни армянского народа, выражает уверенность, что под сенью России «...появятся города, которые возобновят блеск древней Армении. Около сей первоначальной колыбели постоянного существования Армян соберутся рассеянные по лицу земли племена Армянские...».

Другая историческая работа «Обозрение истории армянского народа» (М., 1832) представляет собой значительное сочинение в двух частях. Историю Армении Глинка воспринимал как одну из блестящих страниц истории древнего мира. Характеризуя армян, как талантливых творцов и созидателей экономической и культурной жизни, Глинка отмечал, что воинственный дух этого народа был направлен на оборону отечества и борьбу с иноземными захватчиками. «Оборона отечества, защита родной независимости, противоборствие покушениям внешнего насилия — вот главная цель их вооружений». Армяне, по мнению Глинки, сыны народа, отмеченного необычайной силой духа.

В заключительных главах своего труда Глинка уделяет особое внимание истории взаимоотношений русских и армян. Он считает, что жизнь армян и русских в пределах одного государства открывает новый этап во взаимоотношениях дружественных народов.

В развитии и укреплении дружественных связей между

русскими и армянами видит Глинка залог будущего успеха и процветания армянского народа. «...Первые изъявления приверженности Армян к России,— писал С. Глинка,— существовали издревле, а соделались очевидными в царствование Петра Великого... Россия, отверзая обширные свои недра всем народам, братьям одного семейства человечества, являет пример соединения народов»[1].

Однако исторические труды Глинки по-видимому «кое-кому» и не понравились. Особенно враждебно восприняли его «Обозрение» консервативные круги русского общества. Идеи взаимопонимания и дружбы русского и армянского народов, которыми была проникнута «История» Глинки, вызвали особенно негативную реакцию в этих кругах.

Несмотря на то, что Аксаковым было дано цензурное разрешение на публикацию «Истории»[2], Глинка был серьезно встревожен мнением, которое создалось о его труде. Мнение это он сам формулирует словами «буйственный либерализм». Для того чтобы застраховать себя от возможных неприятностей, Глинка обратился к Х. Я. Лазареву и через его посредство — к Бенкендорфу с просьбой подвергнуть его книгу вторичному рассмотрению[3]. Бенкендорф дал свое согласие, и Глинка повез свой труд в Петербург[4].

Впечатление, произведенное книгой Глинки на реакционные слои общества, не было случайным. Рассуждения об исторических заслугах армянского народа и его героическом прошлом пришлось явно не по душе лицам, зараженным шовинистическим угаром, и этим объясняется тревога, с которой Глинка писал Х. Я. Лазареву: «Распускают громкую молву, будто бы моя армянская история заражена каким-то буйственным либерализмом»[5]. К «буйственному либерализму» ретрограды отнесли те подлинно дружественные чувства, которые питал С. Глинка к армянскому народу. Эти именно чувства и нашли свое выражение в его трудах.

---

[1] С. Глинка. Описание переселения Армян аддербиджанских в пределы России. М., 1831, стр. 16.

[2] ЦГИАЛ, ф. № 772, оп. 2, д. 147370.

[3] ЦГИАМ, ф. III, отд. 1, эксп. № 188, 1832, л. 4.

[4] Там же, л. 5.

[5] Там же, л. 4.

Сам Глинка придавал большое значение своим трудам в области армянской истории: «Я отжил на поприще чернильном. Но армянская моя история будет жить под небосклоном европейским»[1], писал он в письме к Х. И. Лазареву. Понятны его волнения по поводу распространяемой о его книге молвы, и отсюда — редкий в истории цензуры случай, когда автор для того, чтобы опередить своих недоброжелателей и обезвредить их, сам потребовал вторичного цензурного рассмотрения своего труда.

Если с именем Аксакова связан труд Глинки, то с именем Гончарова связана другая книга по истории Армении. В 1856 году Гончарову была представлена на рассмотрение книга Худобашева «Обозрение Армении в географическом, историческом и литературном отношениях». Ознакомившись с ее содержанием, Гончаров счел необходимым препроводить ее на предварительное рассмотрение духовной цензуры. «Представляя при этом назначенную мне для просмотра рукопись «Обозрение Армении» соч. Худобашева, честь имею доложить, что как наибольший отдел в ней посвящен церковной истории Армянского народа, а в других отделах, особенно в главе о политической истории Армении, так же приводятся примеры христианского мученичества, и вообще по всему сочинению рассеяны указания на священную историю, рассуждения о религии и т. п., то я полагаю нужным препроводить означенное сочинение предварительно на просмотр духовной цензуры, а приложенную к нему карту Армении — в военно-топографическое депо, о чем имею честь представить на благоусмотрение вашего превосходительства»[2],— писал Гончаров.

Получив санкцию духовной цензуры, Гончаров запросил о целесообразности представления рукописи в Кавказский комитет, и лишь после этого им было дано разрешение на печатание книги.

Вопросы издания и цензурования армянских книг поднимались и армянами, проживавшими в Тифлисе. Старший учитель Тифлисской гимназии Я. Арзанов получил разрешение на открытие типографии. В открытой им типографии имелся целый ряд шрифтов — русский, латинский, грузинский, армянский и арабский. В 1837 году Арзанов обратился с просьбой разрешить ему цензуровать печатаемые в типографии книги, мотивируя свою просьбу тем, что отсутствие цензора крайне тормозит издания. Вопрос этот, по ходатайству главноуправляющего Закавказским краем, был представлен на рассмотрение главного управления цензуры, и министром просвещения Уваровым было испрошено согласие «его императорского величества». В декабре 1837 года это согласие было получено и, таким образом, вопрос цензуры армянских книг в Тифлисе был разрешен[1].

Комитет цензуры иностранной литературы в Петербурге в 30-е годы использовал в качестве цензора драгомана министерства иностранных дел Худобашева[2]. В Казани в это время был уже специальный цензор для восточных изданий.

Однако в 30-х и 40-х годах цензурование армянских книг все еще продолжало носить случайный характер. На армянские книги после отпечатания их в различных типографиях накладывался министерством внутренних дел арест, и они после тиража направлялись на рассмотрение цензуры. Так, в 1838 году были задержаны учебники на армянском языке в Григориопольском приходском училище. На учебниках не было цензурного разрешения, хотя изданы они были еще в 1827 и 1831 годах. Книги были направлены в Академию наук и затем допущены к обращению на основании отзыва экстраординарного профессора, академика Броссе[3].

Некоторые армянские типографии работали под сурдинку и прекрасно обходились без цензуры. Так, например, работала армянская типография города Шуши. Такое положение, однако, не могло продолжаться долго, и в 1845 году было конфисковано 12 книг, вышедших из этой типографии. В числе их был конфискован по подозрению в неблагонадежности «Шильонский узник» Байрона, переведенный на армянский язык[4].

Учитывая возросший спрос на армянские книги и то значение, которое они начали приобретать, Лазаревы в 1848 году обратились при посредстве Бенкендорфа к министру просве-

[1] ЦГАДА, ф. Лазарева Х. И.
[2] ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 2, д. 55, 1856, л. 2.

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 118, д. 57964, л. 8 и об.
[2] ЦГИАЛ, ф. 722, оп. 3, д. 148319.
[3] Там же, д. 148177.
[4] Там же, оп. 4, д. 148993.

щения с просьбой предоставить Лазаревскому институту право цензурования армянских книг, издающихся в России. Вопрос этот, однако, разрешения не получил.

В 1849 году цензурование книг, издающихся в Закавказье, было возложено на Кавказский цензурный комитет, права которого были значительно расширены. Комитету было предоставлено право рассмотрения всех книг, газет и журналов на восточных языках, привозимых или присылаемых из-за границы.

Конец сороковых и начало пятидесятых годов были периодом весьма неблагоприятным для развития армянской печати. Наступившая после революции 1848 года эпоха реакции нашла свое выражение, прежде всего, в цензурных ограничениях. Знаменитый Бутурлинский комитет жестоко преследовал малейшее проявление самостоятельности в мыслях и поведении. Бралась под подозрение даже музыка. В цензурных распоряжениях этого периода говорилось: «Имея в виду опасения, что под знаками нотными могут быть скрыты злонамеренные сочинения, написанные по известному ключу, или что к мотивам церковным могут быть приспособлены слова простонародной песни и наоборот, главное управление цензуры для предупреждения такого злоупотребления предоставило цензурному комитету, в случаях сомнительных, обращаться к лицам, знающим музыку, для предварительного рассмотрения нот»[1].

Ясно, что при таком подозрительном отношении даже к музыке, тем более нельзя было ждать благосклонного отношения к печати. Тщетными были в то время попытки передовых армянских деятелей организовать периодическую печать или издавать книги. Ст. Назаряну было отказано в разрешении на издание журнала, Абовян так и не увидел в печати своего романа «Раны Армении». Передовая армянская литература находилась под спудом, тяжелое время переживали передовые деятели не только русской культуры, но и других народов, населявших Россию. А в это время в придворных кругах изволили «мило» шутить: однажды граф Д. Н. Блудов заметил Бутурлину, что в евангелии есть осуждение злых правителей. «Так

[1] В. Розенберг и В. Якушкин. Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. М., 1905, стр. 67.

что ж?— возразил Бутурлин, переходя в шуточный тон,— если бы евангелие не была такая известная книга, конечно, надобно б было цензуре исправить ее».

Эпоха цензурного террора продолжалась вплоть до окончания Крымской войны, и изменения в цензурной политике наступили уже в эпоху революционной ситуации конца пятидесятых и начала шестидесятых годов.

ГЛАВА III

ЖУРНАЛИСТИКА ШЕСТИДЕСЯТЫХ ГОДОВ, ИЗДАТЕЛИ И ЦЕНЗУРА

В шестидесятые годы революционная ситуация в России и общественно-политический подъем создали некоторые предпосылки и для развития армянской культуры, печати и литературы.

Если во время революции 1848 года Россия являлась оплотом реакции, на который рассчитывали европейские монархи и буржуа, то во второй половине XIX века русское революционное движение выходит на первое место в Европе. В январе 1882 года Маркс и Энгельс писали: «Теперь он (русский царь— С. А.) — содержащийся в Гатчине военнопленный революции, а Россия представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе»[1].

Постепенно в этом общерусском революционном движении начинают принимать участие и другие народы, проживавшие на территории России. Движение шестидесятых годов захватило передовые слои поляков, украинцев, армян, грузин и прогрессивных представителей других народов. Свободолюбивые идеи свое наиболее яркое выражение нашли в печати.

Шестидесятые годы явились по существу и началом развития армянской журналистики в России. Издававшиеся до этого газеты и журналы («Восточные известия», «Кавказ», «Арарат») были первыми ласточками, но не могли еще создать погоду в армянской общественной жизни. В шестидесятых годах картина резко меняется,— появившиеся многочисленные органы печати — «Юсисапайл» («Северное Сияние»), «Амбавабер Руссио» («Вестник России»), «Крунк айоц ашхари» («Журавль армянской страны»), «Мегу Айастани» («Пчела Армении»), «Юсис» («Север»), «Чраках» («Дожинки») — становятся выразителями разных общественно-политических направлений, и на страницах этих изданий разгорается ожесточенная политическая борьба. Одновременно усиливается и развивается издательская деятельность, печатается целый ряд книг — как оригинальных, так и переводных; в 1858 году выходит из печати роман Абовяна «Раны Армении» («Верк Айастани»), а также перевод «Агасфера», выполненный Налбандяном. Очевидно, что подобная активизация армянской печати не могла не предопределить в условиях самодержавной России и разрешения вопроса о цензуре. Действительно, этот вопрос был организационно разрешен после Крымской войны, накануне первой революционной ситуации в России.

В 1857 году цензором армянской печати при Санкт-Петербургском цензурном комитете был назначен Никита Лазаревич Бероев. Выбор пал на Бероева не случайно. Цензуровать армянские издания он начал значительно раньше — неофициально поручения по цензуре ему стали давать уже начиная с 1845 года. Подводя итоги своей работы в письме к министру просвещения Е. П. Ковалевскому, Бероев писал: «Со времени вступления моего на службу в Университет 1845-го года, Министру Народного Просвещения угодно было поручить мне цензурное рассмотрение всех поступавших в Цензурный Комитет рукописей на армянском языке, и впоследствии, со дня открытия издания журнала Назарянца «Северное Сияние» и потом журнала магистра Мсерьянца «Литературный сборник», возложена была на меня таковая сия обязанность рассмотрения уже формальным образом с высочайшего разрешения, каковую должность цензора я исправлял до сих пор со всею точностью и усердием, не щадя даже ночных своих убийственных занятий для своевременного доставления периодических статей в Цензурный Комитет»[1]. Через руки Бероева прошли все основные издания и журналы шестидесятых годов. Он был цензором Налбандяна и цензором «Юсисапайла», ему было дано право veto над всей прогрессивной, революционно-демократической армянской литературой. Не будет преувеличе-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, том XV, М., 1935, стр. 601.

[1] ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 1, д. 32, л. 13.

нием утверждать, что Бероев сыграл исключительную роль в судьбах армянской печати шестидесятых годов. Только с 1856 по 1858 год им было цензуровано свыше 40 названий, в том числе: «Введение к роману Эжена Сю «Агасфер», написанное Налбандяном, перевод «Агасфера», шесть книг «Северного Сияния» и многое другое[1].

Кто же был тот человек, которому официально вверили судьбу армянской печати шестидесятых годов?

Никита Лазаревич Бероев — государственный деятель, ученый, военный, дипломат и цензор — родился в 1795 году. Начальное образование он получил в Астраханском Агабабовском училище. По окончании курса он был определен там же учителем армянского языка. Честолюбивого юношу не удовлетворяла скромная роль учителя — он мечтал о блестящей карьере и, прежде всего, стремился получить специальное образование. Как и многих других армянских деятелей XIX века, Бероева привлекала медицина, поэтому, оставив в 1816 году училище, он в следующем году подает заявление в Медико-хирургическую академию.

Бероев был зачислен в 1817 году в Московское отделение Академии и проучился там вплоть до 1821 года. По неизвестным для нас причинам он, однако, Академии не закончил, а перешел на государственную службу. В 1822 году он был определен в департамент Горных и Соляных дел, а затем произведен в губернские секретари. Все же мысли о продолжении учебы не покидают Бероева, и в 1823 году ему удается попасть в учебное отделение восточных языков при министерстве иностранных дел. Условия в этом отделении были хорошие, студенты получали стипендию; Бероев, например, получал «жалование» 1000 рублей в год.

Бероев проявил большие способности и редкую усидчивость во время занятий, и за отличные успехи в восточных языках был в 1826 году пожалован в переводчики 10-го класса. Новая служебная деятельность Бероева началась на этот раз в Закавказье. Его назначили в 1827 году переводчиком персидского языка при главноуправляющем в Грузии. В этой должности он и принял участие в походах против Персии.

Казалось, фортуна на этот раз многообещающе улыбну-

[1] ЦГИАЛ, ф. 722, оп. 6, д. 151170, 1856, лл. 45 и об., 46.

лась Бероеву. Он был награжден чином титулярного советника, пожалован кавалером ордена св. Анны 3-й степени, награжден единовременно годовым окладом. Преуспевал он и на дипломатическом поприще. В 1834 году он был назначен драгоманом при консульстве в Эрзеруме и во время отсутствия консула заведовал делами консульства. Одной из страниц его биографии является участие в русско-персидской и русско-турецкой войнах; в 1837 году он вернулся в Россию, где был причислен к V отделению «собственной его императорского величества» канцелярии.

Так начался новый период в служебной деятельности Бероева. Он был командирован в Тифлис в учрежденную там комиссию для ревизии государственных имуществ. В ее составе он проработал вплоть до ее ликвидации, т. е. до 1841 года. После этого он был причислен к министерству государственных имуществ, где и протекала его дальнейшая служебная деятельность. В 1841 году он был назначен окружным начальником государственных имуществ Витебской губернии, после чего перешел в министерство. Здесь он был произведен в надворные советники. Министерство государственных имуществ Бероев оставил по собственному желанию и перешел в 1844 году в Петербургский университет. Нам неизвестны причины, по которым он оставил государственную службу. Разочаровался ли он в своей работе чиновника, были ли у него какие-либо неприятности, имел ли он особую склонность к науке и педагогической деятельности,— не располагая фактическими данными, мы можем только высказывать более или менее убедительные предположения. Факт остается фактом: с 1844 года началась новая полоса в жизни Бероева, он становится педагогом, ученым и — цензором.

Свою научно-педагогическую деятельность Бероев начал сравнительно поздно, в возрасте 49 лет, и тем не менее, надо отдать ему справедливость, и здесь успел сделать немало. На научном поприще Бероеву выпала особая честь — он был первым арменоведом в Петербургском университете. Кафедры армянского, грузинского, татарского (азербайджанского) языков были учреждены в Петербургском университете в 1845 году. Студентами при этих кафедрах были молодые люди из Тиф-

лиса, которых готовили к занятию мест царских чиновников на Кавказе.

Бероев был не только учредителем этой кафедры, но и ее заведующим и ее единственным представителем. Много трудностей пришлось ему преодолеть в процессе преподавания. По его настоянию армянский язык был введен в число предметов, преподаваемых на втором курсе. Бывший в это время заместителем декана М. Кутари писал по этому поводу в совет университета: «Преподаватель армянского языка Бероев взошел в отделение с представлением, в котором излагает, что для точного изучения армянского языка необходимо, кроме лекций третьего и четвертого курса, назначить еще лекции в первых курсах. Отделение соглашается с его представлением, определило назначить две лекции в неделю для студентов второго курса и просит на это разрешение Совета сего 14 августа 1845 года»[1].

Таким образом, Бероев читал лекции по армянскому языку для студентов второго, третьего и четвертого курсов. Большим затруднением в его педагогической практике являлось отсутствие соответствующих учебных пособий, так что на его долю выпало и составление первых учебников по арменоведению для студентов Петербургского университета.

За работу по созданию учебных пособий Бероев взялся с большим жаром и интересом. Испытывая при составлении этих пособий большие затруднения с литературой, он обратился к ректору Плетневу с просьбой поддержать его ходатайство перед Академией наук об использовании богатой библиотеки Азиатского музея. В своем заявлении он писал: «При составлении учебных руководств для закавказских воспитанников весьма необходимы некоторые книги как на армянском, равно и на других восточных языках; а как С. Петербургский университет, по новости открытия в нем кафедры для армянского языка, еще не имеет никаких книг на этом диалекте, то я долгом считаю покорнейше просить Ваше превосходительство не оставить своим распоряжением о сношении с конференциею Императорской Академии наук, дабы она позволила мне однажды навсегда брать на дом из музеума армянские, в случае же нужды и

[1] ГИАЛО, ф. 14, св. 165, д. 4728, л. 10.

других восточных языков книги как печатные, так и рукописи, чтобы будущее время не было никакого затруднения касательно успеха воспитанников Закавказского края»[1].

Первым результатом его неустанных трудов явилось пособие, названное им «Начальные основания Гайканского языка». Рукопись свою Бероев представил в Университет для напечатания, однако с печатанием ее встретились серьезные затруднения. Университет не располагал суммами на издание учебников, ибо все средства находились в руках министерства просвещения. Поэтому ректор Плетнев был вынужден обратиться к попечителю Петербургского учебного округа с ходатайством о финансировании этого издания.

Бероев, узнав о материальных затруднениях, проявил редкую бескорыстную заинтересованность в издании пособия: он обратился в совет Петербургского университета с заявлением о том, что не только отказывается от причитавшегося ему гонорара, но и готов издать книгу на свой счет. Единственное, о чем он просил совет — это выдать ему заимообразно сумму в 791 рубль, необходимую для типографских расходов, с тем, чтобы ежегодно вычитывали из его жалования по 113 рублей. Пока решался вопрос о финансировании издания, «Грамматика» была передана на отзыв академику Броссе. Последний дал положительное заключение и сделал целый ряд указаний. Заключение было передано Бероеву и многие замечания Броссе он использовал. В ряде вопросов принципиального характера он не согласился с рецензентом, тем не менее эти расхождения, по мнению Броссе, не могли служить причиной для отказа в публикации книги. Книга была передана в типографию Академии наук. Так как набор ее был начат неофициально, то переписка по поводу издания продолжалась. На запрос, сделанный в Кавказский комитет по поводу печатания «Грамматики» Бероева и татарской хрестоматии Будагова, князь А. Чернышев отвечал, что вряд ли целесообразно печатать эти книги, так как число студентов, которые должны ими пользоваться, очень незначительно. Кроме того, добавлял Чернышев, учебные пособия должны быть использованы не только в университете, но и в учебных заведениях Закавказья. «Вообще составление учебных руководств для закавказских воспитанников весьма важно и,

[1] ГИАЛО, ф. 14, св. 165, д. 4728, л. 4.

по моему мнению, требует соображения с тем порядком преподавания, который предполагается ввести в Закавказском крае по новому, известному Вам, милостивый государь, проекту об устройстве там учебного округа. По этому проекту предполагается, между прочим, учредить в Тифлисе особый комитет для начертания учебных пособий из лиц, специальных и знакомых с языком и наречиями, употребляемыми Закавказом. Этому-то Комитету, когда он откроет свои занятия, можно бы было поручить предварительно рассмотреть во всей подробности армянскую грамматику Бероева и татарскую хрестоматию Будагова, и напечатать их на счет казны только тогда, когда они будут найдены вполне удовлетворительными и достаточными руководствами не только для студентов из закавказских уроженцев в СПб университете, но и для воспитанников местных гимназий Закавказского края»[1],— писал Чернышев.

Вместо конкретного решения вопроса, официальные инстанции изобретали различного рода проволочки специально для того, чтобы не финансировать книгу Бероева. А между тем в типографии шел набор, и Плетневу пришлось признаться попечителю Петербургского учебного округа в том, что 7 листов Грамматики уже отпечатаны, а 8 и 9 листы находятся в наборе[2]. На это попечитель ответил, что «Бероев может печатать книгу собственным своим иждивением»[3]. Наконец, в октябре 1850 года книга увидела свет.

Научная общественность Петербурга отнеслась к учебнику положительно; Бероев представил книгу на конкурс в Академию наук, где она получила вторую Демидовскую премию.

В сороковые годы прошлого века Петербург был одним из крупных центров мировой ориенталистики. Там работали академик Броссе, академик Френ, иранист Мирза Топчибашев и арабист Шейх Тантави, который имел учеников во Франции, Германии и Англии; в Петербург к нему приезжали специально учиться востоковеды из Гельсингфорса[4]. Несомненно, что русская школа востоковедения имела большое значение для научного роста Бероева и способствовала его упорным занятиям в

[1] ГИАЛО, ф. 14, св. 165, д. 4728, лл. 35—38.
[2] Там же, лл. 39—40.
[3] Там же, лл. 49—50.
[4] См. акад. И. Ю. Крачковский. Очерки по истории русской арабистики, М.—Л., 1950.

области арменоведения. Эти занятия и его успехи были очень скоро оценены его коллегами, и в мае 1849 года он был представлен М. Топчибашевым и Шейхом Тантави к званию адъюнкта[1]. В сентябре того же года Бероев был в этом звании утвержден[2].

Дальнейшая научная работа Бероева была посвящена составлению русско-гайкано-французского словаря в трех томах. К этому времени, т. е. в пятидесятых годах, в университете произошли большие перемены: был создан факультет восточных языков, где приобрела самостоятельное значение кафедра армянского языка[3]. Словарь Бероева рассматривался уже на ученом совете восточного факультета, который постановил предложить адъюнкту Будагову подробно рассмотреть первый том и свое заключение сообщить факультету. Отзыв Будагова был благоприятным. Он находил, что «...труд г. Бероева составлен весьма тщательно, добросовестно и с совершенным знанием дела. Как любознательные русские ученые, для общего развития языковедения, так отчасти и другие классы народа, при столкновении с бытом, нравами и обычаями армян, действительно нуждаются еще в хорошем руководителе подобного рода. Все доныне изданные лексиконы с иностранных языков на армянский, по мнению факультета, удовлетворяют существенной потребности — облегчить путь к познанию этого языка, в полном его составе, и тем дать больше прочности сношениям торговым и дипломатическим с народом армянским. Словарей же с русского языка на армянский доселе издано два: один весьма краткий — Аламдаровым, которого экземпляры очень редки, а другой — Ирицпуховым, в Тифлисе, в 1854 году. Если допустить сравнение, то окажется, что словарь г. Бероева гораздо полнее, обработаннее и точнее, чем словарь Ирицпухова; полнота за-

[1] ГИАЛО, ф. 14, св. 165, д. 4728, л. 58.
[2] Там же, л. 60.
[3] Журнал „Современник" поместил отчет об открытии 27 августа 1855 г. факультета Восточных языков в Санкт-Петербургском университете. В этом отчете подробно перечислялись разряды будущего факультета и указывалось: „Армяно-Грузино-Татарский Разряд. I Никита Бероев, Адъюнкт армянского языка будет: 1) преподавать грамматику Армянского языка и 2) занимать слушателей переводами с Русского языка на Армянский и обратно. „Современник", 1855, № X, стр. 189.

ключается в большом количестве русских слов; обработанность в приведении разнообразных значений одного и того же слова, излагаемых примерами; а точность — в большей определительности перевода, сделанного, сколько возможно, одним словом, не прибегая к объяснительным фразам, что может служить значительным пособием для переводчиков.

Таковые достоинства дают явное преимущество словарю г. Бероева над всеми, поныне известными словарями с иностранных языков на армянский, и факультет Восточных языков полагает, что многолетний, весьма заботливо составленный труд автора заслуживает благосклонного внимания начальства и поощрения к тому, чтобы он был издан в свет»[1].

Совет факультета признал правильным заключение Будагова, с мнением Совета согласился и ректорат университета. После того как был оценен «Словарь», Бероева представили к получению звания экстраординарного профессора.

Столь интересная политическая и научная биография была у цензора Петербургского цензурного комитета Н. Л. Бероева. Это был широкообразованный, эрудированный человек, обладавший большим опытом государственной и дипломатической работы, человек передовых взглядов, искренний патриот своего обездоленного народа, судьбы которого он прямо связывал с Россией. Бероев находился в непосредственном общении с передовыми армянскими деятелями шестидесятых годов, хорошо знал Налбандяна, у которого ему довелось дважды принимать экзамены в университете. Он прекрасно знал как Ст. Назаряна, так и весь круг деятелей «Юсисапайла»; не хуже знал он и представителей армянской реакции — Мсерянов и Айвазовских.

Невольно возникает вопрос — каким же образом такой человек, как Бероев, мог стать цензором?

Ответ на этот вопрос мы найдем, во-первых, в многовековых традициях цензуры. Дело в том, что на первых этапах цензурование печати не только в России, но и в целом ряде стран (Франция, Италия и др.) поручалось университетам. Так, представители Петербургского университета цензуровали армянскую печать вплоть до начала XX века. Во-вторых, назначение Бероева совпало с общим подъемом общественно-политической жизни в России. В цензурном ведомстве этот подъем нашел свое отражение в том, что вместо таких классических мракобесов, какими были Красовский, Елагин, Ахматов, Пейкер, Шидловский и иже с ними,— стали подыскивать просвещенных и культурных цензоров. Цензуре в это время придавали исключительно большое значение. Не случайно Никитенко записал в своем Дневнике в 1855 году: «Цензура составляет самый деликатный и наболевший нерв нашей общественной жизни: до него надо дотрагиваться осторожно»[1]. Именно с целью улучшения и изменения состава цензоров и был приглашен Гончаров. Тот же Никитенко писал по этому поводу: «Мне удалось, наконец, провести И. А. Гончарова в цензора. К первому января сменяют трех цензоров наиболее нелепых. Гончаров заменит одного из них, конечно, с тем, чтобы не быть похожим на него. Он умен, с большим тактом, будет честным и хорошим цензором»[2].

Но, конечно, такие люди, как Гончаров или Бероев, были случайными для цензурного ведомства, и появлению их литература была прежде всего обязана эпохе шестидесятых годов.

Первая революционная ситуация в России подрывала вместе с устоями самодержавия и цензурные устои. Не только в обществе, но и в министерских кругах все чаще возникал вопрос о необходимости пересмотра цензурного устава. Эпоха либерального реформаторства захватила и цензуру,— наряду с проектами освобождения крестьян начинают создаваться проекты нового цензурного устава. В министерстве Норова составление проекта поручили Никитенко, который писал по этому поводу: «Авраам Сергеевич с жаром ухватился за эту мысль и просил меня заняться теперь исключительно инструкцией цензорам. Итак, надо всего себя погрузить в это дело. Предмет важный. Настанет пора положить предел этому страшному гонению мысли, этому произволу невежд, которые сделали из цензуры съезжую и обращаются с мыслями, как с ворами и с пьяницами»[3].

Однако все эти реформаторские устремления были, по су-

[1] ГИАЛО, ф. 14, св. 165, д. 4728, лл. 117—118.

[1] А. В. Никитенко. Записки и Дневник. СПб, 1904, стр. 455.
[2] Там же, стр. 467.
[3] Там же, стр. 451.

ти дела, вызваны желанием дезориентировать общественное мнение. На самом же деле правительство и весь его бюрократический аппарат были озабочены лишь тем, как бы ограничить печать и не дать ей выскользнуть из-под своего влияния. Александр II изыскивал действенные средства для того, чтобы противопоставить развивающемуся общественному мнению официальную точку зрения правительства. После Крымской войны русскому императору было, конечно, не до цензурных реформ. Вопросами цензуры он стал вплотную заниматься с 15 декабря 1856 года, и эти «занятия» в первую очередь ознаменовались тем, что цензурное ведомство было передано в непосредственное ведение товарища министра просвещения кн. П. А. Вяземского,— человека, весьма враждебно настроенного не только к литературе, но и к малейшему проявлению передовой человеческой мысли. Естественно, что после его назначения последовал целый ряд ретроградных указов по цензуре.

Александр II не стеснялся в идеологических вопросах. Считая свое мнение абсолютным, единственно справедливым и объективным, он не терпел никакого противоречия своей точке зрения. Естественно, что и цензуре давались соответствующие указания. Так, на одном из докладов Норова, пытавшегося взять под свою защиту некоторые журналы, император сделал следующую надпись: «Подобные суждения о вопросах государственной и общественной нашей жизни, весьма часто несогласные с моими мыслями, возбуждая только напрасно умы, могут нас весьма далеко повести; вот почему возлагаю на вашу обязанность доводить до моего сведения все подобные статьи, в которых проявляются стремления к нововведениям, дабы я мог судить о них и останавливать те, кои сочту вредными. Ту же обязанность возлагаю на прочих г. г. министров, каждому по своей части, и требую, чтобы они доносили прямо мне, о чем и прошу их уведомить»[1].

Правительственные распоряжения в шестидесятых годах шли все время по линии усиления цензуры. Так, в 1858 году при Петербургском цензурном комитете были дополнительно назначены особо доверенные чиновники от целого ряда министерств. Они рассматривали после цензоров все то, что касалось их министерства. В том же году Норова на посту министра просвещения сменил Евграф Ковалевский, и император начал с того, что запретил новому министру употреблять слово «прогресс».

[1] Цит. по книге М. Лемке. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб, 1904, стр. 316.

«Творческие искания» с целью обуздать общественное мнение привели к организации «Комитета по делам книгопечатания», который в обществе иронически называли «троемужием», и в обязанность которому вменялся неофициальный надзор за развитием литературы. Комитет был встречен литературной общественностью сугубо отрицательно. Одновременно, по распоряжению Ковалевского, Никитенко продолжал трудиться над составлением цензурного устава. Устав этот несколько раз рассматривался, однако утвержден не был, так как правительство нашло, что принять гласный устав по печати так же невозможно, как и устав для тайной полиции. Тем самым в цензуре утверждался полный произвол, предоставлявший в зависимости от момента полную свободу действий цензорам. В создании «Комитета по делам книгопечатания» царское правительство не было оригинально,— примером для него служили аналогичные комитеты во Франции («Bureau de la presse») и в Германии. Задачей этих комитетов была организация общественного мнения путем воздействия на прессу при помощи инспирированных статей и рассылки подобранных материалов в провинциальную печать. Однако, несмотря на то, что в комитет был введен такой опытный деятель на поприще литературы, как Никитенко, комитет не сумел наладить работы и изнывал от бездействия. В конце концов сам комитет вынужден был признать свою полную несостоятельность и неспособность что-либо противопоставить общественному мнению и занялся самоликвидацией. В ноябре 1859 года Главное управление цензуры было выделено из министерства народного просвещения и превращено в самостоятельное государственное учреждение. Комитет был слит с Главным управлением и тем самым была ликвидирована попытка организовать воспитательно-назидательное учреждение по делам печати.

Однако правительство не теряло надежды противопоставить общественности официальную точку зрения. В начале января 1862 года вышел первый номер «Северной Почты», редак-

тором которой был назначен Никитенко. Распространение подписки на новый официоз вменялось в обязанности полиции.

Тем временем в стране все выше и выше поднималась волна революционного движения. С 1851 по 1861 год в России имело место 591 волнение среди крестьян[1]. Находившаяся доголе под спудом революционно-демократическая мысль пробивается в нелегальную и легальную печать. Бывшее ранее под строгим запретом имя Белинского зазвучало на страницах «Современника».

В периодической печати стали обсуждаться вопросы, одно упоминание о которых вызывало прежде самые жестокие репрессии. Невзирая на всякие и всяческие комитеты, революционные настроения проникали в печать. Цензоры были дезориентированы. Статьи, запрещенные в провинциальной печати, нередко публиковались в столичной. Цензурный устав и правила официально находились в стадии пересмотра и переработки и не были отменены, а на практике зачастую и не применялись. Но самым интересным явлением этого периода была вольная русская печать, которая не подлежала никаким цензурным ограничениям, которой зачитывалась вся передовая Россия и мимо которой не могла пройти даже царская бюрократия. Это были «Полярная Звезда» и «Колокол».

Правительство вело специальную борьбу с распространением Герценовских изданий. Особыми циркулярами по министерству внутренних дел предлагалось конфисковать все нелегальные заграничные издания и направлять их прямо к министру. Тютчев, сыгравший немаловажную роль в русской цензуре, писал по поводу заграничных изданий: «Это просто отмена цензуры, но отмена ея во имя вредного и враждебного влияния...»[2].

Таким было, примерно, положение царской цензуры к моменту, когда под влиянием общественного подъема шестидесятых годов стали бурно развиваться армянская журналистика и издательское дело.

---

[1] Я. И. Линков. Очерки истории крестьянского движения в России в 1825—1861 гг. М., 1952, стр. 5.

[2] М. Лемке. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб, 1904, стр. 357

* * *

Среди армянских журналов шестидесятых годов первое место по праву принадлежит знаменитому «Юсисапайлу». Цензурная история этого журнала представляет особенно большой интерес. Инициатором, редактором и издателем этого журнала был С. Назарян.

Назарян родился в 1814 году в семье священника Тер-Исая, переехавшего в 1804—1805 годах из Хоя (Персия) в Тифлис. Первоначальное воспитание и образование он получил у отца, трудолюбивого и грамотного человека, хорошо знавшего литературу. Как и Абовяну, мальчику не удалось избежать обучения в церковной школе. Вместе со старшим братом отец отдал его в науку к священнику Погосу, у которого в большом ходу была палка, «способствовавшая» обучению.

В 1824 году Назарян поступает во вновь открытую семинарию Нерсисян. Жажда знаний, стремление стать образованным человеком влекут его на север. И вот он, вслед за Абовяном, одним из первых в поколении армянских просветителей начала века, едет в Петербург[1].

В 1832 году он вместе с Согомоном Тер-Гукасяном отправляется в Дерпт (Тарту). Тартуский университет, основанный в 1802 году, имеет исключительные заслуги в деле развития науки и подготовки интеллигенции самых различных национальностей[2]. Основанный первоначально как университет немецкий, в котором все преподавание велось на немецком языке, он явился очагом культурного общения между немецким и русским народом, а также народами, населявшими Россию. Особую роль сыграл Тартуский университет в истории армян-

---

[1] См. *Մ. Շիմշիրյան. Ստեփանոս Նազարյանի հասարակական, քաղաքական հայացքները. Երևան, 1947.* (М. Шимширян. Общественно-политические взгляды Степаноса Назаряна. Кандидатская диссертация. (Рукопись) ЕГУ, Ереван, 1947).

[2] С Тартуским университетом связаны имена таких крупных ученых, как Карл Бэр, А. Ф. Мидлендорф, О. Х. Абих, Г. Гельмерсен, К. Ф. Шмидт, К. Ф. Ледебур, сыгравших очень большую роль в изучении природы России. Анналы Тартуского университета богаты именами деятелей, получивших мировое признание: замечательный хирург Пирогов, астроном В. Струве,

ской культуры. В университете обучались армяне, ставшие впоследствии выдающимися общественными и литературными деятелями: Хачатур Абовян, Степанос Назарян, Рафаэл Патканян, Геворк Додохян и многие другие[1].

По данным, опубликованным доктором Л. Тиграняном, в Дерптском университете обучалось 52 армянина, из них окончило университет — 15, перешло в другие высшие заведения — 10, не завершило высшего образования — 11, проживало в Дерпте для изучения немецкого языка — 9[2].

Среди нескольких поколений армянских студентов в Дерпте наиболее интересным является первое — сороковых-пятидесятых годов — поколение Абовяна, Назаряна, Р. Патканяна, Додохяна, К. Патканяна. Это была поистине плеяда молодых армянских просветителей и романтиков, переживавших эпоху «Sturm und Drang»-а в политическом и моральном пробуждении армянского народа. Благодаря присоединению Армении к России, армянская молодежь впервые получает широкие возможности поступления в высшие учебные заведения, одним из которых и был Дерптский университет.

академик Б. С. Якоби и др. В университете воспитывались деятели культуры эстонского народа К. Я. Петерсон, Ф. Р. Фельман, Ф. Р. Крейцвальд и др. (См. Е. В. Петухов. Императорский Юрьевский бывший Дерптский университет за сто лет его существования (1802—1902). Юрьев, 1902; К. Лайгна, Э. Вареп, И. В. Вага. Тарту—университетский город. Эстгосиздат, Таллин, 1952).

[1] Вот далеко не полный перечень армян, учившихся в Тартуском университете в XIX веке: Абовян Вартан, Ахумянц Матеос, Агапирянц Григорий, Алипянц Погос, Аматуни Михаил, Аскарянц Ваган, Азнавурянц Моисей, Авакянц Христофор, Эдильханянц Карапет, Эдильханов Никита, Калантарянц Густав, Казарянц Михаил, Корганянц Александр, Майсурянц Исаак, Маркарянц Григорий, Тер-Микаэлянц Акоп, Тер-Микаэлянц Оганес, Мириманянц Егор, Мириманянц Михаил, Мовсесянц Тер-Парсадан, Назарбегянц Фиргул, Оганджанов Леон, Тер-Овакимянц Артем, Папазянц Амбарцум, Патканян Керопе, Тер-Петросянц Исаак, Придонянц Михаил, Ротинянц Маркиян, Ротинянц Александр, Шахазиз Симеон, Шароянц Николай, Симонянц Петрос и др. См. Album Academicum, Dorpat, 1889. Personal der Kaiserlichen Universität zu Dorpat im Anfange des 1. Semesters 1852. Dorpat, 1852.

[2] *Բժ. Լ. Տիգրանեան, Գերմանական Դորպատ համալսարանը և նորա հայ ուսանողները (1830—1892 թթ.). «Լուսաւոյս» 1903, № 5, 6:* (Д-р Л. Тигранян. Немецкий университет в Дерпте и его армянские студенты [1830—1892]. „Лума" [„Лепта"], 1903, № 5 и 6).

Весьма знаменательно, что именно Дерптский университет способствовал пробуждению национального самосознания у молодежи. Армянское студенчество в Дерпте почитало для себя не только обязательным, но и делом чести в своем кругу говорить на армянском языке, обучать родному языку тех студентов, которые по тем или иным причинам не владели им; получать выходившие в то время армянские журналы и газеты. Таким образом, овладение русской и немецкой культурой способствовало в кругу этого студенчества формированию и развитию родного новоармянского языка (ашхарабара), который в то время только выходил из младенческого возраста.

Для этого поколения студенческой молодежи очень характерно пылкое, страстное желание овладевать знаниями. Еще в бытность свою в Тифлисе Назарян принялся за изучение французского языка у Шаан Джрпета, приехавшего в это время для преподавания в семинарии Нерсисян. Страсть к науке и знаниям сопутствовала всем студенческим годам Абовяна и Назаряна в Дерпте, и это чувство было столь ярко выражено, что даже вызывало удивление окружающих. Удивлялись настойчивости, с которой Абовян, Назарян и многие другие студенты-армяне овладевали немецким языком, удивлялись их быстрым успехам, благодаря которым они могли очень скоро без затруднений посещать лекции и следить за курсом преподавания не хуже своих коллег, свободно владевших немецким языком.

Специальные интересы Назаряна определились не сразу. Приехав в Дерпт в 1832 году, он в течение трех лет готовился к поступлению в университет. После долгих колебаний он избрал камеральные науки, затем перешел на медицинский факультет и, наконец, закончил на философском. В ответ на запрос ректора университета Ульмана по поводу успехов Назаряна, декан факультета д-р Фридлендер следующим образом характеризовал его занятия: «...воспитанник Назарянц прилежно посещал лекции, за исключением лекций прошедшего семестра, когда он из-за болезни был вынужден пропустить большую их часть... Кроме того, господин Назарянц выполнил под руководством профессора Крузе несколько вполне хороших исторических работ»[1].

[1] ЦГИАЭ, ф. 402, д. 12085, л. 8.

Философский факультет вооружил Назаряна не только прекрасным знанием древних и новых языков, но и обогатил его с точки зрения общеисторической подготовки. В числе предметов, которые Назарян изучал с 1837 по 1839 год, фигурируют: общая история, русская история, история Германии, история Греции, Платон, Протагор, Лукреций, Фукидид, Цицерон. Одновременно с историческими дисциплинами Назарян успешно овладевал русским языком, по которому знания его были оценены как «вполне хорошие».

Отличительной особенностью дерптских студентов первого поколения была высокая идейность и ясное понимание стоявших перед ними задач. Для молодых армянских просветителей пребывание в Дерпте так же, как и учение в университете, являлось своеобразным служением родному народу. Они не были заинтересованы в дипломах, их не привлекали преимущества, которые давало высшее образование; они считали, что должны овладевать знаниями для того, чтобы иметь в дальнейшем возможность просвещать родной народ. Это возвышенное представление о своем призвании особенно отчетливо выражено в письме Назаряна от 25 сентября 1836 года. Ходатайствуя о материальной помощи и прося поддержки в этом вопросе у ректора университета, Назарян писал: «...дают мне смелость обратиться к Вашему превосходительству, как главе университета в надежде, что Вы будете столь добры исхлопотать мне у казны средства для моей подготовки к должности учителя моего народа»[1]. Будущая деятельность представлялась Назаряну только в должности «учителя своего народа», и мы видим, что в дальнейшем Назарян действительно всю свою жизнь, в меру сил и понимания, посвятил этому великому делу, делу просвещения родного народа.

Подготовку Назаряна и его научные интересы очень хорошо характеризует его студенческий реферат, или как его именуют в рецензии — opusculum, посвященный истории Спарты и Афин во время Пелопоннесской войны. Реферат был представлен Назаряном на латинском языке 2 июня 1841 года и удостоился высокой оценки профессора Крузе.

Выбор темы был сделан Назаряном по-видимому не случайно. Эта война, всколыхнувшая до основания весь эллинский мир, явилась началом тяжелых потрясений в жизни Греции. Назарян излагает не только историю военных событий, но и пытается определить роль Спарты и Афин. Рассматривая значение Спарты, Назарян писал: «Следует вменить в величайшую заслугу Спарте, что она во время расцвета союза не лишила автономии ни одно пелопоннесское государство, даже если представлялся к тому случай. Разногласия между городами разбирались не на собрании союзников, что ввиду мощности авторитета Спарты подвергло бы большой опасности их свободу, но дельфийским оракулом или третейскими судьями, выбранными сообща; в спорах же между гражданами разных городов судили и требовали суда на совершенно равных правах»[1].

Студент Назарян пытается анализировать причины Пелопоннесской войны. Ему, естественно, оказалось не под силу рассмотреть весь экономический и социальный комплекс этих причин. В его представлении основным противоречием, породившим войну, было, с одной стороны, стремление к господству, с другой — к свободе. Говоря о причинах отдельных исторических событий, он писал, например, об интересах Спарты, являвшихся истинными мотивами ее поведения: «Спарта тогда стремилась не к тому, о чем она открыто говорила. Она имела в виду добиться так называемой промантии, как бы главенства, направленного против Афин»[2]. Однако Назарян не навязывает своей точки зрения читателю, он приводит с особой научной добросовестностью и скрупулезностью взгляды различных авторов на причины войны: здесь цитируются и Аристофан, и Диодор, и Плутарх.

Особое внимание уделяет Назарян расстановке военных и политических сил. Он показывает сторонников Афин и Спарты, изучая причины, побудившие объединиться те или иные города и острова либо вокруг Афин, либо вокруг Спарты. Опираясь на Фукидида, автор утверждает, что союз отдельных городов был оправдан, когда он был направлен против внешнего врага,— в данном случае против персов. В дальнейшем этот

[1] ЦГИАЭ, ф. 402, д. 12084, л. 2.

[1] С. Назарян. Sparta et Athenae bello Peloponesica et nonnula de rebus alliis ante gestei. Спарта и Афины во время Пелопоннесской войны и кое-что о предшествовавших событиях, ЦГИАЭ, ф. 402. Личное дело студента Назарянца Степана, 1840—1841 г. л. 2.

[2] Там же, л. 7.

союз перерастает в средство подчинения и порабощения более слабых более сильными. Изучая ход войны и ее итоги, Назарян приходит к выводу, что война эта ничего, кроме вреда и разорения, не причинила. Он писал: «Во время этой пагубной войны греки потеряли не только жизнь граждан, но и гораздо большее — те славнейшие качества духа и ума, которыми они до того превосходили народы всех племен, земель, времен»[1].

Студента Назаряна интересуют не только общие явления и крупные исторические события, но и судьба отдельных деятелей, их роль в историческом процессе. Так, его волнует вопрос о трагической судьбе Перикла. Он ищет ответа у Фукидида и следующим образом излагает его трактовку: «Обладая авторитетом и знанием государственных дел, Перикл не позволял подкупать себя дарами и держал народ в повиновении таким образом, что сам был правителем, а не подчинялся народу; приобретя честным путем тот авторитет, которым он пользовался, он в своих речах свободно советовал народу то, чего требовал его долг, а не то, чего хотело легкомыслие народа»[2]. Это объяснение, по-видимому, удовлетворяет Назаряна, потому что несколько ниже, вновь возвращаясь к тому же вопросу, он утверждает: «...после смерти Перикла не было ни одного оратора, который был бы силен авторитетом, руководил бы и управлял чернью, у которой была вся власть»[3]. Однако у молодого Назаряна не было еще собственной точки зрения, которую бы он стал развивать в данной работе.

В заключение своего труда Назарян высказывает еще более определенно свое отрицательное отношение к Пелопоннесской войне, видя в ней причину разрушения государственной жизни и гибели народов. Он пишет: «Вот как велась эта война среди греков, которая сводилась к изгнанию граждан, разрушению городов, убийству безоружных и побежденных. Не было ничего святого, чего бы греки не нарушили в эту злосчастнейшую войну»[4].

---

[1] С. Назарян. Спарта и Афины... л. 20.
[2] Там же, л. 21.
[3] Там же, лл. 21, 22.
[4] Там же, л. 35.

Работа Назаряна была представлена на отзыв профессору Крузе,— одному из выдающихся деятелей Дерптского университета, получившему степень доктора философии в Лейпцигском университете. В Дерпте, где он был утвержден в звании профессора, он вел в 1828 году главным образом исторические дисциплины. В кругу научных интересов Крузе большое место занимала археология,— он руководил изучением археологических памятников Прибалтики и был одним из основателей Общества истории и древностей Прибалтийского края в Риге и Ученого эстонского общества в Дерпте[1].

Крузе оказал большое влияние на Назаряна, воспитывая в нем вкус к историческим дисциплинам. В своем отзыве на работу Назаряна Крузе делает ряд критических замечаний. Он отмечает, что Назарян недостаточно полно осветил причины Пелопоннесской войны и не показал различия в государственном строе враждовавших сторон. Автор должен был, с точки зрения рецензента, яснее и определеннее осветить ряд вопросов. «Однако весь реферат (opusculum),— пишет Крузе,— является тем не менее очень радостным показателем основательного изучения древнейшей истории **по источникам,** хорошего подбора основных фактов, что имеет особенное значение для ясности изложения; здоровой критики, которая не позволяет принять сторону того или иного политического воззрения; работа написана, по-моему (если не считать некоторых мелких уклонений в сторону классического латинизма), на хорошем латинском языке, беглом и правильном.

Предоставляя моим уважаемым г.г. коллегам компетентное суждение по этому последнему пункту, я могу лишь высказать заключение, что реферат в историческом отношении вполне отвечает своей цели и в достаточной мере свидетельствует о способности автора г-на Назаряна к основательному изучению истории»[2].

На историческую концепцию Крузе и его ученика Назаря-

---

[1] Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского университета (1801—1902), под редакцией Г. В. Левицкого, том II, Юрьев, 1903, стр. 375—380.
[2] ЦГИАЭ, ф. 402, Личное дело студента Назаряница Степана, л. 20.

на оказали неизгладимое влияние идеалистические взгляды немецкой исторической школы начала века. Не только Крузе, но и другие учителя Назаряна, при всем их богатстве знаний и широте эрудиции, были воспитаны и сами воспитывали молодежь в духе немецкой идеалистической философии.

Среди учителей Назаряна были такие крупные ученые своего времени как экономист Давид-Эбергард Фридлендер, историк Людвиг Преллер, филолог-руссист Михаил Петрович Розберг, статистик и географ Карл-Людвиг Блюм. Если мы попытаемся изучить их научные и жизненные биографии, то увидим много общих и характерных черт. По своей социальной принадлежности это были большей частью сыновья купцов, ремесленников, канцелярских служащих. Доктор философии, ординарный профессор истории литературы, древнеклассической филологии и педагогики Христиан-Фридрих Нейе, например, был сыном скорняка, иначе говоря, это были разночинцы, люди, для которых наука являлась источником существования, создавала определенное общественное положение. Подавляющее большинство профессуры имело немецкое образование: Фридлендер учился в Геттингенском университете, Преллер — в Лейпцигском, Блюм — в Берлинском и Гейдельбергском, Поссельт окончил университетский курс в Киле и т. д. Исключение составлял руссист Розберг, получивший образование в Московском университете.

Начало века было ознаменовано особым подъемом немецкой философской и литературной мысли. Такие столпы идеалистической философии как Фихте, Шеллинг, Гегель и Кант; как Шиллер и Гёте — в литературе, оказали могучее влияние на общественное и политическое развитие народов. Не приходится и говорить о том, какое огромное значение они имели для немецкой интеллигенции и особенно профессуры. Армянская молодежь, обучавшаяся в Дерпте, имела все возможности для основательного и детального изучения немецкой философской мысли. Назарян, отличавшийся редким прилежанием, ознакомился не только с немецкой философией, но и с историей и литературой. Действительно, немецкая культура имела решающее значение в формировании его мировоззрения. Она заложила в Назаряне те начала концепции «добра и зла», которые впоследствии получили свое окончательное развитие. Дерптская профессура всячески поощряла его страсть к науке и воспитала в нем чисто немецкое гелертерство и особую, скрупулезную точность. В связи с окончанием курса университетом была дана подробная характеристика Назаряна, в которой особенно подчеркивалось его неустанное трудолюбие. В донесении министру просвещения попечитель Дерптского учебного округа писал: «Студент Дерптского университета армянин Назарян, которому по ходатайству вашего высокопревосходительства всемилостивейше назначено было в конце 1836 года производить до окончания им университетского курса на содержание по пятьсот рублей асс. в год из государственного казначейства, окончил ныне курс учения и выдержал испытание на ученую степень. Ректор донес мне по сему случаю, основываясь на отзыве философского факультета, что Назарян оказал при означенном экзамене вообще отличные познания, по которым и признан достойным степени кандидата философии. Слабое состояние здоровья, расстроенное им от излишнего прилежания, не позволило ему, однако, окончить представляемое в таких случаях ученое рассуждение, почему он и не мог быть формально удостоен назначенной степени...

Студент Назарян во все время пребывания своего в университете отличался не только прилежанием, но также примерным поведением...»[1].

Итак, молодой Назарян по окончании университета был вооружен серьезным багажом академических знаний. Можно сказать больше — он был первым из числа армянской молодежи в России, получившим столь систематическое и солидное образование. С другой стороны, юноша Назарян был полон романтических надежд в отношении своей будущей деятельности, твердо верил в свое особое призвание учителя и просветителя родного народа.

Однако жизнь и вступление на трудовое поприще явились для Назаряна периодом разочарования, периодом, во время которого он постепенно, подобно Люсьену де Рюбанпре, утрачивает иллюзии и из мира фантазий возвращается к реальной действительности.

---

[1] См. Р. Нанумян. Ст. Назарян в Петербурге. „Известия АН АрмССР", август 1956, № 8, стр. 107.

Первым источником разочарования явились неудачи Абовяна. Печальный опыт друга убедил Назаряна, что работать на родине — значит бороться. Он увидел, что для того, чтобы заняться просвещением, нужно сперва сломить бешеное сопротивление реакционеров и клерикалов, и откровенно писал академику Френу, что вдали от родины ему будет легче воздействовать на своих соотечественников, нежели работая в Армении. Живя среди ученых, гораздо успешнее можно подготовить себя к роли, которую Назарян считал себя призванным выполнять — стать просветителем родного народа[1].

В начале Назарян пытался устроиться в Лазаревском институте, что должно было, с одной стороны, обеспечить спокойное существование, с другой — сохранить иллюзию широкой просветительной деятельности. Однако, несмотря на неоднократные обращения к Лазаревым, устроиться в институте ему не удалось. Назаряну помогли его знакомства с петербургскими востоковедами: академик Броссе сообщил ему, что на кафедру армянского языка в Казани был приглашен Петерман, но что он отказался, и при желании можно хлопотать о получении этого места. Назарян ухватился за предложение Броссе и обратился с ходатайством к министру просвещения Уварову, одновременно заручившись личной поддержкой академика Френа.

Уваров знал Назаряна еще по Дерптскому университету и был очень высокого мнения о способностях и знаниях юноши. Поэтому его легко уговорили рекомендовать попечителю Казанского учебного округа подготовить Назаряна в качестве адъюнкта для кафедры армянского языка Казанского университета. Мусин-Пушкин с большой готовностью пошел навстречу предписанию министра и согласился не только оставить Назаряна на год в Петербурге, чтобы тот завершил свое образование под руководством Френа и Броссе, но и сам предложил расходы по содержанию его в Петербурге в течение года (в сумме 571 руб. 43 коп.) отнести за счет хозяйственных сумм Казанского университета[2].

---

[1] Письмо Френу от 14 февраля 1841 г. См. Р. Нанумян. Ст. Назарян в Петербурге. „Известия АН АрмССР", август 1956, № 8, стр. 87.

[2] Отношение М. Мусина-Пушкина министру просвещения. Там же.

Занятия Назаряна в Петербургском университете и Азиатском музее имели очень большое значение для его дальнейшей деятельности. Правда, кафедры арменоведения еще в это время не существовало и работа его предшествовала даже работе Бероева, который стал адъюнктом Петербургского университета лишь четыре года спустя. Тем не менее, Назарян получил в Петербургской востоковедной школе широкую научную подготовку. Возможность общения с такими крупными учеными, какими были Броссе и Френ, сама по себе являлась большим счастьем для молодого арменисты. За время пребывания в Петербурге Назаряном были представлены две работы. Первая, написанная на грабаре (древнеармянском книжном языке), была трактатом, посвященным древней Греции, ее истории, географии, религии, литературе и искусству. Эта тема перекликалась непосредственно с его предшествующими работами в Дерптском университете. Напомним, что в связи с рефератом «Спарта и Афины...» ему пришлось поднять большую историческую литературу. Работа в Петербурге была как бы логическим продолжением этого направления. Вторая работа была посвящена переводу и исследованию текста армянского историка XIII века Микаэла Асореци (Михаила Сирийского).

Первого мая 1842 года подготовка Назаряна в Петербурге была завершена и, получив положительный отзыв Броссе, он был направлен на работу в Казань. 10 июня 1842 года Назарян был утвержден адъюнктом при Казанском университете по кафедре армянского языка.

Казанский период в жизни Назаряна был посвящен главным образом научно-педагогической деятельности. В это время особенно ярко проявилось основное противоречие в мировоззрении Назаряна. С одной стороны, это был типичный гелертер, человек, которого в жизни интересовала главным образом наука; с другой стороны, его не переставали волновать судьбы родного народа. В первом случае он жаждал спокойствия и сосредоточенности, во втором случае ему неизбежно предстояла упорная и ожесточенная борьба. С одной стороны, Назарян пытался уклониться от этой борьбы, с другой — логика событий неизбежно втягивала его в столкновения.

В двух направлениях развивалась и его работа в Казани. Он успешно продолжал свои востоковедные штудии. Им были

написаны труды в области арменоведения и иранистики. В 1844 году был закончен очерк «Беглый взгляд на историю гайканской литературы до конца 13-го столетия»[1].

Оценивая этот труд Назаряна, Н. Я. Марр писал, что он «...представляет первый опыт истории армянской литературы на русском языке». «Самостоятельного по существу в работе мало,— утверждает Н. Я. Марр.— Она основана преимущественно на трудах Сукиаса Сомаля и Неймана, но в книге замечается попытка поставить изложение истории армянской литературы в уровень не столько современных ему научных требований, сколько современных ему, новых умственных веяний в жизни русских армян и их запросов»[2].

Вторая часть этого исследования[3] была представлена в виде диссертации и после диспута Назаряну была присуждена степень магистра.

Эта часть также привлекла внимание Н. Я. Марра, и он подверг ее детальному критическому анализу. «Армянское патриотическое чувство,— писал Н. Я. Марр — тогда, конечно, все еще восторженное, составляет основу научного настроения профессора Казанского университета»[4].

Отметив некоторые недостатки в трудах Назаряна, Н. Я. Марр вместе с тем вменяет ему в бесспорную заслугу то, что он «первый обратил внимание на устную литературу в истории армянской литературы, как ее начало»[5].

Но не только армянская литература интересовала в это время Назаряна. Его привлекают два писателя — Фирдоуси и Саади. Первому была посвящена его докторская диссертация: «Абул-Касем Фердауси Тусский, творец Книги Царей, известной под названием Шах-Намэ»[1]. Вторая книга «Розовый Кустарник шейха Муслехеддин Саади Ширазского, славный под названием Гулистана»[2] была издана в Москве.

---

[1] Беглый взгляд на историю гайканской литературы до конца 13 столетия. Адъюнкта С. Назарянца. „Ученые записки, издаваемые Казанским университетом", кн. 1, 1844, стр. 46—95.

[2] Н. Я. Марр. История армянской литературы (курс лекций). Архив Н. Я. Марра, А. № 1342, ч. I, лл. 61—71.

[3] Обозрение истории гайканской письменности в новейшие времена. Рассуждение, писанное для приобретения степени магистра армяно-персидской словесности кандидатом философии Степаном Назарянцем. Казань, в типографии императорского Казанского университета, 1846.

[4] Н. Я. Марр. История армянской литературы (курс лекций). Архив Н. Я. Марра. А. № 1342, ч. I, лл. 61—71.

[5] Там же.

Итак, если мы попытаемся подытожить научную работу Назаряна в Казани, то увидим, что за шесть лет им были защищены две диссертации и опубликованы четыре монографических работы. В то же время было написано им на грабаре «Рассуждение об опытной психологии».

Одновременно с усиленной научной работой Назаряна не переставали волновать судьбы родного народа. На примере развития России и других европейских стран он пришел к выводу, что просвещение народа невозможно без периодической печати. В России в это время армянских периодических изданий не было, и Назарян первым поставил перед правительством вопрос об издании армянского журнала. Будучи еще адъюнктом Казанского университета, Назарян 2 ноября 1844 года обратился к попечителю Казанского учебного округа с просьбой разрешить ему издавать армянский журнал. В этой просьбе нашли свое отражение самые заветные мечты Назаряна. Нашла в ней отражение и подготовка Назаряна, который без труда составил широкую программу деятельности будущего журнала.

В будущем журнале предполагалось освещать вопросы истории, географии, литературы; должны были печататься статьи по вопросам статистики, естествознания, сельского хозяйства и коммерческих наук. Специальный раздел Назарян намечал посвятить политическим известиям, источником для которых должна была служить петербургская пресса[3]. В своем

---

[1] Абул-Касем Фердауси Тусский, творец Книги Царей, известной под названием Шах-Намэ. С присовокуплением краткого обзора истории персидской поэзии до исхода XV столетия по Р. Х. Сочинение доктора Восточной Словесности Степана Назарянца. Книжка первая. Казань, 1849. В типографии университета. Книжка вторая. Москва, 1851. В университетской типографии.

[2] Розовый Кустарник шейха Муслехеддин Саади Ширазского, славный под названием Гулистана. Перевод с персидского С. Назарянца, доктора Восточной Словесности. Москва, 1857. В типографии Лазаревского института восточных языков.

[3] ЦГИАЛ, ф. 722, оп. 4, д. 148946, 1845, лл. 4 и 5 об.

прошении Назарян обращал внимание попечителя на ту роль, которую должна была играть Россия в культурных начинаниях. Он прямо писал: «Осуществление этой благодатной цели входит в состав всемирно-исторического назначения России, по которому она призвана мудрым промыслом быть духовною посредницею между двумя противоположными мирами: Западом и Востоком»[1]. Особо подчеркивал Назарян значение, которое мог иметь будущий журнал в постановке и разрешении общенациональных вопросов. Он писал: «...можно сказать, что гайканский народ до сих пор еще лишен способного, общего органа для сообщения успехов, гражданственности и образования; скажу более: он не имеет доныне повсеместно понятно говорящего посредника, который бы, производя умственную мену между разбросанными по всем частям мира сынами Гайка, поощрял их к благородному соревнованию на поприще народного развития, и который бы мог слить их в единое нравственное тело, одушевленное общею волею, общими мыслями.

Чтобы поставить гайканский народ в духовное сношение с образованною Европою, чтобы ознакомить его с отечественной историей и литературою, признается в высшей степени важным основание журнала...»[2].

Попечитель Казанского учебного округа представил прошение Назаряна в Главное управление по делам печати, однако последнее отказало в разрешении на выпуск журнала, ссылаясь на отсутствие цензора, владеющего армянским языком[3]. Министр просвещения Уваров санкционировал этот отказ[4].

Огорченный отказом, Назарян обратился к Воронцову, бывшему тогда наместником на Кавказе, с просьбой посодействовать ему в вопросе издания армянского журнала в Тифлисе. Об этом он упоминал и в письме к Хачатуру Абовяну[5], на сотрудничество которого рассчитывал. Однако и эта попытка не увенчалась успехом,— надежды, возлагавшиеся на Воронцова и католикоса Нерсеса, оказались тщетными.

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 722, оп. 4, д. 148946, лл. 2—3.

[2] Там же, д. 148947, лл. 4—5.

[3] Там же, л. 6.

[4] Там же, л. 7 и об.

[5] *Դիման Խաչատուր Աբովյանի, Երևան, 1940, էջ 259—260;* (Архив Хачатура Абовяна. Ереван, 1940 г., стр. 259—260).

Несмотря на успешную научную работу, жизнь в Казани не удовлетворяла Назаряна. Он решает переехать в Москву и исхлопотать место в Лазаревском институте.

Наконец, в 1849 году желания Назаряна осуществились: если легко было отклонить просьбу юноши, только что окончившего университет, то гораздо труднее оказалось это сделать в отношении человека с ученой степенью доктора восточной словесности. Лазареву пришлось дать согласие на назначение Назаряна профессором персидского и арабского языков в институте[1]. Так начался для него новый и наиболее интересный этап жизненного пути — деятельность в Москве.

Прием, оказанный Назаряну в Лазаревском институте, очень воодушевил его. Москва открывала перед ним новые, заманчивые перспективы. Шире становились возможности общения со специалистами-востоковедами, вновь возрождались надежды на культурно-просветительскую работу среди соотечественников. Назарян приехал в Москву вполне сформировавшимся человеком, профессором-доктором, которого уже знали в кругах русских востоковедов. Перевод в Лазаревский институт не только обеспечивал материально, но и гарантировал ему определенное общественное положение. Условия, создавшиеся в Москве в конце пятидесятых годов, были более благоприятными и для осуществления давно лелеемой мечты — создания ежемесячного журнала для армян, проживающих в России.

На этот раз Назарян надеялся заручиться поддержкой руководства Лазаревского института и поэтому с проектом журнала обратился прямо в институт. Основной целью журнала он продолжал считать связь с Россией и пропаганду просвещения и культуры. «Предполагаемый мною журнал постарается по возможности исполнить свою задачу, заимствуя свои материалы из лучших повременных изданий на русском языке, будет в переводах распространять между армянами произведения русских мыслителей и литераторов, до сей поры оставшиеся для большинства армян в России как бы миром заповеданным... Словом, главное назначение предполагаемого журнала будет состоять в том, чтобы служить умственно и нравственно

---

[1] МОГИА, ф. 213, оп. 1, св. 11, д. 88, 1849, л. 164 и об.

связующим звеном между Россиею и рассеянными по разным местам обществами армян»[1], — писал он. Журнал этот Назарян предполагал назвать «Россия».

Однако, против всяких ожиданий, попечитель института И. Лазарев отказался поддержать в этом вопросе Назаряна. Наговорив по его адресу многочисленные комплименты, вроде: «...цель сия так много говорит в пользу и к чести профессора Назарянца, что я не могу не радоваться, видя в моем подчиненном такое прекрасное побуждение и благородное усилие осуществить оное...»[2] — Лазарев мотивировал свой отказ главным образом цензурными затруднениями, о которых он сообщал следующее: «...я должен однако же сказать, что к приведению предприятия г. Назарянца в настоящее время в действие встречаются многие затруднения и главнейшее из них — ценсура: Вам известно, что в Москве издается весьма мало книг на восточных языках, посему ходатайствовать о назначении особого ценсора как бы для одного журнала на армянском языке, при всем моем желании, оказывается неудобным, не касаясь даже вознаграждения сему ценсору, которое, по объяснению Вашему, Лазаревский институт не имеет возможности принять на себя, и которое тем не менее может быть отнесено на казну, приводимый же Вами пример относительно ценсора восточных языков в Казани не может служить параллельно для Москвы по многим причинам.

В таком положении настоящего дела мне остается сказать к искреннему моему сожалению, что приведение предприятия профессора Назарянца в действие необходимо отложить до более благоприятных обстоятельств»[3].

Достойной похвалы чертой Назаряна была удивительная настойчивость и последовательность в достижении намеченной цели. В течение одиннадцати лет добивался он разрешения на издание журнала на армянском языке, но нужно было, чтобы в России значительно изменилась обстановка для того, чтобы просьба Назаряна могла быть разрешена положительно и задуманное периодическое издание осуществлено.

[1] МОГИА, ф. 213, оп. 1, св. 19, д. 177, 1854, лл. 3—4.
[2] Там же, лл. 5—6.
[3] Там же.

В это время произошло событие, весьма знаменательное для всей истории «Юисапайла»: Назарян встретился с молодым Налбандяном (Налбандян приехал в Москву в июле 1853 года). Двадцать три года, которые составляли его единственный багаж, были прожиты так, что у юноши уже накопился определенный опыт политической борьбы. Налбандян успел возбудить острую ненависть к себе армянской реакции. В 23 года его характер уже в основном сложился,— это был пламенный поборник правды, с очень рано проявившимся общественным темпераментом. Народные интересы были его личными интересами. Столкнувшись в Нахичевани с армянской реакционной буржуазией (халибовская партия) по вопросу бесконтрольного расходования церковных сумм, Налбандян ощутил мертвую хватку армянского буржуа, и этой хватке он противопоставил организацию общественного мнения и горячую защиту общественных интересов. Дело о «церковных суммах» было политическим дебютом Налбандяна — дебютом, в котором юноша Микаэл проявил всю свою непримиримость и принципиальность. Однако «бегство» от нахичеванских обскурантов было только поводом для приезда Налбандяна в Москву. Основная причина была иной — это была жажда знаний, жажда приобщения к русской культуре, жажда просвещения. В 1853 году Налбандян оказался на положении сотен русских юношей из демократической среды, стремящихся к образованию и лишенных средств к существованию. Отсутствие «наследия богатых отцов» вынуждало прежде всего думать о заработке. Естественным шагом Налбандяна было обращение в Лазаревский институт с просьбой предоставить ему место учителя армянского языка.

Просьба Налбандяна была поддержана архиепископом Матфеем. Иван Лазарев, получив блестящую характеристику Налбандяна, рекомендовал правлению Лазаревского института принять его на должность учителя, считая невозможным отказать архиепископу, оказавшему большие услуги семейству Лазаревых[1].

Однако место в Лазаревском институте могло быть предоставлено только человеку, имевшему звание учителя, а у Нал-

[1] МОГИА, ф. 213, д. 158, 1853, л. 99.

бандяна его не было. Право присвоения этого звания принадлежало Петербургскому университету. В начале сентября Налбандян выехал в Петербург. Здесь он обратился к попечителю Петербургского учебного округа с просьбой допустить его к испытаниям по армянскому языку в Петербургском университете. Отношением от 17 сентября 1853 года попечитель Петербургского учебного округа предложил ректору Петербургского университета допустить Микаэла Налбандяна к «испытанию из армянского языка на право преподавания этого предмета в Лазаревском Институте Восточных языков в Москве»[1].

Не случайно первые шаги Налбандяна привели его в Петербургский университет, где уже функционировала кафедра арменоведения и где он впервые встретился с Бероевым.

24 сентября 1853 года Налбандян предстал перед экзаменационным комитетом, где экзаменатором был Бероев. Экзамен начался вопросами и словесными ответами по армянской грамматике. Затем Налбандяну было предложено прочитать пробную лекцию о правилах поэзии, после чего Налбандян выступил с рассуждением на тему о древности армянского языка. Письменно им были даны ответы на вопросы о «пользе грамматики и о разности между грамматикою и риторикою». Дополнительными предметами испытания были всеобщая история, география, арифметика и русский язык. По географии Армении Налбандян отвечал на вопросы о климате и об известных реках в Армении; по истории — о первом населении армянской земли и о «деяниях царя Тиридата». Во время экзаменов Бероев задавал Налбандяну вопросы на армянском языке, и он ему отвечал также на армянском языке[2].

Сам по себе факт сдачи Налбандяном экзаменов в Петербургском университете на армянском языке представляет несомненно значительный интерес. Отношение на имя попечителя Петербургского учебного округа, в котором сообщалось о сдаче Налбандовым испытаний на армянском языке, было подписано ректором университета Петром Александровичем Плетневым. Плетнев — друг Пушкина и после него редактор «Современника» — человек умеренно-либеральных взглядов, в области высшего образования строго придерживался политики министерства просвещения. А эта политика в начале 50-х годов проводилась с расчетом на подготовку национальных кадров, преданных самодержавию и служащих его интересам. В осуществление ее и содержались в Петербургском и Московском университетах так называемые «кавказские воспитанники». Налбандян, неожиданно для себя, попал в число тех, на которых «возлагались надежды», и ему было дано разрешение не только сдавать экзамены, но и сдавать их на армянском языке.

[1] ГИАЛО, ф. 14, св. 5245, д. 114, л. 107.
[2] Там же, л. 109 и об.

Однако это была только одна сторона очень сложного и многогранного вопроса. Другая сторона его заключается в том, что, несмотря на политику министерства просвещения и вопреки этой политике, в борьбе и столкновениях развивалась в стенах Московского и Петербургского университетов передовая русская наука и, в частности, русское востоковедение.

24 сентября 1853 года знания Налбандяна «из армянского языка, географии, истории и арифметики были оценены как отличные». 28 сентября Налбандян сдавал экзамен по русскому языку. Им было написано сочинение на русском языке на тему «Приезд в Петербург»[1].

В результате экзаменов Микаэл Налбандян был «удостоен» звания учителя армянского языка в Лазаревском институте восточных языков в Москве.

Налбандян вернулся в Москву с уверенностью, что место учителя в Лазаревском институте даст ему возможность не только жить и работать, но и осуществить свою заветную мечту — учиться. В октябре он начинает преподавать в первых трех классах Лазаревского института.

Утверждение Налбандяна в должности младшего учителя армянского языка в Лазаревском институте «Правительствующим Сенатом» тянулось около года — с 3 ноября 1853 года по 9 октября 1854 года.

В начале 50-х годов Лазаревский институт пользовался известностью даже за пределами России,— в этот институт направляли для обучения своих детей армяне, проживавшие не только в пределах России, но и в других странах.

[1] ГИАЛО, ф. 14, св. 5245, д. 114, л. 108 и об.

Официальной задачей Лазаревского института, поставленной перед ним правительством, была подготовка чиновников и переводчиков для Закавказского края. Подавляющее большинство предметов преподавалось на русском языке (русская литература, русская история, грамматика и т. д.). Преподавание русской литературы, осуществлявшееся статским советником профессором Зиновьевым, носило вполне «верноподданнический» характер. Любопытными документами, характеризующими направление этого преподавания, являются выпускные конкурсные сочинения учащихся по русской словесности, сохранившиеся в архиве Лазаревского института.

Авторы этих сочинений, в расчете на получение медали, старались, естественно, удовлетворить требования конкурсной комиссии, в которую входили Эмин, Измайлов, Мсерянц, Зиновьев, Назарян, Оранский и др. Требования эти несомненно были регламентированы министерством просвещения.

Обратимся к некоторым примерам. Ученик, автор сочинения «Талант Гоголя в своем развитии», рассматриьал деятельность Гоголя в течение двух периодов: первый, в котором Гоголь выступает как артист, и второй, который «начинается борьбою христианина с артистом, и оканчивается полною победою первого над последним»[1].

Автор рассматривает Гоголя, как мученика, стремившегося жить «жизнью небесной», и Гоголь «...наконец пал жертвою своего благородного стремления. В этом отношении Гоголь является мучеником за свои религиозные верования и убеждения»[2].

Работа эта, превратившая Гоголя в «поборника христианства» и «великомученика», естественно, заслужила полное одобрение...

В другом сочинении — «Державин и его отношение к Пушкину» автор полемизирует с представителями натуральной школы, пытавшимися поколебать авторитет Державина. Он утверждает, что «Державин занимает самое высокое место не только между современными, но и между лирическими поэтами всех веков и народов»[3].

[1] МОГИА, ф. 213, оп, I, св. 105, д. 1896, л. 3.
Там же, л. 24.
[3] Там же, ф. 213, оп. I, св. 22, д. 224, л. 1 и об.

Подобные примеры можно было бы значительно умножить, но в этом нет нужды. Ясно, что преподавание как русской литературы, так и остальных предметов в Лазаревском институте носило преимущественно казенно-благонамеренный характер. Однако это официальное преподавание ни в коей мере не могло исключить учащихся Лазаревского института из сферы благотворного воздействия передовой русской культуры и в особенности литературы: лазаревцы с жадностью читали русскую литературу и читали ее вне классных занятий. Литературу для этих чтений они получали из библиотеки Лазаревского института, бывшей в 50-х годах очень богатым и крупным книгохранилищем. В 1853 году в ней было 12332 тома, 5680 сочинений, 227 рукописей на русском и восточных языках, 1186 географических карт, атласов, штампов и чертежей[1]. Особо интересен состав библиотеки: в ней, наряду с сочинениями Пушкина, Гоголя, Грибоедова, Батюшкова, были широко представлены сочинения Белинского, а некоторые его тома имелись даже в нескольких экземплярах[2].

Этих чтений очень опасалось руководство Лазаревского института: после революции 1848 года внеклассные чтения были запрещены. В своей записке от ноября 1849 года Иван Лазарев писал: «Не дозволять никогда ученикам, кроме учебных и нужных книг, читать разные романы, что строго воспретить»[3].

Но самое главное заключалось в том, что Лазаревский институт находился в Москве. Этому обстоятельству придавало очень большое значение и правительство, полагая, что русская дворянская культура, идеология господствующего класса окажут решающее влияние на учащихся. Эта точка зрения была особенно откровенно и беззастенчиво сформулирована в министерском отчете. «Нечего и говорить, что Москва гораздо более русский город, нежели Одесса,— докладывал императору министр просвещения,— и потому в русском смысле влияние

[1] Отчет о состоянии Лазаревского института восточных языков за 1853 г. МОГИА, ф. 213, д. 161, лл. 1—8 и об.
[2] Алфавитный каталог книг ученической библиотеки Лазаревского института восточных языков. МОГИА, ф. 213, св. 105, д. 1898.
[3] МОГИА, ф. 213, оп. 1, св. 11, д. 83, лл. 243—248.

среды московской жизни на детей Востока было бы полезнее и в политическом отношении»[1].

Однако в вопросе политических влияний правительство просчиталось: правда, Лазаревский институт находился в Москве, но это была Москва не только полицмейстеров и будочников, это была Москва Герцена и Огарева, Белинского и Сеченова. В Москве зачитывались «Современником», Белинским и Чернышевским.

Вот эта вторая Москва, окружавшая Лазаревский институт, проникавшая в сознание учащихся, и оказывала на них политическое воздействие вопреки всем планам и расчетам министерства просвещения.

Общественный подъем в Москве в связи с революцией 1848 года сказался и на учащихся Лазаревского института, а наступившая вслед за этим реакция, разгром петрашевцев отразились и на внутренней жизни Лазаревского института. В институте начинается борьба с «крамолой», исключение «неблагонадежных» воспитанников, которых зачастую квалифицируют как «ленивых и плохо успевающих». 5 июля 1849 года Иван Лазарев направил в правление института отношение, в котором отдавал распоряжение об исключении неблагонадежных учеников из института: «Своекоштных пенсионеров Качкачева, Бурджалова I-го, Шпикулова и Назарбека, оказавшихся **неблагонадежными** и ленивыми, уволить ныне же из Института, снабдив их при выпуске свидетельствами, которые бы в точности соответствовали степени успехов их в науках и языках»[2].

Вот как обстояло дело с отношением Лазаревского института к русской действительности и русской культуре к тому времени, когда Микаэл Налбандян поступил в институт в качестве учителя армянского языка.

Естественно возникает вопрос: с кем же пришлось общаться Микаэлу Налбандяну в стенах Лазаревского института? Среди дирекции и профессорско-преподавательского состава института в 1853—54 учебном году были самые различные фигуры. Был директор — полковник Семен Зеленой, «фельдфебель в Вольтерах», наблюдавший главным образом за хозяйственной и полицейской частью, за обучением воспитанников «фронтовому порядку»[1]. Был инспектор — профессор армянской словесности Мкртыч Эмин. Персидскую словесность и латинский язык преподавал профессор, статский советник Степан Назарян, законоучение и армянский язык — магистр Мсер Мсерянц[2]. Русскую литературу преподавал статский советник профессор Алексей Зиновьевич Зиновьев, окончивший Московский университет, верноподданный чиновник, награжденный за беспорочную службу Аннами разных степеней и другими знаками отличия[3].

Среди учащихся в 1853—54 учебном году обращают на себя внимание Смбат Шахазиз (которому было в это время 13 лет и который учился у Налбандяна в приготовительном отделении), Манук Садатян, ровесник Шахазиза, Анания Султан-Шах, Егор Абовян и Спасский-Автономов[4].

Анания Султан-Шах с момента встречи с Налбандяном в Лазаревском институте стал его преданным другом и товарищем не только во время совместной учебы в Московском университете, но и в дальнейшем, когда Налбандяна заточили в Петропавловскую крепость .

Надежды Налбандяна на постоянный заработок учителя в Лазаревском институте оказались тщетными: 23 января 1854 года он был арестован по распоряжению московского полицмейстера. Лапа нахичеванских обскурантов настигла его и в Москве — Нахичеванский магистрат требовал отправления Налбандяна под конвоем в Эчмиадзин для свершения «суда» и расправы при помощи католикоса.

---

[1] Выписка из всеподданнейшего отчета по осмотру г. министром народного просвещения Харьковского учебного округа в 1870 году. ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 162, д. 154478, 1870 г., л. 16 и об. и л. 17.

[2] МОГИА, ф. 213, св. 11, д. 88, л. 5 и об.

[1] Отчет о состоянии Лазаревского института восточных языков за 1853 г. МОГИА, ф. 213, д. 161. лл. 1—8 об.

[2] Именной список чиновников и преподавателей Лазаревского института восточных языков за 1853 год. МОГИА, ф. 213, св. 22, оп. 1, д. 102, лл. 26—33.

[3] Формулярный список о службе профессора русской словесности Лазаревского института восточных языков статского советника Зиновьева. МОГИА, ф. 213, д. 163, лл. 72—83.

[4] Именная ведомость воспитанников Лазаревского института восточных языков за 1853 г. МОГИА, ф. 213, св. 22, д. 161, лл. 12—25.

Арест Налбандяна произвел значительный переполох среди руководства Лазаревского института. Директор института — полковник Зеленой — в докладной попечителю от 9 февраля 1854 года, сообщая о передаче классов Налбандяна другим преподавателям, не решился даже упомянуть о том, что Налбандян был арестован, а туманно писал: «Занимающий должность младшего учителя армянского языка Налбандов, как известно Вашему Превосходительству, в настоящее время не может исполнять своей обязанности...»[1].

Следствие по делу Налбандяна еще не было закончено, а директор Зеленой уже ставил перед Лазаревым вопрос об исключении Налбандяна из числа работников Лазаревского института.

Крайне напуганный неблагонадежностью Налбандяна, Зеленой писал попечителю: «Если уже в допущении Налбандова к преподаванию уроков воспитанникам встречаются большие затруднения и обстоятельства, могущие повредить пользе Института, то к назначению его надзирателем не представляется никакой возможности, тем более, что он на это и права не имеет»[2].

Лазарев, по сути дела соглашаясь с Зеленым в том, что Налбандян может скомпрометировать институт, все же предлагал ему повременить с окончательным увольнением Налбандяна. Эта отсрочка была вызвана новым ходатайством за Налбандяна архиепископа Матфея, с которым очень считался Лазарев.

Благодаря вмешательству друзей и, в частности, Степаноса Назаряна, Налбандяну удалось по предъявлении увольнительной от католикоса вырваться из рук московской полиции. Он продолжал оставаться на поруках в Лазаревском институте. В связи с этим между попечителем Иваном Лазаревым и директором С. Зеленым завязалась специальная переписка. Лазарев, считая отрицательное мнение Зеленого о Налбандяне обоснованным, тем не менее не решался из-за архиепископа

[1] Докладная записка его превосходительству господину попечителю Лазаревского института восточных языков. МОГИА, ф. 203, д. 170, 1874.

[2] Рапорт директора Лазаревского института от 12 августа 1854 г. МОГИА, ф. 213, св. 19, оп. 1, д. 171, лл. 6—7.

Матфея сразу его уволить. Он предлагал «временно занять Налбандова в армянской каллиграфии и в армянском языке»[1]. Однако директор С. Зеленой в ответ на отношение Лазарева «представлял ему на вид», что Налбандов, «не принося существенной пользы Институту, пользуется квартирой, столом и получает штатное жалование...». Далее Зеленой продолжал: «Он должен быть признателен Институту, получая 8 месяцев жалованье, не исполняя никакой обязанности. Что же касается до отведения квартиры и выдачи стола, то хотя это и не обременяет столько Институт, как выдача жалованья, однако лишать других надзирателей, исполняющих трудную свою обязанность, лучшего помещения, кажется странным и может дать повод к различным просьбам со стороны других служащих, которые, видя, что не исполняющий никакой обязанности в Институте получает от него стол и квартиру, могут заключить, что они служа имеют право объявить другие свои желания»[2]. Иначе говоря, Зеленой вежливо отклонял предложение Лазарева, убеждая его в том, что дальнейшее пребывание Налбандяна в институте нецелесообразно. Временные поручения, которые Налбандян получал по замещению в разных классах отсутствующих преподавателей, Зеленой не считал «исполнением обязанности» и доказывал, что он «даром» получает жалование и квартиру. За этими меркантильными рассуждениями Зеленого скрывались, конечно, более глубокие — политические причины.

Налбандян с первых же шагов «не оправдал надежд», возлагаемых на него Плетневым и Иваном Лазаревым. Ему не суждено было стать статским советником и спокойно дослужиться до орденов и пенсии в Лазаревском институте. После эпизода с московской полицией он был уволен из Лазаревского института, хотя ему и было разрешено свободное проживание в Москве. В этом увольнении Налбандяна выявилась откровенно-реакционная сущность политической ориентации Лазаревых и их связь с русской дворянской реакцией.

Еще будучи в Лазаревском институте, Налбандян подал заявление в Московский университет с просьбой принять его в

[1] МОГИА, ф. 213, д. 170, 1854.

[2] Там же, оп. 1, св. 19, д. 171, лл. 10—11.

число слушателей медицинского факультета. Выбор Налбандяна был не случайным — на медицинский факультет стремилась в начале 50-х годов русская разночинная и демократическая молодежь. Характерной чертой разночинца 60-х годов было увлечение медициной, биологическими дисциплинами и материализмом. Тургенев писал о Базарове как о студенте-медике, Кирсанов у Чернышевского — врач. Бурное развитие естествознания в 50-х и 60-х годах в России явилось непосредственным результатом демократического движения и революционной ситуации. Передовая русская наука развивалась вопреки официальной реакционной политике самодержавия.

С точки зрения самодержавия Московский университет был «рассадником разврата». Герцен следующим образом охарактеризовал политическую роль Московского университета: «Московский университет вырос в своем значении вместе с Москвою после 1812 года; разжалованная императором Петром из царских столиц, Москва была произведена императором Наполеоном (сколько волею, а вдвое того неволею) в столицы народа русского. Народ догадался по боли, которую чувствовал при вести о ее занятии неприятелем, о своей кровной связи с Москвою. С тех пор началась для нее новая эпоха. В ней университет больше и больше становился средоточием русского образования. Все условия для его развития были соединены: историческое значение, географическое положение и отсутствие царя...

Все пошло назад; кровь бросилась к сердцу; деятельность, скрытая снаружи, закипала, таясь внутри. Московский университет устоял и начал первый вырезываться из-за всеобщего тумана. Государь его возненавидел с полежаевской истории. Он прислал А. Писарева, генерал-майора «Калужских вечеров», попечителем; велел студентов одеть в мундирные сюртуки, велел носить шпагу, потом запретил носить шпагу; отдал Полежаева в солдаты за стихи, Костенецкого с товарищами за прозу, уничтожил Критских за бюст, отправил нас в ссылку за сенсимонизм, посадил князя Сергея Михайловича Голицына попечителем и не занимался больше этим «рассадником разврата», благочестиво советуя молодым людям, окончившим курс в лицее и в школе правоведения, не вступать в него...

...Но, несмотря на это, опальный университет рос влиянием: в него, как в общий резервуар, вливались юные силы России со всех сторон, из всех слоев; в его залах они очищались от предрассудков, захваченных у домашнего очага, приходили к одному уровню, братались между собой и снова разливались во все стороны России, во все слои ее»[1].

Особое место в «опальном университете» занимал медицинский факультет. Даже в период реакции, наступившей после 1848 года, когда контингент приема на все факультеты был резко сокращен, прием на медицинский факультет был сохранен без изменений. Правительство вынуждено было мириться с медицинскими факультетами и их составом, имея в перспективе военные столкновения и учитывая необходимость подготовки военных врачей.

Однако в 1857 году вопрос о чрезмерном скоплении молодежи на медицинских факультетах все же был поставлен очень остро. «В мае 1858 г. медицинский факультет слушал следующее любопытное сообщение: «Император обратил внимание в отчете Министерства народного просвещения за 1857 г. на то, что в медицинских факультетах университетов состоял 2291 студент, из них в Московском — 1058 студентов, и наложил резолюцию: «Обратить особое внимание министерства народного просвещения на непомерное накопление студентов в медицинских факультетах и могут ли учебные пособия ему соответствовать. В противном случае сообщить, какие нужно принять меры, чтобы сему пособить»[2].

По-видимому, как раз особый дух, царивший на медицинских факультетах, и привлек Налбандяна, и он 2 сентября 1854 года подал прошение на имя ректора Московского университета о зачислении его в качестве вольнослушателя на первый курс. Налбандяну в этой просьбе было отказано. Мы не располагаем данными о том,— получил ли Налбандян билет на право слушания профессорских лекций в качестве постороннего посетителя. Вместе с тем из переписки и мемуарной литературы видно, что Налбандян с 1854 года по 1857 год учился на медицинском факультете университета.

---

[1] А. И. Герцен. Собр. соч., том VIII, М., 1956, стр. 106—107.

[2] 175 лет первого Московского Государственного Медицинского института. Медгиз, М.—Л., 1940, стр. 27.

Каким образом Налбандян допускался к посещению лекций — для нас пока остается не ясным; возможно, что он посещал их без разрешения со стороны ректората.

Затруднения, с которыми пришлось столкнуться Налбандяну в оформлении своих студенческих прав, были вызваны очевидно политическими соображениями. Налбандян в 1854 году, после ареста, уже числился в московской полиции в качестве «неблагонадежного». Не имея возможности закрыть двери медицинского факультета перед мощным потоком разночинной молодежи, руководство университета тем не менее использовало все методы для того, чтобы не допускать в университет явно «провинившихся». Одним из таких методов являлось сознательное занижение оценок во время вступительных экзаменов.

Низкие оценки, полученные Микаэлом Налбандяном во время вступительных экзаменов, не характеризуя его знаний и уровня подготовки, служили формальным поводом для отказа в зачислении на медицинский факультет. Так или иначе Налбандян, вопреки воле руководства, оказался в стенах Московского университета — одного из наиболее крупных центров русской демократической молодежи.

Несмотря на то, что после революции 48 года и на медицинском факультете появилось достаточное число детей дворян и чиновников, тем не менее этот факультет продолжал оставаться средоточием передовой демократической молодежи, и в начале 60-х годов медицинский факультет оказался наиболее революционно настроенным.

Какими интересами жили студенты-медики 50-х годов, в том числе и Налбандян, что́ являлось решающим в формировании их мировоззрения? На студенческую молодежь, естественно, большое влияние должна была оказать профессура университета. Налбандяну пришлось слушать самых различных по своим политическим взглядам и научному мировоззрению профессоров.

Одновременно с Налбандяном на медицинском факультете Московского университета учился великий русский физиолог Иван Михайлович Сеченов, который был уже студентом 4 курса, когда Налбандян приступил к занятиям в университете[1]. Мы не знаем — знаком ли был Налбандян с Сеченовым, но очевидно, что Налбандян в Московском университете общался с лучшими представителями русской студенческой молодежи. В это же время, например, учился на медицинском факультете Сергей Петрович Боткин. Вспоминая о Московском университете 50-х годов, Сеченов писал в своих мемуарах: «А университет играл тогда в Москве очень видную просветительную роль, и Москва его любила»[2].

Вместе с другими студентами медицинского факультета Налбандян слушал общебиологические дисциплины и специальные медицинские предметы, посещал клиники. Из общебиологических дисциплин студенты с особым интересом слушали лекции по физиологии проф. И. Т. Глебова.

«Сравнительную анатомию и физиологию,— вспоминает И. М. Сеченов,— читал профессор Иван Тимофеевич Глебов (перешедший по выслуге лет в Петербург вице-президентом медицинской академии), человек несомненно очень умный и очень оригинальный лектор. Излюбленную им манеру излагать факты можно сравнить с манерой судебного следователя допрашивать обвиняемого: именно существенный вопрос, о котором заходила речь, он не высказывал прямо, а держал его в уме и к ответу на него подходил исподволь, иногда даже окольными путями. Как человек умный, свои постепенные подходцы он вел с виду так ловко, что они получали иногда характер некоторого ехидства»[3].

Глебов привлек внимание Налбандяна. В личной библиотеке Налбандяна сохранился «Учебник зоотомии», которым он, вероятно, пользовался в студенческие годы. В книге рукою Налбандяна записано высказывание Глебова о сущности жизни.

---

[1] Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1853–1854 академический и 1854 гражданский годы. Именная ведомость об учащихся в Императорском Московском университете к 1 января 1855 года.

[2] Автобиографические записки Ивана Михайловича Сеченова. М., 1945, стр. 49.

[3] Там же, стр. 52—53.

«Жизнь есть внутренняя деятельность тела, характеризующаяся самостоятельностью ее. Глебов»[1]. Налбандяна привлекла именно эта материалистическая точка зрения Глебова на деятельность живого организма: студенческие годы явились для Налбандяна периодом формирования его материалистического мировоззрения.

Профессором медицинского факультета в эти годы был А. И. Полунин. Человек не столько большого дарования, сколько исключительного трудолюбия, Полунин вел большую общественную работу, издавал на свои средства и редактировал «Московский врачебный журнал».

«Сам Полунин был ревностным поборником научно-рационалистической медицины и всеми доступными ему средствами боролся с медицинским эмпиризмом. Он доказывал, что медицина есть одно из ответвлений естествознания и что образованному врачу необходимо основательное знакомство с анатомией, физиологией и патологической физиологией»[2].

В начале 50-х годов реакционеры всеми силами пытались воздействовать на сознание студенчества. Так была закрыта кафедра философии, и чтение логики и психологии было поручено протоиерею Терновскому. Медицинский факультет того времени изобиловал парадоксами. Если протоиерей Терновский на лекциях по богословию толковал о непорочном зачатии, то акушер-профессор В. И. Кох излагал биологическую теорию зарождения. Если протоиерей Терновский толковал о 13 ребре мужчины, из которого бог сотворил Еву, то студенты во время анатомических вскрытий наглядно убеждались в том, что у мужчин и женщин — одинаковое число ребер. Ни на каком другом факультете так остро не вставал вопрос о непримиримости материалистического и идеалистического мировоззрений, как на медицинском факультете. Большое влияние на студенчество имел проф. Ф. И. Иноземцев. Он возглавлял хирургическое отделение факультетской клиники, и студенты под его руководством производили операции первоначально на трупах, а затем и на больных. Иноземцев был, как и Полунин, активным общественным деятелем; в 1857 году он основал «Медицинскую газету», которую сам редактировал, а в 1861 году организовал «Общество русских врачей в Москве». О популярности Ф. И. Иноземцева как врача-специалиста свидетельствует и Налбандян[1].

Очень трудно дать характеристику политических взглядов профессуры медицинского факультета 50-х годов. По своему мировоззрению даже такие ревностные пропагандисты науки как Полунин, Иноземцев и многие другие не шли дальше умеренного либерализма. На факультете были и явно реакционные фигуры, как, например, немец Н. Б. Анке — профессор фармакологии — «врачебного веществословия», декан факультета. Анке вел откровенно реакционную политику в отношении подготовки кадров, старался не допускать к науке талантливую русскую молодежь, выдвигал своих ставленников из немцев. Так, явно провокационным образом Анке провалил кандидатуру Сеченова, когда Иноземцев предложил направить его на усовершенствование и подготовку для занятия кафедры физиологии.

Налбандяну пришлось неоднократно сталкиваться с деканом. Есть все основания предполагать, что именно Анке непосредственно отказал Налбандяну в зачислении его вольнослушателем медицинского факультета. Сталкивался с ним Налбандян и вне стен университета (известна его встреча с Анке на похоронах Гегамянца).

Налбандян с исключительным увлечением и усердием занимался на медицинском факультете. Ежедневно с утра до 2 часов дня он пребывал в университете, затем, вернувшись домой, трудился до позднего вечера. Необыкновенная, страстная жажда знаний характеризует Налбандяна-студента. Отвечая брату, он писал, что у людей, обвинявших его в равнодушии к родному народу, на голове нет стольких волос, сколько ему нужно изучать предметов, читать о них и записывать[2]. Интересно сопоставить это признание Налбандяна с ранним стихотворением Добролюбова, в котором он писал в 1850 году:

---

1 Музей литературы и искусства АН АрмССР. Архив Налбандяна.
2 175 лет первого МГМИ. М., 1940, стр. 149.

---

1 *Մ. Նալբանդյան, երկերի լիակատար ժողովածու, Երևան, 1947, հատ. 2, էջ 154—155* (М. Налбандян. Полное собрание сочинений, Ереван, 1947, т. II, стр. 154—155).

2 *Մ. Նալբանդյան, երկերի լիակատար ժողովածու, Երևան, 1949, էջ 33* (М. Налбандян. Полное собр. соч., Ереван, 1949, т. IV, стр. 33).

«О, как бы желал я такую способность иметь,
Чтоб всю эту библиотеку мог в день прочитать.
О, как бы желал я огромную память иметь,
Чтоб все, что прочту я, всю жизнь не забыть»[1].

Увлечение Налбандяна медициной в это время было столь сильным, что он считал ее своим призванием и собирался служить родному народу именно в качестве врача. «Став здесь врачом,— писал Налбандян брату,— я могу и моим родным и моим соотечественникам всячески помочь»[2].

Налбандян с исключительным упорством добивался осуществления поставленной перед собой цели, усердно готовился к экзаменам, овладевая, например, и такими дисциплинами, как химия, которую ему пришлось сдавать в марте 1856 года.

В 50-х годах Налбандян встретился с Карлом Францевичем Рулье, основателем русской школы зоологов в Московском университете, о котором в «Ученых записках» университета писали: «Исключительно талантливый лектор, он явился светочем науки, собравшим вокруг себя наиболее прогрессивную часть тогдашней молодежи. В то же время он был горячим пропагандистом изучения русской фауны. В своей замечательной речи «О животных Московской губернии» (1845) он дал блестящий образец исторического понимания изучения фауны и высказал за 14 лет до Дарвина в очень ясной и четкой форме основные положения эволюционного учения»[3].

Рулье горячо отстаивал материалистические принципы в биологии. Герцен посещал лекции Рулье и очень увлекался его исследованиями. «...Говоря о значении трудов К. Ф. Рулье, следует иметь в виду, что в 40—50-х годах XIX века это был один из самых популярных ученых, оказавший глубокое влияние на передовую интеллигенцию России и во многом определивший направление дальнейшего развития ряда областей биологической науки»[4].

---

[1] Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. VI, стр. 556.

[2] *Մ. Նալբանդյան, երկերի լիակատար ժողովածու, հատ. 4, էջ 33* (М. Налбандян. Полное собр. соч., т. IV, стр. 33).

[3] „Ученые записки Московского Государственного университета". Юбилейная серия, выпуск 54, биология, стр. 63.

[4] С. Р. Микулинский. К. Ф. Рулье—биолог-материалист первой половины XIX века. „Вопросы философии", 1950, т. III, стр. 156.

Среди молодежи, окружавшей К. Ф. Рулье, был и Налбандян. В библиотеке Налбандяна сохранились стенограммы публичных лекций Рулье на тему: «Жизнь животных по отношению ко внешним условиям»[1], прочитанных в Московском университете.

Свое глубокое уважение и любовь к Рулье Налбандян высказал вновь, будучи узником Петропавловской крепости. В письме к брату от 1 мая 1863 года он писал: «И всякий раз, когда я что-нибудь слышу по части сказанных акклиматизаций, мне становится грустно, потому что того, кто, следуя сейчас же по стопам С. И. Жофруа,— К. Рулье, положил первое основание акклиматизации без всякой почти помощи, скудными средствами издавая «Вестник естественных наук» и занимаясь акклиматизацией животных, потом и растений (он был приглашен обществом любителей садоводства), уже нет. Как бы он восхищался, увидя такой громадный успех неутомимых трудов! Мне кажется, что он ночевал и дневал бы в Зоологическом саду»[2].

Высокая оценка деятельности Рулье, данная Налбандяном, была не случайной. Налбандян подчеркнул в работе Рулье именно его заслуги в области изучения внешних факторов, влияющих на животный мир, в изучении вопросов «акклиматизации», приспособления животных и растений к внешней среде. Теория Рулье была для Налбандяна прекрасным подтверждением его основного тезиса о единстве теории и практики. Налбандян неоднократно высказывался о том, что наука должна служить народу, что значение целого ряда дисциплин заключается в возможности практического применения полученных учеными результатов. В том же письме он говорит: «Очень рад открытию Зоологического сада, тем более, что он имеет в основании практическую цель, которая удивительно как приближает науку к публике, и наоборот. Прикладная зоология и при-

---

[1] Публичные лекции о. (рдинарных) профессоров Геймана, Рулье, Соловьева, Грановского и Шевырева, читаны в 1851 году в Московском университете. М., 1852, Музей литературы и искусства АН АрмССР. Архив Налбандяна.

[2] *Մ. Նալբանդյան, երկերի լիակատար ժողովածու, հատ. 4, էջ 210* (М. Налбандян. Полное собр. соч., т. IV, стр. 210).

кладная ботаника имеют важную будущность в грядущем. Сельское хозяйство и политическая экономия без них мертвые буквы или же «плавание без компаса»[1].

Увлечение Налбандяна зоологией продолжалось и по оставлении Московского университета. Налбандян продолжал поддерживать связь с московскими зоологами и, когда преемник К. Ф. Рулье по кафедре зоологии — Анатолий Петрович Богданов, убежденный дарвинист и крупный общественный деятель, создал в Москве Зоологический сад, Налбандян привез для этого сада носорога.

В письме к брату из Петропавловской крепости 18 июля 1863 года Налбандян писал: «Я бы очень желал служить к процветанию Московского юного Зоологического сада, доставляя разных редких животных из Азии и Африки, где везде есть у меня агенты, но я этого не могу сделать, пока буду томиться здесь и сверх того, пока общество акклиматизации не даст мне нравственного средства. Ты хорошо знаешь, что мне, собственно, ничего не надо, ни материального, ни даже нравственного награждения, но я не для себя хлопочу, а для других. Ты понимаешь, о чем тут идет речь. Чем же после этого я могу заинтересовать их в пользу науки, когда они в ней не посвящены? Чем же я могу просить их и приглашать к жертвам, почти на 10 т(ысяч) р(ублей) сер(ебром)? Это не шутка.

Но если общество согласится поддержать меня, о, тогда другое дело, и я даю слово, что через год после моего освобождения, в одно прекрасное утро, в саду общества явится бегемот. Потом можно доставлять коллекции мелких животных, доставка которых не сопряжена с большими издержками. Я и так хотел привезти пару отличных роял-тигра из Бенгалии, но воздержался, желая узнать, какую оценку найдет носорог, а за тиграми дело не останется, только одно условие, чтобы общество признательностью к жертвователям поддержало мою мысль, иначе ничего не могу более сделать, и дай бог, чтобы всякий столько сделал, сколько я уже сделал для этого полезней-

[1] *Մ. Նալբանդյան, Երկերի լիակատար ժողովածու, հատ. 4, էջ 210* (М. Налбандян. Полное собр. соч., т. IV, стр. 210).

шего общества, которому сочувствую и желаю от души всякого успеха»[1].

Московское Зоологическое общество, о котором пишет Налбандян, имело несомненно большое прогрессивное значение в развитии русской науки.

Однако влияние профессуры Московского университета на студентов-медиков не ограничивалось рамками медицинского факультета. Студенты-медики охотно посещали и лекции на историческом и филологическом факультетах. Сеченов рассказывал в своих мемуарах: «В этом году, чуть не рядом с аудиторией (в новом здании), где читали Топоров, Анке и Басов, читалась Петром Николаевичем Кудрявцевым история реформации; и я прослушал весь этот курс с таким же восхищением, с каким читал позднее его «Римских женщин по Тациту», в Пропилеях, изданных Леонтьевым...

Грановского я слышал всего один раз, но он произвел на меня далеко не такое впечатление, как Кудрявцев»[2].

Московский университет оказал исключительное влияние на формировавшееся в 50-х годах мировоззрение Налбандяна. Более того,— медицинский факультет наложил свою печать и на всю последующую жизнь Налбандяна. Занятия на медицинском факультете ввели Налбандяна в круг основных вопросов естествознания 50-х годов. Факультет подготовил Налбандяна к восприятию материалистической философии, явился одним из факторов, способствовавших овладению Налбандяном той суммой знаний, без которых он не мог бы стать просветителем, широко образованным, передовым человеком своего времени. Наконец, в Московском университете формировался Налбандян как горячий пропагандист передовой науки, ее убежденный популяризатор.

Налбандян придавал большое значение самым различным областям науки, но особое место в его чтениях и популяризаторской работе всегда занимало естествознание. Глубокий интерес у него вызывали вопросы химии, физики, математики, астрономии, геологии, минералогии и т. д. Налбандян был на уровне наиболее передовой научной мысли своего времени, и

[1] *Մ. Նալբանդյան, Երկերի լիակատար ժողովածու, հատ. 4, էջ 226—229* (М. Налбандян. Полное собр. соч., т. IV, стр. 226—229).

[2] И. М. Сеченов. Автобиографические записки, М., 1945, стр. 57.

его статьи, печатавшиеся в «Юсисапайле», по вопросам науки сыграли большую роль в развитии и просвещении армянского читателя.

Налбандян, внимательно следивший за «Современником», хорошо был знаком с деятельностью русской революционной демократии в области популяризации науки. Многочисленные статьи по самым различным научным вопросам, печатавшиеся в «Современнике», и, в частности, статьи Чернышевского имели для него очень большое значение. Налбандян использует опыт русской революционной демократии в деле просвещения масс и, в первую очередь, в деле распространения научных знаний. Статьи Налбандяна по научным вопросам очень важны с точки зрения истории развития армянского языка — создания научной терминологии, в особенности в таких областях как астрономия, геология, палеонтология и т. д.

К сожалению, Налбандян не оставил автобиографических записок, подобно Сеченову. Революционные демократы обычно не сохраняли архивов,— эти архивы в «лучшем случае» оказывались в третьем отделении, где они очень часто уничтожались «за окончанием дела», во время очередной «разгрузки» архива. Многое не дошло до нас и из наследия Налбандяна, в особенности из материалов автобиографического характера.

Исследователю революционной демократии приходится нередко действовать подобно археологу — восстанавливать историческую картину и события по едва уловимым деталям, намекам, свидетельствам.

Ценными документами, характеризующими раннее творчество Налбандяна, являются его стихотворения 50-х годов. Эти стихотворения свидетельствуют об исключительной роли передовой русской культуры, Москвы, Московского университета в формировании его мировоззрения.

Московский университет отражен в стихотворении Налбандяна «Аудитория»; в нем любовно нарисована картина одной из аудиторий высшего учебного заведения, в которой овладевает знаниями молодежь. Налбандян отмечает международное значение Московского университета, пишет о том, что в русской аудитории собрались юноши всех национальностей из самых глухих уголков страны, особенно подчеркивает то, что в ней обучается трудящаяся, разночинная молодежь.

Тема студенческой жизни звучит у Налбандяна с исключительной политической остротой. Налбандян создает два контрастных образа: образ богача-сибарита и образ студента. Сибарит нежится утром на пуховиках и смакует поданный слугою изысканный завтрак, а студент давно находится в аудитории университета; сибарит только изволил откушать, а студент уже возвращается с занятий (стихотворение «Студент и богач»). Налбандян не ограничивается этим противопоставлением, он с иронией пишет, что богач отзывается о студентах как о пустых людях, бегающих по улицам взад и вперед. Учеба в университете отразилась и в стихотворении «Экзамен физики».

Влияние медицинского факультета в 1855 году было столь сильно, что оно сказалось даже на рассуждениях Налбандяна о языке.

Налбандян, усиленно изучавший латинский язык (многие лекции на факультете читались по-латыни), использует для пояснения своих мыслей латинскую терминологию.

Изучение биологических дисциплин, несомненно, благотворно повлияло на формирование теоретических воззрений молодого Налбандяна. Прежде всего он пришел к убеждению в необходимости строго научного подхода к изучаемым явлениям, независимо от того, относятся они к закономерностям природы или общества. Так, возмущаясь догматическим восприятием древних историков, он писал: «Но это, быть может, простительно монахам, поскольку историография не их поприще, а мужей светских и политических, какими были историки Греции и Рима и новые — европейские. И монашеская келья — не та обсерватория, где можно было бы, подняв взор, увидеть и познать явления мира»[1]. Избрав для себя «обсерваторию» науки, молодой Налбандян начинает с критики общепризнанных в арменоведении XIX века авторитетов. Он подвергает переоценке труды М. Саллантяна, А. Худобашяна, М. Мсеряна, М. Эмина и других. В этой оценке основным был ответ на вопрос: какую пользу получил народ от этих произведений. Демократичность подобного критерия очевидна и вытекает она

[1] М. Налбандян. Избранные философские и общественно-политические произведения. М., 1954, стр. 68.

непосредственно из общего умонастроения молодого Налбандяна, воспитывавшегося в стенах Московского университета.

Ограничить, однако, влияние русской культуры на формирование мировоззрения Налбандяна лишь университетской аудиторией было бы неправильным,— это влияние было значительно более многогранным. Студент Налбандян с жадностью читал русскую литературу. Его любимыми писателями становятся Пушкин и Лермонтов. Выбор Налбандяна не был случайным — именно Пушкин и Лермонтов, а не Тютчев, которым увлекалась в это время некоторая часть московской молодежи, не Марлинский и не Загоскин. Что же привлекало молодого Налбандяна к этим двум корифеям русской литературы? Об этом можно судить по выбору произведений, который Налбандян сделал для своих переводов на армянский язык. Он переводит «Черкесскую песню» из «Кавказского пленника» Пушкина; из Лермонтова — «Пророк», «Ветку Палестины», «Спор» и др.

По-видимому не случайно Налбандян обратился именно к «Кавказскому пленнику». В этом произведении Пушкина отразились преддекабристские настроения русского общества. Страстный призыв к свободе зазвучал здесь с новой силой поэтического мастерства:

«Свобода! он одной тебя
Еще искал в пустынном мире.
Страстями чувства истребя,
Охолодев к мечтам и к лире,
С волнением песни он внимал,
Одушевленные тобою,
И с верой, пламенной мольбою
Твой гордый идол обнимал»[1].

Обаятельный образ черкешенки, являющийся, по мнению Д. Д. Благого, повторением образа крестьянки Анюты из радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву»[2], преданной до забвения, жертвующей собою во имя любви, вдохновил и Налбандяна.

[1] А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., том IV, М.—Л., 1949, стр. 109—110.

[2] Д. Д. Благой. Творческий путь Пушкина. М.—Л., 1950.

«Кавказский пленник», в котором, наряду с романтическими тенденциями, проявился и реализм Пушкина, поэма, связанная с декабризмом, и была избрана Налбандяном для перевода.

Восприятие Пушкина Налбандяном сказалось не только в переводах, но и, что самое интересное, в оригинальной поэзии студента Налбандяна пятидесятых годов. В традициях эпикурейской лирики раннего Пушкина написано Налбандяном стихотворение «Жизнь».

В свое время высказывалось предположение, что стихотворение Налбандяна «Поэт» было написано в подражание двум пушкинским стихотворениям «Поэт» и «Поэту»[1]. Действительно, мотивы Пушкина отчетливо слышны в этом произведении Налбандяна, однако это отнюдь не простое подражание Пушкину.

Налбандян, говоря о назначении поэта, оценивает роль поэта в обществе с революционно-демократических позиций. Начав с вариации на пушкинское стихотворение, Налбандян приходит к утверждению гражданского призвания поэта, к утверждению, что поэт призван произносить приговор над действительностью: душа поэта — судья мира, утверждает Налбандян. Таким образом, в восприятии Пушкина у Налбандяна нет расхождений с русской революционной демократией. В знаменитом споре о наследии Пушкина, имевшем место в 50-х годах, Налбандян принимает сторону Чернышевского и Добролюбова. Избрав принципиальный вопрос об отношении Пушкина к призванию поэта, вопрос, на основании которого вся школа апологетов чистого искусства (Анненков, Боткин, Фет) пыталась исказить Пушкина, представив его знаменосцем чистого искусства,— Налбандян трактует Пушкина как убежденного сторонника гражданского искусства.

В оригинальных стихах Налбандян горячо призывает поэта к активной политической деятельности, к борьбе. В стихотворении «Дни детства» он пишет:

[1] *Մ. Նալբանդյան. Երկերի լիակատար ժողովածու, հ. 1, էջ 500* (М. Налбандян. Полное собр. соч., т. I, стр. 500).

«Не лира нежная теперь нужна —
В руке бойца неотразимый меч.
Огонь и кровь на голову врага!—
Вот жизни смысл, вот боевая речь»[1].

Однако влияние русской литературы на формирование мировоззрения студента Налбандяна нельзя ограничить авторами начала XIX века. Гораздо большее значение, нежели поэзия Пушкина и Лермонтова, имела для Налбандяна русская революционно-демократическая поэзия, поэзия Огарева, Добролюбова, Курочкина, поэтов «Искры».

Исключительное впечатление на Налбандяна произвело стихотворение Огарева «Свобода», увидевшее свет в «Русском вестнике» в 1856 году. Наиболее ярко это впечатление отразилось в знаменитом стихотворении Налбандяна «Свобода», опубликованном в «Юсисапайле» в 1859 году.

И у Огарева, и у Налбандяна стихотворение построено на настойчивом повторе слова «свобода», в которое авторы вкладывают конкретное революционное содержание.

У Налбандяна:

Когда свободный бог в меня
Вдохнул дыхание человека
И бренному созданью дал
Дар кратковременного века,
Я, бессловесное дитя,
Не зная горя и невзгоды,
Ручонки слабые простер
К видению свободы[2].

У Огарева:

Когда был отроком тихим и нежным,
Когда был юношей страстно мятежным,
И в возрасте зрелом, со старостью смежном—
Всю жизнь мне всё снова, и снова, и снова
Звучало одно неизменное слово:
Свобода, свобода.[3]

Эти два стихотворения Огарева и Налбандяна стали знаменем революционного движения 60-х годов. Если стихотворение Огарева явилось одним из наиболее ярких произведений русской политической поэзии, то не в меньшей, а может быть и в большей мере можно сказать то же о стихотворении Налбандяна, ставшем боевым знаменем армянской революционной демократии.

[1] М. Налбандян. Избранные сочинения. Армгиз, 1941, стр. 30.
[2] Там же, стр. 27.
[3] Н. П. Огарев. Стихотворения, поэмы, том I, 1937, стр. 206.

Русская революционно-демократическая поэзия имела международное значение,— в 50—60-х годах она была передовой и прогрессивной властительницей дум. Эта поэзия явилась подлинной наследницей революционной поэтической мысли европейских стран. Если французская буржуазия отдавала Беранже под суд и после смерти пыталась его вычеркнуть из анналов французской литературы; если немецкие буржуазные филистеры — «христианско-германские ослы» (Маркс) доносами Менцеля пытались бороться с Гейне, а впоследствии сжигали его книги на кострах,— то русская революционная демократия подняла, как знамя, лучшие революционные стихи Беранже и Гейне.

Марксом, Белинским, Чернышевским и Добролюбовым была высказана общая точка зрения на творчество Беранже. Маркс считал Беранже «бессмертным поэтом», Белинский называл его «национальнейшим» поэтом Франции, Чернышевский отмечал большую революционную роль поэзии Беранже, Добролюбов утверждал, что Беранже «всею силою направлялся в одну сторону — к достижению блага народного»[1].

Беранже был созвучен и Налбандяну, который стал первым переводчиком Беранже на армянский язык. Что же привлекало внимание Налбандяна к творчеству французского поэта? Беранже был любимым автором московского студенчества; возможно, что его песни Налбандян слышал среди студентов, однако подлинную славу Беранже в России создали поэты «Искры» и, прежде всего, Курочкин своими высокохудожественными переводами. Выход в свет в 1858 году сборника песен Беранже в переводе Курочкина явился значительным фактором в развитии общественной мысли революционной демократии. Переводы Налбандяна из Беранже свидетельствуют о том, что Налбандяну знакома была эта книга: по-видимому именно текст Курочкина и послужил оригиналом для перевода на армянский язык стихотворений «Нищая» и «Падающие звезды».

[1] См. Ю. Данилин. Беранже и его песни, предисловие к сб-ку: „Пьер-Жан Беранже. Избранные песни. ГИХЛ. М., 1950; И. Ямпольский. Василий Курочкин, вступительная статья к сборнику: В. Курочкин. „Стихотворения", 1949.

Таким образом, русская революционно-демократическая поэзия не только вдохновляла Налбандяна, не только способствовала формированию его революционно-демократического мировоззрения, но и послужила делу приобщения его к революционной поэзии Запада, к творчеству Беранже и Гейне.

Московский университет, русская литература, революционно-демократическая поэзия хотя и сыграли значительную роль в формировании мировоззрения молодого Налбандяна, однако не они имели решающее значение: решающее слово в этом вопросе принадлежало русской революционно-демократической мысли 50-х годов. Налбандян воспитывался прежде всего на сочинениях Белинского, Чернышевского и Добролюбова.

В своем «Слове об армянской письменности» (1854 год) Налбандян следует принципам публицистической критики. Эпиграф к «Слову» — «Познай правду, и правда освободит тебя» — звучит как политический манифест. «Слово» — очень интересный документ с точки зрения формирования мировоззрения Налбандяна. Оно свидетельствует о том, что в 1854 году Налбандян не был еще тем последовательным революционным демократом, каким мы его знаем в конце 50-х и начале 60-х годов. В этом трактате Налбандян дает еще высокую оценку деятельности Лазаревых и, сожалея, что Лазаревы — одиночное явление в армянской действительности, призывает богачей по их примеру служить интересам нации. Но наряду с подобными рассуждениями, как нечто новое и непреоборимое, уже пробивается революционная мысль Налбандяна. Он смело ломает установившуюся вековую традицию, согласно которой лучшим выражением и наивысшим достижением армянской литературы является V век. Налбандян провозглашает идейную и художественную ценность современной ему армянской литературы. Белинский помог Налбандяну правильно поставить вопрос об актуальности армянской литературы XIX века.

Благодаря чтению произведений Белинского, Налбандяну яснее представились предмет и задачи поэзии: недаром он утверждает в «Слове», что источником художественной литературы является политическая жизнь народа. В этом своем произведении Налбандян дает высокую оценку русской культуре, говоря о том, что русский язык и литература являют собой пример, которому должны следовать в своем развитии армянский

язык и литература. Возмущаясь недоступностью для широких народных масс литературы, написанной на древнеармянском языке, Налбандян горячо защищает народный разговорный армянский язык и ратует за то, чтобы писатели творили на языке народа, на языке общедоступном.

Однако только общенародного языка недостаточно, литература должна быть насыщена великими идеями, утверждает Налбандян, приводя в пример русскую литературу: «...душевное удовлетворение, доставляемое читателю русской литературой, имеет источником не только совершенство или богатство языка, но и величие творческой идеи»...[1].

Упоминание имени Гоголя в этом же трактате 54 года очень знаменательно. Налбандян очень живо реагировал на дискуссию, особенно обострившуюся в начале 50-х годов, о направлении и путях развития русской литературы. В противоположность эстетствующим либералам, противникам Белинского (Боткину, Дружинину, Григорьеву, Дудышкину, Фету и др.),— Налбандян, следуя точке зрения Белинского, считал поучительным образцом для армянского читателя именно Гоголя.

В «Слове» в значительной мере отразилась просветительская программа Налбандяна. Очень важно отметить, что основным условием просвещения армянского народа Налбандян считал изучение современного армянского и русского языков. Он утверждал, что русский язык должен преподаваться в армянской школе, что ему должны учиться армянские девушки, перед которыми стоят большие задачи в деле воспитания будущего поколения.

Однако кругозор Налбандяна-студента ни в коей мере нельзя ограничить рамками аудитории, чтением литературы, изучением языков или специальных дисциплин. Налбандяна в эпоху пятидесятых годов остро интересовали политическая жизнь страны, ежечасно вставшие экономические и общественные проблемы,— вопросы насущные для трудящихся масс.

Когда юноша Налбандян приехал в Москву, доктор восточной словесности, профессор Степанос Назарян работал уже в Лазаревском институте в течение четырех лет. Между ними

---

[1] М. Налбандян. Избранные философские и общественно-политические произведения. М., 1954, стр. 115.

пролегали многие годы — Назарян был на 15 лет старше Налбандяна, однако юноша из Нахичевани сразу привлек внимание Назаряна. Он увидел в Налбандяне представителя того нового поколения, в котором было и столько общего и столько отличного от поколения, к которому он принадлежал сам. Общим, сближающим были жажда знаний, стремление к науке. Отличными были настроенность, оценка людей и окружающей действительности. Завязавшаяся дружба явилась началом длительных и сложных отношений. Это была дружба, преисполненная взаимным уважением, деловым сотрудничеством и принципиальными непримиримыми спорами. Налбандян был увлечен редкой эрудицией Назаряна, его мягким юмором. Его забавляла детская раздражительность, с которой Назарян нападал на армянских купцов и богачей, браня их за тупость и нерадивость в делах нации. Но за этой раздражительностью скрывалась искренняя боль за родной народ, скитающийся вдали от родины, рассеянный по миру. Отчасти эта боль и связывала так тесно этих двух одаренных людей. Встреча с Налбандяном имела решающее значение для «Юсисапайла»: Налбандян также пришел к убеждению в необходимости создания передового армянского журнала. Он и сам мечтал о самостоятельном печатном органе, но сознавал, что этого невозможно добиться, ибо, будучи студентом, он не мог получить разрешение на издание журнала. Кандидатура Назаряна в качестве издателя и редактора была находкой. С одной стороны, Назарян был вполне респектабельной и хорошо известной русской общественности фигурой, с другой — он был одним из наиболее прогрессивных армянских деятелей. Налбандян писал к С. Г. Султан-Шаху: «Уже давно я и господин Назарянц имели желание издавать на ашхарабаре армянский журнал, понятный для всех. Однако долгое время это стремление таилось в наших сердцах, различные обстоятельства служили помехами для осуществления этого патриотического дела»[1].

Вместе с Назаряном разделяет Налбандян все трудности по организации и изданию нового журнала. Благодаря общественному подъему, конец пятидесятых годов оказался очень благоприятным временем для создания новых периодических

[1] Մ. Նալբանդյան. Երկերի լիակատար ժողովածու, հ. 4, էջ 38 (М. Налбандян. Полное собр. соч., том IV, стр. 38).

изданий. В это время начали выходить многочисленные русские журналы и газеты. Только с 1856 по 1860 год возникло 147 новых журналов и газет, в том числе такие литературные и общественно-политические издания, как «Русский вестник», «Русское слово», «Русская беседа», «Искра», ряд журналов по экономике сельского хозяйства — «Сельское благоустройство», «Экономический указатель» и многие другие. После Крымской войны правительство не было в состоянии противодействовать волне поднимающегося революционного движения, не могло сдержать все усиливавшуюся политическую активность передовых общественных деятелей.

Назарян удачно использовал благоприятный момент для того, чтобы вновь поставить вопрос об издании армянского журнала. В заявлении на имя Норова он писал: «Потребность литературного посредника для передачи народу плодов современного просвещения повсеместно чувствуется армянами в России, и отсутствие в настоящую пору всякого периодического издания на армянском языке с каждым днем делает более ощутительной эту справедливую потребность»[1].

Поднимая вопрос о журнале, Назарян по горькому опыту с Лазаревым заранее предвидел различного рода затруднения с цензурой. Поэтому, пытаясь убедить Норова в необходимости разрешить издание, он сразу предлагал взять в качестве цензора при Московском цензурном комитете учителя Лазаревского института Егора Суреняна.

К своему заявлению Назарян вновь приложил развернутую программу будущего журнала, в которой нашли свое выражение исповедуемые им просветительские взгляды. Вместе с тем он подчеркивал особую роль России в жизни армянского народа, указывая: «...Армяне, усыновленные Россией, воспитанные под отеческим попечением ее, обогащенные плодами русского просвещения и науки,— армяне, понимая всю святость своих отношений к России,— какую дань признательности могут принести великодушной благотворительнице»[2].

В проекте, представленном Назаряном, перечислялись самые разнообразные вопросы, которые должны были найти освещение на страницах журнала,— среди них вопросы геогра-

[1] ЦГИАЛ, ф. 722, оп. 6, д. 151170, 1856, л. 1 и об.
[2] Там же, лл. 2—3.

фические, исторические, биологические, эстетические, литературные. Сопоставление проекта 1856 года с проектом 1845 года показывает очень большой общественно-политический рост Назаряна за истекшее десятилетие.

Если мы попытаемся проследить развитие взглядов Назаряна хотя бы в аспекте одного вопроса — оценки России и ее культуры, то увидим наглядно, как эволюционировала его точка зрения. В первом проекте 1845 года Назарян не ставил перед собой задачи освещения на страницах журнала роли и значения России в жизни армянского народа[1]. В своем прошении он ссылался на Россию только как на посредницу между Западом и Востоком[2]. В следующем проекте 1854 года Назарян включает в программу журнала пропаганду русской культуры и литературы среди армян.

В проекте, представленном в 1856 году, четко определена ориентация журнала. В пункте втором Назарян писал: «В этом отделе будут сообщаться достопримечательные события в истории человечества, биографические характеристики знаменитых лиц исторических, в особенности героев Отечественной истории, ревнителей русской славы и русского имени»[3].

Проект 1856 года вообще значительно шире по сравнению с предыдущими. Назарян выдвигает в нем задачи уже непосредственно политического характера. Он считает также одной из обязанностей издателей журнала помещение прозаических и поэтических произведений армянской, европейской и русской литературы, одну из главных целей журнала видит в создании армянской критики. Не подлежит сомнению, что в определении задач и программы журнала в 1856 году принимал непосредственное участие М. Налбандян.

Это становится совершенно ясным из статьи М. Налбандяна «О новом журнале на армянском языке», которая была напечатана в журнале «Молва»[4]. В этой статье Налбандян опубликовал и приведенный выше проект «Юсисапайла», направленный Назаряном Норову[5]. По-видимому, проект 1856 года

[1] ЦГИАЛ, ф. 722, оп. 4, д. 148947, 1845, лл. 4—5 об.
[2] Там же, лл. 2—3.
[3] Там же, оп. 6, д. 151170, 1856, лл. 2—3.
[4] К. Н. Григорьян. Неизвестная статья Микаэла Налбандяна, напечатанная в газете „Молва". „Известия АН АрмССР", 1954, май, № 5, стр. 82—83.
[5] ЦГИАЛ, ф. 722, оп. 6, д. 151170, лл. 2—3.

значительно выиграл по сравнению с двумя предыдущими именно благодаря участию в нем Налбандяна. Хотя Налбандян со свойственной ему скромностью все время ссылается на Назаряна, статья «О новом журнале...» является по существу развернутой политической программой. Здесь изложены все те принципы, которые можно было сформулировать в печати в условиях царской цензуры.

Налбандян и Назарян писали о развитии новоармянского языка — ашхарабара, о задачах просвещения нации, о подлинной науке, иначе говоря, это было использованием легальных средств для популяризации демократической, просветительской программы, которая во многом совпадала с программой «Современника» Чернышевского и Добролюбова.

В истории создания «Юсисапайла» особо «почетное» место принадлежит вопросам цензуры. Норов, получив заявление Назаряна, обусловил положительное разрешение вопроса возможностью найти подходящего цензора. С этой целью он обратился с запросом в Московский цензурный комитет. Однако последний не счел возможным поручить цензурование журнала Суреняну, которого предлагал Назарян, мотивируя отвод тем, что только официальное лицо может быть в курсе всех правил и постановлений цензуры[1].

Взволнованный отказом, Назарян был вынужден вновь апеллировать к Норову[2]. Норов, в свою очередь, счел необходимым дополнительно запросить еще и наместника Кавказского о целесообразности и необходимости издания журнала, имея в виду, что основной контингент будущих читателей проживал именно на Кавказе[3].

В ответ на запрос Кавказский наместник — князь Барятинский дал согласие на издание журнала, причем, рассмотрев программу, счел нужным в предполагаемом издании прибавить пятый отдел: «Обозрение главных постановлений правительства и политических событий за каждый истекший месяц»[4]. Не возражало против издания и третье отделение, в лице его начальника князя Долгорукова, который дал согласие на назначение Назаряна редактором «Юсисапайла»[5].

[1] ЦГИАЛ, ф. 722, оп. 6, д. 151170, л. 6 и об.
[2] Там же, л. 5.
[3] Там же, л. 11 и об.
[4] Там же, л. 5.
[5] Там же, л. 19.

Наконец дело об издании «Юсисапайла» было подготовлено, и Норов 17 марта 1857 года доложил о нем Александру II. Последний, ознакомившись с содержанием доклада, наложил следующую резолюцию: «Согласен, если преподаватель, на которого предполагается возложить цензуру, личностью своею заслуживает доверие правительства»[1]. Вновь судьба будущего журнала оказалась в полной зависимости от цензуры.

Ввиду того, что ни Московский, ни Петербургский комитеты не имели в своем штате цензора, знающего армянский язык, Норов предложил поручить цензурование журнала преподавателю Петербургского университета Бероеву с тем, однако, чтобы каждый номер журнала на основании его отзыва подписывался кем-либо из штатных цензоров[2]. Эта обязанность выпала на долю Бекетова, причем, хотя выбор пал на него по-видимому случайно, но исторически он являлся вполне закономерным. Дело в том, что Бекетов принадлежал к числу цензоров, наиболее связанных с революционно-демократической печатью. Он был одним из личных знакомых Некрасова и ему принадлежит цензурное разрешение романа «Что делать». «Это он,— писал В. Евгеньев-Максимов,— в 1856 году разрешил первое издание «Стихотворений Н. Некрасова», за что получил «строжайший выговор»; это он в 1861 году подписал к печати второе издание стихотворений Н. Некрасова, а изданию этой книги, как мы знаем, противились многие влиятельные лица. Среди цензоров Бекетов принадлежал к лицам, не лишенным некоторых либеральных тенденций. Они иногда были способны проявлять, разумеется в очень относительной степени, кое-какое гражданское мужество, в особенности если на них оказывалось воздействие со стороны лиц, расположением которых они дорожили»[3].

Бероеву за цензурование «Юсисапайла» было определено вознаграждение в размере шестисот рублей серебром в год, однако это решение так и осталось на бумаге — «...за неимением свободных на то сумм ни в министерстве народного просвещения, ни в С. Петербургском университете, при коем состоял Бероев адъюнктом, ни у наместника Кавказского, к коему обращался г. Министр народного просвещения по сему предмету»[1].

До сих пор все еще недооценивается та немаловажная роль, которую сыграл Бероев в истории армянской журналистики и культуры XIX века. Несмотря на то, что он обычно оставался в тени, его деятельность в свое время имела очень большое значение. Выше мы пытались показать — какую серьезную и значительную работу вел Бероев в качестве педагога и ученого в Петербургском университете, какая большая нагрузка была у него по цензурному комитету. Ради того, чтобы не задерживались армянские издания, Бероев и тут проявил редкое бескорыстие — неприятную и трудную для него работу цензора он выполнял почти без всякого вознаграждения. Наконец, потеряв однажды терпение, он обратился с протестом к Щербатову. В своем письме Бероев указывал, что он крайне загружен рукописями комитета и что, кроме «Юсисапайла» и многочисленных книг, ему приходится рассматривать и «Литературный сборник». Он с обидой констатировал, что ему не доверяли подписывание журнала, на основании его же отзыва поручая это другому цензору. Бероев писал: «Соображаясь с этим обстоятельством и предвидя ежедневное увеличение журналов и других частных сочинений и переводов на гайканском языке, я уверен, что при таком беспрерывном скоплении дел Главное Управление цензуры не преминет озаботиться, чтобы усилить число г.г. цензоров о назначении, по благоусмотрению своему, одного цензора и для гайканского языка, что весьма необходимо и даже неизбежно; при том же невозможно, чтобы вся строгая ответственность за цензурное рассмотрение была возложена на меня, который должен безотлучно из столицы находиться всегда в готовности для приема журнальных рукописей, а за труды мои будет пользоваться выгодами и наградами другой, т. е. один из членов цензурного комитета, довольствуясь только выставлением на книжках журнала цензурного одобрения, на основании заключений моих, как то объяснено выше и в официальном уведомлении вашего сиятельства»[2].

Министерство просвещения было, естественно, совершенно равнодушно не только к трудам Бероева, но и, прежде всего, к армянским периодическим изданиям. Разрешение на издание «Юсисапайла» было вынужденной уступкой.

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 722, оп. 6, д. 151170, 1856, лл. 20—21 об.

[2] Там же, л. 24 и об.

[3] В. Евгеньев-Максимов. Жизнь и деятельность Некрасова. М., 1952, стр. 259.

[1] ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 1, д. 32, 1866, л. 15.

[2] Там же, ф. 722, оп. 6, д. 151170, 1856, лл. 42 и 44.

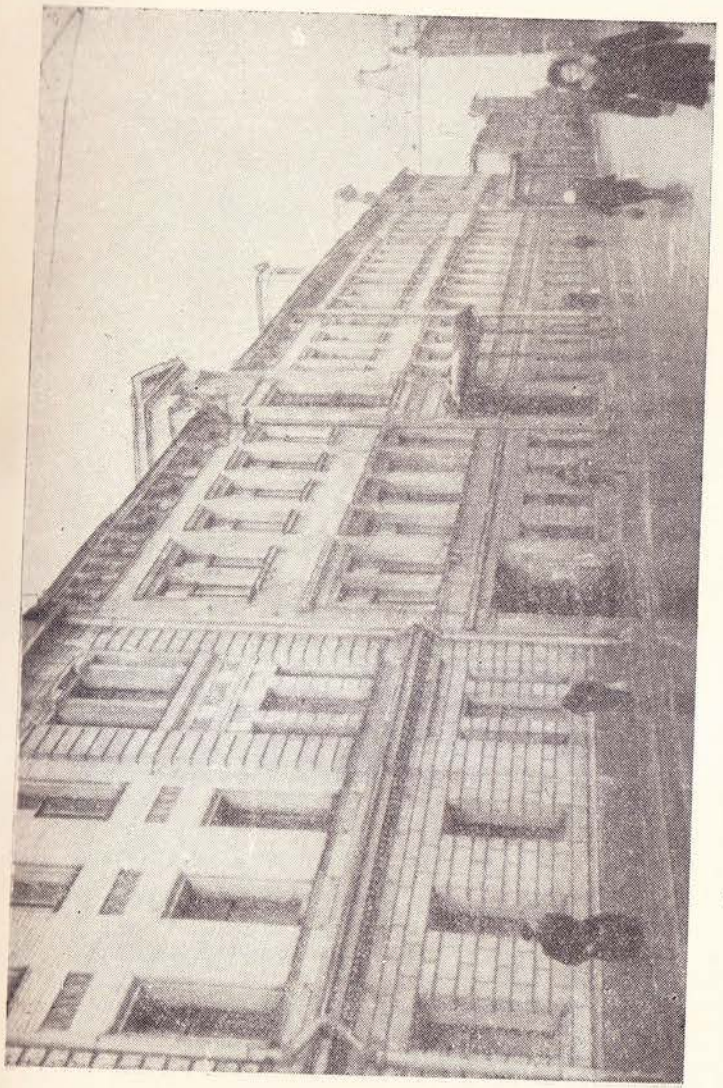
«Юсисапайл» — почему именно так был назван журнал? У нас, к сожалению, не сохранилось каких-либо мемуарных свидетельств по этому вопросу. Только в письме Налбандяна есть ссылка на то, что именно так собираются издатели назвать свой журнал: «...Журнал должен называться «Северное Сияние», это заглавие вместе с виньеткой, изображающей северное сияние, должны печататься ежемесячно на каждом номере»[1],— писал Налбандян. Можно только предполагать, что создатели журнала имели в виду тот великий свет, который несла армянскому народу русская культура: ведь не случайно в первоначальном варианте журнал должен был называться «Россия». Но кроме знамения русской культуры, название журнала имело еще один скрытый политический смысл. До «Юсисапайла» ведь издавалась «Полярная звезда» — об этом не могли не знать Назарян и Налбандян. Начавшая издаваться в 1855 году «Полярная звезда» была прекращена в 1859 году, т. е. через год после выхода в свет первого номера «Юсисапайла». Налбандян, по-видимому, хорошо был знаком с вольной русской печатью, ибо именно по ее примеру собирался он перенести издание «Юсисапайла» за границу. Таким образом, заглавие журнала относит нас не только к декабристам, но и к Герцену, и к русской зарубежной прессе.

С первых же младенческих шагов «Юсисапайла» Назаряну и Налбандяну пришлось столкнуться с очень большими трудностями. Не было достаточной материальной базы, не хватало подписчиков, отсутствовали сотрудники, приходилось исполнять любую, самую неблагодарную техническую работу. Началась упорная, настойчивая борьба за каждый номер журнала, каждую его статью, каждую страницу.

Журнал «Юсисапайл» просуществовал шесть лет — с 1858 по 1864 год. Он отражал наиболее прогрессивное направление армянской общественной мысли, вместе с тем являясь единственной трибуной для легальных подцензурных выступлений армянской революционной демократии.

Одновременно с журналом «Юсисапайл» возник и целый ряд журналов-антагонистов. Большинство из них не только полемизировало с «Юсисапайлом», но и начало вести с ним борь-

[1] *Մ. Նալբանդյան, երկերի լիակատար ժողովածու, հ. 4, էջ 38—39* (М. Налбандян. Полное собр. соч., т. IV, стр. 38—39).

Дом, в котором помещалась редакция „Юсисапайла" в Москве

бу любыми методами и средствами. В том же 1858 году Зармайр Мсерян получил разрешение на издание «Литературного сборника». В дальнейшем он расширил свою издательскую деятельность и с 4 марта 1861 года подписчикам «Литературного сборника» начал рассылать в виде приложения газету «Вестник России». С прекращением «Литературного сборника» Мсерян с мая 1862 года оставил за собой издательские права только на газету. Весьма характерна программа газеты, представленная Мсеряном в цензурный комитет и резко отличавшаяся от той, которая была представлена Налбандяном и Назаряном в связи с изданием «Юсисапайла». Мсерян и не думает говорить о русском народе, его культуре и литературе, ограничиваясь лаконичным изложением содержания основных отделов газеты. Вот, например, как выглядит в его «Программе» отдел известий:

«1. Придворные известия. 2. Указы и распоряжения правительства, касающиеся армян или местностей, в которых они обитают. 3. Внутренние известия. 4. Отечественные известия и выписки из армянских журналов и газет. 5. Иностранные известия, неполитические. 6. Известия об изобретениях. 7. Библиографические известия. 8. Денежный и вексельный курс.»[1].

Эта программа, откровенно ориентировавшаяся на царское правительство, добросовестно осуществлялась Мсеряном. Газета его «прославилась» своей реакционностью и злобной травлей как «Юсисапайла», так и Налбандяна и Назаряна.

Несмотря на поддержку реакционных кругов, этот армянский «официоз» на третьем году прекратил свое существование и был заменен «Журналом для детей». В своем прошении на имя Петербургского цензурного комитета Зармайр Мсерян мотивировал подобное изменение тем, что в Москве не было цензора для армянского языка[2]. В действительности же газета прекратила свое существование по совершенно иной причине,— она очень скоро оказалась без аудитории. Являясь в большей своей части простым перепевом официальной русской печати, она не могла дать армянскому читателю ничего нового по сравнению с тем, что он уже успевал прочитать на русском языке. Поддерживавшие ее реакционные круги также утратили к

[1] ЦГИАЛ, ф. 773, оп. 1, д. 83, 1862, л. 2.
[2] ЦГИАЛ, ф. 755, оп. 1, д. 193, 1864, л. 1.

ней интерес — с прекращением «Юсисапайла», в эпоху разгрома первой революционной ситуации, был снят с порядка дня вопрос о полемике с демократическим направлением в подцензурной печати.

Другой современницей и даже однолеткой «Юсисапайла» явилась «Радуга», издававшаяся с 1858 года Гавриилом Айвазовским в Феодосии на двух языках — армянском и русском[1]. Достаточно одного имени издателя для того, чтобы стало совершенно ясно, что этот журнал был полным антиподом и антагонистом «Юсисапайла». «Радуга» апологетически относилась к самодержавию, восхваляя его наиболее реакционные проявления. В свою очередь и правительство относилось к феодосийской газете с особым, нескрываемым благоволением. «Радуга» была единственным печатным органом, редактору и издателю которого было разрешено быть одновременно и его цензором,— столь безгранично было доверие самодержавия к Айвазовскому. В шестидесятых годах его власть и общественное положение находились в зените. Встретившийся с ним в это время Г. Агаян писал в своих мемуарах: «Он был руководителем, ректором, редактором трех газет, цензором, у него под рукою были богатства Халибова, он завоевал высочайшее покровительство и высокие связи»[2]. К этой характеристике историк может добавить, что он был верноподданным его императорского величества, наводнявшим своими доносами соответствующие инстанции.

Несколько позднее, в 1859 году, в Кавказский цензурный комитет обратился Амбарцум Энфиаджианц с просьбой разрешить ему издавать журнал «Крунк хаец ашхари» («Журавль армянской страны»)[3]. В приложенной к прошению программе Энфиаджианц не намечал какой-либо четкой политической платформы. Он разделял свой журнал на два отдела: Восточный и Европейский. Вот как характеризовал издатель содержание Восточного отдела: «1. В восточном отделе будут помещаться: А) стихотворения и прозаические сочинения, преимущественно характеризующие жизнь армян и других племен восточных, Б) исторические еще никем не изданные документы последних веков, относящиеся до тех же народов, В) описания

[1] ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 3, д. 329, 1866—67, лл. 7—9 и об.

[2] Հ. Աղայան, երկեր. երևան, 1940, հ. 3, էջ 42 (Г. Агаян. Сочинения, Ереван, 1940, том 3, стр. 42).

[3] ЦГИАЛ, ф. 772, оп. 7, д. 152472, лл. 2—3.

сельских, торговых и промышленных занятий армян и прочих соседних племен»[1].

Журнал «Крунк хаец ашхари», начавший издаваться в 1860 году, принадлежал в основном своем направлении к либеральной печати. Он пропагандировал, например, взгляды Назаряна на ашхарабар. Но в ряде случаев редактор, не смущаясь, предоставлял страницы журнала и реакционерам.

Откровенно реакционный характер носила газета «Мегу Айастани» («Пчела Армении»), издававшаяся клерикалом Степаносом Мандиняном. Эта газета развернула ожесточенную борьбу с «Юсисапайлом» и его издателями.

В 1861 году в Петербургский цензурный комитет обратился действительный студент Петербургского университета Рафаэл Патканян с просьбой разрешить ему издавать газету «Юсис» («Север») на армянском языке. Программа газеты, представленная в цензурный комитет, по сравнению с многими другими (за исключением, конечно, «Юсисапайла»), была одной из наиболее прогрессивных. Основным мотивом ее было утверждение той благородной роли, которую сыграла Россия в жизни армянского народа. Патканян писал: «Одним словом, наше периодическое издание должно быть непрерывною похвалою второго моего отечества — России; ибо таким только образом могу воздать благодарность великой России, благотворными плодами которой пользовался и пользуюсь»[2]. Патканян предполагал печатать в своей газете материалы на ашхарабаре, грабаре и русском языке. Он не ставил перед собой широких общественных задач,— программа его была рассчитана на освещение конкретных вопросов. Патканян думал помещать статьи по истории России, описание путешествий, различные сведения по геологии, топографии, статистике, экономике и т. д. «В фельетонном отделе,— писал Патканян,— будут находиться описания семейного быта как русских, так и армян, в виде театральных пиес. Сведения коммерческие и объявления по этой части (но только на армянском языке). Стихотворения, басни и анекдоты»[3].

Хотя газета «Юсис» просуществовала недолго, тем не ме-

[1] ЦГИАЛ, ф. 772, оп. 7, д. 152472, лл. 2—3.

[2] ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 2, д. 90, 1861, л. 1 и об.

[3] Там же, л. 6 и об.

нее ее цензурное дело представляет особый интерес. В этом деле имеется откровенное признание графа Сиверса — почему царское правительство не возражало против развития армянской журналистики и за сравнительно короткий срок дало разрешение на целый ряд периодических изданий (с 1858 года по 1866 год было выдано по цензурному комитету свыше десяти разрешений на армянскую периодическую печать).

Выше мы стремились показать, что развитие армянской журналистики шестидесятых годов было связано с революционной ситуацией и общественным подъемом в России. Это положение безусловно справедливо, в особенности в отношении демократической печати. Однако им не исчерпывается вопрос.

В политике цензурного комитета в отношении армянской печати немаловажную роль играли условия международной обстановки шестидесятых годов и задачи внешней политики. Александр II оставался верен традиционной политике в отношении армян, политике, представлявшей Россию в качестве «покровительницы» угнетенных христианских народов Востока. Одновременно правительство было заинтересовано и в расширении своего влияния на армян, проживавших за рубежом.

Граф Сиверс прямо указывал на эти внешнеполитические задачи в связи с обсуждением вопроса о выдаче Патканяну разрешения на издание газеты «Юсис»: «...Имею честь уведомить ваше превосходительство, что со стороны Департамента духовных дел иностранных исповеданий не встречается препятствия к разрешению коллежскому секретарю Патканяну издавать армянскую газету по представленной им программе, и что вообще, по моему мнению, было бы весьма полезно размножение у нас армянских изданий, в тех видах, что при постоянном увеличении потребности в книгах и газетах между армянами вообще и турецкими в особенности, как это видно из количества издающихся в Турции армянских периодических изданий, желательно было бы, чтобы эта потребность удовлетворялась изданиями, выходящими в России, что может способствовать сближению заграничных армян с Россиею и установлению нравственного влияния на них нашей цивилизации; затруднение же армянских изданий у нас может, напротив, побудить наших армян обратиться к заграничным изданиям»[1].

[1] ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 2, д. 90, 1861, л. 6 и об.

Вот почему главное управление цензуры в большинстве случаев удовлетворяло просьбы о разрешении тех или иных периодических изданий, особенно протежируя, конечно, реакционной печати. В результате мы наблюдаем усиление печати, являвшейся рупором армянских реакционеров и клерикалов. Этому мутному потоку реакции противостояла несгибаемая воля Налбандяна и Назаряна. Героический труд этих двух самоотверженных людей побеждал любые препятствия, и с полным правом Налбандян писал в письме к Айрапетяну: «Мы вдвоем несем всю тяжесть этой огромной работы»[1]. И далее: «Вы отлично знаете, насколько полезен «Юсисапайл» нашему народу; следовательно, как мы приносим в жертву этому делу дни и ночи наш покой и нашу жизнь, так и Вы, как замечательный член нашей нации и брат нашего правдолюбивого содружества, проповедующего истину, должны взять на себя тяжесть заботы о журнале»[2].

В истории армянской печати и в особенности в оценке ведущих ее деятелей было совершено немало ошибок, высказано немало предвзятых точек зрения (подробный историографический обзор вопроса дан в работе А. Б. Кариняна[3]). Это особенно справедливо в отношении эпохи шестидесятых годов. Некоторые авторы (Зарбаналян, Манвелян, Лео и др.), говоря об этом бурном и сложном периоде, замалчивали наиболее существенные вопросы в жизни и деятельности армянских шестидесятников — вопросы формирования мировоззрения, политической ориентации и того огромного благотворного влияния, которое имела на них передовая русская культура.

Эти вопросы были подняты армянским советским литературоведением, которое неоспоримыми фактами показало роль русской передовой культуры в развитии армянской общественной жизни шестидесятых годов. И действительно, формирование мировоззрения Налбандяна, Назаряна и других армянских деятелей-шестидесятников в значительной мере предо-

[1] М. Налбандян. Избранные философские и общественно-политические произведения. Госполитиздат, 1954, стр. 621.

[2] Там же.

[3] Ա. Բ. Կարինյան. Ակնարկներ հայ պարբերական մամուլի պատմության. հ. I, Երևան, 1956, էջ 7—47 (А. Б. Каринян. Очерки истории армянской журналистики, том I, Ереван, 1956, стр. 7—47).

пределило их последующую общественно-политическую деятельность, предопределило и пути развития армянской печати. На этих путях воздвигала подчас неодолимые преграды цензура, рьяно охранявшая интересы господствующих классов. Номинально она и была хозяйкой в большом доме русской печати, однако именно номинально, ибо если мы сравним силу идеологического воздействия цензуры с влиянием передовой демократической подцензурной и бесцензурной печати, то увидим, что в эпоху революционной ситуации шестидесятых годов передовая печать оказалась сильнее цензурных установлений, которые были неспособны замуровать мощный, животворный источник революционной мысли.

ГЛАВА IV

ЖУРНАЛ «ЮСИСАПАЙЛ» И ТРАДИЦИИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПЕЧАТИ

Влияние русской революционной и демократической печати особенно отчетливо сказалось на развитии журналистики народов, населявших Россию. Большое значение для передовой армянской печати имела русская вольная пресса. Особенно велико было значение «Колокола».

«Колокол» был на положении привилегированном по сравнению с русской подцензурной печатью — о целом ряде вопросов, о которых последней приходилось говорить эзоповским языком, «Колокол» мог вещать во весь голос. К числу таких вопросов относился национальный вопрос и, в частности, польский вопрос, получивший в связи с восстанием 1862 года особенную остроту. Программа по национальному вопросу была отчетливо сформулирована Искандером. «Везде, во всем, всегда быть со стороны воли — против насилия, со стороны разума — против предрассудков,— писал А. И. Герцен,— со стороны науки — против изуверства, со стороны развивающихся народов — против отстающих правительств»[1].

Быть всегда на стороне развивающихся народов,— этот принцип свято исповедывался «Колоколом». Высказываясь по поводу польского вопроса, Герцен писал: «Польша, как Италия, как Венгрия имеет неотъемлемое полное право на государственное существование, независимое от России. Желаем ли мы, чтобы свободная Польша отторглась от свободной России, — это другой вопрос. Нет, мы этого не желаем и можно ли этого желать в то время, как исключительные национальности, как

[1] „Колокол", 1857, № 1.

международные вражды составляют одну из главных плотин, удерживающих общечеловеческое свободное развитие»[1]. Аналогичные высказывания на страницах «Колокола» мы встречаем и по поводу других народов.

Н. Огарев в своем «Ответе на ответ Великоруссу» прямо говорит, что задачи революционного движения в равной степени стоят перед всеми народами России. Он писал: «От Урала до Вислы, от Архангельска до Одессы — империя представляет различные племена, с своими местными потребностями, с своими местными условиями, связанные вместе одинаким рабством, и, следственно, одною внутреннею необходимостью освобождения, связанные сверх того родством породы, взаимной выгодой рынков и одинакими путями сбыта произведений через Балтику и Черное море, Сибирь и Каспий, и к западу через Польшу»[2] .

С каким вниманием следил «Колокол» за национальными движениями свидетельствуют, например, его отклики на движения в различных странах. Наконец, «Колокол» был трибуною Гарибальди, который на его страницах в следующих выражениях провозглашал принцип дружбы народов: «Предрассудками национальности и религии всегда пользовались власти для своих видов, ими они отравляли дружескую связь народов»[3]. Сейчас вряд ли есть необходимость в доказательстве того, что те, кто вершил судьбы передовой армянской печати и, в частности, Налбандян и Назарян, были прекрасно в курсе всего, что печаталось в «Колоколе». Более того, где, как не в «Колоколе», мог прочитать Налбандян «Письмо Русского человека», которое получило новое звучание на страницах «Земледелия»? В руках Налбандяна был несомненно знаменитый 64 номер «Колокола» либо в Петербурге, либо в Лондоне, куда он прибыл в январе 1861 года по свежим следам всей той истории, которая разыгралась вокруг «Письма».

Таким образом, другая русская культура, противоположная той, которую охраняла царская цензура, имела могучее влияние на армянскую печать шестидесятых годов. Это была

[1] „Колокол", 1859, № 34.
[2] Там же, 1861, № 108.
[3] Там же, 1864, № 178.

культура Герцена и Огарева, Чернышевского и Добролюбова, «Колокола» и «Современника».

Следуя традициям «Полярной звезды», «Колокола» и «Современника», наиболее передовой и прогрессивный армянский журнал шестидесятых годов — «Юсисапайл» — поднимал острые, волнующие вопросы современности. Положение армянского народа, национальный вопрос и, в особенности, вопросы культуры, языка, литературы не сходили со страниц журнала. Боевая актуальность была качеством, типичным для «Юсисапайла».

Высокая идейность характеризует этот журнал. «Юсисапайл» был единственной подцензурной трибуной для революционно-демократической публицистики. Он ориентировался на нового читателя. И этот читатель был представителем той пробуждающейся армянской общественности, которую никак не могли удовлетворить существовавшие нормы и которая искала ответа на волнующие «проклятые вопросы» на страницах «Юсисапайла».

Говоря о шестидесятых годах, Ленин всегда подчеркивал, что основным вопросом этого периода был вопрос крепостного права и что, в зависимости от его разрешения, определялась политическая направленность того или иного общественного течения. Вопрос крепостного права, положения крестьянства — в конечном счете положения народа, был решающим и для армян. Естественно, этот вопрос для армянской действительности был значительно осложнен в силу того, что Армения входила в состав трех государств и, кроме того, сыны ее были рассеяны по всему свету, образуя довольно многочисленные колонии в самых различных странах мира.

Думать о судьбах родного народа, бороться за его благополучие могли только люди, для которых общественные задачи были всегда выше личных устремлений; поэтому, естественно, и «Юсисапайл» прежде всего призывал к пробуждению гражданского сознания. Если мы вспомним знаменитый завет Некрасова: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан», то совершенно в унисон прозвучит призыв на страницах первого номера «Юсисапайла», в котором, обращаясь к армянам, Назарян писал: «В этот торжественный вечер кануна Нового года пусть каждый сознательный армянин, положа ру-

ку на сердце, держит ответ перед Родиной»[1]. С еще большей силой, используя трибуну «Юсисапайла», взывал Налбандян к гражданскому сознанию и гражданской совести соотечественников, причем наиболее ярким выражением этого призыва, наряду с публицистикой, явилось его знаменитое стихотворение «Свобода». Однако Налбандян и Назарян вкладывали различный смысл в этот призыв к гражданственности.

Назарян обращался не столько к народу, сколько ко всем сословиям без различия. Он считал в одинаковой мере ответственными перед нацией и богача, и ученого, и бедняка. Налбандян же понимал, что апеллировать к Халибовым, Лазаревым или Айвазовским — дело не только тщетное и бесполезное, но и прямо опасное. Налбандян утверждал: «Тот человек, который любит свою нацию, который посвящает свою личность нравственному служению ей, обязан служить не богатеям, а простому народу»[2].

Таким образом, принцип, столь ярко сформулированный Некрасовым — боевой призыв шестидесятых годов,— у Назаряна приобрел созерцательно-абстрактный характер, а у Налбандяна превратился в призыв к борьбе.

Если центральным вопросом, занимавшим деятелей шестидесятых годов, был вопрос крепостного права, то тем труднее было о нем говорить в подцензурной печати, и тем более щекотливым было в этом отношении положение «Юсисапайла». Цензурные запреты и преследования вынуждали издателей и одновременно основных сотрудников — Налбандяна и Назаряна — подходить с большой осторожностью к постановке тех или иных вопросов государственного значения. И, естественно, Налбандян предпочитал высказать свое мнение в бесцензурной заграничной печати, которая явилась своего рода продолжением «Юсисапайла».

Обычно «Земледелие» не связывают с «Юсисапайлом», а между тем они не только тесно связаны,— зарубежная публицистика Налбандяна является по сути страницами «Юсисапайла», которые не могли быть опубликованы в России.

[1] *Մ. Նազարյան. երկեր, հ. 1, Թիֆլիս, 1913* (С. Назарян. Сочинения, том 1, Тифлис, 1913, стр. 3).

[2] *«Հիւսիսափայլ», 1860, № 5, էջ 379* („Юсисапайл", 1860, № 5, стр. 379).

Таким образом, вопросы крепостного права, реформы 1861 года и ее оценки перешли из компетенции «Юсисапайла» в парижское издание трактата Симеона Маникяна. Остальные темы на страницах журнала носили скорей просветительный и культурно-литературный характер.

Для армянской действительности шестидесятых годов одним из наиболее животрепещущих вопросов был вопрос формирования национального языка. Этот вопрос упирался, в конечном итоге, в вопрос формирования и созидания национальной культуры. Невозможность существования нации без языка встала с угрожающей отчетливостью перед деятелями шестидесятых годов. С одной стороны, наличие разговорного армянского языка, но языка без литературной традиции, без научной терминологии, с другой — наличие древнего языка с большой литературной традицией, но отмершего и непригодного к дальнейшему развитию, создавало глубокую пропасть между народом и его национальной культурой.

В решении этого вопроса предельно отчетливо проявились патриотические чувства Налбандяна и Назаряна. Совершенно напрасно пытались некоторые обвинить Назаряна в космополитизме. Космополитами по настоящему в армянской среде были всякого рода толстосумы, и это прекрасно понимал в свое время Налбандян. Не случайно, говоря о «Юсисапайле», Налбандян писал: «Только Лазаревы, как враги национального просвещения, готовы в любую минуту, если бы могли, прихлопнуть нас, но, бог милостив, все образуется»[1].

Космополитичной была армянская буржуазия, для которой в конечном итоге было совершенно безразлично, делать ли рубли, доллары или франки. Но армянским революционным демократам и просветителям космополитизм был органически чужд.

Для революционных демократов вопрос языка был не только вопросом развития национальной культуры,— нет, это был один из наиболее острых политических вопросов, и именно поэтому он находился в центре внимания «Юсисапайла»[2]. В отли-

[1] М. Налбандян. Избранные философские и общественно-политические произведения. М., 1954, стр. 624.

[2] По вопросу о языке „Юсисапайла" см. *Գ. Սևակ. Ժամանակակից հայերենի համառոտ պատմություն, Երևան, 1948* (Г. Севак. Краткая история современного армянского языка. Ереван, 1948); *Ա. Ս. Մարգարյան. Մ. Նալբանդյանի լեզվափիլիսոփայական հայացքները. Թեկնածուական դիսեր-*

чие от русской революционной демократии, армянским революционным демократам пришлось решать вопрос, который для русской действительности уже был решен. В начале века ожесточенная полемика между карамзинистами, шишковистами и представителями «Вольного общества» отразила насущные задачи в развитии русского языка, разрешенные в конечном итоге в творчестве Пушкина. Аналогичная полемика спустя полстолетия имела место в армянской действительности. Поэтому вопросы языка были для Налбандяна и деятелей шестидесятых годов не только и не столько теоретическими вопросами, сколько вопросом возможности массовой пропаганды революционно-демократического мировоззрения. Преимущество армянских революционеров-демократов и, в частности, Налбандяна заключалось в том, что они могли уже опереться на опыт и труды русской революционной демократии. Одной из важнейших задач армянской революционной демократии было, идя по стопам Абовяна, создать средство непосредственного общения с народом, обеспечить народу сохранение и развитие его культуры, иначе говоря, создать единый общенациональный язык — ашхарабар. Эта великая задача выпала прежде всего на долю «Юсисапайла» и тех демократических подцензурных и бесцензурных изданий, которые публиковались параллельно с ним.

На страницах «Юсисапайла», основываясь на достижениях русского и европейского востоковедения, Назарян и Налбандян разработали теорию происхождения армянского языка. В противовес широко распространенным клерикальным сказкам о том, якобы армянский язык — это «язык Ноя», «Юсисапайл» рассматривал армянский язык как одну из ветвей индоевропейской группы. И Назарян, и Налбандян считали, что новый армянский язык должен обогащаться из народных источников, а также за счет русского и других европейских языков.

Однако и в этом, как и в целом ряде других вопросов, между Налбандяном и Назаряном имелись серьезные расхождения, начинавшиеся уже с оценки роли грабара в обогащении новоармянского языка. Назарян считал, что многое из грабара

ատգիա. Երևան, Պետ. համալսարան, 1953 (А. С. Маркарян. Лингвистические воззрения Микаэла Налбандяна. Кандидатская диссертация [рукопись]. Ереван, Госунт, 1953); Х. С. Саркисян. Микаэл Налбандян и вопросы языка. Ереван, 1955.

должно быть воскрешено и перенесено в современный армянский язык. Налбандян же, возражая Назаряну, писал: «Нельзя развивать язык, рабски подчиняясь духу или влиянию древнего языка, ибо современные армяне живут в иных исторических и естественных условиях, нежели те армяне, которые некогда говорили на древнем языке... Иначе говоря, структура или облик нового языка имеет такие же исторические и естественные основания, какие имела структура и облик древнего языка»[1]. Борясь за утверждение ашхарабара, стремясь покончить с его рабской зависимостью от грабара, Налбандян ориентировался на историю развития русского языка. «Если нам нехватает терпенья обратить взоры на Западную Европу, — близок к нам русский народ, и мы можем без всякого труда исследовать и изучить историю обновления его языка и освобождения от старославянских пут в XIX веке»[2],— писал он. Это очень интересное признание свидетельствует о том, что в рассмотрении и изучении общественных вопросов Налбандян имел в виду прежде всего исторический опыт русского народа и русской культуры.

Изучая «Юсисапайл» в его сходствах и различиях с русской периодической печатью, необходимо особо отметить критику клерикализма на его страницах. В силу исторических условий этот вопрос занимал на страницах «Юсисапайла» гораздо большее место, нежели на страницах русской печати. Эта критика с особой силой представлена в публицистике Налбандяна. Он считал крайне важным разоблачение не только непосредственных политических врагов, таких, как Айвазовский или католикос Нерсес, но и реакционного духовенства, врага прогресса и просвещения; особое возмущение вызывала у него армянская католическая конгрегация мхитаристов.

На страницах «Юсисапайла» поднимались многочисленные и сложные вопросы[3].

[1] М. Налбандян. Избранные философские и общественно-политические произведения, стр. 556.

[2] Там же, стр. 109.

[3] См. *Մ. Մխիթարյան. «Հյուսիսափայլ» ամսագիրը. Թեկնածուական դիսերտացիա, Երևան, Պետ. համալսարան, 1954* (М. Мхитарян. Журнал „Юсисапайл". Кандидатская диссертация [рукопись]. Госунт, Ереван, 1951).

Впервые в армянской литературе на страницах «Юсисапайла» были провозглашены принципы публицистической критики, в отношении которой журнал последовательно развивал традиции Белинского и Чернышевского. В период работы в «Юсисапайле» Налбандян продолжает эти традиции в трактовке вопросов армянской эстетики и литературной критики. Искусство и литература являются отражением действительности,— развивает основную мысль своей материалистической эстетики Налбандян. На страницах журнала Налбандян показывает, какую исключительной важности общественную функцию осуществляет литература. Он пишет: «Литература — это дневник, некое вместилище, где сосредоточиваются завоевания человеческого разума, творения человеческой души; и можно ли допустить, чтобы народ, не имея литературы, дерзал думать, что он находится в ряду просвещенных народов на земле или его существование имело какой-либо смысл в истории человечества?»[1].

Литературной критике журнал придавал не меньшее значение, нежели литературе. Состоянием критики определяется культура и просвещение народа,— читаем мы на его страницах. Налбандян развивает тезис Чернышевского о том, что искусство является приговором над действительностью. С этой точки зрения рассматривает он задачи критики: «Да, критика,— пишет он,— святой и нелицеприятный суд, такой суд, перед которым равны друг и враг; критика, как беспристрастный судья, разбирает достоинства и недостатки какого-либо труда. Она со всей основательностью разбирается в деле, определяет его цель и решает,— в какой мере и в каких пределах автор выполнил свой долг»[2].

Мы видим, что «Юсисапайл» действительно был литературной трибуной армянской революционной демократии. Воспитанный на взглядах русской революционной демократии, Налбандян творчески переосмыслил эти взгляды на конкретных примерах армянской литературы, решая основные вопросы о путях ее развития.

Не случайно называли его «армянским Добролюбовым»,—

[1] М. Налбандян. Избранные философские и общественно-политические произведения, стр. 133.

[2] Там же, стр. 131.

газета «Обзор» в 1878 г., касаясь деятельности «Юсисапайла», писала: «Нельзя не упомянуть здесь об одном из его талантливых и дельных сотрудников, о покойном Налбандяне, этом армянском Добролюбове; произведения его бойкого пера читались раньше всех статей «Северного Сияния»[1].

Основным направлением «Юсисапайла» было просветительство, убежденными сторонниками которого были и Налбандян, и Назарян. Журнал выступал с расширенной программой просвещения армянского народа. В этой программе Налбандян утверждал, что просвещение народа должно иметь решающее значение в деле его освобождения. Это просвещение Налбандян и Назарян мыслили не только при посредстве печати, литературы и критики, но и путем создания культурных, хорошо организованных школ и других педагогических учреждений.

По вопросам организации армянских школ на страницах «Юсисапайла», помимо его руководителей, выступали и многие армянские деятели, и среди них Эзов, Каджберуни и др.

Интерес к вопросам школьного и семейного воспитания не был случайным,— он объяснялся не только сугубо национальными задачами, но и тем, что эти вопросы были одними из наиболее актуальных в русской журналистике и публицистике шестидесятых годов. По этим вопросам выступали не только революционные демократы, но и крупные общественные деятели иных направлений. Вспомним, как увлекался вопросами организации педагогического процесса Лев Николаевич Толстой, специально изучавший во время своих заграничных поездок постановку школьного дела во Франции и Германии, и какой острой критике подверг он методы немецких педагогов. Созданная в эти годы Ясснополянская школа была передовым, экспериментальным педагогическим учреждением в России.

Какие же требования выдвигал «Юсисапайл» в области воспитания и образования? Прежде всего, выдвигалось требование создания вместо церковно-приходской школы нормальной средней школы, где преподавание осуществлялось бы в основном на армянском языке, но где одновременно изучались бы

[1] См. Г. Овнан. Н. А. Добролюбов и армянская литературно-общественная мысль. „Коммунист", 1956, № 31.

и русский язык, русская история, география и литература, а также иностранные языки. Одновременно утверждалась необходимость женского образования, что для женщины-армянки того времени было равносильно революционному перевороту.

В связи с выдвинутыми требованиями закономерно поднимались вопросы подготовки педагогических кадров, написания и напечатания учебников, вставал вопрос о взаимоотношениях школы и церкви. Назарян придавал большое значение преподаванию религии в школе, для чего считал необходимым готовить «просвещенных духовных пастырей». Налбандян же выдвигал на первый план задачу организации народной школы и требовал разграничения религиозного и светского воспитания.

Широко дебатировался на страницах журнала и женский вопрос[1]. Как и вопросы просвещения и образования, он вызвал оживленный интерес не только потому, что женщина-армянка была в особенно тяжелом и бесправном положении, но и потому, что это был один из боевых вопросов всей русской прессы шестидесятых годов. По этому вопросу высказывались журналы самых различных толков и направлений. К этому же периоду относится движение феминисток, буржуазное по своему содержанию, но успевшее завербовать большое число последовательниц, среди которых была и армянская писательница Тюсаб. Вопрос эмансипации женщин, как известно, ставился в целом ряде художественных призведений,— вспомним романы Чернышевского «Что делать», Тургенева «Отцы и дети», комедию Толстого «Зараженное семейство». Женский вопрос, как впрочем и другие вопросы шестидесятых годов, обсуждался очень горячо. В процессе обсуждения, несмотря на большое число политических оттенков, четко выделялись два направления: революционно-демократическое и либерально-реакционное. Вера Павловна и Евдоксия Кукшина — вот две наиболее ярких представительницы этих направлений.

В армянской периодической печати «Юсисапайл» был единственным органом, откликнувшимся на эту полемику. Другие издания предпочитали отделываться молчанием. В ста-

[1] См. *Աշ. Հովհաննիսյան. Նալբանդյանը և նրա ժամանակը. Երևան, 1955, գիրք 1* (Аш. Иоаннисян. Налбандян и его время, кн. 1, Ереван, 1955).

тьях и высказываниях Назаряна этот вопрос ставился довольно скромно, даже робко. Его пожелания сводились к тому, чтобы женщинам-армянкам была дана возможность получить воспитание и образование для того, чтобы стать культурными женами и матерями. Налбандян в своих «Дневниках» высказывал искреннее сожаление о том безотрадном положении, в котором находилась армянская женщина. Он желал ей свободы и образования, сокрушаясь по поводу того, что подавляющему большинству армянок приходится вести жизнь затворниц.

В свое время Лев Николаевич Толстой в письме к Некрасову отмечал, какую огромную роль в развитии литературы призван сыграть на Руси хороший, толковый редактор. Это было вполне справедливо не только для русской, но, может быть, в еще большей мере для армянской литературы. Действительно, и Назарян как редактор и Налбандян как ведущий сотрудник журнала сыграли исключительную роль в развитии армянской печати. Назарян оказался тем разумным и толковым редактором, одаренным при этом необычайной трудоспособностью, который был так нужен передовому армянскому журналу. Налбандян же был тем Spiritus movens, тем духом движения, духом животворящим, который превращал журнал в волнующую эпопею современности.

На страницах «Юсисапайла» возникла и развилась политическая поэзия, отражавшая передовые, прогрессивные настроения; появилась проза, знаменем для которой было гоголевское направление в литературе; появились переводы, знакомившие читателей с лучшими образцами русской и мировой литературы. Вокруг журнала формируется целая группа молодых поэтов, прозаиков, переводчиков: Г. Тер-Ованнисян, М. Садатян, С. Шахазиз, Г. Бархударян, О. Кучубекян и др.

Ведущую роль в этом бурном развитии художественной литературы играл, конечно, Налбандян. На страницах «Юсисапайла» были опубликованы такие шедевры армянской поэзии, как «Свобода», «Песня итальянской девушки», такие достижения ее прозы, как «Вызов духов» и «Дневники», такие высокие образцы переводческого мастерства, как перевод «Демона», выполненный Садатяном.

Сатирические произведения Налбандяна на страницах «Юсисапайла» являлись своеобразной перекличкой с русской

сатирической журналистикой шестидесятых годов и, в частности, со «Свистком». Сатира широко использовалась армянскими просветителями и демократами в политической борьбе.

Если «Колокол» и «Полярная звезда» имели несомненное и большое значение для «Юсисапайла», в особенности на первых порах его развития, то не менее, а может быть и еще более важную роль в жизни «Юсисапайла» сыграл «Современник». Близкими были политические линии обоих журналов, их идейное содержание, тематический круг вопросов, выдвигаемые задачи, роль в развитии литературы. По-видимому редакция и сотрудники «Юсисапайла» внимательно следили за «Современником». Это подтверждается не только идейной общностью обоих журналов, но и переводами статей, которые печатались в «Современнике». Упомянем, например, перевод пьесы Федорова «Воспитатели», опубликованной в пятом номере «Современника» за 1858 год, выполненный Ананием Султан-Шахом, или переведенную М. Грачия из «Современника» статью «Жизнь Гарибальди» и т. д. Все это только подтверждает ту огромную международную роль, которую сыграл «Современник» как трибуна русской революционной демократии.

Укажем еще одно принципиальное сходство между «Современником» и «Юсисапайлом». Говоря о «Современнике», всегда строго отграничивают «Современник» при Чернышевском и Добролюбове от журнала в другие периоды его существования. То же совершенно справедливо и в отношении «Юсисапайла»,— следует особо выделять «Юсисапайл» того периода, когда одним из его непосредственных сотрудников и вдохновителей был Налбандян. С 1861 года Налбандян, занятый революционно-организационной работой и заграничными поездками, не имел возможности систематически участвовать в издании журнала. Он продолжает горячо интересоваться его судьбой, запрашивает о журнале во всех своих письмах, но творческое участие его становится значительно меньше, от чего журнал, несомненно, проигрывает.

Арест и ссылка лишили Налбандяна возможности и в дальнейшем играть руководящую роль в журнале. Однако и за этот короткий срок — с 1858 по 1862 год — журнал все же успел выполнить свою историческую миссию. Он был той трибуной, с которой прозвучали просветительские идеи, он завоевал нового

прогрессивного читателя, подготовил к восприятию революционных принципов целое поколение армянской молодежи.

Журнал явился проводником идей русской революционной демократии в армянской общественной жизни. Он был непосредственно связан с Московским университетом, его основные сотрудники — Налбандян, Тер-Ованнисян, Султан-Шах, Берберян, Амаспюр, Степанэ — были студентами этого университета. «Юсисапайл» оставил неизгладимый след в истории развития армянской общественной мысли второй половины XIX века.

Жизнь в редакции «Юсисапайла» протекала в непрерывной борьбе. Враги прекрасно отдавали себе отчет в огромной политической и общественной роли журнала. «Юсисапайлу» пришлось защищаться, с одной стороны, от наступления армянской реакции, с другой — от преследований цензуры. Особенно напряженное положение создалось в 1861 году, когда Эчмиадзинский синод обратился к Кавказскому цензурному комитету с просьбой запретить издание журнала «Юсисапайл». Эчмиадзинские мракобесы мотивировали свое требование антирелигиозным направлением журнала, тем, что журнал «противен догматам армянской церкви»[1].

Поводом к открытому выступлению послужил десятый номер «Юсисапайла», в котором была напечатана статья Назаряна «Взгляды Мендельсона, Лессинга и Лаватера на религию». Особенно предосудительными были признаны страницы 312 и 313 «по неприличным и резким отзывам об армянском духовенстве». Эчмиадзинский синод потребовал наложения ареста и изъятия десятого номера, а также запрещения журнала вообще.

Назаряну пришлось защищаться перед цензурным комитетом. В обширной объяснительной записке он утверждал, что «основной задачей журнала являлось сближение армян с Россией. «Северное Сияние» со дня его появления служило одним умственно-нравственным целям: сближению армян с образованием и цивилизациею современной России, введению их в круг просвещенной русской мысли и здравого воззрения на вопросы общественной жизни. «Северное Сияние» должно было само себе противоречить, допуская что-нибудь предосудитель-

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 157, д. 111, 1856, лл. 11—12.

ное для благих видов Русского Правительства касательно армян[1]»,— писал он. Далее Назарян пытался раскрыть подоплеку нападок со стороны Эчмиадзинского синода, указывая, что все дело против «Северного Сияния» организовано армянскими реакционерами и, в частности, Черкизянцем. «Черкизянц,— писал Назарян,— на плечах невежества и безграмотности нашего народа исчерпал все средства своей злобной изобретательности, чтобы заподозрить меня в глазах моих соотечественников, чтобы подорвать всю мою репутацию среди армян; чего не удалось ему логическими аргументами, того старается он достигнуть безнравственным путем доноса и насилия; вызывают против меня фанатизм народа, провозглашают меня лютеранином, проповедывающим в народе лютеранизм, потерянным сыном армянской церкви»[2]. Назарян убедительно разоблачал реакционеров и затеянную ими борьбу против «Юсисапайла». В заключение он с горечью признается: «Ни одной розы я не рвал на литературном поприще, но много перенес сердечного горя»[3].

Во имя спасения этого номера журнала группа армян из Петербурга направила 21 августа 1861 года прошение католикосу Матевосу с просьбой отменить его указание епархиальным начальникам, согласно которому предписывалось собрать по епархиям и изъять десятый номер «Юсисапайла» за 1860 год[4].

Сохранилось любопытное примечание к русскому переводу этого прошения. Неизвестный автор писал: «Следует иметь в виду, что своеобразный язык текста этого прошения прямо выдает автора его, а именно самого Назаряна, испытавшего не мало горя в журнальной деятельности»[5]. Был ли автором текста Назарян, или кто другой, очевидно одно,— что целью обращения являлась поддержка «Юсисапайла» в его борьбе с мракобесами.

Вторично вопрос о запрещении «Юсисапайла» был поднят Эчмиадзинским синодом в 1862 году. Синод заново подверг обсуждению книги Назаряна и журнал «Юсисапайл». В результате был составлен проскрипционный перечень высказываний Назаряна, который был переведен на русский язык и направлен в цензурный комитет для рассмотрения его на основании цензурного устава. Основные обвинения Назаряна шли по линии отрицания им армяно-григорианской церкви, религии вообще и пропаганды материализма, но были и вопросы гражданского характера; так, в пункте № 6 излагались «одиозные» взгляды Назаряна на брак и семейную жизнь.

Члены Эчмиадзинского синода приводили цитату из высказываний Назаряна «Брак должно расторгнуть, если продолжение оного бывает затруднительным для супругов» (в «Школе религии», стр. 56) и патетически вопрошали: «Согласно ли это с церковными и гражданскими законами?»[1].

Вторичное обращение Эчмиадзинского синода было вновь рассмотрено цензурным комитетом, однако дело против Назаряна было сфабриковано так грубо, что цензурный комитет не смог им воспользоваться для запрещения журнала. В результате рассмотрения комитету пришлось согласиться, что большинство обвинений не соответствует действительности. Так, например, в отношении приведеного выше пункта 6-го в заключении говорится: «В означенном месте — стр. 56, ничего подобного нет»[2].

Подтасовка в формулировке обвинения и враждебные выпады со стороны армянских клерикалов были слишком неприкрытыми, и цензурному комитету пришлось дать заключение, что решающую роль в этом деле видимо сыграли «...неприязненные отношения архиепископа Саркиса к Назарянцу»[3].

Большую роль в благополучном исходе инспирированного инцидента сыграла активная защита Назаряна, которому и на этот раз удалось отстоять журнал.

Особенно жестоким цензурным преследованиям подвергались произведения Налбандяна. Первое серьезное столкновение с цензурой произошло в 1858 году по поводу предисловия к переводу романа Эжена Сю «Агасфер». Героев, несмотря на относительный либерализм и благосклонное отношение к армянской литературе, не рискнул дать цензурное разрешение

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 157, д. 111, 1856, лл. 11—12.
[2] Там же, лл. 14—15 и об.
[3] Там же, лл. 14—16 и об.
[4] Там же.
[5] Там же, ф. 776, оп. 12, д. 78883, лл. 33—34 и об.

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 157, д. 111, 1856, лл. 35—39.
[2] Там же, лл. 41—42.
[3] Там же.

на печатание романа. Особенно напугал его антирелигиозный характер предисловия. Он прямо писал, что в предисловии остро критикуются монахи и имеются прямые нападки на папу Римского. Бероевым был сделан целый ряд замечаний и купюр, и только после того, как Налбандян переделал указанные места, предисловие было пропущено в печать[1].

В дальнейшем цензурные преследования превратились в открытые политические обвинения. Так было с «Земледелием», которое фигурировало в процессе Налбандяна первоначально под названием «Поварской книги». То же произошло и с произведением, которое явилось основополагающим в истории армянской критики,— со статьей «Критика романа «Сос и Вартитер». Цензором последнего было третье отделение, которое вместо того, чтобы передать его в редакцию «Юсисапайла», куда оно должно было попасть, прямо подшило его к личному делу Налбандяна в качестве улики.

В своей борьбе с цензурою «Юсисапайл» не был одинок— борьба велась на едином фронте всей русской революционно-демократической литературы, он сражался рядом с «Современником», руководимым Некрасовым, Чернышевским и Добролюбовым.

С наступлением эпохи реакции цензура усилила репрессии против «Юсисапайла» и в конечном итоге запретила журнал. В письме Московского губернатора сообщалось о причинах этого запрещения: «...по доставленным Московским Обер-Полицмейстером и Начальником здешнего Губернского жандармского управления сведениям, Назарянц был уже издателем армянского журнала «Северное Сияние», но вследствие ходатайства армянского патриарха Матвея, по распоряжению СПб Цензурного Комитета, издание этого журнала запрещено за антирелигиозное направление и посеянный им разлад между Армянским обществом и церковью»[2].

Запрещение журнала было не только тяжелым ударом по армянской прогрессивной печати, но и трагическим событием в жизни Назаряна. Он тяжело переживал прекращение своей редакторской и журнально-издательской деятельности и долго

[1] ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 2, д. 89.

[2] „Известия АН АрмССР", 1948, № 11, стр. 88.

не мог примириться с закрытием «Юсисапайла». После продолжительных хлопот, потеряв надежду на его возобновление, Назарян обратился в Главное управление по делам печати с просьбой разрешить издавать ему другой журнал «Светоч Армении». В этой связи Главное управление запросило III отделение о личности и благонадежности Назаряна, и последнее дало ему «убийственную» характеристику.

«Вследствие отношения Главного Управления по делам печати от 12 текущего июля за № 1639, имею честь уведомить, что упоминаемый в том отношении профессор восточных языков при Лазаревском Институте доктор Степан Назарянц представляется такой личностью, которой не может быть дозволено издание какого бы то ни было журнала или газеты»[1]. Этим был раз и навсегда закрыт Назаряну путь в печать. Получив отказ на свою просьбу об издании журнала «Светоч», Назарян убедился, что дальнейшая борьба за журнал бесполезна. Эпоха шестидесятых годов для армянской журналистики была завершена, и понадобились огромные усилия нескольких поколений для возобновления армянской передовой демократической прессы на новом этапе революционного движения.

[1] „Известия АН АрмССР", 1948, № 11, стр. 87–88.

ГЛАВА V

В ДРУЖБЕ И СОТРУДНИЧЕСТВЕ С РУССКИМИ РЕВОЛЮЦИОНЕРАМИ

Консолидация армянского революционного движения с русским революционным движением совершенно отчетливо выступает в эпоху пятидесятых и шестидесятых годов XIX века. Эпоха шестидесятых годов была очень сложной в армянской общественной жизни. На территории Восточной Армении значительно усилились крестьянские движения. Зейтунское восстание вызвало самые широкие отклики среди армян, проживавших в разных странах. В армянской общественной жизни и в особенности в печати широко распространяются демократические и революционные идеи, причем эти идеи связывались непосредственно с национально-освободительными задачами. Эти настроения проявлялись в армянской печати и в Москве, и в Константинополе, и в Париже.

Присоединение Восточной Армении к России имело, среди многих преимуществ, еще и то огромное положительное значение, что передовые революционные армянские деятели получили возможность сотрудничества с деятелями русского революционного движения и в общении с ними обогащались и теоретически и практически.

Одним из ярких проявлений общественных настроений шестидесятых годов явились студенческие движения и демонстрации учащейся молодежи в целом ряде городов. Эти движения имели место в Петербурге, Москве, Казани, Киеве и других городах. Первоначальным поводом к этим демонстрациям зачастую служили внешне как будто и незначительные факты. Студенты протестовали против формы и правил поведения, отказывались их соблюдать.

Особенно бурный характер приняли студенческие выступления в стенах университетов. Молодежь дружно протестовала против реакционно настроенных, тупых и отсталых профессоров. Так, в Московском университете был освистан и изгнан проф. Майков. Громкая история разыгралась вокруг проф. Варнека, который и был уволен из университета; но в процессе расследования пострадало немало студентов, причем многие были исключены. Такие же протесты имели место и в других университетах.

Все эти волнения среди студентов были по существу очень важными политическими симптомами и отражали нараставшую в России революционную ситуацию. Герцен, пристально следивший за русской жизнью, писал по этому поводу в «Колоколе»: «Значение университетской молодежи в России совершенно иное, чем в других странах. В университетах, лицеях, академиях и небольшом круге литераторов укрывалась и возросла русская мысль; во все время тридцатилетнего избиения ее там жила надежда и жили верования, там лились слезы и сердце билось человеческим негодованием,— в то время, как вся шляхетская Россия — помещичья, военная и чиновная — подло пресмыкалась перед бездарнейшим злодеем в истории — за право сечь и грабить, за чечевицу оброка и барщины, за фольгу и стеклярус крестов, за потворство взяткам и казнокрадству. Да, в то позорное время, когда во всей России, от четырнадцатого до первого класса, не поднялось ни одного протеста,— курс за курсом, школа за школой давали свою жертву...»[1].

Студенческие движения были связаны с общим подъемом революционной волны в России и других странах. Говоря об этом напряженном периоде русской жизни, В. И. Ленин писал: «Оживление демократического движения в Европе, польское брожение, недовольство в Финляндии, требование политических реформ всей печатью и всем дворянством, распространение по всей России «Колокола», могучая проповедь Чернышевского, умевшего и подцензурными статьями воспитывать

[1] „Колокол", 1861, № 112, стр. 933.

настоящих **революционеров,** появление прокламаций, возбуждение крестьян, которых «очень часто» приходилось с помощью военной силы и с пролитием крови **заставлять** принять «Положение», обдирающее их, как липку, коллективные отказы дворян — мировых посредников применять **такое** «Положение», студенческие беспорядки,— при таких условиях самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание — опасностью весьма серьезной»[1].

Движение петербургских студентов закончилось многочисленными арестами, причем арестованные содержались в Петропавловской крепости; очень многие студенты были высланы из Петербурга без права поступления в какие-либо другие высшие учебные заведения. В событиях 1861 года активное участие приняли и студенты-армяне. Армян, обучавшихся в это время в Петербургском университете, было довольно много почти на всех факультетах. Это были главным образом приезжие из Тифлиса, Астрахани, Кизляра и Крыма. Некоторые числились детьми дворян, много было детей священников, были и разночинцы. В большинстве своем это была нуждающаяся молодежь, которая подавала бесконечные и большей частью безрезультатные заявления об освобождении от платы за правоучение. Жилось им, по-видимому, в Северной Пальмире довольно трудно, потому что многие уезжали, не закончив образования.

Из этих армян-учащихся Петербургского университета многие принимали участие в сходках и демонстрациях, имевших место осенью 1861 года. Нам пока еще неизвестны имена всех участников этих событий, но некоторые из них должны уже стать достоянием истории. Так, активное участие в студенческом движении принимали братья Охановы (Оганяны) — Николай и Иван: вместе с другими они также были арестованы и заточены в Петропавловскую крепость[2]. Так же был арестован Наполеон Аматуни, взятый впоследствии своим дядей, отставным штабс-ротмистром Николаем Аматуни, на поруки.

Среди студентов, отказавшихся принять матрикулы, были

[1] В. И. Ленин. Сочинения, том 5, стр. 26—27

[2] ЦГВИА, Ленинградское отделение, Архив Суворова, ф. 109, св. 2, № 15, л. 2 об.

и кавказские воспитанники, грузины и армяне, впоследствии арестованные и высланные на родину. В своем отношении на имя ректора Петербургского университета попечитель Петербургского учебного округа сообщал: «Управляющий делами Кавказского Комитета уведомил г. Министра Народного Просвещения, что из числа кавказских воспитанников, состоящих в С.-Петербургском университете, студенты-стипендиаты: Виссарион Гогоберидзе, Петр Алхазов, князь Василий Туманов и Николай Алексеев-Месхиев отказались от принятия, согласно предложению университетского начальства, матрикул, почему они исключены из кавказских воспитанников, и что первые двое, как объявили их товарищи, арестованы во время произведенных здесь студентами 12 октября беспорядков; к отправлению же последних на родину, на Кавказ, сделано надлежащее распоряжение. К сему статс-секретарь Бутков присовокупляет, что о вышеизложенном сообщено им. г. исправляющему должность наместника Кавказского»[1].

Эти студенческие движения составляли единое целое с движением революционной демократии этого периода. Русские революционеры обратились к учащейся демократической молодежи с прокламацией, озаглавленной «К молодому поколению», автором которой был Н. В. Шелгунов. Эта прокламация произвела очень сильное впечатление. Не меньшую роль сыграла и другая прокламация — «Молодая Россия», написанная московским студентом П. Г. Заичневским.

«Хотя ближайшим поводом к студенческим волнениям послужили издание новых правил для студентов, закрытие студенческой кассы и библиотеки, запрещение сходок и повышение платы за обучение, но события осени 1861 года носили уже явно политический характер. Из стен университета студенты демонстративно вышли на улицы и к ним примкнули сочувствующие не из числа студентов. Настроения в русском обществе вообще и в столице, в частности, делали университетские «беспорядки» начала 60-х годов политическим выступлением. Так смотрела на эти события и передовая часть самого петербургского студенчества»[2].

[1] ГИАЛО, ф. 14, св. 3897, д. 12/31а, л. 177.

[2] М. Н. Гернет. История царской тюрьмы, том II, М., 1946, стр. 302.

Петербургских товарищей горячо поддержало московское студенчество, среди которого также начались репрессии и исключения. Так, в деле Московского университета «О беспорядках, производимых студентами на 1 и 2-м курсах юридического факультета», в числе студентов мы встречаем и армян — Миансарова Николая и Тер-Мкртичянца Григория, причем в отношении Миансарова прямо говорится, что за участие в сходках ему сделано соответствующее внушение[1].

Однако арестами движения студенчества Петербургского университета после октябрьских событий не были прекращены. Волнения продолжались всю зиму 1861—1862 года. Официальный полицейский обозреватель, в задачи которого входило фиксировать настроения петербургских жителей, следующим образом отзывался об этом периоде: «Всем известно, что в конце 1861 и начале 1862 годов разволнованное и неестественное настроение в Петербурге доходило до крайних размеров. В то время университетская молодежь, в порывах своеволия и под влиянием некоторых тайных лжеучителей, могла решиться пройти весь город для истребования от своего начальника отчета в его действиях и могла даже решиться встать лицом к лицу с вооруженною силою, которая была выслана для усмирения толпы студентов. В то время сыпались со всех сторон нелепые воззвания и прокламации, весьма ясно указывавшие на существование в городе не одних только отдельных личностей, проникнутых зловредными побуждениями, но и целых обществ, организовавшихся с намерением распространять во всех слоях городского населения противузаконные идеи»[2].

Университетское начальство ревностно следило за тем, чтобы не было никаких сходок и сборищ, строго запрещенных правительством. Тем не менее молодежь собиралась, и никакие угрозы не в состоянии были ее остановить. Так, 2 декабря 1861 года помощник инспектора Шмидт доносил, что 28 ноября студенты устроили сходку около XIII аудитории и один из них

[1] Архив МГУ. Дело Инсп. Студентов Импер. Московского Университета „О беспорядках, производимых студентами на 1 и 2-ом курсах юридического факультета", 1861, № 71.

[2] ЦГВИА. Ленинградское отделение. Архив Суворова, ф. 109, д. 1 и 2, л. 28 и об. „Взгляд на нравственное и политическое настроение жителей С.-Петербурга в 60-х годах".

что-то читал собравшимся. В ответ на требование инспектора разойтись все в один голос закричали «Убирайтесь прочь! прочь!». «Тогда,— докладывал инспектор,— я счел нужным остановить первого из этой массы студента, обернувшегося ко мне лицом и произносившего те же слова «Убирайтесь», и, дотрагиваясь пальцем до пуговицы его сюртука, спросил его: «Какое он имеет право тут быть?» (Так как он не имел матрикула и дня 3 назад был Вами же выпровожен, за дерзость). Этот студент, фамилия его Османовский, не дав мне кончить моего вопроса, оттолкнул меня со словами: «Как Вы смеете меня трогать!». На этот поступок его со мною я уже взял его за руку и просил пойти со мною; но он вырвался, и за него заступились его товарищи, с угрозами нанести мне побои. Видя себя окруженным такою взволнованною массою студентов, я, конечно, не мог справиться с Османовским и пришедшая мне на помощь прислуга также не успела захватить его; вся эта масса студентов спустилась в шинельную, чтобы уйти, но я нужным счел отдать приказ — запереть двери и не выпускать ни одной души»[1].

Когда инспектор объявил, что никто не выйдет, пока не отдадут ему листок, который читали, выступил студент Сергеев и заявил, что бумагу эту он смял и проглотил. Студенты решили было записать свои фамилии и уйти, но в это время без разрешения инспектора открыли двери, и студенты разошлись. На этом дело не прекратилось: участников сходки предали университетскому суду. Среди студентов, записавших свои фамилии, вызванных и представших перед судом, были и армяне: Александр Шавердов и Аветик Тамамшев. Показания Аветика Тамамшева носят очень уклончивый характер; Александр Шавердов — студент юридического факультета — отвечал более прямо, не скрывая своего возмущения поведением инспектора. На третий вопрос: «Что ответили они г. Шмидту на его увещание и кричали ли ему «Убирайтесь прочь»? Шавердов показал: «Услышав такой тон и несправедливое обвинение студентов г. Шмидтом, да притом увидев, что он, г. Шмидт, схватил дерзко за руку одного из моих товарищей, я оскорбление это, нанесенное моему товарищу г. Шмидтом, принял как за свое собственное, и вместе с общим голосом сказал: «Не смейте Вы так

[1] ГИАЛО, ф. 14, св. 3897, д. 10/22, л. 12 и об.

делать и убирайтесь прочь, если Вы, г. Шмидт, не умеете поступать по законам!»[1]. В результате разбирательства на университетском суде Александр Шавердов, в числе целого ряда других студентов, был исключен из университета.

Волнения в университете повторились и в конце шестидесятых годов. Студенчество очень чутко реагировало на подъем революционных настроений. Оно выражало свое возмущение существовавшим правопорядком путем сходок, и в выступлениях на этих сходках молодежь не стеснялась высказывать свои мнения. Студенческая сходка превратилась в распространенный метод политической борьбы.

В марте 1869 года вновь 72 студента за участие в сходках и отказ разойтись по требованию ректора были преданы университетскому суду. Студенты- армяне, вместе со своими товарищами, активно участвовали в этих политических демонстрациях. На этот раз в числе многих других перед университетским судом предстали студенты физико-математического факультета — Василий Шавердов и Аршак Нахапетов. Нахапетов был оправдан, а Шавердов исключен из университета без права поступления в какое бы то ни было высшее учебное заведение. Василий Шавердов принадлежал к числу материально необеспеченных и крайне бедствующих студентов. О своем положении он вынужден был писать в прошении на имя ректора университета: «В первые же дни моего приезда с Кавказа я здесь подвергся сильной болезни. Не имея средств для лечения моего, я должен был занимать у знакомых товарищей около двадцати рублей в долг, которые остаются за мною не доплоченными. В настоящее же время нуждаюсь в руководствах, в необходимых подручных книгах по естественным наукам, а также в некоторых других необходимых материальных средствах. Прошу Ваше превосходительство о назначении мне достаточного единовременного пособия, чтобы мог заплатить долги, и купить книги и другие необходимости. Первый курс естественного отделения знает о моих средствах»[2]. В просьбе Шавердову ректором было отказано, ввиду того, что он получал стипендию и это считалось вполне достаточным. Василий Шавердов принадлежал, по-видимому, к наиболее оппозиционно настроенным кругам

[1] ГИАЛО, ф. 14, св. 3897, д. 10/22, л. 41.

[2] Там же, св. 3518, д. 3644, л. 18.

студенческой молодежи. Об этом знало и университетское начальство и поэтому особенно круто с ним расправилось. После мартовских событий во все высшие учебные заведения был разослан циркуляр, в котором перечислялись студенты, исключенные за участие в «беспорядках». Среди этих студентов были и армяне — Василий Шавердов и Степан Зарапов.

Как же складывалась в дальнейшем судьба этой молодежи, выкинутой за борт высших учебных заведений? Очевидно, что весьма неблагоприятно. Так, Василий Шавердов после исключения из Петербургского университета был выслан на родину — в Тифлис, где он занялся педагогическим трудом, работая учителем тифлисской армянской семинарии, но находясь под надзором полиции. Несмотря на все превратности судьбы, страстное желание учиться не покидало его. В 1878 году он вновь обратился к ректору Петербургского университета с просьбой зачислить его в число студентов восточного факультета. Прошение его было препровождено попечителю Петербургского учебного округа, но дальнейшая судьба Шавердова нам неизвестна.

В дальнейшем армяне — питомцы Петербургского и Московского университетов — становятся первыми переводчиками на армянский язык произведений русских революционеров-демократов. Произведения Белинского, Добролюбова, Огарева, Михайлова и Некрасова благодаря бывшим студентам этих университетов (С. Шахазизу, Мкртумяну, Тер-Аветикяну, Л. Тюсикян и др.) стали достоянием армянской печати, сыграв исключительную роль в развитии армянской общественной жизни.

Студенческие движения шестидесятых годов охватили не только армян, учащихся в Петербургском и Московском университетах, но и воспитанников Лазаревского института. Этих волнений опасались больше всего сами Лазаревы: попечитель Института Хр. Лазарев в своих посланиях непрерывно предостерегал директора Института и предлагал ему принимать самые строгие меры в отношении «строптивых» и «неблагодарных» питомцев, особенно из числа армян. В одном из своих многословных очередных посланий он указывал: «Вразумлять упорных и перерождать вредных армян невозможно. Прежде требуется смягчать сколь можно строптивых, закоснелых, над-

менных, неблагодарных, которые не союзом согласия и мира, но раздором, интригами, во взаимной ненависти и зависти бушуют, и вместо благополучия бывают несчастливы, как по службе, так и по торговле, ибо немало из них несостоятельных, даже и банкротов, это гласно и известно»[1].

Вскоре, точно в оправдание опасений Хр. Лазарева, произошли события, потрясшие Институт до основания и нарушившие установившееся десятилетиями благолепие. Дело началось с того, что некоторые воспитанники, собравшиеся в зале Института 22 августа 1867 года, выразили возмущение несправедливыми экзаменационными оценками и назначенными переэкзаменовками. К ним присоединились многие другие учащиеся, и во время стихийно возникшей сходки стали выражать свое неудовольствие поведением институтского начальства. Последнее переполошилось и, в конечном итоге, разогнало собравшихся воспитанников. Решив учинить над учащимися суд и расправу, директор Института И. Бабст созвал экстренное заседание правления, на котором были допрошены наиболее активные участники сходки. Хотя вызванные для опроса воспитанники, поняв, что дело проиграно, давали самые уклончивые ответы, тем не менее Педагогический совет принял самое суровое решение: воспитанников Эджубова, Оганесова, братьев Алихановых и Заркарова немедленно исключить из Института, прочих виновных подвергнуть строгому дисциплинарному наказанию по усмотрению Педагогического совета. Попечитель Хр. Лазарев не только одобрил решение совета, но и собственноручно вписал имя еще одного воспитанника к исключению. Таким образом, с целью усмирения и в назидание остальным учащиеся Лазаревского института — Василий и Степан Алихановы, Михаил Заркаров, Александр Оганесянц, Василий Эджубов и Анатолий Еремов были отчислены из Института и высланы на родину.

После этих происшествий значительно усилился поток посланий из Петербурга, в которых Хр. Лазарев настойчиво предостерегал против крамолы и «революционной заразы». В одном из очередных своих посланий он писал: «Воспрещать всякого рода сходки, тайные сообщества и зловредные проделки от ложных понятий. Словом, требовать больше прилежания,

[1] МОГИА, ф. 213, д. 348, 1866.

трудов, скромности и повиновения от всех могущих нарушить порядок и спокойствие. В противном случае удалять таковых и исключать из Института: ибо где послабления и где нет благоразумного законного взыскания, там буйство на волнениях и на беспорядках преступных»[1].

Активное участие армян в студенческих движениях шестидесятых годов явилось для них первоначальной школой политической и революционной борьбы. Армяне-студенты Петербургского университета не только принимали участие в сходках и демонстрациях, но и были среди руководителей движения. Так, когда в марте 1861 года решили выработать статут, регулирующий студенческую жизнь, была назначена комиссия, состоявшая из профессоров (председатель Кавелин, члены — Стасюлевич, Спасович, Б. Утин). Эта комиссия решила привлечь к работе депутатов из числа студентов. В числе этих депутатов был один из братьев Огановых. Вот как об этом вспоминает в своих мемуарах Л. Ф. Пантелеев: «Этой комиссии было вменено в обязанность пригласить соответственное число депутатов, специально для того выбранных, и сообща с ними выработать полный устав корпорации (из студентов были в комиссии Неклюдов, Чубинский — правая, Н. Утин, Е. Михаэлис, Оханов — левая)»[2].

В дальнейшем армянское студенчество Петербургского университета имело самостоятельную организацию типа землячества, которая носила название: Санкт-Петербургской студенческой армянской организации при факультете Восточных языков. Эта организация, существовавшая в 70-х и 80-х годах, ставила перед собой прежде всего задачу издания литературы и массовых брошюр на армянском языке. Первоначально студенты решили издавать свои книги в виде серии брошюр, на обложке которых, перед порядковым номером, должно было стоять пять букв: «Ս.Պ.Հ.ՈՒ.Հ.», что означало «Издание армян-студентов С.-Петербургского университета». Однако цензура страшно перепугалась, увидев эти пять «таинственных» знаков, и запретила как обозначение студенческой организации, так и нумерацию на обложке брошюр.

[1] МОГИА, ф. 213, д. 379, 1869, л. 42 об.

[2] Л. Ф. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого. Academia, 1934, стр. 74.

Несмотря на противодействие цензуры, армянской студенческой организации удалось выпустить целый ряд книжек, которые они печатали в типографии Скороходова. Внешнее оформление этих изданий было подчеркнуто невинным. На обложке был изображен старый дедушка, рассказывающий сказки своим внукам. Но тематика и содержание этих книжек были очень далеки от сказочных сюжетов. Вот заглавия некоторых из них: «Жанна д'Арк — освободительница Галлии», «Неда», «На чужой могиле плачут без слез», «Дончо» и другие. Тематический подбор рассказов и их содержание свидетельствуют о совершенно определенной политической направленности этих книжек. Они были посвящены, прежде всего, освобождению родины от узурпаторов. В центре внимания была освободительная народная борьба в Болгарии и Армении против поработителей-турок. Жанна д'Арк являлась историческим примером героической борьбы французского народа за свою свободу и независимость.

В брошюрах, посвященных болгарскому народу, делались очень интересные отступления, в которых критиковались армянские богатеи, армянская буржуазия. Так, в книге «На чужой могиле плачут без слез», посвященной борьбе народа с иноземными захватчиками-турками, автор писал: «Богатый армянский горожанин — это существо, преисполненное жадности, сребролюбия, безжалостности и презрения к своим братьям, к своим бедствующим соотечественникам»[1]. И далее, совсем в народническом духе, рисуется идиллическая картина деревни, не знающей кулаков и мироедов, в которой армяне живут счастливо и безмятежно, не оскверняя свою душу городской грязью.

Цензура очень подозрительно относилась к этим брошюрам, и дело закончилось тем, что она перестала выдавать разрешения на книжки, издаваемые армянской студенческой организацией. В этом деле не совсем благовидная роль принадлежит К. П. Патканову. Когда была представлена к напечатанию брошюра «Василий Левский» (перевод на армянский язык статьи, напечатанной в журнале «Северный Вестник»), он побоялся дать о ней официальный отзыв, ибо ему приходилось ежедневно встречаться на Восточном факультете с членами армян-

[1] ЦГИАЛ, ф. 777, ед. хр. 45, л. 18.

ской студенческой организации; но устно он заявил цензурному комитету, что эту брошюру лучше было бы запретить, поскольку и так, мол, о болгарах печатается на армянском языке слишком много материалов. В результате брошюра была запрещена[1].

В какой связи находились эти студенческие движения с движениями революционной демократии шестидесятых годов? Этот вопрос уже поднимается в русской исторической литературе, делаются попытки к установлению руководящего участия Чернышевского, Добролюбова, Герцена в движениях молодежи шестидесятых годов. Решение этого вопроса в отношении армянской общественной жизни пока очень затруднительно. К сожалению, мы не располагаем какими-либо документальными данными о связях братьев Огановых или Александра Шавердова с Налбандяном, хотя косвенные свидетельства приводят нас к убеждению, что такие связи не могли не существовать. Оганов был одной из руководящих фигур в студенческих движениях Петербургского университета, он общался с такими людьми, как Е. Михаэлис, Н. Утин, которые непосредственно были связаны с Чернышевским. Знал ли Оганов Чернышевского? Судя по всему, должен был знать, но где и когда он с ним встречался, нам пока установить не удалось.

Какие нити связывали Налбандяна с армянской студенческой молодежью?

В годы пребывания в Московском университете и работы в Лазаревском институте Налбандян был признанным руководителем этой молодежи. В воспоминаниях его друга Ов. Берберяна сохранились свидетельства о том, какой популярностью пользовался он среди молодежи, как любили и уважали его товарищи-однокурсники за ясный ум и острые, справедливые суждения. В пятидесятых и шестидесятых годах армянам, учившимся в Московском и Петербургском университетах, разрешено было организовать землячества, в которых они могли обсуждать вопросы армянской культуры, языка и литературы; вместе с тем землячества брали на себя обязательство оказывать помощь неимущим студентам. Цель разрешения этих землячеств была совершенно очевидна: она заключалась в максимальном отвлечении учащейся армянской молодежи от участия

[1] ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 4, д. 2, л. 32.

в политической жизни и революционной борьбе. В Москве Налбандян не сторонился этого землячества,— наоборот, сам бывал на его собраниях, положительно отзывался на страницах «Юисапайла» о театральных постановках, организованных по его инициативе. Но вместе с тем, Налбандян стремился использовать это землячество для пропаганды просветительских и революционно-демократических идей среди студенчества.

В Петербурге положение было сложнее,— там армянское землячество находилось под непосредственным влиянием Эзова[1], человека весьма консервативного по своему умонастроению, прилагавшего все усилия для того, чтобы «оградить армянскую молодежь от революционной заразы». И, действительно, учащаяся молодежь, которая входила в это землячество, была весьма далека от своих коллег-армян, принимавших активное участие в революционных движениях шестидесятых годов. По-видимому, далеко не случайно в архиве университетского суда или в следственных делах по студенческим движениям шестидесятых годов мы не встречаем фамилий Г. Арцруни, Г. Евангуляна, Б. Тавакаляна и других, принадлежавших к кругу Езяна — к армянскому землячеству. Налбандян хорошо знал членов армянского Петербургского землячества и его руководителей. Но естественно возникает вопрос,—встречался ли он с другой частью армянской молодежи, той революционно настроенной молодежью, которая вместе со своими русскими товарищами выступала на сходках и принимала участие в тайных студенческих кружках? Иначе говоря, общался ли он с братьями Огановыми, с Александром Шавердовым, с Николаем (Наполеоном) Аматуни, Аветиком Тамамшевым, Михаилом Колонтаровым и многими другими, впоследствии исключенными и подвергшимися полицейским преследованиям студентами?

В сенатских показаниях Налбандян счел бесполезным скрывать, что **«он знал почти всех петербургских армян»**. Это показание для нас очень важно, поскольку оно дает формальное основание для утверждения, что Налбандян несомненно знал и революционную армянскую молодежь. Но дело не только в том, что он ее знал: дело в том, что так же, как и в Москве, он был необычайно популярен и в кругах петербургской армянской молодежи, что к его голосу прислушивались, что его приезда в Петербург ждали с нетерпением. Но где и когда встречался он с этой молодежью? Конечно, не в университете и не в армянском землячестве.

Изучая архивы шестидесятых годов, мы пришли к убеждению, что ключом к разрешению этой загадки является внешне очень скромная и ничем не примечательная личность поверенного в торговых делах Карпа Гайрабетова в Петербурге — Лазаря Ильича Хафафова. Судить о связях Налбандяна с Хафафовым и о роли последнего по полицейским источникам очень трудно. И Налбандян, и Хафафов умели тщательно скрывать следы своей работы и своих отношений. В сенатских показаниях Налбандян счел по-видимому бесполезным прямо отрицать факт своего знакомства с Хафафовым, но пытался придать этому знакомству характер простой, ни к чему не обязывающей дружбы. На повторный вопрос он отвечал: «Петербургских армян знаю почти всех, но ни с кем особенно не был в каких-нибудь сношениях, кроме Лазаря Ильича Хафафова, поверенного потомственного почетного гражданина I-ой гильдии купца Карпа Макарьевича Гайрабетова в его торговых делах в Петербурге. С Хафафовым я с детства знаком и, кроме дружеских, ни в каких других отношениях с ним не был»[1]. Само собой разумеется, что в своих показаниях сенату Налбандян всячески затушевывал или отрицал политическую сторону своих связей и знакомств.

Тем не менее полиция, пристально следившая за окружением Налбандяна, прежде всего нацелилась именно на Хафафова. У него был произведен обыск, оказавшийся, однако, безрезультатным. «По поводу привезенного из Лондона коллежским секретарем Ветошниковым письма, адресованного к армянину Хафафову для передачи Налбандову, произведен был обыск у Хафафова, но в бумагах его не оказалось ничего подозрительного; некоторые же бумаги, писанные на армянском языке, были препровождены в Азиатский Департамент»[2].

---

[1] Ա. Հովհաննիսյան. Նալբանդյանը և նրա ժամանակը, գիրք 2, Երևան, 1956, էջ 183–194 (Ашот Иоаннисян. Налбандян и его время, кн. 2, Ереван, 1956, стр. 183–194)

[1] Մ. Նալբանդյան. Երկերի լիակատար ժողովածու, հ. 3, էջ 347 (М. Налбандян. Полное собрание сочинений, том III, стр. 347).

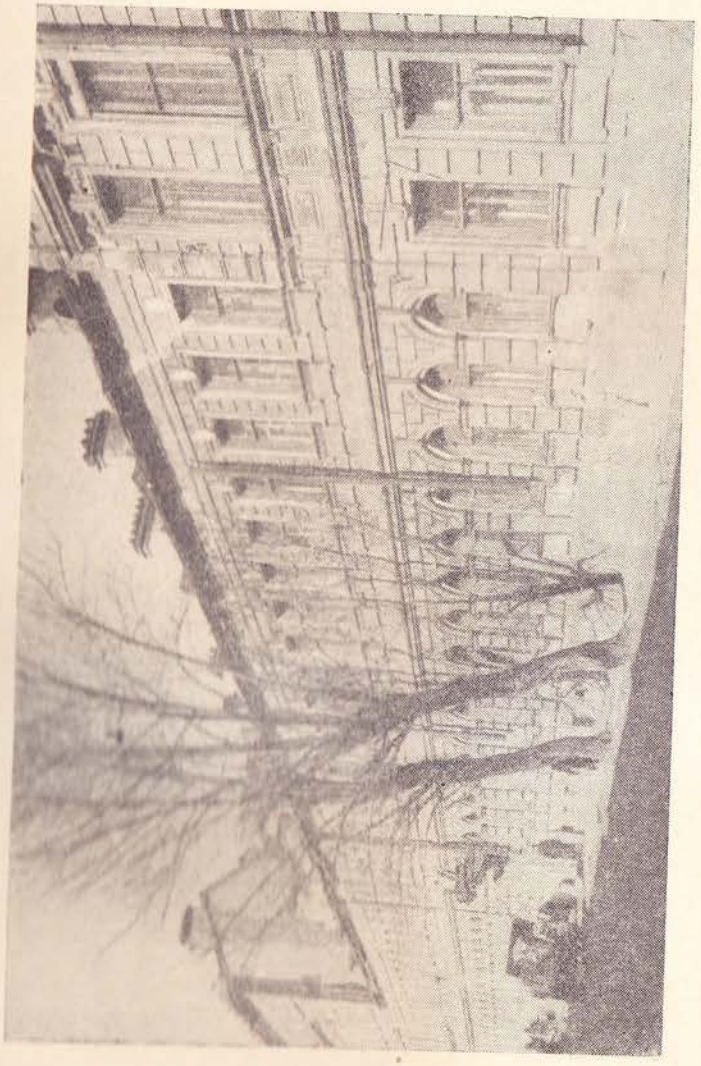
[2] Микаэл Налбандян. Сборник документов. Ереван, 1956, стр. 201.

Несмотря на безрезультатность обыска, Хафафов был все же арестован одновременно с Налбандяном. Но он был, как видно, человеком очень осторожным и сумел представить дело таким образом, что даже для полиции его объяснения оказались вполне удовлетворительными. В донесении о связях с лондонской группой говорилось: «Вместе с тем арестован был также в С.-Петербурге армянин Хафафов, на имя которого было письмо из Лондона (Бакунина), с надписью на конверте: «Для Налбандова». Армянин этот по осмотре его бумаг, не заключающих в себе ничего подозрительного, и по отобрании от него объяснений, удостоверяющих, что означенное письмо принадлежит не ему, а Налбандову, освобожден от ареста с подпискою не выезжать из С.-Петербурга без особого разрешения и не сообщать Налбандову о том, что он, Хафафов, был опрашиваем о нем...»[1].

С каким доверием относился Налбандян к Хафафову, следует хотя бы из того, что отпечатанные экземпляры «Земледелия» были направлены именно по его адресу.

При попытке восстановить все факты пребывания М. Налбандяна в Петербурге нас естественно заинтересовал вопрос о том, где же находилась квартира Хафафова? В своих письмах из Петербурга Налбандян обычно сообщал своим корреспондентам следующий адрес: «В Санкт-Петербурге на Васильевском острове, в 1-ом квартале, в доме Меняева в квартире под № 46. Михаилу Налбандянцу». Это и была квартира Хафафова — постоянная резиденция Налбандяна в Петербурге. По архивным материалам ГИАЛО нам удалось разыскать этот дом, который по ведомостям с 1846 по 1874 год числился во владении Меняева, а в 1874 году был куплен братьями Григорием и Степаном Елисеевыми. С 1879 года он числился за Г. Г. Елисеевым. Это старинный петербургский дом. Он выходил одной своей стороной на Тучкову набережную, другой — в Волховский переулок и третьей — на Биржевую линию. Этот дом находился очень близко от университета — почти вплотную подходил к нему. Возможно, что проживание в нем Налбандяна было просто случайным совпадением, но

[1] Микаэл Налбандян. Сборник документов. Ереван, 1956. стр. 196—197.

Дом Меняева, в котором проживал Налбандян в Петербурге

возможно и то, что это представляло для Налбандяна некоторые удобства и преимущества, поскольку он всегда был связан с университетом[1].

Вполне возможно, что именно эта квартира Хафафова и была тем местом, где Налбандян встречался с армянской учащейся молодежью. Если у Эзова был консервативно-национальный салон, где студенчество проникалось пиететом к чиновничьей и государственной карьере, то на квартире у Хафафова собиралась, по-видимому, молодежь, которую волновали совершенно иные задачи, и в дни приезда Налбандяна в Петербург вместе с ним искала она ответов на животрепещущие вопросы не только нараставшего революционного движения, но и на вопросы о судьбах и перспективах в развитии армянского народа[2]. Друг детства Налбандяна — Хафафов, надо думать, был осведомлен о его революционной деятельности, в его адрес направлял Налбандян многочисленные, к сожалению, в большинстве своем несохранившиеся письма из Константинополя, Лондона, Парижа, Александрии, Калькутты и других городов.

Жизнь Налбандяна в Петербурге и Москве несомненно способствовала установлению и расширению связей с деятелями русского революционного движения, деятелями русской культуры и литературы. Но более тесное политическое сотрудничество относится к тому периоду, когда Налбандян, в бытность свою в Лондоне в 1861 году, посетил Герцена и наладил с ним деловые и дружеские отношения.

Налбандян принадлежал к числу тех деятелей армянского революционного движения шестидесятых годов, которые были наиболее тесно связаны с русскими революционерами. В первую очередь это была связь с Герценом и Огаревым и их

---

[1] Этот дом существует и ныне—он находится рядом с Библиотекой Академии наук СССР. Его точный адрес: Биржевая линия № 18, Биржевой переулок № 1, Волховский переулок № 2, Тучкова набережная № 2 (выходит он на четыре улицы). Квартира, в которой жил Налбандян—№ 46, смотрит на Биржевой переулок. ГИАЛО, ф. 513, оп. 104, св. 19 0, д. 1190.

[2] Очевидно, что эта гипотеза нуждается в дальнейшем подтверждении, главным образом, документальными и мемуарными материалами что возможно только путем новых архивных разысканий.

лондонской группой. Это была связь с «Землей и Волей», программные идеи которой Налбандян развивал в своих трудах.

Воскресить всю картину революционного подполья России XIX века — задача очень сложная. В этом направлении усилиями советских исследователей сделано очень много, но даже это многое не позволяет нам полностью приподнять завесу над событиями и людьми шестидесятых годов. В этом отношении особенно сложно обстоит вопрос о Налбандяне. Полицейские источники и процесс «32-х», по которому он был привлечен и заточен в Алексеевский равелин, являются бесспорными свидетельствами его связей с русским революционным подпольем. Дальнейшее уточнение этих связей представляет большие трудности, а отсутствие необходимой документации делает спорными очень и очень многие вопросы. Для примера можно сослаться хотя бы на вопрос о том, принимал ли Налбандян участие в работе над статьей «Что нужно народу?». Статья эта имела исключительное значение, ибо являлась ответом революционеров на дикую расправу правительства с крестьянами, на расстрелы в Бездне. По свидетельству Лемке, в то время, когда Огарев работал над этой статьей, ему помогали советами и указаниями Н. Н. Обручев, Н. А. Серно-Соловьевич, А. А. Слепцов, М. Л. Налбандян и другие. Однако Я. З. Черняк в своем сообщении «Был ли Н. Н. Обручев адресатом письма, взятого при аресте Чернышевского?» отрицает предположение Лемке и утверждает, что ни Серно-Соловьевич, ни Слепцов, ни Налбандян участия в этой статье не принимали. О Налбандяне он пишет следующее: «Остается третий участник — М. Л. Налбандян. Нет никаких данных, подтверждающих его участие в лондонских совещаниях этого времени. Напротив, можно с уверенностью сказать, что в интересующий нас период времени Налбандяна в Лондоне не было. В руках самого Лемке находился и им же самим был впервые опубликован документ, устанавливающий с совершенной бесспорностью, что в 1861 г. Налбандян посетил Лондон между 11 и 18 января и между 3 февраля и 17 марта. В это время никаких обсуждений статьи «Что нужно народу?» не происходило и происходить не могло — статья, как мы показали, была задумана позже»[1]. Несмотря на

[1] Литературное наследство, том 62, Герцен и Огарев, II, М., 1955, стр. 424.

то, что с точки зрения хронологии событий рассуждение Я. З. Черняка внешне логично (статья «Что нужно народу?» была напечатана 1 июля 1861 года, Налбандян был в это время в Калькутте; события в Бездне произошли 12 апреля 1861 года, Налбандян выехал из Лондона 13 марта 1861 года), но тем не менее для нас оно еще не исчерпывает путей дальнейшего исследования вопроса, ибо не исключена возможность, что среди многочисленных писем, которые отправлял Налбандян во время своего путешествия в Индию и из самой Калькутты, были и письма в Лондон, в которых он высказывал свою точку зрения на события в Бездне. К сожалению, сопоставление дат выглядит на первый взгляд более веско, нежели оставшаяся неизвестной нам переписка. Мы привели этот пример только для того, чтобы показать, как трудно опровергнуть или подтвердить точку зрения Лемке.

Если одни исследователи предавались скрупулезному сопоставлению дат и выявленных фактов для того, чтобы прийти к заключению, что могло и чего не могло быть, то другие увлекались очень заманчивыми и вместе с тем вполне спекулятивными построениями, исходящими из одних предположений, которые выдавались за реальную историческую действительность. Такие предположения строились главным образом по линии возможных встреч Налбандяна с Чернышевским.

Уж если искать личные конспиративные связи, то более правильным направлением этих поисков являются разыскания вокруг личности Оганова; ведь он, с одной стороны, по-видимому, знал Налбандяна, а с другой, сотрудничал, по свидетельству Л. Пантелеева, с Н. Утиным, который поддерживал конспиративные связи с Чернышевским. Но все эти разыскания служат по существу лишь к дополнению, но не разрешению вопроса, постановка которого не может вызывать каких-либо сомнений. Суть же дела заключается в том, что идейная близость Налбандяна к Герцену и Огареву, к Чернышевскому и Добролюбову бесспорна и не вызывает ни у кого сомнения. Это, с нашей точки зрения, самое основное, главное, что позволяет говорить о единстве революционных путей в развитии русского и армянского народов, что еще раз подтверждает положительную и благотворную роль присое-

динения Восточной Армении к России. Это присоединение создало предпосылки для того, чтобы армянские революционные деятели окунулись в купель русской революции и, вместе со своими соратниками и друзьями — русскими революционерами, повели борьбу не на жизнь, а на смерть за счастье и благоденствие своего народа. Это была, одновременно, и борьба за родную национальную культуру, совместная борьба с реакционной политикой самодержавия в области культурного развития и просвещения народа, борьба с цензурными установлениями и всеми препонами, которые чинил царизм свободному и полноценному развитию человеческой мысли.

Одним из самых ярких документальных свидетельств, подтверждающих идейную близость Налбандяна с русской революционной мыслью, является его трактат «Земледелие как верный путь». Он писался под непосредственным впечатлением от общения и бесед с Герценом и Огаревым, писался в то время, когда Налбандян уже хорошо представлял себе концепцию Чернышевского, столь умело проводимую им в подцензурной печати. Еще будучи в России, Налбандян следил за «Колоколом» и «Современником»; за границей тем более открывались для него максимально широкие возможности ознакомления с русской внецензурной зарубежной печатью.

«Земледелие...» писалось в Лондоне. Оно было создано очень быстро — в течение марта 1862 года. Это оказалось возможным потому, что труд был плодом длительных размышлений, результатом долгих наблюдений за жизнью армянского народа в России, Турции и в различных колониях. Вполне возможно, что Налбандян не раз советовался по целому ряду затронутых в трактате вопросов с Герценом и его друзьями.

Работа эта посвящена армянской молодежи, и это не случайно. Налбандян, поддерживавший непрерывную связь с Хафафовым, был, конечно, осведомлен о том, какое участие принимала эта молодежь в студенческих движениях, имевших место в 1861—1862 учебном году в Петербурге и других городах России. Обращаясь к молодежи, представителями которой были и такие юноши, как братья Огановы, Александр Шавердов, Николай Аматуни и их товарищи, Налбандян писал: «Мои дорогие братья! Это небольшое, посвященное жизни произведе-

ние я захотел увенчать именами живых людей. С этой целью я посвятил его вам.

Прошлое нашей нации печально. Его исторические памятники исходят слезами. Настоящее нашей нации тяжко, кабала и бедность вопиют громогласно. Если мы и надеемся на будущее,— вы его представители, от вас зависит будущее нации и на вас единственная надежда. В какой мере вы ее оправдаете — покажут ваши дела.

Не забудьте, что будущее сотворит свой суд над вами так же, как и вы сегодня творите суд над своими предками. Но чем более продвинемся мы с тех пор вперед, тем строже будет суд. Так постарайтесь завещать своим преемникам светлую память о себе»[1].

Это послание к армянской молодежи как бы подводило итог усилиям целого поколения, которое, пробужденное от многовекового застоя, приняло участие в революционном и национально-освободительном движении, независимо от того, где эта молодежь находилась — в Турции, Франции или России. Но Налбандян не только положительно оценивал это поколение шестидесятых годов, одобряя его деятельность, но и возлагал на него все свои чаяния и надежды. В этой молодежи, в этих живых людях видел Налбандян представителей революционных сил народа, к ним обращал он строки своих раздумий в «Земледелии».

В своем трактате Налбандян намечал целую программу революционных действий. В теоретической части он давал оценку современности, и в этой оценке было много общего с точкой зрения русской революционной демократии. Посетив многие страны развитого капитализма, Налбандян нисколько не обольщался показной стороной буржуазной цивилизации. Наоборот, опираясь на своих предшественников, социалистов-утопистов и Фейербаха, он подвергает капитализм самой беспощадной критике, показывая его антинародную эксплуататорскую сущность. После революции 1848 года Герцен увидел в Париже расстреливаемых рабочих, и это было одним из наиболее потрясающих парижских впечатлений. Налбандян дает блестящую критику буржуазной революции, показывая, что ни

[1] Микаэл Налбандян. Избранные сочинения. Ереван, 1941, стр. 141.

великая Французская революция, ни революция 1848 года не принесли свободы народу. Показав всю бесперспективность капиталистического развития, Налбандян обращает свои взоры к тем странам, в которых было сосредоточено наибольшее количество армян, а именно к России и Турции. Солидаризируясь с русской революционной демократией, он разоблачает реформу 1861 года, анализируя крепостничество дореформенного и пореформенного периода. Говоря о Турции, он показывает всю безнадежную отсталость этой азиатской деспотии.

Сила Налбандяна была в том, что он не ограничивался одной негативной критикой. Постановки правильного диагноза было для него недостаточно, он стремился найти и правильные методы лечения тех социальных болезней, от которых так страдало человечество. И тут, в позитивной части своей программы, Налбандян опирался на посылки Герцена и Огарева, прямо цитировал статью Огарева «Что нужно народу?». Точно так же, как и его лондонские друзья, Налбандян считал, что единственно правильным для развития народа путем является земледелие, но земледелие при определенных социальных условиях. В эти условия входили: отмена частной собственности на землю и организация крестьянской общины, как первоосновы крестьянской жизни.

Особенно остро ставил этот вопрос Налбандян для народа армянского. Глубоко скорбя о том, что родной народ турецким деспотизмом превращен в бездомный народ-странник, - народ, невольно ассимилирующийся среди многих других народов, Налбандян видел единственный путь к спасению для армян в возвращении к земледелию на родине. Но какие пути вели к осуществлению этой положительной программы? И тут Налбандян идет по линии полной консолидации с Чернышевским,— он развивает идею народной революции, единственной, которая может принести трудящимся истинное освобождение, революции, которая должна «призвать к топору» весь армянский народ. Таков был заключительный аккорд этого программного выступления Налбандяна, выступления, которое осветило путь многим поколениям армянских революционеров.

В «Земледелии» был поднят Налбандяном и целый ряд вопросов о развитии национальной культуры, литературы и печати. С удивительной проницательностью разоблачает Налбандян пресловутую «свободу» буржуазной печати. Говоря об Англии, которая всегда особенно кичилась своими свободами, он писал: «Всякий знает, что печать там свободна и никакие нападки со стороны правительства и закона невозможны. Но, несмотря на это, Стюарт Милль был вынужден издать свою книгу «On liberty». В этой книге Стюарт Милль старается убедить, исходя из естественных причин, что печать должна быть свободна от всяких нападок. Нападок? Против печати? В стране, где все печатается без запрета? С чьей же стороны? Ведь правительство и закон не имеют там влияния на этот вопрос? Стюарт Милль говорит с обществом, он протестует против него и вновь защищает и проповедует эту безусловную свободу печати. Общество, с его предрассудками, с его преданиями, веками засевшими в его мозгу, укоренившимися в нем, зачастую не может мириться со свободной публицистикой. Оно преследует ее вовсе не законом или какой-либо правительственной силой или запретом; нет, оно хорошо знает, что это невозможно в Англии,— оно преследует ее мелкими хитростями и грязными путями, среди которых не последнее место занимают личные выпады, злословие, навлечение подозрения на автора, смущение умов простаков и возбуждение в них ненависти к нему. С ужасом видел все это Стюарт Милль и воскликнул: «Мы погибаем!..»[1]. Такова была свобода печати в Англии.

Уехав из Лондона в Париж с рукописью «Земледелия», Налбандян издал ее во Франции и его трактат влился в единый поток бесцензурной нелегальной литературы, ввоз которой в Россию карался самым жестоким образом.

Круг знакомства Налбандяна в среде русской эмиграции был очень широк. Он хорошо знал Бакунина и находился с ним в переписке, встречался с Тхоржевским, Серно-Соловьевичем, де-Траверсе. Виделся он и с Тучковой-Огаревой, которая впоследствии писала о нем в своих воспоминаниях. Дружба и взаимное уважение связывали его с Тургеневым. В этой среде Налбандян завоевал всеобщее признание, его любили и уважали. Когда Герцен писал, что у Налбандяна «золотая душа», это было не только его личное мнение, но и мнение подавляющего большинства русской эмиграции того времени.

[1] Микаэл Налбандян. Избранные сочинения, Ереван, 1941, стр. 157—158.

Когда в Лондон пришли первые известия о процессе «32-х», с бессильным возмущением и болью сожалея о потерпевших товарищах, многие сожалели и о Налбандяне. Предполагали, что причиной ареста Налбандяна была неосторожность Бакунина, упомянувшего о нем в своем письме. Деятели русской революционной эмиграции не могли тогда знать, что еще задолго до процесса «32-х» полиция и министерство внутренних дел были осведомлены о деятельности Налбандяна. Особая сложность положения Налбандяна заключалась в том, что ему приходилось вести двойную борьбу — и с русской, и с армянской реакцией. В числе его заклятых врагов были не только полицейские или III-е отделение, но и армяне, пользовавшиеся очень большим весом в царской России и занимавшие в ней далеко не последние места. К этим врагам принадлежали Лазаревы, которые в шестидесятые годы были вполне единодушны с реакцией по вопросу о Налбандяне и его сторонниках. К этим врагам принадлежали Халибов и Гавриил Айвазовский. Ага Халибов был настолько известным «деятелем» на юге России, что о нем упоминал в своих романах Г. П. Данилевский[1], правильно почувствовавший хищническую сущность этого пронырливого стяжателя. И действительно, Халибов держал в своих руках многие нити южной торговли и не стеснялся заключать самые неблаговидные коммерческие сделки. Наряду с замашками подлинного хищника, в нем удивительно сочетались ханжество и внешнее благолепие. Грабя, обманывая, не останавливаясь ни перед каким преступлением, он вместе с тем рядился в тогу «благодетеля» нации, который день и ночь печется о ее благополучии. Такому «спасению души» и популярности среди соотечественников служило Халибовское училище в Феодосии и вся его «благотворительная» деятельность вообще.

Другим особенно опасным врагом, потому что он был очень умен и образован, являлся дипломат в облачении епископа — Гавриил Айвазовский,— человек, у которого лопнула карьера в Венеции и Париже, и который решил отыграться, поступив на службу к русскому самодержавию. Он сумел заинтересовать русского посла во Франции Киселева, для которого им была составлена специальная докладная записка «Les Arméniens de l'Orient»[1]. В этой докладной Айвазовский описывал армян как людей, принадлежащих к одной из наиболее одаренных наций на Востоке. Армяне, по его утверждению, были всегда необычайно привержены к религии. Айвазовский неплохо учел интересы русской дипломатии,— под видом благодеяния, которое русское правительство могло оказать армянам на Востоке, он прямо предлагал мероприятия по борьбе с английским и французским влиянием на Востоке. Он писал: „On voit clairement, combien il serait facile au gouvernement Russe de mettre fin à ces troubles, à ces déchirements de cette pauvre nation, s'il lui accordait une protection tellement efficace et désintéressée, qu'elle n'eût plus peur de l'invasion de l'influence française ou catholique, ni besoin de recourir à l'influence anglaise ou protestente"[2].

Поданная Айвазовским записка была до некоторой степени и самоотчетом, и автобиографией. Он излагал в ней подробно историю школы Мурад-Рафаэлян в Париже, и предлагал свои услуги для организации аналогичного учебного заведения, например, в Одессе. Предложение Айвазовского встретило очень живой отклик со стороны русского посольства в Париже. Киселевым была составлена специальная депеша по этому поводу в Петербург. В этой депеше Киселев следующим образом характеризовал Айвазовского: „Le principal de ces prêtres est le père Aywazowsky (frère du peintre de ce nom), qui a acquis parmi les siens une réputation d'érudition justement méritée, et la considération qui s'attache à des principes sévères et a une conduite irréprochable"[3].

В этой своей депеше на имя Горчакова Киселев прямо указывал, что он считает нужным воспользоваться предложением

---

[1] Г. П. Данилевский. „Беглые в Новороссии", „Воля", М., 1956.

[1] „Армяне на Востоке".

[2] ЦГИАЛ, ф. 821, оп. 140, ед. хр. 55/3166, 11, 1857, л. 2. („Совершенно очевидно, насколько русскому правительству будет легко положить конец этим смятениям, этим терзаниям несчастной нации, если бы оно приняло её под свое покровительство столь действенное и незаинтересованное, чтобы она более не боялась вторжения французского влияния или влияния католицизма, не испытывала бы нужды прибегать к влиянию английскому или к влиянию протестантизма").

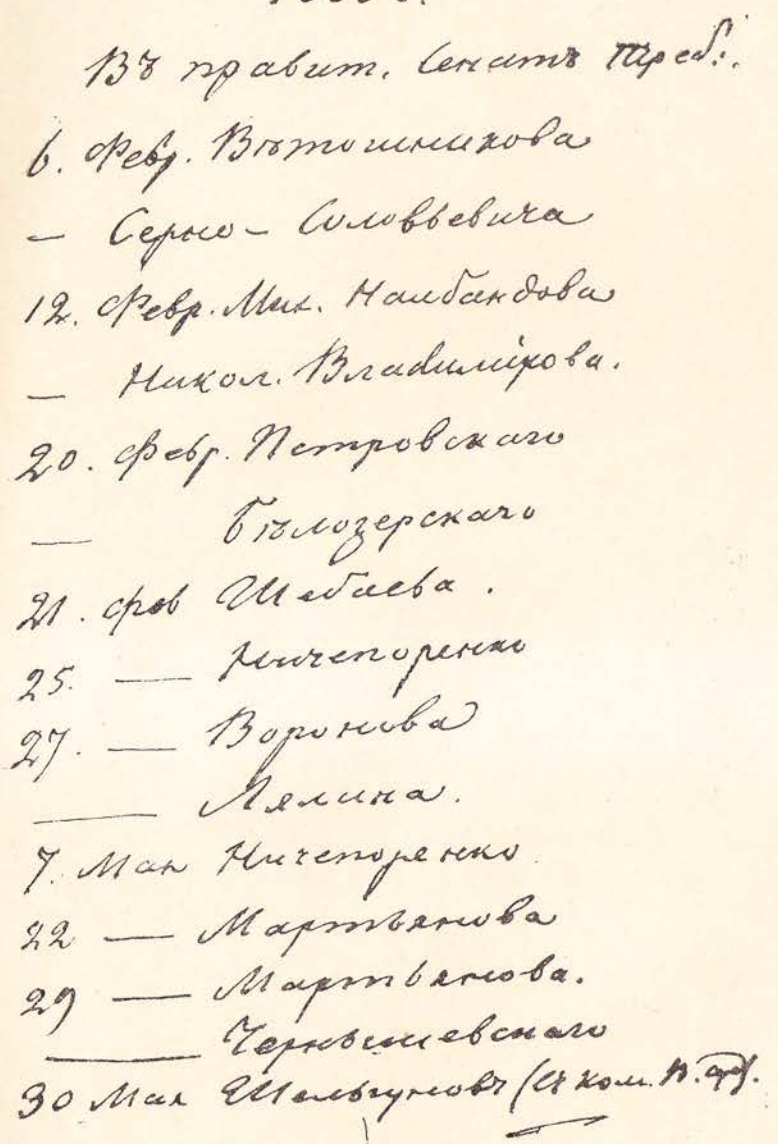
[3] ЦГИАЛ, ф 821, оп. 140, ед. хр. 55/3166, л. 2. („Главный из этих священников — отец Айвазовский (брат художника того же имени), который пользуется среди своих заслуженной славой эрудита, а также уважением к своим строгим принципам и безупречному поведению.").

Айвазовского, которого он рассматривает как орудие, посланное самим провидением. Депеша была доложена императору, который наложил на нее следующую резолюцию: «Это очень важно, надо будет ознакомить министра внутренних дел»[1].

Вот с какими врагами пришлось иметь дело Налбандяну. И Халибов, и Айвазовский в отношении него действовали всегда единодушно и даже не раз заручались соответствующей поддержкой министерства внутренних дел. Этот единый фронт армянской реакции действовал против Налбандяна прежде всего путем бесчисленных доносов — как официальных, так и частных. Доносы шли самого различного рода: то это были доносы инспирированные, за многими подписями, то официальные донесения, то, наконец, характеристики в частной, интимной переписке. Насколько хорошо был известен Налбандян министру внутренних дел еще в то время, как процесса «32-х» не было и в помине, мы можем судить по его секретной переписке. В письме Ланского от 21 января 1861 года давалась Налбандяну следующая характеристика: «Я должен указать Вам еще на личность... это некто Мишель Налбандов. Этот Налбандов — опасный элемент, которого нельзя не остерегаться в делах армянских...»[2].

Имея в виду исключительно широкий резонанс, который получила деятельность Налбандяна в самых различных сферах, мы не можем не остановить наше внимание на той точке зрения, которая была главенствующей в правительственных кругах и в особенности в министерстве внутренних дел: Налбандян — «опасный элемент», которого надо остерегаться в армянских делах. Именно таковы были предпосылки, с которыми Сенат приступил к слушанию дела Налбандяна, обвиненного официально в связях с лондонскими пропагандистами. Поэтому положение Налбандяна перед следственной комиссией было очень сложным. Он не мог, конечно, знать о секретной переписке, которая велась о нем, но он был очень хорошо осведомлен о происках своих смертельных врагов, о доносах, о которых он частично знал и частично догадывался. Ему пришлось использовать всю гибкость своего блестящего ума и не-

[1] ЦГИАЛ, ф. 821, оп. 140, ед. хр. 3, л. 77.
[2] Там же, д. 3136, л. 37 и об. и л. 38.

1863 г.
В 3-е правит. Сенат Пресл.
6. февр. Вонлярлярова
— Серно-Соловьевича
12. февр. Мих. Налбандова
— Никол. Владимирова.
20. февр. Петровского
— Бильозерского
21. февр Шабалова.
25. — Ничипоренко
27. — Воронова
— Лелина.
7. Мая Ничипоренко
22 — Мартьянова
29 — Мартьянова.
— Чернышевского
30 Мая Шелгунова (и ком. К. Ф.).

Список арестантов Алексеевского равелина, вызванных на допрос в 1863 г.

сбычайную тонкость политического чутья для того, чтобы отвечать следственной комиссии так, как он это сделал.

И в дальнейшем Налбандян разделил судьбу русских революционеров: заточенный в Алексеевский равелин, в камеру, соседнюю с той, в которой находился Чернышевский, Налбандян вместе с русскими своими друзьями и товарищами не поступился своими принципами, а с упорством и настойчивостью продолжал работать даже в условиях заточения, следуя по однажды намеченному пути.

В эпоху шестидесятых годов, с усилением правительственной борьбы с развивающимся революционным движением, усиливались и цензурные преследования, принявшие особенно разнузданные формы в период наступления реакции после революционной ситуации (1859—1862 гг.). Цензурные преследования были крайне чувствительны для передовой демократической печати и, в частности, для «Современника». «Особенно стеснительно и тяжело для печати,— писал в своих воспоминаниях М. А. Антонович,— было то, что кроме цензуры общей и духовной, существовало еще много цензур специальных: военная, морская, финансовая, министерства юстиции и внутренних дел, театральная и т. д. Почти каждое ведомство имело свою цензуру, охранявшую его интересы в печати. Несчастные статьи, прошедшие через все эти мытарства, возвращались, конечно, в самом растрепанном и изуродованном виде, не говоря уже о бесконечных проволочках и трате времени. Для «Современника» была набрана для помещения в фельетон небольшая заметка, в которой описывалось какое-то морское торжество в Кронштадте. Общий цензор, кое-что повымаравший, направил заметку к военному цензору, который, как само собой разумеется, должен был направить ее к морскому цензору. Этот последний против фразы в заметке: «Матросы разбежались по веревочным лестницам» положил такую резолюцию: «На военных судах нет веревочных лестниц, а есть ванты,— автор не понимает о чем пишет». Но бывали мытарства еще более продолжительные. Для «Современника» же была набрана статья «Каторжники». Цензор направил ее в Сибирский комитет (тоже специальная цензура), который признал, что она касается министерства внутренних дел и юстиции и, сверх того, подлежит духовной цензуре. Предпоследние два

мытарства статья прошла сравнительно благополучно, а духовный цензор вымарал все духовное. Затем статья пошла к цензорам военному и финансовому. Но этим мытарства статьи не кончились. Общий цензор внес статью на рассмотрение цензурного комитета, который, в свою очередь, представил ее в главное управление цензуры»[1].

В аналогичном положении находилась и армянская печать этого периода. В предыдущей главе мы видели, каким цензурным преследованиям подвергался «Юсисапайл». Именно к началу шестидесятых годов этот натиск значительно усиливается. В декабре 1860 года Овсеп Черкезян подал жалобу в Эчмиадзинский синод на X номер журнала. Черкезян вместе с Айвазовским, Халибовым и иже с ними пытается добиться запрещения «Юсисапайла». В своих донесениях они писали о том, что журнал подрывает основы религии и общественной морали. В этой связи Петербургскому цензурному комитету были даны указания об усилении цензурных строгостей в отношении «Юсисапайла».

Армянская зарубежная печать высказывала свое возмущение по поводу преследований, которым подвергался «Юсисапайл». Газета «Париз» («Париж») писала, что запрещение «Юсисапайла» — это поступок, противоречащий и совести, и свободе печати, и духу времени[2]. Далее, газета указывала на пример «Колокола», как на правильный выход в борьбе за свободную печать. И действительно, нам известно из свидетельства Налбандяна, что в Лондоне была организована армянская типография, хотя до сих пор еще не выяснено, почему она не функционировала; мы знаем также о намерении Налбандяна вырвать журнал из лап царской цензуры и перенести его издание за границу. Однако деятелям армянской революционной демократии так и не удалось осуществить эти намерения.

Как только вышедшее из печати «Земледелие» было переслано в Россию, оно подверглось жестоким гонениям. Адресованные Налбандяну, но задержанные у Ветошникова первые экземпляры этой книги были сразу переданы на цензурование

[1] М. А. Антонович и Г. З. Елисеев. Шестидесятые годы. М.—Л., 1933, стр. 147—148.

[2] «Փարիզ», 1862, № 61 („Париж", 1862, № 61).

драгоману министерства иностранных дел Аскарханову. Хотя следственная комиссия еще не знала, что Симеон Маникян и Налбандян — одно и то же лицо, она настойчиво допрашивала его — с какой целью ему была переслана эта книга. Аскарханов в своем отзыве о «Земледелии» писал об этом трактате как о сочинении чрезвычайно опасном и подрывающем основы государства и правительства.

На основании имеющихся материалов следственная комиссия пришла к заключению, что лондонские пропагандисты возлагали большие надежды на Налбандяна, считая, что он будет способствовать распространению их изданий на Кавказе. В этой связи Кавказскому цензурному комитету было дано специальное указание об усилении надзора за печатью, в особенности за печатью, поступающей из-за рубежа.

В истории общественной мысли наследие Налбандяна постигла та же участь, что и наследие русской революционной демократии. Произведения Налбандяна влились в общее русло подпольной, нелегальной литературы XIX века. Его творения (в частности, «Земледелие как верный путь»), несмотря на все запреты, продолжали тайно ввозиться из-за рубежа, его сочинения числились в проскрипционных списках царской цензуры. Цензура свирепствовала, запрещая на таможне книги, журналы и газеты, в которых только упоминался Налбандян.

Но как бы ни усердствовали полиция и цензура, они не в состоянии были вычеркнуть Налбандяна из памяти поколений. В самых тяжелых условиях террора и реакции делались непрерывные попытки к публикации произведений Налбандяна, статей и сведений о нем. Так, 30 мая 1869 года помощник начальника Екатеринославского губернского жандармского управления в Ростовском уезде, капитан Белоцерковский доносил в III отделение, что вышла из печати книга на армянском языке «Лазарь Парфийский», перевод и объяснения Михаила Налбандяна. Книга издана Михаилом Тер-Григорянцем, проживающим в Петербурге, докладывал Белоцерковский; издатель поместил в ней биографию Налбандова, в которой он пытается описать его полезную деятельность и показать, какое огромное влияние имел он на народ.

Издание это, — продолжал Белоцерковский, — вызвало многочисленные толки среди армян. Так как деятельность Нал-

бандова всегда отличалась «вредным», «противоправительственным» направлением, то капитан считал особо необходимым обратить внимание на эту книгу, которая очень быстро распространялась среди армянского населения.

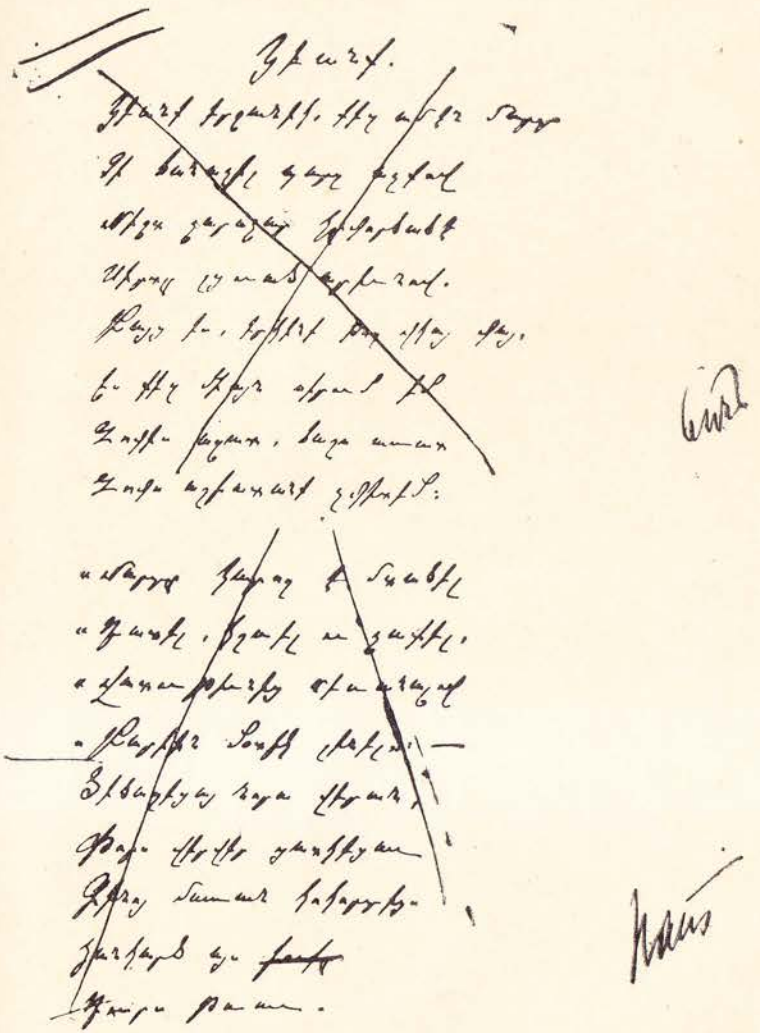
Спустя десять лет (19 декабря 1879 года) полковник Орловский сообщал из Тифлиса шифрованной телеграммой, что им возбуждено дознание о распространении портретов умершего политического преступника, армянина Налбандянца, который, по полученным сведениям, содержался в крепости в Петербурге за сношения с Герценом. Так как Орловскому необходимо было определить судьбу Тиграна Навасардянца, арестованного за распространение этих портретов, то он запрашивал дополнительные сведения о Налбандяне.

История распространения этих портретов следующая: в ноябре 1878 года Тигран Навасардянц пришел в одну из тифлисских литографий и предъявил фотокарточку, которая, по его словам, была изображением его учителя Маркузова. Он просил отлитографировать 500 экземпляров этого портрета. Заказ был выполнен и получен Навасардянцем. Однако один из сотрудников типографии донес в полицию, что отпечатан портрет не Маркузова, а Налбандяна, и 7 декабря Навасардянц был арестован.

Самодержавие при помощи полиции, III-го отделения и цензуры пыталось каленым железом выжечь все, что напоминало молодому поколению о революционной демократии шестидесятых годов. Мрачные казематы Петропавловской крепости, каменные колодцы Шлиссельбурга, нескончаемый Владимирский тракт,— все было взято на вооружение. Но ничто не могло остановить могучее развитие демократического движения, ничто не могло сломить революционную волю народа.

Так же как и декабристы, шестидесятники сохранились в памяти и сердце народа в светлом ореоле борцов за свободу. Это проявилось особенно ярко на дальнейших этапах развития передовой общественной мысли, которая свято сберегла наследие шестидесятых годов.

В конце века проникновение трудов и высказываний революционной демократии в печать происходило с большими затруднениями. Правильнее было бы сказать, что идеи революционной демократии незримо присутствовали в передовой пе-

Стихотворение Налбандяна „Жизнь", зачеркнутое цензором К. Патхановым

чати. Передовые публицисты излагали их точки зрения, не ссылаясь на авторов, цитировали их сочинения, не указывая источников.

Эту картину мы наблюдаем и в армянской печати 70, 80 и 90-х годов. Так, в статье, опубликованной в «Мшаке» в 1878 году по поводу смерти Некрасова[1], говорится о не названном по имени талантливом сотруднике «Современника», который ни в чем не уступал Белинскому и являлся автором сочинения «Отношения искусства к действительности»: совершенно ясно, что речь шла о Чернышевском, имя которого не фигурировало по цензурным соображениям. В той же газете за 1883 год было напечатано коротенькое сообщение о возвращении Чернышевского из Сибири в Астрахань.

В архивах цензурных комитетов сохранились статьи и заметки о Чернышевском на армянском языке, которые не были пропущены в печать. Среди этих статей особое место занимает статья Арасханяна, посвященная жизни и деятельности Чернышевского. «Статья Арасханяна свидетельствует о том, что армянская передовая интеллигенция достаточно хорошо была знакома с произведениями Чернышевского и высоко ценила огромную роль и значение этих произведений в развитии общественной мысли и пробуждении национального самосознания народов, населявших Россию»[2].

Армянская общественность показала свое отношение к Чернышевскому не только в печати, но и в личных взаимоотношениях. Эти взаимоотношения проявились во время пребывания Чернышевского в Астрахани. Получив, наконец, разрешение на переезд в Астрахань, Чернышевский вначале чувствовал себя в этом незнакомом городе одиноким и изолированным; но постепенно у него начали налаживаться связи с местными жителями, среди которых было немало армян. По агентурным данным Астраханской полиции, Чернышевский общался с Б. Е. Сукиасовым, С. Аветовым, Рахмановым, Мартиросовым, Абгаровым, Мелкумовым и доктором С. М. Поповым[3]. Особен-

[1] «Մշակ», 1878, № 2 („Мшак", 1878, № 2).

[2] Գ. Հովհաննես. Ն. Գ. Չերնիշևսկու կապերը հայկական շրջանների հետ 19-րդ դարի 80-ական թվականներին. Հայկական ՍՍՌ ԳԱ Տեղեկագիր, 1953, № 7, էջ 48 (Г. Овнан. Связи Н. Г. Чернышевского с армянскими кругами в 80-х годах XIX века. „Известия АН АрмССР", 1953, № 7, стр. 48).

[3] Там же, стр. 45.

но сблизился он с семействами Мелкумовых, Хачатуровых и Хачиковых. К сожалению, из переписки Чернышевского этого периода почти ничего не сохранилось. Однако даже из разрозненных остатков этой переписки мы можем судить о той исключительной любви и уважении, которые питали к Чернышевскому армяне, проживающие в Астрахани. В связи со смертью Чернышевского многие из них адресовали Ольге Сократовне слова сочувствия и утешения. Так, Софья Мелкумова писала ей 11 ноября 1889 года: «Дорогая Ольга Сократовна! Раз двадцать принималась писать Вам, но откладывала, потому что не знаю — с чего начать, как выразить слова утешения. Да и мыслимо ли найти слов утешительных при такой большой и неожиданной потере, как для Вас, так и для нас всех...»[1].

Такие же теплые слова дружеского соболезнования послала Ольге Сократовне и Сусанна Хачатурова: «Когда я узнала о смерти Николая Гавриловича от Мелькумовых,— писала она,— то это так меня поразило, что я не могла несколько времени прийти в себя. Я представить не могла и думать не хотела, чтоб Николай Гаврилович когда-нибудь мог умереть,— мне хотелось, чтобы он жил долго-долго»[2].

* * *

Связи армянской революционной демократии и передовой армянской общественности с русскими революционерами не были, конечно, случайными либо единичными. Аналогичные связи были и у целого ряда других народов, для которых эпоха шестидесятых годов была не только периодом революционно-демократических движений, но и периодом национального пробуждения, начала национального самосознания. В этом могучем движении народов принимали активное участие украинский, белорусский, грузинский и многие другие народы. Во второй половине XIX века национально-освободительные движения стояли в порядке дня в целом ряде стран,— вспомним итальянские движения, возглавленные Гарибальди, национально-освободительные движения на Балканах и многие другие.

Руководители русского революционного движения шестидесятых годов понимали очень хорошо всю важность и необходимость постановки национального вопроса. Национальный вопрос, как мы видели выше, не сходил со страниц «Колокола».

И Герцен, и Чернышевский, и Добролюбов стояли за безоговорочную поддержку национально-освободительных движений,— общеизвестна их позиция по польскому и итальянскому вопросу. Герцен очень чутко относился к событиям, происходившим на Кавказе. В 1865 году из номера в номер он помещал сообщения о движении амкаров в Тифлисе[2]. В этих сообщениях сопоставлялись сведения легальной печати («Русского инвалида», «Московских Ведомостей») с реальным положением в городе и показывалась вся несостоятельность и ложность сообщаемых «официозных» данных. Особенно большой интерес представляла статья Рио Нелли (Н. Николадзе) «Июньские дни в Тифлисе»: эта статья с эпиграфом из Некрасова «Где народ, там и стон...» рассказывала о тяжелом положении трудящегося населения грузинских городов и, прежде всего, о положении «мушей» (рабочих). «Муша в Грузии не имеет никаких прав гражданства,— писал Рио Нелли,— он даже не мещанин и не срочно отпускной, он просто-напросто беглый. Имеретинские, гурийские, мингрельские и рачинские крестьяне, не покорившись помещичьей власти и «не выдержав барского кнута», бегут в Тифлис и, наоборот, карталинские и кахетинские крестьяне (Тифлисской губернии) спасаются в Имеретию, Гурию и т. п.»[3].

Такие корреспонденции не были чем-то исключительным или случайным для «Колокола», они входили в общую систему журнала, отражали принципиальные посылки его издателей в национальном вопросе и национально-освободительных движениях.

Аналогичным было и отношение «Современника». Правда, по цензурным соображениям на его страницах не могли публиковаться такие же материалы, как в «Колоколе», но в пределах возможности и Чернышевский, и Добролюбов старались откликаться на национальный вопрос, хотя подобные статьи и заметки им удавалось проводить главным образом в области

[1] ЦГЛА, ф. 1, оп. 2, д. 73, л. 1 и об.
[2] Там же, д. 92, л. 1.

[1] „Колокол", 1864 г., № 178, стр. 1431.
[2] Там же, 1865 г., №№ 202, 204, 208.
[3] Там же, 1865, № 204, стр. 1672—1676.

культуры и литературы: ведь Чернышевский был очень заинтересован в распространении журнала на периферии, сам следил за этим распространением и в своей статье «Сведения о числе подписчиков на «Современник» 1861 года по губерниям и городам» приводил очень интересную статистику. На Кавказе, по данным Чернышевского, было в 1860 году 158 подписчиков, а в 1861 году — 161 подписчик. По этому поводу он добавлял: «Цифры, относящиеся к округам Литовскому и Кавказскому, губерниям Волынской и Подольской, служат меркою развития любви к чтению в этих местностях, по причинам, которые указывали мы в прошлый раз»[1].

«Современник» обычно всегда откликался на печать и культурные мероприятия на Кавказе. Еще Белинский, говоря о литературных итогах 1846 года, писал о газете «Кавказ»: «С прошлого года в Тифлисе издается газета «Кавказ», значение которой неоценимо важно в двух отношениях: с одной стороны, это издание, по своему содержанию столь близкое сердцу даже туземного народонаселения, распространяет между ним образованные привычки и дает возможность грубые средства к рассеянию заменить полезными и благородными; с другой стороны, газета «Кавказ» знакомит Россию с самым интересным и наименее знаемым ею краем, входящим в ее состав. Верная своему специальному назначению, эта газета вполне достигает своей цели: ее содержание — неистощимый магазин материалов для истории, географии, статистики и этнографии Кавказа»[2].

В 1855 году «Современник» рецензировал «Кавказский календарь», причем в рецензии приводились многочисленные данные по экономике и статистике Закавказья[3]. Большая статья Чернышевского была напечатана в журнале по поводу закавказского альманаха «Зурна». Он приветствовал в ней развитие литературы в Закавказье и вместе с тем делал целый ряд остро критических замечаний в адрес авторов. В заключение Чернышевский писал: «...мы прощаемся с «Зурною» в надежде, что через несколько времени Тифлис даст нам другие

[1] Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, том X, М., 1951, стр. 479.

[2] „Современник", 1847, № 1, стр. 85.

[3] Там же, 1855, № 3—4, том 56, стр. 14—15.

сборники и произведения, которые будут в состоянии с честью выдержать литературный разбор»[1]. «Современник» вступал и в журнальную полемику по вопросам, относящимся к Востоку. Так, была опубликована рецензия на статью Черняева «Судьба женщин на мусульманском Востоке», напечатанную в «Отечественных записках». Но особенно большой интерес представляет статья Н. Г. Чернышевского «Песни разных народов»[2]. Эта статья была посвящена сборнику Берга, изданному в Москве в 1854 году.

Выступая с утверждением, что сборник, дающий представление о песнях разных народов, имеет большое значение и представляет исключительную культурную ценность, Чернышевский высказывает вместе с тем неудовлетворенность работой Берга. Основной ошибкой Берга он считает то, что последний принял на себя двойной труд — не только переводчика, но и собирателя малоизвестных и малопопулярных песен, не характерных для данного народа: «Перевесть сотни народных песен, выбрав из поэзии каждого народа столько и таких характеристичных песен, чтоб читатель знакомился посредством их с духом народной поэзии того или другого племени,— был бы труд в высшей степени замечательный и полезный. Набрать наудачу по нескольку песен малорусских, французских, сербских и т. д., и набрать так, чтоб эта коллекция нисколько не характеризовала поэзии народа, у которого взяты песни,— дело так же недурное, но едва ли заслуживающее название труда особенно важного и полезного»[3].

Всячески поддерживая стремление популяризировать творчество различных народов, Чернышевский отмечает, что образцы, приводимые Бергом, совершенно недостаточны для того, чтобы судить о культурных ценностях этих народов. «Теперь должно сказать несколько слов,— писал Чернышевский,— о выборе или, как говорится, «подборе» песен. В санскритском, баскском, армянском, калмыцком отделах помещено по одной песне, в моравском, албанском, арабском — по две, в персид-

[1] Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, том II, М., 1949, стр. 723.

[2] „Отечественные записки", 1854, № 12.

[3] Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, том II, М., 1949, стр. 362—363.

ском — три двустишия, что они характеризуют? Можно ли по этим тощим представителям сколько-нибудь познакомиться с духом санскритской и т. д. народной поэзии? Г. Берг поместил их в качестве редкостей, отыскивание которых не оставило ему времени позаботиться о лучшем подборе песен в других отделах. Все песни, повторяем, взяты наудачу, какие попадались; замечательного, обрисовывающего характер поэзии у известного народа не ищите ни в одном отделе; напротив, именно лучшие и самые характеристичные песни пропущены, как недостойные внимания»[1].

Справедливость высказанной Чернышевским точки зрения особенно очевидна на армянском материале, привлеченном Бергом. Он избрал для публикации армянскую песню, доставленную ему студентом Московского университета М. А. Тимуровым: «Ասւտի գու քաս, գարիբ բլբուլ» («Откуда, чуждый соловей»)[2], совершенно не характерную и по которой, конечно, никакого представления о песенном творчестве армянского народа читатель составить себе не мог. Эта рецензия Чернышевского лишний раз свидетельствует о том, с каким исключительным, любовным вниманием относился он к творчеству народов, к их культурному наследию. Глубокий интерес Чернышевского к Востоку проявился не только в его штудиях арабского языка, затем армянского языка в бытность в Астрахани, но и в общем интересе к языкам народов Кавказа и Закавказья. Рецензируя «Записки Кавказского отдела Географического общества», Чернышевский писал: «Из протоколов заседаний Кавказского отдела узнаем, между прочим, что Отделом приняты деятельные меры к составлению по одному общему плану кратких грамматических очерков и сборников слов по всем доступным для русских исследователей наречиям Кавказского края (редакция этих трудов возложена на г. Берже) — дело, которое, без всякого сомнения, будет иметь большую цену для науки, если исполнение его хотя отчасти будет удовлетворительно. Кавказские наречия имеют очень большую важность не только для этнографии края, но и вообще для науки языкознания»[3].

[1] Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, том II М., 1949, стр. 367.

[2] Перевод Берга не точен.

[3] Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, том III, М., 1947, стр. 487—488.

Русские революционные демократы положили начало тому бережному и исключительно внимательному отношению к культуре малых народов, которое мы увидим впоследствии со стороны передовой русской интеллигенции конца XIX и начала XX века. Это отношение было полной противоположностью человеконенавистнической политике царизма, в условиях которого беззастенчиво действовали «герои» цензурных комитетов и процветал черносотенный шовинизм.

Отошли в прошлое бурные дни шестидесятых годов, и на горизонте вновь замаячили мрачные фигуры эпохи реакции. На поприще печати поле битвы осталось за такими деятелями, как Е. М. Феоктистов, который считал Каткова гениальным журналистом, а Победоносцева — величайшим государственным мужем, вершившим идеологические дела с необычайным проникновением.

Однако тщетны были потуги этих царских слуг любой ценой сохранить одряхлевшее здание монархии. На смену шестидесятникам пришло новое поколение революционеров, то самое поколение, к которому с такой надеждой обращался Микаэл Налбандян. И народ верил в силу и правду этих вождей, верил в свое светлое будущее. Эта вера была очень хорошо выражена Короленко, который сумел даже в темной ночи реакции, плывя по реке русской жизни, увидеть никогда не меркнущие впереди огоньки.

ГЛАВА VI

АРМЯНСКАЯ ПЕЧАТЬ И ЦЕНЗУРА НАКАНУНЕ XX ВЕКА

Во второй половине XIX века вопросы печати и цензуры значительно осложнились. С одной стороны, мы отмечаем бурное развитие печати не только в центрах, но и в так называемых провинциях, с другой — увеличивается цензурный гнет, особенно ощутимый в периоды усиления реакции.

Бесконечно обсуждавшийся цензурный устав так и остался в виде проекта и вместо него в 1865 году появились «Временные правила о цензуре». Цензура была разделена на предварительную и карательную; кроме того она была разбита, в соответствии с отраслями общественной жизни, на внутреннюю, иностранную, театральную, духовную, медицинскую и т. д. В правилах появился новый пункт, направленный прямо против революционной идеологии. Этот пункт гласил: «Не должны допускаться дерзкие и буйственные мудрования, равно противные истинной вере и истинному любомудрию, сочинения, излагающие вредные учения социализма и коммунизма, возбуждающие неприязнь и ненависть одного сословия к другому». Коммунизм из «призрака» превращался постепенно в факт общественной жизни.

Все бóльшие затруднения и препятствия чинились издателям, редакторам, работникам печати. Для того чтобы начать публиковать газету или журнал, требовалось разрешение министра внутренних дел, причем разрешение это давалось далеко не всегда и далеко не всем.

А интерес к печатному слову все возрастал. Разбуженные революционно-демократическим движением шестидесятых годов народы, населявшие необъятные просторы России, пережи-

вали бурный период роста национального самосознания. Шестидесятники не только создали эпоху в революционном движении, но и стимулировали национально-освободительные движения в ряде стран,— вспомним, как это было ярко выражено в Италии, на Балканском полуострове и в некоторых других странах.

Передовые идеологи малых народов прекрасно понимали, что путь к национальному освобождению лежит через дружбу и сотрудничество с русским народом. Во второй половине XIX века в армянской общественной жизни отчетливо усилилась тяга к сближению с Россией и ее культурой. Развивая традиции шестидесятых годов, прогрессивная армянская печать начинает публиковать переводы лучших образцов русской литературы, активно пропагандировать русскую ориентацию во всех вопросах.

Царская цензура упорно боролась с этой тенденцией. В цензурных архивах сохранялись интереснейшие материалы, характеризующие указанное направление. Традиции шестидесятых годов проявились прежде всего в стремлении увеличить номенклатуру периодической печати, причем увеличить не просто, а именно за счет журналов, которые пропагандировали бы идеи дружбы с Россией, идеи братства народов. В цензурный комитет стали поступать многочисленные заявки на право издания от самых различных общественных деятелей, однако подавляющее большинство их было отклонено. Много интересных замыслов осталось неосуществленными. Так, в 1884 году А. Е. Амбарцумов, учитель по профессии, обратился за разрешением на издание в Тифлисе еженедельного журнала на армянском языке под названием «Зруйц» («Беседа»). В разрешении ему было отказано, и начальник главного управления по делам печати Е. Феоктистов привел следующую мотивировку этого отказа: «Главноначальствующий гражданскою частью на Кавказе высказался против удовлетворения этого ходатайства ввиду того, что не признает удобным допускать в вверенном ему крае развитие периодической печати на армянском языке»[1].

Самодержавие не только опасалось развития национального самосознания, но и всячески препятствовало вообще разви-

[1] ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 12, д. 49, 1883, л. 8 и об.

тию культуры у «инородцев». Случай с Амбарцумовым был не единичным,— нам известны с 1884 по 1905 год 6 архивных дел с отказом в праве на издание того или иного журнала или газеты. Так, в 1890 году было отказано С. С. Гуламиряну в просьбе его разрешить печатать в Петербурге журнал «Аракс». В своем журнале Гуламирян предполагал иметь 9 отделов: 1. Изящная словесность, произведения поэзии эпической, лирической и драматической. 2. Научный отдел. 3. Критика и библиография. 4. Общественная летопись. 5. Современная печать. 6. Биографии и воспоминания. 7. Корреспонденции. 8. Мелкие заметки и 9. Объявления.

Гуламирян не был человеком случайным в журналистике. До того, как обратиться с просьбой о разрешении журнала, Гуламирян имел уже опыт издания одноименных сборников,— сборники «Аракс» стали выходить с конца 1887 года. Они носили популярный, общеобразовательный характер. Печатались в них материалы по этнографии, лингвистике, истории, переводы из художественной литературы — главным образом русской: были опубликованы переводы из произведений Лермонтова, Тургенева, Толстого, Достоевского, Гаршина и др. писателей.

Формулируя задачи журнала, Гуламирян писал: «Среди армян, живущих в России, в последнее время замечается сильное распространение грамотности и большая наклонность к чтению. Между тем наличные литературные средства совершенно недостаточны для удовлетворения этой духовной потребности; богатая же русская литература недоступна большинству армян по недостаточному знанию их русского языка»[1]. Однако благим намерениям Гуламиряна не суждено было осуществиться. Главное управление по делам печати сочло нецелесообразным разрешить превратить сборники «Аракс» в ежемесячную периодику. Но самое интересное в отказе — это его мотивировка. Начальник управления Е. Феоктистов писал: «Принимая в соображение, что проситель совершенно неизвестен цензурному ведомству и имея в виду, что при незначительном числе проживающих в столице армян едва ли существует потребность в органе печати на родном для них языке.

[1] ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 8, д. 4, 1890, лл. 2 и 3.

Главное Управление по делам печати находило бы более осторожным ходатайство г. Гуламирянца отклонить»[1]. Этот мотив удивить нас не может, хотя, казалось бы, трудно предполагать, что человек, который два раза в год представлял свои альманахи в цензуру, был бы «совершенно неизвестен цензурному ведомству». Это был попросту прием, трафаретный для царских чиновников. Когда по каким-либо соображениям разрешение не выдавалось, то отказ обычно мотивировался тем, что цензурному ведомству не известны либо личность просителя, либо ее адрес.

Это напоминает общеизвестный случай, происшедший с Л. Н. Толстым: Лев Николаевич вступился за рядового Шибунина, приговоренного к смертной казни за то, что он ударил офицера. Военный министр, которому Толстой послал кассацию, отказал ему на том основании, что в кассации не был указан адрес, по которому квартировал Московский полк. Подобных же ответов было немало и по цензурному ведомству.

В 1895 году проф. Г. Халатян и К. Кусикян обратились в главное управление по делам печати с просьбой разрешить им издавать в Москве журнал «Жаманак» («Время»). Излагая цели и программу журнала, они писали, что основной задачей журнала должна быть пропаганда русской культуры: «Такое периодическое издание будет несомненно содействовать распространению здравых и верных понятий о России и близкому знакомству с лучшими образцами русской словесности и в то же время доставит обильный материал для изучения истории Востока, азиатских стран и народов»[2].

Однако тщетны были старания, не помогла и подробно составленная программа. Главное управление по делам печати, на этот раз уже без всякой мотивировки, сообщило через московского обер-полицмейстера, что министерство внутренних дел признало ходатайство Халатяна и Кусикяна не подлежащим удовлетворению.

Об истинных причинах этого отказа нетрудно было догадаться. «Здравые и верные понятия о России» были совершенно не на руку правительству. Даже в стремлении познать русский

[1] ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 8, д. 4, 1890, л. 5 и об.
[2] Там же, д. 17, 1895, л. 4 и об.

народ и его культуру уже усматривалось нечто «крамольное», посягающее на себе дыхание бурной эпохи шестидесятых годов.

Официальные причины отказа стали известны из письма Канонова: оказывается, издание нового журнала сочли нецелесообразным по причинам внешнеполитическим, связанным прежде всего с Англией...[1].

Следующее обращение в Главное управление по делам печати было со стороны А. Г. Карагезова. В 1896 году он просил разрешить ему издавать в Тифлисе ежедневную газету «Хоск» («Слово»). В своем прошении Карагезов писал: «Импульсом к предполагаемому мною изданию служит искренняя любовь к интересам нашего отечества России и желание распространить высокую русскую культуру, цивилизацию и русскую просвещенную гражданственность среди армянского народонаселения»[2]. Карагезов сам был воспитан в традициях русской культуры, вскормлен ее замечательной литературой. Окончив Петербургский учительский институт, он работал учителем во второй Тифлисской мужской гимназии. Казалось бы,— чем плохая кандидатура для редактора газеты? Однако на этот раз причину для отказа нашли в самом образовании Карагезова и его должности. Попечитель Кавказского учебного округа писал: «Во всяком случае задача редактора ежедневной газеты настолько ответственна и трудна, что она несовместима с обязанностями учителя гимназии»[3]. Это был официальный мотив, истинное положение вещей открывает нам секретная переписка. Вот что писал председатель Кавказского цензурного комитета Ланской: «...Образованные армяне живут русскими умственными интересами, читают русские журналы, в совершенстве владеют русским языком и среди них опровержение армянских заблуждений должно вестись на русском языке.

При столь ненормальной постановке газетного дела на Кавказе следует относиться с большею осмотрительностью к возникновению новых туземных, в особенности армянских газет, ввиду чего я полагал бы желательным отклонить ходатайство г. Карагезова»[4].

Однако все эти запрещения не обескураживали общественных деятелей, и заявления с просьбами о разрешении на издание органов периодической печати продолжали непрерывно поступать. Так, в октябре 1896 года А. Н. Тарханов обратился с просьбой разрешить ему издававшиеся им в Тифлисе сборники «Татрон» («Театр») превратить в ежемесячный журнал. Какие же цели преследовал Тарханов? Он считал, что сугубо театральный материал является слишком специальным и не может привлечь внимание широкой аудитории. Поэтому он предполагал расширить свое издание путем привлечения художественной литературы, главным образом — переводной.

На этот раз конфиденциальное сообщение носило уже персональный характер. Главноначальствующий гражданской частью на Кавказе генерал-адъютант князь Голицын сообщал министру внутренних дел: «Имеющий звание городского приходского учителя Александр Тарханов находится с 1892 года под негласным надзором полиции по делу о задержанных в Рущуке разрывных снарядах и потому я полагаю отклонить ходатайство его о разрешении ему издавать в Тифлисе... журнал «Татрон»[1].

В результате переписки Тарханову было объявлено, что ходатайство его удовлетворению не подлежит[2]. Оно и не могло подлежать удовлетворению не только потому, что в деле были замешаны «разрывные снаряды», но и потому, что в представленной программе будущего журнала Тарханов прямо говорил об огромной роли литературы в сближении и дружбе народов. Тарханов писал: «Как я выше упомянул, ближайшей побудительной причиной моей просьбы является мое стремление познакомить читающую массу армян с русской литературой, созданной корифеями пера и мысли. Хотя на первый взгляд может быть и странно, но тем не менее неопровержимый факт, что до настоящего времени, несмотря на более чем столетний период нахождения армян под высоким покровительством русских державных государей, достойнейшие и талантливые представители русской изящной литературы еще не переведены на армянский язык, тогда как для духовного сближения народов лучшим фактором везде и всегда признавалась литература»[3].

[1] ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 8, д. 17, 1895, лл. 14, 15 и об.
[2] Там же, оп. 12, д. 140, 1896, л. 1.
[3] Там же, л. 8 и об.
[4] Там же, л. 12.

[1] ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 12, д. 127, 1896, л. 9 и об.
[2] Там же, л. 13 и об.
[3] Там же, л. 2 и об., 3.

Утверждение интернациональной роли русской литературы, желание напечатать в переводе на армянский язык произведения «достойнейших и талантливых представителей русской литературы», — естественно, что подобная программа никак не могла подойти цензурному комитету. Слишком уже явно звучали в ней традиции русских и армянских шестидесятников.

В 1905 году, наряду с бурным развитием прессы, увеличилось и количество заявлений на разрешение издания периодики и, соответственно, усилилось и сопротивление цензуры. В Петербурге Т. С. Арутюнян обратился за разрешением издавать еженедельный журнал «Циацан» («Радуга»). Ему было отказано так же, как и его предшественникам, но мотивировка на этот раз была несколько иной: «Издание в С-Петербурге периодических органов печати, предназначаемых главным образом к распространению на окраинах, Главным Управлением по делам печати постоянно отклонялось как в виду затруднительности цензурования таких органов для столичных цензоров по незнакомству их с местными условиями жизни, так и по невозможности при цензуровании отличить статьи и известия, воспрещенные к печати на окраинах по местным условиям»[1]. Еще одна мотивировка, которая не меняла сути дела. А суть эта заключалась в том, что цензура в конце века всячески препятствовала развитию армянской печати, да и не только армянской,— то же самое имело место и в отношении печати других национальностей.

Запрещая многочисленные национальные издания, цензурный комитет предлагал взамен твердить прописные истины самодержавия в тщетной надежде заглушить и остановить исторический процесс развития национального самосознания народов. Безнадежная обреченность этих надежд была доказана всем последующим ходом событий, в которых борьба с цензурой являлась одновременно борьбой за развитие национальной культуры и, в частности, литературы.

Но если цензура всячески препятствовала основанию новых изданий, то как она относилась в конце XIX столетия к изданиям уже существовавшим? Главное управление по делам печати было неодинаково настроено к армянской периодике,

[1] ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 8, д. 2, 1905, л. 11.

и не трудно себе представить, что это отношение определялось политической ориентацией редакторов и издателей. К некоторым газетам и журналам отношение было относительно терпимым. К числу таких газет принадлежала и знаменитая газета «Мшак» («Труженик»), которая очень долго играла ведущую роль в армянской прессе Закавказья. Редактор газеты, доктор философии Гр. Арцруни—публицист конца XIX века, развивал на ее страницах принципы либерализма, ориентируясь на Россию и поддерживая в особенности идеи капиталистического развития Закавказья[1]. Капиталистическое развитие наложило во второй половине XIX века свою неизгладимую печать и на жизнь Закавказья. Газета «Мшак» на своих страницах отражала эти сложные процессы.

Арцруни, как редактор и общественный деятель, проявил незаурядные дипломатические способности. В ранний период своей работы в газете ему удавалось, благодаря умению и такту, наряду с пропагандой своей программы, сохранять вполне благопристойные отношения с представителями власти. Результаты этой, подчас весьма тонкой дипломатии не замедлили сказаться.

Когда праздновали юбилей «Мшака» и его редактора, юбилейные торжества лично «осчастливил своим присутствием» губернатор князь Шервашидзе. Когда же ему задали вопрос,— почему он это сделал, он показал телеграмму министра внутренних дел Г. Дурново, в которой последний предписывал оказать всевозможное содействие этому юбилею, так как «юбиляр (Гр. Арцруни) сочувствует русским идеям»[2].

Опыт двадцатипятилетней работы в печати привел Г. Арцруни к убеждению, что личность цензора играет исключительную роль в судьбах печати. Отсюда его стремление установить с цензорами возможную связь для того, чтобы, в случае необходимости, оказать на них соответствующее давление. Характерна с этой точки зрения передовица Арцруни «Печать и цен-

[1] Մ. Գ. Ներսիսյան, Հայ ժողովրդի ազատագրական պայքարը թուրքական բռնապետության դեմ (1850—1870 թթ.), Երևան, 1955, էջ 242 (М. Г. Нерсисян. Освободительная борьба армянского народа против турецкого деспотизма. Ереван, 1955, стр. 242). Վ. Ռշտունի, Հայ հասարակական հոսանքների պատմությունից, Երևան, 1956, էջ 211 (В. Рштуни. Из истории армянских общественных течений. Ереван, 1956, стр. 211).

[2] ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 4, д. 2, л. 18 и об.

зура», посвященная служебному повышению председателя Кавказского цензурного комитета Якимова.

Избрав примером, достойным подражания, деятельность перемещенного с цензурного поста Якимова, Арцруни под видом его восхваления предъявляет цензуре свои требования. Среди этих требований, выставляемых в назидание преемнику Якимова, Арцруни выдвигает, в качестве одного из основных, самостоятельность в работе цензора, т. е., иначе говоря, учет со стороны цензора всех национальных и местных особенностей. Он предостерегает кавказского цензора от механического копирования цензоров Петербурга и Москвы, предостерегает и от излишней зависимости, ибо запросы и согласования каждого отдельного вопроса с Петербургом должны были катастрофически задержать выход армянской периодики. В заключение Арцруни любезно писал: «В самом деле, для того, чтобы местная печать соответствовала своему призванию, председатель цензурного комитета должен быть подобно г. Якимову личностью сведущей и просвещенной»[1].

С цензурой Арцруни пришлось столкнуться даже после смерти. По духовному завещанию его газета «Мшак» должна была перейти к Мелик-Агамаловой. Однако цензурный комитет отказался утвердить ее редактором-издателем, так как она была — увы! — женщиной... Председатель Кавказского цензурного комитета Ланской, мотивируя нецелесообразность назначения Мелик-Агамаловой редактором, писал 22-XII-1892 года в Главное управление по делам печати: «Наконец с практической стороны, при постоянных сношениях Комитета с редакцией и цензора лично с редактором, исполнение этих обязанностей женщиной, являющейся единственным ответственным лицом, представляло бы весьма большие неудобства и затруднения»[2]. Кандидатура Мелик-Агамаловой была отведена, и редактором «Мшака» назначен А. Аракелян.

В армянской периодике второй половины века наибольшее число цензурных преследований падает на газету «Ардзаганк» («Эхо»). На первый взгляд это может показаться парадоксальным. Дело в том, что «Ардзаганк» принято рассматривать как

[1] «Մշակ», 1891, № 28 („Мшак", 1891, № 28).
[2] ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 12, д. 71, л. 54.

газету консервативного направления. Между тем, министерство внутренних дел дважды прекращало выход этой газеты и, наконец, совсем ее прикрыло. Напрашиваются два возможных вывода: либо направление газеты охарактеризовано неправильно, либо цензура подвергала преследованиям и некоторые реакционные органы печати.

Разгадку следует, как видно, искать в другом. Действительно, ответ мы находим в общем отношении и оценке национальной печати. Во второй половине века цензура очень пристально следила за направлением печати. В ежегодных отчетах-обозрениях давалась детальная характеристика отдельных органов и опубликованных в них материалов.

В отношении закавказской печати цензура различала два направления. Но предоставим слово цензору: «Тифлисские повременные издания... — писал он, — распадаются на два противоположных лагеря: один вдохновляется заграничной армянской прессой, враждебной русским интересам, другой видит центр армянских интересов в пределах России, он стремится к сближению с Россией, к изучению и восприятию армянами русской культуры в видах преуспеяния армянского народа.

Выразителями тенденций первой партии служат газеты «Ардзаганк»— орган национальных упований армянской интеллигенции, и клерикальный «Нор-Дар» («Новый век»). Второй партией руководит газета «Мшак» при содействии журнала «Мурч» («Молот»)»[1]. Цензура считала, что «Ардзаганк» последовательно и упорно дискредитирует государственные постановления и тенденциозным подбором материалов сообщает о России только отрицательные сведения, возбуждая население против правительства. Иначе говоря, цензура рассматривала «Ардзаганк» как орган, пропагандировавший ориентацию на Европу, и прямо называла эту газету «иностранным органом, издающимся в России»[2].

Материалы и статьи, опубликованные в «Ардзаганке», подвергались неоднократному задержанию. Так, в 1893 году из материалов, предусмотренных для публикации в «Ардзаганке», было задержано цензурою 64 статьи; в 1894—83, в 1895—141,

[1] ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 11, д. 75, 1883, лл. 70—80 и об.
[2] Там же.

в 1896—145 и в 1897—89. Но дело не ограничивалось запрещениями, а доходило до личных столкновений с редактором Абгаром Иоаннисианом. Характерный случай произошел однажды в типографии. В субботу вечером редактор пришел в типографию и приказал метранпажу выпустить воскресный номер «Ардзаганка» в траурной рамке в связи с кончиной константинопольского патриарха Нерсеса. Узнавший об этом владелец типографии Мартиросянц той же ночью явился в типографию и приостановил печатание газеты. Однако к этому времени 200 номеров уже было отпечатано. В воскресенье утром Абгар Иоаннисиан приехал в типографию за газетой. Мартиросянц отказался выдать ему номера, так как цензурного разрешения на выпуск газеты в траурной рамке не было. Выведенный из равновесия редактор схватил со стола 200 номеров, отпечатанных с траурной рамкой, но хозяин типографии воспротивился, пытаясь вырвать у него из рук пачку газет. Тогда Иоаннисиан стал призывать на помощь своего кучера — детину огромного роста и большой физической силы. Тот ворвался в типографию, вырвал у хозяина типографии газеты, и Иоаннисиан с кучером победителями покинули «поле сражения».

Этот случай крайне взволновал цензурный комитет: председатель его на следующий же день созвал экстренное заседание. Приглашенный для объяснения Абгар Иоаннисиан подтвердил справедливость составленного протокола и добавил, «что при нежелании Мартиросянца выдать добровольно нумер, он отнял его силою при помощи фаэтонщика, оказавшегося к счастию весьма сильным человеком»[1]. Иоаннисиан при этом заявил, что готов нести ответственность за содеянный поступок и, в случае нужды, нанять адвоката для Мартиросянца, если тот подвергнется преследованиям за выпуск номера из типографии. Пошумев и поволновавшись, цензурный комитет так и не решился принять какие-либо меры против газеты и ее буйного редактора, решив пойти по линии наименьшего сопротивления и привлечь к ответственности типографщика и его рабочих, как непосредственных нарушителей. Однако главноначальствующий гражданской частью на Кавказе и министерство внутренних дел рассудили иначе: они не стали возиться с судебным

[1] ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 11, д. 75, 1883, лл, 7—11.

процессом или привлекать к ответственности типографию, а просто-напросто закрыли «Ардзаганк» на восемь месяцев.

Но и после возобновления в июле 1885 года «Ардзаганк» продолжал упорно следовать принятому политическому курсу, а его редактор входил в новые непрерывные столкновения с цензурою (в среднем по «Ардзаганку» задерживалось свыше ста статей в год). Вопрос о направлении «Ардзаганка» и печатаемых им материалов неоднократно обсуждался в различных инстанциях. В 1898 году газета была окончательно закрыта, а ее редактору и издателю Абгару Иоаннисиану воспрещено было вообще быть редактором или издателем какого-либо периодического органа.

Очень внимательно следила цензура и за тем, чтобы в прессе 80—90-х годов не проскользнули даже незначительные упоминания о прогрессивной периодике шестидесятых годов. Так, в журнале «Тараз» *(«Տարազ»)* был задержан материал о десятом номере «Юсисапайла» и его цензурном запрещении. В связи с этим и еще целым рядом цензурных преследований, крайне возмущенный и расстроенный издатель и редактор журнала Т. Я. Назарян подал прошение в главное управление по делам печати, в котором он писал: «Задержана копия с прошения армян на имя католикоса Матеоса по поводу № 10 «Северного Сияния» (армянского журнала) за 1860 г. и книги «Учебник закона божия», статья, представляющая сколько литературно-исторический интерес, столько и служащая весьма ценным материалом для биографии давно почившего первого армянского публициста профессора Степаноса Назаряна, редактора журнала «Юсисапайл», издававшегося в Москве. Мне кажется, что «Тараз», имея в программе отделы: «Наука» и «Биография» — имеет право давать и подобного рода материалы»[1]. Понятно, почему редактор «Тараза» не мог в восьмидесятые годы назвать Налбандяна: ведь даже упоминание о журнале «Юсисапайл» вызывало со стороны цензуры резко отрицательную реакцию...

Строго цензурировались также журналы и газеты, ввозившиеся из-за границы. Сохранились многочисленные запрещения журналов и газет, задержанных в таможнях. Так, в 1897 году

[1] ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 12, д. 78, 1883, лл. 26—27 и об.

в числе многих других был задержан журнал «Хузак» («Исследователь»). Цензор Драгомирецкий охарактеризовал его как журнал социалистического направления. Он писал: «Доставленный центральным комитетом иностранной цензуры от 8-го сего ноября, за № 3919, армянский журнал под заглавием «Хузак» принадлежит к числу изданий, распространяющих среди армян вредные учения социализма. Статьи рассматриваемого выпуска составлены в таком же духе. В первой, например, статье под заглавием «Слезы» описан несчастный случай с человеческими жертвами на какой-то фабрике. Виновниками подобных случаев являются: современный порядок и хозяева фабрик. И первые и вторые стремятся к порабощению рабочих и вообще бедняков.

Ввиду этого я, применительно к ст. 95 ценз. уст., нахожу распространение означенного журнала не удобным»[1]. Аналогичному запрещению со стороны того же Драгомирецкого подвергались газета «Тигрис» («Тигр») и ряд других[2].

Во второй половине века цензура продолжала пристально следить за периодикой, одновременно уделяя не меньшее внимание книгам и, в первую очередь, художественной литературе. Для армянской литературы это был период бурного и плодотворного развития. Пути развития политерриториальной армянской литературы во второй половине XIX столетия очень сложны и многообразны. У нас пока еще совершенно недостаточно исследований, трактующих об общих вопросах и направлениях этого развития, одной из существенных проблем которого являлось становление реализма.

Возникновение реализма в армянской литературе связывают обычно с именем Хачатура Абовяна (см. работы Г. Мурадяна, Р. Заряна, В. Партизуни и других). Проза Абовяна явилась почином новоармянской литературы. Становление реализма подтверждается и творческой историей романа «Верк Айастани»[3].

Абовян относится к числу тех обездоленных авторов, кото-

[1] ЦГИАЛ, ф 777, оп. 5, д. 26, 1897, л. 152.

[2] Там же, л. 169.

[3] Պ. Հակոբյան, Խաչատուր Աբովյանի «Վերք Հայաստանի» վեպի ստեղծագործական պատմությունը, Երևան, 1955 (П. Акопян. Творческая история романа Хачатура Абовяна „Раны Армении". Ереван, 1955).

рые не увидели при жизни своих произведений в печати. Предпринятая им попытка напечатать «Нахашавиг» («Предтропье») окончилась, как известно, неудачей. Книга была набрана в типографии Арзанова в Тифлисе, но по неизвестным причинам не увидела света. На основании мемуарных данных, по этому поводу делают различные предположения[1]. К числу этих предположений относится утверждение Е. Шахазиза, что книга не была выпущена из типографии потому, что ее сожгли по приказу архиепископа Карапета, посчитавшего кощунством учебник для детей не на грабаре, а на разговорном языке, которым пользовался армянский народ в Араратской долине. Так или иначе Абовяну пришлось составить второй вариант книги, который и был опубликован только в 1862 году, уже после смерти автора.

Не менее печальна была судьба замечательного романа Абовяна «Верк Айастани». Помимо того исключительного места, которое этот роман занимает в армянской литературе, помимо его роли в армянской общественной жизни, он является замечательным документом исторической дружбы русского и армянского народов. Одним из первых Абовян радостно приветствовал присоединение Армении к России. «Солдаты стали входить в крепость,—писал Абовян на страницах романа,—а в тысяче мест, в тысяче окон люди не в силах были рот открыть,— так душили их слезы. Но у кого было в груди сердце, тот ясно видел, что эти руки, эти застывшие, окаменевшие, устремленные на небо глаза говорят и без слов о том, что и разрушение ада не имело бы для грешников той цены, как взятие Эриванской крепости для армян... Эривань почувствовала крылья, когда русское войско в нее вступило...»[2].

Абовян не только исторически правильно указал на роль России в жизни армянского народа, но и высоко ценил русскую культуру и литературу. В бытность свою в Москве и Петербурге он внимательно следил за периодической печатью, с интересом читал «Отечественные записки»[3].

[1] Խ. Աբովյան, Նախաշավիղ. Առաջաբանով և ծանոթություններով Ռուբեն Զարյանի, Երևան, 1940 (Х. Абовян. Нахашавиг. С предисловием и комментариями Рубена Заряна. Ереван, 1940).

[2] Х. Абовян. Раны Армении, Ереван—Москва, 1948, стр. 272.

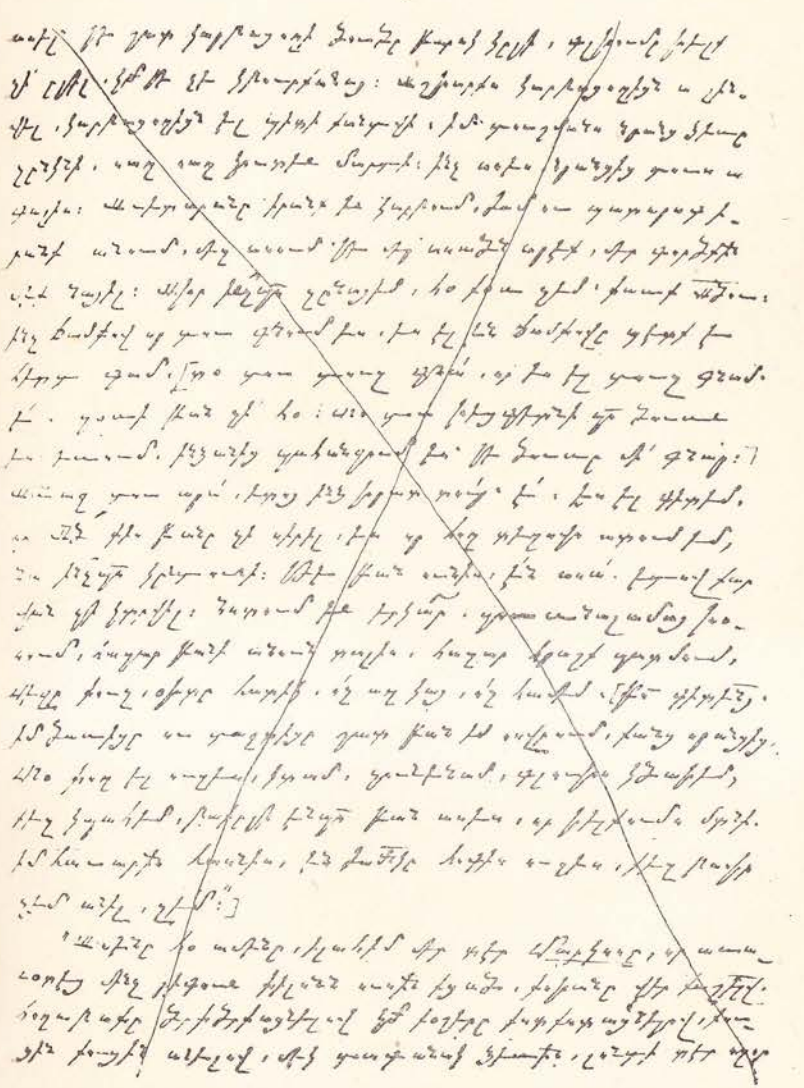
[3] Հր. Մուրադյան, Աբովյանը և Ռուսաստանը, Երևանի պետական Մանկավարժական ինստիտուտի գիտական աշխատություններ, հատ. 1, Երևան,

Абовян был хорошо осведомлен в вопросах русской литературы, знал Ломоносова, Крылова, Грибоедова, Пушкина, Лермонтова, Белинского. Вместе с передовыми русскими людьми он тяжело пережил трагическую гибель Грибоедова. В развитии творческих принципов Абовяна большую роль сыграла «натуральная школа», значение которой выходит далеко за пределы русской литературы. «Натуральная школа» имела большое значение для формирования реализма в ряде литератур других национальностей, в частности и в армянской литературе. Х. Абовян был одним из первых, обратившихся к натуральной школе, и очевидно, что он немало почерпнул из этого источника, овладевая писательским мастерством.

Не случайно первым в армянской литературе Абовян зарисовал положительные образы русских людей и написал драму из русской жизни «Феодора или Дочерняя любовь».

Казалось бы, правительство должно было поддержать человека, столь искренне преданного России. На самом деле это было не так. Царское правительство не только не поддерживало Абовяна, но и усердно чинило ему всяческие препятствия. Демократизм Абовяна и в особенности его роман «Верк Айастани» внушали серьезные опасения самодержавию. Правительство видело в Абовяне опасного народного деятеля. Это отношение очень ярко проявилось по цензурному ведомству. Свой роман Абовян так и не смог довести до печати. Когда же, спустя десять лет после его смерти и 18 лет после написания «Верк Айастани», в 1858 году встал вопрос об издании романа, цензор Кайтмазов пропустил рукопись лишь после значительных купюр. Цензурные сокращения относились к местам, где Абовян со всей силой реализма обрушивался на духовенство, поднимал завесу над тяжелой, беспросветной жизнью народа. И последующие издания «Верк Айастани» (1897 и 1907 годов) не обошлись без цензурных искажений, но их преимущество заключалось в том, что многие изъятые в свое время отрывки были восстановлены. Об этом с радостью писал в одном из своих

1940, էջ 181—197 (Г. Мурадян. Абовян и Россия. Научные труды Ереванского Педагогического института, том 1, Ереван, 1940, стр. 181—197). *Վ. Պարտիզան, Խաչատուր Աբովյան, Երևան, 1952* (В. Партизуни. Хачатур Абовян. Ереван. 1952).

Страница из рукописи „Верк Айастани“ перечеркнутая цензором Кайтмазовым

нисем Ст. Шаумян: «Имейте в виду также то обстоятельство, что «Верк Айастани» не только не сокращено, но даже и дополнено теми прекрасными и довольно большими отрывками, которые были запрещены прежней цензурой в имеющемся у Вас издании, а ныне полностью допущены к печати»[1].

Особенно беспощаден к Абовяну был Петербургский цензурный комитет. Цензуровавший армянские издания Драгомирецкий писал по поводу романа «Верк Айастани»: «Представленная на рассмотрение Петербургского цензурного Комитета рукопись на армянском языке под заглавием «Х. Абовяна Верк Хаястани» («Раны Армении») заключает в себе описание всех ужасов, происходящих в Турецкой Армении, причем автор ее напрягает все усилия к тому, чтобы возбудить среди армянского населения фанатизм, непримиримую вражду к турецкому правительству и напомнить армянам о их праве на политическую самостоятельность.

Ввиду вышеизложенного, возвращаемая при сем рукопись (отпечатана по-видимому за границею) подлежала бы, по моему мнению, на основании ст. 102 и 104 уст. о ценз. и печ., запрещению»[2].

К сожалению, нам не удалось установить, о какой именно рукописи или о каком издании идет речь у Драгомирецкого, но существа дела это, конечно, не меняет.

Цензура не допускала к обращению журналы и сборники, в которых печатались произведения Абовяна или статьи о нем. По этому признаку был запрещен целый ряд сборников армянской литературы. Были запрещены и многочисленные номера газет за помещение в них биографии Х. Абовяна. В делах цензурного комитета сохранился следующий любопытный документ: говоря в крайне нетерпимом и раздраженном тоне о творчестве Абовяна, цензор, не знавший ни его биографии, ни армянской литературы, после путаного и сбивчивого заключения предлагал запретить всё, имевшее отношение к великому просветителю. Он писал:

---

[1] *Ստեփան Շահումյան, Գրականության մասին, Երևան, 1948, էջ 190* (Степан Шаумян. О литературе. Ереван, 1948, стр. 190).

[2] ЦГИАЛ, ф. 777, д. 1321, оп. 25, л. 1.

«В этом номере, в статье, посвященной биографии Х. Абовяна, покойного армянского поэта и публициста, между прочими строками читаем и следующее: «...Преследуемый у себя, в Тифлисе, гонимый даже в Эчмиадзине, Абовян часто уединялся на берегах Куры[1] и жадно смотрел в даль. И вот во время одного из таких уединений он исчез и больше не вернулся домой; тщетны были все поиски найти его... Но в народе поныне циркулируют упорные слухи, весьма правдоподобные, что в черной карете умчали его туда... в подземелья отдаленной от Тифлиса Петропавловской крепости, где волны, своим плеском навевающие на гостя вечный сон, приняли его в свои объятия...».

На основании изложенного нахожу справедливым запретить этот номер и его обращение в Империи, о чем и ходатайствую перед Комитетом. Г. Чарыхов»[2].

Имя Абовяна становится для цензуры криминалом, уже самое наличие которого заранее предопределяло запрещение любого сборника. Так усердствовали в цензурных гонениях против Абовяна ретивые царские чиновники.

Под строгим запретом были, конечно, и произведения Микаэла Налбандяна. Имя его, как и имена Чернышевского и Добролюбова, вырубалось и выжигалось мечом и огнем цензуры.

В 1897 году был задержан Одесским комитетом цензуры иностранной сборник «Собрание старых и новых армянских национальных песен». Цензуровал сборник протоиерей одесской армяно-григорианской церкви Хорасанджянц. В сборник были включены: «Свобода» и «Песня итальянской девушки» Налбандяна, «Слезы Аракса» Патканяна, «Молитва» Тагиядяна, «Мы братья» Пешикташляна и др. Из произведений Налбандяна, как мы видим, в сборник вошли два лучших его стихотворения — «Свобода» и «Песня итальянской девушки». О первом из них цензор писал: «Содержание: свободу я полюбил с колыбели и, несмотря ни на какие затруднения и угрозы, буду стремиться к ней до конца дней моих»[3]. Общественно-политическая

[1] Ошибка в изложения цензора.
[2] ЦГИАЛ, ф. 779, оп. 2, 1910, рапорт № 3457.
[3] Там же, ф. 776, оп. 21, д. 46, 1897, лл. 29—32.

история стихотворения исследована в работе Г. Степаняна[1], где показана острая борьба, которая развернулась вокруг этого произведения Налбандяна, нашедшего отклик во многих странах мира. История его распространения является наглядным примером международного значения идей русских революционных демократов шестидесятых годов. Стихотворение включали в многочисленные сборники и песенники, издававшиеся в самых различных городах, декламировали с эстрады, распространяли вместе с портретом Налбандяна.

Понятно, что сборник, в котором было напечатано это стихотворение, не мог быть обойден вниманием цензуры. По поводу второго стихотворения Налбандяна «Песня итальянской девушки» цензор писал: «Итальянка, приготовив знамя, дает его своему брату, отправляющемуся на войну, и говорит: «Этим трехцветным знаменем победи врага и спаси отечество!» Изложив содержание сборника, цензор пришел к следующему заключению: «Имея в виду возмутительное направление песень, вошедших как в настоящий лист, так и в остальные, что видно из приложенного при I-ом листе списка напечатанных в них песень,— я нахожу невозможным доступ этого листа к обращению вообще в публике»[2].

В борьбе с деятелями шестидесятых годов использовались не только цензура, но и провокационные слухи и анонимные доносы. Эти своеобразные методы политической борьбы были пущены в ход как против Шахазиза, так и его поэмы «Скорбь Леона». Слухи о политической неблагонадежности Шахазиза стали распространяться в Петербурге после выхода в свет его книги стихов. Первоначальным источником этих слухов послужил, по-видимому, анонимный донос министру внутренних дел Валуеву. Автор доноса, скрывшийся за подписью «Преданный престолу и отечеству», сообщал: «На сих днях вышла в Москве на армянском языке книжка, на которую желаю обратить внимание Вашего высокопревосходительства. Книжка эта имеет заглавие «Скорбь Леона», современные повести, соч. С. Шахазизова, типография

[1] Գ. Ստեփանյան, Մ. Նալբանդյանի «Ազատություն» բանաստեղծության հարյուրամյա կյանքը. «Հայկական ՍՍՌ Գն. Ակադեմիայի», 1954, № 11, էջ 51—78: (Г. Степанян. Столетняя жизнь стихотворения М. Налбандяна „Свобода". „Известия АН АрмССР", 1954, № 11, стр. 51—78).
[2] ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 21, д. 46, 1896, лл. 29—32.

Лазаревского Института (Мамонтова). О книжке сей с похвалою отозвался С. Назарянц в своем журнале «Северное Сияние» № 12. Для человека, посвященного в тайны современной армянской журналистики, известно, что значит похвальный отзыв «Северного Сияния». Последователи сего журнала суть последователи Налбандова, политического преступника, сидящего в Петропавловской крепости. Книжка «Скорбь Леона» или по словам других все равно «Скорбь Налбандова» заключает в себе многое, что не должно было быть пропущено цензурою; она заключает в себе: 1) статьи против правительства, статьи, в которых, выставляя в пример итальянцев, Гарибальди и поляков, советуется армянам стараться найти себе полной и совершенной свободы от рабства, ибо без такой свободы, по словам автора, армяне не смогут надеяться на улучшение своей участи... А поэтому следовало бы: 1) запретить оную книгу, как вредную книгу с тайными целями, 2) дать хороший выговор цензору, пропустившему оную книгу к печати и 3) иметь под надзором автора оной книги»[1].

Этот анонимный донос был направлен Валуевым магистру восточной словесности Г. Эзову, состоявшему сотрудником министерства просвещения. Последний в своем отзыве весьма нелестно высказался о Назаряне, ссылаясь на И. Д. Делянова, который считал Назаряна человеком «не далекого ума»; о книге же Эзов заявил, что там действительно имеются места, враждебные правительству[2].

Разговоры о книге Шахазиза усиленно муссировались в Петербурге и в Москве и очень скоро достигли внимательного уха попечителя Лазаревского института Хр. Лазарева. Крайне взволнованный и раздосадованный этими слухами, он направил директору института специальное письмо, в котором указывал: «Неизвестно как, откуда, из каких источников проникли и распространяются в С.-Петербурге и в здешнем цензурном комитете слухи и толки, что в Москве печатаются на армянском языке книги в некоторых неблагонамеренных видах. В том числе возникли теперь суждения о новом издании надзирателя

[1] *Մ. Նալբանդյան, Անտիպ երկեր, խմբագրություն և ծանոթագրություններ Աշոտ Հովհաննիսյանի, Երևան—Մոսկվա, 1935, էջ 705* (М. Налбандян. Неизданные произведения. Под ред. и с комментариями Ашота Иоаннисяна. Ереван—Москва, 1935, стр. 705).

[2] Там же, стр. 706—707.

Шах-Азиза, под заглавием: «Тоска Леона» и разные стихотворения. Печатано в типографии Лазаревского Института и одобрено в Москве цензурою. Не упомянуто — кто цензор? Любопытно это знать.

Для осторожности и для удостоверения поручаю г. директору возложить на г. Мсера и на г. Эмина прочесть и рассмотреть эту книгу и мне кратко об заключении их представить.

Когда цензура разрешила, тогда ответственности нет для института. Благоприличнее однако будет, если должностные и служащие из преподавателей и надзирателей будут издавать полезные классические и другие нравственные книги, не вовлекаясь в несообразные мысли»[1].

Этот любопытнейший документ говорит о том, что кроме официальной цензуры существовала еще цензура негласная, которая являлась арбитром даже над произведениями, получившими установленный цензурный гриф.

Если зачинателем реалистического направления в армянской литературе был Хачатур Абовян, если реализм окреп и стал на ноги и теоретически, и в художественной практике Микаэла Налбандяна, то дальнейшими продолжателями этого направления в армянской литературе были Перч Прошян и Газарос Агаян. Ясно, что цензура не могла покровительствовать этому литературному направлению, и что писателям и издателям приходилось вступать в неминуемые конфликты с нею. В начале литературного пути Агаяну еще повезло. Его первое произведение «Арутюн и Манвел» было завизировано к печати Н. Л. Бероевым. И тут Бероев еще раз показал себя с самой наилучшей стороны. Усталый, разочаровавшийся в своей многолетней деятельности, Бероев нашел в себе решимость помочь Г. Агаяну — молодому, начинающему писателю из народа, единственным наследством которого, полученным от родителей, были ясный ум, литературный талант и редкая жажда знаний.

Шестидесятые и семидесятые годы и были как раз периодом, когда в русскую литературу широко вступил разночинец,— совершенно особая фигура на русском Парнасе. Вслед за Чернышевским и Добролюбовым зазвучали имена Помя-

[1] ЦГАЛА, ф. Лазарева Х. Е.

ловского, Слепцова, Решетникова, Курочкина и многих других. Аналогичный процесс имел место и в армянской литературе второй половины XIX века. После Налбандяна и Прошян и Агаян были не только «разночинцами», но и буквально «детьми народа»— крестьянами по происхождению.

Но вернемся к Бероеву. Вот как рассказывает сам Агаян об обстоятельствах цензурования своего первого произведения: «Я вспомнил здесь пророчество петербургского цензора старика Бероянца. Когда я отнес к нему свою повесть для получения цензурного разрешения, то застал его в зале, где он разложил богатые материалы своего словаря, делая какие-то выборки.

— Это что ты написал? — спросил он.

— Пустяки, — ответил я,— повесть из национальной жизни...

— Из национальной жизни...— повторил старик с болью.— Так значит это несомненно о злоключениях нашей нации? Да, горька жизнь нашей нации — очень горька. Видите вы эти листочки? Это пятьдесят лет моих трудов; пятьдесят лет непрерывно трудился я над ними, но некому оценить мой труд, некому напечатать его,— настолько оскудела в нашей нации жажда знаний, любовь к литературе. И это при наличии армян-миллионеров! А если некому оценить этот труд, то как смогут оценить твою повесть?! Давай, давай уж подпишу...

И подписал, не читая»[1].

Это был первый и последний случай, когда Агаяну так повезло с цензурою. Следующий, заслуживающий внимания в его «цензурной биографии», был отмечен столкновением между Кавказским и Петербургским цензурными комитетами по поводу его книги «Страница из нашей новейшей истории». В 1891 году книга Агаяна была разрешена к печати Петербургским цензурным комитетом и вышла в Москве. Спустя два года Агаян решил ее переиздать и обратился за разрешением на этот раз — в Кавказский цензурный комитет. Однако последний, заново рассмотрев книгу, счел ее переизданию не подлежащей. В своем заключении по этому вопросу комитет писал: «Цензор, принявший к рассмотрению эту брошюру, усмотрел в ней крайне вредное тенденциозное направление. Автор, говоря

[1] Գ. Ագայան, երկեր, հատ. III, Երևան, 1940, էջ 92 (Г. Агаян, Сочинения, том III, Ереван, 1940, стр. 92).

об освобождении крестьян, доказывает, что армяне не прониклись духом этой свободной реформы, вследствие чего не породилось в среде их естественного влечения к свободе... Комитет, соглашаясь с заключением цензуры, нашел, что появление в печати, на Кавказе, страстного памфлета г. Агаянца и неизбежное обсуждение его в местной прессе крайне не желательно, ввиду чего постановил, в заседании 19 мая, воспретить напечатание вторым изданием брошюры Агаянца и довести об этом до сведения С. Петербургского цензурного Комитета»[1].

Решение, принятое в Тифлисе, получило очень сильный резонанс в Петербурге. Разрешение на издание книги в 1891 году было выдано цензором Петербургского цензурного комитета Н. Я. Марром. Уязвленный председатель Петербургского цензурного комитета затребовал у Марра объяснений, и тому пришлось писать в свое оправдание объяснительную записку, которая и была доложена на заседании Комитета.

В своей объяснительной записке Марр продолжал отстаивать свой первоначальный отзыв, доказывая ошибочность и тенденциозность в подходе тифлисского цензора. В этом сражении за книгу Агаяна Марр показал себя с наилучшей стороны. Нисколько не смущенный убийственным отзывом цензора в Тифлисе, он предложил разрешить переиздание брошюры. «Изложенное составляет сущность брошюры, по-моему, по меньшей мере не заслуживающей воспрещения»,— писал он.

Однако Петербургский цензурный комитет оказался более трусливым и осторожным, нежели Н. Я. Марр, и не осмелился, вопреки Тифлисскому цензурному комитету, подтвердить ранее выданное разрешение на выпуск книги. Так переиздание и не было осуществлено.

История мировой литературы достаточно исчерпывающе раскрывает перед нами прижизненную и посмертную литературную судьбу авторов и их произведений. Однако до сих пор еще совершенно недостаточно изучена цензурная история многих литературных памятников, а между тем она таит в себе много ценного и интересного, подчас совершенно по-новому раскрывающего авторский текст, смысл и значение того или иного художественного создания.

[1] ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 4, д. 94, 1893, лл. 25—26.

Цензурные судьбы армянской литературы до сих пор не привлекали специального внимания исследователей; обычно о них мимоходом упоминается лишь в связи с монографическим изучением того или иного автора. Этот очень большой вопрос сам по себе требует внимания и усилий не одного поколения исследователей. Он очень сложен хотя бы потому, что даже к одному и тому же автору цензура относилась различно на различных этапах его творческого пути. Так было, например, с Рафаэлом Патканяном. В интересной и сложной биографии Рафаэла Патканяна отразились различные моменты армянской общественной жизни. В раннем периоде творчества, во время издания знаменитых «Тетрадей» Гамар-Катипа, Патканян, избрав эпиграфом к I тетради сентенцию Карамзина: пиши так, как говоришь, и говори так, как пишешь, — выступил продолжателем Абовяна в его борьбе за общенародный язык.

В начале творческого пути, у литературной колыбели Патканяна, мы встречаемся вновь с Никитой Лазаревичем Бероевым. Он был первым цензором, составлявшим отзывы на «Тетради» Гамар-Катипа, изучавшим их, и он же был первым цензором, разрешившим к печати в 1856 году в пятой тетради «Слезы Аракса» Патканяна, эту «королеву армянской поэзии» (Раффи). Впоследствии «Слезы Аракса» жестоко преследовались цензурою и к обращению в обществе не допускались.

Отзывы Бероева об этих «Тетрадях», как правило, отличались лаконичностью; обычно, после изложения содержания, он давал благоприятное заключение, и это служило основанием для того, чтобы цензор Бекетов визировал их к выходу.

Докладывая о сочинениях молодого Патканяна, Бероев заканчивал свои отзывы следующим образом: «Изложив вкратце содержание сочинения Гамар-Катипа, имею честь донести вашему превосходительству, что во всех прочтенных мною статьях я не заметил ничего противного правилам цензурного устава»[1].

На этом, пожалуй, и завершается период благополучных взаимоотношений Патканяна с цензурою; дальше начинается уже борьба, с каждым годом все более и более обострявшаяся. Если молодой Патканян был автором анакреонтических

[1] ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 2, д. III, лл. 3—5.

стихотворений, то в дальнейшем его произведения приобретают все большую и большую социальную насыщенность и политическое значение. Естественно, соответствующей была и реакция цензуры.

Жизненная и литературная судьба Рафаэла Патканяна была неразрывными узами связана с Россией. Уроженец Ново-Нахичевана, в течение длительного времени живший в Петербурге и Москве, он прекрасно знал русский язык и очень хорошо был осведомлен в вопросах русской культуры и литературы. Патканян широко общался с деятелями этой культуры, был знаком с Гончаровым, Майковым, Данилевским, Полонским и многими другими писателями. Армянский поэт внимательно следил за русской печатью, в особенности за «Колоколом» и «Современником»[1].

Русская литература и в особенности русская поэзия оказали на Патканяна могучее и благотворное влияние; одно из первых мест в этом отношении принадлежит Некрасову. Находясь в кругу писателей-современников и будучи коротко знаком с Панаевым, Патканян имел все возможности для того, чтобы стать одним из наиболее усердных читателей Некрасова. Следы этих чтений мы находим в его творчестве. Многие строки Некрасова послужили эпиграфами к стихотворениям Патканяна, целый ряд стихотворений Некрасова переложен Патканяном на армянский язык[2]. Значительную роль сыграла сатира Некрасова и в развитии сатирической поэзии Патканяна. С неменьшим увлечением переводил Патканян Пушкина и Лермонтова, причем последний являлся одним из его любимейших поэтов, к которому он неоднократно обращался.

С любовью и вниманием относился Патканян и к историческому прошлому России. Из этого прошлого его особенно привлекал образ Петра Первого, которому он посвятил специальный труд, Патканян был вместе с тем очень критически настроен к царизму и видел в самодержавии силу, угнетавшую многие братские народы.

[1] См. *Հր. Մուրադյան, Ռաֆայել Պատկանյան, Երևան, 1956* (Г р. Мурадян. Рафаэл Патканян. Ереван, 1956).

[2] *Գ. Հովհաննես, Ն. Ա. Նեկրասովը և հայ պոեզիան, Երևան, 1956, էջ 53—62* (Г. Овнан. Н. А. Некрасов и армянская поэзия. Ереван, 1956, стр. 53—62).

Царизм обрушился на Патканяна, прежде всего, в лице своего цензурного ведомства. Цензурные преследования начались с запрещения его произведений, вылившись в дальнейшем в последовательную и упорную борьбу за лишение его права сказать свое поэтическое слово в печати; многие произведения Патканяна увидели свет лишь в искаженном цензурою виде,— вспомним хотя бы «Песнь армянского юноши», «Армянскую колыбельную», «Стон армянского юношества», «Клятву» и другие.

В борьбе с цензурою Патканян прибегал к самым разнообразным уловкам. Он вооружился многочисленными псевдонимами: Сюлик, Ахтамеркян, Микаэл Ваелчян, М. Минасибян, Хамчи, Нштрак и т. д.; снабжал некоторые свои произведения, как, например, стихотворение «Чужеземная девушка и армянский юноша», примечанием, в котором утверждал, якобы рукопись этого стихотворения была случайно найдена в Польше. Однако все это, конечно, нисколько не могло дезориентировать цензурных зубров. Получив стихи Патканяна, Габриэл Сундукян с огорчением ему отвечал: «Только что получил Ваше 3-е стихотворение, которым Вы всецело покорили мою душу и сердце. С болью должен Вам сообщить, что его ожидает со стороны цензуры та же участь, что и два предыдущих, то есть нет никакой возможности его напечатать...». И дальше драматург продолжал: «Такова наша судьба, нас преследуют, нас мучают, сдирают с нас кожу, отнимают жизнь, и не дают права произнести хотя бы слово...»[1].

Создавшееся положение чрезвычайно тяготило Патканяна и он, давая анаграмму слова «цензор» — «рознец» (т. е. читая его с конца к началу), восклицал:

Жестокий рознец, неужели ты не дашь мне
Оплакать горестную мою судьбу?..

Но «жестокий рознец» оставался жестоким и беспощадным к произведениям Патканяна даже после его смерти.

В 1892 году В. И. Кананова обратилась в Петербургский цензурный комитет за разрешением на издание избранных сочи-

[1] Музей литературы и искусства АН АрмССР. Архив Г. Сундукяна, № 108.

нений Патканяна. Издание было предположено осуществить в двух томах в пользу семьи умершего поэта. В первый том предполагалось включить стихотворения, во второй — прозу. Ко второму тому В. Кананова добавила еще четыре рассказа. Однако цензор из этих четырех рассказов пропустил в печать только два. Он писал: «Честь имею доложить, что из четырех рассказов, составляющих содержание рукописи — приложения к № 1364 (Избранные сочинения Гамар-Катипа), второй — «Ванские надписи» и четвертый — «Халкедон» могут быть дозволены к напечатанию. Первый же («Война») и третий («Воинская повинность») считаю неудобным для напечатания...»[1].

Эти два тома под редакцией Халатяна увидели свет в 1893 году, но путь их к типографскому станку был весьма тернист. В дальнейшем отдельные произведения и сборники Патканяна систематически запрещались. Так, например, цензор Драгомирецкий с раздражением писал по поводу изданного в Женеве в 1903 году и задержанного на таможне сборника Патканяна «Песни свободы»: «Имею честь доложить центральному комитету цензуры Иностранной, что в означенных: газете и брошюрах заключаются суждения, направленные к возбуждению народных масс к явному неповиновению власти верховной, а также к сопротивлению властям, от правительства установленным, ввиду чего означенные издания подлежат совершенному запрещению на основании ст. 251 и 274 Улож.»[2].

Подобных заключений о произведениях Патканяна сохранилось в архивах цензурных комитетов немало, и они достаточно отчетливо характеризуют отношение цензурных инстанций к творчеству и литературному наследству выдающегося армянского поэта.

Аналогичная судьба постигла в недрах цензурного ведомства и произведения Раффи. Если в начале цензура относилась к его творчеству относительно терпимо, то начиная с 80-х годов запрет следовал за запретом.

Усиление цензурных строгостей Раффи сам объяснял усилением национально-освободительного движения армян в Тур-

[1] ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 4, д. 10, 1892, л. 54 и об.
[2] Там же, ф. 779, оп. 4, д. 306, №№ 8135—8140, л. 413.

ции. Особенно большие затруднения с цензурою ему пришлось испытать в связи с романом «Кайцер» («Искры»), по поводу которого он писал: «После последних армянских движений в Турции, местная цензура относится с особой строгостью к каждому произведению, которое может возбудить патриотические чувства и патриотический дух»[1].

Сравнивая придирчивость отдельных цензоров, Раффи утверждал, что московский цензор значительно терпимее и сговорчивее тифлисского, почему он одно время даже намеревался печатать роман «Кайцер» в Москве. Однако впоследствии он от этой мысли отказался.

Серьезное столкновение с цензурою вышло у Раффи в связи с его произведением «Хамсаи меликутюннер» (*«Համսայի մելիքությունները»*). В свое время оно печаталось в газете «Мшак», и цензор старательно вымарывал из него целые куски; когда же «Хамсаи меликутюнер» было отпечатано отдельным изданием в количестве 1200 экземпляров, цензор, отказавшись дать разрешение на выпуск, потребовал нового цензурного рассмотрения книги, ссылаясь на содержащиеся в ней свободолюбивые идеи.

В мае 1883 года полиция ворвалась в редакцию газеты «Мшак», где был произведен повальный обыск. После обыска с тревогой ожидали возможного ареста Арцруни. Раффи, бывшего и до этого под жандармским надзором без права выезда из Тифлиса, подвергли домашнему аресту, так как он «подозревался в связях с русскими нигилистами». В связи с этими событиями усилились и цензурные преследования. Цензор «Мшака» требовал, чтобы ему сообщали фамилии всех авторов, независимо от того, была ли рассматриваемая статья без подписи или под псевдонимом. Полный творческих замыслов и нетерпения, Раффи с огорчением писал: «Я нынче занят моими личными делами, много вещей подготовил для печати, безо всякой надежды, что они будут напечатаны,— цензурные строгости безмерны...»[2].

Этот цензурный гнет тяготел над Раффи вплоть до конца восьмидесятых и в девяностые годы. Так, в ноябре 1889 года

[1] *«Արարատ», 1913, № 2—3, էջ 202* („Арарат", 1913, № 2—3, стр. 202).
[2] *Նույն տեղում, № 6—7, էջ 581* (там же, № 6—7, стр. 581).

было запрещено третье издание пользовавшейся исключительным успехом и популярностью повести «Хент» («Безумец»), а в 1892 году была запрещена и трагедия «Самвэл» по одноименному роману Раффи. Цензура основательно выкосила представленный к печати сборник Раффи «Пундж» («Пучок цветов»). Цензором были исключены из сборника все произведения антиклерикального характера и все стихотворения, в которых поднимались вопросы национально-освободительного движения. Вот, например, что писал цензор по поводу стихотворения Раффи «Священник»: «Священник» (стр. 104—108) представляет жестокую сатиру, переходящую в брань, на священников; в конце приписано примечание, что автор не имеет ничего вообще против священства и казнит лишь недостойных его представителей, но из стихотворения этого не видно: в нем все священники нашего времени названы «ворами», «лихоимцами», «грабителями» и еще хуже»[1].

В своем отношении к армянской литературе в 90-х годах цензура, впрочем как и всегда, не была оригинальна: она отражала значительно осложнившееся внешнеполитическое положение России. После Берлинского конгресса противоречия на Востоке, и в особенности вокруг Черного моря, значительно обострились. Перед русской дипломатией вставала вполне конкретная задача — преодолеть западные влияния в Турции. В этой связи был оказан нажим и на печать и запрещена всякая поддержка национально-освободительного движения порабощенных Турцией народов, причем совершенно был снят с обсуждения и так называемый «армянский вопрос».

Эта политика нашла свое отражение и в секретной переписке по цензурному ведомству. Председатель Кавказского цензурного комитета сообщал в главное управление по делам печати: «Цензурный Комитет, приняв к неуклонному исполнению предложение г. Главноначальствующего, постановлением своим изъял из обсуждения местной печати так называемый армянский вопрос и в настоящее время, применительно к этому постановлению, не допустил в издающихся в Тифлисе газетах перепечатки и переводы статей об «Армянском вопросе в Турции», появившихся в V и VII книжках «Русской мысли»[2].

[1] ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 4, д. 10, 1892, л. 50.
[2] Там же, ф. 776, оп. 54-а, д. 7, 1892—1893, лл. 136—137.

Этому сообщению из Тифлиса председатель главного управления по делам печати придал исключительно большое значение и сделал на полях следующее примечание: «N. B. Это очень важно; прошу переговорить».

Естественно, что это положение еще больше ограничивало и без того ограниченных цензурным уставом цензоров. В частности, на это указание приходилось неоднократно ссылаться и Н. Я. Марру.

Говорить о запрете, наложенном на отдельных авторов и отдельные произведения,— тема неограниченная и неисчерпаемая. Всей армянской литературе XIX и начала XX века пришлось пройти сквозь цензурное «чистилище».

В архивах цензурных комитетов сохранилось много интересных для нас дел, в которых представлены материалы о Сундукяне, Цатуряне, И. Иоаннисиане, Туманяне и др. армянских писателях. Многочисленные факты свидетельствуют о том, как строго и тщательно цензуровалась армянская литература, поступавшая из-за рубежа. В мотивировке необходимости запрещения брошюр Леренца цензор писал: «Из препровождаемых при сем двух армянских брошюр, одна — Леренц, «Разбойник» (поэма); цена 20 коп., Афины, армянская типография, 1892 г., при романтической фабуле,— любви разбойника Арсена к прекрасной Марии, заключенной в гарем турецкого тирана, содержит восхваление армянской разбойничьей шайки, и словом, и делом пропагандирующей среди армянского населения с оружием в руках защищать свои права и свободу против тирании турецкого правительства; заграничное издание не может быть допущено к обращению в публике ввиду поступившего со стороны Кавказского цензурного Комитета заявления не разрешать ничего касательно армянского вопроса в Турции. На том же основании не может быть допущена другая брошюра того же автора (Леренца) «Беглец», поэма, 1891, содержащая описание бегства поборника свободы; описание само не заключает в себе ничего противоцензурного, но в поборнике свободы можно усмотреть борца за свободу турецких армян, а в преследующих — турецкие власти»[1].

Смерть писателя-мхитариста Алишана вызвала фор-

[1] ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 4, д. 2, 1893, л. 5.

менный переполох в цензуре. Наблюдавший за армянскими изданиями на Кавказе Драгомирецкий в специально составленном по этому поводу отчете писал, что вся армянская пресса («Мшак», «Нор-Дар», «Тараз» и другие) заполняет свои страницы массой статей, посвященных Алишану. В этих статьях Алишан рассматривается как национальный деятель, автор многих исторических и этнографических сочинений и нескольких больших патриотических поэм. Драгомирецкий особо подчеркивает, что хотя Алишан был католиком, но по нем служили панихиды в армяно-григорианских церквах, причем этот вопрос обсуждался и на страницах газет. В заключение цензор приходит к выводу, что статьи об Алишане опасны и возбуждают патриотические настроения среди армян. «Хотя в статьях цензурного устава нет прямого указания к запрещению подобных статей, но они несомненно должны быть признаны вредными по своим целям и направлению»[1],— писал Драгомирецкий.

В наши задачи не входит исчерпывающе представить цензурный материал по отдельным авторам — это вопрос специального исследования. Мы попытаемся лишь привести в заключение некоторые данные о цензорах второй половины XIX века.

В 1861 году Бероев оставил педагогическую деятельность. Он вел эту работу в двух направлениях: читал лекции в Петербургском университете и, одновременно, преподавал армянский язык «кавказским воспитанникам», занимавшимся в других учебных заведениях Петербурга.

Согласно приказу по министерству народного просвещения, Бероев был уволен из университета в апреле 1861 года и по собственному заявлению был освобожден от должности преподавателя армянского языка «кавказских воспитанников», обучавшихся в Петербургских учебных заведениях. Работу же в качестве цензора он продолжал еще в течение нескольких лет. После смерти Бероева его должность по цензурному комитету была замещена К. Патхановым, бывшим студентом, а затем преподавателем Петербургского университета, преемником Бероева по кафедре арменоведения.

Керопэ Петрович Патканов был одним из известных ар-

[1] ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 12, д. 78, 1883, лл. 52—55 и об.

мянских деятелей XIX века. Он учился в целом ряде заведений — Ставропольской гимназии, Лазаревском институте, Дерптском университете, в Главном педагогическом институте в Петербурге. В 1857 году Патканян был принят без экзаменов в число студентов Петербургского университета, на первый курс арабско-персидского-турецко-татарского разряда Восточного факультета[1].

В 1859 году он перешел на юридический факультет; с 18 сентября 1858 года был зачислен стипендиатом Кавказского Комитета. В 1863 году ему было присвоено звание действительного студента.

После окончания университета К. Патканян работал преподавателем русской словесности в Закавказском девичьем институте в Тифлисе, затем, вернувшись в Петербург, стал заниматься вопросами истории и литературы Востока и сотрудничать в «Записках» Академии наук. В связи с выходом Бероева в отставку он был зачислен адъюнктом университета по кафедре арменоведения. На кафедре университета Патканян не только оправдал себя как лектор, но и завоевал славу специалиста-востоковеда.

Заслуги Патканяна были признаны очень скоро. В 1871 году его утвердили в звании экстраординарного профессора, а в 1872 году — в звании ординарного. В 1885 году он был избран в члены-корреспонденты Академии наук.

Круг научных интересов Патканяна был очень широк: он занимался вопросами истории, языка, археологии, литературы, дешифровкой клинописей. Во всех этих различных областях он неизменно добивался успехов, создавая ценные исследования, которые переводились и на иностранные языки. Список научных трудов Патканова дает представление о том важном вкладе, который он внес в арменоведение[2].

С 1872 года Патканов стал цензуровать армянские издания. Таким образом, и преемник Бероева по Петербургскому цензурному комитету не только обладал широкой эрудицией, но и был крупным ученым. К своим обязанностям цензора Керопэ Патканов относился довольно равнодушно. Отзывы его были

[1] ГИАЛО, ф. 14, св. 3402, д. 621.
См. Н. Веселовский. Керопэ Петрович Патканов. СПб, 1890.

лапидарны, выводы обычно очень сдержанны, работу эту он вел, видимо, не имея возможности от нее отказаться, так как вопрос подыскания цензоров для армянского языка продолжал оставаться и во второй половине века очень острым.

Цензурный комитет был, по-видимому, осведомлен об «академическом» безразличии Патканова, потому что ему неоднократно давали под расписку прочитывать предупреждения о необходимости усиления цензурных строгостей. Так, главное управление по делам печати писало председателю Петербургского цензурного комитета: «...имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство вменить в обязанность цензирующему армянские издания г. Патканову, следить с особенным вниманием за направлением передаваемых ему на просмотр армянских изданий и относиться к ним с особенной строгостью»[1].

Паткановым были разрешены к печати пьесы: «Ночью чихать ведет к добру» и «Кутеж в Ортачалах»[2]. Но, разрешив к печати пьесу Сундукяна, Патканов с таким же невозмутимым спокойствием запрещал целый ряд журналов, в частности и номер, в котором был напечатан перевод из Степняка-Кравчинского. Свыше 15 лет работал Патканов цензором. Ранняя смерть в результате тяжелой болезни прервала его научную работу и деятельность по цензурному комитету.

В 1889 году, в год смерти Патканова, цензором Петербургского комитета был назначен его бывший студент — молодой человек, только начинавший свой научный путь,— Николай Яковлевич Марр: установилась параллельная преемственность между работой по арменоведению в Петербургском университете и должностью цензора армянской печати Петербургского комитета.

Н. Я. Марр был одним из наиболее талантливых студентов восточного факультета. Факультет этот в 80-е годы переживал период расцвета и небывалого подъема. Марру посчастливилось заниматься у замечательной плеяды русских востоковедов. Арабский язык он изучал у Розена, персидский — у Жуковско

[1] ЦГИАЛ, ф. 777, д. 12, 1888, л. 49 и об.
[2] Там же, оп. 4, д. 20, 1887. (Заглавия пьес даны в переводе Патканова).

го, турецкий — у Смирнова и у Березина, грузинский — у Цагарели, армянский — у Патканова, еврейский — у Хвольсона. Подготовка студентов-востоковедов слагалась из двух моментов — изучения языков и слушания общих курсов. Марром были прослушаны следующие общие курсы: арабская литература (Розен), история Востока (Веселовский), история Персии (Патканов), армянская литература (Патканов), нумизматика (Березин)[1].

Действительно, Марр освоил лучшие традиции русской школы востоковедения. После окончания восточного факультета он был оставлен при Петербургском университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре армянской и грузинской словесности. С 1891 года он был допущен к чтению лекций в звании приват-доцента, в 1894 году был командирован с научной целью за границу.

В 1889 году Н. Марр защитил магистерскую диссертацию на тему «Сборники притч Вардана». В 1900 году он был назначен экстраординарным профессором по кафедре армянской и грузинской словесности. В 1901 году им была защищена диссертация «Толкование песни песней» Ипполита (рукопись X века), за которую он был удостоен ученой степени доктора армянской словесности[2]. В начале 900-х годов Марр завоевал уже всеобщее признание как ученый востоковед. Мы позволили себе привести этот небольшой отрывок из его curriculum vitae для того, чтобы воскресить в памяти его научную деятельность за то время, когда он был цензором Петербургского комитета.

Но это формальная, внешняя сторона вопроса. Есть другая, более интересная и существенная,— а именно, политическая ориентация Н. Я. Марра в эти годы и его подлинное лицо ученого. По своему мировоззрению Марр в эти годы мало чем отличался от либерально, прогрессивно настроенного круга ученых Петербургского университета. Его, как кавказоведа и востоковеда, не мог не волновать основной вопрос, стоявший тогда перед подвластными царизму народами,— отношение к России и ее культуре. На этот вопрос Марр отвечал следующим образом: «Возрождение с Россиею и в России и уход от России? Органически невозможен»[1].

Н. Я. Марр с первых же шагов своих выступил как ученый-новатор, выдвинувший перед кавказоведением и арменоведением совершенно новые задачи. Прежде всего это диктовалось желанием вывести кавказоведение на широкий путь мировой науки, вырвать его из тесных пут национальной ограниченности. По этому поводу Марр писал: «Россия, создавшая кавказоведную научную область, уже реальную по самому объекту своего исследования, именно археологию Кавказа, она стала получать теоретическую культурно-историческую базу в вещественных памятниках, добытых раскопками в городище Ани, и в изысканиях по ним. Этим отнюдь не утверждается, что другие научные области не имели значения в деле гуманитарного изучения Кавказа. Даже нисколько не умаляется такое их положительное значение. Утверждается лишь то, что благодаря исторически сложившимся обстоятельствам на три научные области,— армяно-грузинскую филологию, яфетическое языкознание и кавказскую археологию и особенно вообще археологию,— выпала честь или, вернее будет сказать, трудная задача утвердить кавказскую ориентацию кавказоведения на научных теоретических положениях, а не национальных презумпциях. И так ориентированное научное кавказоведение, открывая возможности для более углубленных и более плодотворных изысканий на пользу Кавказа других историко-филологических наук, имеющих заслуги в теоретической разработке кавказских материалов, как, например, ариоевропейской лингвистики в отношении армянского языка, упраздняет лишь дальнейшую надобность в националистической постановке наук, посвященных разработке языков, литератур или истории кавказских народов»[2].

И действительно, молодой ученый, каким был Марр в конце века, сумел вывести кавказоведение на широкие просторы науки и превратить его в дисциплину первостепенной важности. Тем, кто слушал и помнит Н. Я. Марра, останутся навсегда памятными его необычайный научный темперамент и та страсть, с которой он делал все, за что брался.

---

[1] ГИАЛО, ф. 14, св. 1476, д. 24332, л. 15.

[2] Там же, св. 1139, д. 16326, лл. 260 275.

---

[1] Архив Н. Я. Марра, № 410, л. 658.

[2] Там же.

С такой же страстностью работал он и в области истории армянской литературы. Занимаясь специально древним периодом этой истории, он наметил широкую проблематику ее изучения, которую, однако, ему вместе с учениками удалось осуществить далеко не полностью. Н. Я. Марр считал, что исследование древнеармянской литературы находится еще в первоначальной стадии; идет собирание и издание материалов, описание их или каталогизация, отчасти перевод и филологическое толкование отдельных мест.

«Однако именно указанное положение дела,— писал Н. Я. Марр,— нас побудило в первую голову выдвинуть факт существования особых проблем по армянской и грузинской литературам. По ним имеются не только научные задачи — собирания и публикования с филологическим толкованием, но и проблемы или чисто литературного, художественно-литературного, или вообще культурно-исторического интереса, интереса исторической, да и современной общественности, и с точки зрения этих проблем и могут получать оправдание сами работы по подготовительной филологической работе по памятникам, само существование задач по собиранию, описанию, изданию и переводу с филологическими толкованиями памятников армянской и грузинской литератур.»[1].

В специальном курсе истории армянской литературы, читанном в Ленинградском университете, Н. Я. Марр критически излагал историографию армянской литературы, обращая специальное внимание на описания рукописей различных собраний: Матенадарана, Петербургских собраний, Лазаревского института, Берлинской коллекции армянских рукописей и т. д.

Рассмотрев многочисленные труды по истории армянской литературы, Марр приходит к выводу, что сделанное в этой области совершенно недостаточно: «Если теперь бросим взгляд,— писал он,— на результаты почти двухвековой разработки армянской литературы, то надо признаться, что найдем мало утешительного. Конечно, много было наработано и с пользою по исследованию памятников армянской письменности, но здесь мы не интересуемся исследованиями отдельных памятников,

[1] Н. Я. Марр. Основные проблемы по истории армянской и грузинской литератур (древний период). Архив Н. Я. Марра, № 1795, лл. 90—110.

изданиями их и переводами, раз они не вносили ничего прямо в предмет нашей темы, в самую историю армянской литературы. Нас здесь интересует сама теория и история армянской литературы, и вот в этом-то отношении сделано мало»[1].

Заслугой ученых XIX столетия в области изучения армянской литературы Марр считает привлечение фольклора и разработку вопросов народного творчества в связи с историко-литературным процессом. Нашествия иноземных завоевателей были губительными для армянского народного творчества,— утверждает он. Говоря о судьбах этого творчества, Н. Я. Марр создает подлинно поэтические страницы:

«Чаща густолиственной рощи,— пишет он,— совершенно закрывающая от сторонних взоров чистый пруд с прозрачной глубиной студеной воды. Рыбак, утопающий в роскошной растительности прибрежья, притаил дыхание и весь ушел в слежку за поплавком, за окрыляющими надежды его движениями. Он не слышит шумного разнозвучного, разноголосого пения многочисленных обитателей растительного мира—птиц, стрекоз и букашек. Он не слышит, как неожиданно обрывается этот концерт живой природы. Он не слышит, но инстинктивно чует беду и вскакивает, выпустив из рук удочку, и еще бдительнее вскакивает, весь во власти инстинкта, верный пес, лежавший у согнутых колен рыбака. То появилась змея, нацелившаяся на оголенные части туловища рыбака, и вся живая, щебечущая, стрекочущая, жужжащая природа замолкла, замерла. Так замолкала народная литература при появлении чуждой культуры на Кавказе. Так замирало и литературно хранило безмолвие население, где вполне торжествовал ислам; и не только ислам, но христианство — там, где оно как омертвевшая церковная культура овладевало общественностью и, не имея нужды по ее условиям считаться с нею и воспринимать ее живое дыхание из затворнических скитов и монастырских келий, из мира безбрачных стремилось в народ, чтобы обезнародить песню страны и убить в народе живую творческую литературность. Напр., у армян к национальному богатству, находившему приют лишь в крестьянской среде, (христиански) образованные армяне от-

[1] Н. Я. Марр. Основные проблемы по истории армянской и грузинской литератур (древний период). Архив Н. Я. Марра, № 1795, лл. 150—151.

носились с равнодушием и даже презрением, а наиболее ревностные не довольствовались и этим...» «Для писателей этого закала все светское равнялось языческому, было ли оно иностранным, эллинским, арабским, персидским, или народным, родным армянским...» Потому-то «в церковной среде рассказчиков народных сказок предавали как бы отлучению: их лишали причастия...» «Взамен светских сказок, находившихся в устном обращении, старались популяризировать душеспасительные рассказы»[1].

Изучая вопросы развития армянской литературы, Н. Я. Марр уделял особое внимание связям этой литературы с литературами других народов. И здесь первенствующее место он предоставлял русской литературе, считая ее влияние особенно благотворным. Вместе с тем Марр подчеркивал близость кавказской культуры русским людям и их культурным традициям.

«Велик и многогранен научный интерес к Кавказу, но он прошел долгий путь, прежде чем сложились те теоретические учения о кавказском культурно-историческом мире, которые выводят кавказский мир далеко за географические пределы Кавказа, вскрывая общие вширь расходящиеся культурные его слои в различных плоскостях, смотря потому, направлен ли научный интерес на языки или на христианскую культуру, или на дохристианские древности.

Эти учения, детища русской науки, однако едва ли исчерпывают всю глубину и многогранность интереса, который может представить Кавказ для России. Нужны еще многие десятки лет работы, чтобы получить синтез всего разнообразия научной пытливости, возбуждаемой в России Кавказом. О силе наличного интереса может свидетельствовать перечень учреждений и обществ, посвящавших себя целиком кавказоведению или отводивших ему в своей деятельности широкое место»[2].

Одновременно с большой научно-исследовательской деятельностью Н. Я. Марру приходилось в 90-е годы вести работу и по цензурному ведомству. Эта работа его весьма затрудняла и тяготила, тем более, что в цензурном комитете его, как и

[1] Н. Я. Марр. Литература народов Кавказа (армянская и грузинская). Архив Н. Я. Марра, № 585, лл. 22—25.

[2] Там же, № 410, л. 35.

Бероева, крайне перегружали огромным количеством материала, главным образом прессы. Достаточно привести один пример,— только за один 1895 год им было отцензуровано и просмотрено 74 названия различных комплектов периодики. Марру пришлось работать в гораздо более трудных условиях, нежели Бероеву и Патканову, и в гораздо более сложной политической обстановке. С одной стороны, в 80—90 гг. в печати была значительно ограничена возможность обсуждения «армянского вопроса», с другой — шла активная борьба с националистическими партиями и их сепаратистскими тенденциями. Таким образом, цензурное ведомство гораздо жестче ограничивало Марра, нежели его предшественников. И в этой трудной обстановке реакции 80-х годов, в эпоху, идеологом которой был Победоносцев, Н. Я. Марр нашел в себе мужество несколько раз заступиться за армянскую печать и литературу. Выше мы видели, как он отстаивал книгу Агаяна, и это был не единичный случай.

Марр по своему характеру был человеком достаточно принципиальным. Согласившись на работу цензора, он не мог не соблюдать предписаний цензурного комитета, но, вместе с тем, он в целом ряде случаев не мог и подавить в себе внутренний протест. Особенно возмущали и волновали его конфликты, связанные с интригами и доносами на печать. Так, после анонимного доноса на газету «Нор-Дар» ему пришлось вступиться и за эту газету. Вот что он писал по этому поводу: «Второй случай по цензуре (первый с «Արձագանք»): 2 июля ко мне препроводили для заключения заявление неизвестного лица, говоря проще, донос в Главное Правление по делам печати. Инкульпированная статья — критика книги Арист. Седракяна, написанная գ. Арамяном («Нор-Дар», 1891, № 94). Я готовлю оправдательный, в пользу «Нор-Дара» доклад».

На полях приписано Марром: «Донос сей, как всякий лжив и гнусен: Предписано приготовить доклад для Министра до 12 ч. 4 июня»[1].

Марром были даны многочисленные разрешения и на периодику, и на художественную литературу. Был визирован им также целый ряд пьес («Двести тысяч», «Единственный исход»

[1] Архив Марра. Карманная книжка-календарь, лл. 1—45.

и др.). Он делал все возможное для того, чтобы провести через цензуру переводы русской художественной литературы на армянский язык. С его разрешения пьесы Островского были допущены к постановке на армянской сцене. Марр писал по этому поводу: «Честь имею доложить, что две комедии на армянском языке: «Мы поймем друг друга», в четырех действиях, и «Знай себе меру», в трех действиях, представленные в рукописях Нахичеванским на Дону Обществом любителей драматического искусства, действительно оказываются, как это помечено на самих рукописях, переводами комедий А. Н. Островского: «Свои люди сочтемся» и «Не в свои сани не садись». Названные комедии в армянском переводе не содержат ничего противоцензурного и вполне удобны к представлению на сцене»[1]. Марром были завизированы к печати переводы произведений Успенского и Златовратского. Больше того, благодаря его весьма умело составленной докладной записке до армянского читателя дошли «Сказки» Салтыкова-Щедрина. Вот что писал он по этому поводу в своем донесении: «Честь имею доложить, что две сказки Н. Щедрина «Премудрый Пискарь» (рассказ о том, как долго, но безполезно и для себя, и для ближних прожил пискарь) и «Баран — Непомнящий» (рассказ о баране заграничной породы, увлекшемся мечтами и околевшем, не оправдав ожиданий своего хозяина) в армянском переводе Сандала для непредубежденного читателя являются совершенно невинными вещицами, не содержащими ничего противоцензурного; на армянскую читающую публику они произведут лишь впечатление обыкновенных армянских народных сказок из животного мира, и потому я нашел возможным разрешить их к напечатанию»[2].

Однако в очень многих случаях Марр был вынужден строго придерживаться инструкций и распоряжений цензурного комитета. Так, им был запрещен перевод романа «Спартак» на армянский язык. В своем заключении по поводу романа Н. Я. Марр писал: «В армянском сокращенном переводе романа, как и в оригинале, описывается в заманчивых красках вооруженное восстание низшего класса против господ — рим-

[1] ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 4, д. 12, л. 125.
[2] Там же, д. 10, л. 8.

ян, и я не решаюсь дозволить к напечатанию армянскую рукопись с таким содержанием, так как произведению с подобным сюжетом легко дать нежелательное с цензурной точки зрения толкование, и в таком случае распространение его среди армян может оказаться неудобным в настоящее время»[1].

В цензурной работе Н. Я. Марра были, наряду с положительными, и отрицательные моменты. Мы пытались остановить внимание читателя и на тех, и на других. В целом нужно сказать, что работа цензора его тяготила, по существу причиняя кроме того немало неприятностей. Марр часто бывал в командировках и поездках, либо на раскопках, либо за границей, и цензурный комитет зачастую посылал рукописи вслед за ним. Переписку с комитетом он вел из самых различных мест, как, например, из Александрополя, Вены или же Страсбурга. В 1897 году Марр обратился с просьбой освободить его от обязанностей цензора. В своем заявлении он писал: «Честь имею просить Вас уволить меня от звания цензирующего армянские издания при С.-Петербургском цензурном комитете, так как научные мои занятия не оставляют мне достаточного досуга для своевременного исполнения сопряженных с упомянутым званием обязанностей»[2].

Заявление Марра было принято и удовлетворено. Однако найти другого цензора оказалось делом далеко не простым. Предложили заняться этим делом Мелик Хан-Меграбову, но тот отказался. Наконец, цензором после Марра был назначен В. Драгомирецкий, человек ограниченный и весьма реакционных взглядов. В 90-х годах использовали в качестве цензора и Халатяна, но он цензуровал немного и непродолжительное время.

Во второй половине XIX века картина цензурования армянских изданий меняется. Если в первой половине века и шестидесятых годах решающую, можно сказать исключительную, роль в судьбах армянской печати играл Петербургский цензурный комитет, то, начиная с 70-х годов, не менее, а иногда и более важную роль стал играть Кавказский цензурный комитет в Тифлисе. Этот комитет пропускал значительное количество

[1] ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 4, 1896, д. 14, л. 82.
[2] Там же, оп. 5, д. 26, 1897, л. 9.

книжной и журнальной литературы. В конце века в комитете был создан для армянских изданий уже довольно большой штат цензоров,— цензорами работали Монастырцев, Кишмишев, Караханов и др.

Назначенный цензором после Марра В. Драгомирецкий был в 1908 году освобожден и на его место был принят Г. Чарыхов. В эти же годы по комитету цензуры иностранной сотрудничал Г. Хорасанджян. Представляет некоторый интерес и то, что хотя этот цензор был, одновременно, служителем культа, доверием у царских чиновников он почему-то не пользовался.

Итак, из цензоров, которым были вверены судьбы армянской печати, заслуживают несомненного внимания три человека — Н. Бероев, К. Патканов и Н. Марр. Деятельность остальных цензоров не представляет исторического интереса. После Марра нарушается университетская традиция в рассмотрении армянской печати, и, с наступлением политической реакции по всей линии на рубеже XX века, цензура начинает лобовую атаку на печатное слово.

Таким образом, во второй половине века борьба царской цензуры с армянской печатью велась в следующих направлениях: во-первых, с любыми проявлениями революционной идеологии; во-вторых, с традициями революционеров-демократов шестидесятых годов и, в-третьих, вообще с развитием национальной культуры и национального самосознания народов. Однако в этой борьбе цензура оказалась не в состоянии задержать не зависящие от нее социальные процессы; она не в состоянии была приостановить или даже серьезно задержать развитие печати, поскольку бессильна была противостоять формированию революционной идеологии широких масс трудящихся, тому общественному подъему, который предшествовал революционным событиям начала XX века.

ГЛАВА VII

ПЕРЕВОДЫ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЦЕНЗУРА

Конец XIX и начало XX века были ознаменованы выходом русского пролетариата на передний край международной борьбы трудящихся за свободу. Революционное движение и революция в России приобретают мировое значение. Русский пролетариат, вооруженный передовой теорией, начинает играть роль передового борца в международном рабочем движении. Тем самым передовая прогрессивная русская литература становится фактором международного культурного развития.

Конкретно это выражалось в повышенном интересе в других странах к произведениям русских писателей, к жизни и культуре русского народа. В печати многих народов появляется стремление освоить русскую литературу, осознать ее путем перевода на родные языки. В 80—90-х годах этот процесс нетрудно проследить на примерах целого ряда литератур.

Процесс этот имел глубокие социальные предпосылки. Россия, а вместе с нею и некоторые входившие в ее состав народы, переживала во второй половине XIX и в начале XX века эпоху бурного капиталистического развития, эпоху буржуазно-демократических революций. Особую остроту приобретает в это время национальный вопрос. «Развивающийся капитализм,— писал В. И. Ленин,— знает две исторические тенденции в национальном вопросе. Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств. Вторая: развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального

единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д.»[1].

Эти две тенденции совершенно отчетливо прослеживаются и в истории армянского народа этого периода. С одной стороны, имело место «пробуждение национальной жизни», с другой стороны — значительно расширяется общение армян с другими народами и, в первую очередь, с русским народом. Обе тенденции нашли свое предельно яркое выражение и в армянской печати. Вопросы национальной культуры, национальных движений, наряду с вопросами международных связей, не сходили с ее страниц. Этими вопросами занимались печатные органы различных политических направлений, давая им, естественно, свое освещение. В вопросах культурных связей — связи литературные играли первенствующую роль. На страницах армянских газет и журналов, издававшихся в конце века как в России, так и за рубежом («Мшак», «Нор-Дар», «Мурч», «Тараз», «Базмавеп», «Аревелян мамул» и т. д.), мы встречаем многочисленные переводы из русской и западно-европейской литературы.

Русская литература пользовалась особенно широким распространением и успехом. Переводили главным образом больших мастеров слова. Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Некрасов, Тургенев, Л. Н. Толстой, Достоевский, Гаршин, Чехов, Горький — вот основной круг авторов, получивших наибольшее признание у армянского читателя. Это и не случайно. За рамки национальной литературы могли выйти художники, имевшие действительно большое значение для развития человеческой культуры, и прежде всего писатели прогрессивные. Следовательно, идейный и художественный масштаб был основным мерилом для интернационального звучания писателя. На многочисленных примерах литератур тех народов, которые пробуждались к национальной жизни, мы могли бы с предельной ясностью увидеть, что именно эти писатели были созвучны и близки народам угнетенным. Да это и понятно. Это было обусловлено их гуманизмом и дружественными чувствами.

Само собой разумеется, что Клюшников или, скажем, князь Мещерский не могли пользоваться успехом у народов,

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. 20, стр. 11.

которые они преследовали своим реакционным человеконенавистническим шовинизмом. К этим авторам не обращалась даже реакционная армянская печать.

Как же относилась цензура к переводам русской литературы на другие языки? В девятисотые годы цензура отражала в этих вопросах воинствующую шовинистическую политику самодержавия: принципиально преследуя всякие переводы, она особенно нетерпимо относилась к переводам прогрессивной и революционной литературы.

Идеологи воинствующего шовинизма, как, например, Победоносцев, Катков или Леонтьев, отрицали какую бы то ни было возможность развития национальной культуры.

Эта черносотенная программа по национальному вопросу неоднократно разоблачалась В. И. Лениным. Характеризуя тактику черносотенцев, он писал: «Доводы» черносотенцев, конечно, коротки: всех инородцев необходимо держать в ежовых рукавицах и не позволять им «распускаться». Россия должна быть неделима, и все народы должны подчиняться великорусскому началу, так как великороссы будто бы были строителями и собирателями земли русской. Поэтому язык правящего класса должен быть обязательным государственным языком. Господа Пуришкевичи даже не прочь бы и вовсе запретить «собачьи наречия», на которых говорит до 60% невеликорусского населения России»[1].

Борьбе с этими «наречиями» и была посвящена деятельность главного управления по делам печати. Цензура жестоко преследовала переводы русской литературы на языки других народов, населявших Россию. В делах сохранились многочисленные запрещения переводов русской литературы на армянский язык.

Идеологическая доктрина цензурного комитета по национальному вопросу верно отражала черносотенные принципы. Очень опасными с позиций этой доктрины считались не только переводы с русского языка, но и переводы с других языков, хотя бы переводы с украинского, болгарского или сербского на армянский язык. В этом случае народы могли заразить друг друга «дурным примером», и революционные идеи одних наро-

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. 20, стр. 54.

дов могли найти благодарную почву у других. Действительно, одним из самых страшных и опасных врагов самодержавия была дружба народов, причем особенно боялось оно объединения революционных сил разных народов. Борьба с революционным движением, руссификаторство и политика ассимиляции были теми идейными столпами, покоясь на которых царизм определял в это время судьбы печати.

Наглядным осуществлением этих принципов было запрещение переводов Кравчинского, Тургенева, Толстого, Гаршина и многих других русских писателей.

Так, в 1885 году были задержаны отрывки из произведений Степняка-Кравчинского. В донесении Патканова по поводу газеты «Аревелк» («Восток») говорилось: «1) в № 393: а) передовая статья. Выписки из появившегося в Англии сочинения Степняка. Автор — русский революционер; содержание — порицание самодержавия, описание тюрем для политических преступников, жестокость и несправедливость русского правительства относительно безвинно арестованных...». Комитет, признавая указанные г. Патканом статьи неудобными к появлению в публике, определил: помянутые №№... к обращению в публике не дозволить, о чем и уведомить комитет цензуры иностранной»[1].

Запрещениям подвергались не только такие авторы, как Степняк-Кравчинский. В число крамольных писателей были зачислены и такие, как Тургенев или Толстой, широко печатавшиеся в России. В одном из сборников армянской литературы, наряду со стихотворениями Налбандяна и Рафаэла Патканяна, был напечатан перевод одного из стихотворений в прозе Тургенева. По поводу этого перевода цензор писал: «На пороге»[2]— рассказ Тургенева. Женщина решается перейти за порог дома, хотя знает, что там она подвергнется всевозможным лишениям, но заслужит бессмертие»[3].

Запрещение Г. Хорасанджянцем стихотворения в прозе «Порог» очень характерно: это стихотворение могло возбудить в женщинах-армянках стремление к свободе, что являлось, с его точки зрения, весьма опасным.

[1] ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 3, д. 7, л. 91 и об.

[2] Цензор имеет в виду стихотворение в прозе „Порог".

[3] ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 21, д. 9, 1903, лл. 66—67

Ов. Туманяном было переведено на армянский язык для журнала «Тараз» стихотворение Кольцова «Сяду я за стол да подумаю», однако и этот перевод был запрещен цензурой. Возмущенный до глубины души, Туманян жаловался по этому поводу, в письме 1889 года, своему другу Ф. Вартазаряну: «Я тебе писал, что перевел стихотворение Кольцова «Сяду я за стол да подумаю» и послал в «Тараз». Ныне мне пишут из редакции, что оно задержано цензором. Не понимаю, что это за вещь, чтобы цензура ее запретила. Значит, что же нам еще делать, о чем еще мы можем думать?»[1].

В 80—90-х годах цензура особенно усиливает борьбу с произведениями Толстого. Столкновения у Толстого с цензурой начались очень рано. Когда в «Современнике» была опубликована его первая повесть «Детство», он рвал и метал по поводу искажений, внесенных цензурой в текст. За эти искажения, не зная, что автором их являлась цензура, он напал в письме на Некрасова. В дальнейшем эти столкновения превращаются в непрерывные открытые скандалы: запрещаются тома его сочинений, запрещаются отдельные произведения. Так, с большим трудом удалось Софье Андреевне получить разрешение на постановку «Власти тьмы». Религиозно-философские произведения Толстого печатались без цензуры за границей, а в России подвергались преследованиям наравне с революционной подпольной литературой. Особенно боялась цензура народности Толстого, массовости распространения его произведений. Поэтому, в дополнение к целому ряду циркуляров по поводу произведений Толстого, главным управлением по делам печати было направлено еще и специальное письмо, в котором содержалось особое предупреждение в отношении дешевых изданий Толстого, выпускаемых Сытиным. Е. М. Феоктистов (начальник главного управления по делам печати на протяжении почти всех 80-х и части 90-х годов) писал по этому поводу: «Главным управлением по делам печати замечено, что в последнее время известная Московская фирма «И. Д. Сытин и К°» занялась изданием позднейших произведений графа Льва Толсто-

[1] Հովհ. Թումանյան, երկերի ժողովածու, հատ. 5, Երևան, 1945, էջ 158 (Ов. Туманян. Собрание сочинений, т. 5, Ереван, 1945, стр. 158).

го, появление коих в печати, особенно в дешевых изданиях, может быть допускаемо лишь с крайней осмотрительностью»[1].

Запрещения произведений русских писателей в 90-е годы приняли циркулярный характер. Так, в 1895 году был разослан циркуляр главного управления по делам печати всем комитетам и цензорам о том, чтобы на будущее время «не разрешать к печати новым изданием, как в виде сборников, так и отдельными брошюрами, рассказы В. Гаршина «Трус», «Четыре дня на поле сражения» и «Из записок рядового Иванова», а также следующие произведения графа Л. Толстого: 1) «Ходите в свете, пока есть свет», 2) «Религия и нравственность», 3) «Письмо Мадзини», 4) «Суратская кофейня», 5) «Карма», 6) «Франсуаза» и 7) «Три притчи»[2].

При таком положении с изданием произведений Толстого на русском языке тем более преследовались переводы его сочинений, да и не только переводы, а любые сведения о нем, проникавшие каким-либо путем в печать на других языках. Особенно преследовались переводы религиозных сочинений Толстого. Так, в 1902 году цензором Драгомирецким был запрещен перевод на армянский язык сочинения Толстого «В чем моя вера?». Были запрещены и номера армянских газет, содержавшие сведения об отлучении Толстого от церкви.

А между тем интерес к Толстому в армянской общественной жизни с каждым годом все ширился и укреплялся. Начиная с 80-х годов, произведения его переводятся на армянский язык. Толстым увлекались не только армяне, проживавшие в России, но и жители армянских колоний в самых различных частях света. Так, «Анна Каренина» (I и II тома) вышла в Константинополе в 1911 году, и в том же году там были напечатаны первые три части «Воскресения». Поэтому и цензуре приходилось не только иметь дело с произведениями Толстого, изданными на армянском языке в пределах России, но и расставлять кордоны на таможне для тех изданий, которые ввозились из-за рубежа. В 1883 году был запрещен перевод «Крейцеровой сонаты», выполненный Хореном Степанэ и изданный в Константинополе. Взволнованный переводчик обратился по этому поводу в комитет иностранной цензуры в Одессе, и

[1] ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 4, д. 3, 1892, лл. 24 и 25.

[2] Там же, оп. 5, д. 1, 1897, л. 76.

старший цензор комитета ответил ему следующее: «Ваше Высокопреподобие! Вследствие письма Вашего от 4-го сентября с. г. имею честь уведомить Вас, что книга гр. Толстого «Крейцерова соната», хотя и позволена в 13 томе «Полного собрания соч. Толстого», но до сих пор остается запрещенною в отдельных изданиях.

Экземпляр этой книги на Ваше имя не получался в Комитете, но будет выдан Вам, для Вашего личного употребления, если таковой поступит на рассмотрение цензуры»[1].

Сам Толстой относился к армянскому народу со свойственным ему исключительным гуманизмом. По свидетельству мемуаристов, он с волнением и сочувствием читал о событиях в Сасуне. «Все усаживаются вокруг стола с лампой, и Лев Николаевич начинает читать о сасунских ужасах, прерывая чтение различными замечаниями, чтобы справиться с охватывающим его волнением. Читает Лев Николаевич превосходно. Но драматические сцены не по его средствам. Владея необыкновенною остротой художественного чутья, он уже заранее, как бы за целую версту, угадывает надвигающийся ужас драмы, и голос его, помимо его воли, спазматически сдавливается. Описание сасунских зверств производит на всех глубокое впечатление. При чтении некоторых сцен Лев Николаевич откидывается от книги и говорит с волнением:

— Как это ужасно...»[2].

О своем интересе к армянской культуре Толстой высказывался во время беседы с Ю. Веселовским и М. Берберяном. Они посетили его в московском доме по Долго-Хамовническому переулку и преподнесли только что вышедший в 1893 году I том сборника «Армянские беллетристы». Толстой встретил их очень доброжелательно и ласково. Беседа касалась главным образом литературных вопросов, Л. Н. Толстой интересовался Арменией и ее культурой. Он сердечно поблагодарил молодых издателей за книгу и обещал обязательно ознакомиться с ее содержанием. Толстой расспрашивал Ю. Веселовского о его занятиях армянской литературой и просил расска-

[1] ЦГИА, АрмССР, ф. 44, личный архив епископа Хорена Степанэ, л. 171.

[2] В. А. Сергеенко. Как живет и работает Лев Николаевич Толстой. М., 1898, стр. 100.

зать о художественных особенностях последней. В заключение беседы он выразил надежду, что сборник «Армянские беллетристы» даст ему возможность ознакомиться с литературой и культурой армянского народа.

Многочисленные отклики в армянской печати на творчество и деятельность Толстого отлично характеризуют полемику, разгоревшуюся вокруг его сочинений. Она велась главным образом по вопросам его философских и религиозных взглядов. Художественные произведения Толстого принимались безоговорочно. П. Прошян, например, не только восторгался величайшим писателем России, но и перевел на армянский язык «Детство и отрочество» и «Кавказский пленник». Высоко ценили Толстого-художника Г. Агаян, А. Ширванзаде, Нар-Дос, Ов. Туманян[1].

В связи со смертью Толстого А. Ширванзаде писал: «Все, без различия национальной и религиозной принадлежности, будут скорбеть о потере великого сына человечества. Нет уголка на лице земли, где бы среди людей грамотных не упоминалось имя Льва Толстого. В истории литературы я не помню другого имени, носитель которого пользовался бы при жизни таким огромным авторитетом».

Однако философско-религиозные воззрения Толстого встретили в армянской общественной жизни два диаметрально-противоположных отклика. С одной стороны, и в армянской действительности нашлись последователи толстовского учения, принявшие безоговорочно его «доктрины». Так, например, религиозные взгляды Толстого популяризировались на страницах газеты «Нор-Дар». Мелитопольский священник С. Х. Самуелян писал Толстому, что под влиянием его идей он решил поселиться «на земле».

С другой стороны, демократы, а впоследствии и марксисты, подвергли острой критике мировоззрение Л. Н. Толстого. Среди армянских писателей, выступивших одними из первых против его учения, был Г. Агаян. «Хотя и очень опасно идти наперекор сказанному большими людьми, но я не буду скрывать своего мнения и своих убеждений...» — писал он в статье «Не противься злу».— Предложение «не противиться злу» является

[1] Г. Овнан. Лев Толстой и армянская литература. „Коммунист" 1953, № 211

результатом беспомощности, слабости и рабства... Очень часто «непротивление злу» является даже и не проявлением благоразумия, а чем-то прямо безнравственным, противоестественным и скотским, поскольку оно дает возможность злым обращаться с добрыми так, как им вздумается... Проповедь «непротивления злу» не является ни правильной, ни нравственной: она противоречит и разуму, и морали...»

Ленинская оценка Толстого в армянской печати пропагандировалась в трудах С. Шаумяна и С. Спандаряна[1]. Шаумян и Спандарян раскрыли перед армянским читателем все неисчерпаемое богатство художественных творений Толстого. Они подчеркивали силу его реализма. Вместе с тем и Шаумян и Спандарян критически оценивали учение Толстого, показывали всю несостоятельность его теории «непротивления злу».

Очень широкий резонанс в армянской общественной жизни получила смерть Толстого. Ваан Тэриан принял участие в похоронах Толстого вместе с Брюсовым и другими прогрессивными деятелями русской литературы. Похороны поразили его своей необычайной простотой и скромностью. «Все происходившее было слишком обыкновенным,— писал В. Тэриан,— между тем как сам Толстой прежде всего был всегда необыкновенен, несравним»[2]. Исключительно высоко ценя Толстого, Тэриан был озабочен переводом его произведений на армянский язык. «Лев Толстой — это такой автор, — писал В. Тэриан, — произведения которого, если не в виде полного собрания сочинений, то хотя бы в виде собрания по возможности наиболее полного, должен иметь каждый народ, если он хочет называться культурным. Следовательно, если мы считаем себя более или менее культурными, необходимо и нам об этом подумать»[3].

Когда в 1912 году было организовано в Москве армянское издательство «Пантеон», Тэриан включил в план издания перевод романа «Война и мир». В связи с этим он обратился к Ст. Зоряну с просьбой перевести второй том. Третий он предложил перевести Д. Демирчяну, а первый предполагал перевести сам.

[1] *Ստ. Շահումյան, Ս. Սպանդարյան, Լև Տոլստոյի մասին, Երևան, 1953* (Ст. Шаумян и С. Спандарян. О Льве Толстом, Ереван, 1953).

[2] *Վահան Տերյան, Երկեր, Երևան, 1956, էջ 460* (Ваан Тэриан, Сочинения, Ереван, 1956, стр. 460).

[3] Там же, стр. 482.

Ст. Зорян, несмотря на всю сложность поставленной перед ним задачи, приступил к работе и послал Тэриану перевод первой части второго тома романа. В издательстве «Пантеон» осуществить свой план Тэриану не удалось, однако «Война и мир» в переводе Ст. Зоряна вышла в 1936—1940 годах. Толстой для Тэриана был всегда непревзойденным мастером прозы. Критикуя армянских писателей за длинноты и напыщенность, он приводил в пример рассказ Толстого «Корней Васильев», как наилучший образец художественной прозы.

Всей душой переживая смерть Толстого, замечательный мастер армянской литературы Ов. Туманян писал: «Пал русский гений-исполин, и скорбная весть о его смерти прогремела по необъятным просторам России из конца в конец. Гремит она и по всему просвещенному миру, ибо как подлинно великий человек, воплощающий в совершенстве душу и образ своего народа, он являл собой ту дивную силу художественной литературы своего времени, которая способна одним взглядом и одним произведением объять жизнь на огромном пространстве сверху и донизу, с внешней ее оболочки и до самых потаенных уголков души...»

В связи со смертью Толстого в армянской печати появились и многочисленные статьи о нем, и переводы. Произведения Толстого переводили крупнейшие армянские писатели, замечательные мастера слова — Ов. Туманян, Ал. Цатурян, Нар-Дос.

Цензура после смерти Толстого отражала общее настроение самодержавных кругов, крайне напуганных возможными демонстрациями, собраниями и выступлениями, посвященными памяти Толстого. Поэтому по всем инстанциям были разосланы многочисленные циркуляры, воспрещавшие какие-либо общественные выражения того великого горя, которым был потрясен русский народ вместе со всеми народами необъятной страны.

В Москве учащиеся Лазаревского института, в полном единодушии с московской молодежью, глубоко переживали болезнь Толстого и с волнением следили за известиями со станции Астапово. 7 ноября в 6 часов утра Толстого не стало, а московский градоначальник в тот же день разослал строгий циркуляр по поводу его болезни и «ее возможного исхода». Совершенно конфиденциально он писал и директору Лазаревского института В. Ф. Миллеру: «Ввиду того, что студенты высших учебных заведений могут реагировать на болезнь графа Толстого и исход таковой созывом сходок, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство принять все зависящие от Вас меры к недопущению резолюций с призывом к каким-либо демонстрациям и с порицанием Св. Синоду и правительству»[1].

На этом основании В. Ф. Миллер был вынужден с неменьшей строгостью официально предупредить учащихся Лазаревского института. На следующий же день после смерти Толстого — 8 ноября 1910 года в институте был вывешен приказ, гласивший: «От директора Лазаревского института восточных языков. Предупреждаю г.г. студентов Специальных классов, что в силу распоряжения г. Градоначальника никакие демонстративные шествия и выступления студентов по случаю кончины графа Л. Н. Толстого безусловно допущены не будут и что против демонстрантов будут приняты решительные меры»[2].

Однако никакие угрозы царской полиции не могли сдержать того всенародного движения, которое было вызвано смертью Толстого. События быстро развивались и в Лазаревском институте. 9 ноября В. Ф. Миллер пригласил профессоров и преподавателей специальных классов на экстренное заседание совета[3], на котором было вынесено постановление: «Предоставить вне очереди золотую медаль для студентов специальных классов кафедры русской литературы и назначить на соискание ее тему, посвященную памяти Л. Н. Толстого: «Восток в произведениях Л. Н. Толстого»[4].

От имени профессоров и преподавателей Лазаревского института, среди которых были крупнейшие представители русского востоковедения, была отправлена в Ясную Поляну телеграмма следующего содержания: «Засека, Ясная Поляна. Семье графа Л. Н. Толстого. Преклоняясь перед духовной красотой почившего всемирного гения, великого учителя любви и милосердия, воздвигшего себе уже при жизни нетленный памят-

[1] МОГИА, ф. 213, оп. 1, св. 20, д. 1532, 1910, л. 1.

[2] Там же, св. 90, д. 1533, 1910, л. 5.

[3] На этом заседании среди присутствующих были: А. Н. Веселовский, Ф. Е. Корш, А. Е. Крымский, М. О. Аттая, М. А. Гаффаров, М. Джафар, С. К. Церуиян, В. А. Гордлевский, К. К. Потье, Г. А. Халатян, А. С. Хаханов.

[4] МОГИА, ф. 213, оп. 1, св. 90, д. 1533, 1910, л. 8.

ник в сердцах и мыслях всего культурного человечества, высокого художника слова, своими дивными творениями привлекшего всеобщие симпатии к русскому народу и русской душе, профессора и преподаватели Лазаревского института, глубоко потрясенные страдальческой кончиной Льва Толстого, выражают его семье искреннее сочувствие в ее горе, разделяемом лучшей частью всего человечества. Творцу вечного да будет вечная память»[1].

От имени директора института было объявлено, что по случаю погребения великого писателя Л. Н. Толстого 9 ноября лекций не будет. Однако студенческую молодежь эти мероприятия не удовлетворили. Лазаревцы фактически прекратили занятия не только 9, но и 8 числа, еще до принятия официальных решений, а также 10 и 11 ноября. Многие из них пожелали поехать на похороны. Собирались бурные студенческие сходки. Напуганный волнениями среди молодежи, директор 11 ноября вновь созвал экстренное заседание. На этом заседании было принято постановление, предупреждавшее и призывавшее студентов «к порядку».

«Во-первых, выразить студентам порицание за коллективные неуважительные манкировки,— говорилось в приказе.— Во-вторых, предупредить студентов, что в случае, если занятия не будут немедленно возобновлены с 12-го ноября и затем идти нормальным порядком без всяких незаконных перерывов, то Советом будут наложены следующие взыскания: а) стипендиаты будут лишены стипендий, б) освобожденные от платы за слушание лекций не будут от таковой освобождены в следующем полугодии, в) денежные пособия студентам будут прекращены, и г) манкирующие студенты могут быть не допущены к экзаменам»[2].

Однако это предупреждение оказалось безрезультатным. Студенты продолжали «манкировать».

Учащиеся Лазаревского института приняли активное участие в собраниях, сходках и протестах московского студенчества в связи со смертью Л. Н. Толстого. Лазаревцы, естественно, не составляли исключения; студенческие волнения в связи с кончиной Толстого распространились по всей стране. Среди

[1] МОГИА, ф. 213, оп. 1, св. 90, д. 1533, 1910, л. 6.

[2] Там же, л. 9.

многочисленных телеграмм, полученных в Ясной Поляне, многие были от учащихся и студентов. Писали студенты Горного института, Тверского женского коммерческого училища, Циндалевских рабочих курсов и т. д. Много было выражений сочувствия и от представителей самых различных национальностей: от студентов и студенток татар Петербурга, учащихся бурят и т. д. Учащиеся в разных учебных заведениях Москвы армяне писали: «Хор студентов и курсисток при Московской армянской церкви, глубоко пораженный вестью о кончине великого художника-мыслителя, присоединяется к общему горю, постигшему весь мир»[1].

Как известно, основную массу москвичей, поехавших на похороны, составляла студенческая учащаяся молодежь.

Стремясь вместе с полицией подавить это широкое общественное движение, попечитель Московского учебного округа писал: «секретно» и «спешно» 15 ноября 1910 года директору Лазаревского института: «Милостивый Государь Всеволод Федорович, Московский Градоначальник поставил меня в известность, что по распоряжению Председателя Совета Министров всякие сходки, касающиеся вопросов, не связанных с жизнью учебных заведений Министерства Народного Просвещения города Москвы, не должны быть разрешаемы: если же таковые состоятся явочным порядком, или если вообще на сходках будут присутствовать посторонние лица, то для прекращения таковых сходок в учебное заведение будет введена полиция.

Сообщая об изложенном, прошу Вас принять все зависящие от Вас меры к недопущению указанных сходок.

Примите уверение в совершенном уважении и преданности А. Жданов»[2].

От Совета министров и полиции, естественно, не отставала и цензура. Она жестоко преследовала печать, в том числе и армянскую, за статьи и высказывания о Толстом. В Закавказье была закрыта газета «Бакуи дзайн» («Голос Баку») за сообщение о митингах и демонстрациях в связи со смертью Толстого. «После смерти Толстого,— писала газета,— в высших учебных заведениях (империи) немедленно начались митинги, и студен-

[1] П. И. Бирюков. Биография Льва Николаевича Толстого. М.—П., т. IV, стр. 259.

[2] МОГИА, ф. 213, оп. 1, св. 90, д. 1532, 1910, л. 2.

ты искали случая и средств, чтобы почтить память Великого Человеколюбца. И студенчество остановилось на резолюции, что лучшим венком на могилу автора «Не могу молчать» может служить протест против смертной казни. Три дня спустя после его смерти на Невском проспекте была организована грандиозная студенческая демонстрация...»[1].

Царской цензурой преследовались переводы с русского языка на армянский не только художественной или философской литературы, но также и переводы отдельных статей, брошюр; запрещалось переводить высказывания отдельных общественных деятелей: так, например, был задержан перевод отрывков из мемуаров знаменитого хирурга Пирогова. По поводу этих отрывков, переведенных на армянский язык, цензор писал: «Статья эта направлена к поколебанию авторитета правительства (ослаблению его власти) и умалению священных прав монарха...»[2].

Так же была запрещена и брошюра «Рассказ о земле», переведенная с русского. Цензор писал по поводу ее содержания: «В брошюре этой автор доказывает (стр. 8 и 9), что «корнем зла» крестьянской жизни является право собственности на землю. В этих двух словах и заключается все несчастье, но это понимает мало кто. Земля (стр. 10) должна стать общим достоянием, хозяином ее должен быть сам народ, чтобы каждый мог обрабатывать ее. В то время как отдельный крестьянин не имеет земли настолько, чтобы быть в состоянии хотя бы прокормить себя, смотришь, какой-нибудь граф Орлов-Давыдов или купец Разуваев владеют многими тысячами десятин»[3].

Комитет решил наложить на брошюру арест и весь тираж уничтожить, однако не удалось сделать ни того, ни другого. «Инспектор типографий, коему поручено было комитетом конфисковать брошюру, нигде таковую в Тифлисе не обнаружил, а равно и добыть сведения о переводчике этой брошюры не мог, так как типография «Гермес» с 1908 года опечатана по распоряжению Тифлисского губернского жандармского управления, а владелец ее Едигаров содержится под арестом в Новочеркасской тюрьме»[4].

[1] ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 21, д. 289, 1912.
[2] Там же, оп. 12, д. 71, л. 185 и об.
[3] Там же, оп. 21, д. 239, л. 2.
[4] Там же.

* * *

Развитие армянской литературы в XIX веке и, в особенности, в 900-е годы шло под знаменем идейного обогащения у великой русской литературы. Никакие цензурные препоны не могли сдержать и приостановить проникновение русской культуры и особенно литературы. Цензура в этом случае продемонстрировала не только свою политическую несостоятельность, но, в конечном итоге, и полную беспомощность. Стремление народов друг к другу оказалось более могучим, нежели рогатки, расставленные самодержавием. В этой борьбе победителями оказались те, кто был вооружен идеями интернационализма и дружбы народов. Все классики русской литературы — от Пушкина до Горького — были переведены на армянский язык. Их произведения получали различное освещение в многочисленных статьях и рецензиях в армянской периодике. Передовым деятелям армянской культуры приходилось вести на страницах армянской печати борьбу за русскую литературу против самодержавия и его цензуры.

Во второй половине XIX века интерес к русской литературе в армянском обществе принимает массовый характер. Для армянского общества именно русская литература была из всех иноязычных литератур наиболее близкой.

Кто же переводил русскую литературу на армянский язык? Почти все крупные армянские писатели XIX и начала XX века. Это — очень характерное явление. Армянские классики считали русскую литературу столь ценной и важной, что, не жалея ни времени, ни сил, ни трудов, сами переводили эту литературу на родной язык, никому не передоверяя этого, столь общественно важного дела. Назовем эту славную плеяду переводчиков: Х. Абовян, М. Налбандян, Г. Агаян, П. Прошян, Р. Патканян, А. Цатурян, И. Иоаннисиан, Ов. Туманян, А. Ширванзаде и др. Да здесь вся армянская литература! — воскликнет читатель. И действительно, замечательные мастера русской литературы находили для себя в армянской общественной жизни достойных посредников.

В 900-е годы переводили особенно охотно современников: Л. Толстого, Чехова, Гаршина, Короленко. Если бы мы, изучая этот вопрос, ограничились делами цензурных комитетов,

историческая действительность предстала бы, по-видимому, в совершенно искаженном свете. На первый взгляд многочисленные запрещения переводной литературы, казалось бы, говорили о том, что эти переводы были недоступны читателям. На самом деле существовали две противоположные тенденции. С одной стороны — цензура, с другой — бурное развитие переводной литературы. В действительности цензура не в силах была сдержать или погасить огромный интерес армянской печати к русской литературе. Никогда раньше не печаталось такое количество переводов, как в это время. Для того чтобы полностью осветить это интересное явление, следовало бы представить и охарактеризовать переводную литературу этого периода в целом. Однако это тема специальной книги, мы же более детально останавливаемся только на двух авторах — Л. Н. Толстом и А. М. Горьком.

Среди русских авторов, переводимых на армянский язык, особое место как по количеству переводов, так и по интересу к ним занимает А. М. Горький. В 1909 году Лео, отвечая на анкету Ю. Веселовского о русском влиянии в армянской литературе, отметил Горького, как одного из наиболее распространенных и любимых художников армянского народа. Он писал: «Горький, Чехов, Андреев, Вересаев усиленно переводятся и печатаются, масса же других переводов остается в рукописи, по редакциям газет и журналов».

Первым переводчиком Горького на армянский язык был Л. Ф. Туманян. Его перу принадлежит перевод «Песни о Соколе», напечатанный в 1899 году в журнале «Мурч». Учился он в Московском Лазаревском институте, но с V класса был вынужден оставить учебу и вернулся на родину. Занимался он адвокатурой в гор. Ереване и его районах. «Песню о Соколе» Туманян перевел во время своего пребывания в Баку, по инициативе своего друга — Торгома Нахапетяна, который был тогда тесно связан с социал-демократами.

В 1903 году перевод Л. Туманяна был представлен в Петербургский цензурный комитет для напечатания в виде отдельного издания.

Цензурным комитетом отдельное издание «Песни о Соколе» было запрещено. Цензирующим армянские издания Драгомирецким был сделан следующий доклад на заседании 24 ап-

реля 1903 года: «На рассмотрение С.-Петербургского цензурного комитета поступила рукопись на армянском языке п. з. «Песнь о Соколе», соч. М. Горького, перевод Л. Туманяна. В виду тенденциозности, по моему мнению, содержания этого сочинения, а также полученных мною сведений о том, что отдельным изданием «Песнь о Соколе» неоднократно запрещалась цензурой, позволяю себе представить мое предположение о запрещении сего сочинения на усмотрение Комитета...

Определено: Рукопись к напечатанию не разрешать применительно к предписанию Главн. Упр. по дел. печ. от 8-го мая 1895 года...»[1].

Несмотря на цензурные запреты, в 1901 году в Тифлисе была издана небольшая книжка — горьковский рассказ «Однажды осенью», в переводе Ст. Шаумяна. Это было первое отдельное издание произведений А. М. Горького на армянском языке.

Со свойственным ему политическим чутьем и проницательностью Шаумян сразу оценил размах горьковского дарования и значение его творчества для дела революции. Одним из первых он знакомит армянского читателя с Горьким. Но Шаумян был не только переводчиком Горького,— в 1911 году он выступает в защиту Горького в качестве критика и публициста.

Наши сведения о горьковских переводах охватывают период свыше полустолетия. Несмотря на то, что за это время внимание к Горькому непрерывно усиливалось и развивалось, количество переводов по годам варьируется.

После появления первого перевода в периодике (1899 г.) и первого отдельного издания (1901 г.) интерес к Горькому резко повышается. За один только 1902 год на армянский язык было переведено свыше 11 произведений Горького. Армянский читатель с жадностью осваивает новое, необычайно яркое явление русской литературы. Горький — революционный романтик — очаровывает и увлекает, творчество его звучит непривычно и заманчиво в армянской действительности девятисотых годов. В этом году были переведены: «Песня о Буревестнике», рассказы «Читатель», «Хан и его сын», «Старуха Изергиль», «Челкаш», «Макар Чудра», «Емельян Пиляй», «Двадцать шесть и одна».

[1] ЦГИАЛ, ф. 891, Рапорты, № 185, 1903.

Значительным моментом в истории горьковских переводов является канун первой русской революции — 1904 год. Общий подъем революционного движения захватывает и Закавказье.

Количество переводов произведений Горького в 1904 году достигает предельной для дореволюционного периода цифры.

Среди этих изданий — два тома горьковских рассказов в переводе Джамбазяна, рассказы «Мой спутник», «Озорник» и др. Излюбленным произведением Горького у армянского читателя накануне первой революции было «Сердце Данко» (отрывок из рассказа «Старуха Изергиль»). В 1904 году «Сердце Данко» печатается в трех различных переводах: дважды в виде отдельных изданий и один раз — в журнале «Тараз». Это говорит о том, как созвучно было творчество Горького революционным настроениям армянского пролетариата.

После революции 1905 года внимание к Горькому не только не ослабевает, но, наоборот, усиливается. В 1906 году Ованес Туманян переводит легенду «О маленькой фее и молодом чабане». Туманян с большим уважением и любовью относился к А. М. Горькому[1].

В годы, последовавшие после первой русской революции, большое количество переводов произведений А. М. Горького появляется и в заграничной армянской прессе. В журнале «Базмавеп» (Венеция) в 1908 году печатаются рассказы: «Человек», «О писателе, который зазнался»; в Константинополе в журнале «Луйс» («Свет») публикуется горьковский рассказ «Двадцать шесть и одна» и т. д.

Царская цензура свирепствовала. Проверяя номера армянских заграничных журналов, поступающих в Россию, цензоры запрещали «обращение их внутри империи» только на том основании, что там были напечатаны переводы произведений А. М. Горького.

Особенно упорным преследованиям переводы Горького подвергались в годы реакции, наступившей после революции 1905 года. Был запрещен перевод отрывков из романа «Мать» и повести «Товарищи». Цензор Г. Чарыхов писал: «Манзумен

[1] См. Ն. Թումանյան, Հովհաննես Թումանյանը և ռուս գրականությունը, Երևան, 1956 (Н. Туманян. Ованес Туманян и русская литература. Ереван, 1956).

эфкиар» («Нить размышлений») №№ 2245, 2247 (1908 г.) не могут быть допущены к обращению внутри империи, так как в них содержится перевод заграничного издания повести Максима Горького «Товарищи» (из жизни революционера). Поэтому я ходатайствую перед Комитетом о запрещении этих номеров». И тут же резолюция: «Запретить, пред. гр. А. Муравьев»[1].

Так же были запрещены и следующие номера. Г. Чарыхов писал: «Манзумен эфкиар», изд. в Константинополе, 1908 год № 2270, содержит в себе перевод с русского запрещенного произведения Максима Горького «Товарищи», «Мать» (изд. заграничное), поэтому и не может быть допущено к обращению внутри империи». И следом — аналогичная резолюция: «Запрещаю весь номер. Пред. гр. А. Муравьев»[2].

Роман «Мать» представлял для самодержавия особенно большую опасность; понятно, что иного цензурного заключения в отношении его перевода на армянский язык и не могло быть. Аналогичному запрещению подвергся и очерк «9-ое января». Тот же Чарыхов писал по поводу его перевода на армянский язык: что номер «не может быть допущен к обращению внутри империи за помещенный в нем фельетон «Описание 9-го января» Максима Горького в переводе, в котором приводится рассуждение окружившей дворец толпы с солдатами и фельдфебелем, предложившим толпе разойтись, так как царя нет. «Как нет?» — отвечает толпа. «Его давно нет для нас,— раздается голос,— он уже превратился в ничто по милости окружающих его...».

Далее идет беседа толпы с солдатами об обязанностях последних, конечно, превратно понимаемых толпой... Следует резолюция: «Запретить. За председателя старший цензор» (подпись)[3].

В период от революции 1905 года до первой империалистической войны переводы произведений А. М. Горького печатались только в периодической прессе. В 1914 году, после девятилетнего перерыва, в Тифлисе в издании типографских рабочих

[1] ЦГИАЛ, ф. 779, Рапорты, № 399, 1908, л. 331.

[2] Там же, л. 553.

[3] ЦГИАЛ, ф. 779, Рапорты, № 309, 1908, л. 796.

выходит небольшая книжка «Два рассказа» из цикла «Итальянских сказок» в переводе Акопа Акопяна.

Творчество Горького было всегда созвучно настроениям и литературной работе Акопяна, который одним из первых познакомил армянского читателя с «Итальянскими сказками».

В эпоху первой империалистической войны внимание к Горькому не ослабевает. Переводы произведений Горького систематически печатаются в газете «Пайкар» («Борьба»). Первый номер этой газеты открывается «Песней о Буревестнике»[1]. Ряд сказок из итальянского цикла переводит на армянский язык и печатает в этой газете А. Мравян (псевдонимы: Азман, А. Назарян и др.).

Первые статьи о Горьком в армянской периодике относятся к 1900 году. С этого момента армянская критика систематически уделяла особое внимание его творчеству, жизни и деятельности.

До Октябрьской революции наибольшее количество статей о Горьком падает на 1904, 1914 и 1916 годы. Повышенный интерес к Горькому в армянской действительности в эти годы был обусловлен, во-первых, революцией 1905 года, во-вторых, империалистической войной и, в-третьих, появлением в 1916 году «Сборника армянской литературы», широко освещавшегося на страницах армянской прессы.

Первые статьи о Горьком носят главным образом осведомительный характер. Так, Ашот Х. (Ашот Хумарян) в 1900 году в журнале «Тараз» («*Տարազ*»)[2] делает небольшой биографический экскурс. Попутно с биографией Горького Ашот Хумарян пытается ознакомить армянского читателя с значением горьковского творчества для русской литературы. Он пишет, что несмотря на сравнительно недавнее появление Горького на литературной арене, он сразу же занял выдающееся место в русской литературе. Его самобытный талант, хорошее знакомство с затрагиваемыми темами и глубокое знание жизни и людей уже оценены русской передовой критикой. В заключение, изложив биографию Горького, Ашот Хумарян указывает на то, что Горький представляет собой значительную литературную величину, по заслугам оцененную русской и западно-европейской критикой.

[1] «*Պայքար*», *1915, № 1* („Пайкар", 1915, № 1).

[2] *Ա. Հ. Ա., Մաքսիմ Գորկի, «Տարազ», 1900, № 22, էջ 312* (Ашот Х. Максим Горький. Биографический очерк. „Тараз", 1900, № 22, стр. 312. Под псевдонимом Ашот Х. скрывался Ашот Хумарян, сотрудник газеты „Пролетариат", где он печатался под псевдонимом «*Պրկիչ*», „Буревестник")

В двух номерах журнала «Тараз» в 1900 году Х. Самвелян печатает большую статью о Горьком[1]. Он называет его певцом протестующей грусти. Анализируя горьковские образы из произведений «Супруги Орловы», «Фома Гордеев», «Тоска», «Бывшие люди» и др., Самвелян подчеркивает революционное значение горьковских героев. Свою статью он заканчивает цитатой из «Песни о Соколе».

В 1901 г. в газете «Мшак» («Труженик») помещена была рецензия на перевод С. Шаумяна «Однажды осенью»[2]. Рецензент (Т. Ованнисян, известный переводчик), отмечая сильное впечатление, оставляемое горьковским рассказом, положительно отзывается и о переводе. В журнале «Мурч» («Молот»)[3] в том же году, в аннотации к декабрьскому номеру журнала «Жизнь», Горький упоминается как один из сотрудников «Жизни»: «Горький — талантливый писатель, один из современных авторов, наиболее любимых русским обществом»,— пишет рецензент.— В номере напечатано продолжение его повести «Трое».

С увеличением числа переводов произведений Горького появляются и статьи, посвященные анализу этих переводов. В 1903 г. журнал «Лума» («Лепта»)[4] печатает заметку о переводе «Макара Чудры», выполненном С. Бабияном. Анонимный автор рецензии отмечает целый ряд неудачно, с его точки зрения, переведенных мест. Анализу того же перевода посвящена статья, опубликованная в журнале «Мурч» («Молот») . Автор статьи отрицательно отзывается о переводе. Он пишет, что та-

[1] «*Տարազ*», *1900, № 38, էջ 549—551, № 39, էջ 561* („Тараз", 1900, № 38, стр. 549—551, № 39, стр. 561).

[2] «*Մշակ*», *1901, № 276* („Мшак", 1901, № 276).

[3] «*Մուրճ*», *1901, № 1, էջ 282—283* („Мурч" ,1901, № 1, стр. 282—283).

[4] «*Լումա*», *1903, № 6, էջ 242—243* („Лума", 1903, № 6, стр. 242—243).

кое произведение, как «Макар Чудра», должно быть особенно хорошо переведено, между тем переводчик С. Бабиян «армянскими словами пишет по-русски». Нарушен не только строй и характер армянского языка, но переводчик не владеет в достаточной мере и русским языком[1]. В том же журнале «Мурч» мы встречаем рецензию и на перевод рассказа «В степи»[2]. Автор рецензии, скрывающийся под инициалами Т. И., признает перевод неудачным. В своих замечаниях о Горьком он пишет, что Горький прекрасно знает жизнь, быт и психологию босячества и талантливо их отражает.

Ряд заметок о Горьком 1903 г. носит хроникальный характер. В журнале «Тараз», в отделе «Литературных новостей», сообщается, что Горьким интересуются не только в России, но и во Франции; написанная им новая пьеса «Еврей» прочитана в литературном обществе[3]. В журнале «Мурч» была напечатана рецензия на постановку горьковской пьесы «На дне» в Московском Художественном театре[4]. Рецензент Л. С. (Лисициан Степан) сообщает о необычайном успехе пьесы «На дне», поставленной на сцене Московского Художественного театра.

По сообщениям прессы армянский читатель мог не только следить за появлявшимися произведениями Горького, но и получать сведения о постановках его драматических произведений. Большая статья о Горьком появилась в Смирне в 1903 году в газете «Аревелян мамул» («Восточная пресса»)[5]. Автор статьи Наварян останавливается подробно на отношении Франции к иностранной литературе. Он отмечает повысившийся интерес французов к иностранной литературе и, в частности, к творчеству А. М. Горького.

В 1904 году появляется ряд статей о Горьком, в том числе большая статья в тифлисской газете «Мшак» («Труженик»). Автор статьи, скрывающийся под псевдонимом Л., очень благожелательно настроен к Горькому. Он пишет о нем, как о смелом, бесстрашном художнике, самобытном и крупном таланте;

[1] «Մուրճ», 1904, № 7, էջ 102—104 („Мурч", 1904, № 7, стр. 102—104).
[2] «Մուրճ», 1903, № 1, էջ 156 („Мурч", 1903, № 1, стр. 156).
[3] «Տարազ», 1903, № 4, էջ 53 („Тараз", 1903, № 4, стр. 53).
[4] «Մուրճ», 1903, № 1, էջ 186 („Мурч", 1903, № 1, стр. 186).
[5] «Արևելյան Համուր», 1903, № 28, էջ 658—661 („Аревелян мамул", 1903, № 28, стр. 658—661).

останавливаясь на горьковской пьесе «Дачники», он порицает тех зрителей, которые выразили свое возмущение по поводу этой постановки. В заключение своей статьи, имея в виду осужденную Горьким интеллигенцию, он пишет: «Они возмущаются... Но слово сказано, и для того, чтобы его вычеркнуть, мало, слишком мало возмущения!»[1].

Вокруг пьесы «Дачники» в армянской действительности развернулась оживленная полемика. Большую рецензию помещает в 1905 году журнал «Мурч»[2]. Настроение рецензента не в пользу Горького. Он считает, что Горький односторонне решил вопрос об интеллигенции, огульно порицая ее и не учитывая, что именно из среды русской интеллигенции вышли наиболее крупные и замечательные деятели России. Вопрос о горьковской пьесе «Дачники» перерастает в вопрос об отношении Горького к русской интеллигенции, в вопрос о роли интеллигенции в общественном развитии.

В 1907 году в газете «Жаманак» («Время»)[3] печатается статья «Максим Горький и русская интеллигенция». Статья написана по поводу постановки на батумской сцене русской тифлисской драматической труппой пьесы Горького «Варвары».

О Горьком упоминает в своей рецензии 1908 г. один из наиболее крупных поэтов начала XX века Аветик Исаакян. Исаакян отмечает работу Горького в сборниках «Знание»[4].

Большое внимание творчеству и деятельности Горького уделяла армянская большевистская критика. В защиту Горького в армянской действительности выступали большевики-публицисты С. Шаумян, С. Спандарян, А. Мравян.

В своей статье «Благородное негодование», напечатанной в «Бакинском рабочем» (№ 7—8 от 10/X 1908 года), С. Спандарян выступает в защиту ленинских взглядов на творчество и мировоззрение Толстого. В связи с этим он останавливается и на Горьком: «Есть много обычных либеральных выкрикива-

[1] «Մշակ», 1904, № 86, էջ 1—2 („Мшак", 1904, № 86, стр. 1—2).
[2] «Մուրճ», 1905, № 4, էջ 151—154 („Мурч", 1905, № 4, стр. 151—154).
[3] «Ժամանակ», 1907, № 7 („Жаманак", 1907, № 7).
[4] Литературно-художественные альманахи. Изд. „Шиповник", книга пятая, СПб, 1908, стр. 240.

ний,—пишет Спандарян,—о фанатизме, о сектантстве, есть попытка укусить за пятки М. Горького, словом, весь репертуар буржуазной газетной шарманки...»[1].

В 1910 году в газете «Курьер-Копейка» (№ 153, 21/VIII) Спандарян в статье «М. Горький о воспитании» излагает основные положения доклада Горького «Общее развитие ребенка», прочитанного на III международном конгрессе «Семейного воспитания» в Брюсселе[2].

Статью «Политические записки» («Пассивное уклонение») Спандарян заканчивает строками «Песни о Буревестнике».

В истории большевистской публицистики Закавказья одним из существенных моментов является выступление С. Шаумяна, посвященное Горькому[3]. В своей статье «О Горьком» Шаумян разоблачает сотрудников газеты «Баку» Айвазова и Старцева, извративших Горького и пытавшихся представить его в ложном свете.

Старцев, анализируя два горьковских рассказа — «Жалобы» и «Мордовка», договорился до того, что вывел Горького черносотенцем, у которого «буревестники» превратились в «мокрых кур». «Для чего же понадобился Старцеву весь этот вымысел? — спрашивает Шаумян.— Сделал ли он это сознательно или ему кто-нибудь удружил, неправильно передав содержание рассказов, и он, не прочитав их лично, второпях, поверив на слово другим, «отвалял» свою обязательную ежедневную статью; или же он читал рассказы, но с ним произошла известная психологическая аберрация, и он увидел в них то, что ему нужно было для того, чтобы написать именно такую «нужную» статью? — Это, конечно, трудно разобрать...

«Но это и не важно для нас,— продолжал Шаумян,— важно то, что все подобные «критики», говоря о рабочем писателе Горьком, как и вообще обо всем, что касается рабочих, никак

[1] С. Спандарян. Статьи, письма, документы. Ереван, 1940, стр. 120.

[2] Там же, стр. 218—219.

[3] См. М. Горький и армянская большевистская критика. В книге *Գ. Հովհան. Մաքսիմ Գորկին և հայ կուլտուրան, երևան, 1951, էջ 73—101* (Г. Овнан. М. Горький и армянская культура. Ереван, 1951, стр. 73—101).

не могут обойтись — сознательно или бессознательно — без лжи, без передержек, без клеветы»[1].

Разоблачив ложь и клевету буржуазной прессы, Шаумян всячески рекомендует читателям обратиться к «Современному миру» и там прочитать неискаженные горьковские рассказы. Он останавливает свое внимание на горьковской статье «О писателях-самоучках». Эта статья подчеркивает, с точки зрения Шаумяна, связи Горького с широкими демократическими массами, любовь Горького к человеку. В качестве одного из центральных тезисов своей статьи Шаумян выдвигает горьковский оптимизм, «чуткую, благородную душу автора, отмеченную глубокой любовью к «людям страшной жизни». Шаумян пишет, что статья Горького «О писателях-самоучках» является пощечиной Старцеву и иже с ним.

«Известно, что чем больше Горький становился неприятен для господствующих элементов, для буржуазной интеллигенции, тем ближе и дороже он делался для рабочих, для пролетарской интеллигенции, для «демоса» вообще»[2]. В статье о Горьком Шаумян лишний раз высказывает глубокую веру большевиков в силы народных масс. Статья эта, написанная в годы реакции, когда все партии, кроме партии большевиков, сложили оружие,— вселяла в трудящихся уверенность в необходимости борьбы, в успехе победы, вселяла любовь к великому художнику пролетариата — «буревестнику революции». И Шаумян не случайно утверждает, что реакция, охватившая правительство и буржуазные партии, лишь краем задела широкие демократические слои, сохранившие всю силу своей революционности. Подводя итоги, Шаумян дает общую оценку творчества Горького и его значения для пролетариата. Он пишет: «...Горький составляет красу и гордость пролетарской литературы. И рабочие с гордостью могут заявить: Да, Горький наш! Он наш художник, наш друг и соратник в великой борьбе за освобождение труда»[3].

[1] Стивин (псевдоним С. Шаумяна). О Горьком, „Современная жизнь", 1911 г., № 1.

[2] Там же.

[3] Там же.

В связи с изданием «Сказок» в 1916 г. А. Мравян помещает рецензию в газете «Пайкар»[1]. Рецензент отмечает, что после исторических событий в России великий пролетарский писатель А. М. Горький определенно примкнул к движению рабочего класса. С этой минуты принимавшая до этого Горького буржуазная печать подняла вой о гибели горьковского таланта, о том, что социал-демократическая программа убьет Горького. Предсказания буржуазных критиков не оправдались. Горький на Капри творит с необычайным подъемом, создавая такие талантливые произведения, как «Исповедь», «Лето», «Чудаки», «Городок Окуров», «Матвей Кожемякин», «Сказки», «Жалобы» и в последний период — «Детство». Эти произведения свидетельствуют о том, что под влиянием социал-демократического миросозерцания талант Горького лишь усилился и расцвел. Сказки Горького преисполнены твердой веры в светлое будущее человечества. В этих сказках нет ничего сказочного, в них отражены дни и жизнь итальянских рабочих. Кто такие герои Горького? Это — рабочие, народ, массы; особенно хороша сказка о Симплонском туннеле. «После появления «Сказок» никто больше не имеет права сказать, что жизнь рабочих не может вдохновить художника»[2].

Армянская большевистская критика развивала ленинскую точку зрения на деятельность Горького. Она вела непримиримую борьбу со всякими попытками исказить его творчество, представить автора в ложном свете.

О том, насколько велико было значение Горького в развитии армянской общественной мысли и как чутко прислушивались к его высказываниям в Закавказье, свидетельствует и ряд статей армянского писателя В. Папазяна.

Горькому Папазян посвящает целый ряд статей, имеющих существенное значение, поскольку они очень ярко характеризуют отношение и настроения армянского общества. Статья Папазяна «Старые ценности» («Литературные беседы») по-

[1] *Ազման (Մռավյան Ա.), Մ. Գորկու «Հնութիւնները». «Պայքար», 1916, № 10* (Азман (псевдоним А. Мравяна), Максим Горький, „Сказки", Книгоиздательство „Жизнь и знание", Петроград, „Пайкар", 1916, № 10).

[2] Там же.

священа полемике Горького в связи с постановкой «Бесов» на сцене Московского Художественного театра[1].

Статью Папазян начинает цитатой из Горького, в которой последний пишет о духовной бедности современной ему литературы[2]. «Причиной этой горькой жалобы,— замечает Папазян,—явилась удивительная, но хорошо освещающая современный дух полемика, которую уже больше месяца ведет Горький с целым рядом новейших писателей».

В своей статье Папазян, не колеблясь, становится на сторону Горького; он идет дальше, пытаясь в связи с возникшей полемикой оценить армянскую действительность с горьковской точки зрения.

«Давайте теперь, армянские читатели, изменим везде сказанное слово «русское» на слово «армянское»,— пишет Папазян,— и посмотрим, не переживает ли также армянское умственное и литературное движение такого же периода духовной нищеты, при которой всякая сила измельчала, и вместе с этим измельчанием ничтожества заняли места величин, а отказ от человеческих и гражданских обязанностей получил название свободолюбия. Призыв Горького созвучен в эти мрачные дни и армянской мысли...».

И Папазян восстает против настроений упадка и реакции в армянском обществе. Критикуя вредные эстетические и порнографические тенденции, наметившиеся и в армянской литературе, высказывая сожаление об этом спаде развития общественной мысли, Папазян, вместе с тем, не утрачивает оптимизма.

«Период этой духовной нищеты преходящ,— пишет он,— дни ее так же коротки, как коротки они были и в русском обществе. Недоноски долго не живут».

В своей статье «Хозяин» Папазян анализирует одноименную повесть Горького. Он пишет, что существуют художники,

[1] *«Հայ գրականութիւն». Հանդէս ամսօրեայ գրական, գիտական ու գեղարուեստական, 1914, № 5, էջ 8—11* („Армянская литература". Ежемесячный вестник литературы, науки и искусства, 1914, № 5. стр. 8—11).

[2] Папазян цитирует статью Горького „О карамазовщине", напечатанную в „Русском Слове" 22—IX 1913 года.

которые переживают в процессе своей деятельности крупные идейные перевороты, влияющие на их творчество.

К числу таких писателей следует отнести и «знаменитого русского автора Максима Горького»,— пишет Папазян.— Изменения, происшедшие в сознании и творчестве Горького, нашли особенно яркое отражение в его новой повести «Хозяин»... Папазян отмечает бурное развитие горьковского реализма, указывает, что у Горького появилось стремление зарисовывать типы трудящихся с максимальной правдивостью, без какой бы то ни было тенденции отображать те ужасные страдания, которые не только изнуряют рабочих, но и прямо доводят их до состояния полуживотных.

«Повесть «Хозяин» — одно из лучших произведений Горького,—утверждал Папазян. —Сила горьковского пера проявляется здесь во всем своем блеске».

Еще в 1892 и 1897 гг., во время своего пребывания в Тифлисе, Горький познакомился с творчеством и деятельностью Ширванзаде. В дальнейшем Алексей Максимович прочел несколько произведений армянского прозаика. Книга мемуаров Ширванзаде «В горниле жизни» содержит очень интересные строки, посвященные Горькому[1].

Отношение Ширванзаде к Горькому было всегда отмечено любовью и преклонением. В своем ответе на анкету Юрия Веселовского в 1909 году Ширванзаде писал: «Горький — безусловно яркий талант... Горький — художник крупный»[2].

Армянский прозаик ценил и уважал русскую культуру и литературу: «...Что касается русской литературы,— писал он в письме к Ю. Веселовскому от 3/I 1912 г.,— то я преклоняюсь перед ее мощью без всяких оговорок»[3].

В дальнейшем мы находим в эпистолярном наследии Горького и Ширванзаде ценные документы, свидетельствующие о дружбе и взаимопонимании художников.

---

[1] См. *Ալ. Շիրվանզադե, Կյանքի բովից, II մաս, Երևան, 1932, էջ 82—83* (А. Ширванзаде. В горниле жизни, часть II, Ереван, 1932, стр. 82—83).

[2] Ю. Веселовский. Русское влияние в современной армянской литературе. М., 1909, стр. 40.

[3] Музей литературы и искусства АН АрмССР. Архив Ширванзаде.

Издание «Сборника армянской литературы» послужило для Ширванзаде поводом для написания статьи о Горьком. В армянской критической литературе эта статья выделяется высокой оценкой Горького, безоговорочным принятием его искусства и общественной деятельности. «Армянские произведения не впервые переводятся на русский язык и издаются,— пишет Ширванзаде,—но впервые знаменитый русский писатель, такой, как М. Горький, не только по собственному почину интересуется армянской художественной литературой, но и старается заинтересовать ею русское общество»[1].

И далее: «Необходимо иметь в виду,— писал Ширванзаде,— что Максим Горький — не рядовой поэт, а исключительная творческая величина в России по своему авторитету и популярности. Он единственный из русских авторов, после Толстого и Достоевского, пользующийся всемирной славой, и имя его в Европе известно столько же, сколько и на родине, а может быть и больше»[2].

Ширванзаде полемизирует с противниками Горького, утверждавшими, что за десять лет жизни в Европе Горький исчерпал свой талант. «Талант всех противников Горького, вместе взятых, не стоит и половины бесподобного горьковского таланта»,—замечает Ширванзаде.

«Я недавно имел удовольствие прочесть его «Детство»,— пишет он,— которое является своего рода автобиографией, и могу сказать, что ни в одном русском прозаическом художественном произведении я не ощущал такой глубины и красоты, как в этом произведении»[3].

Горький тесно связан с поэтическим расцветом Армении. Крупнейший лирик нашего времени Аветик Исаакян, поэзия которого уходит своими корнями в глубины армянского народного творчества, познакомился с произведениями А. М. Горького еще в 1899 году. В Одессе, во время блужданий среди сутолоки огромной пристани, к Исаакяну подошел босяк с просьбой о пожертвовании «во имя Максима Горького».

---

[1] *Ալ. Շիրվանզադե, Մի նոր գիրք, «Մշակ», 1916, № 119, էջ 2* (Ширванзаде. Новая книга. „Мшак", 1916, № 119, стр. 2).

[2] Там же.

[3] Там же.

«В тот же день,— пишет Исаакян,— покупаю два тома горьковских рассказов и начинаю читать; очарованный, читаю и перечитываю, как будто Горький писал их для меня»[1].

Горький оказался созвучным Исаакяну, поэт увидел в нем ту новую силу, которая шла на смену старому, почувствовал, что устами Горького говорят миллионы. Отсюда и восторженный отзыв А. Исаакяна о Горьком.

«Наравне с великолепным талантом, меня очаровывает в Максиме Горьком его большое человеческое сердце,— писал Исаакян.— Он любил природу, искусство, науку, но больше всего он любил человека. А ведь все хорошее на свете — природа, искусство, наука — должно быть только для человека.

И эта любовь привела Горького к пролетариату, к революции, к борьбе во имя освобождения человека от всех стихийных и антиобщественных факторов — тирании, капитализма, нищеты, страданий, мучений и болезней,— чтобы человек стал гордым, свободным, счастливым, что возможно только в бесклассовом социалистическом государстве.

Горький был крупнейшим писателем-гуманистом, основателем пролетарской литературы, болеющим и мечтающим о счастье человека и храбро борющимся за его осуществление»[2].

Поэтесса Шушаник Кургинян, одна из первых ласточек армянской пролетарской литературы, относилась к Горькому как к человеку близкому, любимому. В своих письмах к дочери она писала: «И мне, и Аршаку[3] скучно без нашего Горького»[4].

Могучее влияние оказала на Кургинян первая русская революция.

«Несмотря на все, что я сказала, — писала Кургинян в своем ответе на анкету Ю. Веселовского,— я все же чувствую себя многим обязанной русской жизни, бурным дням возрождения, а в особенности русскому пролетариату. Россия — роди-

[1] *Ավ. Իսահակյան, Մ. Գորկու ծննդյան 70-ամյակին, «Սովետական արվեստ», 1938, № 1, էջ 6–8* (Ав. Исаакян. К 70-летию со дня рождения М. Горького. „Хорурдаин арвест" („Советское искусство"), 1938, № 1, стр. 6–8).

[2] Музей литературы и искусства АН АрмССР. Архив А. Исаакяна.

[3] Муж Шушаник Кургинян.

[4] Из письма Ш. Кургинян к дочери—А. Асланян. Музей литературы и искусства АН АрмССР. Архив Ш. Кургинян.

на моих гражданских мотивов. Вот мой искренний и тщательно обдуманный ответ»[1].

Влияние Горького ощутимо в сборнике революционной поэзии Кургинян «Аршалуйси гоганджнер» («Перезвоны зари»), вышедшем в 1907 году. В эти годы мрачной реакции стихотворение Кургинян «Орел» перекликается с мотивами «Песни о Соколе».

Показать восприятие Горького армянской печатью, ту исключительную роль, которую он сыграл в армянской общественной жизни,— задача очень сложная. Однако и незначительная часть приведенных нами материалов отчетливо показывает, с каким исключительным подъемом популяризировалось творчество Горького в армянской прессе. Чем больший интерес проявляла армянская общественность к Горькому, тем с большим ожесточением нападала цензура, тем труднее становилось издателям и редакторам.

* * *

Отмеченная В. И. Лениным тенденция в развитии национальной культуры в период капитализма, тенденция интернационального общения в дальнейшем усиливается и расширяется. Изучение историко-культурного процесса в жизни данного народа усложняется многогранными связями и взаимодействиями с культурами других народов. Литература не составляет в этом отношении исключения. Творческое общение авторов разных национальностей имеет место в разнообразных формах идеологической жизни, во всех видах искусств,— в музыке, живописи, скульптуре.

Это творческое общение очень ярко проявилось и между русской и армянской литературами. Налбандян, встретив созвучные мотивы в русской революционной поэзии, свое лучшее стихотворение, как мы видели, написал на тему Огарева. Патканян написал не одну вещь на темы Некрасова. Сами писатели в таких случаях скромно называли свое произведение по-

[1] Ю. Веселовский. Русское влияние в современной армянской литературе. М., 1909, стр. 26.

дражанием (ուսուցիչ); на самом же деле это было оригинальное, самобытное творчество, но источником вдохновения в каждом случае являлось произведение близкого по духу собрата по перу.

Русская литература не только переводилась на армянский язык. Восприятие ее не было пассивным. Она не только читалась, внимательно изучалась, обсуждалась, но и оказывала могучее воздействие на формирование творческого метода многих армянских писателей.

Нисколько не отрицая творческого взаимодействия, имеющего место среди зрелых мастеров, мы должны подчеркнуть особенное его значение для молодых художников, осваивающих традиции мировой культуры. Об этом очень удачно в свое время сказал Ов. Туманян: «Влияние — это ступени, по которым начинающий писатель поднимается к творческой самобытности».

Значение русской литературы в развитии художественного самосознания армянских писателей, проживавших в России, исторически бесспорно. Но армянская литература, выросшая в творческом содружестве с русской, распустилась ярким и самобытным цветком в саду мировой литературы. У русской литературы она училась ее высокой идейности, принципиальности и гуманизму, ее чудесному мастерству, училась, создавая оригинальные памятники мирового значения.

* * *

В борьбе с реакцией проявилась дружба армянского народа не только с русским, но и с другими народами и, прежде всего, с болгарским. На протяжении веков армян связывала историческая дружба со многими славянскими народами. Если пальма первенства в этом вопросе принадлежит великому русскому народу, то нельзя упускать из виду и дружественные связи армян с польским, болгарским и другими народами, складывавшиеся на протяжении веков.

С болгарами армян связывает общность исторических судеб, общность культурных и политических интересов. Пять веков стонала Болгария под турецким игом, из-под которого освободил ее великий русский народ. Пять веков стонал под турецким игом армянский народ, и только благодаря русскому народу Армения была частично освобождена от этого ига, а армяне сохранили свое существование в качестве самостоятельного народа. Во второй половине XIX века внимание мировой общественности привлекли события на Балканах. Весь мир с волнением следил за героической национально-освободительной борьбой балканских народов.

Характеризуя этот этап в истории народов, В. И. Ленин писал: «Основным объективным содержанием исторических явлений во время войн не только 1855, 1859, 1864, 1866, 1870, но и 1877 года (русско-турецкая) и 1896—1897 годов (войны Турции с Грецией и армянские волнения) были буржуазно-национальные движения или «судороги» освобождающегося от разных видов феодализма буржуазного общества... Главным классом, который тогда, во время этих войн и участвуя в этих войнах, шел по поднимающейся вверх линии и который один только мог выступать с подавляющей силой против феодально-абсолютистских учреждений, была буржуазия. В разных странах, представляемая различными слоями имущих товаропроизводителей, эта буржуазия была в различной степени прогрессивна, а иногда (напр., часть итальянской в 1859 году) даже революционна, но общей чертой эпохи была именно прогрессивность буржуазии, то есть нерешенность, незаконченность ее борьбы с феодализмом»[1].

Жестокость, с которой турки расправлялись с болгарами, вызвала у других народов возмущение палачами и сочувствие к угнетаемым. А после подавления турками апрельского восстания 1876 года путем беспримерной резни, сочувствие к болгарам воодушевило все русское общество[2]. В «Отечественных записках» мы читаем: «Неужели же она (Болгария) встала за тем, чтобы ее уложили в этот страшный гроб вторично и — навсегда?»[3]. Широко откликнулись на события в Болгарии представители передовой русской литературы. Тургенев, который остро переживал весь ужас болгарских событий, сделал

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 127.

[2] См. История Болгарии, т. I. Из-во АН СССР, Москва, 1954.

[3] „Отечественные записки", 1876, сентябрь, стр. 22.

своего Инсарова болгарином («Накануне»), а свое возмущение выражал и в переписке, и в стихотворениях («Крокет в Виндзоре»). Страдал и горевал по этому поводу Гаршин. Кисти Маковского принадлежит замечательная картина «Болгарские мученицы».

В полном единодушии с русским народом выражал свое сочувствие болгарам и армянский народ. Это было не только сочувствие, но и воскрешение надежд. Армяне начали мечтать о том, что Россия освободит часть Армении, оставшуюся под властью турок, и страна будет полностью воссоединена. Героическая борьба болгарского народа являлась примером, который заражал и вдохновлял самых отпетых скептиков. Общественные деятели и писатели очень активно реагировали на освободительную борьбу балканских народов, —на события в Болгарии откликнулись и Арцруни, и Патканян, и Раффи, и Цатурян[1].

В связи с освободительной борьбой на Балканах целый ряд книжек и брошюр появился и на армянском языке. Оживившийся интерес к болгарской культуре и литературе проявился в многочисленных переводах с болгарского. Как же реагировала цензура на это увлечение болгарской культурой и литературой в армянском обществе? Реакция, естественно, была резко отрицательной. Сохранилось большое число постановлений о запрете переводов, в которых нашла свое отражение освободительная борьба балканских народов. Так, была запрещена брошюра, посвященная жизни и деятельности Захария Стоянова. В своем заключении цензуровавший эту брошюру Н. Я. Марр писал: «Брошюра посвящена описанию разных опасных приключений, которым подвергали себя первые болгарские патриоты, и лишь местами речь о России, как о государстве, поддерживавшем в них бодрость и воодушевление, и с этой стороны в книжке нет ничего противоцензурного. Доступ брошюры к обращению в публике может быть воспрещен единственно с той точки зрения, что она направлена против дружественной державы (Турции). Переводчик от себя

[1] См. *Մ. Գ. Ներսիսյան, Հայ ժողովրդի ազատագրական պայքարը Թուրքական բռնապետության դեմ, 1850—1870 թթ., Երևան, 1955, էջ 280—281* (М. Г. Нерсисян. Освободительная борьба армянского народа против турецкого деспотизма. Ереван, 1955, стр. 280—281).

знакомит читателей с существованием в Турецкой Армении стремления освободиться из-под турецкого ига среди части армян, в назидание которым, как сказано в предисловии, и издана на армянском языке жизнь болгарского патриота Стоянова»[1].

В отзыве Марра приводится официальная мотивировка, в силу которой нельзя было печатать брошюру о Стоянове. В 90-е годы самодержавие избегало каких-либо прецедентов к возникновению дипломатических конфликтов с Турцией.

Следующей была рукопись «Парав Марко» («Старый Марко») — рассказ Дж. Якшича в переводе И. Медникяна. По поводу этого рассказа Марр писал: «Честь имею доложить, что сюжет рассказа Дж. Якшича «Старый Марко» в армянском переводе И. Медникяна («Парав Марко», рукопись № 1316) взят из сербской жизни, но сам рассказ выбран армянским переводчиком очевидно не за литературные достоинства, а исключительно за национально-освободительную идею, проводимую в нем автором»[2].

Запрещались и сербские мотивы в армянской литературе и поэзии. Так, было задержано стихотворение Цатуряна «Забытая могила» (*«Անտեր գերեզման»*) из цикла сербских песен. В этом стихотворении Цатурян рассказывает о могиле бойца, павшего за освобождение своей родины. Он был зарыт врагом в землю без гроба, никто не пролил слез над его могилой, и только ива в поле склонилась над ним, шепча: «Нет, еще не свободна, все еще не свободна твоя родина!». Следующей была запрещена армянская рукопись под заглавием «Мавро Вусович», переложение с русского. Цензуровавший ее Н. Я. Марр писал: «В повести затрагиваются отношения боснийцев и герцеговинцев к туркам, аналогичные или тождественные с отношениями армян (турецких) к тем же туркам в настоящее время, причем восстание с оружием в руках рекомендуется как единственно верное средство для достижения национальной свободы»[3].

[1] ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 4, д. 12, 1894, л. 33.
[2] Там же, д. 3, л. 82.
[3] Там же, д. 14, 1896, л. 33

Армянское общество горячо интересовалось героическими деятелями и руководителями национально-освободительного движения на Балканах. Его волновала судьба Г. Раковского, В. Левского, Х. Ботева, и поэтому особенно большим успехом пользовалась брошюра «Саркаваг» («Дьякон»), посвященная жизни и революционной деятельности Василия Левского. Брошюра разошлась и была представлена вновь в цензурный комитет для переиздания. Однако политические и международные обстоятельства менялись столь быстро, что Марр, который разрешил первое издание брошюры в 1889 году, был вынужден воспретить ее переиздание в 1896 году.

Очень характерна цензурная история замечательного романа И. Вазова «Под игом». Первая часть романа появилась в одном из софийских журналов в конце 1889 года. Вскоре он был переведен на многие иностранные языки, в том числе и на армянский язык. Перевод первой части романа благополучно проскочил сквозь рогатки цензуры. Вторая часть была задержана и запрещена Петербургским цензурным комитетом в апреле 1905 года. В мае того же года переводчик вторично представил рукопись. На этот раз Драгомирецкий не решился ее вновь запретить, а предложил только исключить XX главу, в которой говорилось о торжестве боевой революционной организации.

В 900-е годы роман Вазова представлял особенно большой интерес для армянского читателя. Посвященный героической борьбе болгарского народа во время апрельского восстания, роман по живым следам воскрешал многотрудные события этих дней. В это время роман был переведен на польский и словацкий языки. В предисловии к словацкому переводу переводчик писал: «Для нас, словаков, роман «Под игом» будет особенно интересным и близким. Несчастный несчастного лучше всего понимает: и мы унижены, и мы терпим. Будем учиться на примере наших братьев-болгар не поддаваться!»[1]. А. М. Горький высоко ценил творчество классика болгарской литературы и называл его «поэтом-борцом за свободу и возрождение измученной Болгарии».

[1] См. Иван Вазов. „Под игом". ГИХЛ, 1954. Предисловие В. Злыднева; стр. 11.

В своей борьбе с цензурой за переводную литературу и, в первую очередь, за переводы из литературы русской, армянские общественные деятели не были одиноки: тот же процесс происходил и в других литературах, цензурные комитеты точно так же преследовали переводы и на другие языки. В качестве примера можно привести украинскую литературу, которая не в меньшей, если не в большей степени, чем армянская, страдала от преследований цензуры.

Цензурой было запрещено издание на украинском языке произведений Шевченко, а по поводу поэмы «Гайдамаки» прямо был разослан циркуляр следующего содержания: «Признав необходимым воспретить на будущее время выпуск в свет отдельным изданием на малороссийском наречии поэмы Т. Шевченко «Гайдамаки», Главное Управление по делам печати сообщает об этом, к надлежащему руководству Цензурным Комитетам и г.г. отдельным цензорам по внутренней цензуре»[1].

Однако все эти преследования достигали эффекта, обратного тому, которого ожидали те, кто их инспирировал,— они раскрывали сущность самодержавия даже перед самыми отсталыми и замкнутыми «обывателями». Об этом писал в связи с Шевченко В. И. Ленин: «Запрещение чествования Шевченко было такой превосходной, великолепной, на редкость счастливой и удачной мерой с точки зрения агитации против правительства, что лучшей агитации и представить себе нельзя. Я думаю, все наши лучшие социал-демократические агитаторы против правительства никогда не достигли бы в такое короткое время таких головокружительных успехов, каких достигла в противоправительственном смысле эта мера. После этой меры миллионы и миллионы «обывателей» стали превращаться в сознательных граждан и убеждаться в правильности того изречения, что Россия есть «тюрьма народов»[2].

В правильности этого изречения убеждали и цензурные запрещения переводов русской литературы на украинский язык. Так, была запрещена драма Писемского «Горькая судьбина». По этому поводу Феоктистов писал: «...принимая во внимание основной смысл высочайших повелений 1876 и

[1] ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 4, д. 188, 1893, л. 11.

[2] В. И. Ленин. К вопросу о национальной политике. Соч., т. 20, стр. 199.

1881 гг., установивших ограничительные правила в отношении употребления малорусского наречия... независимо от безусловного запрещения переводов с русского на малорусский язык, с особой строгостью и вниманием рассматривать все оригинальные малорусские произведения...»[1].

Характерно, что передовые национальные литературы рассматривались в цензурном комитете в одном ранге с революционно-демократической литературой. Это положение легко проиллюстрировать небольшим, но весьма многозначительным документом. Комитет цензуры иностранной рассматривал в 1884 году художественно-литературно-политический альбом, изданный в Мюнхене, и по этому поводу председатель комитета писал: «Выпуск этот, по мнению г. Певницкого, не содержит в себе ничего предосудительного и мог бы быть дозволен беспрепятственно, если бы на стр. 14—15 в числе портретов русских литераторов не были помещены изображения Чернышевского и Михайлова. Кроме того, цензор обращает внимание Комитета на стихотворения на малороссийском наречии: «Старому поэтови» (стр. 4), «Одарка» (стр. 10—12) и «Будячок» (стр. 12), которые по содержанию своему и вполне дозволительны, но на основании существующих правил должны быть представлены на разрешение Главного Управления по делам печати». На полях резолюция: «Портреты писателей к обращению не могут быть допущены; вырвать их было бы неудобно, а потому следует запретить весь выпуск, тем более, что содержание его совершенно ничтожно»[2].

Такова была точка зрения цензурного комитета на русских революционеров-демократов и национальные литературы: одни «преступны», другие «ничтожны», а посему должны быть равно запрещены. Однако запрещениями переводов с русского языка не ограничивалась борьба самодержавия с культурным общением народов. В равной мере преследовались и переводы произведений национальных литератур на русский язык. В 900-е годы, благодаря развивающемуся рабочему движению, благодаря распространению марксизма, в России широкую популярность приобретают идеи интернационализма. Эти идеи противопоставляются передовой частью общества разнузданному шовинизму, национализму и взаимонатравливанию народов, которым рьяно занимались оруженосцы самодержавия. В этой борьбе за интернационализм, за воспитание трудящихся России в духе взаимного уважения и дружбы народов, значительную роль сыграло ознакомление русского читателя с культурными и литературными ценностями других народов и, прежде всего, народов, которые волею исторических судеб жили рядом и приходили в непрерывное соприкосновение.

[1] ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 4, д. 3, 1892, лл. 3 и 4.

[2] Там же, ф. 776, оп. 20, д. 58, 1884, л. 12 и об.

* * *

На русский язык в XIX веке начинают переводить и армянскую литературу. Большие заслуги в этом деле в 80—90-х годах принадлежат Е. Некрасовой, писательнице, специально занимавшейся деятельностью Герцена и Огарева; ею было положено основание «Комнате 40-х годов» в Московском Румянцевском музее. Летом 1888 года она приехала на Кавказ, познакомилась со многими армянскими писателями и внимательно прислушивалась к рассказам о похоронах Раффи, имевших место в апреле того же года. По возвращении в Москву ею был впервые прочитан доклад об армянской литературе на заседании Общества любителей российской словесности, которое состоялось 11 декабря 1888 года в одной из аудиторий Московского университета. Доклад был посвящен главным образом творчеству Сундукяна и Раффи. Впоследствии часть доклада, относящаяся к Раффи, была Некрасовой опубликована в журнале «Мир божий» (февраль 1892 года). Некрасовой принадлежит и ряд переводов из армянской литературы на русский язык. Ею были переведены рассказы Раффи «Биби Шарабани», «Гарем» и «Хас-Пуш». Последний был опубликован в «Волжском Вестнике». В редакции он очень понравился правдивым описанием народной нужды и голода.

Следующим переводчиком и активным популяризатором армянской литературы в России был Юрий Веселовский. Заслуги его в этом направлении неизмеримо велики. Еще в 1890 году, будучи студентом историко-филологического факультета Московского университета, Веселовский задумал издать сборник армянской литературы. Знания и подготовку для осуществления такого издания он получил еще во время учебы в Ла-

заревском институте. Созданием сборника Веселовский преследовал задачи популяризации армянской литературы.

Ю. Веселовский был горячим поборником дружбы народов, с любовью и уважением относился к армянам и армянской культуре, вел борьбу за такое же отношение и со стороны других представителей русской интеллигенции. Борьба эта была далеко не легкой; реакционно настроенная часть интеллигенции, к тому же нередко отравленная ядом шовинизма, очень часто встречала Веселовского ироническими улыбками и колкими замечаниями. Во многих редакциях девятисотых годов статьи и переводы из армянской литературы встречали холодный и индифферентный прием. Веселовскому приходилось с большим трудом преодолевать косность и безразличие некоторых редакционных работников.

К участию в подготовке сборника армянской литературы Веселовский привлек А. Цатуряна и М. Берберяна. Были выбраны отрывки из произведений армянских писателей, приступили к переводу их на русский язык. В связи с изданием сборника сформировался первый небольшой коллектив переводчиков, в котором принимали участие Некрасова, Кананов, Суренянц, Берберян, Хунунц, Бахчисарайцев и другие.

В 1892 году сборник был почти готов и, естественно, встал вопрос о его издании. Ни одно издательство не рискнуло взяться за его публикацию, не сомневаясь в том, что сборник спроса не найдет и принесет лишь убыток. Тогда Ю. Веселовский решил издать его на собственные средства, рискуя потерять довольно большую сумму. Сборник вышел в 1893 году без предварительного цензурного разрешения. Появление его на книжных прилавках вызвало интерес, значительно превзошедший самые радужные надежды. Книга разошлась очень быстро. Во время ее распространения Веселовский придерживался принципа доведения ее именно до русского читателя. Он утверждал, что каждому экземпляру, проданному в Москве или Петербурге, следует радоваться больше, чем десятку экземпляров, проданных в Нахичевани или Екатеринодаре.

На опубликование первого тома «Армянских беллетристов» русская и армянская печать откликнулась многочисленными статьями и заметками. Были напечатаны рецензии в «Русских ведомостях», «Русском листке», «Русской мысли», «Новом обозрении», «Неделе», «Нор-Даре» и других органах. Общий характер рецензий был доброжелательный: рецензенты отмечали новизну и свежесть впервые открытой для русского читателя литературы. Многие говорили о недостаточном внимании русской общественности к армянской культуре, и видели в сборнике удачный почин в деле ознакомления русских читателей с армянской литературой. Так, рецензент «Русской мысли» писал: «Этот сборник во многих отношениях очень интересен. До сих пор русским, не только просто образованным людям, но и ученым, если только они не занимались специально армянской литературой, почти ничего не было известно о самом существовании этой литературы и весьма немного было известно об армянском народе»[1].

Весьма лестно отзывался о сборнике Пыпин[2]. В письме к А. Н. Веселовскому он утверждал, что сборник «Армянские беллетристы» будет способствовать воспитанию гуманных и дружественных чувств между народами. Теплый прием, оказанный первому тому, ободрил издателей, и они принялись за составление второго сборника.

В своем предисловии ко второму тому они писали: «Необыкновенно быстрое распространение первого тома, несмотря на то, что он вышел в свет к самому концу зимнего сезона, показало, что в публике существует несомненный интерес к армянской литературе и к жизни армянского народа. Вместе с тем, нам отрадно было видеть, с каким вниманием, с какою симпатией отнеслись многие органы русской печати к нашей попытке познакомить русского читателя с армянами, какие гуманные и широкие взгляды на настоящее и будущее армянского народа и его словесности были высказаны в некоторых критических очерках, посвященных нашему изданию»[3].

Второй том «Армянских беллетристов» состоял из трех разделов: I — Роман и повесть, II — Драма, III — Лирическая поэзия. Сборник был составлен с исключительной тщательностью и любовью. Каждому автору предпосылался специальный критико-биографический очерк. Кроме того, в отделе «Драма»

---

[1] „Русская мысль", 1893, № 7.

[2] См. А. П. „Армянские беллетристы", „Вестник Европы", 1893, № 9.

[3] Армянские беллетристы, драматурги и поэты. Том II, М., 1894, стр. VII—VIII.

был напечатан общий очерк Ю. Веселовского «Несколько слов об армянском театре» и в отделе «Лирическая поэзия» — общий очерк Мин. Берберяна «Предшественники новых армянских поэтов». Весьма знаменателен самый принцип отбора материала. Составители выбирали отрывки или отдельные произведения — либо наиболее социально насыщенные, либо наиболее ярко представлявшие задачи национально-освободительного движения в Турции, либо трактовавшие о темноте и невежестве, в котором пребывал армянский народ, и необходимости его просвещения. Так, например, из романа Ширванзаде «Честь» были переведены диалог Сусанны и Сусанбар о бедности и нищете мелкого городского люда,— сцена, в которой особенно ярко выступают дикие предрассудки Бархудара, трагический финал Сусанны. Из прозы Нар-Доса были избраны такие рассказы, как «Опоп», или «О том, что случилось после того, как в сахарнице нехватило двух кусков сахару», отрывки из повести «Анна Сароян». Драматургия была представлена двумя произведениями Сундукяна — «Пэпо» и «Разоренная семья». Наиболее богатым был раздел лирической поэзии, в котором были напечатаны стихотворения Рафаэла Патканяна, Смбата Шахазиза, Мкртича Пешикташляна, Петроса Дуряна, И. Иоаннисиана, Леренца, Александра Цатуряна и Ованеса Туманяна. Но, к сожалению, второму тому не пришлось дойти до читателей. В его судьбу активно вмешалась цензура.

Второй том «Армянских беллетристов», как и первый, был отпечатан без предварительного цензурного разрешения в количестве 1200 экземпляров. Перед выходом его в свет цензура спохватилась и, по специальному поручению, цензором Назаревским был представлен в Московский цензурный комитет особый доклад. В этом докладе цензор обращал внимание комитета на идеи дружбы и равноправия народов, которые пропагандировались в сборнике, отмечал прогрессивные тенденции сборника и его прямую зависимость от традиций шестидесятых годов. Назаревский писал: «Составители этого сборника стремятся достичь этой цели, представляя армянских писателей близкими к тому литературному уровню, на коем стоят представители нашей литературы и других народов. При этом армянским беллетристам, драматургам и стихотворцам вменяется в заслугу их прогрессивное направление, их народничество, их симпа-

АРМЯНСКІЕ БЕЛЛЕТРИСТЫ

ДРАМАТУРГИ И ПОЭТЫ.

СБОРНИКЪ,

ИЗДАННЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Юрія Веселовскаго и Минаса Берберьяна

ТОМЪ ВТОРОЙ.

МОСКВА.
Типо-литогр. Высоч. утв. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.
Пименовская улица, собственный домъ.
1894.

Титульный лист II тома сборника „Армянские беллетристы"

тия к молодому поколению, отвращение ко всякому гнету до экономического включительно, новаторство и т. д.

Но такого рода армянский патриотизм едва ли мог бы вызвать особое внимание, если бы составители сборника ограничились обрисовкой сочувствия армянских писателей к идеям шестидесятых годов»[1].

На основании этого отзыва Московский цензурный комитет послал докладную в главное управление по делам печати. В ответ поступила телеграмма Феоктистова: «Задержите книгу «Армянские беллетристы». Распоряжение было выполнено и дело о втором томе поступило на рассмотрение главного управления по делам печати. Главное управление, в свою очередь, представило его на рассмотрение министра внутренних дел. Министр внутренних дел Дурново высказался за безусловное и безотлагательное запрещение книги. Свое заключение он представил на «благоусмотрение» комитета министров.

Комитет министров, согласившись с мнением Дурново, постановил запретить выход в свет сборника, признав его распространение вредным. На основании решения комитета министров Феоктистов предложил Московскому генерал-губернатору сделать распоряжение об уничтожении сборника. Два экземпляра были отправлены на хранение в секретный отдел Публичной библиотеки.

31 мая 1894 г. была учинена над книгой самая жестокая расправа: вандалы цензуры казнили ее, подобно живому человеку, сожжением. В протоколе по этому поводу говорилось: «1894 года, мая 31 дня, в 12 час. пополудни, при Сущевском полицейском доме, в присутствии г.г. старшего инспектора типографий и книжной торговли в Москве, действительного статского советника Мсерянц, и. д. полицмейстера 2-го отделения города Москвы, полковника Шебуева и младшего инспектора типографий и книжной торговли в Москве, надворного советника князя Кудашева, уничтожена, согласно правилам 1872 года, сожжением доставленная в означенный полицейский дом, из типографии высочайше утвержденного товарищества И. И. Кушнерева и К°, книга под заглавием: «Армянские беллетристы, драматурги и поэты». Сборник, изданный под редакциею

[1] ЦГИАЛ, ф. 776, оп 21, д. 47, 1894, л. 1.

Юрия Веселовского и Минаса Берберяна, т. II, Москва, 1894 г.» в количестве одной тысячи ста пятидесяти пяти (1155) экземпляров, частию в фальцованных и частию в нефальцованных листах и опечатанная в сорока двух (42) отдельных пачках»[1].

В средние века ученых вместе с книгами, как известно, сжигали за «колдовство»; на рубеже XX века методы царской цензуры изменились только в том отношении, что сжигали книги без авторов, а последних преследовали иными способами. Цензурная расправа со вторым томом «Армянских беллетристов» вызвала возмущение общественности. М. Берберян писал Ю. Веселовскому из Тифлиса: «В центральной книготорговле хозяин спрашивал о «Беллетристах» и о тебе. Большой спрос на I-й том, 2-й том показываю здесь своим знакомым, одобряют, пересматривают, жалеют и всячески ругают русскую цензуру, конечно, находят и недостатки, ошибки в переводе, но вообще все хвалят тебя и восхищаются тобою»[2].

Однако никакие возмущения не могли уже помочь убиенной книге — второй том так и не дошел до читателя.

Эта неудача, однако, нисколько не обескуражила издателей, и вскоре ими был задуман 3-й том «Армянских беллетристов», издание которого, к сожалению, так и не было осуществлено.

Удар, нанесенный цензурой, не сломил доброй воли Ю. Веселовского. Он с неиссякаемой энергией продолжал переводить и популяризировать армянскую литературу. В следующем, 1895 году, цензурой было запрещено отдельное издание перевода стихотворения Патканяна «Слезы Аракса», принадлежащего перу Веселовского. Не смутившись и на этот раз, он в последующие годы уделяет еще больше внимания и времени переводам из армянской литературы. Переводил Веселовский главным образом поэтические произведения: отрывки из произведений Шахазиза, Р. Патканяна, А. Цатуряна и т. д. Отдельным изданием вышла из печати комедия Сундукяна «Пэпо». Перевод этой драмы был выполнен совместно с А. Цатуряном.

Труды Веселовского о Сундукяне вызвали особенно сильный резонанс в прессе. Так, в 1892 г. в газете «Нор-Дар» по-

[1] ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 21, д. 47, 1894, л. 21 и об.

[2] Музей литературы и искусства АН АрмССР. Архив Ю. Веселовского.

явился отклик на статью «Из истории армянской сцены». Тифлисский театр и бытовая комедия»[1]. Рецензия носила хвалебный характер; о той же статье отзыв был помещен в «Новом обозрении»[2]. Рецензент «Нового обозрения», вместе с положительными сторонами, отметил и отдельные небрежности автора. Об издании «Пэпо» была напечатана статья в «Ардзаганк»[3], в которой подчеркивались заслуги молодого литературоведа перед армянской общественностью. Перевод был признан очень удачным, несмотря на трудности сундукяновского языка.

Статьи об армянской литературе печатались Веселовским не только в изданиях, специально посвященных Армении, как, например, «Братская помощь» Джаншиева, но и в различных сборниках, казалось бы, очень далеких от армянской действительности, как, например, «Призыв» — сборник, изданный в пользу нуждающихся артистов Д. В. Гариным-Виндингом, или Пушкинский сборник. В этом несомненно сказался характер Веселовского, увлекающегося агитатора-пропагандиста, умевшего находить и использовать каждую представлявшуюся возможность для распространения любимых идей, мыслей, материалов, в данном случае — материалов об армянской литературе.

Одним из таких изданий явился для Веселовского и «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона. Он обратился в редакцию словаря с предложением написать ряд статей по новоармянской литературе; древняя литература, а также история Армении были, как он выражался, «до известной степени арендованы Н. Я. Марром».

Юрий Веселовский не рассчитывал на успех и был очень обрадован, когда неожиданно получил любезное письмо от Арсеньева, который ему сообщал, что редактор литературного отдела словаря С. А. Венгеров с удовольствием принимает его сотрудничество и будет считать за ним все предложенные статьи. Таким образом, в течение трех лет, с 1896 по 1899 год, ему удалось поместить в Словаре восемь статей: «Хримян», «Мхитар и мхитаристы», «Назарьянц», «Налбандян», «Акоп Паронян», «Рафаэл Патканян», «Прошян» и «Раффи».

Большой заслугой Юрия Веселовского явилось то, что с са-

[1] «Նոր-դար», 1892, № 186, էջ 2 („Нор-Дар", 1892, № 186, стр. 2).

[2] „Новое обозрение", 1892, № 3002.

[3] «Արձագանք», 1896, № 46, էջ 2 („Ардзаганк", 1896, № 46, стр. 2)

мого начала своей литературной деятельности он внедрял представление об армянской литературе в сознание русского читателя в едином аспекте с западноевропейскими и другими иностранными литературами. Изданием книжки «Стихотворные переводы» (1898 год) Веселовский декларировал равноценное значение и место армянской литературы в ряду других, в частности и западноевропейских литератур. Книжка «Стихотворные переводы» содержит в себе отрывки из «Лирического интермеццо» и из «Heimkehr» Гейне, из лирики С. Шахазиза, П. Дуряна, А. Цатуряна, И. Иоаннисиана, Леренца и извлечения из драмы Ибсена «Северные богатыри». Так как раздел «Армянских поэтов» является наиболее обширным и помещен в центре, то Гейне и Ибсен выглядят в этом сочетании очень интересным и своеобразным обрамлением.

Литературная деятельность Веселовского в 90-е годы приобретает очень широкий размах. Он становится популярным среди русских и армянских читателей, утверждается его авторитет и в кругу специалистов-литературоведов.

Положительной стороной работы Ю. Веселовского являлось также и то, что он не ограничивался печатным словом, а выступал с докладами и лекциями, посвященными армянской литературе. Так, в 1898/99 году он посетил в качестве лектора Рязань и Курск, в 1900 году ездил в Ярославль.

На рубеже двух веков с особенной остротой почувствовалась необходимость интернационального общения народов, населявших необъятные просторы русского государства. Поэтому и деятельность Ю. Веселовского передовыми слоями русского и армянского общества воспринималась как очень важная и необходимая. Выражением этого отношения явился юбилей десятилетней литературной деятельности (1889—1899) Ю. Веселовского, отпразднованный в 1900 году. Чествование Ю. Веселовского происходило 22 января 1900 года в гостинице «Континенталь» в Москве. Во время ужина первым выступил с приветственным словом Смбат Шахазиз, подчеркнувший, что юбиляр является его учеником по Лазаревской гимназии. «Да, мы желали бы побольше Веселовских,— сказал С. Шахазиз,—побольше светлых людей в русском обществе, беспристрастно относящихся к порокам и добродетелям маленького и все же исторического народа». Особенно сильное впечатление на собравшихся произвели телеграммы, зачитанные Александром Цатуряном. В этих телеграммах отразилось настроение армянского общества, интернациональные убеждения его передовой части. Лучшие представители армянской литературы выразили в них свое глубокое уважение и любовь к русскому народу. В телеграммах Габриэла Сундукяна, Ширванзаде, Нар-Доса, Прошяна, Агаяна, Мурацана, Ованеса Туманяна звучала дружеская признательность к первому популяризатору армянской литературы в России.

Приветствия от крупнейших деятелей армянского народа не явились неожиданными для Юрия Веселовского. С первых же шагов на поприще армянской литературы он установил персональные связи с литераторами Армении. Так, еще в 1892 году он переписывался с Габриэлом Сундукяном. Сундукян благодарил его за статью «Из истории армянской сцены», которая с чувством глубокого удовлетворения была прочитана не только им, но, с его слов, и армянскою интеллигенцией.

В письме 1898 года к Веселовскому Сундукян подробно рассказывал о своем прошлом, об увлечении русским театром, в частности игрой Каратыгина и Щепкина. Таким образом, его телеграмма, адресованная юбиляру, явилась подтверждением давно завязавшейся дружбы.

В 1895 году Ю. Веселовский познакомился с Ширванзаде. Проезжая через Москву в октябре 1895 года, Ширванзаде зашел в гости к Веселовским. Последние встретили его исключительно сердечно, и он остался очень доволен оказанным ему приемом. Ровно через пять лет он телеграфировал Ю. Веселовскому:

«От души поздравляю симпатичнейшего виновника торжества — желаю процветания многостороннему таланту»[1].

Не приходится говорить о тех тесных узах, которые связывали Ю. Веселовского с Смбатом Шахазизом. Это были узы многолетней дружбы, начавшейся в стенах Лазаревского института и продолжавшейся вплоть до смерти Шахазиза. Дружба этих двух талантливых людей не ограничивалась встречами,— это была подлинно творческая дружба. Юрий Веселовский переводил поэзию Шахазиза на русский язык; его перу

[1] Музей литературы и искусства АН АрмССР. Архив Ю. Веселовского.

принадлежат лучшие в свое время статьи о творчестве Шахазиза, а последний, в свою очередь, посвящал молодого литератора во все сокровенные тайны армянской литературы и культуры.

Юбилей явился толчком для некоторого подытоживания работы. Таким творческим отчетом явился первый том «Литературных очерков», вышедший в 1900 году. В этом издании Ю. Веселовский придерживался своего старого принципа, а именно, критические статьи об армянской литературе он опубликовывал в единой цепи исследований европейской и русской литературы.

В следующем 1901 году Ю. Веселовским была написана для сборника С. Шахазиза статья о Егишэ — «Литературный деятель героической эпохи». Затем он издает первую монографию об армянском авторе на русском языке. Мы имеем в виду первое издание книги Ю. Веселовского «Армянский поэт Смбат Шахазиз».

В дни первой русской революции появилось второе издание этой монографии[1] и почти следом в Армавире — сборник «Очерки армянской литературы и жизни». В этом сборнике были перепечатаны статьи, ранее появившиеся в «Новостях», «Петербургской жизни», «Бакинских известиях», «Донской речи» и «Новом обозрении». Это были статьи об отдельных авторах — Дуряне, Пароняне, Патканяне и др., а также статьи, посвященные проблемам влияний, как, например, «Влияние В. Гюго на армянскую литературу» или «Несколько упоминаний об армянах в русской поэзии XVIII века».

Рецензий по поводу монографии о Смбате Шахазизе было много; они были опубликованы в «Русских ведомостях», «Донской речи», приложении к журналу «Нива» и т. д.

О книге «Очерков» пресса отозвалась значительно сдержаннее.

После выхода сборника «Армянские беллетристы» Юрия Веселовского не покидала мысль о создании антологии армянской поэзии. Попыткой к ее осуществлению явился сборник «Армянская муза» 1907 года, который редактировался Ю. Веселовским совместно с проф. Г. А. Халатяном. Переводам предпослана была статья Ю. Веселовского «Несколько слов о новой армянской поэзии». В сборнике представлена армянская поэзия XIX и начала XX века — Р. Патканян, С. Шахазиз, Г. Додохян, И. Иоаннисиан, Л. Мануэлян, А. Цатурян, Леренц (А. Назарбекян), О. Туманян, Ав. Исаакян, Г. Алишан, С. Гекимян и др.

Несомненной заслугой Ю. Веселовского явилось то, что он сумел организовать талантливый коллектив переводчиков, в котором были представлены такие поэты, как К. Бальмонт, И. Бунин, И. Белоусов, С. Головачевский и др.

Название «Армянская муза» было навеяно хрестоматией по русской поэзии под редакцией Якубовича. Участие проф. Г. А. Халатяна в издании «Армянской музы» было очень значительным. Он трудился над отбором материала, готовил подстрочные переводы.

Вслед за изданием «Армянской музы» Ю. Веселовский прибегает к оригинальному литературному приему — обращается к армянским писателям-современникам с просьбой заполнить составленную им анкету о влиянии на них русской литературы.

Широкая популярность Ю. Веселовского, его авторитет в кругах армянской общественности обеспечили успех дела, и ему удалось собрать очень интересный и ценный материал. Этот материал был оформлен первоначально в виде лекции, прочитанной в 1908 году в помещении Петербургского армянского кружка, а затем в городе Баку, по приглашению Бакинского армянского культурного союза. В 1909 году эта лекция была издана в виде небольшой, но очень своевременной и нужной книжки[1].

В книжке приводились высказывания Г. Сундукяна, С. Шахазиза, Г. Агаяна, И. Иоаннисиана, О. Туманяна, А. Исаакяна и других армянских поэтов и прозаиков. Эта работа Ю. Веселовского произвела очень глубокое впечатление как на русское, так и на армянское общество; фактами и документами она подтвердила живую дружескую связь двух культур, двух литератур. Естественно поэтому значительное количество откликов в печати. Рецензии появились в «Петербургских ведомостях», газете «Баку», «Новом времени», «Мер дзайн» («Наш голос»); большинство из них были положительными.

[1] Юрий Веселовский. Армянский поэт Смбат Шах-Азиз. М., 1905.

[1] Ю. Веселовский. Русское влияние в современной армянской литературе. М., 1909.

В апреле 1910 года в Москве праздновался 25-летний юбилей поэтической деятельности А. Цатуряна. На этом юбилее с взволнованной речью выступил Ю. Веселовский. С Цатуряном его также связывала многолетняя дружба — молодой Цатурян был очень близок с семьей Веселовских. В интересной переписке Ю. Веселовского и Цатуряна много ярких и ценных фактов для биографии и характеристики поэта.

Ю. Веселовский высоко ценил талант Цатуряна, охотно переводил его стихи; в свою очередь Цатурян любил Веселовского и очень тепло отзывался о нем и о его деятельности.

А. Цатуряном была переведена на армянский язык статья Веселовского «Столетие армянской прессы», которой было предпослано предисловие. «Не впервые Веселовский,— писал Цатурян,— выступает в родной литературе и печати с разумными, толковыми статьями, посвященными тем или иным выдающимся явлениям армянской жизни, стремясь создать о нас правильное и обоснованное впечатление. Несколько лет уже, как он с любовью следит за развитием нашей общественной и интеллектуальной жизни, выступая при случае в русской печати со своим доброжелательным словом и добросовестным мнением»[1].

Ю. Веселовский пережил Цатуряна. 19 мая 1917 года он выступил в Литературно-художественном кружке в Москве, на вечере памяти друга-поэта.

В 1910 году Ю. Веселовский издал второй том «Литературных очерков», который явился логическим продолжением первого, появившегося в 1900 году; сюда вошли статьи, опубликованные в прессе за десятилетие, с 1899 по 1909 год. В числе статей этого тома мы вновь встречаем работы по европейской и армянской литературе; статьи о Шиллере, Корнеле, Байроне, «Шестидесятые годы и армянский журнал в Москве», «Западное влияние в литературе русских армян» и др.[2]

В 1912 году вышел первый том Собрания сочинений А. Ширванзаде[3]. Предисловие к этому изданию, с общей характеристикой творчества писателя, было написано Ю. Веселовским. А. Ширванзаде, ознакомившись с предисловием, писал автору из Тифлиса 17 марта 1912 года:

«Простите, что я так поздно отзываюсь на Ваше последнее письмо. Но я хотел сначала, получив издание, просмотреть его и потом сообщить Вам свое впечатление. А получил я его только на днях. С большим интересом прочел Ваше великолепное предисловие. Говоря «великолепное», не думайте, что я делаю Вам комплимент. Оно действительно написано весьма умно, серьезно и выдержанно. Мне больше всего в Вашем мнении обо мне понравилось отсутствие вычурности, столь частой вообще в статьях на русском языке об армянской литературе.

Спасибо Вам!»[1].

В дни первой империалистической войны события на Кавказском фронте привлекли внимание русского общества к Армении, ее культуре и историческому прошлому. Ответом на этот интерес явился значительный поток литературы об Армении и в частности «Армянский сборник», выпущенный в 1915 году книгоиздательством Н. Н. Орфенова «Звезда» в Москве.

Сборник был подготовлен редакционной коллегией, в которую входили Ю. Веселовский, Дживилегов, Кара-Мурза и др. Он открывается стихотворением Ю. Веселовского «Армения». Это стихотворение является исключением в его публикациях, ибо своих стихов он почти не печатал. В этом стихотворении он как бы воскрешает свои юношеские стихи об Армении. Теперь это уже строки искушенного в поэзии человека, в которых, однако, остались неизменными ранний юношеский задор, любовь к далекому интересному краю, его историческому прошлому, вера в светлое будущее его народа.

В том же сборнике была опубликована речь Ю. Веселовского, произнесенная на заседании Общества любителей российской словесности при Московском университете на тему «Мечты и действительность в творчестве русско-армянских писателей».

С 1916 года Ю. Веселовский становится активным участником и сотрудником «Армянского вестника», издававшегося в Москве. Из номера в номер печатались его статьи, посвящен-

---

[1] *Մի հաճախելի երեւույթ, «Մուրճ», 1894, № 10, էջ 1505—1513* („Отрадное явление". „Мурч", 1894, № 10, стр. 1505—1513).

[2] Отзывы об этом томе мы находим в „Новостях", 1910, № 46.

[3] А. Ширванзаде. Собрание сочинений, т. I, М., 1912.

[1] Музей литературы и искусства АН АрмССР. Архив Ю. Веселовского.

ные отдельным вопросам армянской литературы, переводы и оригинальные стихотворения.

Война, назревающая революция не могли не наложить своего отпечатка на работу Веселовского.

Основная направленность этой работы продолжала оставаться все той же,— он по-прежнему убежденный пропагандист армянской литературы и культуры. Однако в настроении его произошел перелом. Теперь он уже любит напоминать молодым литературоведам о первых шагах, проделанных в этом направлении в 90-х годах, любит ссылаться на старые труды, все чаще и чаще начинает проскальзывать нотка надрыва и усталости. Ю. Веселовский начинает сознавать, отчего ему было так бесконечно трудно жить и работать в прошлом, при существовавших общественных отношениях. И он приветствует крушение старого строя, приветствует великие революционные события. В своей статье «На заре лучших дней» он писал:

«Зачем нужно было прожить большую часть жизни, чтобы встретить восход солнца, когда эта жизнь идет уже под уклон? Ежедневно приходится мне видеть в стенах школы сотни молодых жизнерадостных лиц. И невольно я думаю каждый раз: счастливы те, чья молодость совпала с крушением старого строя! Им не придется выносить многого, что выносили предыдущие поколения. Их путь будет озарен лучами свободы. Как печален удел тех, кто начинал свой жизненный путь в сумерках»...[1].

Веселовский отмечает, что хотя за два истекших десятилетия многое уже сделано в деле популяризации армянской литературы, но следует идти дальше. Этот дальнейший путь видится ему в воспитании молодого поколения в духе интернационализма, он считает, что значительная роль в осуществлении этой задачи принадлежит школе. Учитель в русской школе должен ознакомить школьников с историческим прошлым, с географией Армении. На школьных вечерах можно ознакомить учащихся с литературой, поэзией, искусством армянского народа. Ю. Веселовский очень внимательно следил за новинками в области переводов из армянской литературы, откликаясь на них обстоятельными рецензиями. Таковы его рецензии на Брю-

[1] „Армянский вестник", 1917, № 14, стр. 4—5.

совскую антологию, на стихотворные переводы Шарти. На страницах «Армянского вестника» он возвращается к излюбленным авторам — Раффи и Сундукяну, к излюбленной теме о влиянии русской литературы на армянскую. Таково его исследование о влиянии Надсона на армянскую поэзию. Из-под его пера появляются и чисто публицистические произведения об Армении.

Занимаясь около 30 лет армянской литературой, Юрий Веселовский не мог не задуматься над концепцией этой литературы, над путями ее развития. В данном вопросе, однако, ему не удалось создать чего-либо оригинального или нового, по сравнению с армянскими историками литературы — Лео, Л. Мануэляном и В. Папазяном, на труды которых он опирался. Отсюда неизбежны были и ошибки в понимании историко-литературного процесса. Так, в его трудах теряется литературная преемственность между древней и новой литературой. После авторов V века наступает перерыв вплоть до XIX века. Имеет также место недостаточное внимание к народному творчеству, к эпосу, к поэзии ашугов. Творчество последних почти не представлено в статьях и переводах Ю. Веселовского. Живой родник фольклора и его историческое развитие исчезли из поля зрения литературоведа. Подобный разрыв преемственности является предпосылкой для неправильной трактовки возникновения армянской литературы XIX века. По словам Юрия Веселовского, вся армянская литература этого периода, ее зарождение связано исключительно с влиянием иностранной культуры: «Подражание иностранным образцам, особенно на первых порах, было, конечно, очень значительно, так как приходилось создавать **почти что из ничего**[1] армянскую повесть, драму, лирическую поэзию и т. п. и, естественно, нужно было искать в других литературах указаний и примеров. Иногда случалось даже, что при наличности известного, национального материала, из которого можно было создать что-то самобытное, все же обращались к иностранным образцам и руководились ими»[2].

При подобном подходе к литературным явлениям очень легко было договориться до полного отрицания самостоятель-

[1] Подчеркнуто нами—С. А.

[2] Западноевропейское влияние в литературе русских армян. В сборнике „Литературные очерки", т. II, М., 1910, стр. 268—269.

ности армянской культуры. В данном случае, однако, Ю. Веселовского спасла счастливая непоследовательность, ибо в отдельных этюдах о писателях (Абовян, Сундукян) он подчеркивает их оригинальное значение.

Вопрос литературных влияний занимает очень большое место в исследованиях Веселовского. Этот вопрос очень ярко отражает сильные и слабые стороны его работы, его литературоведческих подходов. Несомненной заслугой Ю. Веселовского явилось то, что ему первому удалось на довольно широком материале показать влияние русской и западно-европейской литературы на литературу армянскую.

В этом плане большой интерес представляет оригинальное исследование на тему «Армения и французская культура»[1]. Однако проблема влияний оказалась гиперболизированной,— Ю. Веселовский уделял ей необоснованно значительное место в историко-литературном процессе, иногда затушевывая тем самым оригинальное значение тех или иных литературных памятников. Подобное преувеличение фактора литературных влияний не может быть отнесено к положительным сторонам его работы.

Освещая эту же проблему, Н. Я. Марр, например, подчеркивал второстепенность роли иностранных влияний в армянской литературе, нисколько при этом не умаляя их значения. Он все время отмечал оригинальную силу армянской культуры, которая сохранилась, пережив столько испытаний огнем и мечом. Говоря о культурном воздействии великих держав, Н. Я. Марр писал, что «...их могущественное духовное влияние порою, конечно, давило внутреннюю самобытность армян, порою, казалось бы, уничтожало своеобразие местных культурных всходов, но в районе, часть которого составляла Армения, было столько веками унаследованной культурной закваски, что в конце концов и это чуждое и наносное, вызывая к жизни затаенные силы народа, претворялось в родное и лишь усложняло или обогащало местную культуру»[1]. Этот момент оригинального развития армянской литературы, несомненно, был недооценен Веселовским.

Однако указанные недостатки не умаляют общего значения работы Ю. Веселовского. Несмотря на жестокие цензурные преследования, несмотря на все трудности, Веселовский до конца дней своих остался верным рыцарем и защитником армянской литературы и культуры. Это хорошо понимали современники Веселовского,— не случайно в письме к нему Цатурян писал: «Я приобрел «Пушкинский сборник», прочел статью. Спасибо тебе за армян, Юрий, к жизни которых у тебя не ослабевает интерес»[2].

Заслуги Ю. Веселовского, как одного из пионеров в деле распространения и популяризации армянской литературы, неоспоримы. Он сумел сказать веское и яркое слово о дружбе армянского и русского народов, сумел привить русскому читателю любовь и интерес к армянской культуре. В этом историческое значение Ю. Веселовского, одного из первых русских ученых, посвятивших свою деятельность изучению и пропаганде армянской литературы.

* * *

В девятисотые годы и в начале XX века, в дни широкого развития массового рабочего движения, накануне первой русской революции с особенной остротой почувствовалась необходимость интернационального общения народов, населявших необъятные просторы русского государства. В это время значительно усиливается интерес русской общественности к братским народам, их культуре и литературе. Откликом на этот интерес явился целый ряд сборников национальных литератур на русском языке. В числе этих книг появились и сборники, посвященные армянской культуре и литературе.

В 90-е годы был издан большой сборник «Братская по-

[1] Исследование это имеется также и во французском переводе— „L'Arménie et la culture française". Оба текста представлены в архиве Ю. Веселовского. Статья была написана в 1916/17 году для „Вестника Европы"; в журнале, однако, она не появилась. Ю. Веселовский собирался прочитать ее в виде доклада в Тифлисе. В письме к М. Берберяну от 22/I—1917 он писал: „Ты получил, надеюсь, мою телеграмму и знаешь, что тема „Армения и французская культура" свободна: к началу апреля статья еще не будет напечатана в „Вестнике Европы". Это меня устраивает, так как трудно было бы составить программу и текст двух совершенно новых лекций, при наличности целого ряда срочных работ". Музей литературы и искусства АН АрмССР. Архив Ю. Веселовского.

[1] Н. Я. Марр. Ани, Ереван, 1939, стр. 14—15.

[2] Музей литературы и искусства АН АрмССР. Архив Цатуряна.

мощь пострадавшим в Турции армянам» (М., 1897 год), организованный и отредактированный Г. Джаншиевым. Наряду с интересным материалом по арменоведению, статьями об армянской литературе, переводами из армянских писателей и поэтов, статьями о народной поэзии, географии, древнеармянской литературе и т. д., в сборнике были представлены материалы русские и западноевропейские.

Редакция этого сборника не ограничивалась чисто литературными задачами. Она представляла собою своеобразную общественную организацию. Ею был предпринят, например, сбор денег в пользу армян, пострадавших от организованной султанским правительством резни. Редакция «Братской помощи» обладала большими связями. Эти связи и та общественная роль, которую она играла, весьма встревожили главноначальствующего гражданской частью на Кавказе князя Голицына, пославшего в июле 1899 года запрос министру внутренних дел: «Мне неизвестно,— писал Голицын,— разрешен ли и какою именно властью редакции «Братской помощи» сбор пожертвований в пользу армян в Турции и если разрешен, то в каких пределах, предоставлено ли редакции право обращать в пользу армян только выручку от издания «Братской помощи», как можно было бы полагать по характеру этого учреждения (редакции частного и притом случайного издания), или же производить вообще сбор пожертвований способами, предоставленными благотворительным учреждениям (путем спектаклей и т. д.). Как бы то ни было, деятельность редакции «Братской помощи» получила весьма широкое распространение, едва ли отвечающее специальному ее назначению. Из упомянутых отчетных сведений видно, что в ее распоряжение поступают весьма крупные пожертвования в пользу турецких армян от частных лиц. В пользу редакции устраиваются спектакли, и она сама, по своему усмотрению, распределяет имеющиеся в ее распоряжении суммы между посольством, консульствами и другими учреждениями и вмешивается даже в дела помощи находящимся во вверенном мне крае турецким армянам-эмигрантам, без моего притом ведома, каковое вмешательство я признаю безусловно неправильным и нежелательным»[1].

Сборник «Братская помощь» выдержал два издания. Далее с ним произошел один из курьезов, столь характерных для царской цензуры. Голицын был недоволен не только общественной деятельностью редакции, но и самим сборником, который он квалифицировал следующим образом: «Вообще означенная книга принадлежит к разряду тех, вредных по своему направлению, изданий, распространение коих в пределах вверенного мне края признавалось бы особенно нежелательным»[1]. В связи с этим Голицын потребовал, чтобы цензура запретила третье издание, хотя никакого заявления насчет третьего издания еще и не поступало. Это требование Голицына было удовлетворено, и цензура авансом запретила возможное переиздание. В Москву из Петербурга полетела телеграмма следующего содержания: «Цензурный Комитет председательствующему. Подготовляется ли 3-е издание «Братской помощи армянам» Джаншиева; если подготовляется приостановите вопрос до дальнейших распоряжений. Кн. Шаховской»[2]. А в результате запроса выяснилось, что третьего издания Джаншиев и не подготовлял...

В связи с усилившимся интересом к Армении, с начала 900-х годов переводятся и печатаются в виде отдельных изданий отрывки из художественных произведений, рассказы и сборники стихов. В 1906—1907 годах был издан цикл выпусков под общим заглавием «Современная армянская литература».

В выпусках «Цветы Араза» печатались поэтические произведения армянских писателей. В задачи этой серии входило ознакомление русского читателя с наиболее яркими и колоритными явлениями армянской поэзии. Первый выпуск посвящен был Аветику Исаакяну. После краткой биографии следуют стихи Исаакяна в переводах Льва Зилова, Е. Выставкиной и Павла Сухотина. Ряд переводов появляется и в последующие годы. Особенного подъема интерес к Армении, ее культуре и историческому прошлому достиг во время империалистической войны (1914—1918). Международная обстановка того времени приковывает внимание русского общества к Армении.

В 1915 г. в Москве в книгоиздательстве Орфенова выходит уже упомянутый «Армянский сборник» под редакцией Ю. Ве-

[1] ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 21, д. 44, лл. 2—5 и об.

[1] ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 21, д. 44, лл. 2—5 и об.

[2] Там же, л. 12.

селовского, Дживилегова и др. В том же году был издан Вестником знания «Кавказский литературный альманах», в котором представлена армянская литература. И. Гнуни (Шахназарян) публикует в Саратове свою книгу «Очерки армянской литературы» (Мотивы армянской поэзии).

В 1916 году выходят два наиболее значительных сборника армянской литературы — антология «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней» под редакцией В. Я. Брюсова и «Сборник армянской литературы» под редакцией А. М. Горького.

Брюсовский сборник «Поэзия Армении» сыграл исключительную роль в деле ознакомления русского читателя с творчеством армянского народа. История создания сборника, как и вся предварительная работа по изучению и отбору материалов, представляет очень большой интерес. В 1915 году группа общественных деятелей — Александр Цатурян, Погос Макинцян и Карен Микаэлян — обратилась к Брюсову с просьбой принять участие в издании сборника армянской поэзии. Первоначально Брюсов не принял предложения, мотивируя свой отказ недостаточным знакомством с Арменией и ее культурой. После настойчивых просьб и уговоров он согласился с условием, чтоб ему дали время и возможность познакомиться с армянской поэзией. Знакомство это было осуществлено при помощи чтения произведений армянских писателей в переводах на русский, французский, немецкий, английский и итальянский языки. Прочитав эти переводы, Брюсов был так увлечен армянской поэзией, что не только согласился принять участие в составлении сборника, но и приступил к работе с особым интересом. Решив взяться за переводы армянской поэзии и редактирование сборника, В. Я. Брюсов подошел к этому вопросу с чувством большой ответственности перед тем народом, культуру которого он задумал представить русскому читателю. И. М. Брюсова в очень интересной беседе по поводу «Сборника» рассказала нам, что перед тем, как приступить к переводам, Брюсов в течение шести месяцев вел подготовительную работу. Он изучал армянский язык, вникал в его грамматический строй и фонетические особенности. Одновременно с изучением языка, он собрал всю доступную литературу по истории, литературе, этнографии и географии Армении (некоторые

книги по этим вопросам и по сей день сохранились в его библиотеке). Особенно внимательно изучал он исторические труды об Армении и ее народе на русском и иностранных языках.

Этот предварительный этап завершился поездкой по Армении, Кавказу и Закавказью. Подводя итоги этой работы, Брюсов писал: ...«Я хочу подчеркнуть тот живой, и глубокий интерес, какой возбудило во мне изучение Армении. Конечно, никакие обязательства перед издателем (а, в данном случае, никаких формальных обязательств с моей стороны не было вовсе), никакие внешние соображения не могли бы заставить меня, — или кого другого,— совершить весь этот труд, прочесть все эти книги, столько учиться и так углубиться в дело! Побудить к этому могло лишь одно: то, что в изучении Армении я нашел неиссякаемый источник высших, духовных радостей, что, как историк, как человек науки, я увидел в истории Армении — целый, самобытный мир, в котором тысячи интереснейших, сложных вопросов будили научное любопытство, а как поэт, как художник, я увидел в поэзии Армении — такой же самобытный мир красоты, новую, раньше неизвестную мне, вселенную, в которой блистали и светились высокие создания подлинного художественного творчества»[1].

В результате этой напряженной и плодотворной работы Брюсов сумел дать не только изумительные, непревзойденные образцы переводов из армянской поэзии, но и параллельно написать два исследования: одно — об армянской литературе, напечатанное в виде предисловия к сборнику, и другое — по армянской истории, вышедшее отдельным изданием.

Заслуги Брюсова в деле перевода и популяризации армянской литературы исключительны. Его труды в этой области навсегда связали его с культурой армянского народа. Сборник сыграл большую роль в развитии взаимопонимания трудящихся различных национальностей. С проникновенностью талантливого ученого-историка Брюсов сумел правильно понять и представить целый ряд фактов и событий из жизни армянского народа. Глубоко осознав ту огромную роль, которую суждено было сыграть русскому народу в исторических судьбах народа армянского, он увидел правду и во весь голос сказал свое прав-

[1] „Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней". Под редакцией со вступительным очерком и примечаниями Валерия Брюсова; М., 1916, стр. 5—6.

дивое слово о многовековой исторической дружбе армянского и русского народов. «Уже давно судьбы древней Армении связаны с судьбой великой России; уже целое столетие значительная часть армянского народа живет в пределах Российской империи; армяне — наши сограждане, а еще не освобожденные от мусульманского ига армянские области именно от русских ждут своего освобождения»[1],— писал Брюсов.

Надо хорошо себе представить ту атмосферу шовинистического угара, которую усиленно накаляло самодержавие, чтобы понять, что означали произнесенные великим русским поэтом в 1916 году слова: «армяне — наши сограждане». В этих словах нашли свое воплощение мечты и думы лучшей части передовой русской интеллигенции. Особенно положительное и прогрессивное начало видел Брюсов в присоединении Армении к России в XIX веке. Оценивая положительное значение присоединения, Брюсов писал: «С начала XIX в. часть армянских областей перешла под скипетр России. Этим для части армян была открыта возможность для мирного развития народных сил и новой культурной жизни. Зародилась новая армянская литература и был выработан новый литературный язык, называемый ашхарабар — в отличие от древнего классического грабара»[2].

Анализируя многовековый процесс развития армянской литературы, Брюсов отмечает в этом процессе две основные тенденции, два направления. Одна часть литературы, указывает Брюсов, тяготела к русской культуре и ее традициям, другая часть — к западноевропейской литературе и культуре. Это было обусловлено страной, в которой образовывались армянские поселения, особенностями культурной среды, в которую попадали переселенцы. В этих тенденциях и видел Брюсов принципиальное различие в путях развития литературы армян.

В то время как европейская литература уводила армянских писателей в область изысканной техники и формы, русская литература наталкивала их на постановку и разрешение серьезных общественных проблем. Брюсов писал: «Через русскую литературу, несомненно влиявшую на поэтов русской Армении, проникало в армянскую литературу углубленное отношение к выдвигаемым вопросам, как через французскую литературу, столь же несомненно влиявшую на западно-армянских поэтов,— стремление к совершенству стиля и формы»[1]. Русская литература была путем к народу, европейская — путем совершенствования художественной формы. Брюсов писал:

«Первая — (находившаяся под влиянием русской литературы — С. А.) продолжала и развивала традиции древней армянской литературы и сохраняла теснейшую связь с народной поэзией и народной жизнью. Вторая—совершенствовала технику и вводила в армянскую литературу идеи и принципы западных литератур, усваивая себе их новые завоевания»[2].

Точка зрения Брюсова не может быть, конечно, принята безоговорочно. Для нас теперь очевидно, что нельзя разделять армянскую литературу на две части. Нельзя также вопрос влияния превращать в решающий момент в развитии литературных тенденций, литературного направления. Тем не менее, в 1916 году серьезный разговор об армянской литературе сам по себе уже имел большое политическое значение. Особо знаменательным был дружественный и доброжелательный тон этого разговора.

Таким образом, в противовес цензурным преследованиям и запрещениям, отражавшим великодержавный шовинизм самодержавия, передовые деятели русской культуры усиленно пропагандировали и переводили армянскую литературу на русский язык, видя в культурном общении народов фактор первостепенной важности в борьбе за освобождение трудящихся.

В этом деле неоценимые заслуги принадлежат А. М. Горькому. Среди замечательных страниц жизни и деятельности Горького одной из наиболее ярких является его плодотворная и многогранная работа в области национальных литератур[3]. Горький всегда придавал исключительно важное значение культурному общению народов. Великие ленинские идеи

[1] В. Брюсов. Поэзия Армении и ее единство на протяжении веков. Вступительный очерк к сборнику „Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней". М., 1916, стр. 6.

[2] Там же, стр. 35.

[1] В. Брюсов. Поэзия Армении и ее единство на протяжении веков. Историко-литературный очерк. М., 1916, стр. 86.

[2] Там же.

[3] См. Н. К. Пиксанов. Горький и национальные литературы. М., 1946.

о дружбе и совместной борьбе народов вдохновляли писателя, осуществлению этих идей было посвящено его творчество.

Очень значительна была роль Горького и в ознакомлении русского читателя с армянской литературой. Он всячески поощрял переводы из армянской литературы, интересовался творчеством армянских поэтов и прозаиков. Замыслы по изданию сборников национальных литератур возникли у А. М. Горького еще в 900-х годах. В своем письме к Пятницкому в январе 1902 года он писал, что «после еврейского сборника надо выпустить сборник финский, грузинский и армянский тоже». Для осуществления задуманных изданий Алексей Максимович вел деятельную переписку, стремясь найти подходящих сотрудников, знакомых с национальными литературами.

В эпоху революционного подъема, накануне империалистической войны, Горький снова возвращается к вопросу об издании сборников национальной и областной литературы. Эти издания представлялись ему действенным средством для укрепления «морального и политического престижа русской литературы» (см. письмо к В. В. Вересаеву от 29 августа 1912 г.). Он считал, что за дело должны взяться сами русские писатели, а не какая-либо издательская фирма из коммерческих соображений. По замыслу Горького, создание сборников должно было осуществляться путем установления связи с писателями и литераторами на местах. Они должны были обеспечить переводы и вступительные очерки к сборникам, с характеристикой исторического и культурного прошлого данного народа. Редактуру материалов Горький мыслил себе коллективной, вместе с составителями. Эта работа Горького в 1912—1917 годах имела исключительное политическое значение. Из переписки Горького с М. А. Сундукян мы узнаем, что в 1912 году он упорно подыскивал авторов для статей о положении армян в Закавказье, об историческом прошлом армянской культуры, об армянской литературе.

Осуществлению горьковских замыслов способствовало создание книгоиздательства «Парус» — первого книгоиздательства в России, предпринявшего по инициативе Горького широкое издание сборников национальных литератур. В годы 1914, 1915, 1916 этим издательством велась работа над следующими сборниками: финским, латышским, армянским, еврейским, украинским и сибирским. К сожалению, полностью эту программу по разным причинам издательству осуществить не удалось. Сборники требовали большой подготовительной работы. Специально отбирались и переводились произведения, для каждого сборника был создан большой коллектив переводчиков. Так, для переводов текстов для латышского сборника были приглашены: В. Брюсов, Шервинский, Ходасевич, Спасский, Шершеневич, Верховский, Ал. Блок, Ашукин, В. Иванов, К. Липскеров, Остроумов; для финского сборника — Ал. Блок, В. Брюсов, В. Иванов, В. Аренс, В. Смирнов, Ашукин, Ходасевич; для армянского сборника — Ю. Верховский, Л. Зилов, М. Шагинян, Е. Выставкина, Ю. Балтрушайтис, Вячеслав Иванов, В. Брюсов, Шервинский, Потанин, Спасский, Ходасевич, Липскеров, А. Блок, и из армянских литераторов — В. Тэриан, П. Макинциян, К. Микаэлян, Л. Калантар и С. Лисициан. По некоторым сборникам работа была начата, но не завершена. Так, по сибирскому сборнику подготовка материалов была только поручена Г. Ваткину[1].

Таким образом, в издательстве «Парус» вместе с Горьким работал большой и высококвалифицированный коллектив переводчиков. Не случайно повторяются имена замечательных поэтов Брюсова и Блока. И тот, и другой сделали исключительно много в создании культуры художественного перевода. Многие, начав свою работу в «Парусе», впоследствии продолжали заниматься переводами и сделали в этом направлении немало ценного и полезного — например, Шервинский и Липскеров. Работа над сборником национальных литератур являлась одновременно и созданием Горьковской школы перевода, перевода, который был не техническим перенесением того или иного литературного памятника с одного языка на другой, а выполнял серьезную политическую и художественную функцию.

Принципы Горького звучали политической антитезой к установкам самодержавия и цензуры. Какие требования предъявлял Горький к переводу литературных памятников? Он требовал, во-первых, очень строгого и критического отбора переводимых произведений. Эти произведения, с точки зрения Горь-

[1] ГИАЛО, ф. 1136, оп. 4, св. 2, д. 10. Книга: Счета разных лиц издательства „Парус" 1914/1917. Книга разных счетов издательства „Парус", 1917 г.

кого, должны были отвечать следующим требованиям: произведение должно быть типичным для писателя, оно должно быть народным и, вместе с тем, ярко выраженным национально, не говоря уже о том, что оно должно быть высокохудожественным. Во-вторых, мастерство перевода, по Горькому, заключается в правдивой, неискаженной, без тенденциозных вмешательств переводчика и редактора, передаче авторского текста. Обязательными считал Горький передачу национального колорита и сохранение не только содержания, но и национальных особенностей произведения. Во имя сохранения этого колорита Горький настаивал на передаче идиоматических выражений и не боялся, например, оставлять в тексте арменизмы, ярко подчеркивающие национальный характер произведения.

Горьковская школа перевода, имеющая неоценимые заслуги в деле развития переводческой культуры, легла в основу советских принципов художественного перевода.

Подготовка сборника армянской литературы была начата в 1915 году. Горький обратился к Ваану Тэриану с просьбой принять на себя составление сборника.

Получив приглашение от А. М. Горького, Тэриан приезжает к нему на дачу в Финляндию. Здесь в один из вечеров лета 1915 года был разработан ориентировочный план сборника армянской литературы. В беседе принимал участие и издатель «Паруса» А. Н. Тихонов.

«Обращаясь к Тихонову и Тэриану, Алексей Максимович заговорил об издании сборника армянской литературы. На столе появились бумага и карандаш. Тэриан называл фамилии армянских литературоведов и русских поэтов-переводчиков, которых можно привлечь к работе над сборником. Горький записывал»[1].

Приступив к составлению сборника, Тэриан начинает вести деятельную переписку. В своих письмах он излагает план сборника, советуется относительно выбора тех или иных произведений, писателей, поэтов. Тэриан полон энтузиазма; работая над сборником, он заново переоценивает армянскую литературу. Письма Тэриана этого периода пронизаны горьковским духом и настроениями, он весь во власти Горького и осуществляемого совместно дела. В письме к Ц. Ханзадяну Тэриан писал: «Два слова скажу о Горьком, тебе, я знаю, будет интересно: очень хороший человек, честный и светлый, и очень хорошо ко мне относится»[1]. В своих письмах к переводчикам Тэриан излагает те требования, которые предъявлялись при составлении сборника к подбираемому материалу. Если мы сопоставим первоначальные варианты планов сборника «Армянской литературы» с окончательным текстом, то перед нами встанет та большая и трудная работа, которая была проделана составителями.

В процессе создания сборника произошло размежевание с одновременно подготовлявшимся к печати в Москве Брюсовским сборником «Поэзия Армении». Так, намеченные по первоначальному плану один из вариантов «Давида Сасунского» и стихотворения Саят-Новы не были включены в сборник, поскольку они вошли в московское издание. Тесную связь между «москвичами» и «петроградцами» и параллельный рост Горьковского и Брюсовского сборников, посвященных армянской литературе, можно установить и по переписке А. Н. Тихонова с В. Я. Брюсовым. В своем письме от 22/I—1916 г. А. Н. Тихонов писал: «...Посылаю Вам перевод стих. Исаакяна, выполненный А. Блоком. Не пригодится ли он Вам для московского сборника? Вышло так, что у нас оказалось два перевода одного и того же стих.— Ваш и А. Блока. Ваш перевод мы помещаем в своем сборнике, а Блоковский предлагаем Вам для московского»[2]. Согласно первоначальным планам, в сборнике должно было быть отражено творчество В. Папазяна, но по оставшейся неизвестной причине мы его в издании не находим.

В числе переводчиков, принявших участие в подготовке сборника, мы встречаем К. Бальмонта, И. Бунина, В. Брюсова, В. Иванова, Ю. Веселовского, С. Шервинского, Ю. Верховского, М. Шагинян, С. Лисициан и др.

Переводы были тщательно просмотрены и отредактированы Горьким. Особенно большое внимание и время им было уделено переводу комедии Сундукяна «Пэпо». Комедия Сундукяна «Пэпо» представляет для переводчика большие трудности. На-

[1] Дм. Семеновский. А. М. Горький. Письма и встречи, М., 1938

[1] Վ ա հ ա ն Տ ե ր յ ա ն. երկեր, երևան, 1956, էջ 684 (Ваан Тэриан. Сочинения. Ереван, 1956, стр. 684).

[2] Архив В. Я. Брюсова.

писанная на одном из армянских диалектов (тифлисском), она изобилует идиоматическими выражениями, трудно передаваемыми поговорками и восклицаниями.

До Горького попытки познакомить русского читателя с этой пьесой, знаменующей вершину армянской драматургии, делались три раза. Дважды комедия печаталась в виде конспекта (в 1876 году в Тифлисе и в 1882 г. в Петербурге).

В 1896 году А. Цатуряном и Ю. Веселовским был напечатан полный перевод комедии на русский язык. Однако Горький, издавая «Сборник армянской литературы», не счел целесообразным использовать перевод Цатуряна и Веселовского и поручил Тэриану подготовить подстрочный перевод «Пэпо». В дальнейшем этот перевод был переработан и отредактирован Горьким.

Редакционная правка Горького заслуживает особого внимания. Горький-драматург проделывает здесь работу, аналогичную той, которую совершает поэт с подстрочным переводом. Второе рождение пьесы Сундукяна из-под пера великого русского писателя нисколько не снижает национального колорита пьесы. Наоборот, Горький всячески стремится сохранить характер и строй языка.

В Музее литературы и искусства АН Армянской ССР хранится экземпляр подстрочного перевода комедии Сундукяна «Пэпо» с редакционной правкой А. М. Горького. Эта рукопись представляет собой первую редакцию русского перевода, не совпадающую полностью с текстом, напечатанным в сборнике. Дальнейшая редактура происходила, очевидно, либо по другому, заново переписанному экземпляру, либо непосредственно в гранках[1].

Будучи принципиально согласным с А. М. Горьким в необходимости сохранения национального колорита, Тэриан в письме к Ц. Ханзадяну пишет:

«По предложенному тобой методу «Пэпо» переведен Веселовским, и Горький сказал, что мой перевод несравненно лучше, а перевод Веселовского плох. Мнения других русских я не спрашивал, но имей в виду, что Горький — тоже русский.

[1] Других экземпляров этой рукописи либо гранок нам пока обнаружить не удалось.

Конечно, если бы переводимое мною было из Метерлинка, я, может быть, и не сохранил бы этих «вай» и «вуй», но когда подробно описываешь одежду действующих лиц, когда произведение не является даже картиной армянской жизни в целом, а лишь тифлисских армян, когда это обстоятельство имеет господствующее значение в произведении,— было бы ошибочным не подчеркнуть этого в переводе. Вот П. перевел «Гикора» по предложенному тобой методу, т. е. заменяя армянские обороты русскими, и Горький сказал, что не стоит печатать, потому что это русский рассказ, а не армянский»[1].

Сопоставление текста Сундукяна с указанной рукописью, текстом сборника и переводом Цатуряна и Веселовского убеждает нас, что основной задачей Горького-редактора было возможно полное сохранение национального колорита переводимого произведения, сохранение языкового строя оригинала. Комедия Сундукяна «Пэпо», с точки зрения Горького, и на русском языке должна звучать как произведение армянской литературы.

Появление сборника вызвало целую бурю в армянской действительности. Все внимание критиков было сосредоточено, главным образом, на вступительных статьях, на вопросе о переводах.

С большой статьей в газете «Пайкар» выступил С. Шаумян. Приветствуя начинание Горького, он писал: «Этот недавно вышедший сборник является первым из ряда сборников, которые будут посвящены обзору литературного творчества малых народов, населяющих Россию. У М. Горького давно созрела прекрасная мысль — ознакомить русское общество с литературой малых народов, живущих вместе с ним единой политической жизнью. За этим армянским сборником последуют латышский, финский, тюркский, еврейский, украинский и другие»[2].

Одновременно с этим Шаумян подверг сборник обстоятельному анализу. Он с сожалением отметил отсутствие в сборнике творчества А. Акопяна, сделал целый ряд замечаний по

[1] *Վահան Տերյան. Երկեր, Երևան, 1956, էջ 686* (Ваан Тэриан. Соч., Ереван, 1956, стр. 686).

[2] С. Шаумян. О сборнике армянской литературы. См. Литературно-критические статьи. М., 1952, стр. 65.

поводу переводов, главным образом, поэтических произведений, считая многие из них не вполне удачными. Резкой критике подверг Шаумян вступительные статьи Д. Анануна и П. Макинцияна, указывая, что «Максим Горький — знаменосец светлых чувств и международных устремлений — был достоин лучших сотрудников».

Эта статья, вместе с письмом за подписью армянских большевиков — Ст. Шаумяна, А. Акопяна, А. Мравяна и др., была послана А. М. Горькому в Финляндию.

Отклики на горьковский сборник «Армянской литературы» в виде статей, рецензий и заметок мы находим и в целом ряде армянских периодических изданий, в том числе и в газете «Мшак».

Дружеские отношения между Горьким и Тэрианом не прекращались и после окончания совместной работы. Свои чувства к Горькому поэт выразил в телеграмме, посланной 29 октября 1917 г., в которой говорилось: «Сердечно приветствую Вас, славного, смелого, верного вождя демократии, горячо любимого, правдивого писателя, гражданина и человека».

Из записанных бесед А. М. Горького с Тэрианом мы узнаем, что Алексей Максимович предполагал после выхода в свет «Сборника армянской литературы» организовать специальный сборник, посвященный творчеству армян, проживавших в Турции, а также выпустить серию книг под общим заголовком «Армянская библиотека». В эту серию предполагалось включить произведения тех авторов, которые не могли быть напечатаны в сборнике по своему объему; Горький наметил также посвятить специальный том творчеству армян, проживавших в Европе и Америке.

Так на рубеже двух веков объединялись и боролись за общее дело демократические силы, независимо от их национальной принадлежности. В эту эпоху исторической миссией передовой литературы было пробуждение и воспитание интернациональных чувств; внедрение в сознание миллионов и миллионов людей идей дружбы и сотрудничества народов.

«Но рабочему классу нужно **не разделение, а единение,**— писал В. И. Ленин.— Нет для него горшего врага, как дикие предрассудки и суеверия, которые в темной массе сеют его

враги. Угнетение «инородцев»— палка о двух концах. Одним она бьет «инородца», другим русский народ.

И потому рабочий класс должен решительнейшим образом высказаться против какого бы то ни было угнетения национальностей»[1].

Шла ли речь о переводах произведений Тургенева или Толстого на армянский язык, или о переводах произведений Абовяна и Раффи на русский язык,— в основе лежала все та же великая и благородная мысль об интернациональном единстве трудящихся.

Трудно переоценить историческую роль тех писателей, общественных деятелей, критиков и переводчиков, которые внесли свою лепту в это большое и важное дело. Исключительны в этом отношении заслуги таких корифеев, как Горький или Брюсов. Но дело не только в них. Дело в том, что эту задачу выполнило целое поколение передовой многонациональной интеллигенции девятисотых годов.

Для представителей этой интеллигенции самодержавием были уготованы не только тюрьмы и ссылки, но и аппарат цензуры, действовавший «неукоснительно и точно». Цензоры вычеркивали, вымарывали, пытались уничтожить все, имевшее отношение к дружбе народов, к воспитанию трудящихся в духе интернационализма. Однако ни запреты, ни угрозы, ни сожжение книг во дворах полицейских участков не могли сдержать могучего стремления народов друг к другу. Великие ленинские идеи дружбы народов несокрушимым строем шествовали по страницам многонациональной печати, и цензуре было совершенно не под силу остановить это могучее революционное движение народов.

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. 20, стр. 216.

ГЛАВА VIII

ЦАРСКАЯ ЦЕНЗУРА И АРМЯНСКАЯ ПЕЧАТЬ В ГОДЫ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И СТОЛЫПИНСКОЙ РЕАКЦИИ

В конце XIX века Россия вступила в третий этап освободительного движения — этап пролетарский. Ведущим в идеологической жизни этого периода было возникновение и распространение марксизма. Марксисты начинают выступать на страницах подцензурной печати.

В 900-е годы цензура особенно усиливает всевозможные ограничения и препятствия на пути развития политической жизни страны. Главному управлению по делам печати усиленно помогает департамент полиции, создается «Совещание четырех министров», пользующееся неограниченными правами в деле преследования и запрещения периодических органов и отдельных изданий.

С изменением форм революционной идеологии изменялись и направления непримиримой борьбы с нею цензурного ведомства. Во второй половине XIX века это была борьба с идеями революционной демократии, затем — с народничеством и впоследствии — с марксизмом. Преследовались все выражения демократической мысли: идеи дружбы народов, интернационализма, солидарности и культурного общения.

Характеризуя этот период в истории русской печати, В. И. Ленин писал: «В стране самодержавной, с полным порабощением печати, в эпоху отчаянной политической реакции, преследовавшей самомалейшие ростки политического недовольства и протеста,— внезапно пробивает себе дорогу в **подцензурную** литературу теория революционного марксизма, излагаемая

эзоповским, но для всех «интересующихся» понятным языком. Правительство привыкло считать опасной только теорию (революционного) народовольчества, не замечая, как водится, ее внутренней эволюции, радуясь **всякой** направленной против нее критике. Пока правительство спохватилось, пока тяжеловесная армия цензоров и жандармов разыскала нового врага и обрушилась на него,— до тех пор прошло немало (на наш русский счет) времени. А в это время выходили одна за другой марксистские книги, открывались марксистские журналы и газеты, марксистами становились повально все, марксистам льстили, за марксистами ухаживали, издатели восторгались необычайно ходким сбытом марксистских книг»[1].

В 900-е годы цензурный гнет достигает небывалых размеров. В противовес поднимающейся волне освободительного движения, цензура преследует всякое живое слово, малейшее проявление свободомыслия. Оценивая этот период, как и вообще всю эпоху подцензурной печати XIX века, Ленин писал: «Проклятая пора эзоповских речей, литературного холопства, рабьего языка, идейного крепостничества!»[2].

На грани двух веков марксизм широко распространяется среди трудящихся не только русской, но и других национальностей России. Марксистская литература становится постепенно достоянием и армянского рабочего движения. На армянский язык переводится «Коммунистический Манифест», начинают переводить произведения В. И. Ленина. Большую роль сыграли труды, изданные в серии политической книги под общим заглавием «Рабочая библиотека». В этой серии были опубликованы произведения Маркса, Энгельса, Бебеля, Лафарга, Шаумяна и др.[3].

История переводов и публикаций «Коммунистического Манифеста» является одной из наиболее интересных страниц в анналах истории распространения марксизма в армянской общественной жизни. В течение довольно продолжительного времени переводы «Коммунистического Манифеста» на армянский язык довести до печати не удавалось. Так, остался в рукописи

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. 5, стр. 333—334.

[2] Там же, т. 10, стр. 26.

[3] См. Е. Халеян. Армянская большевистская печать в годы первой русской революции 1905—1907 гг. „Известия АН АрмССР", 1955, № 12.

и первый перевод 1887 года, о котором был осведомлен Фридрих Энгельс. Необычайный интерес, проявленный армянами, жителями самых различных мест, к этому основополагающему документу марксизма, подтверждается переводами, сделанными в Константинополе, Женеве, Штутгарте, Афинах, Лондоне, Баку, Москве и Эривани. В том же 1887 году «Коммунистический Манифест» был переведен вторично на армянский язык в Женеве студентом Г. Гараджяном[1].

Среди переводов заслуживает особого внимания Штутгартский перевод 1894 года, одним из авторов которого был Иосиф Атабекян. И. Атабекян обратился к Ф. Энгельсу с просьбой написать предисловие. Ф. Энгельс ответил ему подробным письмом[2]. Впервые перевод части «Коммунистического Манифеста» был напечатан в 1894 году. Этот перевод был сделан с французского языка (опубликованы были только две первые главы). В 1904 году вышло первое полное издание «Коммунистического Манифеста» на армянском языке в виде отдельной книги в переводе С. Шаумяна при участии М. Манучаряна. После этого «Коммунистический Манифест» неоднократно переводился и печатался на армянском языке.

Начало XX века было ознаменовано значительным усилением армянской печати не только в России, но и за рубежом. Особенно широкое распространение получила периодическая печать, отражавшая идейные устремления различных политических партий и различных политических направлений. Совершенно новым явлением этого периода было появление большевистской армянской прессы. Это были газеты ленинско-искровского направления: «Пролетариат», «Пролетариати крив» («Борьба пролетариата»), «Пролетариати крви тертик» («Листок борьбы пролетариата»), «Банвори дзайн» («Голос рабочего»), «Кайц» («Искра»), «Нор хоск» («Новое слово»), «Коч-Девет» («Призыв»), «Орер» («Дни») и другие.

---

[1] См. *Ե. Խալեյան, «Կոմունիստական մանիֆեստ»-ի հայերեն թարգմանութիւնները և հրատարակութիւնները. «Հայկական ՍՍՌ Գ.Ա. Տեղեկագիր», 1948, № 3, էջ 3—10* (Е. Халеян, Армянские переводы и издания „Коммунистического Манифеста", „Известия АН Армянской ССР", 194 , № 3, стр. 3—10); Х. Барсегян, Программный документ научного коммунизма, "Коммунист", 1954, № 286.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXIX, 1946, стр. 341

Как реагировала цензура на это наступление революционного народа в области печати? Цензура, полиция и весь остальной аппарат самодержавной монархии с тревогой, а подчас и с нескрываемым ужасом наблюдали за массовым развитием печати. В своих докладах Николаю II Булыгин с истерическим страхом писал о могучем размахе революционной печати в России и предлагал различные меры для пресечения, остановки этого могучего потока литературы. Он писал: «Давно сознано, что печать есть великая сила, которою пользуются обыкновенно правительства, а в государствах, имеющих развитую и окрепшую политическую жизнь, и отдельные политические партии для проведения в общество и жизнь своих общих и партийных взглядов и стремлений. В России, благодаря существующим в действующих постановлениях о печати стеснениям и исторически сложившимся причинам, печать заняла иное положение, но и здесь она всегда имела более или менее важное влияние на общественное мнение по тем вопросам, которые подвергались ее обсуждению. Такую силу печати прекрасно поняли развившиеся в последнее время в России революционные группы, которые образовали здесь разного наименования революционные сообщества (социал-революционеров, социал-демократов, коллективистов и проч.) и которые стали забрасывать районы своей деятельности особыми революционными листками — прокламациями, отпечатанными иногда в значительном числе экземпляров»[1].

Булыгин считал, что одних превентивных мер недостаточно, поскольку никакие циркуляры, распоряжения и запрещения с этой печатью справиться были не в силах. Поэтому он предлагал другое,— организовать правительственную, консервативную печать, поставив перед ней задачу овладеть общественным мнением и противостоять революционной пропаганде. Прежде всего он предлагал реорганизовать «Сельский вестник», превратив его в массовое издание для крестьян. С точки зрения защиты интересов самодержавия Булыгин вносил целесообразное предложение, но он не понимал одного,— что самодержавие в это время переживало период такого разложения и коррупции, что, конечно, ни о какой серьезной организации печати не могло быть и речи. У царского правительства почва уходила из-под

---

[1] „Красный архив", 1941, 2 (105), стр. 145.

ног, а власть выскальзывала из рук. О том, до чего доходила растерянность в правительственных кругах в 1905 году, можно судить хотя бы по тому, как горько жаловался на редакторов пользовавшийся печальной известностью генерал-губернатор Петербурга генерал-майор Трепов министру внутренних дел: «В настоящее время, несмотря на последовавшее со стороны Главного управления по делам печати подтверждение о неуклонном исполнении редакциями газет изданного по вышеозначенному вопросу циркуляра, усматривается, что многие газеты продолжают упорно воздерживаться от представления в мою канцелярию указанных выше статей, вследствие чего неоднократно имеют место случаи, когда присланная какой-либо газетой и запрещенная к печатанию заметка тем не менее появляется полностью в других газетах»[1].

Подобных прецедентов не было в XIX веке,— тогда губернаторам и в голову не пришло бы обращаться с жалобами к министрам внутренних дел. В годы первой русской революции лакеи самодержавия еще не понимали — как далеко зашло революционное движение, и в борьбе с ним пытались опереться друг на друга, полагая, что то, что не по силам губернатору, вполне доступно министру внутренних дел. Между тем «колосс на глиняных ногах» качался уже так сильно, что в эпоху 1905—1907 годов цензурные комитеты, наряду с целым рядом других правительственных установлений, вынуждены были отступить перед революционным народом.

В борьбе с полицейским режимом царизма успехи трудящихся на разных исторических этапах были различны. В эпоху революционной ситуации шестидесятых годов цензуре пришлось отступить и, как мы показали в предыдущих главах, в это время имело место ослабление цензурного режима. Однако никто из редакторов или издателей не осмеливался еще полностью обойти цензуру. Характерной особенностью первой русской революции был ее народный характер, который и придавал ей особую силу и мощь. Одним из выражений этой силы было то, что на этот раз издатели и редакторы могли вообще обойтись без цензуры, она была для них, что называется, ни к чему. Короче говоря, управление по делам печати выпустило печать из

[1] „Красный архив", 1941, 2 (105), стр. 147.

рук. Наиболее ярким свидетельством этого было огромное количество нелегальной литературы накануне и во время революции пятого года.

В. И. Ленин отмечал, что в это время стерлась грань между легальной и нелегальной печатью. Нелегальные издания выпускались как открыто работавшими, так и подпольными типографиями. Большевики придавали исключительно большое значение нелегальной литературе, и В. И. Ленин настойчиво советовал Кавказскому союзному комитету всемерно расширять выход нелегальной литературы. Революционные деятели Закавказья ответили на это пожелание Ленина организацией целого ряда подпольных типографий.

В 1900 году усилиями Ладо Кецховели и его товарищей Б. Кнунянца, Мелика Меликяна и других в Баку была организована подпольная типография, известная под кличкой «Нина»[1]. В этой типографии размножались номера «Искры», печатались многочисленные брошюры и листовки. Эти издания рассылались в Россию, Среднюю Азию, на Северный Кавказ и в другие места. Судьбою «Нины» были озабочены В. И. Ленин и Н. К. Крупская, упоминавшие о ней в своей переписке. В распространении нелегальной литературы использовался не только типографский станок, но и гектограф. В Джалалоглах (ныне Степанаван) под руководством С. Шаумяна на гектографе размножались листовки на армянском языке.

В 1903 году Кавказским союзным комитетом РСДРП была организована нелегальная типография в Тифлисе (в районе Авлабара). Организация этой типографии была поручена Михо Бочоридзе. Руководили этой типографией и вели основную работу по написанию и редактированию статей, листовок и прокламаций члены Кавказского союзного комитета: И. В. Сталин, А. Г. Цулукидзе, М. Г. Цхакая, С. Г. Шаумян, В. С. Бобровский, Ф. Е. Махарадзе и другие. В Авлабарской типографии печаталась на трех языках (русском, грузинском и армянском) газета «Борьба Пролетариата». В ответ на приглашение Кавказского союзного комитета сотрудничать в этой газете

[1] См. *Ա. Հ. Բարսեղյան. Բոլշևիկյան հայ պարբերական մամուլի պատմություն 1900—1920. Երևան, 1956* (Х. А. Барсегян. История армянской большевистской периодической печати 1900—1920, Ереван, 1956).

В. И. Ленин писал: «Дорогие товарищи! Получил Ваше письмо насчет «Борьбы Пролетариата». Постараюсь писать и передам товарищам по редакции. Занят теперь усиленно работой для нового органа. Вам послали уже подробное письмо на этот счет. Откликнитесь поскорее и посылайте, пожалуйста, побольше, побольше и побольше рабочих корреспонденций. От Вас зависит теперь успех органа в особенности, ибо начало особенно трудно»[1].

В типографии печатались не только газеты, но и партийные документы, листовки, бюллетени, брошюры. Представление о тиражах ее изданий могут дать следующие две цифры: «...с 20 ноября по 16 декабря 1904 года в ней было отпечатано около 30 тысяч экземпляров различных изданий, а за период с января по ноябрь 1905 года — по неполным данным — 275 215 экземпляров газет, брошюр и листовок»[2].

Авлабарская типография занимает почетное место и в истории армянской печати. Из этой типографии вышла богатая революционная литература на армянском языке, имевшая большое значение в формировании революционного сознания армянского народа.

Накануне 1905 года подпольная типография была организована в Александрополе[3]. В этой типографии печатались листовки, сыгравшие большую роль во время Октябрьской стачки железнодорожников, в которой принимали участие и железнодорожники Александропольского узла. Под руководством большевиков на вокзале происходили многочисленные митинги.

Полиция усиленно преследовала тех, кто перевозил и распространял нелегальную литературу. Так, в 1906 году был арестован по дороге в Эривань М. Миракян, у которого обнаружили свыше 62 экземпляров большевистских газет и многочисленные брошюры, среди которых были труды В. И. Ленина, газеты «Пролетарий», «Социал-демократ», «Вперед» и другие[4].

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. 34, стр. 240.

[2] Авлабарская нелегальная типография. Сборник материалов и документов. Тбилиси, 1954, стр. 11.

[3] См. Խ. Հ. Բարսեղյան. Բոլշևիկյան հայ պարբերական մամուլի պատմությունից 1900—1920. Երևան, 1956 (Х. А. Барсегян. История армянской большевистской периодической печати 1900—1920. Ереван, 1956).

[4] Архив Тбилисского филиала ИМЛ, ф. 31, д. 14, 1908, лл. 26—39.

Широкие слои трудящихся жаждали правдивого слова, и это, естественно, отразилось в революционных требованиях в 1905 году. Требовали отмены цензурных установлений, уничтожения всей сложной системы преград и препятствий, чинимых издателям и редакторам. Требовали свободного издания журналов, книг и газет, иначе говоря,— легализации нелегальной прессы.

«Свобода печати и совести...»[1] являлась требованием, поддержанным самыми широкими массами,— писал В. И. Ленин,— и правительству пришлось пойти на некоторые уступки. Ни цензура, ни департаменты, ни министерства не могли противостоять поднимающейся волне революционной печати. Разрешение на издание бесцензурных газет было официальным признанием полной беспомощности цензуры в годы революции. Однако самодержавие сразу же после этой уступки попыталось свести на нет данное разрешение целым рядом дополнительных ограничительных циркуляров, а в годы реакции особенно беспощадно расправлялось с нелегальной литературой и ее творцами. Но в момент революционных событий цензура утратила свою былую власть над печатью.

Из армянской печати в эпоху первой русской революции подцензурными изданиями были «Кайц» («Искра»), «Нор хоск» («Новое слово») и «Орер» («Дни»). Газета «Кайц» сыграла очень большую роль в большевистской печати Закавказья. Она явилась первой легальной трибуной армянской большевистской мысли, первым органом, на страницах которого такие деятели, как Шаумян и Спандарян, получили возможность легально пропагандировать идеи научного коммунизма. Очень скоро вокруг газеты образовался крепкий редакционный актив, среди активистов которого были Мелик Меликян, Акоп Акопян, С. Касьян, М. Миракян, А. Каринян и другие. В первом номере выступил с программной статьей «Наш орган» Степан Шаумян, наметивший основные задачи газеты.

Уже самый характер газеты предопределил те цензурные преследования, которым она неминуемо должна была подвергнуться. Разрешение на ее издание было выдано Арамансу Ерзинкяну в декабре 1905 года[2]. Первый номер вышел в Тифлисе

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. 8, стр. 73.

[2] ЦГА Грузинской ССР, ф. 114, д. 222, лл. 1—2.

в апреле 1906 года. Не прошло и месяца, как Арамаис Ерзинкян был привлечен к уголовной ответственности за напечатание в восьмом номере статьи по поводу открытия Государственной Думы. О дальнейшем сообщалось следующее: «Затем за статью «Роспуск Государственной Думы» в № 37 от 13 июня 1906 года... возбуждено второе преследование Ерзинкянца по п. 2 ст. 120 уг. ул. (отношение комитета от 18 июня 1906 года за № 1248 на имя прокурора палаты). Отношением палаты от 31 июня 1906 года издание газеты «Кайц», ввиду крайне дерзостного порицания верховной власти империи, допущенного в статье «Роспуск Государственной Думы», приостановлено и с подсудимого Ерзинкянц потребован залог в сумме одной тысячи рублей. Тифлисская полиция, которой 9 августа за № 1452 это постановление палаты было препровождено для объявления — Ерзинкянцу, 27 сентября за № 2292 сообщила, что последний в Тифлисе не разыскан, о чем комитет сообщил прокурору палаты. Дальнейшие сведения в комитете не имеются»[1].

Народная революция, всколыхнувшая широчайшие массы трудящихся, явилась одновременно и творцом новой народной литературы — листовок, бюллетеней, массово-политических брошюр. Впервые в России получает широкое распространение массово-политическая брошюра, печатаясь с разрешения и без разрешения цензурных комитетов. Издатели брошюр в годы революционного подъема либо вовсе не печатали цензурного грифа, либо ограничивались указанием: «Настоящая брошюра цензуре не подвергалась». В истории армянской печати впервые получает широкое распространение массово-политическая книжка, рассчитанная на самые широкие круги читателей. Массовые брошюры издавались не только серийно, но и выходили отдельно многочисленными тиражами в подцензурной и нелегальной печати.

Совершенно исключительное значение приобретает новый жанр массово-политической литературы — большевистская листовка. Образцы этого жанра мы находим у В. И. Ленина. Ленинские листовки сочетают высокую патетику с ясностью и простотой. Построенные иногда в диалогической форме, в виде вопросов и ответов, они были рассчитаны на чтение в самых

[1] ЦГА Грузинской ССР, ф. 112, д. 222, лл. 5—8.

различных массовых аудиториях[1]. В этих листовках общедоступность изложения сочеталась с лаконизмом, с броским заголовком и подзаголовком.

Листовки обладали значительными преимуществами по сравнению с газетами, они давали возможность более оперативно откликаться на волнующие события. Характерны с этой точки зрения листовки, посвященные «кровавому воскресенью». Трагические события 9-го января нашли в большевистских листовках свою немедленную политическую оценку, в них вылился народный гнев и всеобщее возмущение преступной политикой царизма. Правдивое изложение фактов, искажавшихся буржуазной печатью, с привлечением обширного документального материала, делало эти листовки особенно убедительными. Рассчитанная на необычайно широкую аудиторию и, прежде всего, на рабочих, крестьян, солдат, матросов и учащихся, большевистская листовка являлась боевым призывом к действию, революционным наказом, организующим многомиллионные массы в их в борьбе за свободу. В. И. Ленин писал в октябре 1905 года: «Руководить партией при теперешнем гигантском, невероятном росте движения можно только печатью. И надо создать живые, подвижные, быстрые, краткие листки-бюллетени, дающие основные лозунги и итоги основных событий»[2].

Большевистские листовки вместе с нелегальными газетами осуществили массовый прорыв цензурного фронта. Авторы и издатели этой прессы не входили в споры с цензорами, им не нужен был цензурный гриф — волею революционного народа они вырвались на просторы свободной печати; в 1905 году, впервые в истории цензуры, наступил момент, когда она фактически была уничтожена, хотя формально цензурные учреждения и продолжали существовать. За период первой русской революции было издано большевистскими организациями 2000 названий разных листовок, причем тираж их варьировался от 10 до 40 тысяч экземпляров и выше.

Большевистские листовки впервые стали массовой многонациональной литературой; они издавались на языках народов,

[1] См., например, листовку: „Три конституции или три порядка государственного устройства". В. И. Ленин. Сочинения, т. 8, стр. 521—523.

[2] В. И. Ленин. Сочинения, т. 34, стр. 312.

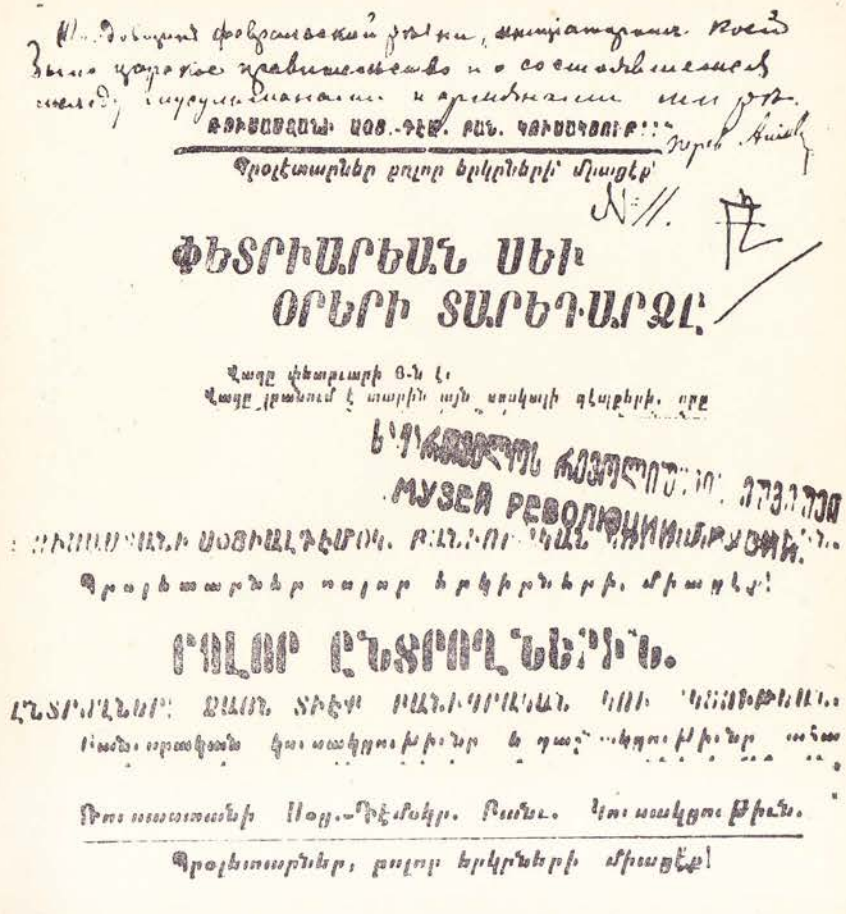
населявших Россию, — на украинском, белорусском, эстонском, грузинском, азербайджанском, армянском и других.

Высокий пафос и патетика большевистских листовок достигают большой художественной выразительности. Для многочисленных, подчас даже неизвестных авторов, непревзойденным образцом были ленинские листовки, написанные с блестящим знанием русского языка, использованием всех его неисчерпаемых возможностей и богатств.

Многочисленные листовки были изданы Кавказским союзным комитетом и комитетами Тифлисским, Бакинским, Батумским, группами: Александропольской, Шушинской, Карсской и другими. В этих листовках нашли свое выражение задачи общепролетарского движения, причем наряду с этими задачами большое место занимают идеи интернационализма и дружбы народов. Так, в листовке Тифлисского комитета от 13 февраля 1905 года разоблачалось царское правительство, спровоцировавшее армяно-татарскую резню, и народы призывались к дружбе и солидарности: «Стоны умерших в Баку армян и татар; слезы жен, матерей, детей; кровь, невинная кровь честных, но несознательных граждан; напуганные лица бегущих, спасающихся от смерти беззащитных людей, разрушенные дома, разграбленные магазины и страшный, несмолкающий свист пуль,— вот чем укрепляет свой трон царь — убийца честных граждан... Но будьте бдительны! Вы, армяне, татары, грузины, русские! Протяните друг другу руки, смыкайтесь теснее и на попытки правительства разделить вас единодушно отвечайте: Долой царское правительство! Да здравствует братство народов!»[1]

Сотни листовок выходили на армянском языке. Это были листовки оригинальные и переводные. Так, Кавказским союзным комитетом были изданы на армянском языке листовки к «Солдатам запаса» — 3000 экземпляров, «Организованным рабочим» — 400, «Крестьянам» — 3000, «Что выяснилось»— 5000, «Солдатам» — 3000, «Первое Мая» — 2500 экземпляров. В создании этих большевистских листовок очень велика была роль С. Шаумяна, Кнунянца, С. Тер-Петросяна (Камо), Акопа Акопяна и других. В этих листовках на понятном, родном языке

[1] Листовки Кавказского Союза РСДРП 1903—1905 гг., М., 1955, стр. 278.

Революционные листовки на армянском языке

трудящиеся армяне черпали правдивые сведения о происходящих событиях, эти листовки приобщали их к великому делу революции. На армянском языке были напечатаны в типографии Тифлисского комитета обращения ко всем тифлисским рабочим в связи с первомайской демонстрацией[1]. Бакинским комитетом была выпущена на армянском языке специальная листовка, посвященная печальной годовщине февральской резни, инспирированной царским правительством. В этой листовке большевики призывали к дружбе и братству народов. Они разъясняли массам, что междоусобица и национальные столкновения выгодны только самодержавию; лишь единение рабочих всех национальностей сможет привести к успеху пролетарское движение.

Листовки широко распространялись в Армении не только среди гражданского населения, но и среди военных. Так, в ноябре 1905 года Александропольская социал-демократическая организация военных обратилась к солдатам Александропольского гарнизона с призывом: «Довольно служить врагам народа!.. Долой самодержавие царя и министров... Да здравствует социализм!».

Трудно переоценить роль большевистских листовок в деле организации трудящихся на борьбу за победу революции. Эти листовки — одна из замечательных страниц в истории большевистской нелегальной печати, заслуживающая специального внимания.

Если в шестидесятые годы цензурным комитетам противостояли такие редакторы-издатели и публицисты, как, например, М. Налбандян и Ст. Назарян, то в начале XX века обстановка для цензуры значительно осложнилась. Это было обусловлено различным характером революционной ситуации шестидесятых годов и революционной ситуации накануне 1905 года. В эпоху революции 1905 года цензуре пришлось столкнуться с массовым движением в печати разных народов, ей пришлось иметь дело уже не с революционными демократами, а с большевиками, историческое преимущество которых было очевидным.

Армянская печать в начале века имела уже таких организаторов, руководителей и публицистов, как Ст. Шаумян, С.

[1] См. Сборник, составленный Х. Барсегяном, „Армянские большевистские листовки" (Рукопись. Армянский филиал ИМЛ).

Спандарян, Богдан Кнунянц, Ас. Мравян, Арт. Каринян и другие — замечательное поколение, о котором в студенческие годы Шаумян писал, что оно было вооружено новым мировоззрением и получило «крещение в новейшей русской революционной купели»[1].

Ст. Шаумян совершенно ясно представлял себе ту обстановку, которая была создана царизмом для прогрессивной и революционной печати. Характеристика этой обстановки была им дана в первом же публичном выступлении — незавершенной речи по поводу юбилея Г. Агаяна. В этой речи, в которой он не постеснялся высказать как юбиляру, так и собравшейся армянской интеллигенции много горьких истин, он изложил следующую точку зрения на цензуру и печать: «Ни один самолюбивый, хоть сколько-нибудь уважающий себя писатель не согласится писать в условиях, когда над ним властвует произвол цензуры»,— говорит Людвиг Бёрне относительно Германии 40-х годов, являвшейся прообразом теперешней России. И сам он — один из столпов «Молодой Германии»— не смог приспособиться к цензурным условиям, эмигрировал во Францию и оттуда, через свободную печать, своими «Парижскими письмами» и другими публицистическими статьями сумел выполнить свою замечательную роль в деле возрождения Германии»[2]. И далее, говоря о трудностях, вставших на пути развития армянской литературы, об условиях, в которых находилась печать в самодержавной России, Шаумян продолжал: «В стране, где нет свободы слова и мысли, где народ, в результате господствующей государственной политики, пребывает в нищете и невежестве, а привилегия пользования благами цивилизации принадлежит только малочисленному обеспеченному классу, где вместо закона господствует произвол цензуры,— **там никогда не может быть общественной народной литературы, отвечающей своему назначению»**[3].

С целью создания этой народной литературы, литературы, правдиво обобщающей и комментирующей события текущей жизни, Шаумян с первых же шагов своей партийно-политической деятельности особое внимание уделяет вопросам печати.

[1] Ст. Шаумян. Литературно-критические статьи. М., 1952, стр. 10.
[2] Там же, стр. 17.
[3] Там же, стр. 18.

В 1902 году он вместе с другими армянскими большевиками занимается организацией армянской газеты. Активное участие в этом деле принимали Богдан Кнунянц и Камо. Кнунянц был в то время деятельным представителем ленинской «Искры»[1]

В октябре того же года вышел первый номер нелегальной социал-демократической газеты ленинско-искровского направления «Пролетариат». Создателями этой газеты были Ст. Шаумян, Б. Кнунянц, А. Зурабян и С. Ханоян. Свободная от цензурного грифа газета «Пролетариат» вела большую разъяснительную и пропагандистскую работу, разоблачала экономистов, оппортунистов и буржуазных националистов. В качестве передовой в первом номере был опубликован «Манифест армянских социал-демократов», написанный Ст. Шаумяном.

Следующим этапом в работе Ст. Шаумяна в области печати было Женевское издательство. В традициях русской вольной прессы, герценовского «Колокола» Шаумян организует армянскую марксистскую заграничную печать. По предложению В. И. Ленина, после второго съезда РСДРП в Женеве при ЦК РСДРП была создана «Комиссия по изданию на армянском и грузинском языках социал-демократической марксистской литературы»[2], в которой Ст. Шаумяну была поручена публикация армянской литературы. Этой комиссией была проделана очень большая и ценная работа по созданию марксистской литературы на армянском языке.

Вернувшись в 1904 году в Тифлис, Шаумян продолжает активно участвовать в организации большевистской печати; вместе с И. В. Сталиным, М. Цхакая и А. Цулукидзе он редактирует газеты «Борьба пролетариата» и «Листок борьбы пролетариата». Шаумян был не только редактором и организатором печати, но и талантливым публицистом, автором многочисленных марксистских статей в армянской периодике. К своей публицистической работе Шаумян относился всегда с особой требовательностью и принципиальностью. Не случайным было его утверждение, что «Литература — это храм, в который можно входить лишь с чистой совестью и чистыми побуждениями»[3].

[1] См. Х. А. Барсегян. Степан Шаумян. Очерк журнально-публицистической деятельности. Ереван, 1955.
[2] Там же, стр. 38.
[3] С. Шаумян. Литературно-критические статьи. М., 1952, стр. 81.

В 1905 году, используя в целях партийной пропаганды легальную прессу, С. Шаумян вместе с И. В. Сталиным редактировал «Кавказский рабочий листок». В течение двух лет С. Шаумян совместно с С. Спандаряном основывает целый ряд газет на армянском языке: «Банвори дзайн», «Кайц», «Нор хоск», «Орер» и другие.

Однако этими газетами не ограничивалась его трибуна публициста. Он принимает участие и в газете «Коч-Девет», выходившей на двух языках — армянском и азербайджанском и сыгравшей большую роль в деле укрепления дружбы армянского и азербайджанского народов. В мрачные годы столыпинской реакции Шаумян с упорством и настойчивостью продолжает свою партийную деятельность и прежде всего работу убежденного ленинца, журналиста-большевика. Он руководит такими изданиями, как «Бакинский рабочий», «Бакинский пролетарий», «Гудок».

Вспоминая бакинскую печать, С. Орджоникидзе писал: «Газета «Гудок», которая была фактически органом нашей партии, гремела тогда по всей России»[1].

В 1911 году С. Шаумян редактирует журнал «Современная жизнь». Этот журнал, несмотря на кратковременное существование (он был закрыт после выхода третьего номера), оставил очень яркий след в истории большевистской печати. На его страницах печатался Ленин и были опубликованы замечательные статьи Шаумяна о Горьком и Льве Толстом. Возмущенный до глубины души произволом цензуры в отношении этого журнала, В. И. Ленин писал Горькому в мае 1911 года: «Современную жизнь» в Баку тоже арестовали и задушили!..»[2]. В эти же годы (1911—1912) по инициативе Ст. Шаумяна в Баку стал издаваться на армянском языке марксистский журнал «Нор хоск» («Новое слово»). Шаумян в это время особенно подчеркивал необходимость освещения с марксистской точки зрения конкретных вопросов армянской действительности, проблем культуры, истории и литературы, считая, что назрело время для создания на армянском языке специального марксистского ор-

[1] Сборник „25 лет бакинской большевистской организации", стр. 45.

[2] В. И. Ленин. Сочинения, т. 34, стр. 391.

гана, теоретического журнала[1]. По предложению С. Шаумяна, в Баку на квартире у С. Мартикяна было созвано совещание, на котором обсуждались организационные вопросы, в том числе и вопрос об изыскании финансовых средств для содержания журнала. Основной задачей нового органа являлась борьба со всевозможными националистическими течениями в армянской действительности. Для печатания журнала была избрана типография Ереванцяна. Этот типограф сам интересовался революционной литературой, у него печатались иногда нелегальные листовки; кроме того, преимуществом типографии было и то, что она была расположена в очень уединенном месте. На специальном заседании в присутствии Шаумяна был разработан перспективный план журнала и намечена его тематика. Всего вышло 6 номеров журнала в трех книгах. Первый номер журнала открывался стихотворением Акопа Акопяна. Из поэтов в журнале принимал участие и Ваан Тэриан.

В журнале «Нор хоск» были напечатаны и «Итальянские сказки» Горького,— Горьковское слово не могли остановить никакие цензурные кордоны. «Итальянские сказки Горького были подчеркнуто-революционными, — пишет А. Каринян,— царские цензоры не могли удушить голос революционного писателя. Для рабочих-читателей большевистской газеты было ясно, что, описывая итальянцев, Горький приближается к освещению животрепещущих вопросов русской жизни. Печатая переводы сказок Горького на армянский язык, редакция «Нор хоск» учитывала литературно-художественные вкусы нового читателя. Перевел эти сказки Рубен Даштоян, бывший в 1911 году членом Бакинской большевистской организации и связанный с Шаумяном очень близкими дружескими отношениями»[2].

Шаумян выступил на страницах журнала с критикой дашнаков, в частности с разбором вышедшей в Женеве книги Варандяна. Особенно резко критиковал Шаумян утверждение Варандяна, что армяне не должны принимать участия в русском революционном движении, а должны беречь силы для национально-освободительной борьбы. Блестящая публицистика Шаумяна освещала страницы журнала, придавая ему особую

[1] См. А. Каринян. Степан Шаумян и журнал „Нор хоск" („Новое слово"), 1911—1912 (Рукопись. Армянский филиал ИМЛ).

[2] Там же, стр. 18—19.

остроту. По приглашению А. Кариняна в журнале принимал участие большевик-ученый Стопанин, статья которого «Бюджет армянского рабочего» произвела на читателей исключительно сильное впечатление.

Даже находясь в Астраханской ссылке, Шаумян не прекращает работы в печати. Он тайно выезжает в Петербург для того, чтобы принять участие в «Правде». Вернувшись из ссылки в Баку, он редактирует газету «Наша жизнь», которая уже на втором номере была конфискована полицией. В секретном донесении бакинского жандармского управления в департамент полиции от 25 апреля 1914 года сообщалось: «В дополнение к представлению от 24 сего апреля за № 2076 имею честь донести вашему превосходительству, что по полученным мною агентурным сведениям газета «Наша жизнь» издается при участии гражданина гор. Тифлиса Степана Георгиевича Шаумяна, известного в местных социал-демократических кругах под кличкой «Степан»[1].

Необычайно богата и многообразна была журнально-газетная и издательская деятельность Ст. Шаумяна. Эта деятельность в начале XX века резко отличалась от деятельности его предшественников — армянских революционеров-демократов. Шаумян получил возможность широко использовать нелегальную печать, в том числе и заграничную. Борьба с цензурой велась уже иными методами. Шла борьба не столько за отдельные статьи в легальной печати, сколько за отдельные органы, и чем свирепее и быстрее цензура их закрывала, тем скорее появлялись они вновь. Таким образом, несмотря на непродолжительное существование отдельных журналов и газет, нить большевистской печати не прерывалась: менялись названия и заголовки, но суть партийной печати оставалась все той же. Будучи верным учеником и соратником В. И. Ленина, Шаумян использовал все виды и формы армянской большевистской печати для пропаганды и популяризации его идей.

В организации и развитии большевистской печати большую роль сыграл товарищ и друг Шаумяна С. Спандарян. Он был членом редакционной коллегии газеты «Кайц» («Искра»), работал одним из ее редакторов. Спандарян активно выступал

[1] „Труды" Азербайджанского филиала ИМЛ. № 3, Баку, 1947.

на заседаниях коллегии, его перу принадлежат очень ценные публицистические статьи, в которых он откликался на злободневные проблемы и освещал самые различные вопросы текущей жизни. Много внимания уделял Спандарян критике реакционной и либеральной печати. Его статьи проникнуты духом непримиримой большевистской партийности, с позиций которой он разоблачал меньшевиков, дашнаков и представителей других буржуазно-националистических партий.

С особым возмущением оценивал С. Спандарян проект правительства 1910 года — организовать усиленный надзор за литературой. «Правительствующий синод,— писал Спандарян,—для борьбы с разлагающим влиянием современной литературы и для ограждения православной веры и церкви разрабатывает целую систему надзора за литературой, начиная от рекомендаций и кончая осуждением и запрещением. Из всей прошлой и настоящей деятельности наших официальных церковных кругов мы можем сделать вывод относительно того, какова будет рекомендательная и запретительная практика новой цензуры над проявлениями человеческого духа»[1].

С глубоким сожалением отмечая, что цензура запретила целый ряд произведений к постановке на сцене театра Комиссаржевской, Спандарян выступает в защиту русской литературы от цензоров в рясах и без них. «Многострадальная русская литература опять подвергается новым преследованиям, новым карам, и мысль, скованная новыми узами, будет биться в тяжелых тисках,— писал он;— национальная гордость и сокровищница — наша, покорившая мир, литература — будет у себя дома подвергаться всенародному осуждению со стороны Пуришкевичей в рясах»[2].

Этому цензурному гнету Спандарян противопоставлял свое участие в организации большевистской печати, свое правдивое слово публициста. После газеты «Кайц» он редактирует вместе с Ст. Шаумяном газету «Нор хоск», печатая в ней систематически боевые статьи; с переездом в Баку он вновь активно работает в прессе.

К этой же замечательной плеяде публицистов-большевиков

[1] С. Спандарян. Российский Index. См. Статьи, письма, документы. Ереван, 1940, стр. 172.

[2] Там же, стр. 173—174.

принадлежит и Ас. Мравян. Убежденный правдист, Ас. Мравян систематически выступал на страницах армянской печати, редактировал газету «Пайкар» («Борьба»). Очень большую роль в жизни Мравяна сыграл период его учебы в Петербурге с 1909 по 1915 год. Здесь он имел широкие возможности прекрасно освоить русскую литературу. Литературным вопросам посвятил он многочисленные статьи, особенно пропагандировал пролетарскую литературу и творчество Горького, произведения которого переводил на армянский язык.

Много внимания и сил уделял вопросам литературы большевик-публицист А. Каринян. 1905 год застал его в стенах Бакинской первой гимназии, где в это время уже существовала социал-демократическая группа, в которой принимали участие ученики старших классов и преподаватели. В гимназии издавались и нелегальные ученические журналы. На страницах гектографированного журнала «Набат» А. Каринян одну из первых своих статей посвятил русскому языку, выступив в защиту его распространения и использования как средства общения между народами. Первый литературный труд А. Кариняна был также посвящен русской литературе,— изданная им в 1905 году на армянском языке нелегальная брошюра рассказывала читателям о «Дачниках» Горького. Студенческие годы А. Кариняна прошли в Петербургском университете, где он был активным членом нелегальных кружков. 1907 год был знаменательным в его идейной и политической биографии: в этом году он впервые увидел и услышал В. И. Ленина и познакомился с С. Шаумяном. Будучи студентом, А. Каринян сотрудничал в газете «Кайц», посылал корреспонденции в армянскую прессу.

Особенно активная деятельность в печати развернулась по возвращении в Баку. Здесь вместе с Степаном Шаумяном А. Каринян редактирует журнал «Нор хоск». Он организует для журнала статьи, привлекает новых авторов и корреспондентов. Не раз приходилось А. Кариняну отстаивать у цензуры журнальные материалы. Инспектором по делам печати был в это время Евгений Богословский, учитель реального училища. Он любил изображать из себя просвещенного человека, переводчика Гафиза, даже до некоторой степени литературного мецената. В беседах с Кариняном он с ханжеством старой девы признавался, что, любя литературу, он принужден поневоле вы-

полнять роль цензора, а вместе с этими признаниями тут же косил и кроил статьи и материалы, не пропуская ничего, что в какой-либо мере могло не понравиться правительству.

В Баку же, на квартире у А. Кариняна, происходили и заседания редакции «Бакинского рабочего», на которых присутствовали С. Спандарян и Батырев. В это время А. Каринян много пишет по вопросам армянской и русской литературы (о Х. Абовяне, Зохрабе, Ваане Тэриане, Акопе Акопяне, Ал. Блоке и других).

Таковы были деятели-большевики начала XX века, люди, для которых запреты цензуры уже не являлись непреодолимым препятствием, которые разоблачали ее, действовали против нее и вопреки ей и, в конце концов, добились ее уничтожения.

* * *

В подготовке революции и в дни ее очень большую роль сыграла художественная литература, певцом и глашатаем которой стал Горький[1]. Он был не только ее непосредственным участником, восторгавшимся героизмом революционных масс, но и выступал в защиту народа в публицистике и художественном творчестве. Стиль социалистического реализма рождался в борьбе, на баррикадах Красной Пресни. Там же рождалась и пролетарская поэзия, лирический гимн борцам за свободу. Однако в подготовке революции принимала участие не только пролетарская литература,— в ней огромную роль сыграл русский реализм. Творчество Толстого, Чехова, Короленко не в меньшей мере отражало этот предреволюционный этап.

Аналогичные процессы происходили в это время и в армянской литературе. В предреволюционную эпоху особый смысл и значение приобретает реалистическое искусство. Большие мастера литературы не могли не отразить существенных сторон окружающей действительности, не могли пройти мимо борьбы народных масс за свое освобождение. Творчество Туманяна, Ширванзаде, Папазяна, Арпиаряна и других армянских писателей обогащается новой тематикой, в которой нарастающее рабочее

---

[1] См. И. Новиц. М. Горький в эпоху первой русской революции, ГИХЛ, Москва, 1955.

движение предстает в сочетании с национально-освободительными задачами. Армянские писатели-реалисты с огромной силой отражают страдания народных масс, передают возмущение, охватившее самые широкие слои населения. То же относится и к поэтической школе, представленной такими блестящими именами, как А. Исаакян, И. Иоаннисиан, А. Цатурян и другие.

Однако эти писатели не могли еще дать достаточно правильной и полноценной характеристики революционной действительности, хотя, подобно Толстому, и они в своих произведениях отразили существенные стороны первой русской революции. Несмотря на резко критическое отношение к действительности своего времени, они были не в состоянии правильно провидеть будущее.

Наряду с развитием реализма в армянской литературе этого времени зарождается социалистический реализм, у истоков которого стоял вдохновенный поэт-большевик Акоп Акопян. По сути, он стоял не только у истоков армянской пролетарской поэзии, но и у истоков армянского революционного движения XX века. Об этом очень интересно рассказывает А. В. Луначарский в своем предисловии к сборнику избранных стихотворений Акопяна «Новое утро»: «Давным-давно познакомились мы и подружились с армянским поэтом-революционером Акопом Акопяном. Мы оба тогда были молоды. Встретились далеко от нашей родины. Он — из Тифлиса, я — из Украины, Москвы, Ленинграда, а связались больше всего за границей. Акоп Акопян был в то время надежным революционным опорным пунктом у себя. Он оказывал бесчисленное количество революционных услуг подпольщикам и был крепко-накрепко связан с различными партийными центрами и группами в Петербурге и в эмиграции.

Но, кроме интересов политических, нас связывали и интересы поэтические. Акоп Акопян уже тогда начинал свою столь широко разросшуюся потом горячую и твердую песню.

Самым оригинальным в творчестве Акопа Акопяна с самого начала было, конечно, то, что это был не только поэт-революционер: поэты-революционеры были и в русской и в европейской литературе,— а что это был поэт-социал-демократ в

тогдашнем лучшем смысле этого слова, поэт-большевик, поэт-пролетарский»[1].

Своими корнями творчество Акопяна уходит в богатую почву революционно-демократической поэзии. Для него, как и для поэтов всех времен и народов, вставал вопрос о назначении и задачах поэта. Каждый трубадур человечества отвечал на этот вопрос по-своему. Акопян, согласно традициям революционной демократии, видел основной смысл поэтического мастерства в гражданском служении народу. Он сознательно противопоставлял свою точку зрения эстетам из лагеря символистов и декадентов, заявляя:

«Нет, на поэтов ваших любимых я не похож.
Жрецам вашим песнь моя чужда,— звук не родной».

В противовес старой, но бесконечно возрождаемой теории «искусство для искусства», Акопян видел в поэте соратника в борьбе за рабочее дело. По этому поводу он писал в стихотворении «Мой мир»:

«...Поэт!..
Спускайся со звезд на земные тропы,
Воспой наше горе, указывай путь,
Товарищ наш будь!»[2].

Оригинально откликался Акопян на актуальные темы современности. В 900-е годы очень большое место в искусстве начинает занимать большой город, как символ капиталистического мира. Урбанистическая поэзия, как известно, нашла широкое распространение в Европе, урбанистическая тематика — свое выражение и в живописи, и в музыке. То же имело место и в русской литературе,— эта тема прозвучала очень ярко у Брюсова, Бунина, Белого. Тему города затрагивал и Акопян. Если в урбанистической поэзии символистов и декадентов единственно возможной перспективой была всеобщая гибель, то у Акопяна раскрыта другая сторона этого города-спрута — жизнь рабочих предместий. И там, где у декадентов звучал

---

[1] Акоп Акопян. Новое утро. М.—Л., 1928.

Произведения Акопяна цитируются по сборнику „Антология армянской поэзии". М., 1940.

реквием, у Акопяна занимается заря новой жизни. В стихотворении «Город» он пишет:

«Но там, в предместьях, там, где заводы — как лагеря,
В домах рабочих она родится — встает заря!»

1905 год явился вехой исключительной важности в творчестве Акопяна. В стихотворениях «Еще удар», «Революция», «Мой мир» первая народная революция получила свое подлинно поэтическое воплощение.

Особого внимания заслуживает стихотворение Акопяна «Меран-чкоран» («Умерли, но не забыты»). В этом произведении Акопяна воплотилась несгибаемая воля большевиков и твердая вера в победу. Вдохновляющее, подбадривающее слово, произнесенное в трудную минуту, в тысячу раз ценнее любых восхвалений и панегириков в дни процветания и удач.

Певцом народной революции в армянской литературе может быть названа и поэтесса Шушаник Кургинян. События пятого года не только вдохновили ее, но и направили ее творчество, озарили его светом борьбы за счастье трудящихся. В своем сборнике «Перезвоны зари» Кургинян приветствует рассвет, начинающий брезжить над человечеством.

Революционные события нашли свое выражение и в творчестве многих других писателей — М. Арази, В. Тэриана, М. Петросяна, А. Варданяна. Как и в русской литературе, социалистический реализм в армянской литературе создавался непосредственно в процессе народной борьбы с самодержавием, в горниле событий пятого года.

Канун 1905 года и самый 1905 год явились периодом, когда часть узников цензурного комитета была выпущена на волю. В 1905—1906 годах вышло, впервые в России, собрание сочинений Чернышевского. Роман «Что делать» был выпущен тиражом в 10.000 экземпляров и в первый раз открыто выставлен в витринах книжных магазинов. Увидели свет произведения Шевченко, запрещенные до того страницы Пушкина.

Из сочинений армянских революционеров-демократов были напечатаны два тома произведений Микаэла Налбандяна. Первый том увидел свет в 1903 году в Ростове-на-Дону, второй том вышел там же в 1906 году. Во втором томе было напечатано, впервые в России, в сокращенном виде «Земледелие как верный путь».

Таким образом, подъем в идеологической жизни страны, явившийся выражением боевых успехов революционного народа, заставил отступить цензуру и ее церберов по всей линии фронта. Однако это отступление продолжалось недолго. С подавлением революции и началом ожесточенных репрессий со стороны царского правительства вновь меняется соотношение сил между цензурой и печатью, на этот раз в пользу первой. После разгрома первой русской революции цензура, рука об руку с полицией, начала свирепствовать без удержу. Ранее разрешенные или же вышедшие без цензурных разрешений издания конфисковывались, уничтожались, литературные костры вновь запылали во дворах полицейских участков. Против издателей и редакторов стали возбуждаться судебные преследования. Наступающая реакция пыталась вновь заковать страну в кандалы идейного крепостничества.

Столыпинская реакция сопровождалась не только черносотенным террором, но и контрреволюцией в области идеологической. Полицейско-консервативные газеты справляли тризну по революции и с удовольствием пели ей отходную. Левокадетская «Столичная почта» иронически писала: «Никто не станет думать уже теперь в России о том, чтобы делать революции по Марксу». «Веховщина» явилась печальным знамением времени в истории либерального ренегатства интеллигенции. Подняло голову ликвидаторство, пытавшееся обезглавить рабочее движение. В ушах звучали ленские выстрелы, трупы качались на виселицах, люди были заживо похоронены в тюрьмах. В это время и расцвела зловещим цветом цензура: с утра до вечера скрипели перья цензоров, последовательно пытавшихся выкорчевать, уничтожить революционную мысль.

Преследования и аресты обрушились прежде всего на газеты и журналы. В марте 1907 года было возбуждено дело против еженедельного журнала «Ашхатанк» («Труд»), которому инкриминировалась публикация передовой статьи под заглавием «Провинция на пороге нового года». В своем докладе в Главное управление по делам печати председатель цензурного комитета в Тифлисе писал: «Обрисовав в самых мрачных красках тяжелое положение армянского крестьянства и взва-

лив всю вину за это на правительство, под гнетом которого в провинциях, населенных армянами, не могли развиваться промышленность и культурно-воспитательное дело, автор отмечает одно отрадное, по его мнению, явление — профессиональные союзы, соединяющие трудящихся для борьбы с эксплуатацией буржуазии. Но среди общего мрака автор видит зачатки хорошего будущего, заключающиеся в стихийном, мощном движении, называемом великой русской революцией: «ее успехи будут считаться победою, и эта победа будет тем ближе, чем энергичнее сознательная, трудящаяся масса примет участие в этой борьбе, становясь в ряды борцов, готовых жертвовать даже жизнью для лучшего будущего грядущих поколений». Комитет распорядился о наложении ареста на этот номер журнала и о привлечении к уголовной ответственности его редактора А. Л. Атанасянца[1].

* * *

В эти тяжелые годы вновь стали преследовать произведения революционных демократов. Снова попали под запрет одиозные царизму имена Чернышевского, Добролюбова и Белинского; подверглись уничтожению ранее пропущенные цензурой произведения Шевченко.

В апреле 1912 года министерство внутренних дел распорядилось начать следствие по поводу издания второго тома собрания сочинений Микаэла Налбандяна. Следствие началось с установления факта выдачи цензурного разрешения; сомнение вызвало то, что разрешение было датировано 5 ноября 1903 года, а книга была издана в 1906 году. Это расхождение в датах послужило для министерства поводом заподозрить подложность означенного разрешения и основанием для запроса Главному управлению по делам печати — выдано ли было подобное разрешение и не был ли изъят второй том.

Угодливые чиновники кинулись разыскивать рукопись тома для того, чтобы установить наличие цензурного разрешения. Однако рукопись обнаружить не удалось, так как она сгорела во время пожара в типографии «Донской речи». На основании документации Петербургского цензурного комитета удалось

[1] ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 15, д. 297, 1905, лл. 4—5.

установить, что разрешение на оба тома сочинений Налбандяна было выдано 6 ноября 1903 года цензором Драгомирецким. Но в 1912 году это разрешение показалось министерству внутренних дел недостаточным для того, чтобы допустить второй том к обращению, и он был вновь передан цензору Чарыхову для нового рассмотрения. Особенно подозрительной казалась статья о «Земледелии», как «напечатанная в свое время в Лондоне и строго запрещенная в России, вследствие революционного ее характера...»[1].

Цензор Чарыхов был убежденным реакционером и, как все люди подобного рода, рад любому случаю для доказательства своих верноподданнических чувств. Получив второй том Налбандяна, он приложил все усилия и «таланты» для того, чтобы придать делу разгромный характер, и с этой целью представил уничтожающий отзыв, в котором особенно резко отозвался о «Земледелии»... Тем самым пятидесятилетие со дня издания этого произведения Налбандяна было ознаменовано запретом и изъятием книги из обращения палачами цензурного департамента.

В своей докладной Чарыхов особенно подробно останавливался на следующих положениях Налбандяна: вопросе о собственности на землю, о формах государственного управления и национальном вопросе, колониальной политике некоторых стран (например, Англии, России и т. д.). По вопросу о земле и землепользовании Чарыхов излагал точку зрения Налбандяна, формулируя ее следующим образом: «Для земледелия нужна земля, а ее трудно добыть, ибо она в руках крупных землевладельцев. Свою точку зрения Налбандян подтверждает на примере Англии и Турецкой Армении». Изложив взгляды Налбандяна, Чарыхов комментирует их собственными заключениями: «По мнению автора земля должна быть отведена не отдельным лицам, а селениям и городам, соответственно количеству населения, чтобы каждый имел право на обработку равной доли земли, без права ее отчуждения, ибо земля не может быть частной собственностью, а должна принадлежать обществу, иначе отдельные лица могли бы свою часть продавать другим, и через 100—200 лет вся земля могла бы очутить-

[1] ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 17, д. 656, 1912, л. 1 и об

ся в руках нескольких десятков лиц, и получилась бы картина английского земледелия... Таким образом, в этом вопросе автор стоит за коллективную собственность...», заключает Чарыхов. Однако для того, чтобы доказать криминальность образа мыслей Налбандяна, приведенное кажется Чарыхову недостаточным, и он продолжает: «Но это еще не все. И автор в своих рассуждениях идет еще дальше, до отрицания частной собственности».

Для того чтобы сделать обвинение более веским, Чарыхов решил приписать Налбандяну всех философов и мыслителей, произведения которых, с точки зрения самодержавия, являлись прямым рассадником крамольных мыслей. Он писал: «На этом произведении Налбандяна отразились влияния представителей экономических учений XIX в., философов-социалистов, с большей частью которых он поддерживал личное знакомство. По их мнению в истории экономического развития народов не играют никакой роли ни формы Правления, ни Государственный механизм, и Налбандян, как последователь Бакунина, Герцена и Чернышевского, с которыми находился в переписке, увлекался крайними взглядами Прудона»[1].

Не понимая разницы между Бакуниным и Чернышевским или Герценом и Прудоном, Чарыхов решил, по-видимому, собрать в кучу всех известных ему философов для того, чтобы подтвердить преступный характер сочинений Налбандяна и подготовить почву для следующего вывода: «Ввиду крайних взглядов, высказываемых автором в вопросах: о собственности, землевладении и политике, и вообще социалистического направления статьи Налбандяна о «Земледелии», местами доходящего до революционности, я полагал бы возбудить судебное следствие против виновных в напечатании этого сборника по 1 и 2 пунктам 128 ст. Угол. улож., настоящий труд изъять из обращения; вместе с тем, если Главное управление найдет возможным, пересмотреть оба тома произведений названного писателя, арестованного в 60-х годах прошлого века за принадлежность к декабристам и нахождение в переписке с Герценом и Бакуниным»[2]. «Историческая эрудиция» Чарыхова вызывает невольно ироническую улыбку, ибо сделать Налбандяна участником декабрьского восстания 1825 года в то время, как он родился в 1829 году, — фокус, достойный царской цензуры. Но если откинуть эту небольшую хронологическую неувязку, то надо признать, что дух декабризма в Налбандяне Чарыхов почувствовал правильно, поскольку шестидесятники являлись непосредственными продолжателями дела декабристов.

[1] ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 17, д. 656, 1912, лл. 7—10 об.
[2] Там же.

Судебное преследование второго тома сочинений Налбандяна продолжалось свыше полугода. Репрессиям подверглись не только сочинения революционных демократов шестидесятых годов, но и посвященные им критические работы. Так, в эпоху цензурного террора, наступившего после революционных событий 1905—1907 годов, подверглись преследованию книга Т. Авдалбекяна «Микаэл Налбандян» и брошюра А-до «Интересная страница из жизни Микаэла Налбандяна и письма Бакунина к нему».

Книга Авдалбекяна была конфискована в 1913 году в эчмиадзинской типографии и, за исключением нескольких глав, уничтожена. Тифлисский комитет по делам печати в своей докладной прокурору Тифлисской судебной палаты дал следующее заключение по поводу книги: «Таким образом, под видом анализа сочинения М. Налбандяна «Земледелие как правильный путь», автор брошюры «Микаэл Налбандян» проводит совершенно недопустимую с точки зрения существующего государственно-правового порядка теорию уничтожения права частной земельной собственности и социализации земли, с призывом изменения существующего социального строя»[1].

Цензура преследовала не только публикации революционно-демократического наследия, но и, в равной мере, передовую армянскую литературу. Она была особенно беспощадна к молодой пролетарской литературе, к литературе социалистического реализма. В эпоху столыпинской реакции особенно жестоко преследуются произведения Акопяна и Кургинян. Этот процесс вполне отчетливо можно проследить на цензурной истории сборника «Лира Армении», в котором были представлены стихотворения различных армянских поэтов, в том числе и произведения Патканяна и Раффи. Однако внимание цензора особен-

[1] ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 21, д. 90, 1913, лл. 2—3.

но привлекли стихотворения Шушаник Кургинян; министерство внутренних дел возбудило вопрос о привлечении к ответу издателя сборника именно за публикацию этих стихотворений. Тифлисский комитет по делам печати писал в Главное управление по делам печати: «Тифлисский комитет представляет при этом в Главное управление копию отношения г. прокурору Тифлисской Судебной Палаты от 17 сего ноября за № 2655, об уничтожении в сборнике «Лира Армении» двух стихотворений под заглавиями «Песнь рабочего» и «Идите туда» и о привлечении издателя этой брошюры Хачатура Маркосяна к уголовной ответственности»[1]. В этом документе очень ярко проявился «дифференцированный» подход цензуры к армянской литературе.

В этот мрачный период, наступивший после пятого года, цензура не менее придирчиво относилась и к сочинениям литературоведческого и исторического характера. Так, в 1912 году была арестована Московским комитетом по делам печати книга Карапета Кусикяна «Литературные портреты». Доклад об этой книге был представлен наблюдавшим за армянскими изданиями в Москве статским советником Иоаннесовым, и виновные в ее издании были привлечены к судебной ответственности.

Так же печальна была судьба книги А-до (О. Г. Тер-Мартиросянца) «Освободительное движение в России со времени первых дней его возникновения». Книга была отпечатана в Эривани, в типографии «Луйс» («Свет») в 1908 году в количестве 1000 экземпляров. В своем докладе прокурору Тифлисской судебной палаты председатель Тифлисского комитета по делам печати В. Колобов писал, характеризуя книгу А-до: «...автор брошюры касается истории этого движения постольку, поскольку это необходимо ему для несомненной тенденции — революционизировать своих читателей. Это последнее красной нитью проходит по всей брошюре, в которой приводится подробный мартиролог и биографии видных революционеров в России (стр. 40—101, 108—123, 123—156) и история всех известных революционеров, как-то: Лушникова, Петрашевского, Герцена, Огарева, Бакунина, Н. Тургенева, Чернышевского, Серно-Соловьевича, Каракозова, Лаврова, Ткачева, Чайковского, Кропоткина, Веры Засулич и др., революционных партий и их боевых организаций, как-то: «Земля и воля», «Народная воля» и др.»[1].

[1] ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 21, д. 192, 1912, л. 4.

Книга А-до произвела довольно большой переполох. Эриванский губернатор отдал распоряжение о задержании этой книги в Эривани. На квартиру к автору была направлена полиция, которая произвела обыск и задержала 557 экземпляров; остальные, по заявлению А-до, были уже распространены. Арестованные экземпляры были уничтожены, а автор привлечен к судебной ответственности.

Книга А-до «Освободительное движение в России со времени первых дней его возникновения» не случайно «удостоилась» столь пристального внимания цензуры. Автор делает в ней попытку обогатить армянскую общественную мысль опытом русского революционного движения. Он старается довести историю этого движения до самых широких кругов армянских читателей, излагая ее в простой и общедоступной форме. Больше того, А-до видел ту неразрывную связь, которая существовала между традициями русского революционного движения и освободительным движением армянского народа. Он писал в своем предисловии к книге: «История освободительного движения в России не только интересна для армянских читателей, особенно для той категории читателей, которая не имеет возможности ознакомиться с нею непосредственно по русским источникам, но и необходима с той точки зрения, что поскольку судьба нашего армянского народа на Кавказе связана с судьбою многомиллионного русского народа, история этого движения одновременно представляется и как история нашего движения»[2].

Книга излагает историю освободительного движения, начиная с XVII века. Автор останавливается на деятельности Посошкова, Татищева, Радищева, Новикова и уделяет специальное внимание восстанию Пугачева. Затем он переходит к движению декабристов, рассказывая подробно о следствии и имевшей место судебной расправе.

Особое место уделяет А-до петрашевцам, Герцену и Огареву. Он говорит также о Бакунине, Николае Тургеневе и Петре

[1] ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 21, д. 240, 1909, лл. 2—3 и об.

[2] *Ա.-դո, Ազատագրական շարժումը Ռուսաստանում իր ծագման առաջին օրերից, Երևան, 1908, էջ 1* (А-до. Освободительное движение в России со времени первых дней его возникновения. Ереван, 1908, стр. 1).

Долгорукове. Специальная глава посвящена эпохе шестидесятых годов. В этой главе А-до останавливается на крестьянской реформе, описывает возмущение широких крестьянских масс этой реформой и крестьянские бунты в разных губерниях; говорит о роли, значении и распространении «Колокола» в самых различных общественных кругах. Особое внимание уделяет автор «Великоруссу» и прокламации «К молодому поколению», специальные разделы посвящены Чернышевскому и Серно-Соловьевичу. А-до показывает связи Налбандяна с Герценом, Огаревым и Бакуниным, характеризует его деятельность, повлекшую за собою арест, пребывание в Петропавловской крепости и смерть в ссылке.

Далее А-до останавливается на деятельности Ишутина, Каракозова и Нечаева. В следующих главах перед читателем предстает движение семидесятых годов с такими фигурами, как Лавров, Ткачев, Долгушин, Чайковский, Кропоткин и другие. Затем идут главы о «Земле и воле», «Народной воле», событиях 1 марта 1881 года. Эпохой восьмидесятых годов завершает автор изложение своего труда.

Книга А-до, вносившая в обиход армянского читателя столько революционных имен и событий, хотя и не всегда достаточно верно освещавшихся, естественно, вызвала ту бурную реакцию цензуры, свидетелями которой мы были несколько выше; уничтожение большей части тиража воспрепятствовало ее распространению.

Изучая вопросы цензурования армянской печати в эпоху первой русской революции, необходимо обратить особое внимание на цензуру иностранных изданий, поступавших из-за рубежа. Армянская печать этого периода была представлена в очень многих странах мира. Картина ее распространения отражает деятельность политических партий, преобладавших в той или иной зарубежной армянской колонии. Во многих странах эта печать носила демократический, прогрессивный характер. Поэтому цензоры, просматривавшие литературу, которая проходила через таможни, проявляли особую бдительность и запрещали не только отдельные номера газет и журналов, но и произведения отдельных авторов. Сошлемся на заключение одесского цензора, запретившего сборник «Нор кнар гайкакан» («Новая армянская лира»), изданный в 1897 году. В

этом сборнике были напечатаны произведения Абовяна, Гамар-Катиба, Шахазиза и др. В своем заключении цензор писал: «Ввиду вредного направления большинства входящих в этот сборник песен, пуск его к обращению в публике я считаю невозможным»[1].

Эпоха столыпинской реакции ознаменовалась необычайно бурной деятельностью цензурных комитетов. Эта деятельность продолжалась вплоть до 1917 года, хотя судьба царской цензуры была предрешена уже в дни первой русской революции. В 1905 году в статье «Партийная организация и партийная литература» Ленин показал, какое исключительное значение имеют идеологические факторы и, в частности, печать, пропаганда и художественная литература в жизни народов. Статья была направлена на разоблачение пресловутых буржуазных свобод и решала кардинальный вопрос о свободе печати и свободе творчества.

Буржуазно-демократические революции в ряде стран уничтожили цензуру, как обязательную часть государственного аппарата, создав тем самым иллюзию полной свободы печати. На самом же деле эти революции ввергли печать в плен буржуазно-торгашеских отношений. Поэтому статья Ленина имела значение строгого предостережения против увлечения этими мнимыми свободами. «Выйдя из плена крепостной цензуры, мы не хотим идти и не пойдем в плен буржуазно-торгашеских литературных отношений. Мы хотим создать и мы создадим свободную печать не в полицейском только смысле, но также и в смысле свободы от капитала, свободы от карьеризма;— мало того: также и в смысле свободы от буржуазно-анархического индивидуализма»[2]— писал В. И. Ленин.

Эти ленинские слова подвели итог многовековой борьбе передовой печати разных национальностей и народов с цензурой. Ленин показал, что в борьбе за освобождение трудящихся подлинную свободу печати, свободу творчества, свободу слова может обеспечить только партийность. Только партийная печать, ведущая борьбу за свободу и счастье трудящихся, может быть истинно свободной.

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 21, д. 9, лл. 83 и 87.

[2] В. И. Ленин. Сочинения, т. 10, стр. 29.

Великая Октябрьская социалистическая революция вместе с другими государственными установлениями смела и царскую цензуру, уничтожив идейное крепостничество. Революционный пролетариат впервые в истории человечества создал свободную печать, отражающую интересы народных масс. Эта печать ограждена государством от дельцов, проходимцев и карьеристов, она находится на вооружении у строителей коммунизма.

ДОКУМЕНТЫ

Постановка нашей темы была бы невозможна вне той архивной документации, которая сохранилась по этому вопросу. В этих документах нашла свое отражение многогранная и напряженная жизнь за кулисами печати, жизнь, в которой велась острая политическая борьба, сталкивались самые различные интересы.

Наши разыскания были начаты в архивах Ленинграда. Особенно большой интерес для историков армянской культуры и в частности печати, а также специалистов, изучающих русско-армянские отношения, представляют материалы ЦГИАЛ-а.

В этом архиве очень широко представлены документы по армянской печати и цензуре. Они находятся в фондах Петербургского цензурного комитета, Главного управления цензуры, Департамента народного просвещения, Главного управления по делам печати и т. д. Не менее богаты материалы по истории просвещения и образования. В архиве Министерства просвещения находится значительная часть фонда Лазаревского института (кстати, распыленного по многим архивам нашей страны); там же хранятся дела Астраханского Агабабовского училища, церковных школ, Нахичеванского городского училища и т. д.

В ГИАЛО два фонда были особенно интересны для нашей темы: фонд Петербургского Университета и фонд Петербургского Армяно-григорианского духовного правления, причем последний почти не разработан и изучен совершенно недостаточно.

В архиве АН СССР нами были просмотрены материалы целого ряда экспедиций (Буксбаума, Гмелина, Гильденштедта и др.), представляющие исторический и этнографический интерес.

В архиве Н. Я. Марра хранятся очень ценные неопубликованные материалы по истории армянской литературы.

Значительные и ценные материалы хранятся в РОПБЛ, относящиеся главным образом к раннему периоду русско-армян-

ских культурных отношений. Здесь же нами были просмотрены в архиве Шильдера бумаги коменданта Петропавловской крепости генерала Сорокина.

Для нашей темы не имели особого значения разыскания в Ленинградском отделении Военно-исторического архива (личный фонд генерал-губернатора Суворова), архиве Географического общества, Рукописном отделе библиотеки АН СССР, архиве ЛОИИ АН и др.

Весьма плодотворны были разыскания в ЦГИАЭ (Тарту). В этом архиве сохранились ценнейшие документы по истории армянской литературы и культуры (материалы о жизни и деятельности Абовяна, Назаряна, Додохяна, Патканяна). Этот архив с точки зрения арменоведения также изучен еще очень мало.

Интересными и содержательными были архивы Москвы. В ЦГИАМ-е мы встретили материалы, привносящие много нового в наши представления о Ново-Нахичеване.

В ЦГАДА в фонде Абамелик-Лазаревых хранятся многочисленные хозяйственные и финансовые документы, среди которых попадаются и материалы по истории культуры.

Лучше всего документы Лазаревского института представлены в МОГИА. Это большой фонд, содержащий свыше 2000 единиц и охватывающий период с 1815 по 1918 год. В этом фонде можно найти материалы почти о всех деятелях армянской культуры, бывших в Москве.

В Центральном литературном архиве нами были обследованы многочисленные фонды: М. А. и М. И. Бакуниных, Ф. В. Булгарина, А. И. Герцена, С. Н. Глинки, Д. В. Давыдова, Н. А. Добролюбова, Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. А. Серно-Соловьевича, Н. Г. Чернышевского, целый ряд материалов из коллекции мемуаров и дневников. Нами проводились также разыскания в архиве МГУ и в Рукописном отделе государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

В архивах Еревана мы ознакомились с некоторыми фондами Матенадарана, Литературного музея Академии наук Армянской ССР, Партийного архива Армянского филиала ИМЛ и другими.

Совершенно очевидно, что в этих разысканиях мы не только не исчерпали материалов, относящихся к нашей теме, но что

и многие архивы и фонды других городов остались еще не обследованными. Прилагаемые нами некоторые архивные документы сгруппированы в тематических разделах, внутри которых они расположены в хронологическом порядке.

В книге даны следующие сокращенные названия архивов:

ЦГИАМ — Центральный Государственный Исторический Архив (Москва)
ЦГИАЛ — Центральный Государственный Исторический Архив (филиал в Ленинграде).
ЦГАДА — Центральный Государственный Архив Древних Актов (Москва).
РОПБЛ — Рукописный Отдел Публичной Библиотеки имени Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
ГИАЛО — Государственный Исторический Архив Ленинградской Области.
МОГИА — Московский Областной Государственный Исторический Архив.
ЦГИАЭ — Центральный Государственный Исторический Архив Эстонской ССР (Тарту)
ЦГА Грузинской ССР — Центральный Государственный Архив Грузинской ССР (Тбилиси).
ПААФИМЛ — Партийный Архив Армянского Филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (Ереван).

Прочие архивы названы без применения сокращений. Кроме того, нами приняты сокращенные обозначения: ф.— фонд; оп.— опись; д.— дело; ед. хр.— единица хранения; с.— связка; л.— лист; об.— оборот листа.

I

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЦЕНЗУРОВАНИЯ АРМЯНСКОЙ ПЕЧАТИ

№ 1

Письмо архимандрита Серафима князю А. Голицыну о даровании разрешения на цензурование армянских книг в Москве

20 декабря 1818 года.

Имею честь уведомить Ваше сиятельство, что по крайней необходимости в учебных книгах на армянском языке, я предлагал г. Августу Семену о заведении в типографии его нужных для напечатания сих книг литер.

По случаю совершенного окончания вырезки и отлития помянутых литер, некоторые из наших учителей и многие другие особы моей нации, желая напечатать сочинения свои, представляли оные в рукописи, по установленному порядку, в цензурный комитет Московского университета, который однакоже, не имея профессора армянского языка, возвратил те сочинения без просмотрения.

Зная, сколь благосклонно Ваше сиятельство покровительствовать изволите ревности ко споспешествованию успехам наук и распространению последних сведений, я осмелился думать, что Вы не оставите милостивым вниманием и то, что может содействовать пользе моей нации. Медленность и остановка, могущие произойти от пересылки таковых рукописей в Петербург, заставляют меня ходатайствовать у Вашего сиятельства о даровании мне надлежащих прав, для цензурования сочинений учебных здесь на месте, обще с Управлением Армянской церкви под моею ответственностью, и притом с обязательством доставлять положенное законами число экземпляров в Санкт-Петербургский цензурный комитет.

(Подпись)

ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 118, д. 182088, 1819, л. 2 и об.

№ 2

Письмо архиепископа Иоаннеса князю А. Голицыну о назначении Хоченца цензором армянских книг в Петербурге

12 сентября 1819 г.
Нахичевань

Попечением Вашего сиятельства учреждаются торжественно типографии для печатания на разных языках, так как в Санкт-Петербурге учреждена уже типография на армянском языке под управлением армянского искусного архидиакона Иосифа Иоганнесова, коего усердие к церкви и нации нашей довольно известно. И многие из нации нашей, первейшие ученые и прилежные к чтению люди, с усердием пишут ко мне с разных мест и просят нужные и полезные для них книги на армянском языке послать к нему для напечатания их в армянской типографии, в которую несколько книг уже и послано. Но, не имея у себя на то знающего, верного, утвержденного цензора армянского, не может оная типография действовать с надлежащим порядком. Для того по долгу сана моего, и должности, приемлю смелость покорнейше просить Ваше сиятельство, благоволите определить цензора для помянутой типографии, коллежского советника Хоченца, с давних времен верноподданного его императорского величества, который есть муж искусной и ученый философским наукам, известной как в Ветхом, так и в Новом завете, знающий и приобыкший к переводам многих книг с разных языков на армянский диалект, из коих одна книга Телемака, напечатанная в 1794-м году, сочинена им, с приумножением нравоучительных и богословских наставлений, которую как бывшие, в бозе почивающие, так и нынешние в живе находящиеся святейшие патриархи, и другие знаменитые духовные и гражданские особы нашей нации приняли с похвалою и пожелали, чтоб и оную отдать в печать. Книгу сию и я прочитавши, одобрил оную во время бытности моей в Санкт-Петербурге, дабы оная без запрещения могла быть напечатаема; его же трудами сочинено краткое изъяснение Ветхого и Нового завета, которое предполагается к отдаче в печать. Если Ваше сиятельство соизволите оказать мне сие благо-

деяние, то весьма много меня и всю нашу нацию обяжете долгом. Хотя сей человек, будучи истинно верной и миролюбивой человек, весьма может быть цензором для печатаемых книг, и нет ни мало сомнения в честности его. Но я полагаю, чтобы оные книги, прежде поступления их в типографию для напечатания, были отосланы куда следует для рассмотрения и уже после такого рассмотрения отданы б были в печать. С таковым надеянием, на милости вашего сиятельства, и при засвидетельствовании Вам моего глубочайшего почтения, пребуду с оным и совершеннейшею преданностью всегда,

Сиятельнейший князь милостивый государь,
Вашего сиятельства покорнейший слуга и богомолец,
Иоаннес архиепископ армянский

ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 118, д. 182105, 1819, лл. 1—2.

№ 3

Письмо князя А. Голицына И. Л. Лазареву, об изыскании средств на оплату труда цензора

12 ноября 1819 г.
в С. Петербурге.

Преосвященный Иоаннес, архиепископ обитающих в России армян, в письме своем ко мне изъясняя об отличных трудах и познаниях служащего в коллегии иностранных дел переводчиком армянского языка коллежского советника Хоченца, просил меня о поручении ему цензурования армянских книг, печатаемых в Санкт-Петербурге.

Г. управляющий Министерством иностранных дел тайный советник граф Карл Васильевич Нессельроде, с которым я о сём сносился, ныне меня уведомил, что коллежский советник Хоченц согласен принять на себя звание цензора армянских книг с жалованьем по 1500 рублей в год и что к исполнению сей обязанности со стороны его начальства не предстоит никакого замедления; к чему граф Нессельроде присовокупил, что г. Хоченц армянский язык знает хорошо и основательно и поведения был всегда весьма честного.

Будучи согласен с предложением преосвященного Иоанниса касательно необходимости цензурования армянских книг, я

за нужное считаю уведомить вас о том, м. г. мой, с тем, что не найдете ли вы средства к доставлению требуемого коллежским советником Хоченцем жалования за должность цензора, которая признается нужною при умножающемся ныне печатании книг на армянском языке.

С совершенным почтением честь имею быть вашим, милостивый государь мой, покорнейшим слугою

князь *А. Голицын*

ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 118, д. 182106, 1819, лл. 7—8.

№ 4

Письмо И. Л. Лазарева князю А. Голицыну с отказом в предоставлении денег на жалование цензору

27 ноября 1819 г.
Москва

Почтеннейшее письмо вашего сиятельства имев честь получить, поспешаю ответствовать на оное. По тщательном размышлении я не мог найдти способов, которыми бы можно было исполнить предположение касательно жалованья, требуемого г. коллежским советником Хоченц, желающим принять на себя должность цензора печатаемых в С. Петербурге армянских книг. Я полагаю, что он мог бы ограничиться гораздо меньшим положением, пользуясь выгодами казенного места и собственным от меня пособием, да и число печатаемых на армянском языке книг весьма мало. Впрочем думаю, что должность сию предоставить можно пребывающему здесь архимандриту Серафиму, как человеку сведующему, тем более, что и ваше сиятельство изъявить изволили соизволение свое быть ему и здесь в Москве цензором; он же приемлет сию обязанность без всякого за то положения, в Астрахани же сие возложить на епархиального архиепископа Иоаннеса.

С совершеннейшим высокопочитанием и истинною преданностию честь имею быть, милостивый государь, вашего сиятельства всепокорнейший слуга.

И. Лазарев

ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 118, 182105, 1819, л. 9 и об.

№ 5

Письмо архиепископа Иоаннеса князю А. Голицыну, о цензуровании армянских книг и смерти Хоченца

6 апреля 1820 г.
Феодосия

Отношение вашего сиятельства от 22-го февраля сего года за № 620-м относительно поручения на будущее время рассматривания печатаемых в Петербурге на армянском языке книг архимандриту Серафиму, я имел счастие получить, на которое и спешу сим уведомить.

С отношения вашего сиятельства усмотрел я, что коллежский советник Хоченц, о коем я утруждал ваше сиятельство о назначении его в Петербурге цензором печатаемых на армянском языке книг, к сожалению, умер, по малому же количеству издаваемых ныне книг большой надобности в особливом цензоре не настоит, а выходящие вновь большею частию относятся к рассмотрению духовной цензуры. То в таковом случае не благоугодно ли будет вашему сиятельству, чтобы все издаваемые в Петербурге на армянском диалекте книги доставляемы были в Астраханскую духовную консисторию, где наместник также без всякого жалованья под особенным моим надзором будет оные обревизовывать.

Касательно же издаваемых книг в Москве, то бы оные по воле его святейшества патриарха, о чем он в предложении своем ко мне писал, из коего копию я имел счастие при отношении моем прошлого 1819 года июля 16 дня за № 233 представить к вашему сиятельству, отсылаемы бы были к нему.

В протчем все выше упоминаемые мною способы относительно цензурования книг армянских представляю на благоусмотрение вашего сиятельства яко истинного покровителя паствы моея и смею ласкать себя надеждою, что ваше сиятельство удостоите меня по сему предмету благосклонным вашим соизволением.

За тем, с глубочайшим моим к особе вашего сиятельства высокопочтением и таковою же преданностию, имею честь быть вашего сиятельства милостивого государя покорнейшим слугою

Иоаннес, архиепископ армянский

ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 118, д. 182105, 1820, лл. 16—17.

№ 6

Прошение Я. Арзанова министру народного просвещения С. С. Уварову о предоставлении права цензуровать издаваемые книги

18 ноября 1837 г.
Тифлис

С соизволения вашего высокопревосходительства я обще с братом моим, старшим учителем Тифлисской гимназии кандидатом Давыдом Арзановым, открыв в Тифлисе типографию пяти языков — Российского, Латинского, Грузинского, Армянского и Татарского — в печатании книг на местных наречиях встречаю большие препятствия, с одной стороны, по неимению в Тифлисе цензора, а с другой — по затруднениям, какие предстоят издателям и сочинителям в отправлении трудов своих в дальние цензурные комитеты. Некоторые руководства для изучения восточных языков по распоряжению местного начальства хотя и были представлены в существующие в Москве и Петербурге цензурные комитеты, но обратно возвращены сюда же для рассмотрения на месте и поныне остаются не рассмотренными, от чего училищное начальство не достигает своей цели, а типография мало соответствует ожиданию края и не покрывает значительных своих издержек.

Ныне, желая издать в свет лучшие произведения Восточной литературы и по вышеизложенному обстоятельству встречая в том большие затруднения, я принимаю смелость просить покорнейше ваше высокопревосходительство соизволить разрешить мне обще с братом беспрепятственно печатать таковые книги с строгим соблюдением правил, существующих для частных цензоров в России.

Содержатель в Тифлисе пансиона и типографии
кандидат *Яков Арзанов*

ЦГИАЛ, ф. 772, оп. 3, д. 148073, 1837, л. 1 и об.

№ 7

Запрос цензуры иностранной министру просвещения по поводу армянских книг, задержанных на Ахалцыхской таможне

9 июня 1839 г.

Канцелярия Главного управления Грузии, Кавказской области и Закавказского края препроводила в комитет цензуры иностранной 14 книг на армянском языке, задержанных Ахалцихскою таможенною заставою у следовавших чрез заставу пассажиров. Комитет препроводил эти книги, по прежним примерам, на рассмотрение в Азиатский департамент, который, возвращая их в комитет при отношении от 20 прошедшего мая за № 1245, отозвался, что по случаю тяжелой болезни состоящего при Министерстве иностранных дел драгомана на армянском языке г. действительного статского советника Худобашева, не представляется ныне возможности рассмотреть означенные книги.

Комитет, имея честь донести о сем вашему высокопревосходительству, покорнейше просит разрешить, куда должно ему обратиться о рассмотрении книг на армянском языке, которые присылаются постоянно и в значительном количестве преимущественно из Грузии, Кавказской области и Закавказского края.

Председатель *А. Красовский*

ЦГИАЛ, ф. 772, оп. 3, д. 148919, л. 1.

№ 8

Предписание И. Лазарева московскому церковному управлению и старосте Артемию Макаровичу Егулову в связи с намерением священника Иоаннеса открыть армянскую типографию

25 ноября 1841 г.
С. Петербург

Предписывается:

1) Священник Иоаннес имеет намерение открыть в занимаемой им квартире, на церковном дворе, армянскую типогра-

фию и испрашивает на этот предмет дозволение у правительства. Хотя г. староста церквей объявил иерею, что в этой квартире ему ни под каким видом не будет дозволено открывать типографии, и что облеченному в сан иерейской неприлично будет носить звание типографщика, в то же время отвлеченному заботами типографскими, нельзя будет с подобающим усердием служить церкви христовой; но священник Иоаннес, не убеждаясь этими уважительными доводами, продолжает ходатайствовать о разрешении правительственного дозволения и принимает все меры к приобретению станов и прочих принадлежностей типографских, в том предположении, что он имеет якобы право заводить в своей квартире такое заведение, какое вздумается, о чем он сказал лично г. старосте.

2) Другие церковнослужители объявили, что если священнику Иоаннесу несправедливо дозволено будет открыть типографию в квартире его, они будут также просить правительство о дозволении им иметь свои армянские книгопечатни на церковном дворе.

3) По сим уважительным причинам, равно и потому, что в домах церковных не должно быть никогда никаких мастерских, а тем менее типографий и рабочих, строжайше и решительно воспрещается иерею Иоаннесу и другим заводить и иметь когда-либо типографии в зданиях, церкви принадлежащих, сверх того подтверждается духовенству об исполнении его прямых обязанностей, а не мирских, сопряженных с прибылью и корыстью.

4) Иерей Иоанн должен быть исправнее, усерднее и лучше в поведении, притом исполнять то, что порядок и благопристойность требует. От безрассудного заведения на церковном дворе много происходит неудобств, беспорядков и вреда, сверх того не прилично и не совместимо открытие армянской типографии на церковном дворе еще в двух отношениях: а) новый типографщик, неправильно забрав к себе армянские сочинения, отнимает работу у армянского отделения институтской типографии, б) он будет несправедливо приобретать литеры из типографии института и, может быть, приучит людей, в ней находящихся, к торговле недозволенной литерами. То и другое будет вредно для института и для церквей.

5) Вразумить иерея Иоанна, чтобы он не предавался самоуправным действиям, чтобы повиновался начальству. Если он будет продолжать неприличные поступки, тогда будет отставлен и уволен от службы, с отправкою на свою родину, подобно тем примерам, как другие беспокойные были удалены. Многоуважаемый епархиальный архиепископ Нерсес крайне недоволен иереем Иоанном, давно желает его выслать из Москвы, но мы по доброте упросили оставить. За худое, ленивое и беспечное учение его в нашем институте должно было его, иерея Иоанна, отрешить, но из уважения к ходатайству архиерея Михаила, он был прощен с тем условием и требованием, чтобы он исправился, был бы прилежнее и усерднее. Если по опыту окажется мало успехов в учениках, тогда будет как неспособный отрешен.

6) Объявить сие прочтением и с подпискою иерею Иоанну для непременного испытания и сделать строгий выговор за неприличные поступки.

7) В случае, если иерей Иоанн по дерзости осмелится ослушником быть, тогда г-ну старосте представить о том епархиальному архиепископу Нерсесу и нам сообщить, дабы распоряжения учинить к высылке из Москвы, тем более, что он теперь излишний, может быть заменен иереем Моисеем и другими, ибо еще двое в Москву просятся, именно иерей Фома из Астрахани и иерей Гаврила из Нахичевана, оба ученее и сведущее иерея Иоанна.

8) При сем подлинное отношение г. Московского Военного губернатора князя Голицына, копию с оного доставить генералу Павлу Моисеевичу Меликову, другую копию в нашу контору и подлинное отношение хранить при церковных документах и делах. О земле дело здесь в Министерстве начато и продолжается, потом будет кончено и сообщено.

ГИАЛО, ф. 510, св. 2, д. 5, лл. 433—439.

№ 9

Заявление Н. Бероева в Совет Петербургского университета, об издании грамматики „Начальные основания гайканского языка"

29 сентября 1847 г.

Для преподавания в здешнем университете возложенного на меня армянского языка я принужден был взять из канцелярии Совета представленную мною в 1845 году моего сочинения грамматику под названием: «Начальные основания гайканского языка» потому, что по одному экземпляру записок моих студенты не в состоянии с успехом следить за лекциями, в которых по новости предмета они встречают почти на каждой строке затруднения. Между тем, имея в виду, что Совет университета, по предложению г. попечителя С. Петербургского округа от 5 июля 1846 г., будет вновь представлять его превосходительству об издании моей грамматики, я считаю нужным для успеха в этом деле предложить следующее: если требующиеся на напечатание грамматики расходы, именно типографские 791 руб. и в вознаграждение многолетних трудов моих по составлению 1500 руб. найдены будут значительными, и начальство встретит препятствие к отпуску этой суммы, в таком случае я готов принять на себя издание грамматики, только прошу покорнейше исходатайствовать мне отпуск из казны требующихся на печать 791 руб. сер.

Деньги эти казна может или вычесть в течение семи лет из жалованья моего по 113 руб. в год или совершенно оставить за мною взамен 200 печатных экземпляров грамматики, которые при издании я обязуюсь университету представить в его распоряжение. Остальные же экземпляры числом 400 пойдут в вознаграждение трудов моих, если только позволено мне будет назначить для вольной продажи цену не менее 6 и не более 7 руб. сер. за экземпляр, весьма умеренную в сравнении с нынешнею ценою устаревших армянских грамматик, которые в Астрахани и Тифлисе покупаются от 10 до 15 руб. серебр. экземпляр.

Надворный советник *Н. Бероев*

ГИАЛО, ф. 14, св. 165, д. 4728, л. 12.

№ 10

Отношение ректора П. А. Плетнева попечителю Петербургского учебного округа о печатании грамматики Н. Бероева „Начальные основания гайканского языка"

13 ноября 1848 г.

Вследствие предложения Вашего превосходительства от 1 сего ноября на имя Совета С. Петербургского университета касательно ненадобности издания армянской грамматики преподавателя Бероева и татарской хрестоматии преподавателя Будагова, составленных ими для руководства студентов из закавказских воспитанников, имею честь донести, что получив предложение Ваше от 21 июля 1848 г. за № 2759, в котором между прочим было сообщено, что по отзыву председателя Кавказского комитета требование из Государственного казначейства сумм на издание учебных руководств зависит от усмотрения Министерства народного просвещения, так как отпуск их уже разрешен по высочайше утвержденному 24 июля 1844 г. расписанию, и что вследствие сего г. управляющий Министерством народного просвещения отнесся к г. министру финансов об ассигновании 2200 рублей, требующихся на издание армянской грамматики Бероева, Совет университета полагал, что за тем нет более затруднения к изданию этого руководства, почему, имея в виду настоящие преподавателя армянского языка о необходимости для пользы преподавания ускорения издания означенного руководства, Совет распорядился о приступлении к напечатанию оного; вследствие чего 7 листов уже отпечатаны в типографии Академии Наук, а 8 и 9 листы находятся в наборе.

За силою настоящего предложения я остановил дальнейшее печатание грамматики Бероева, но долгом считаю покорнейше просить Ваше превосходительство об исходатайствовании разрешения на окончание печатания ее на счет Государственного казначейства по уважению того, что почти четвертая часть этой книги уже отпечатана, и что она будет без всякого сомнения полезным руководством не только для студентов здешнего университета, но и для воспитанников местных гимназий Закавказского края, ибо рукопись этой грамматики была

дважды рассмотрена Академиею Наук и оною вполне одобрена.

К сему имею честь присовокупить, что из числа 2200 рублей, требовавшихся на издание грамматики Бероева, только 791 руб. следует собственно на напечатание сего сочинения в числе 600 экземпляров, а остальные деньги предназначались в вознаграждение труда сочинителя; если же начальству угодно будет вознаградить г. Бероева предоставлением в его пользу 400 экземпляров его сочинения, согласно положению Совета университета касательно издания вообще на казенный счет трудов членов университета; о чем от сего числа за № 1460 представляется на утверждение Вашего превосходительства, то расход на издание сей книги значительно сократится, а между тем приобретется в скором времени необходимое и полезное руководство для изучения армянского языка.

Ректор университета *П. Плетнев*

ГИАЛО, ф. 14, св. 165, д. 4728, лл. 39–40.

№ 11

Донесение декана факультета восточных языков в Совет Петербургского университета о заключении Л. Будагова по поводу русско-армяно-французского словаря Н. Бероева

20 апреля 1857 г.

Вследствие предложения Совета от 4 марта за № 304, факультет восточных языков рассматривал первый том составленного адъюнктом Бероевым русско-армяно-французского словаря и согласно заключению адъюнкта сего факультета Л. Будагова находит, что труд г. Бероева составлен весьма тщательно, добросовестно и с совершенным знанием дела. Как любознательные русские ученые для общего развития языковедения, так отчасти и другие классы народа при столкновении с бытом, нравами и обычаями армян действительно нуждаются еще в хорошем руководителе подобного рода. Все доныне изданные лексиконы с иностранных языков на армянский, по мнению факультета, удовлетворяют существенной потребности — облегчить путь к познанию этого языка в полном его составе и тем дать больше прочности сношениям торговым и дипломатическим с народом армянским. Словарей же с русского языка на армянской доселе издано два: один, весьма краткий — Аламдаровым, которого экземпляры очень редки, а другой — Ирицпуховым, в Тифлисе, в 1854 г. Если допустить сравнение, то окажется, что словарь г. Бероева гораздо полнее, обработаннее и точнее, чем словарь Ирицпухова, полнота заключается в большем количестве русских слов, обработанность — в приведении разнообразных значений одного и того же слова, излагаемых примерами; а точность — в большей определительности перевода, сделанного сколько возможно одним словом, не прибегая к объяснительным фразам, что может служить значительным пособием для переводчиков.

Таковые достоинства дают явное преимущество словарю г. Бероева над всеми поныне известными словарями с иностранных языков на армянский, и факультет восточных языков полагает, что многолетний, весьма заботливо составленный труд автора заслуживает благосклонного внимания начальства и поощрения к тому, чтобы он был издан в свет.

Имею честь донести о сем заключении факультета восточных языков Совету университета с возвращением бывшего на рассмотрении словаря г. Бероева.

Декан факультета восточных языков (подпись)

ГИАЛО, ф. 14, св. 165, д. 4728, лл. 117–118.

№ 12

Заявление Н. Бероева министру просвещения Е. П. Ковалевскому с просьбой освободить его от обязанностей цензора

20 апреля 1859 г.

Со времени вступления моего на службу в Университет с 1845 г. министерству народного просвещения угодно было поручить мне цензурное рассмотрение всех поступающих в цензурный комитет рукописей на армянском языке и впоследствии, со дня открытия издания, журнала г. Назарьянца «Северное Сияние» и потом журнала магистра Мсерьянца «Литературный Сборник». Возложена была на меня таковая сия обязанность

рассмотрения уже формальным образом с высочайшего разрешения, каковую должность цензора я исправлял до сих пор со всею точностью и усердием, не щадя даже ночных своих убийственных занятий, для своевременного доставления периодических статей в цензурный комитет.

Ныне же, не имея более возможности продолжать эту обязанность, слишком отвлекающую меня от прямой моей должности, если я не посвящу такому занятию ночные часы, весьма, впрочем, вредные для моего зрения, а также имея желание и даже нужду для поправления слабого здоровья и для развлечения воспользоваться в каникулы морскими или минеральными водами или небольшим путешествием в какие-либо города, я вынужденным нахожусь покорнейше просит ваше высокопревосходительство уволить меня от этой цензорской обязанности, дабы я мог иметь полную свободу и время отдохновения и вместе с тем не оставить равно удостоить меня вознаграждения за прошедшие мои труды.

Адъюнкт статский советник *Н. Бероев*

Господин министр изволил отозваться, что переговорит об этом с попечителем и что, впрочем, г. Бероеву надлежало обратиться к нему со своею просьбой.

ЦГИАЛ, ф. 772, оп. 6, д. 151170, 1838, л. 52 и об.

ИЗ ЦЕНЗУРНОЙ ИСТОРИИ КНИГ И РУКОПИСЕЙ

№ 13

Письмо С. Глинки Х. И. Лазареву

23 декабря 1832 г.
Москва

Помня радушные приемы Ваши и почтенного вашего брата Ивана Иоакимовича, по влечению благородного сердца поздравляю Вас с наступающими торжественными праздниками. Искренне желаю, чтобы на берегах Невы обитали с Вами все удовольствия жизни.

В Москве не отыскал **Грузинской истории.** Не попадется ли она Вам под руку в Петербурге? Есть в ней события, прикосновенные к армянской истории, а поэтому мне она и нужна. Записок моих оканчиваю шестую часть, да куда их деть?..

Я отжил на поприще чернильном. Но армянская моя история будет жить под небосклоном европейским. Перо Ивана Федоровича передаст ее Европе, а я почитаю ее вещим произведением пера моего.

Прошу Вас поздравить от меня графа Александра Христофоровича и его превосходительство Александра Николаевича Мордвинова.

Храню напоминание о благосклонности их. Равномерно поздравляю все ваше семейство.

«Но радостью цветя на берегах Невы,
Не забывайте там Москвы.
Москва давно сроднилась с вами —
Я это говорю и прозой и стихами».

С истинным почтением честь имею быть

Вам усердный слуга *Сергей Глинка*

ЦГАДА, ф. Лазарева Х. И.

№ 14

Прошение Рафаэля Патканяна
в Петербургский цензурный комитет о цензурном разрешении на печатание I книжки Гамар-Катиба

28 февраля 1855 г.

Имею честь представить при сем сочинение Гамара-Катибы, первую книжку на армянском языке, которая при первом представлении была мне возвращена для отчетливой переписки; ныне же покорнейше прошу цензурный комитет соблаговолить рассмотреть представленное мною сочинение Гамара-Катибы первую книжку и напечатать оное позволить.

Священнический сын *Рафаэль Патканян*

ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 2, д. 111, 1854, л. 3.

№ 15

Донесение Н. Л. Бероева
председателю Петербургского цензурного комитета
о I книжке Гамар-Катиба

12 марта 1855 г.

Препровожденную ко мне вашим превосходительством рукопись на армянском простонародном языке сочинение Гамара-Катибы, рассмотрев вторично и подробнее, я нашел ее следующего содержания:

1. Предисловие, в котором Гамар рассказывает о пользе простонародного армянского языка, о разных статьях, помещенных в его книжке, как переведенных, равно и им самим составленных, и о том, что если эта первая тетрадь, издаваемая в виде журнала, будет принята читателями благосклонно, то он будет стараться улучшить и следующие, как содержаниями, так и красивою бумагою в будущем.

2. Веселье тифлисское, в коем описывает как беспечные гуляки пьют при песнях Кахетинское вино в садах, и прекрасные девушки, играя в бубны, пляшут.

3. Три желания (нравоученье); этим Катиба представляет человека среднего состояния, женившегося на красавице, которая при беседе с мужем вспоминала о колдуньях прежних времен, исполнявших человеческие прихоти. В эту минуту является колдунья и говорит им выбрать три только желания, которые она готова исполнить, и исчезает. Жена и муж, испугавшись, откладывают это дело до следующего дня, садятся покуда около огня, и видев прекрасное пламя и жар, жена говорит: как бы я желала иметь теперь колбасу, которая будучи жарена, служила бы нам хорошим ужином. Вдруг большая колбаса бросается к ним сверху. Муж в отчаянии и в досаде говорит ей: когда же ты имела такое неприличное желание, то-б я хотел, чтоб она пристала к твоему носу, и тотчас колбаса пристала к носу жены. Муж явно видел, что его второе желание было еще глупее. При третьем же желании отнимается колбаса волшебною силою колдуньи, и после того начинают всю надежду и счастие свое полагать на бога.

4. Две сестры (баллада); у царя одного две дочери, меньшая красавица, а старшая безобразная; эта последняя от зависти приманивает хорошенькую идти гулять с нею у берега морского и бросает ее в море. Утопая, несчастная просит помощи и пощады у сестры и, не получив ее, погибает. Рыбак, вытащив тело ее, делает себе из костей арфу, на которой он играет у царя. Арфа издает голос, что она была дочь его и погибла через сестру, и царь приговаривает ее к смертной казни.

5. Пословицы и апофегмы. Например: красное яйцо прилично пасхе; кровь очищается водою, а не кровью, ученый без плода трудов своих уподобляется облаку без дождя и проч.

6. Вопросы и ответы: Кто, не родившись, умер? Адам. Кто родился и не умер? Илья Пророк. Кто один раз родился и два раза умер? Лазарь. Кто два раза родился и один раз умер? Иона Пророк. Что такое острие меча? Язык человеческий.

7. Книги (описание). Гамар описывает вкратце пользу чтения хороших книг.

8. Дома ли Ага? (песнь). Стихи эти заключают в себе, что богатый бедного к себе не принимает, таково обыкновение света.

9. Сварливый (картина). Господин бранит своего слугу, что этот последний все делает не по его воле, и ищет случая

беспрестанно ссориться с ним; сюжет этого разговора между господином и слугою слишком прост и простонароден.

10. Колыбельная песнь деревенской вдовы-армянки. При баюкании мать рассказывает ребенку о несчастной кончине отца его, убитого рукою врага-злодея.

11. Происшествие во время путешествия Гафнера. Рассказ о молодой вдове-индианке, которая по смерти мужа, по обыкновению индейцев, при церемонии бросается и сама в зажженный костер и таким образом погибает она.

Изложив вкратце содержание сочинения Гамара Катибы, имею честь донести вашему превосходительству, что во всех прочтенных мною статьях я не заметил ничего противного правилам цензурного устава.

Адъюнкт статский советник *Бероев*

Его превосходительство приказал передать, для одобрения на этом основании, господину цензору Бекетову.

ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 2, д. 111, лл. 3—5.

№ 16

Рапорт цензора И. Гончарова о сочинении Худобашева „Обозрение Армении"

23 марта 1856 г.

Представляя при этом назначенную мне для просмотра рукопись «Обозрение Армении» сочинение Худобашева, честь имею доложить, что как наибольший отдел в ней посвящен церковной истории Армянского народа, а в других отделах, особенно в главе о политической истории Армении, также приводятся примеры христианского мученичества, и вообще по всему сочинению рассеяны указания на священную историю, рассуждения о религии и т. п., то я полагаю нужным препроводить означенное сочинение предварительно на просмотр духовной цензуры, а приложенную к нему карту Армении — в военно-топографическое депо, о чем имею честь представить на благоусмотрение вашего превосходительства.

И. Гончаров

ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 2, д. 55, 1856, л. 2.

№ 17

Отзыв цензора И. Гончарова о сочинении А. Худобашева „Обозрение Армении в географическом, историческом и литературном отношениях"

1 ноября 1857 г.

Главную и наибольшую часть этого сочинения составляет полное и подробное изложение истории армянской церкви, поэтому рукопись в марте 1856 года была препровождена по принадлежности в комитет цензуры духовной. 16-го сентября сего года сочинение это, рассмотренное и исправленное духовною цензурою, возвращено в С. Петербургский цензурный комитет при уведомлении, что указом свят. правит. синода от 14 сентября с. г. за № 8599 разрешено печатать рукопись в настоящем исправленном ее виде.

Казалось бы, что за таковым определением св. прав. синода относительно книги, по содержанию своему подлежащей преимущественно рассмотрению духовной цензуры, не настояло уже надобности препровождать ее в Кавказский комитет, тем более, что и все прочие отделы сочинения, кроме собственно истории церкви, посвященные географии, древней и политической истории и этнографии Армении и тесно связанные, содержанием своим, с историею церкви, также рассмотрены и исправлены духовною цензурою, но имея в виду предложение господина министра народного просвещения от 17 сентября 1852 г. за № 1544 и последующие за тем подтверждения об отсылке сочинений, касающихся Кавказа в Кавказский комитет, имею честь представить обстоятельство это на благоусмотрение цензурного комитета.

Цензор *И. Гончаров*

ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 2, д. 55, 1856, л. 6.

№ 18

Письмо попечителя Х. Лазарева директору Лазаревского института восточных языков о толках в связи с изданием Шахазизом поэмы „Скорбь Леона"

26 января 1865 г.
Петербург

Неизвестно как, откуда, из каких источников проникли и распространяются в С. Петербурге и в здешнем цензурном комитете слухи и толки, что в Москве печатаются на армянском языке книги в некоторых неблагонамеренных видах. В том числе возникли теперь суждения о новом издании надзирателя Шахазиза, под заглавием: «Тоска Леона» и разные стихотворения. Печатано в типографии Лазаревского института и одобрено в Москве цензурою. Не упомянуто, кто цензор? Любопытно это знать.

Для осторожности и для удостоверения поручаю г. директору возложить на г. Мсера и на г. Эмина прочесть и рассмотреть эту книгу и мне кратко об заключении их представить.

Когда цензура разрешила, тогда ответственности нет для института. Благоприличнее однако будет, если должностные и служащие из преподавателей и надзирателей будут издавать полезные классические и другие нравственные книги, не вовлекаясь в несообразные мысли. Некоторые полагают, что слухи и превратные толки произошли от неблагонамеренных армян, занимающихся иногда интригами и изветами из каких-либо неприязненных побуждений. Это также можно стороною узнать. Здесь также получены некоторые известия из Тифлиса, что тамошнее главное начальство недовольно новым поколением армян, которые, недоучившись, как полуобразованные и близкие к невежеству, мечтают в разнообразных превратных толках и через то навлекают неприязненные и невыгодные мнения.

Словом, брожение умов неопытных и вредных от неосновательности и от заблуждений, еще от неблагодарности тех, которые от правительства и еще от частных благотворителей бесплатно воспитывались и содержались. Вот побудительные причины, чтобы вселять в питомцах религиозную признательную нравственность в правилах чести, закона и благодарности. Это

непрестанно требовать и взыскивать от всех добросовестных воспитанников.

Попечитель *Хр. Лазарев*

ЦГАДА, ф. Лазарева Х. И.

№ 19

Отношение Главного управления по делам печати Кавказскому цензурному комитету о запрещении драмы „Самвел"

21 апреля 1892 г.

В минувшем марте в Главное управление по делам печати была представлена для разрешения к исполнению на сцене пьеса на армянском языке «Самвел», трагедия в 5-ти действиях и 6-ти картинах, переделанная из исторического романа Раффи. Переделал и к сцене приноровил Георг Тер-Петросянц.

По рассмотрении этой пьесы в главном упр. по делам печати оказалось, что она по своей политической тенденциозности не только не может быть допущена к исполнению на сцене, но не допущена быть дозволяема и к печати.

Об изложенном главное упр. по д. п. считает нужным сообщить Кавказск. ценз. ком. для сведения.

Нач. (подпись)

Исполнено согласно резолюции г. нач. главн. упр. по д. п., сделанной на представлении СПБ-го ценз. комитета от 16 апреля 1892 г. за № 575 (в делопроизводстве драм. ценз.).

ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 51а, д. 7, 1892, л. 36.

№ 20

Донесение Н. Я. Марра в Петербургский цензурный комитет о сборнике Раффи „Пундж"

2 мая 1892 г.

Честь имею доложить, что представленный в рукописи за № 898 сборник стихотворений Раффи под названием «Пундж» может быть дозволен к напечатанию, по исключении следующих стихотворений целиком или частично:

1) «Искренняя исповедь» (стр. 86—103): в этом стихотворении выведены похотливый исповедник и простодушная женщина, пришедшая к нему раскаяться в нарушении седьмой заповеди; часть, зачеркнутая красными чернилами (стр. 101—103), содержит неудобопроизносимые скабрезности, которые будто позволял себе говорить и совершать духовный отец при исповеди.

2) «Священник» (стр. 104—108) представляет жестокую сатиру, переходящую в брань, на священников, в конце приписано примечание, что автор не имеет ничего вообще против священства и казнит лишь недостойных его представителей, но из стихотворения этого не видно: в нем все священники нашего времени названы «ворами», «лихоимцами», «грабителями» и еще хуже.

3) «Откуп Ада» (стр. 109—119): в беседе двух лиц, повидимому эчмиадзинских монахов, монашество с религиозными обрядами и богослужебными книгами выставляется мраком, вечно враждующим с просвещением, сами же монахи выведены, все поголовно, обманщиками. Не получая никаких земных благ от Христа, сказано в заключении, монахи обратились к сатане и за известное вознаграждение обязались поставлять для ада грешников.

4) «Загадки» (стр. 119—121) — сплошное поношение монахов и священников.

5) «Гнет» (стр. 121—132), в котором зачеркнутые красными чернилами куплеты заключают мечты о будущей политической самостоятельности армян — «когда пройдет наше время гонений и притеснений».

6) «Скрытое сокровище» (стр. 156—159), зачеркнутые куплеты заключают беседу юноши с молодою, полную крайнего цинизма.

7) «Плач Хоренского» (стр. 226—241) — плач об Армении, написанный писателем V века Моисеем Хоренским; поэт перелагает на стихи и дополняет настолько, чтобы читатель оплакивал с поэтом нынешних армян, будто не менее угнетенных; чтобы читатель понял, что в данном «Плаче» оплакивается современная Армения, поэт в конце присоединяет соответствующее примечание.

8) «Новый год армян» (стр. 242—244): поэт провозглашает, что Новый год «несчастным» армянам не приносит ничего радостного, и это продолжится до тех пор, пока армяне не освободятся от ига, пока они сами не будут владеть полновластно родной землей.

...13) «Военная песнь» (стр. 416), сочиненная на случай восстания армян против тиранов.

За цензора *Н. Марр*

ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 4, д. 10, 1892, л. 50.

№ 21

Отношение Кавказского цензурного комитета в Петербургский цензурный комитет о запрещении второго издания брошюры Г. Агаяна „Страница из нашей новейшей истории“

21 мая 1893 г.

Армянский писатель Агаянц, автор брошюры: «Одна страница из нашей новейшей истории» («*Մի էջուկ մեր նորագույն պատմությունից*»), желая напечатать это сочинение вторым изданием в Тифлисе, представил на цензурный просмотр вверенного мне комитета экземпляр первого издания, напечатанного в Москве в 1891 году, с разрешения С. Петербургской цензуры.

Цензор, принявший к рассмотрению эту брошюру, усмотрел в ней крайне вредное тенденциозное направление. Автор, говоря об освобождении крестьян, доказывает, что армяне не прониклись духом этой свободной реформы, вследствие чего не породилось в среде их естественного влечения к свободе. Разбирая русскую гражданственность, он находит, что армяне легко воспринимают все русское и модное, предавая забвению свои национальные традиции. Он советует армянам обратить серьезное внимание на женское образование, так как только армянская семья, воспитанная в национальном духе, может устоять против столь гибельного и вредного влияния. Он, касаясь деятельности некоторых армянских патриотов, приводит между прочим проповедь епископа Хримиана-Айрика, произнесенную в Тифлисе в одной из армянских церквей. В этой проповеди Хримиан-Айрик доказывает, что армянству предстоит

получить великое наследство, и что армяне должны добиться этого путем меча и огня, в противном случае армянам, как мелкой народности, предстоит опасность быть поглощенными более культурным и сильным народом. Комитет, соглашаясь с заключением цензуры, нашел, что появление в печати на Кавказе страстного памфлета г. Агаянца и неизбежное обсуждение его в местной прессе крайне нежелательно, ввиду чего постановил, в заседании 19 мая, воспретить напечатание вторым изданием брошюры Агаянца и довести об этом до сведения С. Петербургского цензурного комитета.

Председатель комитета (подпись)

ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 4, д. 94, 1893, лл. 25—26.

№ 22

Донесение Н. Я. Марра председателю Петербургского цензурного комитета о брошюре Г. Агаяна „Страница из нашей новейшей истории"

3 октября 1893 г.

Честь имею доложить, что статья на армянском языке г. Агаяна «Страница из нашей новейшей истории» была дозволена мною к напечатанию, как не содержащая ничего противоцензурного. Она трактует о благодетельных последствиях освобождения крестьян, насколько оно рассеяло мрак невежества, в котором прозябали армяне; далее в брошюре говорится, что вместе с этой свободой в армянах пробудилась любовь к просвещению, что любовь эта сказывалась в начале в пустой несколько форме,— увлекались внешностью образования, платьем и языком образованных классов и не обращали внимания на внутреннее значение образования, на нравственное воспитание, пренебрегали религией; но вскоре явилась реакция, почувствовали и передовые армяне необходимость обратить внимание на нравственную и религиозную сторону дела, — в этом автор отмечает отрадное явление и находит, что подобное желательное воспитание лучше всего дети могут получать в семье, что на матерей-армянок возлагается важный долг, для выполнения коего им самим необходимо надлежащее воспитание, и общество должно об этом позаботиться.

Впрочем вся брошюра носит более характер воспоминаний о прошлом, как это следовало ожидать по заглавию, чем какую-либо программу или какие-либо соображения о будущем.

Автор, говоря, что дух свободы, навеянный «великой милостию царя-освободителя» (стр. 1), имел благотворное действие и на жизнь армян, указывает на следующие факты:

а) Католикос Матеос, под влиянием охватившего всех движения, доходы многих монастырей и церквей назначил училищам и за самыми доходами установил надзор попечителей, расширил программу Нерсесовской духовной семинарии и улучшил хозяйственное состояние. Семинарию, находившуюся в рабстве в руках нескольких людей, католикос освободил и сделал достоянием всех армян (стр. 4).

б) Древний обычай рассуждать всем по одной мерке исчез; каждый почувствовал право иметь собственное мнение, и явилось (в России) несколько армянских периодических изданий, каждое со своим направлением (стр. 5—6).

в) Фотография, телеграф, железная дорога просветили народ; отношения людей сделались более мягкими, азиатская одежда заменилась европейской, стали строить новые дома, прекрасный пол стал «выходить из затворничества для вдыхания свободного духа» (стр. 6).

г) Журнал «Крунк» проповедывал о необходимости религиозно-нравственного просвещения, а «Юсисапайл» стремился переродить армян светом евангелия, чем восстановлял против себя армянское духовенство (стр. 7).

д) Новое поколение выдвинуло ряд свободомыслящих деятелей, стремившихся все исследовать и изучать; таковы Кочарянц, издавший собрание армянских народных пословиц и поговорок, Тер-Александрян, напечатавший книгу «Умственная жизнь Тифлиса» (она содержит образцы тифлисского говора) и А. Ерицов, известный археологическими трудами (стр. 20—21).

Приведенные выписки с излишком показывают — о какой свободе трактует автор брошюры.

Изложенное составляет сущность брошюры, по-моему, по меньшей мере не заслуживающей воспрещения. Местами попа-

даются нападки на партию армянских консерваторов, но в цензуре ни одна армянская партия не должна находить защитников.

В двух-трех местах встречаются замечания о том, что армяне бедствуют в рабстве в Турции, но, во-первых, высказаны эти замечания мимоходом, и крайне несправедливо из-за них навязывать автору брошюры желание поднять «армянский вопрос в Турции»; а, во-вторых, распоряжение главного управления по делам печати о том, чтобы цензура не дозволяла к напечатанию ничего по армянскому вопросу в Турции, было сообщено лишь в конце прошлого (1892) года, тогда как брошюра разрешена мною в 1891 г. 5-го января.

Обращаясь же к мнению Тифлисской цензуры, я должен заметить следующее:

1) Автор, говоря об освобождении крестьян, доказывает, что армяне не проникались духом этой свободной реформы, вследствие чего не породилось в среде их естественного влечения к свободе. Таково мнение Тифлисского цензора, тогда как, напротив, автор Агаянц видит во многих явлениях армянской жизни следы благотворного влияния освобождения крестьян и указывает на деятелей, начиная с самого католикоса и кончая писателями, которые проникались духом этой свободной реформы; дело только в том, что Агаянц совсем не думает о той свободе, о которой можно догадываться по не совсем ясному, впрочем, выражению цензора.

2) Вопреки мнению Тифлисского цензора, Агаянц ничего не говорит о том, что армяне легко или с трудом воспринимают все «русское» — об этом и речи нет в брошюре. Автор рассказывает о том, что лет 20 или 30 тому назад армяне увлекались внешностью образования, не обращали внимания на сущность дела, но уже тогда вскоре было сознано, что религиозно-нравственное воспитание дети могут получить лучше всего в семье.

3) Наконец епископ М. Хримиан никогда не предостерегал армян против опасности быть поглощенными более культурным и сильным народом, во всяком случае об этом в брошюре не сказано; проповедник лет тридцать тому назад говорил в одной из тифлисских церквей о важном наследии, оставленном предками армянам, именно, евангельском учении, сохраненном

в Армении ценою крови героев Вардана, Ваана, Мушега и Смбата (стр. 8). Все эти герои суть мученики и подвижники армянской церкви, боровшиеся частью против язычников-персов, частью против мусульман-арабов с тем, чтобы отстоять христианство в Передней Азии. Это именно наследие, т. е. христианскую церковь, и имел в виду духовный проповедник и именно ее положение в Турции, но и тут выражение «огнем и мечом» в слове епископа имеет риторическое значение в том смысле, что армянам надо приложить все усилия, чтобы улучшить бедственное положение их турецких братьев. Если бы даже оказалась надобность понять отмеченные слова в буквальном смысле, не оправдываемом впрочем ни контекстом, ни характером самого проповедника епископа Хримиана, ныне католикоса Микиртича I, известного своею евангельскою кротостью, то тифлисскому цензору легко было вычеркнуть на 8 странице инкриминируемое выражение.

За цензора *Н. Марр*

ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 4, д. 94, 1893, лл. 28—29 и об.

№ 23

Отношение председателя Московского цензурного комитета в Главное управление по делам печати о II томе сборника „Армянские беллетристы"

4 марта 1894 г.

В апреле месяце прошедшего года Московский цензурный комитет слушал доклад цензора о бесцензурной книге «Армянские беллетристы, драматурги и поэты, т. I», отпечатанной в количестве 800 экз., и так как по докладу этому сборник заключал в себе статьи характера бытового, этнографического, исторического и только отчасти политического, касавшегося социального и политического бесправия турецких армян, с призывом к борьбе и мести, то комитет ограничился тем, что постановил иметь доклад в виду при поступлении в цензуру следующих выпусков сочинения.

Ныне представлен второй выпуск сборника, тоже бесцензурный, отпечатанный уже в 1200 экз., и передавая содержа-

ние его, цензор Назаревский в докладе, к сему прилагаемом, обращает внимание на то, что составители сборника имеют целью пробудить и в русской публике широкие взгляды на настоящее и будущее армянского народа, стоящего будто бы на повороте своей судьбы. Составители сборника, по словам цензора, стремятся достичь этой цели, представляя армянских писателей близкими к тому литературному уровню, на котором стоят представители нашей литературы и других народов. При этом в заслугу армянским писателям ставится их прогрессивное направление, их народничество, симпатии к молодому поколению, отвращение ко всякому гнету, до экономического включительно, вообще сочувствие идеям шестидесятых годов.

Ввиду такой очевидно расширяющейся в тенденциозном смысле программы сборника, комитет не считает себя вправе на этот раз умолчать о книге и вменяет себе в обязанность довести о ней до сведения Главного управления по делам печати.

Срок выхода книги — 7 марта, цензурный экземпляр прилагается.

Председательствующий (подпись)

ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 21, д. 47, 1894, л. 1.

№ 24

Донесение цензора В. Назаревского в Московский цензурный комитет о II томе сборника „Армянские беллетристы"

4 марта 1894 г.

1 марта поступила на мое рассмотрение отпечатанная в количестве 1200 экземпляров без предварительной цензуры книга «Армянские беллетристы, драматурги и поэты. Сборник, изданный под редакцией Юрия Веселовского и Минаса Берберяна, том II».

Представляя ряд биографических и критических этюдов о писателях молодой Армении и отрывков из их произведений, книга эта имеет, как видно из предисловия, целью пробудить и в русской публике широкие взгляды на настоящее и будущее армянского народа, который, как говорит эпиграф, стоит на повороте своей судьбы.

Составители этого сборника стремятся достичь этой цели, представляя армянских писателей близкими к тому литературному уровню, на коем стоят представители нашей литературы и других народов. При этом армянским беллетристам, драматургам и стихотворцам вменяется в заслугу их прогрессивное направление, их народничество, их симпатии к молодому поколению, отвращение ко всякому гнету до экономического включительно, новаторство и т. д.

Но такого рода армянский патриотизм едва ли мог бы вызывать особое внимание, если бы составители сборника ограничились обрисовкой сочувствия армянских писателей к идеям шестидесятых годов. Не ограничиваясь этим, рассматриваемая книга выдвигает национально-политические стремления армян. Правда, что таковые становятся вполне ясными лишь тогда, когда дело идет о турецких армянах, о переносимых ими угнетениях, о неосуществлении конституции (стр. 140). Однако стремление к автономии Армении, ее возрождению, боевой патриотизм, презрение к апатичным или отсталым армянам могут питать и общеармянские мечты. Такого рода тенденции проглядывают в третьем отделе книги, посвященном лирической поэзии.

Особенно они заметны в тех страницах, кои посвящены Рафаэлу Патканьяну. Этот поэт представляется не только горячим прогрессистом, но и таким патриотом, который из Нахичевани-на-Дону в своих мечтаниях стремится в тот край, где расстилается Ванское озеро, где несут свои воды Тигр и Евфрат (стр. 446). Патканьяну приписывается роль вдохновителя молодого поколения, народного трибуна (стр. 455). Особенно представляется тенденциозность его стихотворения «Желание армян» (стр. 475, 476).

Далее Шах-Азизу приписываются политические стремления и то, что звон гарибальдийских мечей не дает ему покоя (стр. 494). В поэме «Скорбь Леона» этот стихотворец готов вдохнуть боевой патриотизм даже в армянок (стр. 502).

Поэт Бешикташлян в своем патриотическом творчестве характеризуется так: «Он воспевает свою несчастную родину, оплакивает ее собственное понижение, задумывается над ее будущей судьбою или обращается к ее историческому прошлому, ища в нем утешения и с радостью останавливая свое вни-

мание на геройских подвигах, на славных эпохах и именах» (стр. 512, 513).

Поэт Иоаннисян пишет, что венок тернистый украшает чело армянских матерей и говорит: «лишь только ты одна, Армения родная, лежишь как труп живой, в цепях тоскуешь ты, ранами покрыта твоя истерзанная грудь» (стр. 548, 549).

Подобным же образом высказывается и Леренц, «выразитель армянской скорби», в своем стихотворении «Армения» (стр. 556). «Да прозвучит,— говорит Цатурьян,— опять та песня вековая, заветный мощный гимн и дедов и отцов, что в бурю битв звучал, сердца одушевляя, и лаврами венчал отважных храбрецов...» «Пусть песни смелые страну мою, как море, бурею волнуют...» (стр. 566).

Ввиду того, что рассмотренная книга не чужда такого рода национально-политических тенденций, я полагал бы, что она заслуживает внимания цензурного комитета.

Цензор *В. Назаревский*

ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 21, д. 47, 1894, лл. 2—3.

№ 25

Телеграмма Е. Феоктистова
Московскому цензурному комитету

5 марта 1894 г.

Москва, Цензурный комитет
Председателю
Задержите книгу «Армянские беллетристы».

Феоктистов

ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 21, д. 47, 1894, л. 4.

№ 26

Отношение Е. Феоктистова
в канцелярию Московского генерал-губернатора
о высылке в управление II тома
„Армянских беллетристов“

23 марта 1894 г.

Главное управление по делам печати имеет честь покорнейше просить канцелярию Московского ген.-губ. сделать по возможности в непродолжительном времени зависящее распо-

ряжение о высылке в это управление по тридцати экземпляров задержанных в типографии товарищества И. Н. Кушнерев и К° книг под заглавием: 1. Фр. Паульсен—«Введение в философию». Перевод со 2 немецкого издания Н. Титовского, под редакциею В. Преображенского. Издание Московского психологического общества, 1894 г., и 2. «Армянские беллетристы, драматурги и поэты», том 2, Москва, 1894 г.

Нач. гл. упр. по делам печати *Е. Феоктистов*

ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 21, д. 47, 1894, л. 5.

№ 27

Рапорт старшего инспектора типографий
и книжной торговли в Москве
в Главное управление по делам печати
о представлении II тома „Армянских беллетристов“

26 марта 1894 г.

Во исполнение требования, изложенного в отношении на имя канцелярии его императорского высочества Московского генерал-губернатора от 28 сего марта за № 1719, имею честь представить при сем в главное управление по делам печати в двух отдельных тюках за №№ 151 и 152 по тридцати экземпляров задержанных в типографии товарищества И. Н. Кушнерев и К° книг под заглавиями: 1. Фр. Паульсен. «Введение в философию». Перевод со 2-го немецкого издания Н. Титовского, под редакциею В. Преображенского. Издание Московского психологического общества, 1894 г., и 2. «Армянские беллетристы, драматурги и поэты», т. 2, Москва, 1894 г.».

Действительный статский советник (подпись)

ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 21, д. 47, 1894, л. 6.

№ 28

Изложение дела о II томе сборника
„Армянские беллетристы“

2 апреля 1894 г.

1 марта текущего 1894 года поступила на рассмотрение Московского цензурного комитета отпечатанная без предвари-

тельного просмотра цензуры в количестве 1200 экземпляров книга под заглавием «Армянские беллетристы, драматурги и поэты». Сборник, изданный под редакцией Юрия Веселовского и Минаса Берберяна. Том второй, Москва, типография товарищества Кушнерева, 1894 г.

Первый том означенного сборника, появившийся в апреле прошлого 1893 года, содержал преимущественно статьи характера бытового, этнографического, исторического, а потому и был допущен к обращению в публике. Что же касается изданного ныне второго тома, то от начала до конца он проникнут весьма вредными тенденциями.

Состоит он почти исключительно из статей беллетристического содержания, переведенных с армянского на русский язык, и из характеристик авторов этих произведений. Задачей издателей второго тома сборника было привлечь симпатии публики к армянской интеллигенции, которая, как сами они свидетельствуют об этом (стр. 218), воспиталась под влиянием русских «шестидесятников». По собственным их словам «тенденциозность и в наши дни является одною из самых характерных черт армянской литературы» (предисловие, стр. X).

Во всей книге рассеяны разглагольствования о славных минувших судьбах Армении и о печальной ее участи в настоящее время, причем нет даже намека, чтобы относилось это к армянам, находящимся под турецким владычеством. Похвалы воздаются преимущественно тем авторам, которые затрагивают именно эту тему. Один из них воспевает «несчастную родину, размышляет об ее современном положении, оплакивает ее, задумывается над ее будущностью или в ее историческом прошлом ищет утешения» (стр. 512); другой заявляет, что он «хочет пуль и кровавых встреч» (стр. 513); поэт Цатурьян сокрушается о том, что «брат-армянин, лишенный всех благ просвещенной эпохи, безгласно влачит рабское иго» (стр. 562).

О литераторе Патканьяне (несомненная ошибка, должно быть Налбандяне—С. А.) сказано между прочим, что ему «выпала на долю интересная, бурная жизнь, а именно быть дьячком в одной из Нахичеванских церквей, стать затем одним из главных двигателей молодой прессы и публицистики, посетить Германию, Францию, Италию, увлекаясь там учениями наиболее передовых европейских мыслителей, и кончить жизнь вдали

от родины, в городе Камышине от чахотки, полученной в тюрьме. Постоянно только и мечтал он о славной поре, когда для армянского народа наступят новые дни» (стр. 446). Муза его была «музой борьбы и мщения, он выражал желание изрубить всех, кто угнетает его родину, до одного» (стр. 461).

Такие же мотивы слышатся и в стихотворениях, помещенных в сборнике; на все лады воспевается здесь несчастная будто бы судьба армян, например (стр. 565):

«Над нами сумрак туч и светлой нет лазури,
И гибель впереди и гнет лихой судьбы;
И нам кругом грозят и ураган и бури,
И цепи мы влачим как жалкие рабы».

В другом стихотворении (стр. 501) говорится:

«Всюду чуждый язык, всюду чуждая речь,
О, армянки, презрев все родное,
Вы решились родным языком пренебречь
И принять воспитанье чужое.
Пышно вы расцвели, но в армянский народ
Не вдохнете вы счастья и жизни...»

Герои повестей, помещенных в сборнике, постоянно толкуют о том, что для осуществления их мечтаний необходимо «подготовить свежие, молодые силы; от них зависит все будущее армянского народа». Народ тонет в невежестве; старое поколение деспотично, а новое слабо, загнано, забито, игнорируются все высшие вопросы, школы готовят дьячков, пресса пропитана духом псалмов, все нуждается в переустройстве (стр. 71). Об одном из наиболее видных деятелей в этом направлении сказано (стр. 18), что неутомимо проповедывал он мысль о необходимости «ослабить авторитет единоличной власти, его обаяние, получившее законную силу, и тогда ростки дадут свежие побеги». Некто Димаксьян, написавший повесть на эту тему, восклицает (стр. 71): «подадим друг другу руки, начнем действовать, выставим наши груди против китайской стены, примемся за ее разрушение». На стр. 103—115 описан бунт воспитанников семинарии против своих надзирателей, из кото-

рых один получил пощечину; виновного в этом ученика привлекли к допросу, и он не только не считал нужным оправдываться, но «превратился в могучего титана, который, как воплощенная месть, стоял перед своими судьями, сыпя из глаз искры». Таково общее содержание всей книги.

Закон. Св. зак., XIV, уст. о ценз. и печ. (изд. 1890 г.). Ст. 149: Если распространение освобожденной от предварительной цензуры книги или нумера повременного издания, выходящего без цензуры реже одного раза в неделю, министром внутренних дел признано будет особенно вредным, то он может, сделав распоряжение о предварительном задержании такого произведения, представить о воспрещении выпуска оного в свет на окончательное разрешение комитета министров. По постановлению заключения по делам сего рода комитет министров принимает в руководство ст. 101 и 113 учреждения комитета министров (изд. 1886 г.).

Заключение.—Ввиду вышеизложенного, признавая распространение II тома книги «Армянские беллетристы, драматурги и поэты» вредным, министр внутренних дел полагал бы необходимым запретить оную к обращению, о чем и имеет честь представить на благоусмотрение комитета министров.

Статс-секретарь *Дурново*

ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 21, д. 47, 1894, лл. 7—10.

№ 29

Выписка из журнала комитета министров 25 апреля 1894 года о запрещении II тома „Армянских беллетристов"

6 мая 1894 г.

Слушаны две записки министра внутренних дел от 2 апреля за № 1973 и 1974 (по главн. упр. по дел. печ.) о запрещении книг под заглавиями: 1. «Армянские беллетристы, драматурги и поэты». Сборник, изданный под редакциею Ю. Веселовского и М. Берберьяна, том II, Москва, 1894 г., и 2. «Моисеево вероучение для еврейского юношества». Составил С. Каценелленбоген, часть II, С. Петербург, 1894 г.

Комитет, признавая вредным распространение представленных министром внутренних дел, напечатанных без предварительной цензуры книг под заглавиями: 1) «Армянские беллетристы, драматурги и поэты», сборник, изданный под редакцией Ю. Веселовского и М. Берберьяна, том II, Москва, 1894 г., и 2) «Моисеево вероучение для еврейского юношества». Составил С. Каценелленбоген, часть II, С. Петербург, 1894 г.,—положил: выпуск в свет означенных книг, на основании ст. 149 уст. о ценз. и печ., т. XIV св. зак. изд. 1890 г. воспретить, сообщив о сем статс-секретарю Дурново выпискою из журнала для дальнейших с его стороны распоряжений.

Управляющий делами комитета,
статс-секретарь *А. Куломзин*

ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 21, д. 47, 1894, л. 13.

№ 30

Отношение Е. Феоктистова в канцелярию Московского генерал-губернатора об уничтожении II тома „Армянских беллетристов"

10 мая 1894 г.

Комитет г. г. министров, рассмотрев представление г. министра внутренних дел о книге под заглавием «Армянские беллетристы, драматурги и поэты. Сборник, изданный под редакцией Ю. Веселовского и М. Берберьяна. Том II, Москва, 1894 г.» и признав распространение этого издания вредным, положил на основании ст. 149 уст. о ценз. и печ., т. XIV, св. зак., изд. 1890 г. выпуск означенной книги воспретить.

Вследствие сего гл. управление по делам печати имеет честь покорнейше просить канцелярию Московского генерал-губернатора сделать зависящее распоряжение об уничтожении экземпляров помянутой книги, с соблюдением порядка, изложенного в отношении от 4 июля 1872 г. за № 2701.

Нач. гл. упр. по делам печати *Е. Феоктистов*

ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 21, д. 47, 1894, л. 14 и об.

№ 31

Рапорт старшего инспектора типографий и книжной торговли в Москве в Главное управление по делам печати об уничтожении 31 мая 1894 года II тома „Армянских беллетристов" сожжением

31 мая 1894 г.

Вследствие переданного мне канцелярией Московского генерал-губернатора для исполнения отношения главного управления по делам печати от 10 сего мая за № 2637, имею честь донести, что задержанная 7 марта сего года в типографии высочайше утвержденного товарищества И. И. Кушнерев и К° книга под заглавием «Армянские беллетристы, драматурги и поэты. Сборник, изданный под редакциею Юрия Веселовского и Минаса Берберьяна, т. II, Москва, 1894 г.» уничтожена 31 сего мая сожжением. Составленный о сем протокол при сем имею честь представить.

Действительный статский советник (подпись)

ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 21, д. 47, 1894, л. 20.

№ 32

Протокол сожжения II тома „Армянских беллетристов"

1894 года, мая 31 дня, в 12 часов пополудни, при Сущевском полицейском доме, в присутствии г. г. старшего инспектора типографий и книжной торговли в Москве, действительного статского советника Мсерианц, и. д. полицеймейстера 2-го отделения города Москвы, полковника Шебуева и младшего инспектора типографий и книжной торговли в Москве, надворного советника князя Кудашева, уничтожена, согласно правилам 1872 года, сожжением доставленная в означенный полицейский дом из типографии высочайше утвержденного товарищества И. И. Кушнерева и К° книга под заглавием «Армянские беллетристы, драматурги и поэты. Сборник, изданный под редакциею Юрия Веселовского и Минаса Берберьяна, т. II, Москва, 1894 г.» в количестве одной тысячи ста пятидесяти пяти (1. 155) экземпляров, частию в фальцованных и частию в нефальцованных листах и опечатанная в сорока двух (42) отдельных пач-

ках. О чем и составлен сей протокол для главного управления по делам печати.

Старший инспектор типографий в Москве (подпись)

ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 21, д. 47, 1894, л. 21 и об.

№ 33

Доклад цензора Н. Пантелеева о переводе армянского стихотворения Рафаэля Патканьяна „Слезы Аракса", исполненного Юрием Веселовским

6 сентября 1895 г.

Поэт спрашивает у Аракса: почему он рыдает, почему грустен, почему цветы не украшают его берега? Ответ этой исторической реки таков: тогда весело катили его волны, когда была свободна Армения и существовали пышные храмы, большие города и замки; теперь же все сыны Армении в плену, стонет древняя земля под властью презренных турок; враги изгнали сынов Армении, а в замену их водворены неверные орды. До тех пор, пока армяне будут томиться, пока у них не будет отчизны,—Аракс будет печален и грустен.

Из изложенного содержания видно, что стихотворение полно идей о самостоятельности Армянского царства, а эта идея, как известно, пропагандируется известною частью армян,—и протест противу пленения, о котором говорит автор, одинаково должен быть понят как по отношению к Турции, каковая названа прямо, так и по отношению к России, во владении которой находится знатная часть бывшего Армянского царства.

Вследствие такого сепаратного характера стихотворения, оно представляется неудобным к дозволению, ввиду тех разъяснений, которые сделаны Главным управлением по делам печати в отношении такого рода литературы, посвященной армянскому вопросу.

Цензор *Н. Пантелеев*

Комитет, принимая во внимание разъяснение Главного управления по делам печати от 27 ноября 1884 года за № 4652

и 4 ноября 1892 года за № 5206 о недозволении к печати статей относительно Армении, в которых проводятся мысли о восстановлении армянского царства, и признавая, что докладываемое стихотворение исполнено политической тенденции именно в этом смысле, **определил:** применительно к 113 ст. уст. о ценз. и согласно заключению цензора, перевод стихотворения к напечатанию не дозволять.

ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 25, д. 1433, лл. 1 и об., 2.

№ 34

Донесение Н. Я. Марра о брошюре „Дьякон" („Саркаваг") на армянском языке

Журнал заседания 22 мая 1896 года ст. 11. Донесение цензирующего армянские издания приват-доцента Марра о представленной для дозволения к новому изданию брошюры «Саркаваг» («Дьякон») в С. Петербургский цензурный комитет.

Честь имею доложить, что армянская брошюра «Саркаваг» («Дьякон»), представляющая страницу из истории освобождения болгар, была разрешена мною к напечатанию 8 ноября 1889 г., но в настоящее время я затрудняюсь дозволить ее, так как брошюра эта с описанием деятельности тайного болгарского комитета может быть истолкована в смысле программы для армянской пропаганды в Армении. Деятельность эта тем более соблазнительна, что, по мнению автора (стр. 55), благодаря ей в полтора года фантазия может стать действительностью.

Цензирующий армянские издания *Н. Марр*

Определить: брошюру, руководствуясь 113 ст. уст. о ценз., к новому напечатанию не дозволить.

ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 25, д. 942.

№ 35

Доклад цензора В. Драгомирецкого в Петербургский цензурный комитет о рукописи на армянском языке „Религия и как ее проповедуют" графа Л. Н. Толстого

12 декабря 1902 г.
СПб

На мое рассмотрение поступила рукопись на армянском языке п. з. «Религия и как ее проповедуют» графа Л. Н. Толстого.

Ввиду того, что содержание означенной рукописи взято из запрещенного в России сочинения гр. Л. Н. Толстого «В чем моя вера» и что заключающиеся в ней суждения противны истинной вере, она, на основании ст. 94 уст. о ценз. и печ., подлежит запрещению.

Цензирующий армян. и груз. издания
т. с. *В. Драгомирецкий*

Определено: рукопись к печати не разрешать за силою приведенной цензирующим статьи закона.

ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 5, д. 184, 1892, л. 74.

№ 36

Отношение В. Колобова в Главное управление по делам печати

13 октября 1909 г.
Тифлис

Тифлисский комитет представляет при этом копию отношения своего на имя прокурора Тифлисской судебной палаты от 13 сего октября за № 1800 по делу о возбуждении вопроса об утверждении судом наложенного комитетом ареста на брошюру «Освободительное движение в России со времени первых дней его возникновения»—о признании этого издания подлежащим уничтожению и о привлечении автора брошюры Ованеса Тер-Мартиросьянца к уголовной ответственности по п. 2 ст. 129 Угол. улож.

И. о. председателя комитета *В. Колобов*

ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 21, д. 240, 1909, л. 1.

№ 37

Отношение В. Колобова
прокурору Тифлисской судебной палаты
о брошюре А—до „Освободительное движение в России
со времени первых дней его возникновения"

17 октября 1909 г.
Тифлис

Комитетом рассмотрена брошюра на армянском языке под заглавием «Освободительное движение в России со времени первых дней его возникновения», соч. А—до (псевдоним), отпечатанная в 1908 г. в типографии «Луйс» в Эривани, в количестве 1000 экземпляров.

Автор означенной брошюры в предисловии к ней заявляет: «Благодаря достигнутой в России свободе печати у нас теперь имеется возможность представить армянской читающей публике настоящий труд, который целиком посвящен тому движению, которое в течение двух последних столетий пришлось вести в России во имя освобождения народа». Но автор брошюры касается истории этого движения постолько, поскольку это необходимо ему для несомненной тенденции — революционизировать своих читателей. Это последнее красной нитью проходит по всей брошюре, в которой приводится подробный мартиролог и биографии видных революционеров в России (стр. 40—101, 108—123, 123—176) и история всех известных революционеров, как-то: Лушникова, Петрашевского, Герцена, Огарева, Бакунина, Н. Тургенева, Чернышевского, Серно-Соловьевича, Каракозова, Лаврова, Ткачева, Чайковского, Кропоткина, Веры Засулич и др., революционных партий и их боевых организаций, как-то: «Земля и воля», «Народная воля» и др. (стр. 181—208, стр. 213—217). На странице 30—31 по поводу молебствий в Москве после казни декабристов приводятся следующие слова известного революционера: «Мне было 14 лет, когда я присутствовал на этом молебствии, и там, пред загрязненным алтарем кровавого молебствия, я поклялся отомстить за казненных, и с того дня я посвятил себя этой борьбе, направленной против престола, против этого алтаря и пушек». Писавший эти строки был Герцен.

На стр. 82—83—84 напечатана прокламация подпольного издания «Великорусс», в которой между прочим говорится: «Мы желаем, чтобы земля принадлежала не отдельным собственникам, а была бы общественной собственностью, чтобы личное право собственности на землю не существовало. Объясните народу, что нас миллионы, а злодеев — сотни, объясните народу беззаконие и безнравственность власти... Будьте готовы для той роли, которую вы будете играть, составляйте из ваших единомышленников дружины, умножайте их количество, находите готовых на все и способных руководителей и пусть память о декабристах-мучениках ведет нас к великому делу, к славной смерти ради спасения отечества, если это понадобится».

На стр. 104 приводится сущность «Катехизиса революционера» Нечаева, о котором автор говорит, что... «Он проповедывал беспощадное уничтожение существующих порядков и приговаривал к смерти всех тех, кто стоял ему на пути». На стр. 108 напечатано: «Народ должен освободиться собственными силами, причины, разоряющие народ, должны быть устранены средствами самого народа, поэтому пойдем в народ, чтобы привести его к этому сознанию. Вот девиз, избранный движением семидесятых годов». На стр. 130 напечатаны следующие слова анархиста Кропоткина: «Тогда не будет никакой нужды в правительстве, ибо все те взаимоотношения, которые правительство подчиняет своей компетенции, будут определяться свободными соглашениями». На стр. 207—208, говоря о мужестве, с которым шли на виселицу приговоренные к смерти политические преступники, автор заканчивает: «Это было триумфом, тем нравственным триумфом, который вел молодую Россию против бюрократии, против тирании». На стр. 213—214 приведена программа липецкого съезда партии «Народной воли», заключающая в себе 8 требований, из которых третье требует раздать землю народу, а восьмое — упразднения постоянного войска. На стр. 299 напечатаны произнесенные на суде слова Александра Ульянова: «Моей целью было содействовать делу освобождения несчастного русского народа, но после нас, я уверен, появятся молодые поколения, которые, шествуя по пройденному нами пути, в конце концов видоизменят невыносимую систему управления государством».

Автор заканчивает свой труд следующим послесловием: «В 1883 и 1889 гг. были опыты организации новых партий, как-то среди военных и других кругов, имели место крупные студенческие беспорядки, но все это было переходным периодом, после которого наступили 90-е годы. Освободительное движение вступило в новый фазис, в общественной жизни были поставлены на очередь новые требования, господствующие порядки стали еще невыносимее, существующее недовольство захватывало все более широкие круги населения, стали действовать не только социалисты-революционеры и социал-демократы, но и земские буржуазные элементы, как противники господствующих порядков, и все это со стихийной силой привело к октябрьским дням 1905 года, которые, естественно, положили предел неограниченным самодержавным порядкам».

По просьбе комитета Эриванский губернатор сделал распоряжение о задержании брошюры в Эривани; местная полиция, исполняя это поручение, выяснила, что автором этой книги является Ованес Григорьевич Тер-Мартиросьянц (литературный псевдоним А—до), на квартире которого было задержано 557 экземпляров, а остальные, по показанию автора, отправлены в Персию и Турцию и распространены на Кавказе.

Усматривая в означенной брошюре признаки преступления, предусмотренного п. 2 ст. 129 Уголовн. улож., прошу ваше превосходительство возбудить вопрос об утверждении судом ареста, наложенного комитетом на эту брошюру, о признании всего издания подлежащим уничтожению и о привлечении автора ее Ованеса Григорьевича Тер-Мартиросьянца (псевдоним А—до), проживающего в г. Эривани, по Бебутовской улице, д. № 66—60, к уголовной ответственности по той же статье.

Один экземпляр брошюры на армянском языке «Освободительное движение в России со времени первых дней его возникновения» при сем препровождается.

И. д. председателя комитета *В. Колобов*

ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 21, д. 240, 1909, лл. 2—3 и об.

№ 38

Отношение СПб Комитета по делам печати прокурору С. Петербургской судебной палаты о брошюре В. Папазьяна „Дракон"

19 января 1912 г.

Из Главного управления по делам печати при предложении от 1-го декабря прошлого года за № 13736 поступил на рассмотрение С. Петербургского Комитета по делам печати доставленный начальником Тифлисского Губернского жандармского управления (3-го ноября 1911 года за № 22781) экземпляр брошюры под заглавием: В. Папазьян. «Дракон». Сказка, пер. с армянского Ф. Гюль Назарова. Пролетарская библиотека № 2. СПб. Тип. Я. Левенштейна. Цена 3 коп.

В этой брошюре рассказывается о драконе, который своей ненасытностью поглощает все богатства народа, среди которого он живет. Тем не менее народ его чтит, считая своим благодетелем и восстающих против него отправляет «на отдаленные вершины гор».

Сказка кончается словами: «Объявились какие-то люди, видевшие пророческий сон, будто близок тот день, когда уничтожат дракона. Они видели даже того, кто его уничтожит. И описывали его, будто это могучий, отважный человек в кожаном переднике с громадным молотом в мозолистых руках».

Смысл этой сказки тот, что дракон — современный государственный и общественный строй является губителем для народа и что освободителем его явится рабочий пролетариат.

Усматривая в таком содержании этой брошюры признаки преступления, предусмотренные пунктами 1 и 2 статьи 129 Уголовного уложения, С. Петербургский Комитет по делам печати постановил: 1) привлечь к уголовной ответственности, по силе вышеуказанных статей закона, виновных в напечатании этой брошюры и 2) наложить на нее арест на основании статьи 3 отдела IV Временных правил для неповременной печати от 26-го апреля 1906 года.

Сообщая о сем, в дополнение к отношению своему от 10-го января сего года за № 47, Комитет имеет честь покорнейше просить ваше превосходительство возбудить судебное преследование против автора брошюры В. Папазьяна, полное имя и

местожительство которого Комитету не известны, а равно и против других лиц, могущих оказаться виновными по тому же делу.

Экземпляр брошюры при сем прилагается.

Председательствующий *А. Катенин*

ПААФИМЛ, ЦГИАЛ, ф. 776, д. 14, л. 3.

№ 39

Отношение прокурора судебной палаты начальнику Главного управления по делам печати

6 февраля 1912 г.

Имею честь препроводить при сем вашему превосходительству копию определения С. Петербургской Судебной палаты от 30 января текущего года об утверждении ареста, наложенного на брошюру, под заглавием «В. Папазьян. «Дракон». Сказка».

За прокурора Судебной палаты (подпись)

ПААФИМЛ, ЦГИАЛ, ф. 776, д. 14, л. 4.

№ 40

Приговор о брошюре В. Папазьяна „Дракон"

1913 года апреля 26 дня. По указу его императорского величества, С. Петербургская Судебная палата, 2-му уголовному департаменту, в открытом судебном заседании, в котором присутствовали...

Слушала: дело об уничтожении брошюры «В. Папазьян. «Дракон». Пролетарская библиотека».

Рассмотрев настоящее дело и имея в виду: 1) что в брошюре «В. Папазьян. «Дракон». Пролетарская библиотека» заключаются признаки преступного деяния, предусмотренного 1 пунктом I части 129 статьи Уголовного уложения, 2) что определением С. Петербургской Судебной палаты от 30 января 1912 года постановление С. Петербургского Комитета по делам печати о наложении ареста на вышеназванную брошюру — утверждено и 3) что дело об издании и распространении

рассматриваемой брошюры определением С. Петербургской Судебной палаты, от 5 апреля 1913 года, на основании 5 пункта XVIII статьи именного высочайшего указа, от 21 февраля 1913 года, дальнейшим производством прекращено, Судебная палата, по выслушании заключения товарища прокурора, **определяет:** брошюру «В. Папазьян. «Дракон». Пролетарская библиотека» на основании 1 пункта I части 129 статьи Уголовного уложения и 12, 13, 16 статьи Устава уголовного судопроизводства уничтожить вместе с стереотипами и другими принадлежностями тиснения, заготовленными для ее напечатания.

Подлинное за надлежащими подписями и скрепою.

ПААФИМЛ, ЦГИАЛ, ф. 776, д. 14, л. 7.

№ 41

Отношение председателя Московского комитета по делам печати в Главное управление по делам печати о книге К. Кусикяна „Литературные лица"

5 марта 1912 г.
Москва

Во исполнение циркулярного распоряжения от 5 июля 1907 г. за № 7031, Московский комитет по делам печати имеет честь представить при этом копию сообщения своего прокурорскому надзору о возбуждении судебного преследования по книге на армянском языке под заглавием: «Карапет Кусикян. Литературные лица (т. е. деятели)».

Обязательные экземпляры названной книги представлены комитетом в канцелярию главного управления по делам печати при списке неповременных изданий от 27 февраля 1912 г. за № 738.

Председатель *Сидоров*
Секретарь *А. Креницын*

ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 17, д. 120, 1912, л. 1.

№ 42

Отношение председателя Московского комитета по делам печати прокурору Московской судебной палаты о книге К. Кусикяна „Литературные лица"

5 марта 1912 г.

Из типографии Аветикяна 27 февраля 1912 г. поступила в комитет книга на армянском языке под заглавием «Карапет Кусикян. Литературные лица (т. е. деятели)».

В заседании 1 марта сего года наблюдающий за армянскими изданиями в г. Москве статский советник Иоаннесов представил о ней письменный доклад, копия которого при сем прилагается.

На основании этого доклада и вызванных им суждений комитет постановил вышеназванную книгу арестовать, а против виновных в ее издании возбудить судебное преследование по п. п. 2 и 6 ст. 129 Угол. улож.

Согласно этому постановлению, комитет имеет честь просить ваше превосходительство об утверждении означенного ареста и о привлечении виновных по настоящему делу лиц к судебной ответственности по указанной выше статье закона.

Об аресте книги и о доставлении вашему превосходительству сведений об ответственных по настоящему делу лицах комитетом сделано распоряжение отношением от 1 марта 1912 г. за № 789 на имя старшего инспектора книгопечатания в г. Москве.

Инкриминируемая книга при сем прилагается.

Председатель *Сидоров*
Секретарь *Креницын*

ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 17, д. 120, 1912, л. 2.

№ 43

Отношение В. Колобова прокурору Тифлисской судебной палаты о сборнике „Лира Армении"

17 ноября 1912 г.
Тифлис

На рассмотрение комитета представлена армянская брошюра под заглавием «Лира Арменни» Хачатура Маркосьяна,

изданная типографией «Луйс» в г. Эривани, в количестве 700 экземпляров.

В этом сборнике собраны без определенного плана и системы стихотворения разных армянских поэтов, а также народные песни, ничего противоцензурного по существу не представляющие. Но в означенный сборник видно случайно включены на стр. 8 и 13 два стихотворения армянской социал-демократической поэтессы (последовательницы итальянской поэтессы Ады Негри) Ш. Кургиньян, следующего содержания:

1. «Песнь рабочего» (стр. 13)

«Вперед, всегда вперед!.. Пусть спадут
стесняющие цепи рабства,
Сегодня или завтра нам будет принадлежать
победа святой свободы.
Разве мы — не порождение холодных и голодных
подвалов, прикованные к каменной
плите несчастий и бедствий?
Мы прошли тину жизни, одинокие и изгнанные,
Послушные сильным, с согнутыми шеями, как
носильщики тяжестей,
Нам, изголодавшимся и загрязненным, чужды
удобства жизни,
С детства, мы несчастные, на задворках у
господствующего (класса).
Довольно, товарищи! Подымем наши жилистые,
высохшие руки,
Смело вперед! На крупной сцене жизни меняются
роли...»

2. «Идите туда»... (стр. 8)

Туда, где несчастный голодный крестьянин блуждает
в темноте, невежестве, где он поливает слезой
свои невспаханные поля, пострадавшие от засухи
и морозов,
Туда — в мрачные недра рудников, на фабрики, к
морским берегам, где стонет рабочий под
тяжестью ноши, мечтая о возможности сытой
жизни,
Туда — в тюрьмы, где закованный в цепи бесстрашный
больной герой молчаливо страдает, с нерассеянной
печалью, считая свои опозоренные до смерти дни;
Туда — в блудные, бесстыдные логовища, где (царствует)

ядовитый порок, где немилосердно изнашивается
жизнь несчастных и заброшенных падших,
Туда — где нет ни надежды, ни веры, ни любви к
единению, ни утешения в горе, где фальшь
и неправда господствуют над правдой и где
нет спасения — идите туда!..
Идите туда, чтобы нести свет социализма в те тем-
ные ряды, где идеал всегда приносится в жертву
на тяжелый алтарь страданий.
Идите туда, чтобы наравне с ними нести ношу
человеческой жизни, как «добрые пастыри»,
ответственные за свою паству...»

Усматривая в содержании означенных стихотворений признаки преступления по п. п. 2 и 6 ст. 129 Угол. улож., комитет поручил Эриванскому полицеймейстеру арестовать все издание брошюры «Лира Армении», что и исполнено названным лицом, сообщившим, что все отпечатанные экземпляры, в количестве 700, им задержаны.

Сообщая об изложенном, комитет просит ваше превосходительство возбудить перед судебной палатой ходатайство об уничтожении в сборнике «Лира Армении» двух стихотворений под заглавием «Песнь рабочего» (стр. 13) и «Идите туда» (стр. 8) и возвращении в таком виде сборника издателю его Хачатуру Маркосьяну и привлечении последнего к уголовной ответственности по ст. 132 Уголов. улож. ввиду того, что брошюра распространения среди публики не имела.

Что же касается сведений о личности издателя брошюра «Лира Армении» Хачатура Маркосьяна, его отчества, звания, местожительства, вероисповедания и возраста, то несмотря на неоднократные по сему делу запросы комитета, обращение к Эриванскому полицеймейстеру и Александропольскому уездному начальнику, ответа от этих должностных лиц по этим запросам еще не последовало.

При сем препровождается один экземпляр инкриминируемой брошюры на армянском языке.

И. д. председателя комитета *В. Колобов*

ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 21, д. 292, 1912, лл. 5—6.

№ 44

Отношение В. Колобова
в Главное управление по делам печати
об уничтожении в сборнике „Лира Армении"
двух стихотворений и привлечении издателя
к уголовной ответственности

20 ноября 1912 г.

Тифлисский комитет представляет при этом в Главное управление копию отношения г. прокурору Тифлисской судебной палаты от 17 сего ноября за № 2655 об уничтожении в сборнике «Лира Армении» двух стихотворений под заглавием «Песнь рабочего» и «Идите туда» и о привлечении издателя этой брошюры Хачатура Маркосьяна к уголовной ответственности.

И. д. председателя комитета *В. Колобов*

ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 21, д. 192, 1912, л. 4.

№ 45

Донесение В. Колобова
в Главное управление по делам печати
об уничтожении сборника „Лира Армении"

30 апреля 1913 г.

Приговором Тифлисской судебной палаты от 28 марта 1913 г. определено: все издания армянской брошюры «Лира Армении» уничтожить.

Об изложенном доношу главному управлению в дополнение к представлению от 30 марта сего года за № 668.

И. д. председателя комитета *В. Колобов*

ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 21, д. 292, 1912, л. 15.

III

ИЗ ЦЕНЗУРНОЙ ИСТОРИИ ЖУРНАЛОВ И ГАЗЕТ

№ 46

Выписка из журнала Кавказского комитета о дозволении священнику Патканову издавать в г. Тифлисе газету „Арарат"

20 сентября 1849 г.
Петербург

Слушаны отношения г. г. Наместника Кавказского от 14 июля № 118, и министра народного просвещения от 18 июля № 905, о дозволении священнику Патканову издавать в г. Тифлисе литературную газету на армянском языке, под названием «Арарат».

Комитет, усматривая из доставленных Наместником Кавказским сведений, что политические статьи в газете «Арарат» будут перепечатываемы из газет, издаваемых в России, и что прочие за тем статьи этой газеты будут состоять из местных сведений и известий о торговле, не встречает препятствия к изданию оной, а потому и полагает дозволить священнику армяно-григорианского исповедания Гавриилу Патканову издавать в Тифлисе газету на армянском языке, под названием «Арарат» с тем, чтобы газета эта была, на общем основании, рассматриваема и пропускаема к печатанию Кавказским цензурным комитетом, чтобы этот Комитет строго наблюдал, дабы политические статьи в этой газете помещались не иначе, как только те, кои были напечатаны в других газетах, издаваемых в России, и чтобы вообще в газете «Арарат» не печаталось ничего, противного правилам, установленным как в общем уставе цензуры, так и в частных распоряжениях, предписанных к руководству по цензуре периодических изданий в империи.

Его императорскому величеству в 28-й день сентября благоугодно было высочайше повелеть: исполнить таковое положение комитета.

Управляющий делами Комитета *В. Бутков*

ЦГИАЛ, ф. 772, оп. 4, д. 149483, 1849, л. 5 и об.

№ 47

Прошение адъюнкта армянского языка императорского Казанского университета С. Назаряна попечителю Казанского учебного округа, об основании гайканского журнала в России

2 ноября 1844 г.

Одна из важнейших целей возделывания в императорском Казанском университете языка армянского есть, неоспоримо, возле изучения памятников гайканской старины действовать на развитие современного поколения, в формах народных сообщая ему результаты европейской гражданственности и образования. Осуществление этой благодатной цели входит в состав всемирно-исторического назначения России, по которому она призвана мудрым промыслом быть духовной посредницею между двумя противоположными мирами: Западом и Востоком.

Семнадцатилетнее управление вашего превосходительства Казанским университетом ознаменовано между прочим и введением древнего языка сынов Гайка в семейство восточных, преподаваемых в этом высшем заведении.

Имея счастье, как наставник армянского языка и литературы при университете, служить орудием благих намерений мудрого правительства для полного достижения целей армянской кафедры, почитаю нужным основание гайканского журнала в России, который бы на чистом популярном языке распространял полезные сведения в армянском народе.

Зная вас как высокого покровителя арменизма и живое ваше участие к судьбе армян, осмеливаюсь покорнейше просить ваше превосходительство быть так милостивым ходатайствовать пред его высокопревосходительством господином ми-

нистром народного просвещения о дозволении издания предполагаемого мною журнала, конспект которого на армянском и русском языках представляю при сем на благоусмотрение вашего превосходительства. Подлинное подписал адъюнкт Назарианц.

С подлинным верно: правитель канцелярии
попечителя Казанского учебного округа
Иван Цепелев

ЦГИАЛ, ф. 772, оп. 4, д. 148947, 1845, лл. 2—3.

№ 48

Конспект Гайканского журнала, предполагаемого к изданию адъюнктом Казанского университета С. Назаряном

Необходимость журнала, имеющего целию в легких, общепонятных формах распространять полезные сведения между гайканским народом, кажется, без дальнейших объяснений очевидна каждому, кто только способен судить о потребностях армян в настоящем.

Жизнь и деятельность Европы на поприще наук и художеств заслонены от взоров армян по причинам географическим, или не существуют для них вовсе. Между тем, как эта человеколюбивая идея европейцев результаты столетних исследований в области природы и духа соделать достоянием народа поставила уже тысячу рук в движение; между тем, как в Европе каждый год, каждый месяц, даже каждый день торжествует возрождение нового или ученого или общеполезного журнала, мы встречаем у армян в России ужасное духовное оцепенение. Правда, почтенные патриотические армяне смирнские давно уже начали издавать два журнала под названием «Заря Араратская» и «Отечественник», однако эти журналы, к сожалению, издаваемые на турецко-армянском диалекте, полезны и понятны турецким армянам только. Кроме того, ученое общество мхитаристов в нынешние времена издает журнал под названием «Поли-истор», но и этот последний на древне-книжном языке, следовательно, недоступный армянскому народу, имеет только пользу весьма ограниченную. Основываясь на сих

фактах, можно сказать, что гайканский народ до сих пор еще лишен способного, общего органа для сообщения успехов гражданственности и образования; скажу более: он не имеет доныне повсеместно понятно говорящего посредника, который бы производя умственную мену между разбросанными по всем частям мира сынами Гайка, поощрял их к благородному соревнованию на поприще народного развития, и который бы мог слить их в единое нравственное тело, одушевленное общею волею, общими мыслями; вот причина совершенному невежеству армян девятнадцатого столетия в прошедших и настоящих судьбах мыслящего и действующего человека! Вот источник пагубного их равнодушия к народному языку, литературе, истории!

Чтобы поставить гайканский народ в духовное сношение с образованною Европою, чтобы ознакомить его с отечественною историею и литературою, признается в высшей степени важным основание журнала, который, по нашему мнению, должен поставить себе задачею, в облагороженно-популярных формах сообщать армянам:

1) Отрывки из отечественной истории, географии, литературы и успехи последней в новейшие времена.

2) Любопытные статьи из области всеобщей истории, землеописания, статистики, естествознания, сельского хозяйства и коммерческих наук.

3) Краткие известия политические на основании издаваемых в С. Петербурге. Предполагается этот журнал издавать в следующем порядке: каждый месяц будут выходить по два листа печатных, следовательно в продолжении года двадцать четыре. Цена за годовое издание полагается восемь рублей серебром с пересылкою по почте. Мы намерены приступить к изданию журнала, смотря по тому, как скоро найдется достаточное число подписчиков для покрытия нужных к тому издержек.

С подлинным верно: правитель канцелярии попечителя
Казанского учебного округа *И. Цепелев*

ЦГИАЛ, ф. 772, оп. 4, д. 148947, 1845, лл. 4—5 и об.

№ 49

Заключение Главного управления по делам печати об издании армянского журнала

9 марта 1845 г.

Статья «VII»: Выслушав представление попечителя Казанского учебного округа от 8 февраля за № 703 о предполагаемом адъюнктом армянского языка при Казанском университете Назарианцом издания армянского журнала, главное управление находит затруднение в цензировании сего издания, так как язык, на котором оно предполагается составляться, неизвестен никому из чиновников университета, кроме издателя,—признало нужным повременить с разрешением сего издания до других благоприятнейших обстоятельств.

За подписанием г. г. присутствовавших.
Верно: Стар. секр. (подпись)

ЦГИАЛ, ф. 772, оп. 4, д. 148947, 1845, л. 6.

№ 50

Отношение попечителя И. Лазарева директору Лазаревского института восточных языков о желании С. Назаряна издавать армянский журкал в Москве

17 июня 1854 г.
в С. Петербурге

Ваше высокородие в рапорте от 30 апреля за № 225 довели до моего сведения о желании профессора Лазаревского института восточных языков статского советника Назарьянца издавать в Москве журнал на современном гайканском языке.

Рассмотрев приложенную к этому рапорту программу журнала, я прежде всего остановился на цели издания оного. Цель сия так много говорит в пользу и к чести профессора Назарьянца, что я не могу не радоваться, видя в моем подчиненном такое прекрасное побуждение и благородное усилие осуществить оное, несмотря на предстоящий ему, как издателю и редактору, огромный и тяжелый труд, о котором он, по свойственной ему скромности, умалчивает, но который очевиден при поверхностном даже взгляде. Отдавая полную справедливость похвальному намерению г. Назарьянца, и убеждаясь в несомненной пользе от распространения между армянами посредством журнала на современном их языке тех разнообразных сведений, какие исчислены в программе, я должен однако же сказать, что к приведению предприятия г. Назарьянца в настоящее время в действие встречаются многие затруднения и главнейшее из них—цензура. Вам известно, что в Москве издается весьма мало книг на восточных языках, посему ходатайствовать о назначении особого цензора как бы для одного журнала на армянском языке, при всем моем желании, оказывается неудобным, не касаясь даже вознаграждения сему цензору, которое, по объяснению вашему, Лазаревский институт не имеет возможности принять на себя, и которое тем менее может быть отнесено на казну; приводимый же вами пример относительно цензора восточных языков в Казани не может служить параллельно для Москвы по многим причинам.

В таком положении настоящего дела мне остается сказать, к искреннему моему сожалению, что приведение предприятия профессора Назарьянца в действие необходимо отложить до более благоприятных обстоятельств.

Попечитель *Иван Лазарев*

МОГИА, оп. 1, арх. 177, св. 19, 1854, лл. 5—6.

№ 51

Отношение помощника попечителя Московского учебного округа А. Зиновьева министру просвещения о невозможности цензировать армянский журнал в Москве

26 апреля 1856 г.

При предложении от 29 минувшего марта за № 486 ваше превосходительство изволили препроводить на заключение Московского цензурного комитета прошение профессора Лазаревского института восточных языков, статского советника Назарьянца о дозволении ему издавать в Москве журнал на армянском языке под заглавием «Северное Сияние».

На сие имею честь донести вашему превосходительству, что комитет находит невозможным рассматривать в Москве предполагаемое г-ном Назарьянцем издание, так как при здешнем комитете не находится цензора для армянского языка.

Что же касается до предложения г-на Назарьянца о поручении рассматривать предполагаемое им издание губернскому секретарю Егору Суреньяну, то комитет находит сие вовсе неудобным потому, что в это периодическое издание могут входить статьи по всем отраслям литературы и, следовательно, цензурующему оное необходимо будет знать все те правила и постановления цензуры, которые могут быть сообщены только лицу, официально облеченному званием цензора. Лицо же постороннее, допущенное частным образом к отправлению цензорской должности, не может нести на себе ответственности, необходимо соединенной с обязанностями цензора.

Прошение г. Назарьянца и программа предполагаемого издания при сем возвращаются.

Помощник попечителя Московского учебного округа

Зиновьев

ЦГИАЛ, ф. 772, оп. 6, д. 151170, 1856, л. 6 и об.

№ 52

Отношение А. С. Норова исправляющему должность попечителя СПб учебного округа о поручении Н. Бероеву цензурования журнала „Северное Сияние"

5 апреля 1857 г.

Вследствие представления вашего сият. от 29 прошлого марта, я согласен, чтобы рассматривание выс. разрешенного профессору Лазаревского института восточных языков ст. сов. Назарьянцу к изданию в Москве журнала на армянском языке под заглавием «Северное Сияние» поручено было адъюнкту СПб унив. ст. сов. Бероеву на изложенном в предложении моем от 21-го марта за № 546 основании, о чем и прошу вас, м. г., предложить СПб-му ценз. комитету и объявить ст. сов. Бероеву к надлежащему исполнению. Программу сказанного журнала имею честь препроводить при сем в копии.

А. С. Норов

ЦГИАЛ, ф. 772, оп. 6, д. 151170, 1856, л. 29 и об.

№ 53

Отношение исправляющего должность наместника генерал-адъютанта князя Орбелиани члену Кавказского комитета управляющему делами оного В. Буткову об антирелигиозном направлении журнала „Юсисапайл"

10 августа 1861 г.

В Москве издается статским советником Степаном Назарянцом на армянском языке журнал под заглавием «Северное Сияние». В этом журнале за 1860 год были помещены статьи против армянской религии вообще и в особенности против семи св. таинств, как это выражено в X книжке, на стр. 312 и 313.

Верховный патриарх и католикос всех армян, обратив внимание на такое антирелигиозное направление этого журнала, кондаком 26 ноября 1860 года № 584 предупредил издателя, чтобы он не помещал в нем статей, противуречащих основным началам армянской апостольской церкви и могущих возбудить в простом народе полуверие в исповедуемой им религии.

Несмотря однакоже на такое предупреждение его святейшества, статский советник Назарьянц решился отозваться в письме на имя его святейшества от 21 декабря 1860 года, что он не перестанет издавать и на будущее время своего журнала с тем же духом и направлением. Подобный отзыв издателя и всю относящуюся к сему предмету переписку его святейшество передал на обсуждение Эчмиадзинского армяно-григорианского синода.

Синод, рассмотрев это дело и найдя, что не только журнал Назарьянца, но и изданная им в 1853 году книга под заглавием «Катехизис» («Вартапетаран крони», стр. 18, 40, 45, 48, 53, 55, 183 и 184) наполнены выражениями против учения армян-

ской церкви, ходатайствует о воспрещении издания журнала «Северное Сияние», противного догмам учения армянской церкви, и о недопущении к печати армянских церковных книг без предварительного рассмотрения верховного патриарха или синода.

О таком ходатайстве Эчмиадзинского синода сообщая вашему превосходительству для распоряжения на основании 3 статьи уст. о ценз. XIV т. с. зак., имею честь покорнейше просить о последующем уведомлении.

За отсутствием наместника генерал-адъютант

князь *Орбелианов*

ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 157, д. 111, 1856, лл. 11—12 и об.

№ 54

Письмо С. Назаряна В. Буткову в защиту „Юсисапайла"

15 сентября 1861 г.

Москва

Когда я имел честь представиться вам в Москве, ваше превосходительство объявили мне о недовольствии господина наместника Кавказского направлением периодического моего издания «Северное Сияние», которое будто противодействует видам его сиятельства; равно о жалобе на меня его свят-ва армянского патриарха, будто в моем журнале помещались статьи, противоречащие догматам армяно-григорианской церкви и что в «Северном Сиянии» допускались мною нападки на личности.

Позвольте мне представить вашему превосходительству следующее объяснение.

Особенные виды его сиятельства, князя Барятинского, неизвестны мне. Из уважения к личности, столь достопримечательной в новейшей истории России, я убежден, что виды его сиятельства всегда клонились и клонятся к существенной пользе вверенного его управлению края. И «Северное Сияние» со дня его появления служило одним умственно-нравственным целям: сближению армян с образованием и цивилизациею современной России, введению их в круг просвещенной русской

мысли и здравого воззрения на вопросы общественной жизни. «Северное Сияние» должно было само себе противоречить, допуская что-нибудь предосудительное для благих видов русского правительства касательно армян. Быть может неприязненные ко мне лица из Закавказских армян, злонамеренно искажая смысл моих слов в «Северном Сиянии»,— явление, чрезвычайно господствующее между армянами,— передали его сиятельству превратные понятия и толки о содержании той и другой статьи журнала, как видно, с той целью, чтобы воспрещением периодического моего издания удовлетворили собственное ко мне недоброжелательство. За это я не отвечаю.

Жалобы на меня патриарха и распоряжения Эчмиадзинского синода от 8 июля текущего года об отобрании у меня 10-го номера «Северного Сияния» за 1860 год вызваны интригами всяким позволенным и непозволенным оружием против меня ратующей партии Черкезьянца в Москве, равно как доносами и указаниями со стороны последнего. Это очевидно из предписания Эчмиадзинского синода к здешнему армянскому духовному правлению, где явно обозначается, что Эчмиадзинский синод по прошению, на высочайшее имя поданному г. Черкезьянцем от 26-го декабря минувшего года, и по указаниям его, «пересмотрев сочинения Назарьянца и различные статьи «Северного Сияния», сделал уже свои распоряжения» и просит дать о сем сведение последнего прошения Черкезьянцу. Кроме этого, тотчас бросающейся в глаза несамостоятельностью действий и суждений Эчмиадзинского синода; не видно, какие именно противоречащие догматам армянской церкви мысли найдены синодом в моих сочинениях или статьях «Северного Сияния». В моей «Школе Религии», изданной в 1853 г. с одобрения бывшего Нахичевано-Бессарабского, а ныне Астраханского армяно-григорианского архиепископа Матеоса, при патриархе Нерсесе, тот же Эчмиадзинский синод не находил ничего против семи таинств армянской церкви, а теперь, по прошествии осьми с лишним лет, по указанию г. Черкезьянца, открывает подобные погрешности и осуждает мою книгу как вредную в религиозно-нравственном смысле. И покойный патриарх Нерсес при своей зоркой бдительности над своею паствой позволил себе такую невнимательность к книге, распространявшей заблуждение в народе! Не говоря о том, что пат-

риарх Нерсес по недружественным отношениям с архиепископом Матеосом, цензурой упомянутой «Школы Религии», должен был за это неусмотрение и упущение взыскать с него строжайшим образом. В статье «Северное Сияние» за 1860 год, 2-ое полугодие, страницы 312—313 найдены синодом также противными догматам армяно-григорианской церкви, между тем как на означенных страницах нет ни одного слова о каких-либо догматах; речь идет там единственно о необходимости умственно-нравственной реформы в быту армян, образования и воспитания как духовенства, так и народа на прочных основаниях священного писания, божественного евангелия. Странно, что Эчмиадзинский синод, основываясь на указаниях Черкезьянца, произносит надо мной приговор. Авторитет Черкезьянца, как частного лица, не будь он даже моим личным врагом и органом против меня заговорившейся партии среди армян, лишен всякого нравственного весу. Черкезьянц исключительную злонамеренность свою и своей партии неоднократно доказал бессовестным искажением и перетолкованием каждого моего слова в «Северном Сиянии»; он в различные времена помещал самые ядовитые, всякое нравственное чувство, всякое общественное приличие оскорбляющие статьи против меня в «Армянском Сборнике», издаваемом в Москве двумя Мсерьянцами — отцом и сыном, в «Масисском Голубе», издаваемом в Феодосии архимандритом Айвазовским, не подвергаясь уставу о русской цензуре, по собственному усмотрению; наконец в «Пчеле Армении», издаваемой в Тифлисе священником Мандинъянцем. Черкезьянц на плечах невежества и безграмотности нашего народа исчерпал все средства своей злобной изобретательности, чтобы заподозрить меня в глазах моих соотечественников, чтобы подорвать всю мою репутацию среди армян; чего не удалось ему логическими аргументами, того старается он достигнуть безнравственным путем доноса и насилия: вызывают против меня фанатизм народа, провозглашают меня лютеранином, проповедывающим в народе лютеранизм, потерянным сыном армянской церкви. Какие тому доказательства? Вот какие, говорил Черкезьянц: «Назарьянц осмелился произнести среди армян слова: «священное писание, евангелие», осмелился, помимо церковных установлений армянских патриархов, указать на священное писание, как на источник всяко-

го истинно-христианского образования и воспитания для армян».

Ввиду интриг, происков и явной вражды ко мне и к моим сотрудникам со стороны Черкезьянца и его собрания, «Северное Сияние», понимая свою честь и долг, не всегда могло оставаться равнодушным. Много, много переносило оно от бессовестных своих врагов, но подчас должно было явиться на арене и, пользуясь своим добрым правом, употребить карательное оружие.

«Северное Сияние», понимая свое призвание, как органа, служащего святым интересам человечества, образованию и воспитанию публики статьями научно-нравственными, всячески старалось избегнуть столкновения с личностями, но, будучи вызванным, не могло оно, не роняя своей чести, соблюсти всегда равнодушное молчание. Всякий порядочный, беспристрастно судящий армянин, который сколько-нибудь знаком с тем, что происходит в литературном мире армян, прилагая руку к сердцу, подтвердит мои слова.

Вот вкратце основанное на фактах описание хода «Северного Сияния» со времени его появления по настоящую пору и вместе возражение на обвинения, взведенные на меня моими врагами. Издание «Северного Сияния» в продолжении этих четырех лет по малочисленности читающей публики, весьма естественной в народе, большей частью безграмотном, покупалось ценой тяжких жертв с моей стороны. Ни одной розы я не рвал на этом литературном поприще, но много перенес сердечного горя.

Передавая эти сведения на справедливый суд вашего превосходительства, не могу не предаться отрадной надежде, что посильные мои труды для истинного блага армян в России, как ни стараются противодействовать им люди неблагонамеренные, найдут великодушную защиту и просвещенное покровительство вашего превосходительства.

Вашего превосходительства имею честь быть
покорнейшим слугою *Степан Назарьянц*

ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 157, д. 111, лл. 14, 15 и об.

№ 55

Отношение В. Буткова министру просвещения о просьбе А. Энфиаджианца дозволить ему издавать в Тифлисе журнал „Крунк хаёц ашхари"

17 декабря 1859 г.

Г. Наместник Кавказский сообщает, что Тифлисский гражданин Амбарцум Энфиаджианц обратился к нему с просьбой о дозволении ему издавать в Тифлисе с будущего 1860 г. журнал на армянском языке под заглавием: «Крунк хаёц ашхари» («Журавль армянской страны»), причем представил программу этого издания и объяснил, что он имеет необходимые к выполнению настоящего предприятия материальные средства, состоящие в собственной типографии и капитале, ассигнованном им на содержание постоянного и способного редактора и на плату сотрудникам за статьи. Князь Александр Иванович по рассмотрении и одобрении программы нового журнала Кавказским цензурным комитетом разрешил, на основании ст. 16 и 138 уст. о ценз. т. XIV, св. зак., изд. 1857 г., издание в Тифлисе означенного армянского журнала по представленной Энфиаджанцем программе, но с тем, чтобы в журнале этом не было помещаемо решительно никаких политических статей, известий и рассуждений.

Сообщая об этом Вашему высокопревосходительству для сведения, я имею честь препроводить при сем к Вам, милостивый государь, копию с доставленной г. наместником Кавказским программы дозволенного им к изданию армянского журнала.

Член комитета, управляющий делами,
статс-секретарь *В. Бутков*

ЦГИАЛ, ф. 772, оп. 7, д. 152472, 1859, л. 1 и об.

№ 56

Программа предполагаемого Тифлисским гражданином Амбарцумом Энфиаджианцем к изданию в 1860 году в г. Тифлисе учено-литературного журнала на армянском языке под заглавием „Крунк хаёц ашхари"

Предполагаемый сей журнал под заглавием «Крунк хаёц ашхари», т. е. «Журавль армянской страны», издаваясь ежемесячно книжками из пяти комментарных листов, будет заключать два отдела: восточный и европейский.

1. В восточном отделе будут помещаться:

а) стихотворения и прозаические сочинения, преимущественно характеризующие жизнь армян и других племен восточных;

б) исторические, еще никем не изданные документы последних веков, относящиеся до тех же народов;

в) описания сельских, торговых и промышленных занятий армян и прочих соседних племен.

2. В европейском отделе будут помещаться:

а) статьи, касающиеся современной общественной жизни;

б) переводы и выписки из лучших произведений европейской литературы; в) ученые статьи и биографические очерки; г) статьи, относящиеся до политической экономии, статистики, сельского хозяйства, торговли и фабричной и заводской промышленности, могущие служить к усовершенствованию между армянами наук, искусств, торговли и промышленности.

Цена за годовую подписку определена для тифлисских подписчиков восемь руб., а для иногородцев восемь руб. шестьдесят коп. серебром.

Верно: помощник статс-секретаря управляющего делами
Кавказского комитета *Н. Гулькевич*

ЦГИАЛ, ф. 772, оп. 7, д. 152472, лл. 2–3.

№ 57

Прошение в С. Петербургский цензурный комитет действительного студента Рафаэла Патканяна о разрешении издания в Петербурге армянского журнала

3 июля 1861 г.
Петербург

Представляя при сем программу и одобрительный отзыв трех лиц, покорнейше прошу цензурный комитет исходатайствовать у господина министра народного просвещения дозволения мне приступить к изданию армянского журнала по вышеупомянутой программе, с тем вместе доведя до него цель мою и побудительные к тому причины.

Главная цель этого журнала — познакомить армян как живущих в России, так и вне ее пределов с теми благодеяниями, которыми армяне пользовались и пользуются под кротким правлением мудрых ее царей; показать им преимущественно, что армяне, ныне живущие в России, ни при каких своих предках не находились в том благоденствии, в каком находятся в настоящее время. Одним словом, наше периодическое издание должно быть непрерывною похвалою второго моего отечества — России, ибо таким только образом могу воздать свою благодарность великой России, благотворными плодами которой пользовался и пользуюсь. Не могу сказать, что при сем я не имею в виду и средств к своему существованию, но самою главною задачею в этом случае есть и будет — доказать моим соотечественникам — армянам и это особенно тем, которые живут не в России, что если когда-нибудь они хотят наслаждаться всем спокойствием, которое доставляется миром, и тем счастьем, которое заключается в свободном пользовании своим достоянием, в религиозной свободе, в равноправности с господствующим народом, в доступе ко всем родам службы, не исключая и высших санов в империи, в законах, продиктованных чувством и в духе христианства, в отеческом попечении высших властей над низшими, в средствах к возвышению, к обогащению, к образованию ума,— все эти блага человеческой жизни доставляются им только Россиею.

Быв проникнут этим убеждением я сам, из любви к своим собратам, то же самое буду внушать и им. И посему вторично покорнейше прошу цензурный комитет, излагая сущность моих идей господину министру народного просвещения, исходатайствовать мне дозволение издать в С. Петербурге армянский журнал, программу которого прилагаю при сем.

Рафаэль Патканьян

Жительство имею: в 3-й части 6 квартала, № д. 65.

ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 2, д. 90, 1861, л. 1 и об.

№ 58

Программа газеты „Хюсис" („Север")

1) Газета, имеющая быть издаваемой, будет называться «Хюсис», т. е. «Север».

2) Язык будет гражданский армянский. Не ограничиваясь этим, будут находиться неизредка статьи, писанные на древнем языке, а подчас и на русском, и это особенно в том случае, когда для точности будут приведены из русских газет разные необходимые сведения, касающиеся собственно до армян, выписки из свода законов и разных государственных учреждений.

3) Газета будет издаваться еженедельно от одного до полутора листа средней величины.

4) Газета будет состоять из следующих отделов:

В первый отдел войдут все высочайшие манифесты, указы и разные учреждения по всем частям государственного управления. Все это будет переводимо с русских газет. Вести из России.

Второй отдел заключать в себе преимущественно историю России, разные путешествия, совершаемые в ней русскими и иностранными путешественниками. Разные геологические, топографические, статистические, географические и экономические сведения как о России, так и о других странах Европы. Кроме переводов, будут помещаемы также и сочинения армян на армянском языке. Письма, критические статьи и полемические, особенно касающиеся до России...

В фельетонном отделе будут находиться описания семейного быта как русских, так и армян в виде театральных пьес. Сведения коммерческие и объявления по этой части (но только на армянском языке). Стихотворения, басни и анекдоты. Неизредка политипажи, соответственные тексту, а иногда и без оного.

5) За неимением в С. Петербурге типографического заведения и за дороговизною иметь оное, до известного времени, пока издатель будет в состоянии обзавестись типографическими снарядами, газета будет издаваема путем литографическим.

Верно: Секретарь канцелярии главного управления цензуры (подпись)

ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 2, д. 90, 1861, л. 6 и об.

№ 59

Прошение редактора и издателя армянской газеты „Вестник России" Зармайра Мсрианца А. В. Головину о назначении в Москве особого цензора для армянских изданий

24 апреля 1862 г.

Издавая в Москве армянскую газету «Вестник России», я по распоряжению главного управления цензуры, сделанному несколько лет тому назад, обязан все статьи, помещаемые мною в означенную газету, доставлять в С. Петербург для просмотра их в цензуре, которая поручала это дело бывшему адъюнкт-профессору университета статскому советнику Бероеву и по его отзыву разрешала мне к напечатанию.

При таком порядке цензурования всех статей, помещаемых в моей газете, пропадало слишком много времени напрасно и чрез то газета моя от запоздалых известий теряла всякий интерес в глазах моих подписчиков, находящихся большей частию на Кавказе, куда и самая пересылка газет вообще производится через легкую и тяжелую почту, так что передаваемые

моей газетою известия доходят к подписчикам не ранее $2^1/_2$, а зимою 3 месяцев.

Во избежание вышеизложенных затруднений, равно неприятных для меня, как и для подписчиков, я считаю с своей стороны необходимым почтительнейше ходатайствовать перед Вашим превосходительством о назначении особого для армянских изданий цензора в Москве, обязанности которого, в отношении моей газеты, изъявил согласие принять на себя безвозмездно профессор Лазаревского института восточных языков статский советник Эмин, лично известный председателю тамошнего цензурного комитета г. Щербинину; или же, если такое ходатайство мое не может быть почему-либо уважено, в таком случае не признается ли возможным, не пересылая в С. Петербург для просмотра в цензуре переводных из русских и заимствованных из армянских журналов и газет статей, помещаемых мною в газету «Вестник России», обязать меня подпиской, что с моей стороны не будет допускаемо в них каких-либо изменений, а также ничего противного правилам устава о цензуре. Все же прочие оригинальные статьи как мои собственные, так и доставляемые моими корреспондентами, будут по прежнему доставляться на рассмотрение С. Петербургского цензурного комитета.

Редактор и издатель «Вестника России»
коллежский секретарь *Зармайр Мсрианц*

Жительство имею в Москве, в Армянском переулке, в доме армянской церкви.

ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 1, д. 81, 1862, лл. 1—2.

№ 60

Программа еженедельной иллюстрированной газеты „Вестник России" на армянском языке

Отдел известий.

1. Придворные известия.
2. Указы и распоряжения правительства, касающиеся армян или местностей, в которых они обитают.
3. Внутренние известия.

4. Отечественные известия и выписки из армянских журналов и газет.

5. Иностранные известия, неполитические.

6. Известия об изобретениях.

7. Библиографические известия.

8. Денежный и вексельный курс.

Отдел литературный.

1. Путешествия, повести, рассказы, анекдоты.

2. Стихотворения.

3. Критические статьи, ученые исследования и рассуждения.

4. Изложения особенно замечательных событий из гражданской истории всех народов.

5. Описание городов, местностей, общественных заведений, памятников, рек, животных, растений, плодов и проч.

6. Биографические известия.

Редактор и издатель

коллежский секретарь *Зармайр Мсериянц*

ЦГИАЛ, ф. 773, оп. 1, д. 83, 1862, л. 2.

№ 61

Отношение М. Щербинина управляющему министерством просвещения о поручении Эмину цензурования газеты „Вестник России"

10 мая 1862 г.

На почтеннейшее отношение вашего высокопревосходительства от 28 апреля за № 726 честь имею ответствовать, что с моей стороны я не встречаю препятствия к удовлетворению желания издателя армянской газеты «Вестник России» Мсерианца о поручении цензирования этой газеты профессору Лазаревского института восточных языков статскому советнику Эмину; но как г. Эмин не состоит в ведении Московского цензурного комитета, то и ответственность за его действия комитет на себя принять не может. Ответственность эту я тем более считаю долгом отклонить от себя, что газета г. Мсерианца, как

сообщал мне г. государственный секретарь Бутков, подавала повод к протестам со стороны патриарха всех армян. Впрочем по всему, что мне лично известно о г. Эмине и по общему о нем мнению, на него положиться можно: он человек умный, весьма сведущий, добросовестный и осторожный. Лучшим же ручательством в благонадежности г. Эмина служат отличнейшие о нем отзывы г. попечителя С. Петербургского учебного округа тайного советника Делянова, который неоднократно предлагал мне поместить его на первую могущую открыться вакансию цензора.

Председатель комитета

Сенатор тайный советник *М. Щербинин*

ЦГИАЛ, ф. 773, оп. 1, д. 81, 1862, л. 8 и об.

№ 62

Справка Главного управления цензуры, выданная в том, что жалобам со стороны Эчмиадзинского синода подвергались не издания Мсерянов, а журнал „Юсисапайл"

Из дел бывшего Главного управления цензуры не видно, чтобы издаваемый гг. Мсером Мсерьянцем и Зармайром Мсерьянцем в Москве «Литературный Сборник» на армянском языке с прибавлением к оному под заглавием «Вестник России» подавали повод к протесту со стороны патриарха всех армян. В 1858 и 1861 гг. по изданию сего сборника возник вопрос касательно предварительного рассмотрения статей духовного содержания на армянском языке управляющим Нахичевано-Бессарабскою армяно-григорианскою епархиею и Эчмиадзинским синодом и по сему предмету главным управлением цензуры сделано было надлежащее распоряжение.

Жалобам со стороны Эчмиадзинского синода и управляющего Нахичевано-Бессарабскою епархиею подвергался в 1859 и 1861 гг. другой, издаваемый в Москве г. Назарянцем журнал на армянском языке под названием «Северное Сияние».

Секретарь *Пемеллер*

ЦГИАЛ, ф. 773, оп. 1, д. 81, 1862, л. 9.

№ 63

Памятная записка цензора Кишмишева о направлении армянской газеты „Мшак"

С 1872 года стала издаваться в Тифлисе армянская газета «Мшак» под редакциею Григория Арцруни. С первых же дней издания газета эта проявила резкую противоположность с существовавшими до нее другими армянскими газетами, имевшими по форме и содержанию лишь интерес для весьма ограниченного круга читателей. Газета «Мшак» под руководством Григория Арцруни, получившего европейское образование, редактировалась с несомненным талантом, заключая в себе не только сведения из местной, но и из русской и европейской жизни, чего почти не бывало в газетах, выходивших до появления «Мшака».

Рядом передовых статей в первых же нумерах газеты «Мшак» Григорий Арцруни показал, что он стремится ввести в жизнь армян начала, выработанные культурными народами, и способствовать единению армян с русскими, от которых зависит их умственное, моральное и экономическое благосостояние. Не довольствуясь хроникой одних обыденных явлений, он предложил своим корреспондентам сообщать ему сведения об экономическом положении и бытовых особенностях Кавказских армян.

Признавая в армянах культурную силу, способную ввести русскую гражданственность в крае, он систематически преследовал тех патриотов, которые проводили в жизнь лишь одни узконациональные тенденции. С этой целью он сообщал сведения из жизни прочих народностей, населяющих Кавказский край, и предлагал армянам жить с ними в дружбе и согласии. В то же время он широко раскрыл всякому армянину, без различия вероисповедания, страницы своего органа, доказывая, что происхождение армянина не должно быть ограничено исповедываемою им религиею. На этот призыв устремились армяно-католики и армяно-протестанты края и стали помещать в газете «Мшак» сведения о миссионерской деятельности своих общин. С особенною энергией выступил он против армянского духовенства, как главного, по его убеждению, виновника розни среди армян разных вероисповеданий. Желая поднять умственный и нравственный уровень его, Арцруни предлагал произвести реформы в церковном управлении в духе современной жизни. Увлекшись этою идеею, он даже стал проповедывать введение гражданского брака, реформу бракоразводных законов по армяно-григорианскому учению, сожжение трупов и тому подобные новшества, которыми в то время занималась европейская печать.

После восточной войны и Берлинского конгресса, обещавшего реформы в турецких провинциях, населенных армянами, все местные газеты, в том числе «Мшак», стали особенно деятельно заниматься судьбою турецких армян и помещали на своих страницах не только перепечатки из Константинопольских газет, но и обширные корреспонденции из Турецкой Армении.

В то время, когда местные газеты с узконациональными тенденциями приходили в восторг от всего того, что происходило в Турецкой Армении, «Мшак», относясь скептически ко всем тамошним явлениям, систематически нападал на константинопольских армянских деятелей, сколько-нибудь не соответствовавших его идеям. Если на многих из соотечественников Арцруни направление это произвело удручающее впечатление и поставило их к нему во враждебное отношение, зато он имел и таких поклонников, которые явно ободряли его на этом пути. Проповедывая общечеловеческие идеи, Арцруни простирал свои симпатии к турецким армянам только настолько, насколько это входило в легальные формы его направления. В это время вокруг газеты «Мшак» образовался кружок молодежи, которая стремилась вывести Арцруни в отношении турецких армян из узких, по их мнению, рамок его программы. Но природный ум и публицистический такт Григория Арцруни сдерживали порывы этой молодежи и не давали ей простора, по крайней мере в той резкой форме, в которой она стремилась высказаться. Григорий Арцруни проявлял свои симпатии к турецким армянам исключительно в форме облегчения экономических условий жизни христианского населения Турции. С этой целью газета «Мшак» открывала подписки и отправляла весьма крупные суммы в Турцию всякий раз, когда обнаруживались в той или другой местности какие-нибудь

народные бедствия. Так называемая партия «Молодой Армении» не могла вполне сочувствовать такому направлению «Мшак»а, она всячески старалась обратить «Мшак» в орган своих целей и стремлений, что ей отчасти и удалось после юбилея 25-летней публицистической деятельности Арцруни в 1890 г.

Увлекшись небывалыми овациями этого торжества, Григорий Арцруни невольно поддался влиянию радикальной молодежи, и с того времени космополитическая газета «Мшак» преобразовалась в орган национальных тенденций. С неутомимой энергиею Григорий Арцруни стал вмешиваться в дела армянской церкви, возбуждая принципиальные вопросы о правах заместителя католикоса, о присяге на армянском языке в судах и тому подобных предметах, не входивших в прежнюю программу «Мшака». Идя дальше по этому пути, Григорий Арцруни выставил свою кандидатуру при выборах в прошлом году в делегаты для избрания католикоса и был назначен светским делегатом от Тифлисской епархии, благодаря поддержке своей новой партии.

Выставляя в своей газете первым кандидатом на патриарший престол архиепископа Микиртича Хримяна, Арцруни желал угодить все той же «Молодой Армении», считавшей этого иерарха способным осуществить ее стремления, хотя личные симпатии Арцруни были на стороне епископа Седракяна, как русско-подданного, знающего русские законы и порядки, что, по убеждению Арцруни, безусловно необходимо для главы армянской церкви, пребывающего и действующего в пределах России.

Таким образом, Григорий Арцруни, выступая в начале своей публицистической деятельности поборником идей, согласных с видами правительства, стал под давлением молодых сил исподволь проникаться тенденциями радикальной молодежи, хотя слишком явно еще не выражал свою солидарность с нею.

Со смертью Арцруни прекратилась легальная дисциплина, сдерживавшая радикальные порывы так называемой «Молодой Армении».

Старший цензор Кавказского цензурного комитета

статский советник *А. Кишмишев*

ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 12, д. 71, лл. 71—74 и об.

№ 64

Отношение председателя Кавказского цензурного комитета начальнику Главного управления по делам печати о событиях в редакции газеты „Ардзаганк"

6 ноября 1884 г.

В воскресенье 4-го сего ноября цензор Монастырцев, цензирующий издающийся в Тифлисе армянский еженедельный журнал «Ардзаганк», заявил мне, что утром того дня ему был прислан из типографии Мартиросянца, где печатается этот журнал, воскресный нумер для получения билета на выпуск его в свет. Усмотрев, что первая страница журнала окаймлена траурною рамкою, которой на корректурных листах, бывших в просмотре, не было, Монастырцев объявил рассыльному, что билет выдан быть не может и что траурная рамка должна быть снята, как неразрешенная цензурою. Спустя некоторое время после ухода рассыльного к Монастырцеву явились двое работников типографии Мартиросянца и заявили, что издатель-редактор «Ардзаганка» Иоаннисиан, придя в типографию, потребовал выпуска воскресного нумера и, получив в том отказ, силою взял нумера и унес их.

Ввиду этого сообщения, я тотчас же поручил инспектору типографии отправиться в типографию Мартиросянца и составить о происшедшем протокол, что и было им тотчас же выполнено. Из представленного мне протокола видно, что в субботу 3 ноября вечером явился в типографию Мартиросянца г. Иоаннисиан и приказал метрашажу наложить на воскресный нумер «Ардзаганка» траурную рамку по случаю кончины Константинопольского патриарха Нерсеса. Содержатель типографии, узнав об этом приказании Иоаннисиана, явился в типографию и приостановил печатание «Ардзаганка», но 200 нумеров уже было оттиснуто («Ардзаганк» печатается в количестве 700 экз.). В воскресенье утром Иоаннисиан, приехав в типографию, потребовал воскресный нумер, но когда Мартиросянц отказал ему в выдаче по неполучению дозволительного билета на выпуск, то Иоаннисиан, при содействии кучера своего, взял силою отпечатанные двести экземпляров и увез.

В понедельник 5 числа я созвал экстренное заседание коми-

тета и пригласил прибыть г. Иоаннисиана. Сообщив в присутствии сего последнего комитету содержание протокола, я спросил г. Иоаннисиана, подтверждает ли он справедливость изложенного в оном. Г. Иоаннисиан заявил, что все изложенное в протоколе справедливо, что ввиду имевшей происходить в воскресенье 4-го ноября торжественной панихиды в Ванкском Тифлисском соборе по умершем патриархе Нерсесе, «избранном всенародно на пост верховного патриарха католикоса», он, Иоаннисиан, считал необходимым выпустить в этот день свой журнал в траурной рамке; что при нежелании Мартиросянца выдать добровольно нумер, он отнял его силою при помощи фаэтонщика, «оказавшегося, к счастью, весьма сильным человеком»; что он, Иоаннисиан, вполне сознает, что самоуправство его не останется без взыскания как для него, так и для типографщика, и что он считает долгом совести возможно оградить Мартиросянца наймом лучшего адвоката для защиты его и вполне уверен, что как он, так и типографщик будут оправданы.

Засим на предложенный мною г. Иоаннисиану вопрос: почему он, имея в виду выпустить нумер журнала с траурной рамкой, не довел об этом заблаговременно до сведения цензурного комитета, г. Иоаннисиан ответил, что он собственно не видит в законе запрещения налагать на газеты траур, и по здравому смыслу не усматривает тут ничего незаконного, вообще же считает нужным предупредить, что в случаях, подобных настоящему, «он и впредь не затруднится прибегнуть к насилию и самоуправству, если это по обстоятельствам и по соображениям его будет нужно».

По обсуждении вышеизложенного, цензурный комитет пришел к заключению о необходимости привлечь к законной ответственности типографщика и рабочих его, как непосредственно виновных в отпечатании нумера «Ардзаганка» несогласно с пропущенными цензором листами. Что же касается г. Иоаннисиана, то привлечение его к суду представляется нецелесообразным и может привести к результатам, отнюдь не желательным. Нет сомнения, что Иоаннисиан прежде всего озаботится, чтобы процессу этому была дана возможная популярность, а на судоговорении будет стараться выставить себя и свой журнал жертвой административных и цензурных притеснений и быть может вызовет к себе симпатию в публике; затем, разбирательство этого дела будет происходить при открытых дверях и даст обильный материал для газет в виде отчета о судебном заседании, которому, конечно, охотно откроют свои страницы весьма многие из здешних периодических изданий; ответственность же, угрожающая по закону Иоаннисиану, сводится к весьма незначительному денежному взысканию, совершенно для него ничтожному, так как он материально вполне обеспечен; наконец, легко быть может, что дело окончится и оправданием Иоаннисиана, ибо суд может и не признать наложения на газету траурной рамки «напечатанием места, недозволенного цензурою», что возбраняет и карает закон; входить же в тот особый политический и преступный смысл, который имеет рамка в настоящем случае, суд, конечно, не будет.

Ввиду этих соображений, комитет нашел необходимым об обстоятельствах настоящего дела немедленно представить на благоусмотрение г. главноначальствующего гражданскою частию на Кавказе на тот конец, что быть может его сиятельство изволит признать нужным войти в сношение с г. министром внутренних дел о направлении настоящего дела в порядке административном.

О вышеизложенном имею честь донести вашему превосходительству.

С отличным уважением и совершенною преданностию имею честь быть вашего превосходительства

покорнейшим слугою (подпись)

Для видимости имею честь представить только что доставленный мне нумер «Ардзаганка».

ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 11, д. 75, 1884, лл. 7—11.

№ 65

Распоряжение министра внутренних дел о приостановлении на 8 месяцев газеты „Ардзаганк“

8 ноября 1884 г.

На основании ст. 49 прилож. к ст. 4 (примеч.) устава ценз. св. зак. т. XIV, по продолж. 1876 года, министр внутренних дел

определяет: приостановить издание газеты на армянском языке «Ардзаганк» на восемь месяцев.

Министр внутренних дел граф (подпись)

ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 11, д. 75, 1884, л. 4.

№ 66

Всеподданнейший доклад министра внутренних дел о прекращении газеты „Ардзаганк" с воспрещением ее редактору и издателю А. Иоаннисиану быть впоследствии редактором или издателем какого-либо периодического органа

Министры внутренних дел, юстиции, управляющий министерством народного просвещения и обер-прокурор святейшего синода, обсудив в совещании 25 сего апреля вопрос о вредной деятельности издающейся в г. Тифлисе газеты на армянском языке «Ардзаганк», на основании примечания к статье 148 устава о цензуре и печати св. зак. т. XIV, изд. 1890 г., постановили: согласно сообщенному главноначальствующим гражданскою частью на Кавказе представлению, прекратить вовсе издание газеты «Ардзаганк», с воспрещением редактору и издателю ее дворянину Абгару Иоаннисиану быть впоследствии редактором или издателем какого-либо периодического издания.

Долгом поставляю довести о сем до высочайшего вашего императорского величества сведения и всеподданнейше представить журнал совещания 25 сего апреля.

Подписал: министр внутренних дел Горемыкин.

На подлинном написано: «Доложено его императорскому величеству в Царском Селе 21 мая с. г. Подписал: министр внутренних дел *Горемыкин*

ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 11, д. 75, 1883, л. 95.

———

№ 67

Докладная записка С. С. Гуламирянца в Главное управление по делам печати

1890 г.

Петербург

Среди армян, живущих в России, в последнее время замечается сильное распространение грамотности и большая наклонность к чтению. Между тем наличные литературные средства совершенно недостаточны для удовлетворения этой духовной потребности; богатая же русская литература недоступна большинству армян по недостаточному знанию их русского языка. При таких обстоятельствах неудивительно, что русские армяне между прочим обращаются для удовлетворения своей потребности к книгам и журналам, выходящим заграницей, по преимуществу в Константинополе.

Для удовлетворения этой существенной духовной потребности армян я предпринял с конца 1877 г. издание иллюстрированного сборника на армянском языке под заглавием «Аракс» в двух книгах в год по 15 листов в каждой in quarto. До настоящего времени мною выпущено четыре книги, теперь готова к печати пятая. В этих четырех книгах первое место уделено этнографии, лингвистике Киликии, населения Таврских гор, Токата с ее богатою горною производительностью и Харберта, затем биографии известных духовных и светских деятелей, писателей, благотворителей; беллетристике, критике, воспоминаниям, историческим статьям, общественным вопросам и т. д.

В отделе беллетристики помещены одни лишь переводные произведения: Шекспира («Король Лир»), Тургенева («Ася»), Лермонтова («Бэла» из «Героя нашего времени»), Толстого, один из его рассказов, Гаршина («Сигнал») и несколько стихотворений Лермонтова, Плещеева и Водовозова. В «Воспоминаниях» помещены: театральные воспоминания из прошлого армянского театра, воспоминания о генералах: Моисее Аргутинском-Долгоруком и Лазареве—герое Карса, и о последней русско-турецкой кампании; в историческом отделе помещена статья о переселении армян в XII столетии в Польшу и их судь-

ба. В отделе «Критика» помещены критические статьи по следующим книгам: О программах для этнографических изысканий Халатова, о русско-армянском словаре, о Хоренском, о Фаусте Византийском, о Сирийских летописях, о книге «На Араратских горах», о «Mal d'Orient», о «L'Arménie chrétienne et sa litterature». В отделе, названном «Общественные вопросы», помещены статьи: О зловредной деятельности английских миссионеров и иезуитов среди армянского населения Малой Азии, о немецкой колонизации в Малой Азии, об изучении и народном образовании Киликии, о судьбе армян в Индии и Бирме, об экономических вопросах Кавказа и о Кавказской выставке.

Из рисунков помещены: портреты высших армянских духовных лиц, благотворителей, умерших недавно писателей, художника Айвазовского, генерала Аргутинского-Долгорукова, типы малоазиатских крестьянских детей, виды разных городов, гравюры с картин Айвазовского, Лагорио, Сергеева, Стаховского.

Сборник мой, благодаря изяществу издания и подбору статей, получил распространение не только в России, но и в Турции, в Персии и Балканском полуострове, среди армян, впервые ознакомившихся с русской литературой через «Аракс».

Желая сделать сборник мой более доступным для читателей и возбудить в них большой интерес к чтению, я признаю необходимым обратить его в ежемесячное издание по предлагаемой программе и формату.

Среди отделов моего журнала важнейшее место должен занять **отдел изящной словесности.** Содержание этого отдела будут составлять **преимущественно** переводы образцовых произведений русской литературы. В настоящее время, когда русские писатели переводятся на европейские языки, русские армяне, оставаясь при всей их грамотности чужды им до сих пор, лишены их высокого воспитательного влияния. Поэтому-то одно из главнейших стремлений основываемого мною журнала должно быть ознакомление русских армян с русскими классиками, как-то с Пушкиным, Лермонтовым, Тургеневым, Гоголем и т. д.

Следующий отдел, имеющий занять видное место в журнале, «Научный». Здесь будут помещаемы, наряду с этнографическими, историческими, лингвистическими и пр. статьями,

и статьи научно-популярного характера из области прикладного естествознания, имеющие отношение к практической жизни армян, как-то статьи из области земледелия, виноделия, шелководства и пр. Преимущество же моего будущего журнала над другими провинциальными армянскими повременными изданиями в отношении серьезности статей научного характера будут заключаться в том, что издаваясь в центре умственной жизни России, мой журнал относительно легче, чем другие органы, может заручиться сотрудничеством лиц наиболее компетентных.

В отделе, поименованном в программе «Общественною Летописью», будут помещены статьи, касающиеся общественных вопросов главным образом из жизни армян; кроме того я желал бы уделить в этом же отделе место разъяснению правительственной деятельности, направленной к безопасности и благосостоянию местностей, населенных армянами и другими кавказскими национальностями.

Симеон Гуламирянц

ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 8, д. 4, 1890, лл. 2 и 3.

№ 68

Объяснительная записка проф. Г. Халатянца и К. Кусикяна к программе журнала „Жаманак"

23 апреля 1895 г.
Москва

Просвещение, интерес к науке, литературе и вообще к умственной жизни в последнюю четверть века сделали значительный успех среди армян, как русско-подданных, так и входящих в состав населения разных государств Азии, Западной Европы и Америки. Это повсеместное явление вызвало в свою очередь среди них оживленную литературную деятельность, которая выразилась, между прочим, в том, что армянская читающая публика заграницею обладает выдающимися периодическими изданиями строго литературного характера. Не только среди ученых братств Мхитаристов в Венеции и в Вене, но даже в

Константинополе, Калькутте, Тегеране и Нью-Йорке издаются ежемесячники, имеющие в виду литературно-научные цели и дающие своим читателям богатые сведения по археологии, истории, литературе, педагогике и обществоведению.

Такого строго литературно-научного периодического издания на армянском языке у нас в России не имеется. Притом все вышеуказанные заграничные издания, хотя и проникают в небольшом числе в Россию, представляют однако тот существенно важный пробел, что великие творения русских художников слова, богатая русская историческая и беллетристическая литература, русская наука, нравы русского народа, его национальные особенности и поучительные стороны русской общественной жизни,—близкое и сочувственное знакомство с которыми, по нашему убеждению, необходимо для армян,—остаются в них незатронутыми, как по недостатку знания предмета у руководителей заграничных органов печати, так и по отсутствию у них живого интереса к явлениям русской духовной жизни и гражданственности.

Восполнить этот чувствительный пробел, а, с другой стороны, дать постоянно увеличивающейся армянской читающей публике, как в России, так и вне ее пределов, ежемесячник серьезного направления с литературно-научным характером—представляется особенно удобным именно в Москве, средоточии русской образованности и общественной жизни. Такое периодическое издание будет несомненно содействовать распространению здравых и верных понятий о России и близкому знакомству с лучшими образцами русской словесности и в то же время доставит обильный материал для изучения истории Востока, азиатских стран и народов. С такою целью предпринимается нами издание на армянском языке с дозволения предварительной цензуры ежемесячного журнала в размере 10—15 печатных листов, под названием «Жаманак» («Время»), который будет состоять из следующих отделов:

I. Отдел литературный

а) Русская изящная литература,—переводы лучших творений и обзор вновь появляющихся произведений.
б) Иностранная литература.

в) Оригинальные романы, повести, стихотворения, драмы и пр.
г) Критика и библиография.

II. Отдел научный

а) Археология, история и этнография Востока и России.
б) Специальные исследования и популярные статьи по всем отраслям знания.
в) Научная хроника.

III. Отдел общественный

а) Внутреннее обозрение.
б) Текущие явления русской и заграничной жизни.
в) Педагогия и гигиена.

IV. Корреспонденции.

V. Смесь.

Фельетоны, обзор печати, разные известия, ответы редакции, объявления.

ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 8, д. 17, л. 4 и об.

IV

НЕКОТОРЫЕ МАТЕРИАЛЫ ОБ УЧАСТИИ АРМЯН В ДВИЖЕНИЯХ ШЕСТИДЕСЯТЫХ ГОДОВ

№ 69

Секретно

Докладная записка
начальнику жандармской ростовской команды
капитану И. Е. Белоцерковскому Нахичеванского
армянского соборного протоиерея
Ильи Шапошникова

25 января 1867 г.
Нахичевань н/Дону

Когда по воле высшего начальства поручено было учинить дознание о торжественном погребении Михаила Налбандова в сентябре месяце прошлого 1866 года, г.г. Ростовский полицеймейстер полковник Камер-Гацкий и жандармский подполковник Янов допросили меня о происшедшем событии, я по долгу присяги и службы объяснил им справедливо сколько мне было известно, первоначально словесно, потом и на секретный запрос от 17 сентября 1866 года № 10. Как о поступлении в Духовное правление формального отношения бывшего градским главой Гайрабетова, так на сделанном мной возражении против действия члена Балабанова, равным образом и на повестку учрежденной в Нахичеване комиссии по сему делу от 16 декабря 1866 года № 69, также по чистой совести объяснил всю истину.

Между тем Карп Гайрабетов со дня начатия по делу Налбандова исследования начал наносить мне разные чувствительные оскорбления, и действовать как сам лично, равно и через своих приверженцев, именно бывшего члена Духовного правления протоиерея Балабанова и Астраханского протоиерея Сукиасова, и через этих лиц старается затмить всю сущность дела с внушением духовенству не показать истину на допрос комиссии, исказить в пользу Гайрабетова, и всеми мерами старается поставить меня за мою правду в неприятном отношении перед моим духовным начальством, как очевидно из следующих статей:

1) После прибытия г. г. полковника Камер-Гацкого и подполковника Янова в Духовное правление в 23 число сентября месяца прошлого 1866 года в пятницу после обеда в $2^1/_2$ часа. Карп Гайрабетов через послуга своего призвал меня в дом свой и тут в присутствии медика Берберова затеял разговор о Налбандове и начал разными неприличными словами с азартностью, шумом и криком наносить мне обиду личности моей и сану моему. Наконец кричал так: «Как смели Ростовский полицеймейстер и жандармский подполковник Янов входить в духовные дела с запросами в Духовное правление и вместе с тем спросить без ведома епархиального начальства», и тому подобное выражение против правительства, притом обещал первым долгом своим поставить себе при приезде епархиального владыки удалить меня от должности члена правления и нанести прочие обиды, чему и сильно домогает и в настоящее время.

2) Гайрабетов, питая ко мне вражду, из зависти передал в недавнем времени Астраханскому протоиерею Сукиасову одного письма моего, которое писал ко мне Артем Халибов еще в 1863 году в бытности моей с архимандритом Айвазовским в Эчмиадзине, каковое письмо при ревизоре епископе Андриасе взял Гайрабетов прочесть, обещаясь возвратить мне, между тем за неоднократными требованиями не возвратил, отзываясь потерей. Но как вышесказанное письмо ныне находится у Сукиасова с тем, чтобы возбудить этим против меня епархиального, то я вынужденно жаловался формально г. Ростовскому полицеймейстеру от 28 декабря прошлого 1866 года об истребовании от Гайрабетова сего письма по полицейской мере. Но удовлетворение на мое прошение не получил, а получил отказ.

3) Вышеупомянутые приверженцы Гайрабетова, Сукиасов и Балабанов, склонили также на сторону гайрабетовскую занимавшегося в Духовном правлении письмоводителем дьячка Николая Саркисова, который находился при поступлении формального отношения Гайрабетова на погребении Налбандова от 13 апреля 1866 г. Он же, Саркисов, кроме передачи моего доброго наставления и тайного ему внушения для объяснения истины, напротив представил меня врагом и возбудил против меня сильные партии гайрабетовские. От сего дьячка Саркисова много и зависит открыть истину, он, как я полагаю, скрыл самое отношение и переменял листы шнуровой книги входящей, и с ним вместе участвовал Яковлев, который ныне секретарем консистории, потому что при спросе моем Саркисов ответил, что Яковлев отнес Гайрабетову.

4) Не излишним считаю довести до сведения вашего благородия вкратце о поведениях Сукиасова и Балабанова. Сукиасов, будучи родом астраханским по склонности своей к возмущению тамошнего общества против правительства, по жалобам общества, епархиального архиепископа Матеоса покойного и Астраханского губернатора и других властных лиц, по высочайшему повелению, по приказу г. министра внутренних дел определен был с сыном своим на ссылку через светское начальство в отдаленные места северных губерний, и переписки о сей высочайшей воле были через канцелярии наместника Кавказского. Последний приказ его высокопревосходительства г. министра был от 16 апреля 1864 года за № 732, между тем в то время Карп Гайрабетов с своей партией, будучи сильным врагом против бывшего управляющего епархией архимандрита Айвазовского, отыскал упомянутого Сукиасова для возмущения и по ходатайству его же у покойного патриарха Матеоса Сукиасов был принят в Нахичеване, где теперь удостоился быть в почете. При всем этом когда Сукиасов против желания другой половины общества Нахичевана был командирован по делам духовным в Нижегородскую макарьевскую ярмарку в прошлом 1866 году, осведомившись об этом г. министр внутренних дел тотчас приказал силой полиции отправить Сукиасова с сыном же своим из Нижнего обратно и по данному проходному паспорту от Нижегородского губернатора от 31 июля 1866 г. № 4767 он был выслан и в

настоящее время дело еще не окончено. Ныне же Гайрабетов домогается своим ходатайством поставить Сукиасова на должность для опорочения тех лиц, кои противны ему.

5) О поведении же Балабанова ваше благородие можете спросить от архимандрита Айвазовского бывшего управляющего епархией, а кроме того, свидетельствуют ему и настоящее происшествие, случившиеся на Самбеке и на морском Чулеке на станциях, когда он был навстречу епархиального, и подробностях сих можно удостовериться у нахичеванских жителей многих, особенно Хачатура Кастанаева и Егора Султаншаха.

Доводя обо всем этом до сведения вашего благородия, покорнейше вас прошу (сие мое извещение) или докладную записку принять к сведению и сохранить тайну, и во всяком случае оградить меня от преследования Гайрабетова и его приверженцев.

Протоирей *Илья Шапошников*

ЦГИАМ, ф. III отд., с. е. и. в. к., I эксп., № 5, ч. 47, 1866, лл. 105—108.

№ 70

Секретно

Рапорт Ростовской (на Дону) жандармской команды Екатеринославскому жандармскому штаб-офицеру с представлением докладной записки протоиерея Ильи Шапошникова

4 февраля 1867 г.

Имею честь при сем представить Вашему высокоблагородию докладную записку, поданную на имя мое протоиереем Нахичеванской армянской соборной церкви Илией Шапошниковым, который по своей преданности правительству и открытию преступных действий лиц, участвовавших в похоронах Налбандова, заслуживает особенного внимания и покровительства. Протоиерей Шапошников ныне гайрабетовской партией преследуется, чрез посредство архиепископа, который ищет случая удалить его от должности члена Нахичеванского духовного правления и на место его назначить протоиерея Сукиа-

сова, человека крайних идей и беспокойного характера, что свидетельствует его ссылка из Астрахани в Нахичевань, как об этом подробно и объясняет протоиерей Шапошников. Между прочим Гайрабетов, имея влияние на архиерея, упросил послать Сукиасова в Харьковскую крещенскую ярмарку для исполнения духовных треб, а ныне хлопочет назначить его членом Духовного правления. Донося об этом, присовокупляю вашему высокоблагородию, что протоиерей Шапошников, секретно вручая мне докладную записку, выразил, что он не желает, чтобы его заявление было бы известно следственной комиссии или постороннему ведомству, а что он отдается вполне под покровительство жандармского начальства.

Начальник команды капитан *Белоцерковский*

ЦГИАМ, ф. III отд., I эксп., № 5, ч. 47, 1866, л. 105.

№ 71

Сведения, представленные Новороссийскому и Бессарабскому генерал-губернатору от начальника 5 округа корпуса жандармов о дознании по поводу похорон М. Налбандяна

21 февраля 1867 г.

Член армянского духовного правления в Нахичевани, протоиерей Илья Шапошников, при дознании о похоронах Михаила Налбандова, на сделанный ему запрос, отвечал письменно, что в Духовном правлении получено было отношение Городского головы Карпа Гайрабетова, на армянском языке, о созвании духовенства для встречи гроба Налбандова, имевшего прибыть на пароходе; что это отношение, по возражению Шапошникова, не было принято правлением и что затем старший член правления протоиерей Балабанов послал от себя приглашение всем священникам прибыть на пристань Гайрабетова для встречи гроба Налбандова, под тем предлогом, что Налбандов числился в его приходе. Это приглашение, написанное на листе бумаги, в виде общей повестки, объявлено священникам под их расписки.

Такое же показание дано исправлявшим в то время должность секретаря правления Николаем Саркисовым.

Когда же следствие обнаружило показание Шапошникова, то Гайрабетов употребил все свое влияние на то, чтобы возбудить против Шапошникова негодование архиепископа армянского, чему обстоятельства благоприятствовали, так как его преосвященство, прибывший в Нахичевань после погребения Налбандова, служил на могиле его в 40 день панихиду. Теперь архиепископ преследует Шапошникова и намерен удалить его от должности члена правления, между тем, из опасения гнева архиепископа, все чуждаются Шапошникова и он, за объявление истины, поставлен в крайне неприятное и опасное положение.

Верно: подполковник *Яков*

ЦГИАМ, ф. III отд., с. е. и. в. к., I эксп., № 5, ч. 47, 1866, лл. 103—104.

№ 72

Копия с конфиденциального отношения Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора министру внутренних дел об установлении секретного надзора за Берберовым, Абрамовым, Столяревским и о высылке Крата

14 марта 1867 г.

По полученному мной донесению начальника 5 округа корпуса жандармов о замеченном в последнее время у Нахичеванских армян стремлении к противодействию правительственным распоряжениям и о лицах, возбуждающих такое противодействие, я входил в сношение с начальником Екатеринославской губернии, который представляет мне ныне, что ввиду собранных сведений, он полагал бы необходимым:

1) Учредить секретный надзор над проживающими в Нахичевани медиками **Берберовым и Абрамовым** с устранением сего последнего от должности врача тамошнего армянского женского училища, так как они оба обращают на себя внимание вредным образом.

2) Подвергнуть также секретному надзору проживающего в г. Нахичевани отставного чиновника **Столяревского**, который, занимаясь составлением прошений, в ноябре месяце

прошлого года написал от имени армянского общества дерзкое прошение по предмету земских учреждений.

3) Удалить из г. Нахичевани отставного чиновника, титулярного советника **Крата.** Личность эта, по удостоверению действительного статского советника Дунин-Барковского, имеет большое влияние на армянское общество, руководит его действиями, составляет для них прошения и вмешивается во все, даже неслужебные, дела.

Признавая и с своей стороны необходимым в видах прекращения замеченного в Нахичеванском обществе стремления к противодействию правительственным распоряжениям, прибегнуть к предлагаемым начальником Екатеринославской губернии мерам относительно поименованных выше лиц, которые, по собранным сведениям, возбуждают и поддерживают таковое стремление, я считаю долгом сообщить об этом на усмотрение вашего высокопревосходительства, покорнейше прося о последующем почтить меня уведомлением.

ЦГИАМ, ф. III отд., I эксп., с. е. и. в. к., № 5, ч. 47, 1866, лл. 94—95.

№ 73

Письмо Айвазовского Х. И. Лазареву с жалобами на личных врагов: Налбандяна, Эзова, Миансаряна

18 сентября 1868 г.
Феодосия

С подлинным удовольствием получил я Ваше письмо из Плещеева, датированное 2 сентября. Я давно ожидал ответа на мое последнее письмо, но я предполагал, что Ваше сиятельство считало меня уже уехавшим в Эчмиадзин.

Я прочитал в газетах относительно Ваших распоряжений, касающихся будущности Вашего института. Не могу не отдать всецело и полностью должного мерам, продиктованным столь настоятельно обстоятельствами, связанными с Вашей знаменитой Семьей, так же как неопределенным состоянием нашей несчастной нации, над самим будущим которой нависли столь темные тучи... Ваше сиятельство имеет все основания жаловаться на неблагодарность нескольких бывших вос-

питанников Института, но я Вас уверяю, Ваше Сиятельство, что это судьба всех тех, которые вообще хотят творить добро кому бы то ни было, и особенно детям нашей нации, которая пока лишена каких бы то ни было принципов воспитания. Я полагаю, следовательно, что как раз этот момент должен способствовать еще большей оценке заслуг Вашего учреждения, предназначенного образовать и цивилизовать нашу нацию. Утешьтесь же, Ваше Сиятельство, и пребывайте в уверенности, что дело щедрых Лазаревых никогда не погибнет; Провидение охраняет его, Правительство ему покровительствует и все более или менее образованные люди ценят его по заслугам! Вы мне пишете, Ваше сиятельство, что я должен быть знаком со всеми деталями путешествия и пребывания нового Патриарха в С. Петербурге. Признаюсь, Ваше Сиятельство, что до сих пор мне удалось ознакомиться только с печальной стороной... и это воистину плачевно! По прибытии сюда Патриарх мне показался полностью изменившим свои намерения в отношении меня. Я узнал незамедлительно и совершенно точно, что несколько армян из столицы, а именно мои личные враги Эзов и молодой Миансаров, в качестве друзей и покровителей знаменитого Налбандова, уже успели убедить его святейшество, что он должен опасаться меня, держать меня в стороне от каких бы то ни было общественных дел, либо похоронить меня заживо под развалинами Синода, который не существует и не должен, как говорят, существовать иначе как по имени. И все это по двум причинам, которые мне кажутся довольно противоречивыми: 1) потому, что я слишком привязан к правительству и тем самым подозрителен в глазах так называемых армян-патриотов; 2) потому, что я слишком предан всему национально-армянскому и тем самым подозрителен в глазах Дирекции Департамента иностранных вероисповеданий, Министерства и даже его величества императора!!! В течение всего времени пребывания Патриарха в Феодосии, я видел только подтверждение моих подозрений. Не успел он прибыть в Эчмиадзин, как поспешил меня официально уведомить, что поскольку я утвержден им в качестве члена Синода, то должен запереться в Эчмиадзине и остаться там навсегда... Впрочем, я знаю по собственному опыту, что ни материальная, ни моральная, ни интеллектуальная жизнь этого монастыря мне со-

вершенно не подходит, и мое здоровье, и так ослабленное неблагодарными трудами и невероятными страданиями, не позволяет мне туда выехать. Таким образом, я думаю, Ваше Сиятельство, что в конце концов я попрошу разрешения удалиться в монастырь Святого Креста около Старого Крыма, лишь бы сохранили этому монастырю его ежегодные доходы. Я буду продолжать там мои литературные труды, среди которых компиляцию догматической теологии армянской церкви, которая будет почти таким же объемистым трудом, как труд русского архиепископа Макария. Пока я работаю над переводом и составлением небольших произведений, полезных юношеству и народу армянскому.

Я только что закончил полный перевод Басен Крылова, но у меня нет необходимых средств для их издания. Если Ваше Сиятельство позволят мне посвятить их Вашему славному имени, я заранее убежден, что мой труд удвоится в своем значении в глазах его читателей.

В ожидании получения от Вашего Сиятельства скорого ответа, имею честь надеяться на добрую память Вашей супруги и Ваших детей и прошу Вас принять чувства самого высокого уважения, с которыми остаюсь навсегда скромным и преданным слугой Вашего Сиятельства.

Архиепископ *Гавриил Айвазовский*

Мой брат Иван в Одессе вместе со своей семьей.

РОПБЛ. Из бумаг Х. И. Лазарева. (Перевод с французского).

№ 74

Донесение помощника инспектора университета Шмидта исправляющему должность проректора СПб университета Озерецкому

2 декабря 1861 г.

Ноября 28 числа, дежуря за больного помощника г. Гюне и занимаясь в дежурной комнате приготовлением донесения о числе студентов, посетивших в этот день лекции, г. профессор

университета **действительный статский советник Воскресенский** сообщил мне: «У Вас кажется там сходка, подите, посмотрите». Я вышел из дежурной посмотреть и действительно нашел, что в аван-зале, близ VIII аудитории, собралась большая масса студентов, в кругу которых, прислонясь спиною к окну, один студент держал открытый лист, кругом мелко исписанный, и читал содержание в нем написанного. Не дожидаясь что-либо услышать, о чем читают, я тотчас распорядился и **просил собравшихся здесь студентов разойтись,** не делать никакой сходки, которая высочайше запрещена, а читавшего студента просил прекратить чтение. В ответ на мою просьбу, все в один голос закричали мне: **«убирайтесь прочь! прочь!»** Тогда я счел нужным остановить первого из этой массы студента, обернувшегося ко мне лицом и произносившего те же слова «убирайтесь», и **дотрагиваясь пальцем до пуговицы его сюртука,** спросил его: «Какое он имеет право тут быть?» (так как он не имел матрикула и дня 3 назад был Вами же выпровожен, за дерзость). Этот студент, фамилия его Османовский, не дав мне кончить моего вопроса, оттолкнул меня со словами: «Как Вы смеете меня трогать!» На этот поступок его со мною, я уже взял его за руку и просил пойти со мною; но он вырвался,, и за него заступились его товарищи, **с угрозами нанести мне побои.** Видя себя окруженным такою взволнованною массою студентов, я конечно не мог справиться с Османовским и пришедшая мне на помощь прислуга также не успела захватить и удержать его; вся эта масса студентов спустилась в шинельную, чтобы уйти, но я нужным счел отдать приказ — запереть двери и не выпускать ни одной души. Это сделал я с тою целью, чтобы не выпустить арестованного, а главное потому, чтобы получить тот исписанный лист бумаги, который был читан, как я узнал после, студентом Сергеевым. Когда я объявил, что никто до тех пор мною не будет выпущен, пока не получу читанной бумаги, студент Сергеев громко сказал: «Господа, я объявляю, что бумагу эту я смял, сжевал и проглотил!» Я таким ответом не удовлетворился и тогда этот же студент согласился и убедил своих товарищей, на особом листе записать свои фамилии, дабы тем самым получить от меня дозволение удалиться из университета. Составлялся таким образом небольшой список подписавших фамилии, и ког-

да я заметил, что против моего приказания были отворены двери и уже многие студенты были вышедши, то я конечно прекратил подписку и отпустил остальных. После сего все разошлись с угрозою на меня жаловаться и требовать себе удовлетворения, в нанесении якобы мною оскорблений всему сословию студентов.

К сему нужно строго прибавить, что на неоднократное мое требование от студ. Сергеева читанной им бумаги, он сказал мне, что и Вы слышали: «Обыщите меня, а впрочем могу сказать Вам, что я читал запрещенные стихи», которые, как говорили товарищи его, теперь уже напечатаны.

Ф. Шмидт

ГИАЛО, ф. 14, св. 3897, д. 10/22, л. 12 и об.

№ 75

Протокол заседания университетского суда 7 декабря 1861 г.

В этом заседании, под председательством избранного в суд от Юридического факультета ординарного профессора И. Г. Ивановского, находились: члены университетского суда, профессора: Н. М. Благовещенский и И. Е. Андреевский, и избранные факультетом историко-филологическим В. В. Штейнман и М. И. Сухомлинов, физико-математическим—А. Н. Савичь и Г. И. Сомов, и юридическим—А. П. Чайковский.

1. Явившимся по вызову университетского суда студентам: Падеревскому Игнатию, Ачкасову Дмитрию (историко-фил. фак., 1 к.), (физико-матем. факультета) Акинину Ивану (1 к.), Быкову Дмитрию (1 к.), Мясоедову Николаю (2 к.), Врасскому Алексею (1 к.), Игнатьеву Александру (4 к.), Пржиготскому Адаму (1 к.), Эйсмонту Николаю (1 к.), Коркину Константину (1 к.), Тамамшеву Аветику (1 к.), Богдановскому Вернеру (2 к.), Ясинскому Валериану (1 к.), Савицкому Федору (3 к.), Грживовскому Станиславу (1к.), Якимову Владимиру (1 к.), (юрид. фак., 1 к.) Труханову Павлу, Карповичу Лавру, Шавердову Александру—определили предложить следующие вопросы:

1. По какой причине каждый из них стоял 28 ноября в исходе второго часа в аван-зале перед VIII аудиториею, 2) что сказал им г. Шмидт, когда просил разойтись, 3) что ответили они г. Шмидту на его увещание и кричали ли ему: «убирайтесь прочь»? 4) Известен ли им студент, читавший там вслух, и что именно он читал? 5) Как обратился г. Шмидт к г. Османовскому? 6) Как г. Османовский толкнул г. Шмидта, и 7) Делал ли он при этом угрозы г. Шмидту относительно нанесения ему побоев? Ответы на эти допросные пункты попросить каждого в присутствии суда изложить письменно.

2. Попросить г. исправляющего должность проректора представить суду точные справки, почему не явились в суд студенты физико-математического факультета Сергеев Павел и Рушковский Адам.

Председатель *Ивановский*
(следует восемь подписей)

ГИАЛО, ф. 14, св. 3897, д. 10/22, л. 22

№ 76

Показания студента Александра Шавердова университетскому суду

7 декабря 1861 г. на предложенные мне университетским судом вопросы имею честь показать:

Во-1-х: Проходя по коридору, я встретил моего знакомого товарища, и остановился с ним, как себе припоминаю, перед 8-ю аудиториею и по обыкновению начал с ним разговор, содержания которого я не припоминаю.

Во-2-х: В это самое время я заметил, что г. Шмидт скорыми шагами приближается к случайно собравшемуся кружку студентов и громким голосом в повелительном тоне сказал: «Что за сходка, разойдитесь!».

В-3-х: Услышав такой тон и несправедливое обвинение студентов г. Шмидтом да притом увидев, что он, г. Шмидт, схватил дерзко за руку одного из моих товарищей, я оскорбление это, нанесенное моему товарищу г. Шмидтом, принял как за свое собственное, и вместе с общим голосом

сказал: «Не смеете Вы так делать и убирайтесь прочь, если Вы, г. Шмидт, не умеете поступать по законам».

В 4-х: Никакого читавшего студента я не видел и не знаю даже — было ли что читано, так как я стоял позади кружка студентов.

В 5-х: г. Шмидт с злобою схватил за руку студента Османовского.

6) Последний вырвал у него свою руку; тогда г. Шмидт схватил его обеими руками и Османовский силою вырвался из его объятий; после чего г. Шмидт приказал собравшимся солдатам схватить его; последние, повинуясь приказанию начальника, т. е. г. Шмидта, бросились было на студентов, которые захватили в свой кружок г. Османовского, но мы, студенты, видя такое оскорбление, разумеется крикнули на солдат не трогать нас; голос г. Шмидта был видно для них важнее и они все же схватили нескольких студентов, однако скоро их уволили.

7) Студенты же г. Шмидту никаких угроз не делали.

Юридического факультета и разряда юридических наук
студент 1-го курса *Александр Шавердов*

Показание дано в присутствии членов университетского суда.

(Следует шесть подписей).

ГИАЛО, ф. 14, св. 3897, д. 10/22, л. 41.

№ 77

Показания студента Аветика Тамамшева университетскому суду

7 декабря 1861 г.

На предложенные мне Университетским судом вопросы имею честь ответить:

1) Не знаю, потому что пришел, когда уже г. Проректор говорил с студентами.

2) Не присутствовал при этом, но думаю, что в грубых словах, потому что пред этим, говоря с г. Проректором, не сказал ему никто ничего оскорбительного.

3) В соседней комнате слышен был крик, но слов нельзя было разобрать.

4) Об этом я слышал от самого г. Шмидта, но сам не видал и не слышал.

5) Османовского не знаю, а г. Шмидт говорил со многими студентами.

6) Г. Османовского не знаю.

7) Угроз никаких не было.

Студент физико-математического факультета, разряда естественных наук Аветик Тамамшев.

Показания даю в присутствии членов Университетского суда.

(Следует шесть подписей)

ГИАЛО, ф. 14, св. 3897, д. 10/22, л. 33.

№ 78

Протокол заседания университетского суда 8-го декабря 1861 г.

Под председательством избранного в суд от Юридического факультета орд. профессора И. Г. Ивановского, в заседании находились: члены университетского суда, профессора Н. М. Благовещенский и И. Е. Андреевский, и избранные факультетами—историко-филологическим И. В. Штейнман и М. И. Сухомлинов, физико-математическим—А. Н. Савичь и Г. И. Сомов, и юридическим—А. П. Чайковский.

По выслушании сообщения г. исправляющего должность проректора от 8-го декабря за № 2962 о том, что студенты Адам Рушковский и Павел Сергеев не могут быть представлены в суд, Рушковский за выбытием его из прежней квартиры на жительство за город, но куда именно неизвестно, а Павел Сергеев—за высылкою его в Симбирскую губернию, как о сем устно сообщил ему, г. Озерецкому, начальник III отделения собственной его величества канцелярии, **определили:** за невозможностью пригласить в суд Павла Сергеева, главного из обвиняемых, как читавшего что-то стоявшим студентам, заключить присутствие университетского суда постановлением приговора относительно остальных обвиняемых.

Студенты, бывшие 28-го ноября во втором часу пополудни в университете и расписавшиеся на особом листе, обвиняются г. Шмидтом, в его донесении к г. исправляющему должность проректора: 1) в том, что составили сходку, 2) в том, что на его увещание разойтись, закричали ему: «Убирайтесь прочь!» и 3) что заступились за г. Османовского, с угрозами нанести ему, г. Шмидту, побои.

1) Первое обвинение, именно, что студенты составили сходку, г. Шмидт, как он объяснил это суду, в заседании 5-го декабря, он основывал на том, что так сказал ему г. профессор Воскресенский; г. Воскресенский, в том же заседании, объяснил суду, что он, заметив около двадцати пяти студентов, сказал об этом г. Шмидту потому, что ему, г. Воскресенскому, это казалось чем-то похожим на сходку; те из обвиняемых, которые были при приходе г. Шмидта, показали, что собрались тут совершенно случайно, просто разговаривали, без всякого намерения составить сходку. Принимая во внимание, что студенты в исходе второго часа 28-го ноября, как видно из показаний г. исправляющего должность проректора г. Шмидта, г. Воскресенского, служителей,— было около двадцати пяти человек, и что г. исправляющий должность проректора объяснил суду, в заседании 5-го декабря, что по его мнению это было собрание, не заранее подготовленное, но совершенно случайное, и сходкою этого собрания назвать нельзя,— суд пришел единогласно к заключению, что собрание студентов 28 ноября во втором часу в аван-зале было случайное, а обвинение, будто это была сходка, не имеет основания.

2) Относительно обвинения студентов г. Шмидтом в том, что они, на увещание его разойтись, кричали ему: «убирайтесь прочь!», те из обвиняемых, которые были при приходе г. Шмидта, действительно показывают, что стоявшие в аванзале закричали: «Убирайтесь прочь», но не вследствие увещания г. Шмидта разойтись, на что ему ничего не ответили, хотя г. Шмидт грубо кричал «разойтись!», расталкивал и говорил, что сходки правительством воспрещены, тогда как стоявшие тут и не помышляли о сходке,— а закричали ему: «убирайтесь прочь», когда он схватил за руку г. Османовского и начал с ним управляться силою. Г. Шмидт объяснил суду в заседании 5-го декабря, что он просил разойтись студентов от своего собственного имени, а не от имени проректора, и что он действительно до пуговицы сюртука г. Османовского дотрагивался пальцем и делал это из дружеского обращения, а потом схватил его за руку и за бок своею рукою потому, что не видел, стояла ли тут прислуга, которой он мог поручить захватить г. Османовского, хотя из показания прислуги и оказалось, что сторож Никифор Михайлов и вахтер Евдокимов стояли возле, и по требованию г. Шмидта тотчас подошли к нему.

3) Обвинение, заключающееся в донесении г. Шмидта, что студенты заступились за г. Османовского, с угрозами нанести ему, г. Шмидту, побои, г. Шмидт выяснил суду в заседании 5-го декабря, что студенты не выражали ничем прямо угроз нанести ему, г. Шмидту, побои, а он это высказал в своем донесении только потому, что предполагал, что общие движения студентов в то время, когда он держал г. Османовского за руку и за бок, могли означить угрозу ему, г. Шмидту. Обвиняемые показали, что угроз г. Шмидту относительно нанесения ему побоев ничем не выражали; один, Пржиготский Адам, показывает, что спрашивал г. Шмидта, вправе ли он обращаться со студентами так грубо. Г. исправляющий должность проректора объяснил суду, на заседании 6-го декабря, что как студенты, так и г. Шмидт были в сильном волнении, а в отношении к нему, г. Озерецкому, студенты были совершенно учтивы и никакого оскорбления ему, г. Озерецкому, нанести не хотели.

Соображая все эти обстоятельства, университетский суд единогласно **определил:** происшедший 28 ноября в университете беспорядок был вызван читавшим что-то студентом Сергеевым, в суд непредставленным, а потом и взволнованным состоянием г. Шмидта и резким его со студентом обращением, что вызвало неучтивость и со стороны студентов, а как главные обвиняемые (Сергеев и Османовский) в суд не представлены, то расписавшихся на листе студентов, как только некоторых из бывших свидетелями этого беспорядка, не подвергать судебному взысканию, но просить г. исправляющего должность проректора внушить студентам о необходимости иметь большую воздержанность и хладнокровие при объяснении с чиновниками, при проректоре состоящими.

Приговор этот, согласно п. к. 7-го правила для студентов и вольнослушающих университета, представить на утверждение г. ректора университета.

Председатель *Ивановский*

(Следует восемь подписей)

ГИАЛО, ф. 14, св. 3897, д. 10/22, лл. 43—44.

№ 79

Заключение университетского суда о студентах, обвинявшихся в беспорядках 21 марта 1869 года

В заседании Университетского суда 22 марта 1869 г. утром произведен суд над десятью из 72 студентов, преданных унив. суду, по обвинению в участии в произведенных 21 марта прискорбных беспорядках в здании университета, 21 марта состоявшихся, с препровождением к председателю унив. суда его превосходительством г. Ректором журнала Правления от 22 марта за № 1111, именно над студентами: Лебедевым Владимиром (I к. юрид.), Сулхановым Дмитрием (I к. юрид.), Лункевичем Михаилом (I к. юрид.), Болдыревым Николаем (2 к. физ.-мат.), Шавердовым Василием (I к. физ.-мат.), Измайловым Павлом (I к. физ.-мат.), Ростиславовым Александром (I к. физ.-мат.), Сухманевым Федором (3 к. юрид.), Лебедевым Николаем (I к. физ.-мат.) и Нахапетовым Аршаком (I к. физ.-мат.).

По прочтении журнала правления, в суде были выслушаны обвинения, представлявшиеся г. инспектором и его помощником, показания г.г. профессоров Петрушевского, Благовещенского, Чубинова и г. доцента Вредика — бывших свидетелями произведенных 21 марта беспорядков; показания, представленные одним из подсудимых — Нахапетовым, свидетелей — студентов 3 к. физ.-мат. факультета Павла Филиппова, Николая Бауера, Петра Пальцева и сторожа при шинельной Павла Дмитриева, объяснения каждого из подсудимых. По рассмотрении всех обстоятельств дела, университетским судом признаны:

1. Студенты Лебедев Владимир, Болдырев Николай, Шавердов Василий, Измайлов Павел, Сухманев Федор, Лебедев Николай и Сулханов Дмитрий — виновными в принимании непосредственного участия в происходивших 20 и 21 марта сходках, которые: а) не расходились по делавшимся напоминаниям не только г. инспектора и его помощников, но и г. Ректора, б) оказали от крайнего шума и бывших на них криках неуважение г. Ректору и профессорам и в) мешали производству университетского суда и чтению лекций.

2. Студенты Лункевич Михаил и Ростиславов Александр — виновными в принимании участия в сходках и нежелании последовать приглашению г. инспектора и требованию г. Ректора разойтись.

3. Студента Нахапетова Аршака невиновным в представлявшемся против него обвинении, так как это обвинение осталось недоказанным. **Определили:** 1) Студентов Владимира Лебедева, Николая Болдырева, Василия Шавердова, Федора Сухманева, Николая Лебедева и Дмитрия Сулханова подвергнуть, на основ. п. 5 и 8 правил о взысканиях, исключению из СПб университета, с лишением права вступать вновь в какой-либо из русских университетов. 2) Измайлова Павла, хотя и следовало бы подвергнуть исключению из университета, но, принимая во внимание молодость его (17 лет), подвергнуть, на основ. п. 5 и 8, увольнению из университета, с воспрещением определять его студентом и вольнослушателем в С. Петербургский университет. 3) Студентов Ростиславова Александра и Лункевича Михаила подвергнуть, на основании п. 5 и 8 правил о взысканиях, увольнению из университета, с воспрещением определять их студентом и вольнослушателем в С. Петербургский университет. 4) Студента Нахапетова Аршака считать по суду оправданным. 5) Приговор этот представить в Совет университета, по п. 2 и 3 на его утверждение, а по п. 1 на утверждение г. попечителю СПб учебного округа.

Председатель универс. суда (подпись)

(следует две подписи)

ГИАЛО, ф. 14, св. 3898, д. 20, лл. 6—7.

№ 80

Армяне-студенты СПб университета, исключенные за участие в студенческом движении

Список бывших студентов С. Петербургского университета, исключенных из университета за участие в студенческих беспорядках в январе сего года, коим С. Петербургским градоначальником воспрещено жительство в С. Петербурге в порядке п. 4, ст. 16 положения об усиленной охране.

. . .

12) Бабиев Григорий Ованесов, сын мещанина.

. . .

16) Бархударянц Александр Барсегович, сын тифлисского учителя.

. . .

50) Габриелянц Амазасп Баласиев, сын Шушинского жителя.

. . .

73) Дживелегов Артемий Карпов, сын купца.

. . .

108) Камалянц Аршавир Восканович, сын крестьянина.

. . .

113) Карагезянц Арменак Мкртичев, жит. села Хндзореск, Зангезурского уезда.

. . .

162) Назаретянц Гмаяк Маркарович, сын купца.

. . .

171) Осипянц Арменак Матевосов, жит. сел. Шуш.

. . .

234) Тер-Каспарянц Рубен Овакимов, жит. г. Шуши.

. . .

254) Худоянц Варан Егорев, с. жит.

Подлинный подписал: и. д. делопроизводителя (подпись)
С подлинным верно: помощник правителя канцелярии
С. Петербургского губернатора (подпись).

ГИАЛО, ф. 569, св. 78, д. 535б, лл. 1—5.

———

№ 81

Отношение попечителя Лазаревского института в правление института о присмотре за неблагонамеренными слушателями

5 сентября 1863 г.

1) Доказано, что неблагонамеренные, слабые, порочные всегда почти во зло употребляют излишнюю доброту в снисхождении и в послаблениях. Неизбежен неослабный, даже строгий присмотр, ибо когда где распущены, там и беспорядки. Это было и будет. Соразмерная взыскательность в удалении и в исключении замеченных порочных необходимы. Усилить, увеличить надзор, как в курсе преподавания, так и в исполнении служебных обязанностей всех и каждого. Распущенная команда причиняет вред и беспорядок...

МОГИА, ф. 213, оп. 1, арх. № 308, св. 29, 1863, л. 38.

№ 82

Отношение попечителя Лазаревского института в правление института о волнениях среди учащейся молодежи, правительственных мерах и правилах СПб университета

4 октября 1863 г.

1. Бесчисленными опытами дознано — какие худые последствия, даже и бедствия, рождались от необузданного юношества и от вредных людей, развращенных в брожении умов, своевольствах, в буйствах, в ложных понятиях и мятежах.

Начала всех пагубных, разрушительных, гибельных происшествий возникали и распространялись по всей Европе, особенно там, где более ослабевала христианская религия и где зловредный дух революции происходил и укоренялся. Франция причиною всех несчастий, которые около века продолжаются к бедствиям человеческого рода.

2. Известно, что от несоразмерного снисхождения в излишней доброте, в послаблениях, от неуместной филантропии, иногда от потворства к ложным идеям, заразилось неопытное юношество в университетах и в других учебных заведениях; как в разных странах Европы, так и в России; ибо худые примеры в пагубных соблазнах всюду возникают.

3. Вместо законного, правдивого благочиния для нравственности, на порядке, на основательных сведениях в полезных познаниях, не стало повиновения, уничтожалось уважение, утрачена подчиненность и дисциплина. Правительства разных государств вынуждены были принять строгие меры ограничения и обуздания. Упразднены и закрыты были многие учебные заведения. Потом на других началах и данных основались новые учреждения, с лишением прежних прав и с исключением тех юношей, которые блуждали и заражены были революционным духом.

4. В России состоялись новые узаконения и Уставы. Прилагаются разнообразные полезные правила. Мундиры для студентов отняты, заменены гражданскою приличною одеждою. Строго воспрещены вредные корпорации и все следы возмущений. Изданы вновь утвержденные правила в благоразумных ограничениях и в обязанностях строгой дисциплины, без послаблений, в предупреждении буйств и волнений, нарушающих общее народное внутреннее спокойствие. Основания суть: религиозно-нравственное воспитание и основательное образование на кротости, на уважении властей и на законном повиновении, в добросовестном исполнении долга человека и гражданина.

5. При сем в подлиннике доставляется печатное прибавление к № 218 С. Петербургских ведомостей 1863 года. Здесь заключаются общие, ясные полезные правила для студентов С. Петербургского университета, для слушателей лекций. Сверх того, взыскания за нарушение правил. Еще порядок делопроизводства в университетском суде, для взыскания, для оштрафования, для исключения своевольных и мятежных студентов.

6. Следовательно, многочисленные и все доказательства на очевидных фактах правосудия, нужды и пользы, убеждают, что сколь необходимо нравственное влияние и впечатление на

увещаниях, в наставлениях, в поучениях, но более необходимо для заблудших и замеченных соразмерное, строгое, справедливое понуждение и взыскание на дисциплине, на уважении, на повиновении, на покорности, на кротости, на прилежании, на хорошем поведении и еще на успехах. Всякое излишнее снисхождение в доброте, в послаблении, в прощении вредно и по последствиям пагубно. Слова одни в нравственных увещаниях не могут действовать, обуздывать и исправлять ослушников и виновников, замеченных в пороках и проступках.

7. Многократно я лично сносился с г. Директором и с другими, повторял на словах, писал на бумаге, поручая, предлагая, даже прося часто и бесчисленно раз из сострадания, из сердоболия, чтобы усилить, увеличить наблюдения в цели сугубого порядка, необходимого благоустройства, дабы во всех частях и надобностях более усовершенствовалось и упрочивалось благосостояние Лазаревского института.

Попечитель *Лазарев*

МОГИА, ф. 213, оп. 1, арх. № 308, св. 29, 1863, л. 65 и об.

№ 83

Отношение попечителя Лазаревского института в правление института о соблюдении правил и исключении воспитанника Лалаева

3 декабря 1863 г.

1) Рапорт института от 26 ноября за № 591 заключает в себе исключение из института своекоштного воспитанника 4 класса Джаганкира Лалаева, за дерзость и за худой проступок. Г. директор правильно поступил, что передал этот случай на рассмотрение Совета, коего справедливое заключение было утверждено и приведено к исполнению. Правосудно и я это заключение утверждаю, даже с одобрением к исключению всех тех, которые из воспитанников строптивы, дерзки, неспособны и даже порочны. Необходимо по дисциплине правосудно взыскивать для ограничения и для обуздания страстей и пороков, при том для предупреждения своевольств в

неповиновении в волнениях и в проступках. Чем менее гуманности излишней и не соразмерной, чем более соразмерной взыскательности, чем менее послабление, тем естественно более порядка в успехах и благоустройстве. Это доказано на фактах,— где распущена команда, там расстройство и вред. Все это дознано опытами. Излишняя гуманность ведет к упадку и поселяет недоверие в родителях. Некоторые состоятельные армяне мне ныне на вопросы еще объясняли, что усматривая в Лазаревском институте, как в отечественном нашем армянском заведении, нет прежнего присмотра в соразмерной строгости, что вместо того явные послабления, в упущениях и беспорядках. А потому они, армяне-родители, как состоятельные люди, для пользы своих детей, хотя с грустью и дороже, предпочли вместо Лазаревского института помещать в чуждые разные учебные заведения в Москве и С. Петербурге, в том числе и в частные пансионы, где больше надзора, больше порядка, больше учения и больше успехов. Вот доказательства азиатских родителей, прямо и открыто сообщающих, что родное для них заведение было бы приятнее, но по упущениям безвыгодное, ибо утрата в дорогом времени и еще важная потеря в нравственности детей, что после повреждения трудно исправлять, особенно при закоснелости и худых привычках.

2) Хотя с соболезнованием, но вынуждаюсь здесь присовокупить мои убеждения, что если бы меньше было излишней гуманности, в послаблениях и в упущениях, чем больше бы было взыскательности и строгости, вопреки повиновения, порядка, приличного кроткого поведения и сугубого учения, к достижению лучших успехов, тогда бы меньше было бы рассеянности, и меньше вредных дерзостей. Кто больше учится, кто лучше себя нравственно ведет, тот лучше успевает. Ясно, когда нет соразмерной взыскательности, тогда больше беспорядков и упущений. Упорных, порочных нельзя исправлять в гуманности, ибо тогда нравственное влияние не действует. Следовательно в открытом заведении меньше надзора и забот. Напротив, в закрытом заведении требуется больше средств администрации совместно — взыскательной на справедливости и на осторожности.

Попечитель *Лазарев*

МОГИА, ф. 213, оп. I, арх. № 308, св. 29, 1863, лл. 123—124.

№ 84

Рапорт директора Лазаревского института попечителю института Х. И. Лазареву об отправлении на родину исключенных из института воспитанников Н. Арзанова и С. Долгова

4 февраля 1864 г.

Вашему превосходительству честь имею донести, что исключенные в июне месяце прошлого года бесплатные воспитанники Института Никита Арзанов и Сумбат Долгов отправлены наконец на родину, с выдачею на каждого по 50 руб., всего 100 руб. из сумм на экстренные расходы. Причем, употреблено еще 5 руб. 10 коп. сверх того на покупку теплого платья. Затем исключенных или подлежащих исключению воспитанников в Институте не имеется.

Директор, действительный статский советник
Як. Новгородов

ЦГАДА, ф. Лазарева Х. И.

№ 85

Отношение попечителя Лазаревского института в правление института о волнениях, имевших место среди воспитанников института

26 марта 1867 г.

1) Крайне сожалею о тех неприятных происшествиях, которые произошли от слабых наблюдений, от излишних снисхождений, от вредных потворств. Если бы больше было соразмерных правосудных, деятельных взысканий, тогда бы не произошли бы упущения, беспорядки, даже до дерзости и наглости непокорных, буйных воспитанников, что простиралось до необузданности и нарушения благоустройства. Справедливо, строго требуется более бдительно и существенно всегда распоряжаться, предупреждая и отвращая упущения, вред, позор и утраты, нравственные и вещественные или материальные,— это не обходить. Ближе, вернее, буквальнее,

исправнее исполнять Высочайше утвержденный устав, указы, узаконения, правила, которые на все случаи изданы и существуют. Если бы по этим руководствам и требованиям все исполнять бы без нарушения и без отлагательства, тогда бы не возникали бы неповиновенья, ослушанья и даже заговор и почти восстание и бунт. Причиною и виною послабленья и отлагательства без уважения и без взыскания в благовременном удалении и исключении зловредных воспитанников, как ныне, так и впредь, когда необузданность, своевольство, пороки и страсти требуют особенно внимания к возмутителям и неблагодарным.

2) Нет доныне у попечителя против правил, против приличия, подробных, ясных донесений, нет копии с протокола, журнала и с решения Педагогического совета, нет описания постыдного происшествия, нет списка имен и прозваний виновных воспитанников. Требую вскоре, без отлагательства и без забвения, немедленно, ясно на фактах донести, без лаконизма, которой часто вреден, и возбуждает неприятности... Если кто из бесплатных из армян питомцев неспособен и порочен, таковых вскоре исключать и немедленно из института изгонять и отправлять без малейшего отлагательства.

Попечитель *Лазарев*

МОГИА, ф. 213, оп. I, арх. № 365, св. 33, 1867, лл. 19—20.

№ 86

Отношение попечителя Лазаревского института директору института о высылке на родину воспитанников, принимавших участие в студенческих волнениях

23 августа 1867 г.

По донесению Вашего превосходительства с приложением протокола заседания педагогического совета от 22 дня текущего месяца, я вполне разделяю постановление Совета по делу о воспитанниках, оказавшихся виновными в явном неповиновении начальнику института. Исключение из Института

определенных Советом воспитанников я предлагаю вам исполнить немедленно и препроводить их на родину при содействии губерского начальства; равно как и дисциплинарные меры для прочих, участвовавших в неповиновении воспитанников, я поручаю исполнить по вашему личному усмотрению. Об исключении воспитанников Кавказского комитета Вы не замедлите уведомить господина главноначальствующего института от моего имени. О последующих распоряжениях Вашего превосходительства прошу меня уведомить.

Попечитель Лазаревского института восточных языков, тайный советник *Лазарев*

МОГИА, ф. 213, оп. I, св. 33, д. 365, 1867, л. 3.

№ 87

Отношение директора Лазаревского института Московскому обер-полицмейстеру генерал-майору Арапову о высылке на родину исключенных воспитанников

24 августа 1867 г.

Его превосходительство г. попечитель предписанием своим от 23-го сего августа приказал мне немедленно привести в исполнение постановление Педагогического Совета относительно исключения воспитанников института: Алиханова Василия (20 л.), Алиханова Степана (16 л.), Эджубова Василия (17 л.), Заркарова Михаила (18 л.) и Оганесяна Александра (16 л.) из заведения за дурное поведение и вредное влияние их на прочих воспитанников.

Причем Его превосходительство поручил мне обратиться к Вашему превосходительству с покорнейшей просьбой оказать зависящее с Вашей стороны содействие к немедленной отсылке упомянутых воспитанников из Москвы на родину полицейскими мерами, для чего и взять их из заведения. Сдать же их следует: кавказских воспитанников Алихановых и Оганесянца в городе Тифлисе, Учебному Кавказскому ведомству, Заркарова для дальнейшего препровождения в г. Шушу, а Эджубова в Тифлисе родственникам, о чем вме-

сте с сим уведомляем мы Учебное ведомство Кавказское и полицейское Тифлисское управление, куда и препровождаем их документы. Путевые издержки на отправление начальство института принимает на свой счет, и так как им по расчету следует 604 руб. 28 3/4 к., то покорнейше прошу назначить кого-либо из провожатых лиц доверенным на получение денег для путевых издержек.

МОГИА, ф 213, оп. 1, арх. № 365, св. 33, лл. 6—7.

№ 88

Отношение попечителя Лазаревского института директору института о мерах к водворению порядка и спокойствия

24 августа 1867 г.

Князь Семен Давыдович отправляется в Москву на несколько часов, вскоре возвратится. С князем прислать ответ о нужном и известном. Князь передаст от меня, если нужно для содействия и для решения скорого к генералу Перфильеву или к оберполицмейстеру, чтобы окончить неприятности. О других предметах взаимно будем сообщать, ибо все известно и все предположения предназначены. Осторожность, польза, успех и благоустройство требуют заботливых наблюдений в энергических мерах, без отлагательства и без послаблений. Зародыш зла и порока должно благоразумно, осторожно, деятельно уничтожать, для водворения спокойствия и порядка вообще. Все грустные происшествия проистекают от послаблений, от потворства и от последствий упущений. Когда бы более было буквального, полезного, трудолюбивого действия, в совместных исполнениях, тогда бы отвратились ошибки, недоразумения и неприятные, даже позорные встречи и случаи от подчиненных, особенно тех, кои худо, вредно себя ведут и впадают в постыдные поступки, которые необходимо предупреждать и отвращать.

Попечитель *Лазарев*

МОГИА, ф. 213, оп. 1, арх. № 365, св. 33, 1867, лл. 9—10.

№ 89

Об исключении воспитанников института за произведенные беспорядки. Протокол заседания правления Лазаревского института

24 августа 1867 г.

В заседании правления 24-го сего августа г. Директор заявил Советникам правления, что за беспорядки, произведенные воспитанниками института и выраженные в протоколе заседания педагогического Совета 22-го сего же августа, предписанием Его превосходительства г. Попечителя уволены из заведения следующие воспитанники: Василий и Степан Алихановы, Михаил Заркаров, Александр Оганесянц, Василий Эджубов и Анатолий Еремеев; а остальных, как увлеченных примером вышеозначенных воспитанников, подвергнуть дисциплинарному взысканию по усмотрению Педагогического Совета.

Определено: Привести в исполнение и на основании предписания Его превосходительства г. Попечителя выдать на их отправление на родину на пять воспитанников по 120 р. 85 3/4 к. на каждого, а всего 604 руб. 28 3/4 к.

Директор (подпись)

За инспектора (подпись)

МОГИА, ф. 213, оп. 1, арх. № 365, св. 33, 1867, л. 11.

№ 90

О допросе воспитанников Лазаревского института, принимавших участие в беспорядках 22 августа 1867 г.

24 августа 1867 г.

1867 года августа 24-го дня в экстренном вечернем заседании Правления, под председательством господина директора Ивана Кондратьевича Бабста, в присутствии исправляющего должность инспектора В. А. Беляева и советников правления протоиерея А. Кокчеянца и врача П. В. Кивокурцева

вызваны были для спроса следующие воспитанники: Афанасьев, Аветов, Бек-Хубов, Далаков, Мургузов, Джаншиев, Бегулов, Арешев, Амбакулиян, Гаспаров, Шах-Азиз, Макар Серебряков, Шхиев, Давтиянц, Акопов, Аракелов, Ананьев и Степанов. Означенные воспитанники все, за исключением Бек-Хубова заявили, что они лично господином директором остаются довольны, но все присутствовали в зале 22-го числа утром из соучастия к некоторым из своих товарищей, с которыми будто бы несправедливо поступили в отношении экзаменов, что подтверждается показанием воспитанника Афанасьева, который объявил, что он лично всегда был доволен директором, но присутствовал в зале из участия к своему товарищу Шхиеву, изъявившему неудовольствие относительно переэкзаменовки; сам же Шхиев объявил, что он лично за себя остается доволен. Воспитанник же Бек-Хубов заявил, что он лично недоволен господином директором за то, что директор хотел его уволить из заседания.

Определено: Принять к сведению и записать о сем в журнал.

Директор (подпись)
Исправляющий должность инспектора *В. Беляев*
Советник протоиерей *Артемий Кокчеянц*
Советник (подпись)
Секретарь (подпись)

МОГИА, ф. 213, оп. I, арх. № 365, св. 33, 1867, лл. 12—13.

№ 91

Рапорт директора института управляющему делами Кавказского комитета Н. В. Сулькевичу о беспорядках, имевших место в институте 22 августа 1867 г.

25 августа 1867 г.

Вследствие предписания Его превосходительства г. попечителя от 23-го сего августа, честь имею донести Вашему превосходительству, что по случаю происшедших в Лазаревском институте восточных языков 22-го числа беспорядков и непо-

виновения начальству со стороны нескольких воспитанников, подстрекаемых невыдержавшими экзамен и отстающими в классе, при чем мне лично объявлено было неудовольствие за то, что я притесняю армян и намерен Армянское заведение превратить в русское. Собран был мною в тот же день Педагогический совет, который по произведенному дознанию постановил: воспитанников Алиханова 1-го, Эджубова, Алиханова 2-го, Оганесова и Заркарова исключить из заведения немедленно, а прочих виновных подвергнуть строгому дисциплинарному наказанию по усмотрению Педагогического Совета. Решение сие было мною представлено г. Попечителю и утверждено Его превосходительством, причем Его превосходительство изъявил желание немедленно удалить их на родину, что мною и было вчера же исполнено при содействии г. Московского обер-полицмейстера. Братья Алихановы и Оганесов будут представлены в Тифлис к главному инспектору училищ на Кавказе и за Кавказом, а Заркаров и Эджубов сданы родственникам. Прочие воспитанники изъявили полное раскаяние и сказали, что были орудием в руках вышеупомянутых безнравственных питомцев и главным образом братьев Алихановых, 1-го и 2-го.

МОГИА, ф. 213, оп. I, арх. № 365, св. 33, 1867, лл. 14—15.

№ 92

Письмо Н. В. Сулькевича И. К. Бабсту об исключении воспитанников Алихановых и Оганезова

1867 г.

Спешу уведомить Ваше превосходительство, в ответ на письмо ваше от 23-го числа, что я вполне согласен на удаление из Лазаревского института оказавших непростительную дерзость кавказских воспитанников Алихановых и Оганезова, но для исполнения формальности необходимо прислать мне официальную бумагу с подробным описанием всего события, так чтобы я, в свою очередь, мог сообщить об этой истории Наместнику. Прогоны будут отпущены каждому на одну только лошадь, а кормовые по 50 к. в сутки, полагая 50 верст в день пу-

ти. Неизрасходованная в этом размере сумма будет возвращена институту.

Очень сожалею о случившемся, но что же делать. Желательно знать — кто подстрекатель.

Преданный ваш (подпись)

МОГИА, ф. 213, оп. 1, арх. № 365, св. 33, 1867, лл. 17—18.

№ 93

Отношение попечителя Лазаревского института в педагогический совет и правление института об усилении строгостей и репрессий в отношении воспитанников института

3 сентября 1867 г.

Для распоряжения и исполнения благовременно, без отлагательства, без упущения.

1. Из списка о воспитанниках Лазаревского института оказывается, что из числа бесплатных из армян бедных воспитанников, многие крайне по возрасту лет, по неспособности, а некоторые по сомнениям и слабостям очень велики, и еще по неудобствам и препятствиям из числа духовных и лазаревских воспитанников и вообще почти из всех бесплатных подлежат к увольнению одновременно, даже ранее и скорее ныне и впредь, в продолжении одного года исключить из института, разумея из числа бесплатных из армян питомцев, особенно тех, которые по летам свыше 15-ти и 16-ти лет, а еще скорее тех, кои уже 16, 17 и 18 лет, ибо они, как взрослые, непременно подлежат к увольнению из института. Это должно решать и оканчивать без замедления и без послабления.

2. На основании предписания и правил, утвержденных бывшим главноначальствующим Лазаревского института г. генерал-адъютантом, генералом от кавалерии, членом государственного совета, членом комитета министров графом Алексеем Федоровичем Орловым, вследствие и в силу изданных и утвержденных им правил, особенно по статье и по параграфу 9-й и 10-й увольнять, отрешать, исключать, обуздывать виновных безнравственных, зловредных воспитанников вовсе и на-

всегда из Лазаревского института, благовременно, даже ранее и скорее, дабы безнравственных, порочных, зловредных питомцев не было никогда в Институте, как заразы и как чумы, ибо они поселяют раздоры и пагубные семена злоупотреблений.

3. Строжайше воспрещается в продолжении двух лет из бесплатных армян и лазаревских и духовных питомцев ни к кому в доме и в квартире никогда никого, ни под каким предлогом и видом и ни по какой причине не отпущать кого-либо, и не иметь им каких-либо тайных связей и сношений, что крайне вредно и опасно. Если же кто из бесплатных питомцев отлучится без дозволения, если кто нарушит приказания и будет иметь тайные связи и сношения с неблагонадежными людьми, таковых вредных из армян бесплатных питомцев немедленно вовсе и безвозвратно исключать из института, без всякого снисхождения и без малейшего послабления. Обуздания, взыскания, наказание, повиновение, страх, дисциплина, строгость необходимы: тогда тишина—порядок, успехи.

4. В продолжении трех лет—отныне впредь никого из бесплатных армян-воспитанников ничем не награждать: ни медалями, ни книгами, ни похвальными листами; прекращаются для всех воспитанников награды медалями, в продолжении трех лет, ибо нет достойных из воспитанников.

5. В Лазаревском институте решительно, окончательно, строжайше воспрещаю навсегда все забавы, все увеселения, все игры: в балах, в театрах, в прогулках, в иллюминациях, в фейерверках и во всех развлечениях, рассеянностях и в прочих собраниях, отлучках, и вообще вместо игры и вместо забавы должно всем воспитанникам больше учиться, больше упражняться, больше прилежанием, трудами заниматься в учении, в повторении уроков, особенно больше, строже взыскивать, требовать с бесплатных из армян всех воспитанников, которые, как замечены всеми начальниками и мною, крайне ленивы, безнравственны, неблагодарны, порочны и худы по многим проступкам и по возмущениям.

6. Если кто из воспитанников, особенно из бесплатных армян питомцев, недоволен, жалуется или превратно блуждает, осуждает и заражен вредными толками, и еще неприлично ведет себя в дерзостях, что пища, что одежда и обувь грубые,— таковых высылать, отчуждать, как беспокойных и вредных

воспитанников из числа учеников института, тем скорее и строже исключить из числа бедных армян питомцев, которые из хижин своих родителей по жалости, по состраданию и по доказанному благотворению, принимаются в институт дорого, заботливо, бесплатно воспитываются, содержатся, живут, одеваются, и эти бедные армяне, вместо признательности, нелепо, гнусно, позорно оказываются неблагодарными и вероломными. Таких безнравственных, порочных и зловредных бесплатных из армян питомцев вскоре, непременно исключать навсегда из института из числа бесплатных армян-воспитанников.

7. Строжайше воспрещается отныне впредь в Лазаревском институте для всех воспитанников, после определенных по Уставу общих годовых экзаменов, допускать еще новые какие-либо переэкзаменовки, дабы отвратить все беспорядки и все упущения. Тем более, если кто не выдержал на общем экзамене и не достиг удовлетворительных сведений по курсу наук и языков, потребных в знаниях и успехах, таковых оставлять в том же классе, неисправных, ленивых, неспособных воспитанников. Когда кто из бесплатных армян-воспитанников два года остается в одном классе, таковых бесплатных исключать из института и не оставлять больше в институте. Строже всех, особенно бесплатных из армян, питомцев экзаменовать и больше требовать, как в успехах, так и в нравственном, кротком, благонравном поведении, равно в покорности, непременном скромном поведении и в строгом взыскании по узаконенной дисциплине. Сверх того, если кто из бесплатных армян-питомцев продолжительно болен, неспособен, строптив, дерзок, глупо-горделив и не обуздан, таковых виновных ослушников, замеченных в проступках и пороках, немедленно безвозвратно исключать из института.

8. Всех из армян бесплатных питомцев, происхождения и рождения из духовного звания, обращать, зачислять и иметь в духовном отделении, а если кто из них будет худо вести себя, еще упорствовать, что не желает поступать в духовное звание, таковых непокорных, ослушников исключать из института и отправлять на родину, на счет армянских столичных церквей. А других из Лазаревских, из армян, бесплатных гражданских или светских питомцев отправлять на родину на счет Лазаревского института. При вступлении и при приеме в число бес-

платных, из бедных армян в штатные, безмездные питомцы, требовать непременно взноса положенных по расчету денег на обратное исключение и отправление на родину, а если кто не имеет денег, таковых воспрещается принимать.

9. Когда постановления, правила, узаконения, предписания справедливо, буквально, совместно, строго своевременно, полезно соблюдаются без всяких послаблений, в отлагательствах, в упущениях, в равнодушии, в забвении, тогда токмо больше, отчетливее, деятельнее, правосуднее все статьи и все предметы в движениях, в строгом исполнении, в служебных всех обязанностях и требованиях, предпочтительно от всех преподавателей, от всех должностных, а тем больше от всех воспитанников, особенно же от бесплатных, из бедных армян, дорогих по стоимости содержания питомцев, которые, как уже известно по худым свойствам в пороках и во вредных привычках и еще в позорных проступках, вместо благодарности оказывают глупое и преступное вероломство, даже стыд, поношение и возмущения, что явно обнаружилось при последнем гнусном и изменчивом происшествии, сколь презрительном, столь виновном, после многих доказанных щедрых благотворений от человеколюбивых, основателей-соорудителей и попечителей Лазаревского института.

10. Дознано практическою опытностию и многими неприятными, горестными случаями, что полезное неусыпное, сердобольное исполнение всех узаконений и правил токмо водворяет, утверждает, упрочивает как благоустроение в нравственном, учебном образовании в успехах и в результатах, равно в благотворно-вещественном, материальном, капитальном существовании Лазаревского института на приносимых ручательствах, в доставляемых трудах, а еще на более лестном, выгодном общем мнении, репутации и примечаниях всех сословий, тогда токмо с достоверностию больше доверенности и более число платящих пенсионеров, там где очевидны результаты, там больше кредита в доводах и в составе платящих пансионеров.

11. Известно и доказано, что нелепые, глупые, продолжительные, дополнительные вредные переэкзаменовки рождают и явно причиняют коренные пагубные злоупотребления, ибо напрасно теряется безвозвратно время и еще возникает праздность, леность, пороки, обманы во всех воспитанниках, которые

платных, из бедных армян в штатные, безмездные питомцы, требовать непременно взноса положенных по расчету денег на обратное исключение и отправление на родину, а если кто не имеет денег, таковых воспрещается принимать.

9. Когда постановления, правила, узаконения, предписания справедливо, буквально, совместно, строго своевременно, полезно соблюдаются без всяких послаблений, в отлагательствах, в упущениях, в равнодушии, в забвении, тогда токмо больше, отчетливее, деятельнее, правосуднее все статьи и все предметы в движениях, в строгом исполнении, в служебных всех обязанностях и требованиях, предпочтительно от всех преподавателей, от всех должностных, а тем больше от всех воспитанников, особенно же от бесплатных, из бедных армян, дорогих по стоимости содержания питомцев, которые, как уже известно по худым свойствам в пороках и во вредных привычках и еще в позорных проступках, вместо благодарности оказывают глупое и преступное вероломство, даже стыд, поношение и возмущения, что явно обнаружилось при последнем гнусном и изменчивом происшествии, сколь презрительном, столь виновном, после многих доказанных щедрых благотворений от человеколюбивых, основателей-соорудителей и попечителей Лазаревского института.

10. Дознано практическою опытностию и многими неприятными, горестными случаями, что полезное неусыпное, сердобольное исполнение всех узаконений и правил токмо водворяет, утверждает, упрочивает как благоустроение в нравственном, учебном образовании в успехах и в результатах, равно в благотворно-вещественном, матернальном, капитальном существовании Лазаревского института на приносимых ручательствах, в доставляемых трудах, а еще на более лестном, выгодном общем мнении, репутации и примечаниях всех сословий, тогда токмо с достоверностию больше доверенности и более число платящих пенсионеров, там где очевидны результаты, там больше кредита в доводах и в составе платящих пансионеров.

11. Известно и доказано, что нелепые, глупые, продолжительные, дополнительные вредные переэкзаменовки рождают и явно причиняют коренные пагубные злоупотребления, ибо напрасно теряется безвозвратно время и еще возникает праздность, леность, пороки, обманы во всех воспитанниках, которые

небрежно, худо, вредно, лениво учатся в продолжении всего года, вместо старания, вместо кроткого трудолюбивого поведения, часто и всегда впадают все эти безрассудные ученики в непокорных, своевольных, злых мальчиков, а что еще зловреднее, такие праздные вздорные воспитанники делаются буйными, своевольными, неукротимыми мечтателями, которые, как необузданные в страстях, в пороках и в проступках очевидно оказываются. Строжайше должно ограждать нравственность от зловредных проступков, еще строжайше воспрещаются навсегда все дополнительные, повторительные гибельные переэкзаменовки, как зловредные, худые последствия в позорных, тяжких, жестоких бедствиях, основанных на утратах времени, на возникшей явной безнравственности, следовательно отныне впредь навсегда изгнать, строже воспрещать, уничтожать все двойные переэкзаменовки, колико зловредные, толико пагубные, и еще разрушающие все цели добра в порядке, в достижении успехов и плодов, сколь необходимых, столь полезных в видах упрочения и результатах в благосостоянии цветущего, мирного, спокойного бытия института, поколебленного ныне крайне позорным, гнусным происшествием в бунте и в семенах раздора, интриг, злобы, сумасшествия нескольких коноводов, зловредных питомцев из армян, строптивых, мятежных, диких, безнравственных, неблагонадежных азиатцев, которых должно строже всех обуздывать, усмирять, ранее и скорее немедленно дольше отчуждать, отрешать и навсегда исключать, как болезнь, как злостную эпидемию, тогда токмо может основаться благосостояние института.

Попечитель *Лазарев*

МОГИА, ф. 213, оп. I, арх. № 365, св. 33, 1867, лл. 28—32 и об.

небрежно, худо, вредно, лениво учатся в продолжении всего года, вместо старания, вместо кроткого трудолюбивого поведения, часто и всегда впадают все эти безрассудные ученики в непокорных, своевольных, злых мальчиков, а что еще зловреднее, такие праздные вздорные воспитанники делаются буйными, своевольными, неукротимыми мечтателями, которые, как необузданные в страстях, в пороках и в прступках очевидно оказываются. Строжайше должно ограждать нравственность от зловредных проступков, еще строжайше воспрещаются навсегда все дополнительные, повторительные гибельные переэкзаменовки, как зловредные, худые последствия в позорных, тяжких, жестоких бедствиях, основанных на утратах времени, на возникшей явной безнравственности, следовательно отныне впредь навсегда изгнать, строже воспрещать, уничтожать все двойные переэкзаменовки, колико зловредные, толико пагубные, и еще разрушающие все цели добра в порядке, в достижении успехов и плодов, сколь необходимых, столь полезных в видах упрочения и результатах в благосостоянии цветущего, мирного, спокойного бытия института, поколебленного ныне крайне позорным, гнусным происшествием в бунте и в семенах раздора, интриг, злобы, сумасшествия нескольких коноводов, зловредных питомцев из армян, строптивых, мятежных, диких, безнравственных, неблагонадежных азиатцев, которых должно строже всех обуздывать, усмирять, ранее и скорее немедленно дольше отчуждать, отрешать и навсегда исключать, как болезнь, как злостную эпидемию, тогда токмо может основаться благосостояние института.

Попечитель *Лазарев*

МОГИА, ф. 213, оп. 1, арх. № 365, св. 33, 1867, лл. 28—32 и об.

№ 94

Отношение попечителя Лазаревского института в правление института о студенческих беспорядках в Петербурге и Тифлисе и предотвращении беспорядков в Лазаревском институте

29 марта 1869 г.

1. Полагаю, что известны неприятные, горестные происшествия и проступки студентов бывших в С. Петербурге: в Медицинской Академии, в Университете и в Технологическом институте и в Тифлисе в местных гимназиях, где два учебные заведения закрыты. К обузданию виновных и взысканию с них приняты законные, энергические меры.

2. С крайнею осторожностью в наблюдениях и в исследованиях, на частных справках и удостоверениях, необходимо должно ограждать более нравственность всех питомцев Института и направлять их к прилежанию и сугубым трудам, неизбежным при образовании. Если кто из воспитанников вообще и особенно из бесплатных из армян питомцев оказывается неблагонадежным в свойствах врожденных и в пороках буйства, неповиновения, даже мятежен, вреден, таковых ранее увольнять и исключать из Института, дабы предупреждать своеволие и следы волнения в брожении умов и худых разных проступках своеволия и в беспорядках. Воспрещать всякого рода сходки, тайные сообщества и зловредные проделки от ложных понятий. Словом требовать больше прилежания, трудов, скромности и повиновения от всех могущих нарушить порядок и спокойствие. В противном случае удалять таковых и исключать из Института: ибо где послабленья и где нет благоразумного законного взыскания, там буйство на волнениях и на беспорядках преступных.

МОГИА, ф. 213, д. 379, 1869, л. 42 об.

№ 95

Письмо С. С. Аветова Н. Г. Чернышевскому

1884 г.

Г-ну Николаю Гавриловичу Чернышевскому

Покорно Вас прошу не отказать управляющему г-на Орехова—Акиму Петровичу Купилову, который просит меня взять Вас и прийти к ним сего 19-го в 7 часов пить чай. Отвечайте.

Слуга покорный *С. С. Аветов*

Не взыщите за грамматику.

ЦГЛА, ф. I, оп. I, д. 430, л. I.

№ 96

Письмо Сусанны Хачатуровой Ольге Сократовне Чернышевской

б/д

Милая Ольга Сократовна!

Простите, что я так долго не писала, но после постигшего Вас горя, я думаю, Вам было не до моих писем.

Вот теперь я пишу и сама не знаю—что́ писать, потому что слова утешенья совсем мне кажутся лишними...

Когда я узнала о смерти Николая Гавриловича от Мелькумовых, то это так меня поразило, что я не могла несколько времени прийти в себя. Я представить не могла и думать не хотела, чтоб Николай Гаврилович когда-нибудь мог умереть,—мне хотелось, чтобы он жил долго-долго. Но довольно об этом, вместо того, чтоб написать Вам что-нибудь в утешение, я распространяюсь о том, какое впечатление произвела смерть Николая Гавриловича на меня. А Вы, милая Ольга Сократовна, не грустите очень, сколько ни убивайся, а воскресить его нельзя, должно быть так Богу было угодно. Дай Бог, чтобы Вы всегда были здоровы и жили бы много лет...

Прощайте, милая Ольга Сократовна,
крепко вас любящая

Зося

ЦГЛА, ф. I, оп. 2, д. 92, л. I.

№ 97

Письмо Софьи Мелькумовой Ольге Сократовне Чернышевской

11 ноября 1889 г.
Астрахань

Дорогая Ольга Сократовна!

Раз двадцать принималась писать Вам, но откладывала, потому что не знаю—с чего начать, как выразить слова утешенья. Да и мыслимо ли найти слов утешительных при такой большой и неожиданной потере, как для Вас, так и для нас всех...

Получив Вашу телеграмму, я пошла к Дашеньке и передала Вашу просьбу, наверное она ее исполнила.

Наши все искренно жалея нашего дорогого и незабвенного Николая Гавриловича, желают Вам от Бога утешенья в столь тяжком горе Вашем.

Искренно сочувствующая Вам
Софья М.

ЦГЛА, ф. I, оп. 2, д. 73, л. I и об.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абамеликова А. Д. — 27.
Абамеликов И. С. — 26, 380.
Абгаров — 227.
Абовян В. — 126.
Абовян Е. — 147.
Абовян Х. — 27, 46, 54, 56, 57, 60, 110, 113, 125—127, 134, 138, 186, 246—250, 253, 256, 289, 328, 343, 363, 375, 380.
Абих О. Х. — 125.
Абрамов — 469.
Абрамов И. А. — 42, 43, 46.
Авакян Х. — 126.
Август Семен — 20, 91, 92, 383.
Авдалбекян Т. А. — 371.
Аветян А. — 13.
Аветов С. С. — 500.
Авраам Вагаршапатский — 91.
Агабабов Н. — 30.
Агаян Г. — 176, 253—255, 271, 282, 289, 321, 323, 356, 405, 406, 408.
Агаширянц Г. — 126.
Адо — 371—374, 421, 422, 424.
Адонц Н. — 28, 56.
Адрианова-Перетц В. П. — 61.
Азнавурян М. — 126.
Айвазов А. — 298.
Айвазовский Г. К. — 44, 45, 51, 52, 176, 187, 220—224, 442, 465—467, 470, 472.
Айвазовский И. К. — 460.
Айрапетян (Гайрапетов К.) — 46, 48, 179, 211, 464—469.
Акопян А. — 294, 341, 342, 351, 354, 359, 363—366, 371.
Акопян П. — 246.
Акопов — 492.
Акинин И. — 474.
Аксаков С. Т. — 105, 107, 108.
Аламдарян А. — 119, 395.
Алейхов Я. — 50.
Александр II — 53, 122, 172, 178.
Алексеев-Месхиев Н. — 201.
Алексей Михайлович — 13, 28.
Алипянц П. — 126.
Алиханов В. — 489, 491, 493.
Алишан Г. — 262, 263, 323.
Алхазов П. — 201.
Амаспюр А. — 193.
Аматуни М. — 126.
Аматуни Н. И. — 200, 210, 216.
Амбахулян — 492.
Амбарцумов А. Е. — 235, 236.
Амирян Павел — 13.
Амирян Петр — 13.
Ананун Д. — 342.
Ананьев — 492.
Андреев Л. — 290.
Андреевский И. Е. — 474, 477.
Андриас — 465.
Анке Н. Б. — 155, 159.
Анненков П. В. — 163.
Антонович М. А. — 223, 224.
Арази М. — 366.
Аракелов — 492.
Аракелян А. — 242.
Арамян М. — 271.
Арапетов Я. — 96.
Арапов Н. Ц. — 489.
Араратский А. — 77—81, 83, 84.
Арасханян А. — 227.
Аргутинский-Долгоруков И. — 16, 26, 33, 41—44.

Аргутинский-Долгоруков М. — 459, 460.
Аренс В. — 337.
Арзанов Н. — 487.
Арзанов Д. — 388.
Арзанов Я. — 108, 109, 247, 388.
Арешев — 492.
Аристофан — 129.
Арпиарян А. — 363.
Арсеньев К. К. — 319.
Арутюнян Т. С. — 240.
Арцруни Г. И. — 210, 241, 242, 260, 308, 452—454.
Аршаруни А. М. — 14.
Аскарханов — 225.
Аскарян В. — 126.
Атабекян И. — 346.
Атанасянц А. Л. — 368.
Аттая М. О. — 285.
Афанасьев — 492.
Ахматов Н. С. — 121.
Ахумянц М. — 126.
Ачкасов Д. — 474.
Ашукин Н. С. — 337.

Бабаян А. С. — 14.
Бабиев Г. О. — 482.
Бабиян С. — 295, 296.
Бабст И. К. — 206, 491, 493.
Байрон Д. — 109, 324.
Бакунин М. А. — 212, 219, 220, 370—374, 380, 422.
Бакунин М. И. — 380.
Балабанов — 464—468.
Балтрушайтис Ю. К. — 337.
Бальмонт К. Д. — 323, 339.
Барсегян Х. А. — 349, 350, 355, 357.
Барский В. Г. — 68.
Бартольд В. В. — 10.
Бархударянц А. Б. — 482.
Бархударян Г. — 191.
Барятинский А. И. — 171, 440.
Басин Е. — 85.
Басов В. А. — 159.
Батырев М. — 363.
Батюшков К. Н. — 145.
Бауэр Н. — 480.
Бахчисарайцев Х. — 314.
Бебель А. — 345.
Бебутов В. О. — 89.
Бегичев К. Н. — 8.
Бегулов — 492.
Безбородко А. А. — 26.
Бекетов В. Н. — 172, 256, 400.
Белинский В. Г. — 48, 124, 145, 146, 165—167, 188, 205, 227, 230, 368.
Бек-Хубов — 492.
Белоусов И. — 323.
Белоцерковский И. Е. — 225, 464, 468.
Бель Дж. — 69.
Белый А. — 365.
Беляев В. А. — 491, 492.
Бенкендорф А. Х. — 107, 109.
Беранже П.-Ж. — 165, 166.
Берберян М. — 193, 281, 314, 316, 318, 328, 410, 414, 416—418.
Берберян Ов. — 209, 465, 469.
Березин И. Н. — 266.
Берже А. П. — 232.
Бероев Н. Л. — 27, 28, 113—121, 135, 142, 172, 173, 195, 196, 253, 254, 256, 263, 264, 271, 274, 392—396, 398, 400, 438, 448.
Берне Л. — 356.
Бирюков П. И. — 287.
Благовещенский Н. М. — 474, 477, 480.
Благой Д. Д. — 162.
Блок А. — 337, 339, 363.
Блудов Д. Н. — 110.
Блюм К.-Л. — 132.
Бобровский В. С. — 349.
Богданов А. П. — 158.
Богдановский В. — 474.
Богословский Е. — 362.
Болдырев Н. — 480, 481.
Ботев Х. — 310.
Боткин С. П. — 153.
Боткин В. П. — 163, 167.
Бочоридзе М. — 349.
Броссе М. И. — 109, 117, 118, 134, 135.
Брюсов В. Я. — 283, 326, 332—335, 337, 339, 343, 365.
Будагов Л. З. — 117—120, 393, 394.
Буксбаум И. Х. — 379.

Булгарин Ф. В. — 380.
Булыгин А. Г. — 347.
Бунин И. А. — 323, 339, 365.
Бурджалов — 146.
Буслаев Ф. И. — 62.
Бутков В. П. — 201, 433, 439, 440, 444, 451.
Бутурлин Д. П. — 110, 111.
Быков Д. — 474.
Бэр К. М. — 125.
Бэрг Г. — 231, 232.

Вага И. В. — 126.
Вазов И. М. — 310.
Валуев П. А. — 251, 252.
Варданян А. — 366.
Вареп Э. — 126.
Варнек Н. А. — 199.
Вартазарян Ф. — 279.
Вартан — 92.
Васильев — 11.
Васильев М. — 64.
Васко-да-Гама — 57.
Ваткин Г. — 337.
Венгеров С. А. — 319.
Вересаев В. В. — 290, 336.
Верховский Ю. Н. — 337, 339.
Веселовский А. Н. — 285, 315.
Веселовский Ю. А. — 281, 290, 302, 304, 305, 313, 314, 316, 318—329, 331, 339—341, 410, 414, 416—419.
Веселовский Н. И. — 266.
Ветошников П. А. — 211, 224.
Водовозов — 459.
Волынский А. П. — 69.
Вольтер — 74, 147.
Воронцов М. С. — 27, 49, 138.
Воскресенский — 473, 478.
Врасский А. — 474.
Вредик — 480.
Выставкина Е. — 331, 337.
Вяземский П. А. — 122.
Вяземский А. А. — 26.

Габриэлянц А. Б. — 482.
Гаврилов Ф. — 44, 50.
Гаврила — 391.
Гагара В. Я. — 61—63.
Гагемейстер Ю. А. — 95.
Гараджян Г. — 346.
Гарибальди Д. — 182, 228, 252.
Гарин-Виндинг Д. В. — 319.
Гаршин В. — 236, 276, 278, 280, 289, 308, 459.
Гасан-хан — 86.
Гаспаров — 492.
Гафиз — 362.
Гаффаров М.-А. — 285.
Гегамян Г. — 155.
Гегель — 132.
Гейман — 157.
Гейне Г. — 165, 166, 320.
Гекимян С. — 323.
Гельмерсен Г. — 125.
Георги И. Г. — 71, 73, 74.
Гербер И. Г. — 64, 65, 67, 74.
Гернет М. Н. — 201.
Герцен А. И. — 48, 146, 150, 151, 156, 174, 181, 183, 199, 209, 214—219, 226, 229, 313, 370, 372—374, 380, 422.
Гёте И. — 132.
Гильденштедт И. А. — 71, 379.
Гирс Н. — 53.
Глебов И. Т. — 153, 154.
Глинка С. Н. — 105—108, 388, 397
Гмелин С. Г. — 71—74, 379.
Гнуни И. — 332.
Гнучева В. Ф. — 66, 71.
Гогоберидзе В. — 201.
Гоголь Н. В. — 144, 145, 167, 276, 460.
Голицын А. Н. — 21—24, 383—387.
Голицын Е. А. — 103, 239, 330, 331.
Голицын М. М. — 66.
Голицын С. М. — 150.
Головачевский С. — 323.
Головин А. В. — 448.
Головин Ф. А. — 64.
Гомер — 58.
Гончаров И. А. — 105, 108, 121, 257, 400, 401.
Гордлевский В. А. — 285.
Горемыкин И. Л. — 458.
Горчаков А. М. — 221.
Горький А. М. — 276, 289—305, 310, 332, 335, 336, 338, 340, 341— 343, 353, 359, 362, 363.
Грановский Т. Н. — 157, 159.
Грачия М. — 192.
Греков Б. Д. — 11.
Грживовский С. — 474.
Грибоедов А. С. — 80, 87, 90, 145, 248.
Григорьев А. — 167.
Григорьян К. Н. — 68, 84, 170.
Гуламирян С. С. — 236, 237, 459, 461.
Гюго В. — 322.
Гюль Назаров Ф. — 425.
Гюне Г. — 472.

Давтянц — 492.
Давыдов Д. В. — 90, 380.
Далаков — 492.
Данилевский Г. П. — 220, 257.
Данилин Ю. — 165.
Дарвин Ч. — 156.
Даштоян Р. — 359.
Де-Ла-Порт — 69, 70.
Делянов И. Д. — 252, 451.
Демирчян Д. К. — 283.
Державин Г. Р. — 144.
Дериджанян М. — 42—44, 46.
Джамбазян — 292.
Джапшиев Г. — 319, 330, 331.
Джафар М. — 285.
Дживелегов А. К. — 325, 332, 482.
Джрпет Ш. — 127.
Диодор — 129.
Дмитриев П. — 480.
Добролюбов Н. А. — 155, 156, 163— —166, 171, 183, 188, 189, 192, 196, 205, 209, 215, 229, 253, 368, 380.
Додохян Г. — 126, 323, 380.
Долгоруков П. — 374.
Долгоруков В. А. — 171.
Долгов С. О. — 61.
Доманнев С. Г. — 74.
Дорн Б. А. — 80, 81.
Достоевский Ф. М. — 236, 276, 303.
Драгомирецкий В. — 246, 249, 259, 263, 273, 274, 280, 290, 310, 369, 421.
Дружинин А. В. — 167.
Дубровин Н. — 35, 36.
Дудышкин С. С. — 167.
Дурново Г. — 241, 317, 416, 417.
Дурян П. — 316, 320, 322.
Дюбуа-де-Монтперо — 94, 95.

Евангулян Г. — 210.
Евгеньев-Максимов В. Е. — 172.
Евдокимов — 479.
Егише — 16, 322.
Егулов А. М. — 389.
Едигаров — 288.
Екатерина II — 35, 42.
Екенян М. — 47.
Елагин Н. В — 121.
Елисеев Г. Г. — 212.
Елисеев Г. З. — 224.
Елисеев С. Г. — 212.
Ениколопов И. К. — 87.
Еремеев А. — 491.
Еремов А. — 206.
Ерзинкян А. — 351, 352.
Ерицян А. — 407.
Есаул — 98.
Ефрем — 21, 24.
Ефремов П. А. — 74.

Жданов А. — 287.
Жоффруа С.-И. — 157.
Жуковский В. А. — 265.

Загоскин М. Н. — 162.
Зайцевский П. Г. — 201.
Зарапов С. — 205.
Зарбаналян Г. — 179.
Заркаров М. — 206, 489, 491, 493.
Зарян Р. — 246, 247.
Засулич В. — 372, 422.
Зеленой С. — 147—149.
Зилов Л. — 331, 337.
Зиновьев А. З. — 26, 144, 147, 437, 438.
Зиновьев К. — 15.
Златовратский Н. Н. — 272.

Злыднев В. — 310.
Зорян С. — 283, 284.
Зосима — 59.
Зохраб Г. — 363.
Зубов П. А. — 26, 93, 94.
Зурабян А. — 357

Ибсен Г. — 320.
Иван III — 57.
Иван IV — 28.
Иванов В. — 337, 339.
Ивановский И. Г. — 474, 475, 477, 480.
Игнатий — 85.
Игнатьев А. — 474.
Игнатьев Н. П. — 53.
Измаильцев — 49, 50.
Измайлов М. — 144.
Измайлов П. — 480, 481.
Иноземцев Ф. И. — 154, 155.
Иоаннес (священник) — 389—391.
Иоаннес (архиепископ) — 21, 22, 24, 30, 31, 384—387.
Иоганнесов И. — 18, 22, 27, 384.
Иоаннесов — 428.
Иоаннисян А. — 244, 245, 455—458.
Иоаннисян А. Г. — 27, 45, 190, 252.
Иоаннисян А. Р. — 26.
Иоаннисян И. — 14, 262, 289, 316, 320, 323, 364, 412.
Ипполит — 266.
Ирицпухов Г. — 119, 395.
Исаакян А. — 297, 303, 304, 323, 331, 339, 364.
Ишутин Н. А. — 374.

Кавелин К. Д. — 207.
Каджберуни — см. Тер-Ованисян Г.
Казарян М. — 126.
Кайтмазов — 248.
Калантар Л. — 337.
Калантарян Г. — 126.
Калинин Н. Ф. — 11.
Камалянц А. В. — 482.
Камбиз — 75, 76.
Камер-Гацкий — 464, 465.
Камо — 354, 357.
Кананов Г. И. — 238, 314.
Кананова В. И. — 258, 259.
Кант — 132.
Канкрин Е. Ф. — 93.
Карагезов А. Г. — 238.
Карагезян А. М. — 482.
Каракозов Д. В. — 372, 374, 422.
Карамзин Н. М. — 77, 83, 256.
Кара-Мурза Н. — 325.
Каратыгин В. А. — 321.
Караханов — 274.
Каринян А. Б. — 179, 351, 356, 359, 360, 362, 363.
Карпович Л. — 474.
Карчевский — 50.
Катенин А. — 426.
Катков М. Н. — 233, 277.
Кастанаев Х. — 467.
Касян С. — 351.
Качкачев — 146.
Кецховели Л. — 349.
Кивокурцев П. В. — 491.
Кир — 75.
Киселев П. Д. — 220, 221.
Кишмишев А. — 274, 452, 454.
Клейст — 49, 50.
Клевцов — 47.
Ключарев Я. — 72.
Клюшников В. П. — 276.
Кнунянц Б. — 349, 354, 356, 357.
Ковалевский Е. П. — 113, 123, 395.
Кокчеянц А. — 491, 492.
Колобов В. — 372, 421, 422, 424, 427, 429, 430, 431.
Колонтаров М. — 210.
Кольцов А. В. — 279.
Константинов О. — 98.
Корганян А. — 126.
Коркин К. — 474.
Короленко В. Г. — 233, 289, 363.
Корнель — 324.
Корф Ф. — 94.
Корш Ф. Е. — 285.
Костенецкий Я. И. — 150.
Котов Ф. А. — 59—61.

Кох В. И. — 154.
Кочарянц — 407.
Крат — 469.
Красовский А. И. — 86.
Красовский Ал. И. — 18—20, 121, 389.
Крачковский И. Ю. — 7, 118.
Крашенников Н. — 72, 73.
Креницын А. — 427, 428.
Крейцвальд Ф. Р. — 126.
Критский В. И. — 150.
Критский М. И. — 150.
Критский П. И. — 150.
Кропоткин П. А. — 372, 374, 422, 423.
Крузе Ф. — 127, 128, 131, 132.
Крупская Н. К. — 349.
Крылов И. А. — 248, 472.
Крымский А. Е. — 285.
Ксенофонт — 76.
Кудашев — 317, 418.
Кудрявцев П. Н. — 159.
Куломзин А. — 417.
Купилов А. П. — 500.
Куракин — 26.
Кургинян Ш. — 304, 305, 366, 371, 372, 429.
Курочкин В. С. — 164, 165, 254.
Кусикян К. — 237, 372, 427, 428, 461.
Кутари М. — 116.
Кучубекян О. — 191.
Кюхельбекер В. К. — 90.

Лафатер И.-К. — 193.
Лавров П. Л. — 372, 374, 422.
Лагорио Л. Ф. — 460.
Лазарев Ив. Л. — 13, 15, 25, 26, 141, 145, 146, 148, 149, 380, 397, 436, 437.
Лазарев И. Л. — 23, 24, 26, 139, 140, 169, 380, 385, 385, 389.
Лазарев Л. Н. — 25, 380.
Лазарев М. Л. — 25, 380.
Лазарев Х. И. — 15, 25, 107, 108, 205, 206, 252, 397, 402, 403, 470, 472, 485—490, 497, 498.
Лазарева Е. И. — 15.
Лалаев Д. — 485.
Лайгна К. — 126.
Ланской С. С. — 51, 52, 222.
Ланской — 238, 242.
Лафарг П. — 345.
Лачинов Е. — 86, 87.
Лебедев В. — 480, 481.
Лебедев Н. — 480, 481.
Левицкий Г. В. — 131.
Левонян Г. Д. — 14.
Левский В. — 310.
Ледебур К. Ф. — 125.
Лемке М. К. — 122, 124, 214, 215.
Ленин В. И. — 6, 40, 183, 199, 200, 275—277, 305, 307, 311, 342—345, 349—353, 357, 358, 360, 362, 375.
Лео — 23, 33, 41, 42, 179, 290, 327.
Леон VI — 77.
Леонтьев П. М. — 159, 277.
Лепехин И. И. — 71, 73.
Леренц — 262, 316, 320, 323, 412.
Лермонтов М. Ю. — 162, 164, 236, 257, 276, 459, 460.
Лерхе И. Я. — 65—67, 74.
Лессинг Г. — 193.
Ливен — 105.
Линков Я. И. — 124.
Липскеров К. — 337.
Лисициан С. Д. — 296.
Лисициан С. С. — 337, 339.
Ломоносов М. В. — 248.
Лопухин П. В. — 43.
Лорис-Меликов С. — 15.
Лукреций — 128.
Лукьянов И. — 68.
Луначарский А. В. — 364.
Лункевич М. — 480, 481.
Лусиков Г. — 13.
Лютрех — 29.
Лядов В. И. — 98.

Магницкий М. Л. — 104.
Мадейский Ф. — 34.
Майков А. Н. — 257.
Майков Л. Н. — 199.
Майсурян И. — 126.
Макарий — 472.

Макаров В. — 13.
Макинцян П. — 332, 337, 342.
Маковский В. Е. — 308.
Манвелян Л. — 179.
Мандинян С. — 177, 442.
Манучарян М. — 346.
Мануэлян Л. — 323, 327.
Маркарян А. С. — 186.
Маркарян Г. — 126.
Маркосян Х. — 372, 428, 430, 431.
Маркс К. — 5, 112, 165, 345, 367.
Марлинский А. А. — 162.
Маркузов — 226.
Мармонтель Ж.-Ф. — 74.
Марр Н. Я. — 28, 79, 80, 136, 255, 262, 265—274, 308—310, 319, 328, 329, 379, 403, 405, 406, 409, 420.
Мартикян С. — 359.
Мартирос — 10.
Мартиросов — 227.
Мартиросян — 244, 455, 456.
Маслинов — 50.
Матсос — 25, 141, 148, 149, 194, 196, 407, 441, 442, 466.
Махарадзе Ф. Е. — 349.
Меджикян И. — 309.
Мелик-Агамалова М. — 242.
Меликов П. М. — 391.
Меликсет-Бек Л. М. — 9.
Мелик-Хан-Меграбов — 273.
Меликян М. — 349, 351.
Мелкумов — 227, 228.
Мелкумова С. — 228, 501.
Мендельсон — 193.
Менцель В. — 165.
Меняев П. Ф. — 212.
Метерлинк М. — 341.
Мешерский В. П. — 276.
Мнасарян Н. — 202, 470, 471.
Мидлендорф А. Ф. — 125.
Микаэлян К. — 332, 337.
Микулинский С. Р. — 156.
Миллер В. Ф. — 285.
Миллер Г. Ф. — 73.
Миракян М. — 349, 351.
Мирзабеков М. — 34.
Мириманян Е. — 126.
Мириманян М. — 126.
Митропольский С. — 77, 84, 85.
Михаил — 391.
Михаил Сирийский — 135.
Михаил Федорович — 61.
Михайлов М. И. — 205, 312.
Михайлов И. — 72.
Михайлов Н. — 479.
Михаэлис Е. П. — 207, 209.
Мкртумян — 205.
Мовсесян Т. П. — 126.
Моисей — 391.
Монастырцев — 274, 455.
Мордвинов А. Н. — 397.
Мравян А. А. — 294, 297, 300, 342, 356, 362.
Мсериянц М. — 113, 144, 147, 161, 253, 442, 451.
Мсериянц З. — 175, 317, 395, 402, 418, 442, 448—451.
Муравьев А. — 293.
Муравьев А. Н. — 96.
Мурадян Г. — 246—248, 257.
Мурацан — 321.
Мургузов — 492.
Мусин-Пушкин М. — 134.
Мхитарян М. — 187.
Мясоедов Н. — 474.

Наварян — 296.
Навасардян Т. — 226.
Нагапетов А. — 204.
Надсон С. Я. — 327.
Назаретян Г. М. — 487.
Назарбегян Ф. — 126.
Назаревский — 316, 410, 412.
Назарян С. И. — 14, 24, 27, 39, 49, 110, 113, 120, 125—141, 144, 147, 148, 167—171, 174, 175, 177, 179, 182—187, 189—191, 193—197, 245, 252, 355, 380, 395, 433, 434, 436—443, 451.
Назарян Т. Я. — 245.
Назарян Ш. Л. — 45.
Налбандян М. Л. — 14, 27, 44, 45, 47—49, 54, 113, 114, 120, 141—143, 146—154, 156—171, 174, 175, 179, 182, 184—193, 195, 196, 209—220, 222—226, 233, 245, 250—254, 278, 289, 305, 355, 366, 368—371, 374, 414, 464—466, 468—471.
Нанумян Р. П. — 133, 134.
Наполеон I — 105, 150.
Нар-Дос — 282, 284, 316, 321.
Наханетов А. — 480, 481.
Наханетян Т. — 290.
Негри А. — 429.
Нейе Х.-Ф. — 132.
Нейман — 136.
Неклюдов — 207.
Некрасов Н. А. — 172, 184, 191, 196, 205, 227, 229, 257, 276, 279, 305, 380.
Некрасова Е. — 313, 314.
Нерсес Аштаракский — 25, 27, 46, 47, 49, 80, 138, 187, 244, 391, 441, 442, 455, 456.
Нерсесян М. Г. — 11, 35, 36, 87, 241, 308.
Нессельроде К. В. — 23, 385.
Нефедьев Н. — 95.
Нечаев С. Г. — 374, 423.
Нечкина М. В. — 90.
Никитенко А. В. — 20, 121, 123, 124.
Никитин А. — 57.
Никогос — 82.
Николадзе Н. — 229.
Николай I — 39, 51, 93, 100, 103.
Николай II — 347.
Новгородов Я. — 487.
Новиков Н. — 74, 373.
Нович И. — 363.
Норов А. С. — 121—123, 169, 170—172, 438, 439.

Обручев Н. Н. — 214.
Ованнесян Т. — 295.
Ованян Г. Н. — 189, 282, 298.
Оганджанов Л. — 126.
Оганесов — 493.
Оганесян А. — 206, 489, 491.
Оганян И. — 200, 209, 210, 215, 216.
Оганян Н. — 200, 207, 209, 210, 215, 216.
Огарев Н. П. — 146, 164, 182, 183, 205, 213—216, 218, 305, 313, 372, 374, 422.
Озерецкий — 472, 477, 479.
Оленин А. Н. — 81.
Олин — 19.
Оранский — 144.
Орбелиани — 439, 440.
Орджоникидзе С. — 358.
Орехов — 500.
Орешкин — 69.
Ори Исраэл — 64.
Орлов А. Ф. — 494.
Орловский — 226.
Осинян А. М. — 482.
Османовский — 203, 473, 475—479.
Островский — А. Н. — 272.
Остроумов — 337.

Павел I — 26.
Падеревский И. — 474.
Паллас П. С. — 71, 73.
Пальцев П. — 480.
Панаев И. И. — 257.
Пантелеев Л. Ф. — 207, 215.
Пантелеев Н. — 419.
Папазян А. — 126.
Папазян В. — 300—302, 327, 339, 363, 425—427.
Папин В. — 57.
Пароян А. — 322.
Паррот Е. И. — 60.
Парсамян В. А. — 80, 87.
Партизуни В. З. — 246.
Паскевич И. Ф. — 86, 98, 100.
Патканов К. П. — 27, 28, 56, 126, 208, 263—266, 271, 274, 278.
Патканян Г. — 44—54, 432.
Патканян И. Г. — 52.
Патканян Р. Г. — 27, 36, 52, 126, 177, 178, 250, 256—259, 278, 289, 305, 308, 316, 318, 322, 323, 371, 375, 380, 398, 411, 414, 419, 446, 447.
Паульсен Ф. — 413.

Певницкий — 312.
Пейкер Н. И. — 121.
Пекарский П. П. — 70.
Пемеллер — 451.
Перикл — 130.
Перфильев — 490.
Петерсон К. Я. — 126.
Петр I — 11, 15, 29, 31, 64, 68, 70—72, 107, 150, 257.
Петрашевский М. В. — 372, 422.
Петров В. — 74.
Петровский Н. М. — 60.
Петросян М. — 366.
Петрушевский Ф. Ф. — 480.
Петухов Е. В. — 126.
Пешикташлян М. — 250, 316, 411.
Пиксанов Н. К. — 7, 87, 335.
Пимен — 58.
Пирогов Н. И. — 125, 288.
Писарев А. И. — 150.
Писемский А. Ф. — 311.
Платон — 128.
Плетнев П. А. — 116, 117, 142, 149, 393, 394.
Плещеев А. И. — 459.
Плутарх — 129.
Победоносцев К. П. — 233, 271, 277.
Погодин М. П. — 60.
Полежаев А. И. — 150.
Полонский Я. П. — 257.
Полунин А. И. — 154, 155.
Померанцев Г. — 91.
Помяловский Н. Г. — 254.
Попов М. — 69.
Попов С. М. — 227.
Посошков И. Т. — 373.
Поссельт М.-К. — 132.
Потанин — 337.
Потемкин Г. А. — 26, 35, 77.
Потье К. К. — 285.
Преллер Л. — 132.
Преображенский В. — 413.
Пржигодский А. — 474, 479.
Придоян М. — 126.
Протагор — 128.
Прошян П. — 79, 80, 253, 254, 282, 289, 321.
Прудон П.-Ж. — 370.
Пугачев Е. И. — 373.
Пушкин А. С. — 84, 87—89, 145, 162, 164, 186, 248, 257, 276, 289, 366, 460.
Пыпин А. Н. — 315.
Пятницкий — 336.

Радищев А. Н. — 46, 77, 88, 373.
Раковский Г. — 310.
Рамадановский С. — 13.
Раффи — 256, 259—261, 308, 313, 327, 343, 371, 403.
Рахманов — 227.
Решетников Ф. М. — 254.
Розберг М. П. — 132.
Розен В. Р. — 260, 266.
Розенберг В. — 104, 110.
Ростиславов А. — 480, 481.
Ротинян А. — 126.
Ротинян М. — 126.
Рубан В. — 77.
Рулье К. Ф. — 156—158.
Румянцев П. А. — 35, 36.
Рунич Д. П. — 104.
Ружковский А. — 475, 477.
Рштуни В. А. — 241.
Рыбушкин М. — 28.
Рычков — 73.

Саади — 136, 137.
Савицкий Ф. — 474.
Савичь А. Н. — 474, 477.
Садатян М. — 147, 191.
Саллантян М. — 91, 161.
Салтанов Б. — 13.
Салтыков А. Д. — 97.
Салтыков-Щедрин М. Е. — 272, 380.
Самвелян Х. — 295.
Самуелян С. Х. — 282.
Сандал — 272.
Сарафова К. — 17, 61.
Сарафян М. — 17.
Саркис — 195.
Саркисов Н. — 466, 468.
Саркисян Х. С. — 186.
Сахаров И. П. — 59, 63.

Саят-Нова — 339.
Севак Г. — 185.
Седракян А. — 79, 80, 271, 454.
Семенов Д. — 98.
Семенов — 50.
Семеновский Д. — 338.
Серафим — 20—24, 383, 386.
Сергеев П. — 460, 473—475, 477, 479.
Сергеенко В. А. — 281.
Серебряков М. — 492.
Серно-Соловьевич Н. А. — 214, 219, 372, 374, 380, 422.
Сеченов И. М. — 146, 152, 153, 155, 159, 160.
Сиверс Е. Е. — 52, 53, 178.
Сидоров — 427, 428.
Симонян П. — 126.
Слепцов А. А. — 214.
Слепцов В. А. — 254.
Смирнов А. П. — 11.
Смирнов В. — 337.
Смирнов В. Д. — 266.
Согинов Г. — 92.
Соколов А. — 72, 74.
Соловьев С. М. — 157.
Сомаль С. — 136.
Сомов Г. И. — 474, 477.
Сорокин А. Ф. — 380.
Спандарян С. — 283, 297, 298, 351, 356, 358, 360, 361, 363.
Спасович В. Д. — 207.
Спасский В. — 337.
Спасский-Автономов — 147.
Сталин И. В. — 349, 357, 358.
Старцев — 298, 299.
Стасюлевич М. М. — 207.
Степанов — 492.
Степанэ Х. — 193, 280, 281.
Степанян Г. — 251.
Степняк-Кравчинский С. М. — 265, 278.
Столяревский — 469.
Стопанин А. М. — 360.
Стоянов З. — 308, 309.
Строганов А. Г. — 103.
Строганов — 25
Струве В. — 125.
Стурдза А. С. — 104.
Стюарт-Милль — 219.
Стягин С. — 50.
Суворов А. В. — 35—37.
Суворов А. А. — 200, 202, 308.
Сукиасов Б. Е. — 227, 465—468.
Султан-Шах А. — 27, 147, 192, 193.
Султаншах Е. — 467.
Султан-Шах С. Г. — 168.
Сулханов Д. — 480, 481.
Сулькевич Н. В. — 492, 493.
Сундукян Г. — 27, 258, 262, 265, 313, 316, 318, 321, 323, 327, 328, 339, 340, 341.
Сундукян М. А. — 336.
Суренян В. — 14.
Суренян Е. — 169, 171, 438.
Суханов А. — 63.
Сухманов Ф. — 480, 481.
Сухомлинов М. И. — 474, 477.
Сухотин П. — 331.
Сю Эжен — 114, 195.

Тавакалян Б. — 210.
Тамамшев А. — 203, 210, 474, 476, 477.
Тагиядян М. — 250.
Тантави М. А. — 118, 119.
Тарханян А. Н. — 239.
Татищев В. Н. — 373.
Тацит — 159.
Тер-Аветикян — 205.
Тер-Александрян — 407.
Тер-Григорян М. — 225.
Тер-Гукасян С. — 125.
Тер-Исай — 125.
Тер-Каспарян Р. — 482.
Тер-Мартиросян О. см. А-до.
Тер-Микаэлян А. — 126.
Тер-Микаэлян О. — 126.
Тер-Мкртичян Г. — 202.
Тер-Минас — 82.
Тер-Овакимян А. — 126.
Тер-Ованесян Г. — 189, 191, 193.

Тер-Петросян Г. — 403.
Тер-Петросян И. — 126.
Тигран II — 75—77.
Тиграпян Л. — 126.
Тигранян С. — 14.
Тимуров М. А. — 232.
Тихомиров М. Н. — 12.
Тихонов А. Н. — 338, 339.
Ткачев П. Н. — 372, 374, 422.
Толстая С. А. — 279.
Толстой Л. Н. — 89, 189—191, 236, 237, 276, 278—290, 297, 303, 348, 359, 363, 364, 421, 459.
Топоров — 159.
Топчибашев М. — 118, 119.
Торосов А. — 29.
Траверсе — 219.
Трепов Д. Ф. — 348.
Труханов П. — 474.
Туманов В. — 201.
Туманян Л. Ф. — 290, 291.
Туманян Н. О. — 292.
Туманян Ов. — 262, 279, 282, 284, 289, 292, 306, 316, 321, 323, 363.
Тургенев И. С. — 150, 190, 219, 236, 276, 278, 307, 343, 372, 459, 460.
Тургенев Н. — 373, 422.
Тучкова-Огарева Н. А. — 219.
Тхоржевский С. — 219.
Тэриан В. — 283, 284, 337—340, 342, 359, 363, 366.
Тюсаб С. — 190.
Тюсикян Л. — 205.
Тютчев Ф. И. — 124, 162.

Уваров С. С. — 18, 109, 134, 138, 388.
Ульман К.-Х. — 127.
Ульянов А. И. — 423.
Усмей Амир-Амза — 72.
Успенский Г. И. — 272.
Утин Б. И. — 207.
Утин Н. И. — 207, 209, 215.

Фальк И. Л. — 71.
Фавст Византийский — 460.
Федоров С. — 192.
Фейербах Л. — 217.
Фельман Ф. Р. — 126.
Фенелон Ф. — 23.
Феоктистов Е. М. — 233, 235, 236, 279, 311, 317, 412, 413, 417.
Фет А. А. — 163, 167.
Филипп — 82.
Филиппов П. — 408.
Фирдоуси — 136, 137.
Фихте — 132.
Фишлер — 73.
Фома — 391.
Фрейганг А. И. — 102.
Френ Х. Д. — 118, 134, 135.
Фридлендер Э.-Д. — 127, 132.
Фридрих-Вильгельм — 26.
Фруассар Ж. — 77.
Фукидид — 128—130.

Халатян Г. А. — 14, 237, 259, 273, 285, 322, 323, 460, 461.
Халдарян Г. Х. — 15, 17, 18, 37.
Халдарян Х. З. — 17.
Халеян Е. — 345.
Халибов А. — 45—53, 176, 220, 222, 465.
Ханзадян Ц. — 339, 340.
Ханоян С. — 357.
Хафафов Л. И. — 211—213, 216.
Хаханов А. С. — 285.
Хачатурова С. — 228, 500.
Хачатуров — 228.
Хачиков — 228.
Хвольсон Д. А. — 266.
Ходасевич В. — 337.
Хоренский М. — 76, 404, 460.
Хоросанджианц Г. — 250, 274, 278.
Хочени М. З. — 22—24, 384, 387.
Хримян М. — 405, 408, 409, 454.
Христофоров Б. — 13.
Худобашян А. — 14, 108, 109, 161, 389, 400, 401.
Худоян В. Е. — 482.
Хумарян А. — 294, 295.
Хунунц — 314.

Цагарели А. — 266.
Цатурян А. — 262, 284, 289, 308, 309, 314, 316, 318, 320, 321, 323, 324, 329, 332, 340, 341, 364, 412, 414.
Церунян С. К. — 285.
Цицерон — 128.
Цулукидзе А. Г. — 349, 357.
Цхакая М. Г. — 349, 357.

Чайковский А. П. — 474, 477.
Чайковский Н. В. — 372, 374, 422.
Чамчян М. — 91.
Чарыхов Г. — 250, 274, 292, 293, 369—371.
Черкизянц О. — 194, 224, 441—443.
Чернышев А. И. — 117, 118.
Чернышевская О. С. — 228, 500, 501.
Чернышевский Н. Г. — 48, 146, 150, 160, 163, 165, 166, 171, 183, 188, 190, 192, 196, 199, 209, 214—216, 218, 223, 227—232, 250, 253, 312, 366, 368, 370, 372, 374, 380, 422, 500, 501.
Черняев — 231.
Черняк Я. З. — 214, 215.
Чехов А. П. — 276, 289, 290, 363.
Чубинов Д. И. — 480.
Чубинский П. П. — 207.

Шавердов А. — 203, 204, 209, 210, 216, 474—476.
Шавердов В. М. — 204, 205, 480, 481.
Шагин-Гирей-хан — 35.
Шагинян М. С. — 337, 339.
Шапошников И. — 464, 467—469.
Шароян Н. — 126.
Шарти — 327.
Шаумян С. Г. — 249, 283, 291, 295, 297—299, 341, 342, 345, 346, 349, 251, 354—362.
Шахазиз Е. — 42, 247.
Шахазиз С. — 14, 126, 147, 191, 205, 251—253, 316, 318, 320—323, 375, 402, 411.
Шаховской Н. П. — 331.
Шебуев — 317, 418.
Шевченко Т. Г. — 311, 366, 368.
Шевырев С. П. — 157.
Шекспир В. — 459.
Шелгунов Н. В. — 201.
Шеллинг Ф. — 132.
Шервашидзе — 241.
Шервинский С. — 337, 339.
Шершеневич В. Г. — 337.
Шидловский Ю. Е. — 121.
Шиллер Ф. — 132, 324.
Шильдер Н. К. — 380.
Шимширян М. — 125.
Ширванзаде А. — 282, 289, 302, 303, 316, 321, 324, 325, 363.
Ширванов Л. — 15, 31.
Шишков А. С. — 19, 20, 104, 105.
Шмидт К. Ф. — 125.
Шмидт Ф. — 202—204, 472, 474—479.
Шнорали Н. — 16.
Шопен И. И. — 98—102.
Шпикулов — 146.
Штейнман В. В. — 474, 477.
Штеллер — 73.
Шхиев — 492.

Щепкин М. С. — 321.
Щербатов Г. А. — 173.
Щербинин М. — 449—451.

Эбергард Д. — 132.
Эджубов В. — 206, 489, 491, 493.
Эдильханов Н. — 126.
Эдильханян К. — 126.
Эзов Г. А. — 64, 189, 210, 213, 252, 470, 471.
Эйсмонт Н. — 474.
Эйхенбаум Б. М. — 89.
Эмин Н. — 14, 56, 144, 147, 161, 253, 402, 449—451.
Энгельс Ф. — 5, 112, 345, 346.
Эпфиаджианц А. — 176, 444, 445.

Юзбашев С. — 34.

Якимов — 242.
Якимов В. — 474.
Якоби Б. С. — 126.
Якубович П. Ф. — 323.
Якушкин В. — 104, 110.
Якшич Д. — 309.
Ямпольский И. — 165.
Янов — 464, 465, 469.
Ясинский В. — 474.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Стр

Титульный лист книги К. Сарафовой: „Ключь познания...“ . . 18—19
Один из первых переводов армянского текста на русский язык (1742). РОПБЛ . . . . . 68—69
Дарственная надпись Араратского на последней странице „Шаракана“ РОПБЛ . . . . . 82—83
Пушкин в армянской семье. С картины художника П. Малаяна 88—89
Дом, в котором помещалась редакция „Юсисанайла“ в Москве 174—175
Дом Меняева, в котором проживал Налбандян в Петербурге . 212—213
Список арестантов Алексеевского равелина, вызванных на допрос в 1863 г. РОПБЛ . . . . . 222—223
Стихотворение Налбандяна „Жизнь“, зачеркнутое цензором К. Патканoвым. Музей литературы и искусства АН Арм. ССР. Архив М. Налбандяна . . . . . 226—227
Страница из рукописи „Верк Айастани“ („Раны Армении“), перечеркнутая цензором Кайтмазовым. Музей литературы и искусства АН АрмССР. Архив Х. Абовяна . . . . . 248—249
Титульный лист II тома сборника „Армянские беллетристы“ . 316—317
Революционные листовки на армянском языке . . . . . 354—355

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора. 5
Глава I. Армянские колонии в России, начало книгопечатания и установление цензуры 9
Глава II. Русская печать об Армении и некоторые вопросы цензуры 56
Глава III. Журналистика шестидесятых годов, издатели и цензура 112
Глава IV. Журнал „Юсисанайл“ и традиции русской революционной печати. 181
Глава V. В дружбе и сотрудничестве с русскими революционерами 198
Глава VI. Армянская печать и цензура накануне XX века . . . 234
Глава VII. Переводы художественной литературы и цензура . . 275
Глава VIII. Царская цензура и армянская печать в годы первой русской революции и столыпинской реакции. 344
Документы 377
Указатель имен 503
Перечень иллюстраций. 514

САЛОМЭЯ ГРИГОРЬЕВНА АРЕШЯН

АРМЯНСКАЯ ПЕЧАТЬ И ЦАРСКАЯ ЦЕНЗУРА

Ответ. редактор Г. Н. ОВНАН
Редактор А. А. ТАДЕОСЯН
Худ. оформление Г. К. МНАЦАКАНЯНА
Технический редактор Л. А. АЗИЗБЕКЯН
Корректор В. Б. АНДРЕАСЯН

ВФ 00936. Заказ 333. Изд. 1467. РИСО 448. Тираж 2000
Сдано в набор 19/VIII 1957 г. Подписано к печати 2/I 1958 г. Печ. 32¼ л.+11 вкл. Уч.-изд. 26½ л. Бумага 60×92/16. Цена 13 р. 15 к.

Типография Издательства АН Армянской ССР,
Ереван, ул. Абовяна, 124.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора 5
Глава I. Армянские колонии в России, начало книгопечатания и установление цензуры 9
Глава II. Русская печать об Армении и некоторые вопросы цензуры 56
Глава III. Журналистика шестидесятых годов, издатели и цензура 112
Глава IV. Журнал „Юсисапайл" и традиции русской революционной печати 181
Глава V. В дружбе и сотрудничестве с русскими революционерами 198
Глава VI. Армянская печать и цензура накануне XX века . . . 234
Глава VII. Переводы художественной литературы и цензура . . 275
Глава VIII. Царская цензура и армянская печать в годы первой русской революции и столыпинской реакции 344
Документы 377
Указатель имен 503
Перечень иллюстраций 514

САЛОМЭЯ ГРИГОРЬЕВНА АРЕЩЯН

АРМЯНСКАЯ ПЕЧАТЬ И ЦАРСКАЯ ЦЕНЗУРА

Ответ. редактор Г. Н. ОВНАН
Редактор А. А. ТАДЕОСЯН
Худ. оформление Г. К. МНАЦАКАНЯНА
Технический редактор Л. А. АЗИЗБЕКЯН
Корректор В. Б. АНДРЕАСЯН

ВФ 00936. Заказ 333. Изд. 1467. РИСО 448. Тираж 2000
Сдано в набор 19/VIII 1957 г. Подписано к печати 2/I 1958 г. Печ. $32^{1}/_{4}$ л.+11 вкл. Уч.-изд. $26^{1}/_{2}$ л. Бумага $60\times 92^{1}/_{16}$. Цена 13 р. 15 к.

Типография Издательства АН Армянской ССР,
Ереван, ул. Абовяна, 124.